

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣотъ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 35.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года сентября 2-го дня.

Содержаніе: I. Бѣгло по страницамъ Русской исторіи.—II. О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кеннара (продолженіе).—III. Дополнительныя космогоническія украинскія легендарныя сказанія и преданія о чловѣкѣ (окончаніе).—IV. Замѣтки. а) Посланіе пражскаго архіепископа. б) О чемъ особенно необходимо позаботиться въ настоящее время духовенству. с) Пастырская сердечность и искренность.

Бѣгло по страницамъ Русской исторіи.

Участвуя мыслию, чувствомъ и дѣлами въ современномъ круговоротѣ жизни, русскіе люди, гдѣ бы они въ настоящую минуту ни были, съ особенными чувствами вспоминаютъ и должны вспоминать былыя времена родного народа. Предъ ними проносятся картины страданій и радостей, несчастій и славы всего русскаго народа. Устраивая на границѣ той широкой стеной дороги, по которой, на зарѣ государственной жизни русскаго народа, тянулись на протяженіи многихъ вѣковъ дикія орды различныхъ хищниковъ-кочевниковъ, русскій народъ въ теченіе своего историческаго бытія пережилъ все, что было ему суждено Провидѣніемъ для его испытанія, укрѣпленія и развитія духовныхъ силъ. Въ теченіе вѣковъ обры, печенѣги, половцы, татары жгли, грабили только

что зачинавшуюся и въ болѣе опредѣленный укладъ жизни вступающую Русь. Силою своего высокаго духа направляемая, Русь стремилась изначала къ мирному, земледѣльческому образу жизни, къ мирному развитію своихъ духовныхъ силъ, къ такому же преуспѣянію въ области гражданскаго и государственнаго благоустройства. Созидательныя способности на первыхъ порахъ проявлены Русью чрезвычайныя, и среди бурь постоянныхъ нашествій, разореній со стороны дикарей она настойчиво дѣлала свое русское дѣло, отстаивала свою самобытность, крѣпко-на-крѣпко держалась своей земли и вела на жизнь и смерть борьбу съ сильными яростію, дикостію, ненавистію и многочисленностію врагами.

Вспоминаются обры, издѣвавшіеся надъ плѣнными русскими и погибшіе быстро и безслѣдно; печенѣги, разоравшіе всю Украину, доходившіе до стольнаго Кіева, грабившіе все, съ великимъ трудомъ нажитое Русью, хищнически истреблявшіе поля, селенія и города, убившіе великаго князя Святослава Игоревича, но уже во времена Владиміра Святого обезсилившіе, ибо онъ *перялъ* славу печенѣжской силы. Вспоминаются половцы, въ теченіе многихъ десятилѣтій опустошавшіе Русскую землю, разорившіе многіе старинные города Руси, тысячами уводившіе въ плѣнъ сыновъ молодого народа, съ радостію и свирѣпостію дикарей вмѣшивавшіеся въ распри русскихъ удѣльныхъ князей и неразъ полонившіе этихъ послѣднихъ; плачь не одной Ярославны, а великаго множества русскихъ женщинъ шелъ отъ края тогдашней Русской земли до Путивля и далѣе; зарево пожаровъ освѣщало чуть не ежедневно плодоносныя поля Переяславля, Чернигова, Кіева; слезами, потомъ, кровію русскихъ плѣнниковъ орошена широкая безпредѣльная степь отъ сѣдого Днѣпра до тихаго Дона, отъ Кіева до темныхъ водъ бурнаго Чернаго моря. Но Русь съ честію и славой пережила лихолѣтье половцевъ. Она обладала силою ума, глубиною чувства, а особенно способностію мирно объединять въ себѣ не только еди-

нокровныхъ, а и пришельцевъ и даже враговъ своихъ. Кому не извѣстно имя великаго князя Владиміра Мономаха, этого всерусскаго радѣтеля о мирѣ, о единеніи русскихъ князей противъ враговъ и установленія прочнаго порядка на святой Руси? Помнить весь русскій народъ имя этого славнаго князя, слившій въ своихъ былинахъ и сказаніяхъ имя его съ именемъ Владиміра—Краснаго Солнышка и его богатырскіе подвиги на благо Руси съ подвигами свято-русскихъ богатырей, стоявшихъ на стражѣ Руси противъ поганныхъ. Съ этой способностью объединенія Русь постепенно пріучила было и дикихъ половцевъ къ укладу своей жизни, внося въ семью половецкую русскую кровь, русскую душу.

Не успѣло, однако, кончиться лихолѣтье половецкое, какъ настали худшія еще времена.—времена татарскаго разгрома и ига. Страшно, страшно становится и теперь, хотя ужасы былого ушли въ невозвратную даль прошедшаго, когда встаютъ предъ умственными очами современника русскаго картины разрушенія, позора, страданій, гибели сотенъ тысячъ русскаго народа отъ меча и огня татарскаго, отъ холода и голода, отъ ужаснаго плѣна крымскаго! Казалось тогда, что все погибло; кажется и теперь, что должно было все погибнуть! Отъ Чернигова, Переяславля и славнаго стольнаго Кіева остались тогда однѣ только развалины; сотни тысячъ русскихъ плѣнниковъ, скованныхъ, связанныхъ, цѣлыми вереницами тянулись, какъ стада безсловесныхъ животныхъ, на базары Крыма и здѣсь продавались христіанамъ западно-европейцамъ—Генуэзцамъ, Венеціанамъ, и скорбная русская рѣчь, прерываемая заунывною русскою пѣснію подъ удары плетей купцовъ-продавцевъ, слышалась на Средиземномъ морѣ и другихъ мѣстахъ западно-европейскаго просвѣщеннаго міра. Все пріобрѣтенное въ области науки, знанія, гражданской, общественно-семейной жизни—все, казалось, погибло навѣки. Но велика сила русскаго духа, неисчерпаемы созидательныя способности молодого народа! Переяславль, Черниговъ, Кіевъ и другіе города постепенно

возстали изъ пепла и развалинь, поля опять зазеленѣли, ободрилась душа русская, и постепенно стала вставать на твердыя свои ноги несокрушимый русскій народъ. Лихолѣтъ татарское въ однихъ мѣстахъ Руси стало ослабѣвать, въ другихъ, особенно на югѣ, и совсѣмъ исчезать. Думалось людямъ того времени, что наконецъ-то время тяжкихъ испытаній миновало, и наступаютъ времена мирной и плодотворной работы на ряду съ народами Запада, успѣвшими во время лихолѣтій Руси и за ся плечами многое приобрѣсть и встать впереди Руси.

Но испытанія не миновали. На Южную Русь надвинулось новое горе, горшее всѣхъ предыдущихъ. Литва, завоевавшая Южную Русь отъ татаръ, но сама подчинившаяся, какъ болѣе слабая, мощному русскому влiянiю, продала за сомнительную корону Польскую всю Русь и самое себя Польшѣ. Съ этого времени начались для Южной Руси времена лихолѣтья польско-еврейскаго, болѣе опаснаго, чѣмъ всѣ предыдущія, потому что новые враги—поляки и евреи, соединившись на дружную притѣснительную работу, мучили русскихъ не одними поборами; они стремились заполонить душу народную, превратить русскаго православнаго въ поляка-католика, въ быдло, въ раба еврея! Какія тягости пережиты въ это время Южною Русью, всѣмъ русскимъ людямъ извѣстно! Къ какимъ тяжкимъ послѣдствiямъ могло привести русскій народъ двойное польско-еврейское иго, можно видѣть на судьбѣ одной части русскаго народа, называемой бѣлорусами, оказавшейся въ особенно тяжеломъ положенiи. Сколько времени прошло послѣ освобожденiя Бѣлой Руси отъ государственнаго, церковнаго и еврейскаго гнета, а бѣлоруссы и до сего времени носятъ печать пережитыхъ страданiй!

Медленно, но настойчиво, искусно скрывалось, а для чинныхъ даже заманчиво надвигалось иго польско-еврейское; многiе изъ русскихъ, не замѣчая, шли на приманки панства; по разгораясь все болѣе и болѣе, оно, это иго, становилось все тяжелѣе и тяжелѣе и всѣмъ понятнѣе по своей гибель-

пости; а когда поляки, католики и евреи святоотчественно и открыто коснулись самого дорогого для русскаго—вѣры православной и имени русскаго,—вскипѣла вся Южная Русь гнѣвомъ народнымъ. Выдѣливши изъ своихъ рядовъ казачество, образовавши многіе полки этого казачества, весь южно-русскій народъ возсталъ на борьбу съ угнетателями. И полилась широкою рѣкою кровь русская, смѣшиваясь съ кровью вражескою. И лилась она долго и въ изобиліи, пока не наступилъ всѣмъ извѣстный кровавый потопъ времени Богдана Хмельницкаго. Врагамъ казалось, что связанный по рукамъ и ногамъ, преданный измѣнниками русскими—панами, русскій народъ уже не въ силахъ быть русскимъ и православнымъ, и они готовились торжествовать полную побѣду надъ окровавленнымъ „быдломъ“. Но ошиблись враги, рано стали справлять тризну по русскому витязю; не въ мѣру возгордились паны, отдавая православные храмы въ аренду жидамъ; не въ мѣру возгордилось еврейское племя, одѣвая евреекъ въ ризы и подризники поповскіе! Грянулъ громъ, возговорило сердце русское, и смяты были и эти притѣснители. На Переяславской радѣ въ 1654 году весь южно-русскій народъ, доселѣ бившійся только своими собственными силами,—во всеуслышаніе завилъ: „волимъ подъ Царя восточнаго Православнаго“!

Въ этомъ народномъ рѣшеніи сказалось все, чѣмъ жила и чѣмъ была сильна Русь въ былыя времена, что ее спасало отъ многихъ враговъ. Неудержимое, неискоренимое, властное надъ всѣми душевными движеніями стремленіе къ единству, такая же непоколебимая любовь къ вѣрѣ отцовъ и дѣдовъ—вотъ что спасало и спасло Русь и сохранило ей на пространствѣ десяти вѣковъ многочисленные города, стоявшіе на рубежѣ съ вражескими землями.

Русскіе люди! Польско-еврейское лихолѣтье миновало и миновало послѣ 1654 навсегда. Правда, слышны были еще довольно долгое время отголоски этого лихолѣтья; но на поляхъ Полтавы русскимъ богатыремъ-царемъ нанесенъ былъ окончательный ударъ всѣмъ стремленіямъ къ обособленію и всякому вмѣшательству чужихъ въ русскія дѣла. И стала

съ этого времени Русь-имперія быстро возрастать, а враги ея умаляться, пока, не умалившись до послѣдняго, добродушно были приняты подъ защиту благородного двухглаваго орла!

Русскій народъ! Вспоминай теперь свою стародавнюю старину и все чаще и чаще, усерднѣе и внимательнѣе умственнымъ взоромъ проходи по многовѣковому пути своей исторіи. Особенно это полезно теперь, въ наше лихолѣтье, когда знакомые уже намъ враги опять со злобою и проклятіями возстають на Русь, зовуть всѣхъ враговъ ея и съ сѣвера и юга, и съ запада и востока на разгромъ земли и царства Русскаго. Вспоминая бывшее, видимъ, чувствуемъ, что не осилить насъ наши враги, ибо не разъ и не одно лихолѣтье приходилось переживать Руси въ своемъ многовѣковомъ и многострадальномъ историческомъ бытіи. Съ любовію и сыновнею почитательностію останавливаясь предъ подвигами отцовъ и дѣдовъ, мы укрѣпляемся духомъ, узнаемъ, гдѣ истинные и животворные источники нашего спасенія отъ обступившихъ насъ нынѣ враговъ. Все пережитое Русью бывшее зоветъ насъ къ единству, зоветъ настойчиво, неудержимо къ укрѣпленію себя и другихъ на исконныхъ русскихъ началахъ духовной и государственной жизни. Выражаемое наглядно и понятно для всѣхъ въ лицѣ Государя-Самодержца—единство, вѣра православная, любовь къ родинѣ и преданность завѣтамъ славной, хотя и тяжелой родной исторіи—вотъ источники нашей жизни и нашего спасенія отъ лютаго современнаго лихолѣтья.

Читайте, читайте, русскіе люди, скрижали многовѣковой исторіи русской; тамъ, на нихъ золотыми буквами записаны страданія и слава русскаго народа, черными знаками изображена злоба и позоръ враговъ его. Читайте особенно вы, русскіе люди, растерявшіеся подъ напоромъ враговъ, ибо вы увидите, что все бывшее—за насъ. Читайте болѣе всего вы, забывшіе все родное и увлекшіеся чужимъ, ибо увидите, какъ много въ быломъ на Руси хорошаго, увлекательнаго,

насколько молодъ, силенъ духомъ и благороденъ весь русскій народъ, и какъ много въ будущемъ, даже ближайшемъ, онъ можетъ сдѣлать для себя и для другихъ, если только пойдетъ своимъ путемъ и на своемъ фундаментѣ будетъ строить зданіе жизни своей.

Лн.

О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кен- нара.

(Продолженіе ¹).

Безспорный фактъ, что составленіе проповѣди въ тиши кабинета, ея литературная обработка занимаетъ почти весь кругозоръ проповѣдника. Человѣкъ благочестивый присоединяетъ къ этому еще горячее обращеніе къ Св. Духу; но онъ всегда забываетъ, насколько полезно и необходимо, чтобы его душа и живое дѣйствіе объединяли тѣ мысли, которыя его перо выражало въ словахъ, побуждая двигаться, идти, нападать, сражаться одинъ на одинъ и, наконецъ, побѣждать. Въ широкомъ и особенно въ научномъ смыслѣ можно сказать, что для образованія психической силы входятъ въ соединеніе и воспріятіе, и воображеніе, и нравственное чувство, и воодушевленіе, и воля.

Даже для составленія и переработки плана слова мы признаемъ необходимой эту силу, констатируя, насколько видоизмѣняется способность выбрать текстъ и извлечь изъ него скрытое въ немъ сокровище, — способность совершенно погружаться въ работу. Часто біеніе жизни нисходитъ къ перу изъ мозга, и получается проповѣдь живая и священная; тогда какъ въ другихъ случаяхъ она бываетъ похожа только на хорошо сдѣланный и украшенный манекенъ съ глазами, которыя не видятъ, съ языкомъ, который не говоритъ, и съ руками, которыя не даютъ хлѣба жизни. Но особенно на

²) См. № 34-й за 1907 г.

каедрѣ, предъ лицомъ слушателей, въ самый критическій часъ недѣли, когда сотни внимательныхъ глазъ прямо смотрятъ на проповѣдника, въ присутствіи множества существъ, готовыхъ восхищаться и подчиняться руководительству его благовѣствованія, для него самого и его вѣрныхъ наиболее настойчиво проявляется необходимость психической энергіи, необходимость той личной силы, которая оживляетъ вниманіе, воспламеняетъ воображеніе, возбуждаетъ чувствованія, воодушевляетъ волю и ведетъ все это въ предположенномъ нами направленіи.

Проповѣдь не есть цѣль сама въ себѣ; она даже можетъ не быть сама по себѣ силой. Строго говоря, она есть средство силы, орудіе, посредствомъ котораго психическая сила можетъ производить извѣстныя умственные и нравственные преобразованія. Кромѣ того, психическая энергія проповѣдника есть орудіе, посредствомъ котораго Духъ Божій производитъ вышесестественные и непреходящіе результаты. Истину, въ самомъ высокомъ смыслѣ, сказалъ Лейбницъ о Божественномъ Духѣ: „одинъ только Духъ, всемірный и одушевляющій всю вселенную, подобно дуновенью вѣтра, заставляетъ различно звучать трубы органа“. Точно такъ же Божественное дыханье, оживляющее души, извлечетъ изъ несовершенныхъ и засоренныхъ трубокъ органа звуки отличные отъ тѣхъ, которые получились бы изъ чистаго человѣческаго механизма, однороднаго, гармоническаго и совершеннаго. Звукъ трубы не можетъ быть произведенъ флейтою, и оркестровая мощь органа еще менѣе можетъ получиться отъ пастушеской свирѣли. Отсюда выходитъ, что психофизическое развитіе составляетъ одну изъ важнѣйшихъ частей проповѣдническаго воспитанія. Какъ мечъ, наилучшимъ образомъ закаленный и отточенный, будетъ совершенно бесполезенъ, если онъ будетъ взятъ слабой рукой, такъ и проповѣдь встрѣтитъ только поверхностное одобреніе или угрюмое равнодушіе, если не будетъ проникнута энергіей отъ психической силы произносящаго ее человѣка. Стрѣла истины

можетъ быть очень отшлифована, блестяща и пряма, какъ лучъ свѣта; лукъ можетъ имѣть желательную силу и упругость; но мѣткость и сила удара зависятъ отъ нервной силы стрѣлка, которая (сила) должна быть тщательно воспитана и, дѣйствуя посредствомъ тысячи тонкихъ развѣтвленій, придастъ глазу его точность, пальцамъ—способность крѣпко схватывать и каждому мускулу—силу сокращаться въ нужныхъ случаяхъ. Въ душѣ человѣческой, когда она пребываетъ въ согласіи съ волей Божіей и является орудіемъ ея жизненнаго намѣренія,—необычайная электрическая сила. Такая душа, будучи руководима ясными и истинными интеллектуальными понятіями и двигаема сильнымъ чувствомъ, создаетъ психическую силу, которой не можетъ произвести простая логика или ораторское искусство. Это—жизнь, воспламенившаяся частица, τὸ δεινόν. Количество и качество ея значительно будутъ измѣняться, сообразно съ организаціей и темпераментомъ каждаго индивидуума. Нервный и сангвиническій темпераментъ, избилующій электрической силой, будетъ обладать ею въ большей мѣрѣ, чѣмъ флегматикъ. Есть люди весьма воспріимчивые, но почти лишенные дара сообщенія силы другимъ. Вообще можно сказать, что сильный духъ въ крѣпкомъ тѣлѣ является источникомъ психической силы. Мозгъ долженъ быть здоровъ, нервы и сердце должны быть крѣпки. Изъ этого основнаго строенія должны возникать пламя энтузіазма, обильная симпатія, рѣшительность убѣжденія и жаланіе побѣдить. Какъ элементы электрической батареи, изъ которыхъ каждый содержитъ различную соль и посылаетъ посредствомъ проволоки часть электрической силы, такъ въ насъ каждое изъ хранилищъ силы играетъ свою роль въ произведеніи психической силы.

Оливеръ Вендель Холмсъ сказалъ: „ораторъ—я не хочу сказать жалкій рабъ рукописи, извлекающій свою мысль изъ неуклюжей и холодной формы,—но ораторъ пламенный, мысль котораго выходитъ вполне горячей изъ печи,—этотъ ораторъ становится нашимъ владыкой только въ тотъ моментъ, когда

онъ самъ направляется и увлекается теченіемъ новаго вдохновенія. Какъ намъ знакомы этотъ блескъ взора, это дрожаніе голоса, служащія какъ бы знакомъ и символомъ рождающейся мысли, которой остается только вылиться въ форму! Токово состояніе, въ которомъ она владѣетъ силою дѣйствія, абсолютно недостающею ей въ другіе моменты!“

Это впечатлѣніе слушателя, увлеченнаго потокомъ ораторскаго рвенія, всеобщее; но я думаю, что д-ръ Холмсъ заблуждается, полагая, что это—единственное и высшее подчиненіе слушателя оратору. Такъ же вѣрно и болѣе продолжительно по своимъ результатамъ намѣренное дѣйствіе чловѣка, предпринимающаго эту борьбу съ своей аудиторіей, оказывая на нее тихое и непрерывное давленіе сердца и воли, чтобы привести умы и чувства къ подчиненію себѣ и отвѣту.

Знаменитый скрипачъ Оле Буль говорилъ однажды своему другу: „знаете ли, что не однимъ звукомъ своего инструмента я произвожу это впечатлѣніе? Я достигаю этого прямымъ воздѣйствіемъ моего духа на аудиторію. Я пользуюсь звуками инструмента просто для того, чтобы открыть каналы, чрезъ которые я самъ дѣйствую на ихъ сердца“. Вотъ это не порывъ мимолетнаго вдохновенія, уносящаго все предъ собою, но обдуманное и непрерывное дѣйствіе, направленное къ достиженію цѣли. Тальма часто говорилъ, что мыслить и чувствовать составляло самую главную часть его искусства. Для того, чтобы трогать, нужно не только то, что Цицеронъ называетъ „краснорѣчіемъ тѣла“, но также краснорѣчіе чувствъ. Внутренняя связь между мыслью и языкомъ, между чувствованіемъ и его истинными, хотя и разнообразными формами выраженія, удивительный символизмъ сердца, горячаго желаніемъ отдаться,—все это показываетъ, насколько глубоки и субъективны источники силы проповѣди. Мы не можемъ не оцѣнить слишкомъ высоко значеніе этого произвольнаго импульса или этой крѣпкой рѣшимости захватить своимъ сердцемъ и своею мыслью сердце и мысль слушателя, перевести свою мысль, чувство и волю въ ихъ.

Въ сколькихъ случаяхъ, когда и аргументація совершенна и стиль идеальный, проповѣдь бываетъ безсильна, потому что въ ней совершенно нѣтъ невидимой, скрытой и неопределимой силы горячаго сердца, всеобщаго сочувствія и твердой воли!

Слѣдующія слова Корменена къ собранію французскихъ проповѣдниковъ будутъ естественнымъ заключеніемъ этой главы; они полны ободряющихъ совѣтовъ и согласуются съ нашими. „Выбирайте, руководясь однимъ быстрымъ и вѣрнымъ инстинктомъ, изъ представляющихся вамъ методовъ такой, который можетъ и не быть весьма солиденъ, но который, принимая во вниманіе настроеніе умовъ и природу предмета, подлежащаго обсужденію, можетъ быть самымъ подходящимъ для произведенія впечатлѣнія на вашихъ слушателей. Крѣпко овладѣвайте ихъ вниманіемъ. Возбуждайте ихъ сожалѣніе или негодованіе, ихъ сочувствіе или гнѣвъ. Кажитесь оживленными ихъ дыханіемъ въ то время, какъ вы сообщаете имъ свое. Когда вы нѣсколько отрѣшили ихъ души отъ ихъ тѣль, и когда они толпятся у подножія вашей каедры по своему собственному желанію, находясь подъ вліяніемъ вашего взгляда, тогда вы не играете ими, ибо они ваши, имѣя вашу душу, какъ бы перешедшую въ нихъ. Видите теперь, какъ они слѣдуютъ за ея приливомъ и отливомъ! Они хотятъ того, чего и вы желаете; они поступаютъ по вашимъ дѣйствіямъ. Но настаивайте, не давайте имъ отдыха; вы скоро увидите, что всѣ груди трепещутъ, потому что и ваша трепещетъ; всѣ глаза зажигаются, потому что и ваши глаза бросаютъ пламя, или наполняются слезами, потому что и вы растроганы. Вы увидите всѣхъ своихъ слушателей какъ бы привлеченными къ вашимъ устамъ притяженіемъ убѣжденія, или скорѣе—вы ничего не увидите, ибо вы сами будете находиться подъ очарованіемъ своего собственного чувства; вы подчинитесь и покоритесь своему собственному генію и будете настолько краснорѣчивѣе, насколько менѣе будете усиливаться казаться такими“.

В. П.

Дополнительныя космогоническія украинскія легендарныя сказанія и преданія о челѣвѣкѣ.

(Продолженіе 1).

Невысокій, пренебрежительный и даже презрительный взглядъ народа на женъ объясняется главнымъ образомъ библейскимъ сказаніемъ о томъ, что *первая же* жена была соблазнительницею своего мужа, какъ бы его врагомъ, виновницею грѣхопаденія и всѣхъ неисчислимыхъ тяжкихъ его послѣдствій. Съ другой стороны, оказала въ данномъ случаѣ не малую долю вліянія и древняя письменность, представлявшая женщину гнѣздилищемъ всякихъ пороковъ, всякихъ золь. Сослужили, разумѣется, здѣсь свою службу и разныя дѣйствительныя „женскія слабости“, вслѣдствіе которыхъ на Украинѣ сложился такой взглядъ на женъ, что имъ никогда не должно говорить правды, и что жена—не другъ мужу, а вѣрнымъ другомъ его является собака, которая, какъ мы видѣли, представлена была *сторожемъ* къ Адаму Самимъ Господомъ, когда Господь слѣпилъ его изъ глины и поставилъ для просушки. Изъ безчисленнаго множества народныхъ украинскихъ разсказовъ на эту тему приведемъ пока, для иллюстраціи, слѣдующіе два, имѣющіе, впрочемъ, какъ и всѣ подобныя разсказы о женскомъ вѣроломствѣ, основу свою въ восточныхъ сказаніяхъ и вообще въ „странствующихъ“ повѣстьяхъ 1).

Одинъ отецъ, умирая, завѣщаль сыну: „Если хочешь жить въ счастіѣ и въ покоѣ, такъ съ полицейскимъ не води дружбы, женѣ правды не говори, у „скоробогатка“ денегъ не одоужай. Призадумался сынъ надъ такимъ страннымъ завѣщаніемъ отца.—Вскорѣ ему понадобились деньги, и онъ

1) См. № 34-й за 1907 г.

2) См. объ этомъ „Труды Кіевской Дух. Академіи“ 1877 г., т. I, стр. 590—593; см. А. Веселовскій, „Изъ исторіи литературнаго общенія Востока и Запада“, стр. 86—90 и др.

одожили ихъ у „скоробогатька“. И вотъ, „скоробогатько“— что ни день Божій, все пристаётъ къ нему: давай деньги да и давай, хоть душу вынь; или же идетъ къ сосѣдямъ и спрашиваетъ, не банкротится ли должникъ. И такъ надоѣлъ тому бѣдному человѣку, что онъ, наконецъ, одинъ разъ сказалъ: „На тебѣ, *братіку*, и деньги твои и процентики, да только развяжи мнѣ голову, разъ ты такъ дрожишь надъ ними.“ И при этомъ подумалъ: „Правду говорилъ отецъ“... Все больше и больше разбираетъ теперь его любопытство, почему это отецъ, умирая, говорилъ еще: „съ полицейскими не води дружбы, женѣ правды не говори?“ А онъ и съ полицейскими былъ въ дружбѣ, и женѣ довѣрялъ во всемъ. Вотъ и думаетъ себѣ: „Дай же, я ихъ испытаю“. Заколотъ поросенка, жарилъ его, втиснулъ ему въ зубы хрѣнь, уложилъ въ маленькій гробикъ, поставилъ также туда водки и закуски и закопалъ въ погребѣ, а вечеромъ и говорить женѣ: „*Жинко-голубонько!* не скажешь никому, если я тебѣ признаюсь?“—Пѣтъ!—сказала жена:—пусть меня Богъ побьетъ, пусть мнѣ сѣ и то,—никому съ роду—вѣку не скажу!“—„Ну, хорошо, говоритъ мужъ:—такъ и такъ,—говорить,—у меня грѣхъ большой на душѣ—я загубилъ человѣка“.—Гдѣ-жь ты его дѣлъ?“—спросила жена.—„Вонъ тамъ, въ погребѣ закопалъ“, отвѣчалъ онъ съ тяжкимъ вздохомъ. Не прошло послѣ того и недѣли, какъ мужъ за что-то повздорилъ съ женой. Последняя и говоритъ ему: „А, ты такъ, *сякій-такій сину!* Такъ ты съ жены *зпущіаеся!* Постой же, я тебѣ отблагодарю!“ Выбѣжала на улицу и давай голосить: „*Охъ, моѣ горенько!* спасите, защитите меня! Охъ, пропала моя головушка! зарѣжетъ онъ меня, какъ того бѣднаго человѣка!“ Тутъ случился полицейскій и сейчасъ-же: что? да какъ? А жена и рассказала все, что подъ строжайшимъ секретомъ недѣлю тому назадъ открылъ ей мужъ. Началось слѣдствіе, допросъ. Сыгъ давай проситься. Куда тебѣ!—и слушать не хотятъ! Взяли его подъ арестъ, ведутъ въ погребъ. Тутъ понятіе, протоколъ... Жена показала мѣсто, гдѣ былъ, будто-бы зарытъ убитый. Откопали,

вскрыли гробикъ и... увидѣли зажареннаго поросенка:— „Ну,—говорить тогда сынъ,—вотъ вашъ и мертвецъ, только *печѣний*—*не холодѣць*. Пожалуйте,—говорить,—выпить, закусить, да прошу—больше ко мнѣ въ домъ не ходить“. Тѣ сюда-туда; мы, говорятъ, и то и сѣ для васъ. А жена: „Прости меня, голубчикъ милый!“... Тутъ-то и понялъ сынъ, что недаромъ отецъ завѣщалъ ему предъ смертью: „съ полицейскимъ не води дружбы, женѣ правды не говори ¹⁾“.

Сидитъ себѣ разъ чортъ падъ берегомъ около рѣчки, призадумался „неборакъ“ о чемъ-то и не слышитъ, какъ сзади крадется къ нему волкъ (черти—стало быть—волка да собаки-яръчука ²⁾) только и боятся, и волкъ можегъ подкрасться къ чорту такъ, что онъ и не замѣтитъ). Какъ на то, проходилъ мимо по дорогѣ *рашавецъ* ³⁾. Жаль ему стало чорта: дай—думасть—спасу его отъ смерти. Взялъ и крикнулъ ему: „Эй, землякъ, берегись!“ Чортъ обернулся; глядь—не-вдалекѣ волкъ. Онъ тогда „шубовствъ“ въ воду!—только и видѣли его. Волкъ „потюнавъ“ въ лѣсъ. Когда волкъ скрылся уже изъ виду, чортъ вылѣзъ изъ воды и говоритъ *рашавцю*: „Ну спасъ ты мени отъ смерти; приходи же завтра ко мнѣ и приведи съ собою того, кто у тебя самый вѣрный: я тебя отблагодарю“ Вотъ вернулся *рашавецъ* домой и впаль въ раздумье: „Кого бы завтра взять съ собою?—Возьму собаку: она—самая вѣрная“. Такъ онъ порѣшилъ самъ съ собою, а потомъ и думаетъ: „,Сохвалюсь-ка я еще женѣ—что

¹⁾ „Кіевская Старина“ 1883 г., Декабрь, стр. 701—702; ср. рассказъ на сродную тему у М. Драгоманова, „Малорусскія народныя преданія и рассказы“, стр. 173—174. П. Чубинскій, „Труды этнограф.—статист. Экспедиціи въ зап.-русскій край“, т. II, стр. 530 и дал. и мн. др.

²⁾ Если *первый* щенокъ-сука приведетъ *перваго* же щенка-суку, а эта послѣдняя приведетъ *перваго* щенка-самца, то такая собака называется *яръчукомъ* (см. о ней ниже). Рассказъ записанъ въ г. Ромнахъ—

³⁾ Мѣстечко *Рашевка*, Гадячскаго уѣзда, Полт. губ., славилась своимн торговцами-ходебщиками, которые на Украйнѣ извѣстны были подъ именемъ „рашавцівъ“; они скупали по селамъ и обмѣнивали на различныя мелочныя товары щетину, воскъ и пр.

она мнѣ посовѣтуеть?“ Похвалился. Какъ набросится на него жена: „Такъ ты, сякой-такой, меня промѣнялъ на собаку! Развѣ я у тебя не вѣрная?“ Бѣда! Пришлось несчастному *рашавцю*—хоть изъ дому удирай. Печего дѣлать, на другой день отправились они вдвоемъ. Приходятъ—чорта нѣтъ. Ждать-пождать—пѣтъ! *Рашавецъ* и говоритъ женѣ: „Ну, жена, я, пока-что, вздремну, а ты мнѣ поищи въ головѣ““. Легъ это онъ себѣ и заснулъ. Когда ѣдетъ коляска: кони сѣрые, жирные, какъ печи, да красивые такіе; коляска новая, такъ и сіяетъ на солнцѣ, а въ коляскѣ—паничъ, красавецъ такой изъ себя, молоденькій; на немъ дорогое платье, цѣпочка и самъ—какъ картинка. Поровнявшись, онъ велѣлъ остановить лошадей.—„Здравствуй, красавица!“—„Здравствуйте!“—„Что ты тутъ дѣлаешь?“—„Да такъ, ничего““—„А это кто такой?“—„Это мой мужъ““.—„Такой *пои́нний*! ты—такая красавица, а онъ—такой противный! Брось его, садись лучше ко мнѣ: будешь моею женою!“ И началъ ее расхваливать, а самъ въ это время незамѣтно будить мужа. Жена сначала какъ будто не хотѣла, а потомъ согласилась таки уѣхать съ паничемъ. Идетъ она къ коляскѣ, а паничъ и говоритъ ей: „Какъ же ты будешь моею женою, когда у тебя мужъ живой? Ужъ коли на то пошло, такъ зарѣжь мужа““. И уговорилъ ее, чтобы зарѣзала. Она взяла ножъ, подошла къ мужу и только-только-что хотѣла было зарѣзать, а чортъ (то былъ чортъ въ образѣ панича) какъ крикнетъ: „Берегись!“—мужъ и проснулся. Жена такъ и окаменѣла съ перепугу.—„Ну, ты меня спасъ вчера,—сказалъ мужу чортъ,—а я тебя сегодня“—и исчезъ. Такъ *Рашавецъ* и остался ни съ чѣмъ, а если бы не былъ дуракомъ—взялъ съ собою собаку, то собаки бы чортъ не переманилъ: иная есть такая, что и хлѣба не возьметъ; а иная и хлѣбъ съѣстъ, когда ей бросить, да тотчасъ же опять и начнетъ лаять ¹⁾).

¹⁾ М. Драгомановъ, „Малороссійскія народныя преданія и рассказы“, стр. 59—60; ср. Б. Гринченко, „Этнографическіе матеріалы“, вып. II, стр. 62—63 и др.

По другому варианту этого рассказа, пропали у мужика волю, и мужикъ пошелъ разыскивать ихъ. Забѣгаетъ напередъ чортъ и говорить: „Знаешь что — приходи съ своимъ другомъ, такъ твои волю найдутся“. Вернулся онъ домой и думаетъ себѣ: „Кто же у меня самый лучший и вѣрный другъ?—Жена!“ Беретъ жену, и идутъ они. Пришли въ лѣсъ на то самое мѣсто, сѣли себѣ и сидятъ въ ожиданіи. Скоро мужъ заснулъ. Пришелъ чортъ, разряженный по-пански, и говорить женѣ: „На тебѣ денегъ, заруби за это своего мужа, и будешь жить со мною“. Затѣмъ далъ ей саблю и прибавилъ: „Заруби его!“. Жена хотѣла было уже зарубить мужа, да чортъ не далъ и сказалъ проснушемуся мужу: такъ вотъ какой твой вѣрный другъ,—что хотѣлъ тебя зарубить!... Иди же домой и приходи сюда снова съ своимъ настоящимъ другомъ, потому что жена—твой злѣйшій врагъ“. Мужикъ вернулся домой и говорить: „Пойду-ка я въ лѣсъ—не найду ли тамъ себѣ друга?“ Идетъ, а за нимъ бѣжитъ собака. Пришелъ опять на то же самое мѣсто, сѣлъ да и заснулъ снова. Идетъ чортъ, а собака къ нему,—и мужикъ проснулся.—„Вотъ твой вѣрный другъ—собака,—сказалъ тогда чортъ:—а вонъ твои волю стоятъ, привязанные въ лѣсу“. Такъ мужикъ нашелъ воловъ, и собака оказалась самымъ вѣрнымъ его другомъ ¹⁾.

Подобныхъ рассказовъ—повторяемъ—сохранилось и ходитъ на Украинѣ очень много (съ нѣкоторыми мы еще встретимся впереди), и они, къ сожалѣнію, дѣлаютъ свое дѣло. Жену на Украинѣ не считаютъ даже нужнымъ лѣчить, когда она заболѣетъ: „ще въ череді (стадѣ коровъ) дві“ (т. е. еще два раза жениться), равнодушно говорятъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ ²⁾. Художественная литература почему-то

¹⁾ Рассказъ записанъ въ Зѣньковскомъ уѣздѣ.—М. Драгомановъ, „Малороссійскія народныя преданія и рассказы“, стр. 60—61; ср. Рудченко, „Народныя южнорусскія сказки“, т. I, стр. 12: „Стрѣлецъ і чортъ“.

²⁾ В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк губ.“, т. I стр. 825.

мало обратила вниманія на эту мрачную сторону украинской народной жизни и занималась почти исключительно типомъ бой-бабы, разыгрывающей передъ своимъ простаковатымъ увальнемъ мужемъ роль скромной овечки, угнетенной невинности, на самомъ же дѣлѣ являющейся полнымъ „командиромъ“ въ семейной жизни. Нельзя, конечно, отрицать существованія этого типа, но онъ является лишь исключеніемъ, и имъ занялась художественная литература, очевидно, какъ болѣе благодарнымъ и посильнымъ даже для самаго посредственнаго дарованія, и совершенно почти упустила изъ виду слишкомъ рѣзко бьющую въ глаза обыденную дѣйствительность. Когда-не когда, впрочемъ,—хотя и *крайне рѣдко*,—можно услышать изъ устъ народа и такіе рассказы, которые служатъ какъ бы продолженіемъ мотивовъ пѣсеннаго творчества. Въ рассказахъ этого рода изображается обыкновенно *покорная*, меланхолическая любовь жены, пѣжная и ласкающая; но и тутъ самодуръ-мужъ является вѣрнымъ себѣ: для него оказывается даже непонятной любовь жены, какъ это можно видѣть, напр., изъ рассказа, записаннаго въ г. Ромнахъ.

Женился какой-то „пáрубокъ“ (парень) на очень пригожей дѣвушкѣ. Любилъ онъ ее крѣпко, но о любви съ нею никогда не говорилъ. Жили они себѣ, какъ Богъ повелѣлъ, уже не мало времени. Только разъ какъ-то нашла на мужа блажь, и онъ присталъ къ женѣ: „Скажи,—говорить,—мнѣ, какъ ты меня любишь?“ А жена и говорить ему: „Люблю тебя, *чоловіче*, какъ вѣтеръ въ полѣ“.—„Э, коли такъ,—отвѣчалъ онъ разсердившись,—то оставайся себѣ *здороба*... не хочу жить съ тобою, пойду свѣтъ-за-очи“. И пошелъ. Гдѣ-то далеко нанялся онъ въ работники къ какому-то хозяину и совсѣмъ забылъ про жену. Только разъ лѣтомъ возили снопы и докладывали, тамъ же въ полѣ, высокую-пре-высокую скирду. Стояла нестерпимая жара; даже въ полѣ жгло, какъ отъ печки на какомъ-нибудь завѣдѣннотѣ

человѣкъ и легъ тутъ же на возу, съ котораго подавалъ снопы. Лежить, а хозяинъ ничего уже не говоритъ ему, потому что работникъ онъ былъ не лукавый. Лежить; голова горить, во рту пересохло, руки повисли, самъ весь какъ разваренный. Вдругъ,—у Бога все готово,—подулъ свѣжій вѣтерокъ... Будто вновь на свѣтѣ народился работникъ, вздохнулъ, приподнялся да и съ воза!—„Куда ты?“—спрашиваетъ хозяинъ.—„Прощайте, *панъ-отче!*—отвѣчаетъ работникъ:—довольно уже служить,—вернусь домой. Спасибо вамъ за хлѣбъ, за соль!“—„Что? какъ? чего?“—„Да такъ и такъ“, говорить. И рассказалъ хозяину, что и какъ заставило его итти въ работники.—„Теперь же,—прибавилъ онъ въ заключеніе,—я вижу, что она (жена) меня, моя голубка, любить.—„Не могу тебя удерживать,—сказалъ хозяинъ,—потому что дѣло твое законное“. Когда вернулись съ поля, хозяинъ разсчиталъ его, какъ слѣдуетъ, наградилъ и отпустилъ съ Богомъ въ путь. И пошелъ тотъ человѣкъ къ своей женѣ, и стали они снова жить вмѣстѣ и любить другъ друга, какъ Богъ повелѣлъ. Больше уже тотъ человѣкъ не спрашивалъ свою жену „какъ она любить его, и не покидалъ ея до самой смерти ¹⁾).

Г. Булашевъ.

¹⁾ „Кіевская Старина“ 1883 г., декабрь, стр. 702—703.

ЗАМѢТКИ.

а) Посланіе пражскаго архієпископа.

Пастырское посланіе пражскаго архієпископа возстаєтъ противъ стремленія или совсѣмъ исключить, или, по крайней мѣрѣ, сильно стѣснить преподаваніе закона Божія въ народныхъ школахъ. Яснымъ доказательствомъ такого стремленія служить образовавшееся недавно общество, подъ названіемъ „Вольная школа“. Общество это ведетъ сильную агитацію, устраиваетъ публичныя лекціи, распространяетъ брошюры,

и цѣль его заключается въ томъ, чтобы сдѣлать школу свободною отъ всякаго посторонняго вліянія, лишить ее первѣйшаго ея назначенія—религіознаго воспитанія—и освободить дѣтей отъ исполненія религіозныхъ обрядовъ.

Поэтому архіепископъ, указывая въ своемъ посланіи на постепенное паденіе религіознаго чувства въ народной школѣ, убѣждаетъ вѣрующихъ всѣми средствами воспротивиться этому пагубному направленію.

„Не могу себѣ представить,—говоритъ онъ,—какъ можно разумнымъ людямъ стремиться къ тому, чтобы одно за другимъ выростали поколѣнія, которыя не научились бы вѣровать въ Бога, любить и бояться Его; не понимаю также, какъ можно стремиться къ тому, чтобы изъ школы выходили поколѣнія, которыя впослѣдствіи будутъ игрушкой своихъ прихотей, жертвой соблазнительей,—поколѣнія, служація позоромъ и гибелью не только для Церкви, но и для государства и для себя самихъ.

„Чего можно ожидать отъ дѣтей, выросшихъ безъ познанія Бога, безъ любви и страха Божія и безъ религіи? Дѣти, не научившіяся въ школѣ соблюдать первыя три заповѣди Божіи, не стануть соблюдать и четвертой, не стануть любить и уважать своихъ родителей и не побоятся даже возстать противъ нихъ. А то, чего можно ожидать отъ такихъ дѣтей, того же самаго можно ожидать и отъ гражданъ по отношенію къ государству.

„Страны, въ которыхъ Богъ и Его святые заповѣди исключены изъ школы, находятся въ самомъ плачевномъ положеніи. Въ нихъ исчезаетъ вѣрность и честность, безъ страха Божьяго исчезла и любовь къ отечеству, ослабли узы семейной жизни, клятва потеряла свое значеніе, добросовѣстное исполненіе принятыхъ на себя обязанностей становится рѣдкимъ, въ нихъ наполняются тюрьмы и другія подобнаго рода заведенія; соразмѣрно съ тѣмъ, какъ пустуютъ храмы Божіи, въ нихъ растеть огрубѣлость нравовъ, и развивается полная безнравственность. Причина этихъ грустныхъ явле-

ній—недостатокъ страха Божія чрезъ небреженіе религіей при воспитаніи дѣтей.

„Въ невгодахъ нашей жизни недостаточно для человѣка имѣть нѣкоторый запасъ поверхностныхъ познаній и общихъ фразъ о красотѣ добродѣтели, о правственности, о гуманности, которыми думаютъ замѣнить въ школѣ преподаваніе закона Божія. Лишь основательное религіозное воспитаніе, которое сумѣетъ вселить въ душу ребенка заповѣди Божіи и образовать его совѣсть на основаніи обязательной отвѣтственности передъ Богомъ за дѣянія наши,—лишь такое воспитаніе въ состояніи, въ невгодахъ и испытаніяхъ нашей жизни, дать человѣку твердыя силы и постоянство для перенесенія несчастій“.

Далѣе архіепископъ убѣждаетъ вѣрующихъ отказываться отъ общенія съ людьми „Вольной школы“, а скорѣе записываться въ общества религіозныя, гдѣ они могутъ найти нужныя имъ наставленія.

Пастырское посланіе произвело глубокое впечатлѣніе. Испорченность нравовъ, такъ глубоко пустившая корни среди современнаго общества, грубыя и непозволительныя выходки школьниковъ, внушаютъ многимъ разумнымъ людямъ убѣжденіе, что школа находится на ложномъ пути и не достигаетъ своего назначенія. Жалобы на невозможное, необузданное поведеніе современной молодежи всеобщи, и заботы о пріисканіи средствъ къ искорененію зла не малыя.

Современное состояніе общества въ Россіи, какъ послѣдствіе упадка школы, не служитъ ли яснымъ доказательствомъ правдивости посланія пражскаго архіепископа? (Совр. Лѣт. № 43.)

б) О чемъ особенно необходимо позаботиться въ настоящее время духовенству.

Въ тяжелую годину политической борьбы особенно цѣнны наблюденія тѣхъ, кто занимаетъ „сторожевой постъ“ и видитъ дальше, чѣмъ невооруженный взоръ обыкновенно зрителя. Такимъ людямъ виднѣе, что будетъ впереди и что слѣдуетъ предпринять, чтобы въ критическую минуту не оказаться въ положеніи „бунхъ дѣвъ“, не взявшихъ съ собою елѣя. Вотъ что пишетъ одинъ изъ такихъ, внимательно всматривающихся въ будущее, наблюдателей.

„Прежнему полусознательному послушанію народа насталь конецъ; есть еще время, возможность сохранить это послушаніе, освѣтивъ его разъясненіемъ народу заповѣди Божіей о почитаніи Его священнослужителей и о храненіи духа смиренномудрія и чувства долга. Но, конечно, подобное разъясненіе примется лишь тогда, если паства убѣдится въ любви пастырей къ ней и въ благоговѣніи ихъ предъ закономъ Божіимъ. „Господствовать надъ наслѣдіемъ Божіимъ“ всегда было предосудительно, а теперь стало и невозможно. Нужно или, „подавая примѣръ стаду“, обручить его единому мужу, чтобы представить Христу чистою дѣвой“ (2 Кор. 11, 2), или примириться съ тою печальною участью изгнанника, которой теперь подвергаются нѣкоторые и не совѣмъ плохіе пастыри при разбушевавшихся подъ вліяніемъ мятежниковъ и другихъ условій народныхъ страстяхъ.

Слава Богу, у насъ было еще не много въ этомъ печальномъ году случаевъ, чтобы возмутившіеся на священника крестьяне запирали церкви и оставались глухи къ увѣщаніямъ благочиннаго. Однако зловѣщее однообразіе четырехъ—пяти подобныхъ происшествій въ разныхъ селахъ заставляеть насъ всѣхъ надъ этимъ призадуматься.

Правда, и спасибо, что духовенство повело себя почти вездѣ очень благоразумно, т. е. скромно, сдержанно и безъ потери, однако, пастырскаго достоинства. Еще болѣе отрадно

то, что, поступаясь отчасти собственнымъ своимъ положеніемъ въ селѣ, обнаруживъ большую простоту и доступность, чѣмъ прежде, священники наши не поступились ни истинами Божественной выры, ни священными канонами, ни вѣрноподаническими чувствами къ Царю, и благодаря *именно этому*, въ большинствѣ сохранили прежнее уваженіе къ себѣ паствы когда то на половину рабское, а теперь уже сознательное.

Держитесь же, братіе такого упованія и впередъ. Пусть паства убѣдится, что каждый изъ насъ за себя не стоитъ и готовъ все претерпѣть для спасенія людей, но за Божіи святыни, за Его заповѣди, за правила нашей вѣры мы пойдемъ на все и твердо перенесемъ злобу толпы и даже мученія и смерть, еслибъ это понадобилось. Показавъ себя такими, вы и Бога сдѣлаете своимъ другомъ, и на паству пріобрѣтете непоколебимое вліяніе и духовную мощь.

Держите крѣпче свой народъ у своего сердца, отцы и братіе; вразумляйте дѣтей своихъ, чтобы хотя бы на селѣ не разрушили своимъ поведеніемъ дѣла Божія, дѣла вашего. Ни единымъ поступкомъ, какъ въ пастырскомъ, такъ и въ хозяйскомъ вашемъ дѣлѣ не подавайте повода къ соблазнамъ. Кое гдѣ прихожане ропщутъ на то, что причтъ отдаетъ въ аренду свою землю лицамъ постороннимъ, оставляя прихожанъ безъ работы и безъ хлѣба. Да не будетъ такъ. Пусть словесныя овцы ваши знаютъ и видятъ, что онѣ сами дороги вамъ, а не только та шерсть, которую можно съ нихъ стричь,—хотя нельзя, конечно, отрицать и того, что клиръ нашей Церкви давно примирился съ самою нищенскою платой за требы и живетъ не доходами, а земельнымъ надѣломъ, ибо здѣшній мірянинъ по приблизительному подсчету сравнительно съ великорусскими епархіями жертвуетъ причту въ продолженіе года едва одну пятую, а то даже и одну восьмую того, что жертвуютъ великороссы“. (Изъ окружнаго посланія Архіепископа Антонія Волынскаго).

Приведенныя слова содержатъ въ себѣ двѣ основныхъ мысли: во первыхъ, ту, что вопросъ о матеріальномъ обез-

духовенства въ настоящее время есть вопросъ второстепенный ¹⁾, а во вторыхъ—что теперь жизнеспособно только то, что въ основѣ своей имѣетъ пастырское призваніе, служеніе идеалу, а не однимъ узко-житейскимъ интересамъ. („Сам. Еп. Вѣд.“).

¹⁾ Необходимо, однако, и о матеріальномъ обезпеченіи духовенства позаботиться.

с) Пастырская сердечность и искренность.

Давно подмѣчно, что наши крестьяне извиняютъ даже крупныя недостатки въ членахъ приходскаго клира, если только видятъ въ клирикахъ людей сердечныхъ, простыхъ и искреннихъ. Подобныя наблюденія дѣлаются и теперь. Въ одномъ изъ епархіальныхъ изданій признается, что для пастыря съ холоднымъ сердцемъ, даже при наличности многихъ качествъ хорошаго священника, сердце народное закрыто. Народъ слѣдить, съ душевнымъ ли участіемъ совершается священнослужителемъ церковно-приходская треба, и, если дѣло исполнено безъ дѣятельнаго участія сердца, то искренней благодарности оно не вызоветъ, священнослужителя осудятъ въ душѣ, а иногда это осужденіе и выскажутъ.

„Со мной,—пишетъ въ епархіальномъ журналѣ одинъ самарскій священникъ,—былъ такой случай. Было назначено общественное молебствіе о дождѣ. Послѣ литургіи всѣмъ приходомъ отправились для служенія мелебновъ на поляхъ. Вся служба совершалась истово, безъ опущеній, но когда народъ сталъ подходить ко кресту, нѣкоторыя изъ старухъ сказали мнѣ: „Вѣдь нынче, батюшка, дождя-то Богъ не дастъ“.—„Почему вамъ такъ кажется?“ освѣдился я. „Да ты нынче что-то не больно усердно молился“.—„Какъ такъ?—спросилъ я.—Мы все исполнили по

уставу“. — „Такъ-то такъ кормилецъ: кто знаетъ, какой тамъ уставъ; да намъ показалось, что самъ-то ты какъ будто не такъ молился, какъ бывало, аль тебѣ что нездоровится. Прости насъ за наши глупыя рѣчи“...

„Къ сожалѣнію, эти рѣчи были не глупы, а весьма правдивы: въ этотъ день я дѣйствительно только устами, а не сердцемъ молился Богу“. (Совр. Лѣтоп. № 30).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 29-го августа 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 36.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года сентября 9-го дня.

Содержаніе: I. Необходимое предостереженіе.—II. Распятіе и крестъ Го-
спода нашего Іисуса Христа.—III. Изъ пастырской практики.—
IV. Украинскія легенды о происхожденіи и характеристическихъ
особенностяхъ нѣкоторыхъ народностей.—V. Опечатки.

Необходимое предостереженіе.

I.

Революціонное движеніе, охватившее въ послѣдніе годы всю Русскую землю, принесшее неисчислимый вредъ русскому народу въ матеріальномъ, умственномъ и религіозно-нравственномъ отношеніяхъ, все болѣе и болѣе выясняется какъ въ общихъ цѣляхъ своихъ, такъ и въ средствахъ. Несомнѣнно, Россія волею Провидѣнія поставлена въ настоящее время предъ лицомъ важнѣйшихъ историческихъ событій, отъ того или иного отношенія къ которымъ всего населенія зависитъ вся будущность православнаго русскаго народа.

Соціально-экономическія теоріи, въ своихъ конечныхъ выводахъ дошедшія до проповѣди анархизма и коммунизма, какъ извѣстно, получили свое начало на Западѣ и ведутъ свое

происхожденіе отъ временъ великой французской революціи. Много крови потребовали эти теоріи отъ народовъ Запада, великое множество зла внесли онѣ въ духовную жизнь западно-европейцевъ, но самымъ ощутительнымъ зломъ является—страшное пониженіе религіозности, развитіе невѣрія и увлеченіе выдуманными религіями, способствующими крайнему развращенію нравовъ.

Въ настоящее время поклонники этихъ теорій сосредоточили всю свою энергію на томъ, чтобы осуществить ихъ въ средѣ русскаго народа, не безъ основанія рассчитывая, что русскій народъ, слабый въ культурномъ отношеніи, оставленный и непонимаемый значительной частью интеллигенціи, всегда искавшей и ищущей идеаловъ жизни и указаній на Западъ, народъ, окруженный разнообразными инородцами, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ исконные враги Россіи,—такой народъ окажется не въ силахъ сопротивляться натиску, быстрому и рѣшительному, всѣхъ революціонныхъ и анархитскихъ силъ. Опредѣливши, въ чемъ заключается главная опора русскаго народа, „освободители“ наши направили главные удары именно на эти пункты. Вотъ почему они усиленно расшатывали и расшатываютъ въ народѣ преданность Церкви Православной и выработанному вѣками государственному и общественному строю нашего отечества. Составъ первой и второй Государственныхъ Думъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, какіе успѣхи сдѣлали враги Церкви и государства, и насколько слабо подготовленнымъ оказался въ массѣ своей русскій народъ для борьбы съ этими врагами Церкви и государства. вмѣстѣ съ этимъ обѣ бывшія Думы ясно свидѣтельствуютъ, какія цѣли преслѣдуютъ и какія средства употребляютъ „освободители“ для того, чтобы дать торжество своимъ мечтаніямъ. Это—полный разгромъ народнаго міросозерцанія, всѣхъ устоевъ общественной жизни и водвореніе всесторонней анархіи въ умахъ и дѣлахъ русскихъ.

Таковы общія цѣли нашихъ „освободителей“. Не менѣе ужасны и частныя цѣли, преимущественно касающіяся

окраинъ. Съ великими трудами и страданіями побѣдившій и подчинившій себѣ враговъ, русскій народъ на этихъ окраинахъ вновь отдается „освободителями“ въ кабалу полякамъ-католикамъ, ихъ всегдашнимъ союзникамъ—евреямъ, армянамъ и др. Каковы были отношенія поляковъ-католиковъ и евреевъ къ русскому населенію Западнаго края, всѣмъ извѣстно. Окрыленное надеждами на ближайшее будущее, черпая не маловажныя силы въ нѣкоторыхъ распоряженіяхъ правительства, какъ напр., о свободѣ вѣроисповѣданія, католичество со свойственными ему энергіею и неразборчивостью въ средствахъ уже принялось за усиленнѣйшую пропаганду, и Православной Церкви, при слабомъ отпорѣ со стороны народа и его руководителей, грозятъ большія испытанія. Бывшія двѣ Государственныя Думы, служившія неприкосновеннымъ очагомъ революціи, анархіи и таковою же поддержкою для всѣхъ инородцевъ, сказали во всеуслышаніе, чего могутъ ожидать государство, Церковь и народъ русскій отъ этого высокаго учрежденія, если и въ третьей Думѣ будутъ торжественно и неприкосновенно засѣдать враги Русскаго государства и Православной Церкви.

Предшествующіе опыты выборовъ въ Государственную Думу свидѣтельствуютъ, что торжествомъ своимъ враги Церкви, государства и русскаго народа обязаны были не многочисленности своей, тѣмъ болѣе не правотѣ своей, даже не сочувствію къ нимъ со стороны народныхъ массъ, а главнымъ образомъ растерянности русскихъ силъ, начиная отъ правительства, разьединенности и равнодушію къ дѣлу русскому народному со стороны наиболѣе заинтересованныхъ лицъ, учреждений и сословій. Однимъ изъ важнѣйшихъ въ жизни всей Россіи и въ особенности на западѣ и юго-западѣ сословій является православное духовенство. Оно и исторіей, и характеромъ своего служенія болѣе, чѣмъ кто-либо другой, подготовлено и къ пониманію совершающихся событій и вытекающихъ изъ нихъ задачъ для дѣятельности всѣхъ вообще русскихъ силъ и въ частности самого духовенства. Во время

первыхъ выборовъ православное духовенство почти отсутствовало, во время вторыхъ оно уже проявило свою дѣятельность довольно энергично, и результаты этой дѣятельности сказались довольно явственно: ни одинъ полякъ, ни одинъ еврей не прошли по Кіевской губерніи. Новый избирательный законъ 3 іюня, усиливая значеніе и шансы на успѣхъ культурныхъ силъ Юго-запада, въ то же время даетъ самое серіозное значеніе православному духовенству, и теперь можно сказать вполне утвердительно, что исходъ выборовъ будетъ зависѣть отъ того или иного направленія предвыборной дѣятельности православнаго духовенства во всемъ юго-западномъ краѣ.

Первая и вторая Государственная Дума говорятъ русскимъ людямъ, что простой народъ весьма легко совращается съ пути истиннаго ложными, губительными для государства, но для простого человѣка крайне заманчивыми обѣщаніями „освободителей“. Поэтому, къ прискорбію, нужно твердо установить, что проведеніе въ Думу возможно большаго количества депутатовъ отъ крестьянъ, какъ бы оно ни казалось для духовенства заманчивымъ съ точки зрѣнія нравственной необходимости идти съ простымъ народомъ рука объ руку, было бы фактомъ печальнымъ. Тѣ же перваго и втораго созыва Думы свидѣтельствуютъ о томъ, что онѣ были неработоспособны и шли по указанію инородцевъ и предателей русскихъ,—предателей только вслѣдствіе отсутствія въ нихъ серіозныхъ культурныхъ силъ. Вотъ почему Государь Императоръ актомъ 3 іюня и даетъ русскому населенію возможность провести въ третью думу наибольшее количество именно хорошихъ культурныхъ силъ. Православное духовенство, всегда грудью и кровью своей защищавшее на западной окраинѣ интересы православія, русской народности и русскаго народнаго просвѣщенія, призывается теперь волею Государя къ особенно напряженному проявленію всѣхъ своихъ просвѣтительныхъ и общественно-государственныхъ идеаловъ во время выборовъ, и оно можетъ дать рѣшительное торжество рус-

скому дѣлу въ это время, если встанетъ рядомъ съ дѣйстви-
тельными представителями русскаго дѣла, сознательно отно-
сящимися къ современнымъ высокимъ задачамъ жизни края,
и пойдетъ съ ними рука объ руку.

Гн.

Распятіе и крестъ Господа нашего Іисуса Христа.

Распятіе у древнихъ народовъ и въ частности у римлянъ. Формы римскаго креста. На какомъ крестѣ и какъ былъ распятъ Господь Іисусъ Христосъ. Дальнѣйшая исторія св. древа крестнаго.

(Къ 14 сентября).

Очень многіе изъ древнихъ народовъ знали и употребляли ужаснѣйшую, мучительнѣйшую и позорнѣйшую изъ казней—распятіе. Казнь эта была извѣстна древнимъ индійцамъ, персамъ, ассирійцамъ, финикіянамъ, египтянамъ, кароагенянамъ, грекамъ и римлянамъ. Послѣдніе употребляли ее уже въ древнѣйшія времена. Можетъ быть, она развилась у нихъ изъ первоначальнаго повѣшенія на „несчастномъ дровѣ“ (*arbor infelix*), которое посвящалось богамъ подземнаго міра. Первоначально у римлянъ крестная казнь примѣнялась только къ рабамъ; отсюда и названіе ея—„рабская казнь“ (*servile supplicium*¹⁾); но потомъ она распространена была на низшіе классы вольноотпущенныхъ въ провинціяхъ. Римскій же гражданинъ всегда былъ свободенъ отъ нея. Казни этой подлежали болѣе тяжкія преступленія общественнаго и политическаго характера, какъ морской разбой, открытый разбой на большой дорогѣ, убійство, лжесвидѣтельство, подлогъ, государственная измѣна, мятежъ²⁾. Но особенно часто примѣнялось распятіе въ провинціяхъ, при по-

¹⁾ Tacit., *Historia* IV, 3, 11.

²⁾ Bell. jud. V, 11, § 1.

давленіи мятежей: здѣсь ему подвергались иногда сотни и тысячи разомъ. Въ Иудеѣ, напр., римское господарство, можно сказать, и началось и окончилось крестною казнью. По словамъ Іосифа Флавія, Титъ, при осадѣ Іерусалима, не находилъ мѣста и дерева для крестовъ ¹⁾.

На эту же позорнѣйшую и мучительнѣйшую казнь осужденъ былъ и Господь нашъ Іисусъ Христосъ. Почему? Уголовный кодексъ древнихъ іудеевъ среди смертныхъ казней никогда не намѣчалъ распятія. „Четыре смертныя казни переданы великому синедріону: побіеніе камнями, сожженіе, смерть отъ меча и удавленіе“, говорится въ Мишнѣ. ²⁾ Правда, уже у древнихъ іудеевъ практиковалось повѣшеніе „на деревѣ“, т. е. на столбѣ, послѣ казни, для усиленія позора ея (Второз. 21, 22—23. Ис. Нав. 8, 29; 10, 26. 2 Цар. 4, 12 и др.); но ни по существу своему, ни по орудіямъ, ни по внѣшнему виду оно отнюдь не можетъ быть отождествляемо съ распятіемъ. Итакъ, Господь Іисусъ Христосъ, двукратнымъ собраніемъ синедріона обвиненный въ богохульствѣ (Марк. 14, 64. Лук. 22, 66—71), по еврейскимъ законамъ былъ бы осужденъ на побіеніе камнями, если бы судъ надъ Нимъ совершался въ періодъ самостоятельной политической жизни Іудеи. Но предъ римскимъ прокураторомъ Понтіемъ Пилатомъ, куда по необходимости перенесено было это дѣло, Христосъ обвиненъ былъ въ томъ, что Онъ „называлъ Себя Христомъ Царемъ“ и, будто бы, „запрещалъ давать податъ Кесарю“ (Лук. 23, 2; сравн. 20, 22—25), т. е. по толкованію враговъ Его, являлся мятежникомъ противъ верховной власти въ странѣ—римскаго императора. Слѣдуя своимъ римскимъ законамъ, примѣненія которыхъ съ такимъ неистовствомъ требовали враги Христа (Матѣ. 27, 22—23, Марк. 15, 13—14. Лук. 23, 21. 23. Іоан. 19, 6. 12. 15), Пилать и предалъ *Его, на пропятіе.*

¹⁾ Тамъ же. Сравн. Antiqu XVII, 10, § 10; XX. 5, § 2.

²⁾ Sanhedr. VII, 1. Ed. Surenhus., pars IV, p. 237.

Орудіе этой казни крестъ имѣлъ у римлянъ нѣсколько видовъ. Онъ могъ состоять изъ вертикальнаго столба съ наложеннымъ сверху поперечнымъ брусомъ, къ концамъ котораго, имѣвшимъ одинаковую длину, прикрѣплялись руки распинаемаго. Это былъ, слѣдовательно, крестъ трехконечный (Т, римляне называли его *crux commissa*). Если поперечный брусъ своею серединою прикрѣплялся къ вертикальному столбу нѣсколько ниже верхняго конца его, который поднимался надъ перекладиною, то такой формы крестъ имѣлъ уже четыре конца († римскій *crux immissa*). Чтобы дать больше опоры тѣлу распятаго, висѣвшему вдоль вертикальнаго столба, къ послѣднему на срединѣ прикрѣплялся еще небольшой брусъ или деревянный гвоздь, формою своею напоминавшій рогъ и служившій для распятаго сѣдалищемъ. Вмѣстѣ съ этимъ придаткомъ такой крестъ могъ быть названъ (какъ, напр., у Иринея Лионскаго ¹⁾) и пятиконечнымъ. Наконецъ, два одинаковой длины прямые бруса, соединенные вмѣстѣ на срединѣ своей подъ острымъ угломъ, давали ту форму креста, которая въ христіанствѣ извѣстна подъ именемъ Андреевскаго креста, такъ какъ на такомъ крестѣ, по преданію, былъ распятъ св. апостоль Андрей Первозванный (*X crux decussata* у римлянъ). Какую форму имѣлъ крестъ распятія Христова?

Начиная съ Іустина Мученика, древне-отеческія свидѣтельства говорятъ о крестѣ четырехконечномъ, какъ орудіи смерти Спасителя міра. Такъ, тѣ сравненія, которыя употребляются въ нихъ для креста (у Іустина Мученика, Тертуліана, Іеронима, Августина, Іоанна Дамаскина и др.), приложимы только къ четырехконечному кресту: четыре стороны неба, плавающій, или съ распростертыми руками молящійся человекъ, летящая птица, весельное судно, пашущій земледѣлецъ и т. д. По ихъ ученію, этотъ четырехконечный крестъ какъ бы положенъ въ самой природѣ, уже

¹⁾ Adv. haeres. II, 42.

при созданіи ея, для того, чтобы сама природа предуказывала то орудіе смерти, на которомъ Сынъ Божій искупить весь міръ. Особенно ясное, прямое указаніе именно на четыре конца креста даютъ Иринея Ліонскій и блаж. Августинъ, который говоритъ: „была широта, на которой простирались руки, длина, поднимающаяся отъ земли, на которой было пригвождено тѣло, высота, выдававшаяся вверхъ надъ поперечною балкою ¹⁾“. Правда, встрѣчаются въ древнеотеческихъ писаніяхъ и такія отдѣльныя выраженія, которыя указываютъ, повидимому, на крестъ трехконечный ²⁾. Но, во-первыхъ, ихъ очень немного; во-вторыхъ, тѣ же церковные писатели, у которыхъ встрѣчаемъ мы эти выраженія, въ другихъ мѣстахъ говорятъ о крестѣ четырехконечномъ. Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь дѣло лишь съ неустойчивостью или неясностью нѣкоторыхъ отдѣльныхъ свидѣтельствъ. Въ общемъ же почти всѣ они говорятъ въ пользу креста четырехконечнаго. Къ тому же, далѣе, приводитъ и изученіе тѣхъ изображеній креста, какія сохранились отъ древне-христіанскаго періода. Если встрѣчается между ними и крестъ трехконечный, то это лишь очень немногія исключенія, показывающія, что вопросъ о формѣ креста Христова и въ древности былъ рѣшенъ не сразу. Разногласіе являлось тѣмъ естественнѣе, что христіанство принимали тѣ же римляне, знавшіе въ своей практикѣ не одну форму креста. Этимъ и объясняется, что въ то время, какъ большинство относящихся сюда памятниковъ говоритъ за четырехконечную форму креста ³⁾, встрѣчаются отдѣльные примѣры и другой формы. Врочемъ, уже и тотъ фактъ, что въ эпоху глубокой же древности въ Церкви Христовой установилось одно опредѣленное мнѣніе по этому вопросу, утвердившее на всѣ времена неизмѣнно одну

¹⁾ In psalm. 130. Epist. 120. In Ioh 118. Iren., Adv. haeres. II, 42.

²⁾ Напр., у Тертуліана сравненіе креста съ греческою буквою Тау и латинскою Т. Adv. Marc. l. III, с. 22.

³⁾ См. Христ. чт. 1868 г. № 11, стр. 714.

форму креста—четырехконечную, самъ по себѣ является сильнѣйшимъ доказательствомъ. Есть основаніе для этого, наконецъ, и въ самомъ Евангеліи. Разумѣемъ слова ев. Матѳея: „и поставили надъ головою Его надпись, означающую вину его“ (Матѳ. 27, 37). Какъ ни кратко это замѣчаніе, оно имѣетъ весьма важное значеніе при рѣшенія даннаго вопроса. Обыкновенно, вина осужденнаго обозначалась на особой бѣлой дощечкѣ, которую несли предъ нимъ, или она висѣла у него на шеѣ, когда вели его на мѣсто казни. Очевидно, такую же дощечку—съ надписью на римскомъ языкѣ суда, на общеупотребительномъ языкѣ греческомъ и на еврейскомъ: „Иисусъ Назорей Царь Іудейскій“—„поставили“ и на крестѣ Иисуса Христа. Но прикрѣпить ко кресту дощечку съ надписью вины распятаго *надъ головою* послѣдняго можно было лишь въ томъ случаѣ, если основной столбъ креста выдавался вверхъ надъ перекладиной, т. е. если это былъ крестъ четырехконечный.

„И неся крестъ Свой, Онъ вышелъ на мѣсто, называемое лобное“, говоритъ св. Іоаннъ (Іоанн. 19, 17). Итакъ, орудіе смерти Своей Господь Иисусъ Христосъ получилъ уже вблизи преторіи, какъ только состоялся окончательный приговоръ Пилата, и осужденнаго повели къ мѣсту казни. Что представлялъ этотъ „крестъ“ Его: былъ ли это весь крестъ въ полномъ его составѣ, или одна часть его? Два бруса, по толщинѣ достаточные для распятія на нихъ взрослого человѣка, составляли, говорятъ, слишкомъ большую тяжесть для того, чтобы одинъ человѣкъ могъ нести ихъ на себѣ. Въ такомъ случаѣ на осужденнаго возлагали только одинъ изъ брусевъ. Но какой? Нѣкоторые полагаютъ, что и одинъ главный, вертикальный столбъ креста былъ бы непосильною ношею для осужденнаго, и потому склонны считать „крестъ“, возложенный на Христа, за одинъ поперечный брусъ. Но съ этимъ едва ли можно согласиться. Одна перекладина креста не могла представлять такой большой тяжести, понести которую не хватило силъ у Христа, и понадобилась помощь

Симона Кириинеянина. Слѣдую евангельскому разсказу, естественнѣе представлять, что Господь нашъ несъ на плечахъ своихъ именно крестъ Свой или въ его цѣломъ составѣ, или по крайней мѣрѣ ту главную часть его, которая также называлась „крестъ“ (по гречески σταυρός). Что и первое не представляло ничего невозможнаго, это ясно изъ того, что крестъ въ его обычномъ видѣ орудія распятія не имѣлъ большой высоты. Лишь въ исключительныхъ случаяхъ, для какихъ-нибудь особенно важныхъ преступниковъ иногда употребляли римляне крестъ высокій; обыкновенно же лишь незначительное разстояніе отдѣляло ноги казненнаго отъ земли ¹⁾. Съ увѣренностью можно сказать и то, что крестъ Христовъ былъ обычнымъ римскимъ орудіемъ крестной казни и по всему своему внѣшнему виду, т. е. сдѣланнымъ на скорую руку, самымъ простымъ способомъ, а не съ расчетами на особе впечатлѣніе отъ него, какъ было въ томъ фактѣ, о которомъ говоритъ Светоній, когда съ такою именно цѣлью намѣстникъ Испаніи Гальба употребилъ крестъ высокій и притомъ окрашенный въ бѣлый цвѣтъ. Въ обычной практикѣ римскаго распятія этого не было.

Въ одно время, именно въ періодъ крестовыхъ походовъ, среди особаго подъема религіознаго возбужденія, интересовались и вопросомъ о самомъ деревѣ креста Христова въ смыслѣ даже исторіи того дерева, которое послужило орудіемъ страданій и смерти Сына Божія. Появляются одна за другою легенды, съ различными варіаціями разсказывающія чудесную исторію „трехсоставнаго“ крестнаго дерева, начиная ее то отъ царя Давида, то даже отъ Адама, постепенно вилетая въ нее различные фантастическіе эпизоды съ библейскою окраской. Къ концу XIII вѣка разсказъ принимаетъ обширныя размѣры, подробно рисуя фантастическую исторію крест-

¹⁾ Фактъ, представленный у Іоанн. 19, 29 и паралл., можетъ также отчасти служить подтвержденіемъ этому: трость иссопа была не больше одного метра въ длину.

наго древа отъ Адама до Ноя, Авраама, Моисея, Давида и наконецъ Христа. Латинскій текстъ этой легенды былъ переведенъ, съ передѣлками, на многіе языки, и легенда стала достояніемъ всей Европы. Конечно, ни эта обширѣйшая легенда, ни другія варіаціи ея не могутъ дать отвѣта на вопросъ, изъ какого дерева былъ сдѣланъ крестъ Христа. Между тѣмъ многіе серьезно ставили такой вопросъ и давали отвѣтъ на него: Липсіусъ, напр., утверждалъ, что это былъ дубъ; нѣкоторые считали, что крестъ Христа былъ четырех-составный—изъ пальмы, кедра, кипариса и оливковаго дерева; Кипріанъ называетъ только пальму; Кантакузень—кипарисъ, сосну и кедръ и т. п. Такъ какъ ниоткуда не видно, чтобы въ своей практикѣ крестной казни римляне обращали вниманіе на родъ дерева для орудія ея, то весь данный вопросъ представляется совершенно излишнимъ. Никакія соображенія о томъ, что нѣкоторыя изъ лучшихъ породъ деревьевъ посвящались римлянами богамъ, а изъ иныхъ вырѣзывались у нихъ и фигуры тѣхъ же боговъ, и что, можетъ быть, поэтому они не безразлично относились и къ вопросу о деревѣ для орудія столь позорной казни,—никакія подобныя соображенія не могутъ имѣть рѣшающаго значенія въ данномъ случаѣ, такъ какъ даже если бы и существовали на этотъ счетъ какія-нибудь правила или обычаи, то всегда возможны были и исключенія изъ нихъ; а если такъ, то могло быть допущено исключеніе и при распятіи Христа.

На мѣстѣ казни крестъ ставился и прочно укрѣплялся въ вертикальномъ положеніи *до казни*. Такія выраженія различныхъ писателей, какъ поднять, возвести, вознести, взойти на крестъ, поставить крестъ и под., ясно показываютъ, что осужденныхъ распинали на крестахъ, уже поставленныхъ. Естественно, что такъ было и при распятіи Господа Иисуса Христа, подтвержденіемъ чему служатъ и древне-отеческія свидѣтельства (Кипріана, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Августина, Ионна и др.). Пригвожденіе ко кресту, лежащему на землѣ, о которомъ говорится въ мученическихъ

актахъ, нужно считать лишь исключеніемъ въ обычной римской практикѣ, и потому усвоить его и распятію Господа Христа, какъ это дѣлаетъ, напр., Фарраръ ¹⁾, нѣтъ никакихъ основаній.

Будучи жесточайшею изъ казней само по себѣ, распятіе еще предварялось жестокими истязаніями, не всегда одинаковыми. Въ этомъ отношеніи, напр., поражаетъ своею жестокостью распятіе кареагенскаго полководца Ганно, о которомъ рассказываетъ Іустинъ; подвергнувъ бичеванію, ему выкололи глаза, потомъ колесовали, и уже мертваго привоздили ко кресту ²⁾. Но это былъ фактъ столь же не частый, какъ и гуманность Цезаря, который пойманныхъ разбойниковъ приказалъ прежде умертвить, а потомъ уже распять ³⁾. Обыкновенно же распятію предшествовало бичеваніе, которое Господь претерпѣлъ съ другими поруганіями уже на дворѣ преторіи (Матѳ. 27, 26—31. Марк. 15, 15—20). Но и при распятіи Христа мы видимъ какъ бы нѣкоторую черту гуманности: на лобномъ мѣстѣ предъ распятіемъ Ему предлагаютъ особый напитокъ, который ев. Матѳеей называетъ: „уксусъ, смѣшанный съ желчью“ (Матѳ. 27, 34), а ев. Маркъ—болѣе точно: „вино со сминою“ (Марк. 15, 23). Это было, вѣроятно, то *vinum languidum*, т. е. кислое вино, о которомъ упоминается въ Талмудѣ ⁴⁾. Къ нему была примѣшана не жолчь (*χολή* ев. Матѳея можетъ служить для обозначенія горькаго вещества вообще), а то, что ев. Маркъ называетъ сминою, т. е. окаменѣлый благовонный сокъ мирроваго дерева и, можетъ быть, и другія какія-нибудь горькія вещества. Такое питье, дѣйствуя притупляющимъ образомъ на нервную систему, ослабляло чувствительность и, слѣдовательно, способно было отчасти уменьшить крестныя стра-

¹⁾ Ф. В. Фарраръ. Жизнь І. Христа. Перев. Лопухина. Сиб. 1885. Ч. 2. стр. 439.

²⁾ Justin, Hist. XXI, 4.

³⁾ Sueton, Jul. Caesar, c. 74.

⁴⁾ Abodah Sara fol. 29, 2; 85, 2. Baba Bathra 95, 2.

данія. Римляне, знавшіе подобный напитокъ и практиковавшіе его на пиршествахъ въ качествѣ средства противъ дурныхъ слѣдствій чрезмѣрнаго употребленія вина, не употребляли его съ гуманными цѣлями при крестной казни. Между тѣмъ, подобный напитокъ, смѣсь смирны съ виномъ, по талмудическимъ свидѣтельствамъ, приготовлялся знатными женщинами Иерусалима и, съ цѣлью притупленія чувствъ, давался осужденнымъ на смерть предъ казнью. Естественно, такимъ образомъ, что этотъ чисто іудейскій гуманный обычай вошелъ и въ практику римскаго распятія, когда совершалось оно въ Палестинѣ надъ іудеями.

Позоръ „рабской казни“ увеличивался тѣмъ, что осужденный распинался въ нагомъ видѣ. Изъ этого общаго правила тотъ кареагенянинъ Картало, о которомъ говоритъ Іустинъ, что онъ былъ распятъ „во всемъ своемъ украшеніи“¹⁾, представлялъ лишь исключеніе. По свидѣтельству всѣхъ четырехъ евангелистовъ, были сняты одежды и съ Господа Іисуса Христа (Матѣ. 27, 35; Марк. 15, 24; Лук. 23, 34; Иоанн. 19, 23—24); но всѣ ли, какъ полагали блаж. Августинъ, св. Амвросій Медиоланскій и нѣк. др., или Ему оставили то опоясаніе на бедрахъ (*λέντιον*), о которомъ говорятъ „Акты Пилата“, не извѣстно. Во всякомъ случаѣ, выраженіе „нагой“ (*γυμνός, nudus*) относительно распятыхъ не исключало такого опоясанія. Послѣднее вполнѣ отвѣчало и обычаямъ іудеевъ, вообще не допускавшимъ полной наготы, и даже при побіеніи камнями не вполнѣ обнажавшимъ тѣло преступника. Снятыя со Христа одежды были раздѣлены между четверьмя исполнителями казни Его (Иоанн. 19, 23), что вполнѣ отвѣчало обычаямъ римскимъ: одежды распятыхъ считались добычею (*spolia*) совершавшихъ казнь воиновъ. Такъ было до императора Адріана, воспретившаго брать одежды казненныхъ безъ особаго на то разрѣшенія начальника области.

Г. Маккавейскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

¹⁾ Justin. Hist VIII, 7.

Изъ пастырской практики.

Въ виду наступающаго осенняго времени, когда много заключается браковъ (преимущественно по селамъ), благовременно коснуться той неблаговидной, насильственной роли, выходящей за предѣлы родительской власти, какую, больше по традиціи и невѣдѣнію, принимаютъ на себя родители-простолюдины въ дѣлѣ устройства браковъ своихъ дѣтей безъ совѣта и согласія послѣднихъ, по своему личному вкусу, выбору, иногда по принужденію и насилію, противъ воли и желанія жениха или невѣсты; въ виду того же благовременно напомнить и объ обязанности священниковъ обращать болѣе серіозное вниманіе на соблюденіе важнѣйшаго условія при совершеніи браковѣнчанія, безъ наличности коего немисливо совершеніе брака, какъ христіанскаго таинства, дабы избѣжать, могущихъ возникнуть печальныхъ, гибельныхъ послѣдствій для сочетавающихся, а равно угрызеній совѣсти для самого совершающаго таинство брака. Разумѣю опросъ священникомъ жениха и невѣсты объ ихъ согласіи и желаніи вступить въ брачный союзъ. Обыкновенно вопросы предлагаются совершенно безучастно, формально, безъ всякаго взвѣшиванія, проникновенія въ правдивость отвѣтовъ жениха и невѣсты, а иногда, впрочемъ, и небезучастно, съ оттѣнкомъ насилія и давленія, въ видѣ строгаго окрика на одного изъ брачующихся.

Правда, давно миновало то время, когда провинившаяся красавица-невѣста съ отрѣзанною косою выдавалась за косоглазого, рябого вдовца, по волѣ ея господина, и священнику, вполне зависѣвшему отъ сіятельнаго помѣщика, ничего не оставалось, какъ, въ ущербъ закона, исполнить злую волю господина. Однако, и въ настоящее время крестьяне-простолюдины слишкомъ легкомысленно смотрятъ на устройство браковъ своихъ дѣтей и поверхностно относятся къ ихъ сердечному чувству и влеченію. Сойдутся два пріятели за

чаркой вина и рѣшаютъ судьбу своихъ дѣтей, не справляясь съ ихъ желаніемъ и согласіемъ. Кромѣ того, и по селамъ, среди простолудиновъ не рѣдко браки заключаются по такимъ же побужденіямъ, какъ и среди интеллигеновъ, т. е. ради матеріальныхъ выгодъ, по расчету,—бѣднякъ крестьянинъ женить своего сына-красавца на уродѣ или провинившейся дѣвицѣ богача, равно и наоборотъ, богачь-крестьянинъ своему сыну „мозгляку“ высватываетъ красавицу невѣсту у бѣдняка. Смотришь иногда на жениха-красавца и знаешь его съ самой хорошей стороны, и умный онъ, и честный, трудолюбивый, хорошій работникъ,—словомъ при всѣхъ достоинствахъ, и рядомъ съ нимъ—этакая несуразная заморышь-дѣвица, и физически и умственно уродъ, а спросишь жениха о его согласіи и желаніи вступить въ бракъ,—отвѣчаетъ утвердительно. Черезъ годъ потомъ изъ честнаго хорошаго, трудолюбиваго парня выходитъ и распутный, и лѣнивый, и пьяница, нерѣдко бросаетъ жену и уходитъ на сторону, тамъ и погибаетъ окончательно. Священникъ очень часто не знаетъ и не подозреваетъ, какая происходитъ раздирающая душу драма въ подобныхъ семействахъ, какъ горько плачетъ и убивается женихъ или дѣвица-невѣста. Очень рѣдко женихъ или невѣста осмѣливаются прямо, открыто заявить своимъ родителямъ, что (онъ или она) лучше наложить на себя руки, или убѣжить „изъ подъ вѣнца“, чѣмъ выйдетъ замужъ за такого-то, или жениться на такой-то, и еще рѣже иные родители уступаютъ имъ. Большинство же мало того, что ровно никакого вниманія не обращаютъ на подобныя заявленія, но и не брезгаютъ никакими средствами, пускаются на хитрость, прибѣгаютъ къ всевозможнаго рода запугиваніямъ, затрачиваніямъ, до грубой физической, насильственной мѣры включительно, лишь бы достигнуть своей цѣли.

Вотъ иной плуть-крестьянинъ, чтобы обставить дѣло похитрѣй, старается какъ-бы втянуть въ сообщество себя своего приходского батюшку, и является къ нему якобы за благословеніемъ.

Ты что, Иванычъ, пришелъ?—спрашиваетъ его священникъ.

— „Да до Вашей милости, дорогой батюшка!“

Ну, какая надобность?—говори.

— „Да вотъ Ваську-то моего пора бы оженить („оба—бить“), ужъ ему 20-й идетъ“.

Знаю. За чѣмъ же дѣло?

— „Да вотъ мы и пришли до вашей милости, чтобы, значить, ваше священническое благословеніе получить на сватовство“.

Хорошее дѣло... благословляю, Богъ на помощь.

Мужикъ мнется, переступаетъ съ ноги на ногу, чешетъ затылокъ, видимо, еще что-то имѣетъ сказать, но не рѣшается.

— Ну что еще?

— „Вы бы, батюшка, подмогли намъ невѣсту-то подыскать; у васъ, поди, тамъ, по книгамъ-то видно, всѣ онѣ по счету“.

— Положимъ, въ книгахъ онѣ всѣ записаны; но дѣло не въ томъ, дѣло въ женихѣ, твоёмъ сынѣ; ему лучше знать, какая ему дѣвица болѣе другихъ нравится. Да и тебя это дѣло больше касается.

„Вѣстимо, вѣстимо“, подхватываетъ крестьянинъ, чье же дѣло-то, какъ не наше съ старухой (женою)?—Да мы, признаться, батюшка, облюбовали съ старухой невѣсту у N“.

— Вотъ и отлично, а сынъ какъ?

„Да его объ этомъ и не спрашивали, да и къ чему“?

Какъ же такъ? его слѣдуетъ предупредить, съ нимъ необходимо посоветоваться; его согласіе необходимо.

— „Пустое! Она, правда, невѣста-то съ лица немного не казиста, такъ съ лица воду-то не пьютъ; сначала можетъ и поломается, а тамъ и обойдется, все пойдетъ по-хорошему; не даромъ старинная пословица говорить: „стерпится, слюбится“. Такъ вотъ, батюшка, если мы это дѣло оборудуемъ, то вы ужъ, пожалуста, спрашивайте-то его какъ-нибудь тамъ

полегче, а то онъ у меня „Васька“—то дурковать, очень ужъ упрямый, чего добраго, возьметъ да и брякнетъ, что онъ несогласенъ“.

— Ну, ужъ отъ этого уволь: это незаконно; разъ скажетъ несогласенъ, то и вѣнчать не стану.

— „Да это-то такъ, мы знаемъ; иначе и въ Писаніи сказано, что дѣти должны повиноваться своимъ родителямъ“.

— Кто же это отрицаетъ? безспорно, дѣти, по слову Божию, должны повиноваться своимъ родителямъ, но и родители не должны допускать надъ ними насилія.

Крестьянинъ видитъ, что его хитро обдуманый планъ не удался, рухнулъ, прибѣгаетъ къ другому унизительному, заискивающему способу,—падаетъ на колѣни, упрасиваетъ, умоляетъ, обѣщаетъ заплатить, сколько батюшка пожелаетъ и проч. Быть можетъ, иные, ради сквернаго прибытка, и уступаютъ, изъясняютъ на то свое согласіе, но дѣло не въ этомъ, а въ томъ, что этакой плуть, потерпѣвъ неудачу, придя домой, приблизительно въ такомъ родѣ поетъ.—Ну, слава Богу, передаетъ онъ своему семейству, батюшка одобрилъ, благословилъ. Сватъ твой, говоритъ, хорошій человекъ, богатый; дѣвка у него умная; если съ лица немного нехороша, такъ съ лица воду не пьютъ, а что твой малый тамъ ломается, то на это не обращай вниманія: „стерпится, слюбится“, говоритъ. Слышишь Васюха, что батюшка-то говоритъ? Еще обѣщался при случаѣ потузать тебя, чтобы ты изъ послушанія и воли родительской не выходилъ; дѣти, говоритъ, должны слушать и повиноваться своимъ родителямъ; я, говоритъ, и не буду спрашивать его согласія, а прямо буду вѣнчать, если онъ у тебя такой упрямый.

Но что всего хуже, такъ это то, что такія и подобныя имъ запугиванія, застращиванія практикуются, пускаются въ ходъ безъ всякаго вѣдома и обращенія къ священнику, просто передаются за его счетъ, отъ его якобы имени, и, само собою разумѣется, имѣютъ большое давленіе на жениха или

невѣсту, ставятъ ихъ въ самое ужасное положеніе. Съ одной стороны, гроза отца, заготовки всего нужнаго къ брачному пиру (затрата капитала), съ другой—сочувствіе якобы священника—все это вынуждаютъ жениха или невѣсту на вопросы священника давать отвѣты въ утвердительномъ смыслѣ, хотя робко, нерѣшительно, едва слышно, сквозь зубы, притомъ съ помощью толчка сзади, въ спину, со стороны свата или свахи (поручителей).

Такимъ отвѣтамъ я вначалѣ мало придавалъ значенія, истолковывалъ ихъ и приписывалъ нѣкоторой природной робости, цѣломудренной стыдливости, обстановкѣ и проч., пока жизнь и практика не открыли мнѣ глаза, не пролили иной свѣтъ и не заставили болѣе серіозно и внимательно относиться къ такимъ отвѣтамъ, ибо не всегда, какъ оказывается на дѣлѣ, утвердительные отвѣты обуславливаются природною робостью и проч., а даются иногда подъ давленіемъ, противъ личнаго желанія и воли жениха или невѣсты.

Однажды предстала предъ мною брачная чета. Женихъ—молодой парень, лично мнѣ хорошо извѣстенъ за самаго смѣлаго, бойкаго въ отвѣтахъ (онъ—мой ученикъ по ц.-пр. школѣ). Предлагаю вопросъ (должно замѣтить, что я вопросы предлагаю въ началѣ, а не въ срединѣ, предъ самымъ вѣнчаніемъ, какъ положено по требнику) жениху и получаю, вмѣсто отвѣта, едва слышное бормотаніе сквозь зубы. Меня это смутило. Повторяю снова вопросъ. Молчаніе. Слѣдуетъ внушительный толчокъ сзади, въ спину жениха со стороны свата и приказъ: „говори, согласенъ, желаешь“. Снова молчаніе. Наконецъ, послѣ третьяго опроса, коему предшествовало съ моей стороны ободреніе жениха съ краткою рѣчью, со стороны послѣдняго вполне ясно, отчетливо, во услышаніе всѣхъ послѣдовалъ отвѣтъ: „нѣтъ, никакъ не желаю“. А не приди я къ нему на помощь, онъ, пожалуй, послѣ нѣкотораго колебанія, далъ бы свое согласіе, какъ даютъ его многіе ему подобныя; въ результатѣ же—еще однимъ несчаст-

нымъ бракомъ больше. Скоро происходитъ полный разладъ между молодыми. Крестьянинъ снова обращается къ своему священнику, предварительно обходивъ всѣхъ знахарей и знахарокъ и испробовавъ всѣ средства суевѣрія: заговоры, наговоры, омерзительныя присухи и проч., и просить его позволить действовать на сына или невѣстку. „Сладу нѣтъ“, жалуется несчастный отецъ, „ничего съ ними не подѣлаешь; испортили, вѣрно; ужъ пожалуста, батюшка, помогите!“—А что можетъ сдѣлать священникъ, если онъ по небрежности, невнимательности допустилъ совершеніе несчастнаго брака, и если молодой или молодая бѣольшую вину приписываетъ ему именно, священнику?

Между тѣмъ нѣтъ ничего легче для священника парализовать, ограничить произволь, насильственную волю родителей надъ своими дѣтьми и тѣмъ предупредить несчастныя браки. Стоитъ только надлежаще раскрыть и уяснить прихожанамъ смыслъ брака, какъ христіанскаго таинства, и необходимыя условія для бракосочетанія и твердо заявить, что въ случаѣ, если женихъ и невѣста не дадутъ своего согласія на вступленіе въ бракъ, вѣнчать по закону нельзя. Средство это самое радикальное. Если потомъ и могутъ случаться въ видѣ исключенія несчастныя браки, то, по крайней мѣрѣ, священникъ будетъ гарантированъ отъ всевозможнаго рода извѣтовъ, и инсинуацій.

Свящ. *Григорій Лебедевъ.*

Украинскія легенды о происхожденіи и характеристическихъ особенностяхъ нѣкоторыхъ народностей. 1).

Украинскія легенды и „побрехеньки“ не забыли, между прочимъ, и тѣхъ народностей, съ которыми украинцамъ приходилось и приходится сталкиваться на своемъ историческомъ жизненномъ пути. Характеристики различныхъ національностей свидѣтельствуютъ о глубокой народной наблюдательности и, при всей своей сжатости, блещутъ художественною яркостью красокъ и самымъ заразительнымъ юморомъ. Въ этихъ легендахъ и „побрехенькахъ“ чаще всего говорится о „хохлахъ“ и кацапахъ или москаляхъ, затѣмъ о полякахъ, ляхахъ, татарахъ, жидахъ нѣмцахъ²⁾, и цыганахъ. Характеристики различныхъ народностей чужды какого-либо пристрастія; не щадитъ украинскій народъ и себя въ легендахъ, а иногда даже сгущаетъ краски, указывая на различные свои недостатки. Во главѣ этихъ легендъ должна быть поставлена легенда, записанная И. Ф. Бѣньковскимъ и не датированная мѣстностью. Кратко говоря о происхожденіи всѣхъ указанныхъ выше народностей, легенда указываетъ, такъ сказать, и сравнительное достоинство ихъ, при чемъ въ этомъ только *единственномъ* случаѣ она не удержалась отъ того, чтобы—какъ-никакъ—не отвести *перваго* мѣста родному типу.

Разъ,—говоритъ легенда,—захотѣлъ чортъ сотворить подобнаго себѣ. Набросалъ онъ въ котель, въ смолу разнаго зелья и сталъ варить. Варилъ, варилъ, попробовалъ сотворить подобнаго себѣ,—вышелъ *мужикъ* (т. е. „хохоль“).—„Не доварилъ!“—сказалъ самъ себѣ чортъ и сталъ снова варить. Варилъ, варилъ попробовалъ—вышелъ *ляхъ*.—„Еще не доварилъ!“—сказалъ чортъ и сталъ снова варить. Варилъ, варилъ, еще попро-

¹⁾ См. „Руков. для сельск. наст.“ за тек. годъ, № 34—35: „Дополнительныя космоготическія украинскія сказанія и преданія о чловѣкѣ“.

²⁾ Подъ „нѣмцемъ“ на Украинѣ разумѣютъ всякаго вообще иностранца—англичанина, француза и т. д.

боваль, — вышелъ *нѣмецъ*. — „Еще чутьчку не доварилъ!“ И сталь опять варить. Снова попробоваль; — вышелъ *татаринъ*. — „Вотъ вотъ еще нежножечко — и будетъ какъ-разъ подобный мнѣ“. Питай дальше варить. Наконецъ, попробоваль еще разъ послѣдній, — вышелъ *жидъ*. — „переварилъ! — вскрикнулъ чортъ: — этотъ уже вышелъ хитрѣе и умнѣе самого меня! Передалъ на этотъ разъ!“ — А развѣ-жь неправда, — закапчиваетъ легенда, — что жидъ хитрѣе и умнѣе чорта? Онъ самого чорта проведеть, обманеть ¹⁾).

Чаще всего въ легендахъ выводятся рядомъ и сопоставляются съ тѣми или иными ярко бросающимися въ глаза типическими особенностями своими „хохолъ“ и „кацапъ“. Чтобы надлежащимъ образомъ понять эти легенды, необходимо сказать предварительно нѣсколько словъ о взаимныхъ отношеніяхъ между названными двумя братски-родственными племенами. На характеръ отношеній между „хохлами“ и „кацапами“ оказали сильное вліяніе, прежде всего, конечно, далеко неодинаково сложившіяся для тѣхъ и другихъ историческія условія, а затѣмъ — и племенные особенности ихъ.

Украинцы называютъ обыкновенно велико-россовъ „москалями“ „лапотниками“ и относятся къ нимъ недовѣрчиво и даже съ нѣкоторою боязнію, считая ихъ жадными, грубыми, хитрыми, лукавыми, лѣнивыми и мстительными. Народъ избѣгаетъ имѣть какое-либо дѣло съ „москалемъ“, а тѣмъ болѣе нанимать его въ услуженіе: „москаль, — говоритъ онъ, — непременно обманеть, или же придется съ нимъ поссориться изъ-за его лѣни и лукавства, и тогда онъ натворитъ тебѣ такого, что потомъ весь вѣкъ будешь раскаиваться“. *Москалей во-*

¹⁾ „Кіевская Старина“ 1890 г. Августъ, стр. 325—326. — По другому варианту, перевареннымъ оказался „нѣмецъ“, а жидъ — чутьчку недовареннымъ. Ненормальная общественно-историческія условія были, между прочимъ, причиною того, что украинцы въ своемъ представленіи лишили жидовъ даже души, этого высшаго и главнаго признака, отличающаго чѣловѣка отъ животныхъ: „жидъ не выпрае, а здихае бо въ его не душа, а нара у жиды і собаки не душа, а нара“ („Кіевская Старина“ 1889 г., Май — Іюнь, стр. 635).

обще считаютъ знахарями и говорятъ о нихъ: „у москаля что-то въ носу есть. Онъ и ходитъ не такъ, какъ мы ходимъ—кучею, а одинъ за другимъ, чтобы легче было: переднему тяжелѣе всѣхъ идти, и вотъ когда онъ утомится, тогда другой выходитъ напередъ“ и т. д.

Называютъ также великороссовъ „кацапами“: „у нихъ длинная борода клиномъ, какъ у *цапа*“ (козла): Называютъ еще „масколями—отъ слова *Москва* и „кислопүзимн, вонючими москалями“: „они все квасъ да *сиривѣцъ* (незаварной хлѣбный квасъ) ѣдятъ, такъ что и самое брюхо у нихъ прокисло“. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, расположенныхъ по полатню желѣзной дороги, называютъ, наконецъ, „хамскою и деревянною душею“ за то, что они во время постройки дороги обижали окрестныхъ постуховъ и отымали у нихъ хлѣбъ. Они считаются хитрыми и крайне осторожными: „москаль хотя и знаетъ дорогу, а все же спрашиваетъ“. „У москаля душа—какъ *повстянка* (войлокъ): онъ и Бога не боится“. Сложилась даже особая поговорка: „Боже мій, Бóже мій! а мы—Твої,—а чіі-жь-то москалі?“¹⁾

Нѣкоторыя изъ указанныхъ чертъ перенесены на *солдатъ*, какъ представителей *Москвы*, которые тоже называются „москалями“ (на Украинѣ до присоединенія ея къ Московскому государству не было *солдатъ*, а были *козаки*).

Идутъ какъ-то по землѣ Господь и св. ап. Петръ,—рассказываетъ одна легенда. Дорогою догоняетъ ихъ солдатъ съ сумкой за плечами и спрашиваетъ: „Куда идете, добрые люди?“—„Идемъ на заработки“, отвѣчаетъ Господь.—„Такъ возьмите и меня съ собою,—говоритъ солдатъ:—хочу и я заработать денегъ, чтобы было чѣмъ помочь роднымъ“. Господь согласился принять солдата въ товарищи, и вотъ пошли они втроемъ дальше. Дорогой солдатъ говоритъ Господу: „Вотъ вы приняли меня къ себѣ въ товарищи, а я такъ и не знаю, кто вы такіе“. Господь сказалъ ему на это: „Я—

¹⁾ В. Ивановъ, „Жизнь и творчество крестьянъ Харьк. губ., т. I, стр. 338—339.

Мудрецъ, а товарищъ мой—Хитрецъ“. Цѣлый день затѣмъ-шли они, нигдѣ не останавливались, а когда настала вечеръ, расположились на ночлегъ въ полѣ. Недалеко отъ того мѣста, гдѣ они рѣшили почевать, паслось стадо овецъ. Мудрецъ велѣлъ Хитрецу пойти къ пастухамъ и взять у нихъ изъ стада барана. Когда Хитрецъ принесъ барана, Мудрецъ сказалъ солдату: „Ну, служивый, мы съ Хитрецомъ пойдемъ пройдемся по полямъ, посмотримъ хлѣба, а ты тѣмъ временемъ приготовь ужинъ. Если насъ долго не будетъ, то можешь поужинать и безъ насъ, только сердца не ѣшь, а оставь намъ“. Мудрецъ съ Хитрецомъ ушли, а солдатъ остался, набралъ сѣна изъ стоявшаго вблизи стога, развелъ огонь и началъ готовить ужинъ. Но вотъ уже и ужинъ готовъ, а товарищей нѣтъ и не видно. Солдатъ расположился ужинать одинъ. Ужинаетъ да и думаетъ: „Зачѣмъ это товарищи велѣли оставить для нихъ сердце,—развѣ оно вкуснѣе всего?—Сѣмъ-ка я его самъ, а имъ скажу, что у этого барана сердца не было“. Такъ онъ и сдѣлалъ. Возвратились Мудрецъ съ Хитрецомъ, и Мудрецъ говоритъ солдату: „А давай-ка намъ, служивый, сердце: мы будемъ ужинать“. Солдатъ отвѣчаетъ: „Ну, братцы, 25 лѣтъ я прослужилъ въ полку, много перерѣзалъ тамъ за это время и быковъ и овецъ, и всѣ они были съ сердцемъ; а вотъ тутъ-такъ штука!—у сегодняшняго барана не оказалось сердца: баранъ—и безъ сердца!“ Мудрецъ ничего не сказалъ на это солдату, а Хитрецъ произнесъ только: Эге!“—и затѣмъ легли они спать. На другой день всѣ трое встали рано утромъ и пошли вмѣстѣ дальше. Пришлось имъ переходить черезъ рѣку. Мудрецъ и Хитрецъ идутъ себѣ по водѣ, какъ по сушѣ. Солдатъ—туда же было за ними,—анъ дѣло не выгораетъ: пришлось брести по водѣ; а рѣка—чѣмъ дальше отъ берега, тѣмъ все глубже и глубже. Мудрецъ обернулся къ солдату и спрашиваетъ его: „Ты сердце съѣлъ?“—Нѣтъ,—отвѣчаетъ солдатъ:—у барана не было сердца“. Идутъ, а вода хватаетъ солдату уже до горла.—„Ты съѣлъ сердце?“—снова спра-

шиваешь Мудрецъ.—„Ей-Богу, нѣтъ!“—говорить солдатъ, почти захлебываясь. Такъ солдатъ и утонулъ бы не сознавшись, если бы Мудрецъ не взялъ его за руку и не вывелъ на берегъ. Вышедши на берегъ, нашли они мѣшокъ съ деньгами. Мудрецъ взялъ всѣ деньги и началъ дѣлить на *четыре* части. Солдатъ, видя это говоритъ: „Зачѣмъ же Ты дѣлишь на *четыре* части,—вѣдь насъ *трое*?“—„Я потому дѣлю на *четыре* части,—отвѣчалъ ему Мудрецъ, что *два* части долженъ получить тотъ, кто съѣлъ сердце“.—„Я съѣлъ сердце,—сознался тогда солдатъ,—значить, я долженъ получить *два* части“. Мудрецъ отдалъ солдату *два* части. Послѣ этого пошли они къ одному помѣщику и нанялись молотить хлѣбъ. Мудрецъ велѣлъ Хитрецу взлѣзть на скирду и сбрасывать снопы. Хитрецъ посбрасывалъ снопы со всѣхъ скирдъ, а Мудрецъ взялъ огня и зажегъ эти снопы. Но огонь не уничтожилъ сноповъ, а начисто вымолотилъ изъ нихъ зерна, солома же снова была сложена въ скирды. Мудрецъ получилъ за молотьбу деньги по договору, отдалъ ихъ всѣ солдату и сказалъ ему: „Теперь ты съ деньгами; иди домой, да только смотри: не берись молотить хлѣба такъ, какъ мы здѣсь молотили“. Пришелъ солдатъ домой съ деньгами, зажилъ на славу, да только не надолго: захотѣлось ему еще увеличить свой капиталъ легкой молотьбой. Нашелъ товарища и, пренебрегая предостереженіемъ Мудреца, нанялся къ одному помѣщику перемолотить у него весь хлѣбъ. Онъ тоже велѣлъ своему товарищу посбрасывать со скирдъ всѣ снопы, а самъ затѣмъ поджегъ ихъ. Такъ какъ все до тла сгорѣло, то солдату пришлось уплатить убытки отъ произведеннаго имъ пожара ¹⁾.

Г. Булашевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Опечатки.

Въ статьѣ „*Психическая сила въ проповѣди*“ №№ 26—29.

Стр. 207, стрк. 20 напеч. *Венюю*, слѣд. *Вегюю*.

Стр. 208, стрк. 5 напеч. „патріархомъ“ слѣдуетъ патриотомъ.

¹⁾ „Этнографическое Обзрѣніе“ 1890 г., VII, стр. 88—90.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 2-го сентября 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 37.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года сентября 16-го дня.

Содержаніе: I. Необходимое предостереженіе.—II. Распятіе и крестъ Госно-
да нашего Исуса Христа (окончаніе).—III. У кіоска.

Необходимое предостереженіе¹⁾.

II.

Наши „освободители“, изыскивая всевозможныя сред-
ства къ самому серіозному потрясенію основъ религіозно-
нравственной и государственной жизни русскаго народа, съ
особенною настойчивостію и не безъ успѣха разстраиваютъ
нашу школу всѣхъ типовъ и разрядовъ. Не говоря уже
о высшей школѣ, превращенной въ лицѣ большинства
профессоровъ и студенчества въ органъ распространенія
революціонныхъ идей и предпріятій, наши „освобо-
дители“ добились почти полнаго разстройства средней
школы; мало того,—они прилагаютъ всѣ усилія къ тому,

¹⁾ См. № 36-й за 1907 г.

чтобы и начальную народную школу превратить въ послушное орудіе революціи. Къ сожалѣнію, нужно сказать, что и здѣсь ихъ дѣятельность не безуспѣшна. Особенно много разстройства внесено ими въ ряды учительствующаго персонала. Распространеніемъ наполненной ложью литературы, нерѣдко выдаваемой за ученую, листовъ, брошюръ, газетъ, призывами къ разнымъ видамъ „самоопредѣленія“, самопомощи въ видѣ союзовъ — они поколебали дисциплину, возбудили неосновательныя, чаще всего несбыточныя надежды и самоувѣренность, отвлекли вниманіе и силы многихъ изъ учителей отъ непосредственно ввѣренной имъ педагогической дѣятельности въ область политики, пропаганды и активныхъ революціонныхъ выступленій. Крайне печальное зрѣлище представляютъ эти такъ называемые „распропагандированные“ учительствующіе. Слабо подготовленные въ большинствѣ случаевъ въ образовательномъ отношеніи, начитавшіеся листовъ и брошюръ, не умѣющіе всесторонне и безпристрастно опредѣлить все совершающееся вокругъ нихъ, они становятся не только неразумными орудіями въ рукахъ другихъ, фанатиками хулителями всего существующаго и безпредметно злобствующими на все и на всѣхъ, но и яркими распространителями чужихъ мыслей, чужихъ дѣяній. Самообманъ и самонѣніе среди такихъ людей доходятъ до ужасающихъ размѣровъ: всѣ міровые и общечеловѣческіе вопросы для нихъ легко и просто разрѣшимы, обыденная дѣятельность для нихъ слишкомъ низка. Сбитые съ толку воплями „освободителей“ о благѣ народномъ, они не видятъ ни общенароднаго разоренія, ни крови, ни страданій, даже не чувствуютъ своихъ личныхъ страданій, а главное—не понимаютъ, что они вмѣсто блага величайшее зло творятъ своему народу.

Но еще болѣе печальное зрѣлище представляетъ школа, населенная дѣтьми, нуждающимися въ просвѣщеніи, заботливомъ воспитаніи и предоставленная въ распоряженіе учителя-освободителя. Бѣдныя дѣти! Бѣдный народъ! Имъ и ему вмѣсто дѣйствительно нужной пищи даютъ отраву, отъ которой

избавиться далеко не такъ легко, какъ легко ее воспринять. Страна, нуждающаяся въ усиленной работѣ всѣхъ просвѣтительныхъ силъ, остается не только безъ этихъ силъ, но и какъ бы нарочито лишается и того небольшого свѣта, который былъ зажженъ въ ней раньше. Грубость нравовъ распространяется съ необыкновенной быстротой, извращеніе всѣхъ общественно-государственныхъ, семейныхъ, религиозно-нравственныхъ понятій растетъ не по днямъ, а по часамъ. А школа стоитъ предъ этимъ величайшимъ зломъ человѣческой жизни и сознательно способствуетъ разложенію ея...

Совершается неслыханное злодѣяніе, а люди, не привыкшіе вникать въ существо дѣла или не имѣющіе для этого силъ, разлагая школу думаютъ, что они совершаютъ „великое дѣло“. „Освободители“ знали и знаютъ, что они дѣлали и дѣлаютъ, развращая политиканствомъ учительствующій людъ: они отнимаютъ у русскаго народа самое необходимое, самое существенное для жизни свободной, разумной, самобытной и тѣмъ самымъ готовятъ торжество свое и своихъ ужасныхъ вождельнѣй.

Разрушающіе современную Россію и лишаящіе ее будущности часто улавливаютъ въ свои сѣти сотрудниковъ по этому дѣлу разсужденіемъ, что все происходящее на Руси есть неизбѣжное слѣдствіе предыдущаго, что иными путями, какъ кровавой борьбой, улучшеній быта народнаго не достигнешь. Вѣрятъ, вѣрятъ слѣпо такимъ поученіямъ и такъ же слѣпо идутъ на страшное дѣланіе страшнаго дѣла. Между тѣмъ стоитъ только раскрыть исторію, чтобы убѣдиться, что кровію никогда ничто не улучшалось, ничто недоброе не уничтожалось, ничто доброе вновь не насаждалось, и если иногда кажется, что послѣ кровавыхъ вспышекъ наступало какъ будто нѣчто лучшее былого, то это въ дѣйствительности всегда бывало и бываетъ плодомъ не всегда и не всѣми видимой внутренней духовной работы человѣка и человѣческихъ обществъ, плодомъ далеко не всегда поддающагося учету медленнаго, но устойчиваго улучшенія нравовъ. Стоитъ

только вчитаться въ сказанія исторіи, всмотрѣться въ окружающую дѣйствительность, чтобы понять и убѣдиться, что послѣ разнообразныхъ погромовъ умственныхъ, нравственныхъ и общественно-государственныхъ народныхъ богатствъ, неизбежно слѣдуетъ пониженіе всѣхъ сторонъ жизни народной; что уничтоженіе накопленнаго вѣками достоянія отодвигаетъ народы на многіе вѣка назадъ; что усовершенствованіе жизни и всѣхъ ея условій совершается не уничтоженіемъ, а постепеннымъ преобразованіемъ этихъ условій, положительной, а не отрицательной работой. Во время великой французской революціи по рецептамъ философовъ XVIII вѣка все старое во Франціи было уничтожено и кровавыми потоками смыто было, повидимому, все, чему доселѣ поклонялись,—но въ Наполеоновской Франціи опять все возродилось и притомъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ значительно худшемъ видѣ. Тому, кто не легкомысленно и не по одной чужой, да еще злобной указкѣ ищетъ средствъ для обновленія жизни и уменьшенія зла въ ней, увеличенія добра, не трудно узнать, гдѣ коренится источникъ всего добраго, какъ и злого въ жизни человѣческой. Когда тяжкое горе постигаетъ человѣка, тогда доводами разума, проклятіями и тому подобными сильными средствами—кто утишилъ это горе или умалилъ его? Не видимъ ли мы постоянно, что сердечное слово утѣшенія, а иногда даже безмолвіе, но преисполненное высокога чувства состраданія, уменьшаетъ скорбь страждущаго. Въ лучшихъ качествахъ сердца человѣческаго, въ воспитаніи его на началахъ Христовой любви и уваженія къ человѣку—находится источникъ всѣхъ благъ, въ особенности же нравственныхъ.

Вотъ почему теперь, когда такъ зло страдаетъ вся Русь, и необходимо сосредоточить особенное вниманіе и всѣ усилія на развитіи истинно-христіанскаго просвѣщенія въ народѣ. Учительствующіе, желающіе быть дѣйствительно сознательными работниками на нивѣ народнаго просвѣщенія, сознательными созидателями истиннаго блага народнаго, должны

собрать всё свои силы, чтобы прежде всего себя и школу уберечь отъ навязываемаго политиканства, а потомъ—чтобы поставить свои школы на возможно высокую степенъ въ образовательномъ и въ особенности въ воспитательномъ отношеніяхъ.

Если кому, то больше всего учителямъ нужно повторять: блюдите себя и малыхъ сихъ, врученныхъ вамъ, отъ злыхъ соблазновъ, учите и учитесь, внимайте слову народно-русской исторіи и будьте сострадательны къ себѣ, дѣтямъ и дорогой родинѣ. Участвуя въ событіяхъ окружающей жизни, всё мѣры прилагайте къ тому, чтобы дѣйствовать въ согласіи съ указаніями безпристрастной свидѣтельницы дѣяній человѣческихъ—исторіи, въ согласіи и подчиненіи высшимъ законамъ Божескимъ и человѣческимъ и для насажденія среди близкихъ вамъ людей дѣйствительнаго блага. Только при этихъ условіяхъ—вы будете истинными носителями просвѣщенія и распространителями его. Г.

Распятіе и крестъ Господа нашего Іисуса Христа.

(Окончаніе ¹⁾).

Будучи употребляема по отношенію къ рабамъ и низшимъ классамъ, главнымъ образомъ въ провинціяхъ, крестная казнь, въ деталяхъ самаго процесса ея, повидимому, не была точно урегулирована; частности предоставлялись самимъ распнателямъ или руководителямъ ихъ. Такъ, какую роль должны были играть при распятіи веревки, т. е. привязывались ли ими руки и ноги (или только руки) лишь временно, до пригвожденія ихъ, или, быть можетъ, иногда (какъ то практиковалось въ Египтѣ, напр.) этимъ привязываніемъ и ограничивались? Какъ поднимали распятаго на крестъ? Пригвождались ли и ноги, или только руки? Если при-

¹⁾ См. № 36 за 1907 г.

гвоздались ноги, то каждая ли отдѣльно, или обѣ вмѣстѣ однимъ гвоздемъ? *Sedile*, т. е. тотъ деревянный гвоздь, на которомъ сидѣль распятый, всегда ли составлялъ необходимую принадлежность креста? Всѣ эти вопросы на практикѣ могли рѣшаться и дѣйствительно рѣшались, въ зависимости отъ различныхъ, часто случайныхъ причинъ, не одинаково. Болѣе обычнымъ, повидимому, представляется такой процессъ римскаго распятія.

Двое изъ исполнителей казни, стоя вверху на лѣстницахъ, при помощи веревокъ поднимали осужденнаго „на крестъ“ и сажали его на деревянный гвоздь, для этой цѣли укрѣпленный въ вертикальномъ столбѣ креста. Затѣмъ, протянувъ руки вдоль перекладины и сначала привязавъ ихъ, прибавали каждую изъ нихъ большимъ желѣзнымъ гвоздемъ, проходившимъ черезъ лодонь руки. Тѣмъ временемъ другіе распинатели, стоящіе внизу, прибавали къ столбу креста ноги осужденнаго, или каждую изъ нихъ особымъ гвоздемъ, или однимъ гвоздемъ обѣ ноги, сложивъ ихъ одна на другую. Въ первомъ случаѣ гвозди пробивали голень и подошву, или, направленные сбоку, проходили чрезъ нятю (*tendo Achillis*). Нѣтъ никакихъ основаній сомнѣваться въ томъ, что такимъ же образомъ былъ распятъ и Господь Іисусъ Христосъ. Правда, одинъ или два гвоздя употреблены были для ногъ Его, этого мы не знаемъ. Григорій Назіанзинъ называетъ крестъ Христовъ „трехгвозднымъ деревомъ“ (*τρίσηλον ξύλον*, *triclave lignum*) ¹⁾. Ноннъ употребляетъ выраженіе для ногъ распятаго „сложенныя одна на другую“ (*ὀμοπλοχέες*) ²⁾. Напротивъ, св. Кипріанъ, самъ не разъ бывший свидѣтелемъ крестной казни въ тяжелый періодъ гоненій, допускаетъ четыре гвоздя при распятіи Христа ³⁾. Того же мнѣнія и Григорій Турскій ⁴⁾.

¹⁾ *Christ. pat.* v. 664.

²⁾ *In Ioh. c.* XIX, v. 91.

³⁾ *De pass.* 202.

⁴⁾ *De glor. martyr. c.* VI.

Но это вопросъ второстепенный. Важно установить, что руки и ноги Господа были пригвождены, а въ этомъ сходятся все древне-отеческія свидѣтельства. Впрочемъ, указаніе на это можно видѣть и въ самомъ Евангеліи. (Лук. 24, 29; Іоаннъ 20, 20). На основаніи свидѣтельства Григорія Турскаго (*De glor. Martyr.* 1, 6) нѣкоторые склонны были видѣть на крестѣ Иисуса Христа и такъ называемую *suppedaneum* или *hyropodum*, т. е. подставку или подпорку для ногъ. Но для такого представленія о крестѣ Христовомъ, бывшаго особенно распространеннымъ въ средніе вѣка, нѣтъ достаточныхъ данныхъ: на римскихъ крестахъ, повидимому, такой подставки для ногъ не было. Да въ ней при существованіи *Sedile*, на которомъ главнымъ образомъ держалась вся тяжесть тѣла распятаго, не было и никакой необходимости.—Чтобы тѣло распятаго не было преждевременно снято со креста, охранять его должна была стража. Она же расположилась у креста Христова (Матѹ. 27, 36).

Нужно-ли говорить о тѣхъ мученіяхъ, которыя причиняло распятіе? Весь ужасъ ихъ трудно поддается представленію. Подробное описаніе ихъ дано было въ 18 вѣкѣ врачомъ Готтлибомъ Рихтеромъ¹⁾, и къ нему обыкновенно обращаются желающіе подробно изобразить картину крестныхъ страданій. Смерть, полагавшая конецъ этимъ мученіямъ, продолжавшимся иногда очень долго, даже болѣе двухъ сутокъ, не прекращала позорнаго висѣнія тѣлъ на крестахъ: они должны были оставаться тамъ въ добычу хищнымъ звѣрямъ и птицамъ. Отступленія отъ этого обыкновенія бывали въ торжественные дни рожденія императоровъ или наканунѣ ихъ: тогда тѣла предавались погребенію. Но іудеи иначе относились къ этому. Когда въ періодъ самостоятельной жизни имъ приходилось употреблять смертную казнь и при этомъ, для усиленія позора ея, трупъ казненнаго вѣшать „на дрѣвѣ“, они никогда не оставляли его тамъ на ночь,

¹⁾ Chr. Gottlieb Richter, *Dissertationes quatuor medicae*. Goetting. 1775, p. 37.

слѣдую заповѣди самого Іеговы („да не оскверните земли, юже Господь Богъ твой даетъ тебѣ во жребій“. Второз. 21, 22—23). Не могли они совершенно забыть это поставленіе и тогда, когда право смертной казни было отнято у нихъ римлянами, которые стали практиковать и въ Палестинѣ свое распятіе. Особенно тяжкимъ окорбленіемъ іудейскихъ священныхъ традицій было бы оставленіе казненныхъ на крестахъ на ночь противъ субботы или дня праздничнаго. День же распятія Господа Іисуса Христа былъ кануномъ субботы особенной—праздника Пасхи (Іоанн. 19, 31). Естественна поэтому просьба іудеевъ у Пилата о разрѣшеніи снять распятыхъ съ крестовъ, а такъ какъ это можно было сдѣлать, во всякомъ случаѣ, не прежде смерти казненныхъ, то іудеи и предлагаютъ перебить имъ съ этою цѣлью голени. Римляне употребляли *scagi fragium*—сокрушеніе членовъ дубинами и молотками, главнымъ образомъ по отношенію къ рабамъ и непріятелямъ, иногда и по отношенію къ свободнымъ гражданамъ, но какъ особый видъ наказанія, а не какъ придатокъ къ распятію; хотя бывали случаи, что подвергались этому мученію и распятые, но съ такою же цѣлью, съ какою отдавала ихъ на растерзаніе звѣрямъ, или раскладывали у креста костеръ, т. е. для увеличенія страданій. Просьба іудеевъ предъ Пилатомъ имѣла въ виду только сокращеніе жизни распятыхъ, а такъ какъ въ тѣлѣ Господа Іисуса Христа уже не оказалось жизни, то по отношенію къ Нему и не было нужды примѣнять это страшное средство: воинъ удовольствовался тѣмъ, что пронзилъ Его грудь кошемъ (Іоанн. 19, 32). Ускорять смерть распятыхъ подобнымъ образомъ, если была въ томъ нужда, было обычно у римлянъ. Дозволивъ іудеямъ перебить троимъ распятымъ голени, Пилать разрѣшилъ Іосифу изъ Аримаеи взять тѣло Христа для погребенія. Въ этомъ не было ничего противозаконнаго или исключительнаго: тѣла распятыхъ могли быть отдаваемы для погребенія, если объ этомъ поступала чья-нибудь просьба. Необходимо было только установить фактъ смерти казнен-

наго, что и сдѣлалъ Пилать, справившись о Христѣ у сотника. (Марк. 15. 43—45).

Дальнѣйшая исторія креста Христова начинается со времени обрѣтенія древа крестнаго царицею Еленою. Въ 326 году, по повелѣнію императора Константина Великаго, въ Іерусалимѣ, подъ руководствомъ архіепископа Макарія, произведены были раскопки на мѣстѣ, которое по сохранившимся остаткамъ преданія, предполагалось, соотвѣтствовало Голгоѣ, т. е. мѣсту распятія Христа. Дѣятельное участіе въ этомъ, по свидѣтельству историковъ Θεодорита, Сократа и Созомена, принимала мать императора св. Елена, прибывшая въ это время въ Іерусалимъ съ цѣлью поклониться св. мѣстамъ страданій и смерти Господа. Тамъ же историки и раньше ихъ Евсевій говорятъ о нарочитомъ оскверненіи мѣсть распятія и погребенія Спасителя „нечестивыми людьми“, язычниками, которые засыпали пещеру погребенія Христа мусоромъ, насыпь сверху вымостили камнемъ и поставили здѣсь капище Афродиты. И вотъ, когда мѣсто было очищено отъ языческихъ мерзостей (капище разрушено, „статуи и демоны“ ниспровергнуты: Euseb., De vita Const. I. III, с. 26), и земля была раскопана до значительной глубины, „вдругъ въ глубинѣ, сверхъ всякой надежды, оказалось сохранившееся честное и всесвятое знаменіе спасительнаго воскресенія“ (ibid. с. 28). „Пять словъ для достойнаго описанія настоящаго чуда“, писалъ послѣ этого императоръ Константинъ Макарію: знаменіе святѣйшихъ страстей, скрывавшееся такъ долго подъ землею и о остававшееся въ неизвѣстности въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, наконецъ возсіяло (ibid. с. 30). По свидѣтельству же другихъ историковъ, при этомъ были найдены три креста и та дощечка съ надписью на трехъ языкахъ, которая была надъ головою распятаго Христа. Такъ какъ теперь она лежала отдѣльно отъ крестовъ, то не было возможности установить, на которомъ изъ нихъ былъ распятъ Господь. Истина была открыта чудомъ исцѣленія больной, выздоровѣвшей отъ прикосновенія къ одному

изъ крестовъ. Хотя Евсевій не говоритъ объ этомъ фактѣ опредѣленно, однако его выраженіе „знаменіе святѣйшихъ страстей“, повидимому, также указываетъ на орудіе страданій Спасителя, т. е. крестъ. Помимо этого, св. Кирилль, бывшій епископомъ Іерусалимскимъ съ 348 года, слѣдовательно всего 22 года спустя послѣ этого событія, ясно и категорически утверждаетъ, что св. древо креста было обрѣтено при Константинѣ и существуетъ и въ его время ¹⁾. Не имѣвшіе успѣха ложныя попытки указать крестъ Христовъ, представляющія лишь поддѣлки подъ историческій фактъ, только еще болѣе утверждаютъ достовѣрность послѣдняго. Естественно, что величайшая святыня обрѣтеннаго царицею Еленою древа крестнаго, сразу же стала предметомъ самаго горячаго почитанія для многочисленныхъ Іерусалимскихъ паломниковъ, стремившихся не только поклониться св. кресту Христову, но и взять частичку отъ него. Уже Кирилль Іерусалимскій говоритъ, что въ его время частички эти распространились по всему міру. По свидѣтельству историковъ слѣдующаго вѣка, часть древа крестнаго царица Елена послала императору Константину, остальное же было заключено въ серебряный ковчегъ и вручено на храненіе предстоятелю іерусалимской церкви. Послѣднее находитъ подтвержденіе и у Кирилла Іерусалимскаго, который говоритъ, что древо крестное, обрѣтенное при Константинѣ, хранится у нихъ, въ Іерусалимѣ и показывается народу (Catech X, 19). Въ IV же вѣкѣ уже приняты были и мѣры противъ благочестивыхъ паломническихъ расхищеній св. древа. Это ясно видно изъ интересовъ описанія богослуженія Великой пятницы, сдѣланнаго знатною паломницею IV вѣка. „На Голгоѣѣ за Крестомъ, говорится здѣсь, (еще до шестого часа утра) поставляется епископу каедрa. На эту каедрu садится епископъ; ставится передъ нимъ столъ, покрытый полотномъ; кругомъ стола стоятъ діаконы, и приносится серебряный позолоченный

¹⁾ Epist. ad Constantium: Cautech X, 19.

ковчегъ, въ которомъ находится святое древо креста; открывается и вынимается; кладется на столъ какъ древо креста, такъ и дощечка. И такъ, когда положено на столъ, епископъ сидя придерживаетъ своими руками концы святаго древа, діаконы же, которые стоятъ вокругъ, охраняютъ. Оно охраняется такъ потому, что существуетъ обычай, по которому весь народъ, подходя поодиночкѣ, какъ вѣрные, такъ и оглашенные, наклоняются къ столу, лобызаятъ святое древо и проходятъ. И такъ какъ, рассказываютъ, не знаю когда, кто-то отгрызъ и уворовалъ частицу святаго древа, то по этому теперь діаконы, стоящіе вокругъ, такъ и охраняютъ, чтобы никто изъ подходящихъ не дерзнулъ сдѣлать того же. И такъ проходитъ весь народъ поодиночкѣ, всѣ, преклоняясь и касаясь сперва челою, потомъ очами креста и дощечки и облобызавъ крестъ, проходятъ; руку же никто не протягиваетъ для прикосновенія¹⁾. Благородная римлянка Павла, посѣтившая Іерусалимъ вмѣстѣ съ дочерью своею Евстохіею въ концѣ того же IV вѣка (386 г.), писала въ Римъ къ Марцеллѣ: „ужели не настанетъ тотъ день, когда намъ можно будетъ войти въ пещеру Спасителя, въ гробницѣ Господа плакать съ сестрою, плакать съ матерью, потомъ лобызать древо креста?“²⁾. Св. Порфирій, епископъ Газскій (умершій въ 421 г.), поклонившись святому древу креста и облобызавъ его, положилъ его (обратно) въ золотой ящикъ, ключъ отъ котораго передалъ епископу Праилію³⁾. Θεодосій (около 530 г.) говоритъ, что крестъ украшенъ золотомъ и драгоценными камнями⁴⁾. Антонинъ Мартиръ поклонялся святому древу креста и лобызалъ его; „и дощечку, прибавляетъ онъ, которая была поставлена надъ головою у Іисуса, я видѣлъ и держалъ въ рукѣ моей и цѣловалъ,“⁵⁾. Нѣсколько

¹⁾ См. Правосл. Пал. Сборн. Вып. 20, стр. 57—58. 158—159.

²⁾ Tobleret Molinier Jtinera hierosol. Genev. 1879 p. 46.

³⁾ Tobler, Golgatha, st. Gallen u. Bern. 1851, S. 65. n. 2.

⁴⁾ Tobler, Jtin. hieros. p. 64.

⁵⁾ Jbiad. p. 102.

времени спустя, древомъ креста овладѣли персы, но въ 628 г. оно было снова возвращено императоромъ Иракліемъ. По свидѣтельству Кедрина, изъ Іерусалима оно было отослано въ Константинополь. И дѣйствительно, Аркульфъ въ своемъ описаніи святыхъ мѣстъ Іерусалима отъ 670 года говоритъ уже о большомъ серебряномъ крестѣ, поставленномъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ крестъ деревянный, на которомъ былъ распятъ Спаситель; самаго же деревяннаго креста онъ уже не видѣлъ ¹⁾. Когда было возвращено св. древо креста опять въ Іерусалимъ, не извѣстно; въ исторіи крестоносцевъ о немъ часто упоминается: оно служило для нихъ ободреніемъ и охраною въ битвахъ съ невѣрными. Прослѣдить дальнѣйшую судьбу древа крестнаго нѣтъ достаточныхъ данныхъ. Быть можетъ, съ теченіемъ времени благочестивыя желанія многихъ обитателей имѣть у себя частицу креста повели къ тому, что, постепенно уменьшаясь въ объемѣ, оно, наконецъ, раздробилось совершенно, и теперь остались лишь отдѣльныя частички его, хранящіяся во многихъ храмахъ и монастыряхъ.

Н. Маѣкавейскій.

¹⁾ Jtinera hieros. P. 151.

У к і о с к а .

Съ натуры.

Этотъ кіоскъ стоялъ на углу одной изъ блестящихъ улицъ большого промышленнаго города.

Когда я ни проходилъ мимо этого кіоска,—въ восемь ли часовъ утра, отправляясь на занятія, въ четыре ли часа во время прогулки, или же вечеромъ по пути куда-нибудь къ знакомымъ,—я всегда видѣлъ около кіоска плотную толпу народа, въ которой каждый ожидалъ той или другой газеты, журнала, брошюры...

Иногда и мнѣ приходилось спрашивать что-нибудь въ кіоскѣ. При этомъ я съ перваго же раза обратилъ вниманіе

на продавца газетъ. Это былъ высокій, стройный, художавый старикъ съ большою, серебрящейся сѣдиной, бородою и такими же волосами. Одѣтъ онъ былъ опрятно и со вкусомъ, и общее впечатлѣніе отъ него было такое, будто это какой-нибудь интеллигентъ—преподаватель, чиновникъ или врачъ—бросилъ свое профессиональное дѣло и сѣлъ въ кіоскъ продавать газеты. Особенно же обращали на себя вниманіе глаза торговца. Необычайно пытливые и вмѣстѣ добрые, ласковые, они, казалось, анализировали каждаго покупателя, какъ бы желая угадать, почему онъ покушаетъ именно такую—крайнюю правую, или крайнюю лѣвую—газету, а не какую-либо другую?

Такого рода вопросъ читалъ и я въ глазахъ газетчика, когда въ первый разъ покупалъ у него газету. И мнѣ невольно хотѣлось заговорить съ нимъ.

— Вы желаете спросить, почему мнѣ понадобилась эта кровожадная газетка?—хотѣлось сказать мнѣ:—не подумайте, что я вашъ единомышленникъ. Вѣдь вы, вѣроятно, крайній лѣвый? Не крайняго лѣваго среди газетчика, я думаю, теперь трудно встрѣтить. Но я... пѣтъ. Я беру эту газету только для справокъ.

Такъ хотѣлось мнѣ отвѣтить на безмолвный вопросъ газетчика, но я, конечно, ничего не отвѣтилъ и продолжалъ свой путь.

Пристально, съ едва уловимой добродушной улыбкой всматривался въ меня газетчикъ и потомъ, когда я покупалъ у него разныя — то правыя, то лѣвыя, то умѣренныя—газеты.

— Выбираешь? — казалось говорили его глаза: — что же?.. Это—ничего... Хорошо...

Именно одобреніе своей практикѣ видѣлъ я и въ той его готовности и ласковости, съ какой онъ подавалъ мнѣ то ту, то другую изъ спрашиваемыхъ мною газетъ.

И всякій разъ мнѣ хотѣлось съ нимъ поговорить.

Какъ-то однажды, воспользовавшись тѣмъ, что, по случаю сырой погоды, не было покупателей, я взялъ у газетчика нужную мнѣ газету и заговорилъ:

— Ну что? Какъ дѣла?—стараясь непринужденно и добродушно улыбаться въ рендантъ къ такой же улыбкѣ газетчика, спросилъ я:—шибко торгуемъ?

Торговецъ сразу оживился. Улыбка его стала ярче и еще симпатичнѣе. Онъ, видимо, скучалъ, одиноко сидя въ кіоскѣ, и ему хотѣлось поговорить.

— Ничего, ничего... Торгуемъ... Дѣла идутъ...

— Ну, а какъ, позвольте спросить,—продолжалъ я:—какія теперь газеты больше идутъ? Пожалуй, однѣ только лѣвья? Да, несомнѣнно, лѣвья,—подсказалъ я отвѣтъ, казавшійся мнѣ единственно возможнымъ.

— Итъ,—отвѣчалъ газетчикъ:—зачѣмъ же? И правья идутъ. Ну, да эти такъ себѣ... Между прочимъ какъ то... А вотъ умѣренные,—эти ходко идутъ. Спрось большой...

— А все-таки, — интересовался я: — согласитесь, что лѣвья-то газеты идутъ уже очень хорошо? Слишкомъ хорошо?

— Итъ... И этого нельзя сказать... Раньше... Это— правда... А теперь—слава Богу...

— „Слава Богу“—подумалъ я:—значить, не изъ крайнихъ.

— Слава Богу? — переспрашиваю: — почему же слава Богу?

— Да какъ же? Вѣдь это... что?—Безобразіе!

Газетчикъ привычнымъ ловкимъ движеніемъ досталъ съ полки только что вышедшій № мѣстной газеты съ иллюстрированнымъ приложеніемъ, которое цѣликомъ почти было заполнено всякаго рода карриатурами и шаржами безшабашнаго характера, при чемъ расчеты на вкусы публики низшаго разбора были очевидны.

— Развѣ это газета?—какъ бы требуя моего согласія, говорилъ газетчикъ:—видите ли: я самъ крестьянинъ по

происхожденію. Только давно я изъ деревни-то. По все-таки съ деревней я въ постоянныхъ сношеніяхъ и жизнь тамошнюю знаю. Знаю жизнь и городского рабочаго люда. Господи! Сколько тутъ вездѣ темноты, невѣжества, путаницы въ воззрѣніяхъ, убѣжденіяхъ и т. д.! А сколько нравственной испорченности, грязи? Свѣтитъ да свѣтитъ тутъ нужно! Чистить да чистить! И вотъ бывало—увидишь газету или книгу—сердце радуется, потому что знаешь, что это дѣйствительно свѣтъ для народа, лучъ, освѣщающій дорогу къ новой, лучшей и чистой жизни. Правда, и раньше были нечестныя газеты, но тѣ были наперечетъ. А теперь онѣ какъ грибы послѣ дождя. Раньше газета—въ среднемъ-то числѣ—была благородная. И читателя изъ нашего брата она облагораживала. А теперь... что? Вѣдь ясно—не вверхъ вотъ эта газета хочетъ вести читателя, а сама внизъ спускается, въ грязи начкается... Въ темныхъ массахъ еще замѣтно господствуютъ разные первобытные, можно сказать, инстинкты. И, кажется мнѣ, не потворствовать нужно этимъ инстинктамъ, а всячески противодѣйствовать имъ...

— Дайте мнѣ пожалуйста „Нашъ день“.

Сзади меня стоялъ какой-то, повидимому, неинтеллигентный человѣкъ, по внѣшности похожій на приказчика изъ дешеваго галантерейнаго магазина и спрашивалъ именно ту газету, на какую жаловался мнѣ газетчикъ.

Я кивнулъ газетчику головой и отправился своей дорогой.

— Интересный человѣкъ,—думалъ я о немъ, идя по улицѣ:—не пожалѣешь, что заговорилъ съ нимъ. Не мѣшаетъ даже поближе съ нимъ познакомиться.

И я дѣйствительно познакомился.

Уже на слѣдующій день послѣ нашего разговора газетчикъ встрѣтилъ меня дружелюбнымъ поклономъ, какъ стараго знакомаго, и вся фигура его говорила, что онъ всегда очень радъ со мной поговорить.

И въ свободное время я часто заходилъ въ кіоскъ и бесѣдовалъ съ газетчикомъ.

Оказалось, что это былъ приказчикъ въ одномъ изъ книжныхъ магазиновъ города. На службѣ онъ состоялъ уже около двадцати лѣтъ, много читалъ и потому былъ свѣдущъ во многихъ вопросахъ времени. Хозяинъ имъ очень дорожилъ, какъ честнымъ и дѣльнымъ работникомъ и платилъ ему жалованье вполне солидное для того, чтобы прилично одѣться и вообще жить болѣе или менѣе безбѣдно.

— А вѣдь я думалъ, вы отъ себя торгуете?—говорю я разъ.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ газетчикъ, и въ голосѣ его послышалась печальная нотка:—въ томъ-то и бѣда, что нѣтъ.

— Какая же бѣда?—говорилъ я:—такъ-то лучше. Спокойнѣе. Сидите вы тутъ себѣ... Жалованье вамъ уже опредѣленное.

— Такъ-то такъ, да воли-то очень мало,—вздыхнулъ газетчикъ.

— То есть?

— Да что? Вѣдь если бы я самъ себѣ былъ господинъ, такъ развѣ я торговалъ бы вотъ такой-то дрянью,—торговецъ указалъ на какой-то рисунокъ въ лежавшемъ предъ нимъ журналѣ:—Боже сохрани! Ни по чемъ! Съ меня достало бы и настоящей газеты. Всю же эту фальшь я предоставилъ бы другимъ. Доходовъ меньше бы было? Невыгода была бы? Что же? За то совѣсть была бы спокойна. А то вотъ продаешь всю эту дребедень, а сердце-то словно въ тискахъ—такъ и поеть, такъ и поеть.

Я выражалъ газетчику свое сочувствіе.

Изъ разговоровъ же у кіоска узнавалъ я о подлинномъ настроеніи публики въ разные моменты общественной жизни. Тутъ—по ходу торговли—всегда можно было узнать, насколько сильное впечатлѣніе произвела на широкую публику та или другая рѣчь кого-либо изъ знаменитыхъ думскихъ ораторовъ, активно или пассивно отнеслась улица къ какому-либо дѣ-

янію лѣвыхъ партій, рассчитанному именно на то, чтобы привлечь общественное вниманіе, какъ вообще реагируетъ толпа на событія времени. И часто случалось, что когда газеты писали о сенсаціи, произведенной по ихъ наблюденіямъ тѣмъ или другимъ событіемъ, или почему-нибудь летали громы и молніи, отъ которыхъ, казалось, должна была бы потрагистись земля,—въ кіоскѣ было тихо, торговля шла вяло, и публика проходила мимо газетъ совершенно равнодушно. И, наоборотъ—бойко шла торговля, когда, по увѣренію газетъ, въ публикѣ царило равнодушіе къ политической жизни, какъ совершенно подавленной реакціонными мѣрами правительства...

— Ну что,—спрашиваю разъ у газетчика:—какъ наша революція? Прогрессируетъ?

— Да судя по газетамъ—наоборотъ,—говорилъ газетчикъ:—должно быть раскусили теперь эту революціонную газету. Допадется все... Трещить по всеѣмъ швамъ.. Вотъ уже многихъ изъ лѣвыхъ не получаемъ... Приказали долго жить... Разорились. Я, впрочемъ, и давно уже этого ожидалъ. Вѣдь бывало крайнюю лѣвую всякій читалъ.

Смотришь—серіозный, солидный человѣкъ спрашиваетъ не какую иную газету, а непременно лѣвую. На правую же и смотрѣть не хочетъ. Но теперь совсѣмъ не то. Серьезный человѣкъ не смотритъ на лѣвую, а беретъ умѣренную, иногда же и правую. Къ лѣвой теперь молодежь только тянется. Ну а это что же? Это исторія обыкновенная. Это къ революціи большого отношенія имѣть не можетъ.

— Развѣ?

— Извѣстно. По молодости это увлеченіе лѣвой печатью. Вѣдь и мы молоды были, такъ мечтали обо всеѣмъ такомъ разрушительномъ, да страшномъ, и мы хотѣли все переустроить по своимъ сказочнымъ планамъ. Да вѣдь «молодо—зелено»,—говорять. И потому никто намъ ни воли для нашихъ разрушеній ни давалъ, ни планамъ нашимъ никто,

кромѣ насъ самихъ, не вѣрилъ. Не дадутъ никогда молодежи полной воли и теперь, какой бы тамъ она себя ни представляла. А потому пусть молодежь увлекается революціей, пусть читаетъ лѣвыя газеты;—этому я большого значенія не придаю. „Перебѣсятся“ и революцію свою бросятъ. Другое дѣло, когда революціонныя идеи плѣняютъ всѣхъ, такъ сказать, отъ мала до велика, какъ это и было у насъ недавно. Тогда—страшно. Теперь же, можно сказать, за мирную работу можно приниматься...

Эти разсужденія газетчика напомнили мнѣ нѣсколько парадоксальныя слова одного современнаго писателя, который убѣждаетъ спокойнѣе относиться къ буйнымъ выкрикамъ и разнымъ неистовствамъ лѣвой печати, увѣряя, что послѣдняя существуетъ спеціально для молодежи. Молодость,—говоритъ писатель,—время безотчетныхъ порывовъ, безграничныхъ желаній, безудержа въ области мысли и жизни. Чтобы удовлетворить этимъ особенностямъ молодой природы, и существуетъ, благодаря предпримчивости догадливыхъ или молодыхъ же людей, лѣвая печать, интересъ которой для человѣка лишь временный, какъ и интересъ, напр., танцевъ, баловъ, разныхъ увеселительныхъ собраній и т. под. Пройдетъ молодость, порывы и желанія человѣка войдутъ въ свои границы, и тогда онъ по естественной необходимости больше будетъ думать и разсуждать, и лирическія передовицы лѣвыхъ газетъ уже перестанутъ умилять его.

— Да теперь, продолжалъ газетчикъ свои соображенія:—и молодежь-то не такъ уже читаетъ крайнюю лѣвую, какъ бывало. Раньше подавай ей что ни на есть самую разухабистую и конецъ. А теперь иной изъ молодежи—студентъ или рабочій—разухабистую-то возьметъ, а потомъ и умѣренную спроситъ. Разухабистую-то тутъ же вотъ на тротуарѣ и развернетъ, да читать начнетъ, а умѣренную въ карманъ положить. Тутъ-то на улицѣ или въ вагонѣ читать стыдится еще, ну а дома-то должно быть прочитаетъ. А нѣкоторые уже настолько расхрабрились, что прямо на виду у

всѣхъ читають правыя газеты. Видишь это, и какъ-то легче на душѣ становится. Право. Я не то, что за правыхъ стою. Пѣтъ. Только я такъ рассуждаю: всякій предметъ пужно разсматривать съ разныхъ сторонъ и ужъ тогда только судить о немъ. Иначе же толку не будетъ. Сужденіе выйдетъ одностороннимъ, хромымъ. А на одной ногѣ далеко не уѣдешь. Хорошо бы, конечно, устроить жизнь на райскій образецъ. И кто бы отъ такой жизни отказался? Но—помнимо всего остального—какъ устроить-то такую жизнь? Гдѣ средства для этого? Дѣйствительныя-то условія благоприятствуютъ ли такому устроению жизни? Вотъ недавно въ одной лѣвой газетѣ я нашелъ жалобу на то, что до самаго послѣдняго времени наша оппозиція забывала объ условіяхъ «горькой дѣйствительности», находясь во власти «иллюзіи». И газета радуется, что «за послѣдніе мѣсяцы» оппозиція отъ своей „болѣзни“ оправляется: вѣра въ цѣлительную силу скородѣйствующихъ средствъ съ каждымъ днемъ ослабѣваетъ“. Газета радуется. И мнѣ кажется, не радоваться нельзя, если только въ оппозиціонныхъ сферахъ вѣра въ «*скородѣйствующія* средства» дѣйствительно проходитъ. Въ самомъ дѣлѣ, носиться въ воздухѣ «безъ руля и безъ вѣтриль». это едва ли основательно и похоже на то, что мнѣ разъ въ магазинѣ барыня одна рассказывала: «вотъ,—жаловалась барыня:—купила я у васъ недѣлю назадъ Жюля Верна да Майна Рида; пачитались ихъ мои дѣтишки (два сына у нея; въ гимназію только что поступили), да и захотѣлось имъ безмятежной жизни на островахъ Тихаго океана. Сговорились, сложили свои деньги—всего сорокъ копеекъ оказалось у нихъ—да и бѣжали изъ дому на свои острова. Цѣлую недѣлю я ходила сама не своя. Полицію на ноги поставила. Едва нашли мечтателей. Скрывались въ 50 верстахъ отъ города въ лѣсу, въ какомъ-то старомъ заброшенномъ шалашѣ. Привезли ихъ домой, смотрю—истрепанные, оборванные, грязные. Не знаю, какъ живы остались, съ голоду не умерли“. Такъ вотъ и у насъ,—продолжалъ газетчикъ:—въ карманѣ-то только сорокъ копеекъ,

а хотимъ сразу рай на землѣ устроить. Невѣроятно какъ-то. А потомъ и опасно. Какъ бы отъ всей этой нашей самоувѣренности, самовосхваленій да самовоспѣваній бѣды какой не вышло. У иного отъ этихъ похвалъ современному «свободному, смѣлому и сильному» человѣку вскружится голова, и онъ, пожалуй, подумаетъ, что хорошо, умно и свято все, что онъ ни сдѣлаетъ. Право. Хоть революція у насъ теперь и слабѣетъ, хоть ей и занята теперь почти одна молодежь, но дѣло въ томъ, что революція у насъ была, и одно время у насъ прощалось человѣку все, если онъ имѣлъ ярлыкъ: „за свободу“. Вотъ это какъ бы не оставило какого печальнаго слѣда...

По случайнымъ для меня обстоятельствамъ мнѣ пришлось выѣхать изъ того города, въ одномъ изъ кіосковъ котораго сидѣлъ словоохотливый торговецъ, и довольно долго я его не видѣлъ.

И каково же было мое удивленіе, когда я, вернувшись въ городъ, не нашель въ знакомомъ кіоскѣ добродушнаго старика съ серебристыми волосами! вмѣсто него мнѣ подавалъ газету какой-то молодой человѣкъ лѣтъ 25-ти, но съ очень увѣренными манерами и съ самодовольнымъ лицомъ. Въ глазахъ этого продавца уже ничего нельзя было прочесть, кромѣ обычнаго коммерческаго вопроса: „что угодно?“

— Гдѣ же прежній здѣшній торговецъ?—невольно сорвалось у меня.

— А я почему знаю,—грубымъ и какъ-будто оскорбленнымъ тономъ отвѣчалъ торговецъ и, смотря черезъ мою голову, спрашивалъ слѣдующаго покупателя.

— Вамъ что угодно?

Но я сейчасъ же нашель своего пропавшаго пріятеля. Онъ стоялъ тутъ же неподалеку отъ кіоска и, завидѣвъ меня, ждалъ меня своимъ добродушнымъ ласковымъ взоромъ. Костюмъ на моемъ знакомомъ былъ уже поношенный, запыленный. Въ лицѣ, не смотря на обычную улыбку, была какая-то тревога, безпокойство.

— А!—обрадовался я:—какъ живете? Почему это вы не у своего мѣста?

Газетчикъ улыбулся печальной улыбкой и какъ-то отрицательно махнулъ рукой.

— Что такое?—спросилъ я.

— Да что? Разошелся на старости лѣтъ съ хозяиномъ. Повздорили, и ушелъ я отъ него. Онъ меня не задерживалъ. Вотъ и оказался я на улицѣ...

— Да въ чемъ дѣло?—педоумѣвалъ я.

А вы развѣ не обратили вниманія, что теперь продается въ кіоскѣ?

— Да все то же. Тѣ же газеты. И вотъ я сейчасъ купилъ...

— А вотъ пожалуйста... Я вамъ поближе покажу.

Газетчикъ подвелъ меня къ стекляннымъ стѣнкамъ кіоска и, тыча пальцемъ то въ одну, то въ другую точку, говорилъ, какъ бы прося у меня оправданія своей ссорѣ съ хозяиномъ.

— Это что? Видите? А это? А вотъ?... Еще лучше!..

« Дѣйствительно, я не ожидалъ того, что увидѣлъ.

Всѣ стѣны кіоска были уставлены изнутри разными журальчиками и брошюрками порнографическаго содержанія и съ такими же рисунками на обложкахъ. „Веселые анекдоты“, „Купальщицы“, „Веселая вдова“, „Всемирный Юморъ“, „Шутенокъ“, „Наши Дамы“, „Безешки“, „Брачная Газета“, „Флиртъ“ такъ и мелькали въ глазахъ на ряду съ „передовыми“ газетами и журналами.

— Вѣдь это срамъ,—съ горечью въ голосѣ произнесъ старикъ, замѣтивъ, что увидѣнное мной производить на меня желательное для него впечатлѣніе:—помните, я говорилъ вамъ, какъ бы изъ нашихъ самовосхваленій не вышло какой бѣды? И вотъ видите? Мы стали такъ хороши, что и все въ нашихъ глазахъ стало хорошимъ и дозволеннымъ. Ахъ, какой срамъ, какой срамъ! И это въ такомъ мѣстѣ! На глазахъ у всѣхъ! Вѣдь тутъ всѣ проходятъ: дѣти, гимназистки.

А не замѣтить этого безобразія нельзя. Смотрите, какіе рисунки! Почти по-поляршину! Я въ свое время пробовалъ уже прикрывать ихъ хоть сколько нибудь, заставляя другими брошюрками. Куда тутъ! Хозяинъ на дыбы! „Ты,—говорить,—миѣ торговлю портишь.

— „Да вѣдь нечестная торговля-то, Григорій Васильевичъ,—говорю; — стыдная“. — „Ишь, — говоритъ,—дѣвственникъ какой нашелся! Туда же,—кричитъ,—съ суконнымъ рыломъ въ калачный рядъ!“ — Дальше больше, дальше больше—обидно миѣ показалось, плюнулъ я, да и бросилъ это дѣло. — „Торгуйте, молъ, себѣ, какъ хотите. А я противъ своей совѣсти идти не могу и грѣха на душу принимать не желаю. Плюнулъ, купилъ вотъ своихъ газетъ,—газетчикъ указалъ на портфель, бывший у него подъ мышкой:—безъ грязной этой уличной дряни и торгую себѣ. Покупатели меня на этомъ углу знаютъ и часто мимо кіоска проходятъ и прямо ко миѣ.

— Ну и что же? Ничего дѣла-то?

Лицо старика нѣсколько пошкло.

— Того житья,—проговорилъ онъ:—что раньше было, нѣтъ уже. На старости лѣтъ много безпокоиться приходится. Вы знаете: бывало я жалованье получалъ независимо отъ того, какъ шла торговля—плохо ли, хорошо ли. А теперь вотъ гоняйся за покупателемъ, какъ гончая... Ну да совѣсть, впрочемъ, за то чиста и сознаніе оградное: не служу, молъ, этому поганому дѣлу, а борюсь съ нимъ...

При послѣднихъ словахъ старика я какъ-то разомъ вспомнилъ недавно прочитанную мною газетную статью, гдѣ выражалась жамоба на страшное развитіе у насъ въ послѣднее время порнографической литературы и дѣлался призывъ къ борьбѣ съ этимъ прискорбнымъ явленіемъ. Въ статьѣ говорилось, что въ любомъ книжномъ магазинѣ вамъ назовутъ цѣлый букетъ нашихъ и иностранныхъ знаменитостей, которые трактуютъ одинъ только вопросъ—половой—и въ направленіи, наиболѣе подходящемъ ко вкусамъ развращенной

части общества. Любой книготорговецъ, — говорилось въ статьѣ,—скажетъ вамъ, что гвоздемъ послѣдняго сезона на книжномъ рынкѣ является „Хороводъ“ какого-то Шнитцлера, гнусная вещь, гдѣ авторъ изображаетъ міръ въ фигурѣ какого-то хоровода, въ которомъ безконечною цѣнью сплетаются между собою солдаты, писатели, актрисы, проститутки, отцы, сыновья, дворники, графы... Всѣ... родственники между собою. И все это изображеніе сдѣлано въ высшей степени неталантливо, грубо, цинично, безъ какого-либо намека на глубокую мысль. Просто сально и пошло, и больше ничего. У насъ, по сообщенію газеты, популяризаторами порнографическаго искусства являются Осипъ Дымовъ и Кузьминъ, обычная тема которыхъ—нечистая любовь, изображаемая въ самыхъ грубыхъ, „матчишныхъ“ тонахъ. А какая-то г-жа Зиновьева-Ганнибалъ, авторъ тоже какихъ-то „Тридцати трехъ уродовъ“ воспѣваетъ и проповѣдуетъ однополую любовь, въ чемъ, впрочемъ, ей вторитъ и г. Кузьминъ. Вспомнилъ я также и о тѣхъ безцеремонныхъ объявленіяхъ о разныхъ скабрёзнейшихъ книгахъ, какія можно въ изобиліи встрѣтить даже и въ наиболѣе чистоплотныхъ газетахъ. Представилъ себѣ ежедневныя сцены на городскихъ улицахъ, когда какіе-то мальчуганы съ портфелями подъ мышкой, ничѣмъ не стѣсняясь, предлагаютъ прохожимъ всякаго рода „пиканки“, содержаніе которыхъ должно, кажется, поразить самое развратное воображеніе. Вспомнилъ я все это, и мнѣ стало удивительно ясно, что на нашу многострадальную Русь надвигается новое опасное зло, съ которымъ нужно бороться, и я горячо пожалъ руку знакомому газетчику.

Придя же домой я отыскалъ въ извѣстной книгѣ М. Пордау „Вырожденіе“ когда-то раньше обратившее на себя мое вниманіе мѣсто: „мы должны сдѣлаться противъ отродья, превратившаго порнографію въ ремесло. Представители этого отродья не имѣютъ даже права на то состраданіе, которое намъ внушаютъ психопаты, какъ больныя существа. Они добровольно выбрали себѣ свое унижительное ремесло...

Систематическое раздраженіе похоти наноситъ тяжелый вредъ физическому и психическому здоровью отдѣльнаго человѣка. Общество, состоящее изъ чрезмерно раздраженныхъ въ половомъ отношеніи индивидовъ, не знающихъ ни самообладанія, ни благопристойности, идетъ на встрѣчу вѣрной гибели, ибо оно слишкомъ туго и вяло, чтобы выполнять другія болѣе высокія задачи. Порнографъ зачумляетъ источники, изъ которыхъ будутъ черпать жизнь будущія поколѣнія. Самая трудная задача цивилизаціи состояла въ томъ, чтобы обуздать похотливость. Порнографъ хочетъ лишить насъ плода величайшихъ усилій человѣчества. Мы не имѣемъ права падить его“.

— Да, нужно теперь же упорно бороться съ новымъ зломъ,—думалъ я по прочтеніи рѣзкихъ словъ Нордау:— нужно бороться, и словомъ, и дѣломъ. И, конечно, не одному только газетчику. Средства же борьбы, въ видѣ соответствующихъ цѣли организацій, уже указаны на Западѣ.

Николай К—въ.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 11-го сентября 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. **№ 38.** Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1907-го года сентября 23-го дня.

Содержаніе: I. Иуда Предатель въ изображеніи Леонида Андреева. II. Второй бракъ священнослужителей предъ судомъ христіанскаго ученія.—III. Политикъ—IV. Замѣтка. Общенародное пѣніе въ с. Тарумовкѣ.

Иуда Предатель въ изображеніи Леонида Андреева („Иуда Искаріотъ и другіе“. Сборн. „Знаніе“, кн. XVI).

Пройдутъ тысячелѣтія, одни народы смѣнятся другими, а имя Иуды Предателя будетъ произноситься съ презрѣніемъ и страхомъ одинаково и добрыми и злыми... Иуда—„лице съ перваго взгляда ужасное и вмѣстѣ таинственное, состоящее въ какой-то особенной разительной противоположности съ достопоклоняемымъ лицомъ Сына Человѣческаго“¹⁾. Неудивительно, что еще въ глубокой древности пытались проникнуть въ мрачную душу Иуды и такъ или иначе объяснить ужасный фактъ предательства Божественнаго Учителя однимъ

¹⁾ „Послѣдніе дни земной жизни Господа“... Архіеп. Иннокентія. Соч. т. 2-й. Изд. Вольфа. 1901, стр. 43.

изъ Его двѣнадцати апостоловъ. По свидѣтельству Иринея Лионскаго, канниты почитали Иуду за то, что „только онъ зналъ истину и совершилъ тайну преданія“, разрѣшивъ такимъ образомъ „все земное и небесное“¹⁾. Въ древности было распространенымъ и другое мнѣнiе, что Иуда, предавая Спасителя, не ожидалъ Его смерти; онъ надѣялся, что всемогущество Его поможетъ Ему избавиться отъ враговъ. Это мнѣнiе не забыто и въ повѣйшее время; только оно значительно дополнено и развито²⁾. Интересующiеся личностью Иуды, не отрицая его своекорыстнаго нрава, стараются отыскать въ дѣйствiяхъ предателя благородныя побужденiя. Онъ, говорятъ, болѣе всѣхъ заботился объ успѣхѣхъ дѣла своего Учителя и съ неослабнымъ вниманiемъ слѣдилъ за всѣми событiями, совершавшимися вокругъ Него. Когда Иуда ясно понялъ, что споръ Иисуса Христа съ синадрiономъ принялъ рѣшительный характеръ и, по его мнѣнiю, непременно долженъ имѣть благопрiятный для Него исходъ, если только Онъ умѣло воспользуется настроенiемъ многочисленнаго народа, такъ расположеннаго къ Нему, и когда, съ другой стороны, для Иуды стало очевиднымъ, что его Учитель совершенно не расположенъ дѣйствовать средствами, свойственными людямъ, то онъ и рѣшилъ при первомъ удобномъ случаѣ предать Христа и пойти навстрѣчу планамъ синадрiона. „Въ какое волненiе“, думалъ онъ, „придетъ народъ, узнавъ, что Мессiя въ узахъ! Чего не сдѣлаетъ онъ для ниспроверженiя нелюбимаго синадрiона и ненавистной преторiи! Учитель волею-неволею сдѣлается царемъ Израиля, а Искаріоту будетъ принадлежать честь быть первымъ виновникомъ та-

¹⁾ Соч. св. Иринея Лионскаго: „пять книгъ противъ ересей“. Москва. 1871. Кн. I, глава XXXI, стр. 124.

²⁾ Такъ объясняетъ поведение Иуды, напр. Шмидтъ. Другiе ученые, какъ напр., Шаулюсъ и Газе приписываютъ Иудѣ мысль о возможности вооруженнаго сопротивленiя со стороны Иисуса. См. Жизнь Господа нашего Иисуса Христа. Свящ. Т. Буткевича. Москва. 1883, стр. 456.

кого счастливаго переворота. И такъ—сотворимъ злая, да придутъ благая“ (Римл. 3, 8) ¹⁾.

Такое освѣщеніе „мрачной трагедіи“ Іуды, идущее, какъ замѣчено, изъ древности, не имѣемъ никакого историческаго основанія и находится въ рѣзкомъ противорѣчій съ повѣствованіемъ евангелистовъ, объясняющихъ предательство Искаріота внушеніемъ сатаны и пристрастіемъ предателя къ серебряникамъ (Ев. Лук. 22, 3; Іоанн. 12, 6 и др.). Тѣмъ не менѣе отраженіе древняго мнѣнія объ Іудѣ мы можемъ видѣть въ одномъ изъ послѣднихъ произведеній Л. Андреева „Іуда Искариотъ и другіе“, помѣщенномъ въ Сборникъ „Знаніе“ (1907 г. кн. XVI). Это произведеніе Андреева, какъ и „Жизнь Человѣка“, внесетъ не малую смуту въ сердца вѣрующихъ тѣмъ смѣшеніемъ возвышеннаго и низкаго, историческаго и фантастическаго, которое допущено авторомъ съ предвзятою цѣлію представить Іуду читателямъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Изъ адвокатской и умѣло построенной рѣчи Л. Андреева ясно, что никакого предательства, коварнаго и позорнаго, которымъ обычно клеймятъ Искариота, не было. Іуда—это великая нравственная сила, непонятая окружающимъ его ничтожествомъ. Ослѣпленный охватившей все его существо идеей видѣть во что бы то ни стало Христа прославленнымъ на землѣ, онъ всѣ силы своего могучаго духа подчиняетъ этой идеѣ. Когда же Іуда увидѣлъ, что Іисусъ какъ бы колеблется и тѣмъ отодвигаетъ осуществленіе его жизненной мечты въ неопредѣленную даль, то рѣшилъ предать Его въ руки враговъ, твердо надѣясь, что толпа, кричавшая Ему „Осанна“, заставитъ Его провозгласить Себя царемъ того царства, о которомъ думали и другіе апостолы. Со времени предательства Спасителя Іуда начинаеть переживать ужасныя душевныя муки, но какія муки? Муки раскаянія, сожалѣнія, что продалъ кровь неповинную, муки

¹⁾ Цитов. соч. Інокентія т. I, стр. 219—220. Сравни. „Жизнь І Христа“ Фаррара. Перев. Ѳ. Матвѣева Москва. 1876, стр. 167, часть 2-я.

стыда за гнусный поступокъ? Нѣтъ, этимъ чувствамъ, по изображенію Андреева, не было мѣста въ душѣ Искаріота. Его душу обуревали страхъ предъ неизвѣстнымъ будущимъ, ожиданіе и надежда на то, что скоро исполнятся его смѣлыя мечты. Вотъ почему въ произведеніи Андреева личность Иуды выступаетъ съ такими чертами характера, которыя не позволяютъ видѣть въ немъ „разительной противоположности съ достопоклоняемыхъ лицомъ Сына Человѣческаго“. Вотъ почему авторъ находитъ возможнымъ допустить даже сближеніе между страданіями Христа и Предателя. „Среди толпы“, говоритъ онъ, „были только они двое, неразлучные до самой смерти, дико связанные общностью страданій.—Тотъ, Кого предали на поруганіе и муки, и тотъ, кто Его предалъ. Изъ одного кубка страданій, какъ братья, пили они оба, Преданный и предатель, и огненная влага опаляла чистыя и нечистыя уста“ (317 стр.).

Чѣмъ яснѣе опредѣлялся крестный путь Божественнаго Страдальца, тѣмъ ужаснѣе становилось состояніе Иуды... Онъ упорно закрывалъ глаза на дѣйствительность; она представляется ему какимъ-то ужаснымъ кошмаромъ, и онъ съ трепетомъ ждетъ, что вотъ-вотъ, въ одно мгновеніе, вся картина измѣнится. Когда вокругъ Христа на время, ночью, стало тихо, голова Иуды наполнилась „ревомъ тысячъ взбѣсившихся мыслей“. „Они догадались? Они поняли, что это—самый лучший человѣкъ,—это такъ просто, такъ ясно? Что тамъ теперь? Стоять предъ Нимъ на колѣняхъ и плачуть тихо, цѣлуя Его ноги. Вотъ выходитъ Онъ сюда, а за Нимъ ползутъ покорно тѣ,—выходитъ сюда, къ Иудѣ, выходитъ побѣдителемъ, мужемъ, властелиномъ правды, богомъ... Кто обманываетъ Иуду? Кто правъ?“ (320 стр.). Но очарованіе, надежда смѣняются отчаяніемъ. Опять крикъ и шумъ. Бьютъ опять. „Не поняли, не догадались“... Толпа двигалась къ Пилату; развязка приближалась... Вдругъ въ толпѣ Иуда замѣчаетъ знакомыя лица,—тѣхъ, которые кричали „Осанна“!.. „Такъ, такъ! быстро подумалъ Иуда, и голова его закружи-

лась, какъ у пьянаго.—Все кончено. Вотъ сейчасъ закричать они: это—нашъ, это Иисусъ; что вы дѣлаете? и всѣ поймутъ и... Но вѣрующіе шли молча“ (322 стр.). Обезумѣвшій предатель теряетъ способность понимать происходящее. Не смотря на близость скорого конца земной жизни Христа, онъ обращается къ Оомъ съ словами: „Слушай, васъ здѣсь много. Нужно чтобы вы всѣ собрались вмѣстѣ и потребовали: отдайте Иисуса, Онъ нашъ. Вамъ не откажутъ, не посмѣютъ. Они сами поймутъ“... Уже стали пригвозждать одну руку Иисуса ко кресту, а Иуда думаетъ: еще не поздно. Пригвозждаютъ другую, ногу..., неужели все кончено? „Что можетъ удержать отъ разрыва тоненькую пленку, застилающую глаза людей? Вдругъ—они поймутъ? Вдругъ всею своею грозною массою мужчинъ, женщинъ и дѣтей они двинутся впередъ, молча, безъ крика, сотрутъ солдатъ, зальютъ ихъ по уши своею кровью, вырвутъ изъ земли проклятый крестъ и руками оставшихся въ живыхъ высоко надъ тѣнью земли поднимутъ свободнаго Иисуса! Осанна! Осанна!“ (327 стр.).

Такъ рисуетъ г. Андреевъ картину душевнаго состоянія Иуды во время страданій Христа. Въ этомъ изображеніи отъ историческаго Иуды, котораго изображаютъ евангелисты съ опредѣленными чертами характера, остается лишь слабый слѣдъ: авторомъ старательно вычеркнуто все, что христіанину представляется самымъ позорнымъ и ужаснымъ въ предательствѣ Спасителя однимъ изъ апостоловъ. Строго говоря, Иуда, какъ описываетъ его Андреевъ,—это лишь несчастная жертва ослѣпленія несбыточными мечтами; это фанатикъ, не желающій считаться съ реальными фактами и упорно идущій къ намѣченной цѣли, не разбирая путей, ведущихъ къ ея достиженію. Онъ поэтому долженъ возбуждать чувство сожалѣнія и, если угодно, удивленія, но никакъ не отвращенія и презрѣнія...

Иуда, по представленію Андреева, натура чрезвычайно сложная. Онъ сотканъ изъ противорѣчій. Его дѣйствія рѣз-

ки, неожиданны и для поверхностнаго наблюдателя кажутся нецелесообразными. Его темная, какъ бездна, душа таитъ въ себѣ много неразгаданнаго. Авторъ поэтому ищетъ въ душевныхъ извилинахъ Искаріота еще новыхъ мотивовъ къ предательству Христа и опять съ тою же предвзятою мыслью—показать ошибочность обычныхъ представлений объ Иудѣ, основанныхъ на евангельскихъ и святоотеческихъ свидѣтельствахъ. Оказывается, что могучимъ стимуломъ въ предательскихъ дѣйствіяхъ Иуды служила любовь къ своему Учителю. Любовь и предательство!.. Какъ ни странно и дико звучать эти слова для насъ, тѣмъ не менѣе эти два противоположныхъ полюса въ психологійи человѣческой личности мирно уживались, по мнѣнію Андреева, въ душѣ Иуды. Любить и... предавать; потому и предавать, что любить... Одинъ разъ между апостоломъ Петромъ и Иудею произошелъ такой разговоръ:

— Что ты думаешь объ Иисусѣ? спросилъ Петръ громкимъ шопотомъ. Только не шути, прошу тебя.

Иуда злобно взглянулъ на него.

— А ты что думаешь?

Петръ испуганно и радостно прошепталъ:

— Я думаю, что Онъ Сынъ Бога живаго.

— Зачѣмъ же ты спрашиваешь? Что можетъ сказать тебѣ Иуда!..

— Но ты Его любишь? Ты какъ будто никого не любишь, Иуда!

Съ тою же странною злобою Искаріотъ бросилъ отрывисто и рѣзко:

— Люблю (272—273 стр.).

Любовь Иуды ко Христу принимала по временамъ особенно нѣжный характеръ. Тихою любовію, нѣжнымъ вниманіемъ и ласкою окружалъ Иуда „несчастливаго Иисуса“ (!) и въ послѣдніе дни Его земной жизни. Онъ угадывалъ малѣйшія невысказанныя желанія Его, „проникалъ въ сокровенную глубину Его ощущеній“ (!), мимолетныхъ вспышекъ

грусти, тяжелыхъ мгновений усталости. „Отдалала ли ты Иисусу лилію, которую нашелъ я въ горахъ“, озабоченно спрашивалъ Иуда Марію Магдалину. „Я всталъ рано утромъ, чтобы найти ее и сегодня было такое красное солнце, Марія! Радъ ли былъ Онъ? Улыбнулся ли Онъ?“ (306 стр.). Въ то же время эта любовь такъ непохожа на любовь Иоанна ко Христу, тихую и глубокую, на любовь Петра, горячую и порывистую, соединенную съ чувствомъ благоговѣнія къ своему Учителю. Въ этой любви, если можно такъ сказать, слишкомъ много нравственно грубаго, полное непониманіе свойствъ любимаго существа. Это сказалось особенно замѣтно, когда въ одномъ іудейскомъ селеніи хотѣли побить камнями Христа и Его учениковъ. Охваченный безумнымъ страхомъ за Иисуса, точно „видя капли алой крови на Его бѣлой рубашкѣ“, Иуда яростно и слѣпо бросился на толпу, кричалъ, умолялъ и лгалъ, что „Назорей вовсе не одержимъ бѣсомъ, что Онъ просто обманщикъ, воръ, любящій деньги, какъ и всѣ Его ученики, какъ и самъ Иуда“... Этимъ онъ далъ время уйти Иисусу и ученикамъ. Иуда ожидалъ поздравленій, и благодарности, но ошибся. Разгнѣванный Иисусъ шелъ большими шагами и молчалъ... (278 стр.).

Но какимъ же образомъ любовь предателя ко Христу привела его къ рѣшимости предать Неповиннаго въ руки враговъ? Этотъ вопросъ у Андреева рѣшается такъ. Любя своего Учителя и оказывая Ему постоянно услуги, Иуда, будучи по природѣ расчетливымъ и крайне эгоистическимъ, надѣялся, что его поступки вызовутъ къ нему особое вниманіе со стороны Христа и Его учениковъ. Нельзя не оцѣнить, рассуждалъ онъ, человѣка, который дѣлаетъ такъ много полезнаго для своего Учителя, оберегаетъ съ заботливостію матери Его покой, исполняетъ съ полнымъ усиліемъ (и не безъ выгоды для себя) всѣ хозяйственныя порученія. Расчитывать на вниманіе со стороны Иисуса казалось Иудѣ тѣмъ болѣе естественнымъ, что онъ считалъ себя гораздо выше другихъ учениковъ, называя нерѣдко себя открыто

„смѣлымъ“, „прекраснымъ“, „благороднымъ“ Іудею. Если, думалъ предатель, Петръ и Іоаннъ, не сдѣлавшіе ничего особеннаго, по его мнѣнію, для своего Учителя, мечтаютъ о первенствѣ возлѣ Іисуса и часто спорять объ этомъ, то развѣ онъ, Іуда, не можетъ занять по праву это мѣсто? „Ну-ка, умный Іуда? Скажи-ка намъ, кто будетъ первый возлѣ Іисуса—онъ (Іоаннъ) или я (Петръ)?—спрашивалъ Петръ Іуду. Іуда молчалъ, тяжело дышалъ и глазами жадно спрашивалъ о чемъ-то спокойно глубокіе глаза Іисуса.

— Да—подтвердилъ снисходительно Іоаннъ—скажи ты ему, кто будетъ первый возлѣ Іисуса.

Не отрывая глазъ отъ Христа, Іуда медленно поднялся и отвѣтилъ тихо и важно:

— Я!.. Я! Я буду возлѣ Іисуса! (295 стр.).

Однако Іуда ошибся въ своихъ ожиданіяхъ. Его поступки ни разу не вызвали одобренія Христа. И чтобы ни говорилъ Онъ, Искаріоту казалось, что Онъ говоритъ противъ него. „И для всѣхъ Онъ (Іисусъ) былъ нѣжнымъ и прекраснымъ цвѣткомъ, благоухающею розою ливанскою, а для Іуды оставлялъ одни только острые шипы, какъ будто нѣтъ сердца у Іуды. Такое несправедливое отношеніе къ нему оскорбляло и раздражало его. За что же Учитель не любить его, благороднаго Іуду, а любить такъ другихъ? Развѣ они лучше Іуды? Развѣ не я спасъ Ему жизнь, пока бѣжали любимые Имъ ученики, какъ „трусливыя собаки?“ Для Іуды ученики Христа представлялись „породою малодушныхъ и лжецовъ(?)“ (335 стр.), „стадомъ барановъ(?)“ (278 стр.); добродѣтель Іоанна казалась ему „отсырѣвшею“, а умъ Ѳомы „поѣденнымъ молью“. И вотъ такіе люди пользовались любовью Учителя, постоянно встрѣчали съ Его стороны привѣтливую улыбку и ласку... Негодованіемъ и ненавистію закипало сердце Іуды противъ Того, любви Кого онъ такъ напрасно добивался. Оскорбленный и осмѣянный въ своемъ чувствѣ любви, раздраженный предпочтеніемъ, оказываемымъ Христомъ ученикамъ, Іуда и рѣшилъ предать

своего Учителя, отомстить Ему за всѣ перенесенныя униженія и вмѣстѣ съ тѣмъ показать Ему все ничтожество и бессиліе любимыхъ Его учениковъ. Итакъ могучее, почти стихійное чувство любви соединяется съ чувствомъ мести и приводитъ Искаріота къ предательству Господа. Но и со времени рѣшимости предать Учителя до приведенія въ исполненіе задуманнаго Іуда, по изображенію Андреева, не находилъ себѣ нигдѣ покоя. Онъ все еще рассчитывалъ втайнѣ, что Господь въ рѣшительную минуту позоветъ его къ Себѣ, однимъ ласковымъ словомъ разстроитъ его планы. Въ одинъ изъ вечеровъ „грядущей ночи великаго боя“ (такъ называетъ авторъ „ночь страданій“) Іуда сказалъ Христу:

— Ты знаешь, куда иду я, Господи! Я иду предать Тебя въ руки враговъ Твоихъ...

— Ты молчишь, Господи? Ты приказываешь мнѣ идти?..

— Позволь мнѣ остаться... Вѣдь Ты знаешь, что я люблю Тебя. Ты все знаешь. Зачѣмъ Ты такъ смотришь на Іуду? Велика тайна Твоихъ прекрасныхъ глазъ, но развѣ моя—меньше? Повели мнѣ остаться!.. Но Ты молчишь, Ты все молчишь? Господи, Господи, затѣмъ ли въ тоскѣ и мукахъ искалъ я Тебя всю мою жизнь, искалъ и нашелъ! Освободи меня. Сними тяжесть, она тяжеле горь и свинца. Развѣ Ты не слышишь, какъ трещитъ подъ нею грудь Іуды изъ Каріота?“ (310 стр.). Выходить, такимъ образомъ, какъ будто въ предательствѣ Іуды виновенъ только Христосъ, знавшій его состояніе и душевныя муки и не пожелавшій ни однимъ словомъ, ни движеніемъ остановить несчастнаго, жалкаго, безумнаго предателя... Дѣйствительно, по прочтеніи произведенія Андреева, остается впечатлѣніе вполне благопріятное для Іуды. Не скрывая недостатковъ его, авторъ въ то же время не щадитъ красокъ, чтобы, если не облить совершенно поступокъ Іуды, то смягчить, подыскать для него извиняющія обстоятельства, благородныя побужденія. Не безъ намѣренія, конечно, онъ вычеркнулъ и изъ заглавія своего произведенія слово предатель, замѣнивъ его словомъ „Иска-

ріють“. Разказъ Л. Андреева отъ начала до конца фантазія на историческую тему и съ историческими именами. И въ заглавіи такъ бы и слѣдовало написать: фантазія... Написанное въ художественной формѣ и помѣщенное къ тому же въ сборникъ „Знаніе“, имѣющемъ широкій кругъ читателей, произведеніе извѣстнаго писателя не безъ тайнаго удовольствія прочтется тѣми, кто радъ всякому камню, брошенному въ ограду церковную, съ какой бы стороны ни летѣлъ этотъ камень...

М. Г.

Второй брак священнослужителей предъ судомъ христіанскаго ученія.

Какъ жаль, что идеи, распространяемыя нашими „либеральными“ батюшками, воспринимаются съ большою охотою и любовію и прочими іереями, хотя часто и безъ достаточно критическаго къ нимъ (идеямъ) отношенія. Къ числу такихъ идей и вопросовъ, нанесенныхъ, какъ говорятъ, „со стороны“, думается намъ, можно отнести и вопросъ о второбрачїи священнослужителей. Правда, возразятъ намъ, это—насущная потребность, особенно ясно и ощутительно сознаваемая каждымъ вдовцомъ-священнослужителемъ, который якобы прямо—именно въ виду потери дорогаго существа, какъ пишутъ многіе современные батюшки, „для разгнанія горя и тоски и начнетъ предаваться бахусу и другимъ порокамъ, о нихъ же нѣсть глаголати.., къ тому же, духовный вдовецъ часто слышитъ надъ собой только насмѣшки и сплетни, которыя еще болѣе заставляютъ его предаваться безправственнымъ, позорящимъ духовный санъ, поступкамъ“¹⁾).

Дорогіе отцы! Неужели можно серіозно и отъ сердца писать такія слова? Неужели въ самомъ дѣлѣ положеніе вдово-

¹⁾ Епархіальныя вѣдомости *Костромскія* (№№ 11—12. 1907 г.) и мног. друг.

ваго священнослужителя таково, что оно прямо *заставляет* его предаваться всевозможнымъ безнравственнымъ дѣяніямъ? Неужели дѣйствительно борьба священнослужителя-вдовца съ плотью и другими искушеніями, отъ міра и діавола ему наносимыми, настолько сильна, что онъ даже принуждѣнъ бываетъ слагать съ себя духовный санъ? Размыслите объ этомъ, отцы, посеріознѣе, по совѣсти, при свѣтѣ ученія Христова. Я же думаю объ этомъ совершенно иное.

Прежде всего мнѣ кажется совершенно непонятнымъ, почему священнослужитель, оставшись вдовцемъ, непремѣнно долженъ предаться бахусу и другимъ безнравственнымъ поступкамъ. Въ данномъ случаѣ невольно моему сознанию предносится высокое имя и званіе пастыря Церкви Христовой. Въдь онъ (пастырь)—посредникъ между Богомъ и людьми, путеводитель другихъ къ горнимъ селеніямъ, главный проводникъ истинной святой жизни христіанской для всѣхъ своихъ пасомыхъ, даже для всего міра, и во всѣхъ областяхъ мірской жизни, начиная съ подати Кесарю (Мто. 22, 22) и до исполненія слѣдующаго увѣщанія апостольскаго къ христіанамъ: „ѣдите ли, пьете ли, иное что дѣлаете, все во славу Божию дѣлайте“ (1 Коринѳ. 10, 31). Такъ неужели у сего великаго человѣка, получившаго еще сугубую благодать въ таинствѣ священства, и, по крайней мѣрѣ, еженедѣльно, а то и чаще могущаго существенно соединиться съ Самимъ Христомъ въ святѣйшемъ таинствѣ свхаристіи и въ Немъ (во Христѣ) могущаго обрѣсти себѣ премудрость и разумъ, крѣпость и силу, жизнь и спасеніе,—неужели у него послѣ потери супруги всѣ идеалы сокрушаются, сердце надорвется, нравственная энергія изсякнетъ, огонь любви Божественной потухнетъ, и изъ „ангела Божія“ (такъ называютъ свв. отцы священнослужителей) онъ превратится въ раба страстей, предастся безнравственнымъ поступкамъ? Не думаю. Истинный христіанинъ на все совершающееся въ мірѣ вообще, и въ его жизни въ частности, смотритъ съ точки зрѣнія христіанскаго ученія о Божественномъ Промышленіи.—„Всѣмъ въ

мірѣ править всесильная рука Господня, и если я лишился своей сунруги, то—Его святая воля, такъ Ему угодно; но я вѣрю, что, если Богъ послалъ мнѣ такое искушеніе, то Онъ же и „не попуститъ быть искушаему сверхъ силъ, но при искушеніи дастъ и облегченіе, такъ чтобы я могъ понести“ (1 Кор. 10, 13)—скажетъ истинный священнослужитель-вдовецъ.

Правда, много бѣдъ, лишеній и искушеній предстоитъ въ жизни священнослужителю-вдовцу. Но вѣдь каждый христіанинъ, а тѣмъ болѣе пастырь Церкви Христовой долженъ уже знать, что жизнь—не лѣтняя прогулка, совершить которую и весело, и легко, и пріятно. Жизнь по заповѣдямъ Господнимъ есть жизнь многотрудная, путь крестный, орошаемый кровію тѣхъ, которые по немъ идутъ, и притомъ—путь *единственный* и *общій* для всѣхъ. Не радости и утѣхи обѣщаль Христосъ своимъ послѣдователямъ во время земной ихъ жизни. Если Самъ Онъ, Владыка неба и земли, говорить преосв. Оеофанъ (затворникъ), „во всю жизнь Свою не имѣлъ гдѣ главу поклонить, и кончилъ ее на крестѣ,—то съ какой же стати имѣтъ лучшую участь послѣдователямъ Его? Духъ Христовъ—духъ готовности все терпѣть и благодушно нести все скорбное... Путь христіанина лежитъ по бесплодной, безотрадной пустынѣ. Образецъ—сорокалѣтнее странствованіе израильтянъ по пустынѣ“¹⁾. Вотъ почему Спаситель и заповѣдуетъ каждому христіанину взять крестъ свой (Мтѣ. 10, 38. 16, 24) и быть готовымъ на самыя тяжелыя лишенія и страданія (Мтѣ. 20, 23. 26—28. Иоанн. 13, 5. 15, 20. 16, 33). Равнымъ образомъ и по ученію апостоловъ мы должны постоянно распинать въ себѣ ветхаго человѣка и носить въ тѣлѣ своемъ мертвость Господа Иисуса (Римл. 6, 6—8. 2 Кор. 4, 10) для того, чтобы по мѣрѣ умноженія въ насъ страданій Христовыхъ умножалось Христомъ и наше утѣшеніе (2 Кор. 1, 5). Совлекши съ себя

¹⁾ Еп. Оеофанъ: „Мысли на каждый день года“, с. 352.

ветхаго челоуѣка и облекшись во Христа (Гал. 3, 27), мы должны непрестанно стремиться въ возможно большому Его въ насъ вселенію (Гал. 2, 20), даже до усвоенія въ себѣ Христовыхъ чувствованій (Филипп. 2, 5), такъ чтобы намъ быть „богоносцами и святоносцами“, во всѣхъ отношеніяхъ украшенными заповѣдами Христа. Вся наша жизнь должна быть жертвою Богу и непрерывнымъ богослуженіемъ. Таковъ идеаль, обязательный для каждаго христіанина. Никто не можетъ сказать: я не въ состояніи исполнить заповѣдей Христовыхъ: онѣ выше силъ моихъ. „Всѣ заповѣди, говоритъ св. Симеонъ, новый богословъ, которыя Христось заповѣдалъ апостоламъ, равно заповѣдалъ и намъ, чтобы мы соблюдали ихъ всѣ до единой“, даже малѣйшей; „и если кто станетъ говорить, что никто не можетъ исполнять всѣхъ заповѣдей, тотъ ложно клевететь на Бога“¹⁾.

Итакъ, христіанство учитъ, что путь Божій есть ежедневный крестъ, что нравственное развитіе челоуѣка и всякая добродѣтель достигается только путемъ усиленныхъ трудовъ, подвиговъ, лишеній и сокрушеній духа. Поэтому, кто рѣшается служить Богу, а тѣмъ болѣе, кто желаетъ проводить къ Нему съ собою и другихъ, какъ пастырь Церкви, тотъ долженъ уже заранѣе приготовить душу свою ко всевозможнымъ искушеніямъ, лишеніямъ и огорченіямъ, ибо царство Божіе восхищаютъ не безпечные, не избалованные, а *усиленные* искатели его (Мтѣ. 11, 12). Дѣян. 14, 22). Прежде чѣмъ проповѣдывать людямъ, какъ имъ быть, пастырь (равно и каждый христіанинъ, намѣревающійся служить спасенію ближнихъ) долженъ показать это на себѣ. Ему должно заpastись сначала самому истиннымъ свѣтомъ Христовымъ, а потомъ и изливать его на другихъ. Самообладаніе, самоодолѣніе—прежде всякаго перваго шага. Борьба съ самимъ собою, съ своими страстями должна быть, какъ необходи-

¹⁾ Слова прее. Симеона, новаго богослова, въ перев. Е. Теофана. II, 246. 39.

мое условіе для посвященія себя нравственному возрожденію другихъ. Самая горячая проповѣдь и самое ревностное желаніе служить спасенію людей безъ собственной нравственной подготовки, или, по крайней мѣрѣ, безъ борьбы съ собою, будетъ не чѣмъ инымъ, какъ простымъ самовнушеніемъ, или, выражаясь святоотеческимъ языкомъ, состояніемъ „прелести“ и „бѣсовскимъ наважденіемъ“. Вотъ почему христіанство отъ пастыря Церкви Христовой и требуетъ прежде всего подвигъ личнаго самосовершенствованія, какъ необходимѣйшаго условія для нравственнаго воздѣйствія на другихъ, — „вникай въ себя и ученіе, пишетъ ап. Павелъ Ефескому пастырю: занимайся симъ постоянно: ибо, такъ поступая себя спасешь и слушающихъ тебя“ (1 Посл. в, 16); а затѣмъ, необходимъ связанный съ нимъ подвигъ самоотреченія. Зародить жизнь въ слушателяхъ, возродить ихъ духовно пастырь можетъ не иначе, какъ чрезъ муки внутренняго самопожертвованія: „дѣти мои, для которыхъ я снова въ мукахъ рожденія, доколѣ не изобразится въ васъ Христосъ“ (Гал. 4, 19), пишетъ св. ап. Павелъ. Отсюда, пастырь, если онъ хочетъ быть истиннымъ преемникомъ Христа въ Его великомъ дѣлѣ—спасеніи людей, а не ремесленникомъ и наемникомъ, долженъ заранѣе стяжать внутреннюю рѣшимость всего себя отдать Богу, посвятить Ему самоотверженно всю свою жизнь. „Можете ли пить чашу, которую Я пью“ (Мрк. 10, 38)? — спрашиваетъ Пастыреначальникъ у сослужителей и, такимъ образомъ, заповѣдуетъ имъ уже заранѣе приготовиться къ тяжести креста евангельскаго проповѣдника (2 Посл. къ Тим. 1, 8). И это вполне понятно. Каждая дѣятельность непременно, кромѣ убѣжденія въ своей возможности, должна быть сопровождаема яснымъ представленіемъ какъ конечной своей цѣли, такъ и тѣхъ усилій и трудовъ, которые ведутъ къ послѣдней. А потому для добраго пастыря, готоваго, по апостолу, каждый день умирать за паству свою (1 Коринт. 15, 31; сравн. Іоанн. 10, 11), нестрашно будетъ посланное ему испытаніе—вдовство, оно не

надорветь его сердца, не расслабитъ силъ духовныхъ, не совратитъ его съ пути Христова; подобно всѣмъ апостоламъ (Матѳ. 19, 27) и онъ понесетъ отреченіе отъ родства для жизни съ Богомъ и руководства своей паствы. Святая любовь пастыря къ своимъ пасомымъ, это — готовность всегда воплотиться въ иное существо, забвеніе себя въ иномъ существованіи, можетъ замѣнить родственную любовь его, дать ему истинныя блага жизни во всей полнотѣ ихъ. Въдъ любовь святая есть отреченіе отъ своей личности, и у добраго пастыря, дѣйствительно, *личная* жизнь исчезаетъ, онъ живетъ жизнью другихъ—своихъ пасомыхъ. Жизнь послѣднихъ для него становится какъ бы его собственною, радости и горести ихъ онъ переживаетъ въ такой же степени и силѣ, — словомъ, живетъ, какъ отецъ съ дѣтьми своими (Гал. 4, 19), забывая о личныхъ интересахъ, и имѣя въ виду одно—благо и спасеніе своей паствы, подобно тому какъ женщина, сдѣлавшись матерью семейства, теряетъ ощущеніе личной жизни и переноситъ ее на семью. „Пастырь знаетъ, пишетъ одинъ, современный намъ, извѣстный богословъ и архипастырь, что его паства есть порученный для его благодатнаго воздѣлыванія виноградникъ; онъ вѣритъ, что здѣсь будетъ дѣйствовать благодать; онъ уже заранѣе предвидитъ могучія движенія послѣдней, онъ видитъ во врученной ему мѣстной Церкви ея истиннаго жениха—Христа, видитъ Христову домостроительную десницу, открывающуюся ему во всѣхъ явленіяхъ, во всѣхъ слышащихся на исповѣди признаніяхъ. Можетъ ли онъ не любить свою паству *до самозабвенія*, до совершеннаго отказа находить себѣ счастье въ чемъ либо другомъ“! Сердце такого пастыря воспламеняется любовію къ каждому человѣку безразлично, и, если бы можно было, скажемъ словами Макарія В., такъ „вмѣстилъ бы всякаго человѣка въ сердцѣ своемъ, не отличая злого отъ добраго, хотѣлъ бы весь міръ обнять любовію своею“. Въ частности, паства для него—благословенная семья; онъ весь исполняется любовію къ своимъ духовнымъ дѣтямъ

и эту любовь и общеніе съ ними предпочитаетъ всякому иному утѣшенію по слову Пастыреначальника, Который однажды, „обозрѣвъ сидящихъ вокругъ Себя, говоритъ: „кто мать и братья Мои?—Кто будетъ исполнять волю Отца Моего небеснаго, тотъ Мнѣ братъ, сестра и мать“ (Мрк. 3, 34—35). Конечно, сердце такого пастыря не надорвется отъ потери одного, хотя бы даже и сильно, но только не страстно любимаго имъ существа,—это сердце согрѣется, оживится и укрѣнится любовью со стороны его паствы, единой съ нимъ, по словамъ Спасителя, не въ воображеніи, но *по существу*, подобно единству Сына Божія съ Отцемъ (Юанн. 17, 21).

Священнослужитель—студентъ дух. академіи.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Политикъ.

Набросокъ съ натуры.

Лѣто прошлаго года я проводилъ въ селѣ N, C—ской губ. Въ іюлѣ мѣсяцѣ N—скіе прихожане задумали написать для своего храма нѣсколько новыхъ иконъ. Въ одномъ изъ сосѣднихъ селъ только что окончилъ живописныя работы живописецъ Z. Онъ и былъ приглашенъ для работы въ N.

Мнѣ пришлось съ нимъ познакомиться.

Какъ-то случайно зашелъ я въ N—скую церковь, когда тамъ живописецъ вымѣрялъ полотно для большой картины надъ входными дверями на паперти.

— Тутъ у насъ будетъ картина на слова: „Пріидите ко Мнѣ вси труждающіися“, — говорилъ мнѣ церковный староста.

Здѣсь это будетъ очень у мѣста, отвѣчалъ я:—но какъ же это будетъ написано? По какой картинѣ?

Староста взглянулъ на живописца, призывая къ отвѣту его.

— Оригиналъ Маковскаго,—сухо и небрежно бросилъ мнѣ стоявшій на высокой лѣстницѣ живописецъ.

— Не помню я Маковскаго,—говорилъ я.

Живописецъ, какъ мнѣ показалось, улыбнулся почти презрительно.

— „Приидите“ только и есть двѣ картины,—говорилъ опять: — Маковскаго да Бронникова. Бронникова тоже не знаете?

— И Бронникова не помню.

— Гм.

И опять улыбка.

— Видѣлъ я,—говорю,—картину на текстъ „Приидите ко Мнѣ“... Композиція ея, насколько помню, такая. Въ центрѣ стоитъ Спаситель. Къ Его ногамъ склонились больные, увѣчные и здоровые, старики, женщины и дѣти. Христосъ милостиво распростираетъ надъ ними руки. Общій тонъ картины этакій мягкій, пѣжный. Эта картина вообще, кажется, очень популярна, и я ее видѣлъ во многихъ мѣстахъ. Но чья она—не знаю. Вашъ оригиналъ съ вами? Было бы очень интересно посмотреть. Можетъ быть, картина, которую я знаю, и есть Маковскаго?

— Здѣсь у меня оригинала нѣтъ.

— Жаль.

— Да вотъ сторожъ сходить къ старостѣ. Я у старосты оставилъ всѣ свои вещи.—Николаичъ!—грубо обратился живописецъ къ сторожу:—сходи сейчасъ же къ старостѣ и возьми у него папку съ оригиналами.

Послѣднія два слова живописецъ произнесъ съ особенной важностью.

— Я зналъ, что церковный староста живетъ далеко отъ церкви, и мнѣ очень не хотѣлось утруждать сторожа-старика.

— Николаичу далеко будетъ идти,—замѣтилъ я живописцу:—между тѣмъ время у меня совершенно свободно, и

вотъ вы окончите здѣсь работу, мы вмѣстѣ съ вами сходимъ къ старостѣ и тамъ посмотримъ картины.

— Ну вотъ еще далеко, — возразилъ живописецъ: — сходить. Николаичъ, — командовалъ онъ: — живо!

— Чего принести-то прикажете? — Не совсѣмъ смѣло спросилъ не робкій вообще Николаичъ.

— Папку съ оригиналами, — уже раздраженно говорилъ живописецъ. Мнѣ пришлось дипломатично объяснить Николаичу, въ чемъ — дѣло.

Пока Николаичъ ходилъ къ старостѣ за оригиналами, живописецъ успѣлъ окончить свою работу, слѣзъ съ лѣстницы и, закинувъ руки за спину, началъ ходить по церкви.

— Невозможно здѣсь работать, — небрежно бросалъ онъ словами: — невѣжество. Никто ни черта не понимаетъ.

Услышавъ послѣднее безцеремонное выраженіе, произнесенное въ церкви, староста густо покраснѣлъ, укоризненно покачалъ головою и отошелъ въ сторону.

— Староста смутился отъ вашего выраженія, — тихо замѣтилъ я живописцу.

— А чертъ съ нимъ, — почти крикнулъ живописецъ: — бюрократъ несчастный! Небось накралъ себѣ полонъ карманъ народныхъ-то денегъ, а тутъ еще смущается...

— Почему же непременно накралъ?

— Ну, это дѣло извѣстное. У общественнаго пирога до нѣкоторой степени человѣкъ стоитъ. А это ужъ понятно, чѣмъ пахнетъ. Разъ у общественнаго пирога, значить — сытъ.

— А совѣсть? Развѣ вы въ нее совсѣмъ не вѣрите.

— Какая тамъ еще совѣсть, — мотнулъ головой живописецъ...

Николаичъ принесъ нѣсколько папокъ.

— Ахъ, Федора. — возмутился живописецъ: — тебѣ было сказано принести одну папку, а ты сколько принесъ?

— Безтолочъ. — Вотъ пожалуйте, — предложилъ затѣмъ мнѣ живописецъ: — Верещагина... „Рождество Христово“... Видѣли?

— Да, видѣлъ. Въ храмѣ Христа Спасителя?

— Да, да... Кажется...

Глаза живописца бѣгали, и было видно, что онъ говоритъ о томъ, чего не знаетъ.

— Вѣдь это тотъ самый Верещагинъ, — продолжалъ онъ, — который погибъ на Петропавловскѣ.

— Что вы? — возразилъ я: — совсѣмъ нѣтъ. Погибшій былъ баталистъ, и звали его Василиемъ Васильевичемъ, а здѣсь смотрите подпись В. П...

— Да, да, — смѣшался живописецъ: — виновать. Тотъ былъ жанристъ, — почему-то все-таки захотѣлъ поправить меня собесѣдникъ: — но звали-то его, кажется, не Василій Васильвичъ, а Александръ Павловичъ.

Отъ спора я, конечно, уклонился.

Живописецъ показывалъ мнѣ другія картины.

— Вотъ, — говорилъ онъ, — „Христосъ въ домѣ Марфы и Маріи“. Семирадскаго... Хорошая картина! Смотрите, выраженіе лица у Маріи... Какое томное! И вмѣстѣ видна скука отъ словъ Іисуса Христа... Вѣдь знаете, — какъ-то сразу оживился живописецъ: — Марфа-то и Марія были влюблены въ Іисуса Христа.

Я, естественно, удивился.

— Серіозно, — горячо говорилъ живописецъ: — Сенкевичъ въ романѣ „Quo vadis“ такъ прямо и пишетъ: „были влюблены Его красотою, а вовсе не ученіемъ“...

При этомъ живописецъ говорилъ „quo vadis“ съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ.

— Насколько я помню, — оппонировалъ я: — у Сенкевича такого мѣста нѣтъ.

— Но какъ же, — обидѣлся мой собесѣдникъ: — я самъ читалъ.

— Ну, допустимъ, и есть, — соглашался я; но въ евангеліи-то нѣтъ никакихъ данныхъ думать о простой влюбленности Марфы и Маріи...

— Ну вот вы какой,—перебилъ меня живописецъ:— полно-те вы! Меня-то ужъ не обманете!

Топъ живописца не допускалъ никакихъ возраженій.

Слѣдовали новыя картины.

— „Иисусъ Христосъ и грѣшница“,—показывалъ живописецъ: — Полѣнова... Смотрите: Христосъ здѣсь написалъ совсѣмъ необычно. Совершенно особый типъ. И на еврея непохожъ. Да и то сказать: еврей ли онъ? Говорятъ вѣдь, вотъ, что онъ былъ совершенно другой національности.

— Какой же?—удивился я.

— Да галітянинъ что ли Онъ былъ.

-- Галитянинъ?—педоумѣвалъ я:—что же это такое?

— Да галитянинъ... Это... это изъ Галилеи значить,— смутился немного живописецъ:—право я ужъ точно не знаю. Но, кажется, такъ.!

Мнѣ опять оставалось только удивиться, что сумбурная книга Чемберлена проникла уже и въ деревню, производя здѣсь сумбурное же впечатлѣніе.

— А вотъ посмотрите,—показывалъ живописецъ еще какую-то картину:— „Иисусъ Христосъ“. Настоящій революціонеръ! Правда? Какъ вы находите картину? Мнѣ она очень нравится. Больше всѣхъ! Христосъ--революціонеръ! Вѣдь такъ и должно быть! Христосъ и былъ настоящимъ революціонеромъ.

— Вы думаете?

— Это мое убѣжденіе.

— Что же? И всякое пасиліе Христосъ оправдываетъ? Да?

— Безусловно. И не только думаю такъ, но и говорю такъ. Всегда и вездѣ. И на митингахъ, вотъ...

— Вы участвуете на митингахъ?

— А какъ же? Да безъ меня тутъ митингъ не въ митингъ,—съ самодовольствомъ воскликнулъ живописецъ.

— Вотъ какъ! Значить вы не художникъ только, но и политикъ? Хорошо освѣдомлены въ политическихъ вопросахъ?

— Да какой же по нынѣшнимъ временамъ образованный человѣкъ не освѣдомленъ въ нихъ? Что тутъ?—Правительство—долой, помѣщиковъ—долой, поповъ... поповъ тоже долой, податей не платить, солдатъ не давать, амнистія, учредительное собраніе, долой монархію, да здравствуетъ соціалъ-демократическая республика!... Только и всего!... Что можетъ быть проще? Конечно, необходимо имѣть ораторскій талантъ, голосъ, апломбъ и прочее. Мнѣ, вотъ,—съ самолюбованіемъ говорилъ живописецъ:—легко это дается. Къ тому же я знаю Писаніе, Евангеліе это. А въ деревнѣ безъ Евангелія нельзя. Вѣдь, знаете, какъ у народа-то: „Богъ да попь, совѣсть да грѣхъ“... А я какъ начну рѣзать...

Живописецъ воодушевился, рѣзко зажестикულიровалъ...

— Какъ начну рѣзать: „Богъ вотъ что говоритъ: „просящему у тебя дай“. А намъ, спрашиваю, почему не даютъ? Намъ почему даже запрещаютъ просить и заикаться о нашихъ нуждахъ? Какъ такъ? Явное беззаконіе! Нарушеніе всѣхъ правъ Божескихъ и человѣческихъ! Протестуемъ! Долой? Бей, жги! Попы, говорю, обманщики, книжники и фарисеи, лицемѣры... И сейчасъ текстъ... Грѣхъ?—Грѣхъ противъ зла не борются, съ грѣхомъ, съ насиліемъ мириться. И сейчасъ текстъ. Противъ богатыхъ, противъ сильныхъ опять текстъ. Засыплю этими текстами и потомъ опять: „долой насильниковъ, долой злодѣевъ!—Правительство, встаньте! Народъ идетъ!“ Тутъ, конечно, сейчасъ „браво, ура, благодаримъ“ и прочее... Вотъ какъ! Здорово! Мы здорово работаемъ... Вотъ и сегодня у насъ въ Х—скомъ (знаете? Это верстъ 9 отсюда) собраніе такое. Просто домашніе, впрочемъ, учителя тамъ ближайшіе соберутся, студенты... поговоримъ, поспоримъ, попоемъ, выпьемъ немножко... Точію по единой... Хе-хе... Поѣдемте?

— Нѣтъ, нѣтъ... Мнѣ некогда. Спасибо,—отказался я.

Послѣ нѣсколькихъ картинъ нашли мы, „наконецъ, и „Прійдите ко Мнѣ“ Маковского. Это и была та картина, о какой я говорилъ.

— Поѣдемте,—не успокаивался между тѣмъ живописецъ.

— Пѣть, пѣть...

Подошелъ N—скій псаломщикъ.

— Эхъ! Что это такое?—спросилъ онъ, увидѣвъ у живописца альбомъ съ орнаментами.

— Орнаменты,—гордо и презрительно бросилъ живописецъ, забирая всѣ свои папки.

Конечно, живописецъ считалъ псаломщика совершенно еще „несознательнымъ“. Поговоривъ еще со старостой о работѣ и взявъ у него впередъ пять рублей, живописецъ уѣхалъ.

Тяжелое впечатлѣніе осталось у меня отъ встрѣчи съ нимъ. Такъ непріятно сочетались въ немъ невѣжество, грубость и полная невоспитанность съ непомѣрной претенціозностью и какимъ-то прямо скотскимъ пахальствомъ. И это „сознательный“ деревенскій „просвѣтитель“! — думалъ я. Ужели и много такихъ въ деревнѣ? Ужели встрѣтившійся мнѣ живописецъ—типъ современнаго политическаго дѣятеля въ деревнѣ? Спаси, Боже! Хочется думать, что это не типъ, а только одно изъ жалкихъ, уродливыхъ исключеній. Иначе—слишкомъ страшно и больно за деревню...

Николай К—въ.

ЗАМѢТКА.

Общенародное пѣніе въ с. Тарумовкѣ.

Въ мѣстной приходской церкви, за церковно-общественными службами, поетъ на клиросѣ хоръ добровольцевъ-крестьянъ обоюго пола, разнаго возраста. Пѣніе этого хора значительно скрашиваетъ впечатлѣніе, какое получалось бы при единоличномъ пѣніи одного псаломщика. И всѣ считали, что лучшаго хора не требуется для села; лучшаго не сыскать. Поэтому, когда весною этого года открылись работы въ виноградникахъ владѣльцевъ садовъ г. Кнзляра (въ 30 вер-

стахъ), и масса окрестнаго люда обычно отправилась „на заработки“ въ г. Кизляръ, а вмѣстѣ съ партіями рабочихъ отправились и многіе мѣстные сельчане, включая и пѣвчихъ церковнаго хора, — явилось естественное сожалѣніе, что въ церкви нѣкоторое время будетъ нѣтъ одинъ исаломщикъ. Однако всѣ ошиблись въ предположеніи. Школьная учительница Н. Л. Т., окончившая курсъ Владикавказск. епарх. училища, въ дѣйствительности хорошо знаетъ церковное пѣніе и теперь нашла возможнымъ побороть свою застѣпчивость! Стала ходить на клиросъ, пѣть и читать даже.

И что же?! Эта особа ввела богомольцевъ въ новый міръ чувствъ и мыслей. Осмысленное пѣніе, съ четкимъ произношеніемъ словъ, удареній, отсутствіе крикливости, прочувствованность поющагося внесло свѣжую струю въ клиросную жизнь. Чтеніе клиросное Н. Л. Т. дѣлаетъ стихами; радѣльно умѣло повышая и понижая голосъ; невольно богомольцы проникаются мыслями. И новая струя входитъ въ жизнь прихода... Невольно является чувство благодарности Епарх. женск. училищу за хорошую постановку пѣнія и клироснаго чтенія. Такимъ образомъ, мы должны сознаться, что не бывать бы счастію, да несчастіе помогло. Застѣпчивость не трудно было устранить... Общенародное пѣніе въ церкви постепенно развивается. Поютъ дѣти школы со своей учительницей. Вслѣдъ за дѣтьми поютъ и взрослые желающіе. Число поющихъ увеличивается. Выдѣляются нѣкоторыя женщины своимъ прочувствованнымъ пѣніемъ. „Андреево стояніе“ на пятой недѣлѣ В. поста с. г. шло при трогательной обстановкѣ поющихъ женщинъ. Всѣ, свободные отъ физической усталости отъ работъ по дому, въ виноградникахъ, явились „на стояніе“ въ церковь. Ранняя весенняя ночь спустилась; мракъ окуталъ село. Въ бѣдной церкви, при слабомъ освѣщеніи, шла служба. Вокругъ священника читавшаго — пѣвшаго среди церкви у аналогіи плотнымъ полукругомъ стояли молящіяся и пѣли... отъ души, сердечно; трепетаніе души отражалось на характерѣ пѣнія, и сердечные

вздохи неслись вверхъ, замирая въ полумракѣ свода церкви. Говорять, что простой народъ умѣетъ стоять въ церкви безсознательно!.. Это неправда?.. Нужно заглянуть въ этотъ уголокъ—епархію; поближе ознакомиться съ крестьянами селенія 1-го участка кизлярскаго отдѣла; много хорошихъ чертъ удерживаетъ населеніе, при сложности невзгодъ своей тяжелой жизни; не даромъ здѣсь секты не прививаются, а забредшіе сектанты смиряются, безсильны заняться пропагандой; сердце и умъ мѣстнаго православнаго простолюдина глухи ко всему этому!.. (Владикавказ. епарх. вѣд. № 22, 1907 г.).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 16-го сентября 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 39. Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года сентября 30-го дня.

Содержаніе: I. Отзвуки современности.—II. О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара (продолженіе).—III. Второй бракъ священнослужителей предъ судомъ христіанскаго ученія. (Окончаніе).—IV. Замѣтка. Сельское кредитное товарищество.

Отзвуки современности ¹⁾.

Замѣтки и отрывки.

12.

Въ началѣ нынѣшняго лѣта, въ іюнѣ мѣсяцѣ выпала мнѣ довольно завидная во всѣхъ отношеніяхъ доля—проучествовать изъ одной сѣверо-восточной губерніи до самаго юга Россіи, благодатнаго Крыма. По желѣзной дорогѣ, потомъ на пароходѣ и опять по желѣзной дорогѣ предстояло сдѣлать около трехъ тысячъ верстъ и на этомъ разстояніи, хотя поверхностно, увидѣть и познакомиться со многими

¹⁾ Продолж. №№ 26—29.

важнѣйшими мѣстностями своей родины. Рисовались въ перспективѣ всевозможныя встрѣчи и даже разговоры съ разными новыми лицами изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нужно было проѣзжать, и являлись сами собою предположенія узнать много интереснаго и новаго о положеніи родины, о состояніи и настроеніи умовъ. Ожидалась встрѣча лицомъ къ лицу съ самой живой, подвижной русской дѣйствительностію, предстояло заглянуть, такъ сказать, прямо въ глаза нашей современности, заключающей съ себѣ, особенно теперь, столько необычнаго. Хотя бы кого подобныя перспективы и ожиданія должны были глубоко волновать; въ высшей степени занимали онѣ и меня, какъ русскаго, любящаго свою родину человека, и я невольно ожидалъ отъ предстоящей поѣздки не маловажныхъ результатовъ.

Но, Боже мой, чѣмъ окончились эти напрасныя предположенія и ожиданія, и какія тягостныя, полныя разочарованія и невольной грусти думы и впечатлѣнія суждено было мнѣ пережить и вынести отъ выпавшаго на мою долю вояжа! Не хотѣлось бы, пожалуй, все это вспоминать и отчасти переживать снова; но нѣкоторыя не маловажныя соображенія, которыя будутъ ясны послѣ, побуждаютъ меня, хотя въ главныхъ и общихъ чертахъ, подѣлиться съ читателями своими наблюденіями, встрѣчами и выводами изъ моего дорожнаго наблюденія современной русской жизни родной дѣйствительности. И такъ, попытаемся посылить дать отчетъ и предъ самимъ собою и предъ читателемъ, что мы видѣли и слышали, и отчего порою приходилось глубоко страдать и терзаться русскому сердцу.

Прежде всего—о тѣхъ впечатлѣніяхъ и мало отрадныхъ думкахъ, которыя неизбѣжно слагаются въ душѣ наблюдательнаго и вдумчиваго русскаго путешественника по роднымъ желѣзнымъ дорогамъ и воднымъ путямъ на пароходахъ. Если вѣрно сравненіе системы желѣзнодорожныхъ и водныхъ путей сообщенія для любой страны, представляющей собою здоровое, живое, организованное, государственно-политическое

тѣло, съ системой кровеобращенія въ животномъ организмѣ; то понятно, какое громадное значеніе имѣеть извѣстный характеръ и внутренняя физиономія этихъ путей для безошибочнаго заключенія о жизни самой страны и степени ея благосостоянія. Какъ врачъ-діагностъ по составу крови, несущей нормально жизнетворные элементы для всего организма по артеріямъ, которыя и служатъ, такимъ образомъ, вѣрными путями для обмѣна, объединенія силъ и роста здороваго организма,—безошибочно заключаетъ объ общемъ здоровомъ или белѣзненномъ его состояніи, такъ точно и наблюдатель соотвѣтствующихъ функцій своего рода артерій страны— путей сообщенія можетъ безошибочно судить о жизни, о здоровомъ, цвѣтущемъ состояніи этой страны-организма или о его разложеніи и упадкѣ. Вѣрный признакъ, что страна, государство процвѣтаетъ, если мы видимъ, какъ на ея желѣзныхъ дорогахъ и водныхъ путяхъ энергично, оживленно и всесторонне проявляется народная, національная жизнь, когда эти пути первымъ дѣломъ служатъ скорому и быстрому передвиженію жизнетворныхъ силъ и элементовъ страны, воплощаются ли они въ лучшихъ, дѣятельныхъ представителяхъ народа, или въ матеріальныхъ богатствахъ. Однимъ словомъ, тогда только все эти желѣзныя дороги и другія пути сообщенія служатъ вѣрными показателями здороваго и цвѣтущаго состоянія страны, когда составляютъ въ ней такую же органически-необходимую, живую часть, какъ система кровеобращенія въ животномъ организмѣ; когда они обслуживаютъ нужды и интересы народа, и когда самъ народъ тяготѣетъ къ нимъ, пользуется ими всюду и всегда и смотреть на нихъ, какъ на свое самонужнѣйшее и неотъемлемое достояніе. Таковы именно желѣзныя дороги и водные пути большинства культурныхъ странъ: здѣсь вы сразу увидите и почувствуете, кто ихъ естественные и главные хозяева, увидите, какъ народъ широко и свободно пользуется ихъ услугами; замѣтите и то, какое оживленіе вноситъ въ

страну органически необходимая работа этихъ артерій— путей...

Пусть не посягуетъ на насъ читатель за только что высказанныя общія мысли и соображенія, которыя могли подвергнуть испытанію его терпѣніе своей отвлеченностію и нѣкоторой длиннотою, но намъ казалось необходимымъ взглянуть на дѣло именно съ этой точки зрѣнія, чтобы легче было разобраться въ собственныхъ путевыхъ впечатлѣніяхъ и сдѣлать правильную оцѣнку того, что видѣли и слышали. Въ самомъ дѣлѣ, не тѣмъ ли, главнымъ образомъ, обстоятельствомъ вызываются въ русскомъ путешественникѣ и невеселыя думы о родинѣ, и тревожная настроенность, что наши родные пути сообщенія свидѣтельствуютъ о чемъ угодно, но только не о здоровомъ экономическомъ и умственномъ подъемѣ жизни русскаго народа, кореннаго населенія страны. Не будетъ преувеличеніемъ сказать, что для большинства этого населенія наши желѣзнодорожные пути—артеріи представляютъ столь же близкій и необходимый въ жизни факторъ, какъ для какихъ-нибудь китайскихъ манъ ихъ манчжурская желѣзная дорога, на которую они то враждебно, то апатично поглядывали изъ своего гаоляна, какъ она цѣлыми поѣздами наводняетъ ихъ страну чужими солдатами и „бѣлыми дьяволами“... И у насъ развѣ для непосредственнаго пользованія и болѣе удобнаго развитія силъ экономическихъ и умственныхъ кореннаго русскаго населенія, какъ хозяина страны, существуютъ наши дороги и водные пути? Нѣтъ, нѣтъ! Садитесь на любую желѣзную дорогу, путешествуйте по главнымъ воднымъ путямъ,—вы не замѣтите въ этихъ артеріяхъ страны живого біенія настоящей русско-народной жизни. Сколько ни ищите, ни приглядывайтесь къ этой движущейся съ вами пестрой человѣческой волнѣ, вы нигдѣ не найдете, чтобы она носила русскій національный характеръ, состояла изъ дѣятельныхъ представителей русскаго народа, которые бы своей творческой работой во всѣхъ областяхъ жизни способствовали процвѣтанію родины. Будь такъ—и вы, русскій

путешественникъ, несомнѣнно сами испытали бы бодрый радостный подъемъ духа, утѣшаясь подобнымъ, несомнѣннымъ доказательствомъ цвѣтушаго состоянія дорогого отечества.

Но нынѣшній русскій путешественникъ лишень такого пріятнаго удовольствія: чего и кого только не найдетъ онъ вокругъ себя, въ движущейся по русскимъ путямъ человѣческой волнѣ, и не найдетъ только одного—здороваго, жизнедѣтельнаго, русскаго элемента, который бы своимъ настоящимъ дѣломъ, требующимъ подвижности и быстрыхъ перемѣнъ мѣстонахожденія, свидѣтельствовалъ, что родная земля не спитъ, не умерла, но живетъ и развивается. Не пришлось утѣшаться и радоваться и намъ, какъ мы уже говорили, отъ дорожныхъ наблюденій и впечатлѣній.

13.

Раннее утро въ день моего отправленія въ путь съ желѣзнодорожной станціи городка N выдалось хмурое, туманное, когда невольно хочется замкнуться въ самомъ себѣ, и нѣтъ охоты на сердечный, душевный разговоръ. Не хотя перебрасывалась ничтожными фразами, пользуясь нѣсколькими минутами до отхода поѣзда, и наша группа—нѣсколько самыхъ близкихъ душевныхъ знакомыхъ, изохотившихся проводить меня. Да и о чемъ было говорить? Кажется, за нѣсколько лѣтъ совмѣстной жизни и идейнаго общенія не осталось изъ проходившихъ мимо насъ явленій и событій ни одного, о которомъ бы не было десять разъ переговорено, перетолковано безцѣльно, безрезультатно, безнадежно, по русскому обычаю. Теперь въ прощальныхъ словахъ знакомыхъ—чуть-чуть не нотка зависти, что вотъ, можетъ быть, для меня гдѣ-то тамъ, въ дали откроется больше простора для плодотворной мысли, для живаго дѣла... Но вотъ поѣздъ тронулся... Прощай, сѣверный суровый край, все же дорогой и близкій моему сердцу, моей душѣ, гдѣ протекло почти полвѣка моего незамѣтнаго существованія!..

Первый дорожный этапъ до большого губернскаго города на Камѣ многоводной, какъ раньше знакомый, не общаетъ новыхъ впечатлѣній; дорога идетъ низкой ровной мѣстностію съ унылыми, похожими на тундру видами, съ инородческими вотскими деревушками и съ плохо обработанными полями, общающими, по обычаю, скверный урожай. Унылый, дикій видъ, на которомъ и желѣзная дорога и несущійся поѣздъ кажутся тѣмъ-то чуждымъ, случайнымъ, неподходящимъ. Вотъ съ высокой насыпи, по которой мы мчимся, виднѣются на поляхъ фигуры крестьянъ инородцевъ, начинающихъ поднимать уже паръ. Такими маленькими, жалкими представляются издали, съ высоты насыпи эти фигурки мужиковъ, лѣнливо, кое-какъ ковыряющихъ на своихъ клочкахъ истощенную землю. Не отрываясь отъ сохи, тупо, безучастно смотреть они на несущійся поѣздъ, чуждый для нихъ и лишь напрасно и часто мозолящій глаза. И здѣсь-то невольно представляются мнѣ далекіе манзы-китайцы, которые также глядѣли на совсѣмъ чуждые для нихъ и даже ненавистные наши манчжурскіе поѣзда со своихъ гаоляновыхъ полей. Вотъ онѣ, думалось, наши родныя жизненные артеріи страны!..

По случаю застойнаго времени составъ пассажировъ на этотъ разъ не былъ многолюденъ и отличался случайностію: ѣхали больше по личнымъ и служебнымъ дѣламъ и въ большинствѣ только до прикамскаго губернскаго города. Но что бросалось въ глаза, какъ знаменіе послѣдняго времени, въ настроенности публики, такъ это какая-то общая пришибленность и замкнутость. Люди не сходились, не заговаривали на общія темы, не спорили оживленно, и даже лица, знакомыя раньше, предпочитали молчаніе, особенно избѣгая общихъ принципиальныхъ разговоровъ. Скучно, томительно, тошно, безнадежно какъ-то чувствуется въ такой средѣ. Тамъ въ третьемъ классѣ среди немногочудной, простой, изъ народа вышедшей и приобщенной хотя краешкомъ къ городской общерусской жизни публикѣ—тоже подавленность и апатія. Не слышно, какъ

бывало недавно, наивныхъ и оживленныхъ споровъ на счетъ современности, не замѣтно чтенія на перехватъ какой-нибудь затасканной газетки, листка съ интересной новостью. Тѣ же прежніе люди взаимнѣ идейнаго увлеченія сквернословятъ, нарочно задираютъ съ поѣздной прислугой, ведутъ себя скверно и грязно. Совершаютъ передвиженіе въ томъ же поѣздѣ и чистые представители русской деревни, русской народности, незадачливые и вѣчные искатели работъ на сторонѣ; ихъ рѣдко не бываетъ въ любомъ поѣздѣ. Но они ѣдутъ обыкновенно, какъ и теперь съ нашимъ поѣздомъ, въ особыхъ помѣщеніяхъ, на которыхъ краснорѣчиво написано: 48 людей, 16 лошадей... Путешествуютъ эти представители родной земли съ котомками за плечами, съ рабочими инструментами, чаще всего стоя, не имѣя возможности за тѣснотой присѣсть и отдохнуть. И опять отъ всего этого становится на душѣ и грустно, и больно за бѣдную, убогую родину!

Но дальше—туда на Каму многоводную, на Волгу широкую: тамъ, вѣрно, вздохнется свободнѣе, тамъ можно будетъ повстрѣчаться на пароходахъ съ болѣе отрадной картиной родной дѣйствительности, съ живыми, настоящими русскими людьми. Большой, двухъэтажный, почтово-пассажи́рскій пароходъ легко и увѣренно скользитъ внизъ по глубокой рѣкѣ; еще утро и чувствуется на свободѣ, вѣтъ каютъ влажная пріятная прохлада, хотя безоблачное небо и яркое солнце общають уже невыносимо жаркій день. Пассажиры первого и второго класса спѣшатъ покинуть душныя каюты и нѣкоторые занимаютъ мѣста у столиковъ, другіе бодро прогуливаются, вдыхая свѣжій воздухъ, начинается обычная пароходно-пассажи́рская жизнь. Публики вообще не мало, болѣею частію совершающей лѣтнюю прогулку по нашимъ главнымъ рѣкамъ, какъ это вошло въ обычай за послѣднее время; есть и дѣловые путешественники, какъ въ томъ числѣ и я многогрѣшный. Начинаю я по естественной любознательности наблюдать эту путешествующую публику, всматриваюсь понемногу въ лица, въ фізіономіи, и каково же мое удивленіе,—

здѣсь въ этихъ чисто-русскихъ мѣстахъ, среди состоятельной, прогуливающейся на пароходахъ публики чуть не добрая половина оказывается типичныхъ еврейскихъ лицъ. И какая досадливая для русскаго чувства особенность: всѣ эти еврейскія сытыя лица дышатъ самоувѣренностію, спокойствіемъ, выглядятъ здѣсь положительно хозяевами и, расположившись широко и удобно, иногда цѣлыми семьями, смотрятъ жаднымъ окомъ на развертывающіяся красивыя, а мѣстами полныя русскаго простора мѣстности, словно недоумѣвая, какъ до сихъ поръ не перешло еще все это въ ихъ цѣпкія руки. Молодежь еврейская ведетъ себя шумно, непринужденно, по-домашнему, схватившись за руки носится по пароходу, задорно не обращая вниманія на постороннихъ... Но гдѣ же здѣсь настоящій русскій элементъ, русскіе люди, дѣйствительные хозяева края? Они оказываются здѣсь какъ-то мало замѣтны, стушевываются даже предъ сынами Израиля, и, что особенно досадно, представляетъ родной русскій элементъ въ безцвѣтныхъ и жалкихъ экземплярахъ. Бдутъ или молодые люди чахоточные, или надсадившіеся на непосильной службѣ пожилые отцы семействъ, чтобы полѣчиться кумысомъ или гдѣ-нибудь на цѣлѣбныхъ водахъ. Путешествуютъ, правда, двѣ, три помѣщичьи семьи и нѣсколько важныхъ чиновъ, но у нихъ свой замкнутый кругъ, и проникнуть въ ихъ сокровенныя и тайныя мысли, кажется, не легче, чѣмъ перешагнуть китайскую стѣну. Наконецъ обрадовала нѣсколько меня встрѣча съ русскимъ человѣкомъ, при томъ своей же среды—священникомъ. Нашель поводъ подходящій заговорить съ нимъ, но и тутъ—разочарованіе... Молодой батюшка съ первыхъ же словъ оказался изъ лѣвыхъ партійныхъ и принялся было излагать свои откровенія, восхищаясь борцами, въ родѣ оо. Огневыхъ и Тихвинскихъ; но скоро замѣтилъ мое отношеніе къ его взглядамъ и, полупрезрительно улыбнувшись, какъ-то неловко и безпричинно поспѣшилъ отойти отъ меня къ пароходному боту. И какъ же было обидно слышать инныя сужденія этого чудака-ба-

тюшки, въ родѣ того, напимѣрь, что вотъ онъ путешествуетъ теперь со своей женой и тещей въ Саровъ единственно только изъ понятнаго снисхожденія къ ихъ женской наивной вѣрѣ. Послеъ сколько ни дѣлалъ я попытокъ заговорить съ нимъ, онъ явно и настойчиво уклонялся, не считая, очевидно, нужнымъ напрасно терять время съ какимъ-то отсталымъ ретроградомъ. Пришлось за время парходнаго путешествія сойтись еще съ однимъ тоже какъ будто, настоящимъ русскимъ человѣкомъ и не разъ бесѣдовать попросту. Это былъ человѣкъ близко, повидимому, стоявшій къ народу по обязанностямъ службы; служилъ онъ податнымъ инспекторомъ и теперь, пользуясь отпускомъ, путешествовалъ по русскимъ рѣкамъ съ женой и единственнымъ ребенкомъ, семилѣтнимъ Юрочкой. Петръ Иванычъ, какъ оказалось, былъ даже съ высшимъ образованіемъ, изъ духовныхъ академистовъ, и въ немъ можно бы было предполагать интересъ къ современнымъ запросамъ русской жизни, знакомство съ ними и вообще нѣкоторую идейность. Это меня къ нему привлекало. Петръ Иванычъ рассказалъ мнѣ, что нѣсколько лѣтъ уже путешествуетъ такъ по разнымъ мѣстамъ Россіи, чтобы постепенно „изучить“ ее всю.—При томъ же, добавлялъ онъ, это будетъ имѣть громадное воспитательное вліяніе на моего Юрочку. И что же? Подъ „изученіемъ“ родины мой знакомый подразумѣвалъ простой объѣздъ ея по рѣкамъ и желѣзнымъ дорогамъ безъ всякаго ознакомленія съ замѣчательными мѣстностями и городами, кромѣ необходимыхъ посѣщеній ихъ для закупки провизіи! Полное равнодушіе проявлялъ онъ къ современной русской жизни, къ ея жгучимъ запросамъ, не смотря на свои еще не старые годы.—У насъ теперь во всемъ городѣ тишь и покой.—говорилъ онъ хладнокровно:—было недавно и бойкое земство и, пожалуй, слышались либеральныя рѣчи; но теперь и въ земствѣ и въ думѣ люди перемѣнились, и все утихло. Да и кругомъ то же самое вездѣ замѣчается: вотъ поинтересуйтесь, въ разныхъ

мѣстахъ о чемъ говорить, что думаютъ дѣлать,—немного услышите, всѣ молчать больше.

Излишнее, пожалуй, и прибавлять, что нашъ ковчегъ въ своемъ нижнемъ этажѣ переполненъ былъ, по обычаю, простымъ народнымъ элементомъ, претерпѣвающимъ еще горшія пытки и тѣсноту, чѣмъ въ желѣзнодорожныхъ помѣщеніяхъ съ краснорѣчивыми надписями. И этотъ незадачливый людъ гнала горькая нужда, исканіе работы гдѣ-нибудь, во что бы то ни стало... Такъ-то уныло, безъ обогащенія свѣжимъ впечатлѣніемъ завершился для меня долгій, водный этапъ моего пути, пока снова не пришлось перебраться на желѣзную дорогу.

Свящ. В—ій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кеннара.

(Продолженіе ¹⁾).

Глава III.

О личности въ проповѣди.

Христось сказалъ: „Я есмь истина“ (Іоанн. 14, 6), и только Онъ одинъ могъ такъ сказать съ полнымъ основаніемъ, ибо Онъ Сынъ Божій и Сынъ Человѣческой, источникъ вѣчной жизни и свѣта. Личный Христось еще живетъ въ этомъ евангеліи, о которомъ Онъ сказалъ: „слова, которыя говорю Я вамъ, суть духъ и жизнь“ (Іоанн. 6, 63). И слово, которое проповѣдникъ призванъ возвѣщать, подлинно есть „та же истина, что и въ Исусѣ“. Живая личность такъ тѣсно связана съ благовѣстіемъ, что хотя это благовѣстіе можетъ принимать формы догматическія, научныя и философскія, но его высшее и совершеннѣйшее выраженіе находится въ характерѣ и жизни проповѣдника въ такой мѣрѣ, въ какой

¹⁾ См. № 34 за 1907 г.

Христость пребываетъ въ немъ. Истина не должна только выходить изъ лабораторіи мозга проповѣдника, но должна быть живымъ произведеніемъ, зачатымъ и выношеннымъ въ его душѣ, растущимъ и стремящимся къ появленію на свѣтъ; существомъ живымъ, въ которое человѣкъ перелилъ кровь своего сердца и энергію своей воли. Нѣкоторые проповѣдники представляютъ изъ себя не что иное, какъ говорящихъ манекеновъ; проповѣдь не является частью ихъ самихъ, какъ телефонное извѣстіе не составляетъ части проволоки, передающей его.

Истинный проповѣдникъ передастъ свое благовѣстіе, какъ одинъ изъ опредѣленныхъ результатовъ своего собственнаго познанія. Это благовѣстіе оживлено; оно составляетъ плодъ личнаго опыта. Въ ограниченномъ и вторичномъ смыслѣ проповѣдникъ есть воплощеніе истины, какъ Христось былъ таковымъ въ смыслѣ первоначальномъ и безконечномъ. Поэтому-то книга никогда не можетъ замѣнить проповѣдника.

Бывало, что эта личная сила проявлялась въ преизбыточной мѣрѣ и побуждала людей толпиться, напр., вокругъ ап. Павла въ Аѳинахъ, вокругъ Златоуста въ Константинополѣ и Савонаролы во Флоренціи. То же бываетъ и у всякаго проповѣдника, привлекающаго души къ Богу,—напр., у Робертсона въ Бригтонѣ, Спуржона въ Лондонѣ, Брукса въ Бостонѣ и Бихера въ Бруклинѣ. Толпа утомляется не проповѣдью, но отъ зауряднаго проповѣдника. Пусть проповѣдникъ вкладываетъ въ свою проповѣдь широкую, любящую, живую, человѣколюбивую мужественность, и народъ будетъ отвѣчать на его призывъ. Душа проповѣдника есть какъ бы призма, чрезъ которую проходитъ бѣлый, ослѣпляющій свѣтъ духовной истины, и въ которой она принимаетъ окраску и преломленіе человѣческихъ нуждъ и человѣческой чувствительности. *Истина претворяется въ жизнь только чрезъ посредство личности.*

Личность проповѣдника не составляетъ предмета вниманія самого проповѣдника. Въ той мѣрѣ, въ какой онъ

самъ на себѣ сосредоточиваетъ вниманіе, онъ самъ себя обезсиливаетъ; а если онъ является эгоистомъ, то онъ противень. Въ забвеніи же и какъ бы пренебреженіи самого себя заключается тайна могущества. Тотъ, кто обманываетъ слушателей, какъ бы желая своимъ видомъ, манерами и приемами рѣчи сказать: „вотъ я оракулъ“, достигаетъ только того, что или забавляетъ, или отталкиваетъ. Но индивидуальность, о которой мы говоримъ, такова, что раскрывается противъ воли проповѣдника и даетъ себя чувствовать аудитории такъ, какъ невидимая лучистость или неосязаемое благоуханіе.

Проповѣдь происходитъ изъ двухъ міровъ: отецъ божественный, мать человѣческая. Она имѣетъ черты своего небснаго Виновника и лице своего земного творца. Здоровый, мужественный, даровитый характеръ сообщается и слову; то же самое нужно сказать и о характерѣ слабомъ, суетномъ и бѣдномъ. Эмерсонъ говоритъ: „основаніе, по которому мы чувствуемъ личность одного, а личности другого не чувствуемъ, такъ же просто, какъ законъ тяготѣнія. Это—естественная сила; на ряду съ ней дѣйствуютъ свѣтъ, теплота и вся природа“. Точно такъ же можно сказать, что характеръ есть элементъ, съ которымъ кооперируются свѣтъ, теплота и энергія истины и отъ котораго, какъ бы вслѣдствіе близкаго сродства, они получаютъ качество и силу.

Отсюда мы видимъ необходимость для проповѣдника искренности, безкорыстія, силы, духовности, уподобленія Христу. То, каковъ онъ какъ человѣкъ, имѣетъ существенную важность; отъ этого зависитъ и то, какимъ онъ будетъ, какъ проповѣдникъ. Пѣкоторые люди совершенствуютъ свою богословскую способность и ораторскій талантъ безъ соответствующаго развитія своихъ человѣческихъ качествъ. Они будутъ говорить рѣчи объ истинѣ и человѣколюбіи, сами будучи въ то же время (сознательно или безсознательно) лживыми, эгоистичными, заключенными въ тѣсномъ кругѣ сво-

его „я“. Такой человекъ есть только мѣдь звенящая, кимвалъ бряцающій (1 Кор. 13, 1).

Образованіе нравственнаго характера есть самый высокій идеаль и самое серіозное дѣло въ жизни. У проповѣдника это дѣло не кончается тогда, когда онъ начинаетъ быть учителемъ другихъ. Нужно, чтобы величина и значеніе его собственной личности достигали своего наибольшаго совершенства. Необходимо, чтобы онъ направлялъ свое воспитаніе такъ же хорошо въ смыслѣ человеческомъ, какъ и въ смыслѣ Божественномъ, во всей широтѣ своей тройственной природы: психической, интеллектуальной и нравственной.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Второй брак священнослужителей предъ судомъ христіанскаго ученія.

(Окончаніе ¹⁾).

Говорятъ: какже, быть священнослужителю-вдовцу, иногда въ очень молодыхъ годахъ лишшающемуся подруги своей жизни, среди такихъ искушеній и соблазновъ, которые необходимо будутъ предноситься ему при постоянномъ сношеніи его съ своими пасомыми—мужчинами и женщинами? Трудно, скажутъ, здѣсь преодолѣть свою плоть, не слушаться ея влеченій. Возможно, что у пастыря не хватитъ силъ для самообладанія, и онъ падеть... Да, вполнѣ сочувствуемъ трудному положенію молодого священнослужителя-вдовца, сознаемъ, что много бѣдъ и искушеній предстоитъ ему, и главное—со стороны грѣховной, страстной плоти,—но всѣ эти искушенія не непобѣдимы. Вѣдь жили же подвижники Христовы строго-дѣвственною, чистою, ангелоподобною жизнію.

¹⁾ См. № 38-й за 1907 г.

Почему же намъ не возможна чистая, святая жизнь? Развѣ и всѣ, даже прославленные угодники Божіи не были подобострастными намъ человѣками, съ тою же прирожденною всѣмъ грѣховною немощію, съ тѣми же поврежденными отъ грѣха силами разума и воли, съ тою же преклонною ко грѣху плотію? Развѣ и они не подвергались многообразнымъ соблазнамъ и искушеніямъ? Вспомните, хотя бы всѣмъ, конечно, извѣстное житіе пр. Моисея Угрина или—Іоанна затворника Печерскаго, около 30 лѣтъ, по собственному его признанію, ужасно страдавшаго отъ плотскихъ желаній. Но подвижники Христовы подвизались противъ грѣха силою благодати Божіей, укрощали грѣховныя вожделѣнія и страсти строгимъ воздержаніемъ, распинали плоть свою со страстьми и похотьми самоотверженіемъ, побѣждали всѣ искушенія терпѣніемъ и страхомъ Божіимъ. А развѣ и намъ нынѣ не подана изобильно благодать Божія и „вся Божественныя силы, яже къ животу и благочестію“! Развѣ у насъ нѣтъ христіанскаго всеоружія, при помощи котораго можно „вся стрѣлы лукаваго разжженныхъ угасити“ (Ефес. 6, 14—17)? Въ частности, и противъ страсти плотской намъ указаны прекрасныя и дѣйствительно могучія средства опытно прошедшими подобныя искушенія свв. отцами подвижниками. Тѣлесный трудъ и воздержаніе, продолжительное чтеніе Св. Писанія и святоотеческой литературы, непрестанная сердечная молитва и сокрушеніе духа—все это можетъ служить вѣрнымъ, надежнымъ охранителемъ чистоты и цѣломудрія священнослужителя-вдовца. И если послѣдній будетъ постоянно бодрствовать и трезвиться (Ефес. 6, 18), жить, или, по крайней мѣрѣ, стараться жить истинно-христіанскою жизнію; если онъ дѣйствительно пойметъ, что цѣль и смыслъ жизни его (равно и каждаго христіанина) заключается не въ благахъ житейскихъ, и, въ частности, не въ семейномъ счастіи и довольствѣ, а въ непрестанномъ стремленіи къ богоуподобленію и въ самомъ богоуподобленіи, если онъ повѣритъ ясному ученію Евангелія (Мтѣ. 11, 12), что *христіанство, переводимое на жизнь,*

является съ необходимымъ элементомъ подвижничества, то поистинѣ тогда не устрашать его никакіе соблазны житейскіе, не побѣдятъ никакія невзгоды семейныя, — для этого ему стоитъ только стараться очищать свое сердце, изгонять оттуда грѣхи и страсти, исправлять свой нравъ. „Если онъ будетъ исправленъ, невольно припоминается мнѣ здѣсь изреченіе одного подвижника, то не только съ людьми, но даже и съ звѣрями и животными очень легко сойдемся. Тогда не убоимся отъ вѣ приходящихъ оскорбленій, и никто со стороны не можетъ ввести насъ въ соблазнъ, если внутри насъ не будутъ насаждены корни грѣховъ“ (пр. Іоаннъ Кассіанъ). По одержаніи побѣды надъ собою все внѣшнее сдѣлается слабымъ, и съ воиномъ Христовымъ все помирится и покорится ему. Тогда и самая жизнь не будетъ казаться ему скучною и безсодержательною, не будетъ нужды прибѣгать къ весьма нынѣ распространеннымъ и часто употребляемымъ средствамъ разогнать скуку, заполнить пустоту. Истинный христіанинъ, а тѣмъ болѣе пастырь Церкви Христовой найдеть и помимо этихъ средствъ отраду и утѣшеніе своей душѣ. Для нея есть инныя утѣхи—духовныя, ей сродныя; кто ихъ найдеть, тотъ не захочетъ внѣшнихъ, да не только не захочетъ, а презреть ихъ, ибо онѣ заграждаютъ духовныя, не даютъ видѣть ихъ, держать душу въ омраченіи, въ призракахъ. Жизнь христіанина съ памятію о Богѣ и слѣдованіемъ своей совѣсти сама въ себѣ есть неистощимый источникъ радостей духовныхъ, сравнительно съ которыми земныя удовольствія и радости—то же, что полынь предъ медомъ. Въ частности, тѣ наслажденія духовныя, которыя приходится испытывать каждому доброму пастырю среди пастырскихъ скорбей, доставляютъ его душѣ невыразимое счастье, внутренній миръ и радость.

Итакъ, необходимо каждому пастырю-вдовцу всегда помнить, что, если діаволь приступалъ съ искушеніемъ къ Богочеловѣку, то никто изъ людей не бываетъ отъ того свободенъ, развѣ только тотъ, кто ходитъ по волѣ лукаваго:

таковой не испытываетъ искушеній, а только направляемъ бываетъ все на большее и большее зло,—что ему (пастырю) также много предстоитъ бѣдъ, лишеній и страданій, для преодолѣнія которыхъ отъ него потребуется величайшая *активность*, усилія и настойчивость въ прохожденіи своего великаго званія. Но стоитъ только пастырю Церкви Христовой воспользоваться спасительными, туне даруемыми отъ Христа и святой Его Церкви, средствами, и всѣ часто воображаемыя бѣды и несчастія для свбщеннослужителя-вдовца, всѣ кажушіяся непобѣдимыми, соблазны и искушенія, вся скука, однообразіе и монотонность одиночной жизни съ необходимыми якобы ея спутниками—виномъ и прочими безнравственными поступками исчезаютъ. Вотъ здѣсь-то и кроется причина современныхъ толковъ священнослужителей о второбрачїи. Каждому священнослужителю-вдовцу предстоитъ одно изъ двухъ—или бороться съ житейскими соблазнами, обуздывать свою плоть (чему она часто и ожесточенно, противится), или же безъ всякой борьбы, смиренно и покорно, какъ рабу и плѣннику постыдныхъ страстей (ибо всѣ плотскія страсти суть слѣдствія нашего кореннаго несовершенства и матеріальности, т. е. упадка духа) стремиться опять къ удовлетворенію ихъ. Вотъ эта-то необходимость взяться, какъ говорятъ, за себя, крѣпко держать себя въ добрыхъ правилахъ жизни, сражаться мужественно съ своею плотію и соблазнами мірскими и устрашаетъ (хотя, замѣчу, напрасно) многихъ священнослужителей-вдовцовъ, и они, вообразивъ себя безсильными въ этой, предстоящей имъ, борьбѣ, постыдно и трусливо, вопреки званію христіанина, какъ „воина Христова“ (1 Тимое. 1, 18; 2 Тим. 2, 3), т. е. по самой идеѣ христіанства уже долженствующаго сражаться съ врагами спасенія, и прежде всего съ плотію своею, потому что враги ему—„домашніе его“ (Мтѣ. 10, 36), его чувства и пожеланія,—словомъ, самъ же онъ въ плотскихъ настроеніяхъ,—они, „убоявшись страха, идѣже не бѣ страхъ“; никѣмъ же гонимые, бѣгутъ вспять вспять отъ этой борьбы, покорно слагая съ себя предъ вра-

гомъ побѣдоносное христіанское оружіе. Между тѣмъ, въ томъ-то и познается нравственное совершенство и величіе христіанина, если онъ счастье и несчастья жизни одинаково обращаетъ въ средства къ своему спасенію, не увлекаясь въ безпечность первымъ и не приходя въ печаль, отчаяніе отъ послѣднихъ, — они также полезны и необходимы (Іоанн. 16, 33. Дѣян. 14, 22. Евр. 12, 6); это особенно ясно доказывается тѣмъ, что свв. мужи не только не старались избѣгать бѣдъ и несчастій, но желали ихъ, сознавая, что они умягчаютъ человѣка; и дѣйствительно, природа его тогда становится болѣе чуткой и доступной къ пониманію предметовъ, превосходящихъ понятіе человѣка, находящагося въ обыкновенномъ и житейскомъ положеніи. Вотъ почему всѣ скорби и лишенія въ жизни, по христіанскому ученію, должны быть принимаемы и переносимы пастыремъ (равно и каждымъ христіаниномъ) съ покорностію, какъ сильнѣйшее и необходимѣйшее средство къ духовному его возрастанію и преуспѣянію: внутренній человѣкъ обновляется въ насъ лишь настолько, насколько тлѣветъ виѣшній (2 Кор. 4, 17), искусство производится терпѣніемъ (Римл. 5, 3), участіе въ святости Божіей мы получаемъ лишь чрезъ наказаніе (Евр. 12, 10), и жить вѣчно можемъ не иначе, какъ сораспявшись Христу (Гал. 2, 19—20). И если пастырь Церкви бѣжитъ отъ посланныхъ ему лишеній и страданій, то ясно, что онъ утратилъ самый жизненный нервъ, укрѣпляющій его въ борьбѣ съ ними, — идею Промысла Божія, убѣжденіе, что Богъ дѣйствуетъ ко благу человѣка, относится къ нему, какъ любящій Отецъ, имѣющій въ виду его спасеніе, и съ этою же цѣлію, именно для укрѣпленія его въ добрѣ, посылающій на него несчастья. Поэтому, ему (пастырю), какъ служителю нравственнаго возрожденія, надо употребить всѣ усилія на возбужденіе въ себѣ чувства зависимости отъ Бога, ибо себя и другихъ нравственно исправлять можно только чрезъ Него.

Правда, и то надо сказать, что борьба христіанина съ самимъ собою упорна и ожесточенна. Еще древній языческій міръ зналъ эту истину, когда устами одного философа сказалъ, что „побѣдить себя самого—это первая и главнѣйшая добродѣтель“ (Демокритъ). Недаромъ и все христіанскіе подвижники борьбу христіанина съ своими страстями, иначе—самосовершенствованіе личности называютъ путемъ постояннаго „самонасилованія“ (Василій В.), „самопринужденія“, или просто „трудничествомъ“ (Антоній В.). После эта борьба считалась необходимою даже въ язычествѣ, о чемъ гласятъ почти все языческіе философы и моралисты, то тѣмъ болѣе она необходима и возможна въ христіанствѣ, этой совершеннѣйшей, богооткровенной религіи, и если идеаль совершенства здѣсь рѣдко и немногими достигается—„по дару Божію“, то бороться со страстями или, по крайней мѣрѣ, не быть ихъ плѣнникомъ и рабомъ каждый христіанинъ, а тѣмъ болѣе пастырь Церкви Христовой при помощи благодати Божіей и своихъ усилій, можетъ и долженъ, ибо опредѣленіе жизни по пути служенія потребностямъ плоти не есть истинно-человѣческая жизнь, а искаженная; и трудно даже, думается намъ, назвать *добрыми* пастыря Церкви Христовой (задача котораго, по словамъ св. Златоуста, дѣлать людей богами), не находящаго удовольствія и радости въ трудахъ ради добродѣтели, который располагается такъ воздерживаться отъ плотскихъ страстей, чтобы нисколько не терпѣть скорбей и лишеній, неизбѣжныхъ при исполненіи требованій духа,—желаетъ безъ озлобленія плоти достигнуть совершенства и служить постепенному богоуподобленію людей.

Такимъ образомъ мы рѣшаемся утверждать, что въ основѣ современныхъ толковъ о второбрачій священнослужителей лежитъ одно—нежеланіе понять и усвоить то, что христіанству присущъ элементъ подвижничества; отсутствіе готовности жить и подвизаться согласно ученію Евангелія; духъ „міра сего“, заставляющій и священнослужителей,—

этихъ посланниковъ Божіихъ, получившихъ то, что не дано никому изъ людей на землѣ, не дано даже ангеламъ на небѣ (св. І. Златоустъ: о священствѣ кн. III, гл. 4—6), — угодиться, слиться во всемъ съ мірянами и отличаться отъ нихъ развѣ только однимъ наименованіемъ „священнослужитель“.

Священнослужитель—студентъ дух. академіи.

ЗАМѢТКА.

Сельское кредитное товарищество.

Поступилъ я молодымъ священникомъ въ село. Стали мы съ супругой приглядываться къ народу, что ему нужно, и старались во всемъ, чѣмъ можно, помочь ему, — но не разбрасываясь. Начну прямо съ дѣла. Приходитъ крестьянинъ и говоритъ: „Батюшка, выручи изъ бѣды: нечѣмъ поле засѣять, сѣмена заложены въ пяти рубляхъ, не отдають безъ заклада и денегъ, а взять больше нечего съ меня“... Дали, дали одному, другому, третьему. Предъ самымъ покосомъ является крестьянинъ и бухъ въ ноги: „Не дай умереть съ голоду: все заложено, а больше не даютъ, дай денегъ на хлѣбъ“...— „У насъ, у самихъ, говоритъ матушка, три рубля только всѣхъ денегъ“... Что дѣлать? Сказать—нѣтъ, не повѣрять, да и безправственно; сами обманываемъ, а научаемъ: не обманывай. Нѣтъ денегъ, займи, а намъ дай—тебѣ повѣрять, займи, но выручи изъ бѣды?.. Занимали и давали. „Что это мы сами все даемъ; неужели нѣтъ и добрыхъ людей въ приходѣ? говоритъ матушка: вотъ N и богатый и будто хорошій человѣкъ; сѣздимъ къ нему въ гости и попросимъ, чтобы выручилъ“. Побыли. Что же онъ сказалъ?— „Родные мои! что это вы дѣлаете? деньги занимаете, чтобы раздавать; людей не знаете! Я хотѣлъ самъ побыть у васъ. Вотъ у меня долговъ рублей двѣ-

сти пропало. Съ радостью помогать бы и безъ вашихъ просьбъ, сердце мое часто скребетъ—нужно помочь, да не отдають. Судьи плохи; самъ правъ, а если не подмажешь ихъ, то и постановять—уплачивать по рублю, а то и полтинника въ мѣсяцъ взять нельзя, моля, разорять хозяйство“. Обратился я за совѣтомъ къ сосѣднимъ священникамъ, какъ они поступаютъ въ данномъ случаѣ. Одинъ молодой говорить: „Я самъ беспокоюсь совѣстью, когда просятъ въ долгъ, да, вотъ, хочу устроить приходское попечительство—въ уставѣ есть указаніе, можно выручить тѣмъ или другимъ способомъ нуждающихся; думаю устроить сборъ по рублю и этими деньгами выручать нуждающихся; но, думаю, раздать-то раздашь, а какъ соберешь?“ Обратился къ другому, тотъ говорить: „А я рѣшилъ давать по возможности всѣмъ постепенно, но какъ не отдасть, тому больше не помогаю; ну, лѣтъ за двадцать раздашь тысячу-двѣ рублей и пронадеть—снокоенъ зато“. (Выходить: хоть умирай, не выручу, да и какая это помощь—50—100 руб. на нуждающихся 100—200 человекъ). Не успокоило и это меня.

Говорить духовное дитя: батюшка, ѣсть нечего, выручи, а батюшка утѣшаетъ: терпи дитя, а самъ обѣдасть да и чай пить съ булочкой... Но всего не вспомню, а одно только хорошо помню: сильно мучились нравственно. Но вотъ, однажды приходятъ прихожане изъ одной деревни и говорятъ: „Вычитали мы, что казна можетъ дать намъ денегъ на наши нужды, если мы всѣ поручимся другъ за друга въ цѣлости денегъ; мы на все это согласны, будетъ терпѣть намъ, измучили насъ кулаки: кланяйся имъ, пей постоянно водкой, больше %%% плати да и работай на нихъ, а свою работу оставляй въ самое горячее время—оттого мы и бѣдны и несчастны. Похлопочи, устрой, мы—люди темные, ничего не умѣемъ“. Прочиталь я эту газету и узналъ, что эта помощь выдается дѣйствительно въ кредитныхъ товариществахъ. Послали, какъ указано въ газетѣ, открытое письмо въ отдѣленіе государственнаго банка; оттуда намъ высла-

ли уставъ и другіе бланки, необходимые для открытія товарищества. Открыли. Денегъ дали намъ 3.000 руб. разомъ, членовъ записалось 150 человекъ. Заслышали другіе крестьяне, что у насъ выдаютъ деньги легко въ долгъ, безъ закладовъ и безъ потчеваній и другихъ расходовъ и униженій, и стали приходить сотенными толпами: выручи изъ бѣды, все заложено, а безъ залогу даютъ только за огромныя $\frac{9}{100}$ (почти до $100\frac{9}{10}$). Однажды за 2 мѣсяца открытія товарищества, въ одинъ день принято до 100 человекъ и роздано на хлѣбъ 500 руб. 200 чел.: такъ сами просили, хотя по-маленьку помощи. Третій годъ существуетъ товарищество; всѣ несутъ деньги аккуратно, узнали пользу: никому ни кланяешься... Но... одинъ должникъ спился, все распродалъ, землю отдалъ въ аренду на 9 лѣтъ и деньги получилъ. Мы поступили по уставу товарищества: обратились къ становому, пусть тотъ взыскиваетъ, какъ хочетъ—хочетъ съ земли, хочетъ, посылаетъ въ полицію. Становой пріѣхалъ въ деревню и, узнавши всѣ подробности должника, заявилъ, что арендаторъ отдержитъ свои года послѣ, но впередъ необходимо сдать ее въ аренду для уплаты въ товарищество, и арендаторъ немедленно внесъ деньги (съ правомъ, если не отдадутъ ему этихъ денегъ, продержатъ землю известное количество времени, примѣнительно къ цѣнѣ за аренду, уже условленной и уплаченной арендаторомъ). Пробывши все время одними изъ главныхъ руководителей товарищества, мы (я и супруга,—последняя дѣлопроизводителемъ-счетоводомъ) вынесли убѣжденіе, что товарищество открыть необходимо каждому священнику, если въ немъ есть хоть малѣйшая нужда. Остается только сказать большое спасибо тѣмъ начальникамъ, какіе выдумали это доброе учрежденіе.

Указомъ Св. Синода запрещается участвовать священникамъ въ товариществахъ и банкахъ только тѣхъ, въ которыхъ участники заинтересованы лично въ прибыляхъ, а здѣсь прибылью можно пользоваться только на удовлетвореніе общественныхъ полезныхъ нуждъ. Мы за $1\frac{1}{2}$ года при ма-

ленькихъ оборотахъ (въ первый годъ 3.000 р., второй годъ 9.000 р.) справили хорошее облаченіе на 2 священника и діакона, пожертвовали въ Красный Крестъ 20 р., столько же погорѣльцамъ,—всего рублей около 100. А сколько людей молятъ Бога, что выручали ихъ изъ горькой бѣды... Не хочется, скажете, брать лишнюю работу; а вотъ вы пашете, обрабатываете землю,—развѣ на это дѣло вы поставлены! Находите время?.. Жалуетесь, что плохо обезпечены, а заниматься хозяйствомъ времени хватить? Ну, вотъ и возьмитесь за это дѣло—это больше подходитъ вамъ, да и труды ваши будутъ оплачены (сами можете, ваши семейные, учитель или еще кто). Если дать много платы за труды ваши будетъ не изъ чего, то и работы мало. Мы сами думали, что работы мало будетъ, но теперь видимъ, что черезъ годъ—два мы въ состояніи будемъ нанять чиновника сотъ за 5—6, а вы, если захотите сами работать, будете сами столько получать. При попечительствѣ приходскомъ кредитное товарищество—весьма полезная и необходимая поддержка. Есть товарищества, отпускающія ежегодно тысячи рублей на школы, больницы, церковь, пріюты,—все это такое, что такъ близко должно лежать къ сердцу человѣка-священника. Если устраивать товарищества—не дѣло священника, то не дѣло Церкви устраивать и заводы свѣчные и даже свѣчи продавать съ прибылями, содержать и поддерживать разныя благотворительныя и общепольныя учрежденія. О земныхъ нуждахъ людей заботились и св. отцы и учителя Церкви: строили больницы, пріюты и даже родильные покои и священникамъ заповѣдали: плохъ тотъ пастырь, кому чужды земныя нужды прихожанъ. Если іерея смущаетъ $\frac{1}{10}$, взимаемый за долги, устрой его при попечительствѣ и окупай всѣ расходы средствами попечительства; но только $\frac{1}{10}$ платятъ охотиѣе, когда знаютъ, что $\frac{1}{100}$ идутъ, какъ сказано, на ихъ же нужды—на добрыя дѣла (правда, $\frac{2}{3}$ чистой прибыли идутъ на образованіе собственного капитала, но это дастъ возможность въ будущемъ брать меньшій $\frac{1}{10}$, а въ случаѣ прекращенія товарищества капиталъ этотъ опять-таки можетъ быть употребленъ только на вышеупомянутыя добрыя дѣла). Какъ смотреть крестьяне на это, приведу нѣсколько примѣровъ. Вначалѣ не хватало денегъ удовлетворить нужды крестьянъ; стали мы просить то одного, то другого состоятельнаго: дай ему сѣмя, сѣна, хлѣба въ долгъ, а мы осенью уплатимъ,—и выдавалъ. Потомъ узнали это, и весною, когда народъ особенно нуждается, въ товариществѣ же денегъ мало, зажиточные, никогда ростовщицествомъ не занимавшіеся, заявляли: матушка (супругъ моей),

дай, если можно, расписку, а я дамъ ему сѣмя: очень ужъ нуждается; а я до осени потерплю, не повезу въ городъ,— нужно выручить изъ бѣды. Другіе заявляютъ: у меня есть мѣшокъ лишней муки, выдай нуждающимся, у мѣня сѣно и т. п. Стали и деньги приносить, вклады; тутъ ими, говорятъ, многихъ выручишь изъ бѣды—сдѣлаешь доброе дѣло. Вклады мелкими суммами набралось около 8.000, есть по 10 р., по 20 р. Нынче однихъ займовъ было около 2.000 р. и все мелочами; инымъ товарищество должно рублей 20, выдаваемыхъ мукою, сѣномъ и т. п. лицамъ 3—4. Товарищество, видимо, развиваетъ между членами помощь другъ другу. Помогаютъ другъ другу, кто чѣмъ можетъ, кто чѣмъ богатъ. Это развѣ далеко должно быть отъ священника? Развѣ это дѣло униженнѣе для священника, чѣмъ землей заниматься, да еще первобытной обработкой ея? Нашу проповѣдь о товариществѣ начинаютъ понимать: не оттого мы бѣдны, мы учимъ, что золота у насъ мало; его много, но оттого, что мало у насъ любви. Посмотри, сколько добра можетъ принести даже 25 руб. Принесли въ товарищество вкладъ въ 25 рублей. Мы отдали его на покупку хлѣба. Продавшій хлѣбъ, рассчитываетъ: чѣмъ деньгамъ лежать безъ дѣла мѣсяць цѣлый, отнесу въ товарищество,—и мнѣ что-нибудь перепадетъ, и людямъ помогу. Принявши ихъ, мы отдаемъ на покупку сѣна; продавецъ сѣна, по вышеприведеннымъ причинамъ, намъ опять ихъ несетъ; выдаемъ на покупку коровы, сѣмянъ, лошади, ремонтъ избы, покупку удобрения. Однимъ словомъ, если она не лежитъ, выручить десятыхъ изъ нужды, и все только одна 25-рублевая бумажка. Видите ли, въ чемъ наше богатство,—въ любви, если будемъ помогать другъ другу. Или еще картина. Общее собраніе, просить крестьянинъ: мѣръ православный, примите меня въ товарищи; дайте денегъ на лошадь, никто не вѣритъ мнѣ, взять не съ чего будетъ: нѣтъ у меня ничего, а жить и работать хочу, надоѣло собираться. Ну, что ль, говорятъ, выручимъ, дадимъ на лошадь и орудія; отдашь—дадимъ еще, заставимъ жить,—только старайся, и начинаешь стараться жить; другого не принимаютъ, говорятъ: на пропой души тебѣ дать денегъ! брось пить, поживи въ работникахъ, справишься, и тебя выручимъ. Или еще: этого принимаемъ, но денегъ давайте не ему, а то онъ можетъ пропить, а женѣ его... Закончу слѣдующей картинкой. Сидимъ мы лѣтомъ въ саду и выдаемъ деньги (просителей человекъ около 100). Я, супруга и учитель мѣстнаго училища (третій годъ все время выбирается въ предсѣдатели правленія и съ любовію отно-

сится къ этому полезному дѣлу),—все заняты: кто деньги выдаетъ, кто расписки пишетъ, кто въ книгу записываетъ... Одинъ крестьянинъ и говорить: вотъ наставники и печальники наши не одними словами научаютъ насъ добро дѣлать людямъ, но и на дѣлѣ показываютъ это. Молодежь читала въ газетахъ, что многимъ ученымъ богатымъ людямъ хочется быть народниками—приносить пользу ближнимъ. Гдѣ же эти народники?

Если бы на самомъ дѣлѣ было ихъ много, то помогали бы устраивать такіе банки и чрезъ нихъ пріучали бы насъ помогать другъ другу, объединяли бы насъ на общую другъ другу работу. Одинъ этотъ банкъ сколько мыслей новыхъ зародилъ у насъ въ головѣ. Мы теперь вѣримъ, что можемъ совмѣстными усилиями не только опустившихся поддержать, подтянуть, но чувствуемъ, что все начинаютъ итти впередъ, богатѣть; мы теперь съ свѣтлыми надеждами смотримъ впередъ, много замыслиаемъ и надѣемся осуществить. Только и тутъ такъ направляйте, чтобы и въ этихъ дѣлахъ была душа живая, а не мертвое бумажное дѣло. Если бы народники, въ самомъ дѣлѣ, хотѣли помочь намъ—темнымъ, они не только бы писали, но сдѣлали бы и на дѣлѣ. Во время выдачи денегъ приходило народу человекъ до 300; и пока выдавали одному, другому, третьему, съ остальными почти всегда ведутся бесѣды, какъ другія общества устраиваютъ свои дѣла. Говорили о хорошо поставленныхъ обществахъ; сколько земли у японцевъ, нѣмцевъ, финляндцевъ, и отчего они живутъ на маломъ количествѣ земли—богато живутъ (правильно обрабатывая), о садахъ (и у насъ можно устроить это, не только на огородахъ, но и на улицахъ, на поляхъ насадить фруктовыхъ деревьевъ, и общими силами не такъ трудно), о воровствѣ: какъ съ корнемъ уничтожить, этотъ порокъ, о взаимопомощи (работой)... („Вятск. епар. вѣд.“).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 24-го сентября 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 40.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года октября 7-го дня.

Содержаніе: I. Отзвуки современности (окончаніе).—II. Православный па-
стырь и русская интеллигенція въ эпоху 60-хъ годовъ.—III. О пси-
хической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара (продолженіе).

Отзвуки современности ¹⁾.

14.

Теперь предстояло путешествіе по самымъ кореннымъ
центральному мѣстамъ Руси православной и могло бы объ-
щать много интереснаго и поучительнаго для дорожняго па-
блюдателя, если бы онъ не былъ разочарованъ заранѣе;
а дальше, не позже какъ завтра, увижу я и чудную
Малороссію, которую такъ нѣжно и любовно просла-
вила наша литература и на равнинахъ которой суждено
было совершиться множеству историческихъ драмъ. Нако-
нецъ, увижу я и необъятныя плодоносныя степи Новороссіи,
а тамъ—и цѣль всего путешествія, богатый историческимъ

¹⁾ См. № 39-й за 1907 г.

прошлымъ и замѣчательный красотами природы, южнымъ климатомъ, благословенный Крымъ!.. Какъ это ни жалко, но, по обычнымъ условіямъ нашихъ русскихъ путешествій—спѣшныхъ, срочныхъ и суетливыхъ, пришлось отказаться отъ близкаго знакомства съ такими городами, какъ Нижній, Москва, и ограничиться ихъ „изученіемъ“ по образцу известнаго уже читателю Петра Иваныча. Только и пришлось быть невольнымъ наблюдателемъ необычнаго вокзальнаго оживленія въ этихъ городахъ, но и оно своей безтолковщиной, ненужной суматохой производитъ лишь какое-то кошмарное, удручающее впечатлѣніе, ничѣмъ не напоминая, что вы находитесь въ самомъ центрѣ русской жизни, русской народности. Если и представляется здѣсь въ чистомъ видѣ русскій элементъ, то опять же въ обездоленномъ, забитомъ, робкомъ видѣ, или въ образѣ рабочаго, съ котораго фабрика успѣла стереть національно-русскія черты; главная же дѣятельная часть совершающей движеніе публики и здѣсь отличается пестротой и какой-то интернаціональностью. Но какъ бы то ни было, начиная отъ Москвы и дальше къ югу все въ болѣе и болѣе сгущенномъ размѣрѣ выступаетъ еврейскій элементъ. Евреи и евреи по всему пути, дѣловито спѣшашіе, продающіе и покупающіе, но всегда самоувѣренные и видимо чувствующіе себя здѣсь господами положенія. Далѣе къ самому югу къ нимъ братски присоединяются въ немаломъ количествѣ другіе восточные челоуѣки, а отчасти и нѣмцы, дружно и крѣпко держащіе въ своихъ рукахъ экономическую и торговую жизнь нашей родины. Таковъ-то двигающій современную русскую жизнь созидательный (если не разрушительный) элементъ, наполняющій жизненные артеріи православной русской страны... Но объ этомъ довольно.

Упомянемъ лучше о встрѣчѣ съ однимъ русскимъ челоуѣкомъ, оказавшимся немалосвѣдущимъ практикомъ, который съ самой Москвы до конца поѣздки помогать коротать мнѣ дорожное время и, благодаря своей освѣдомленности, давалъ иногда интересныя свѣдѣнія о жизни и людяхъ тѣхъ

мѣстностей, черезъ которыя несъ насъ поѣздъ. Это оказался управляющій одного помѣщика когда-то богатой и славной фамиліи, но теперь вынужденнаго ликвидировать свои дѣла, и избывать свои запущенныя, малоодоходныя имѣнія. Съ порученіемъ сбыть имѣніе ѣхалъ управляющій и теперь на югъ. Коренной русакъ, хорошо знающій жизнь, порядочно образованный, при томъ же любящій свою родину, онъ охотно бесѣдовалъ со мной о ея современныхъ недугахъ и старался удовлетворить мою любознательность. Не безъ горечи признавалъ онъ малодушіе и упадокъ энергіи въ русскомъ обществѣ и народѣ, начиная съ культурныхъ слоевъ и кончая деревней.—Теперь мы русскіе все словно чѣмъ пришиблены прямо по головѣ,—говорилъ онъ между прочимъ: не стало у насъ предпримчивости, энергіи не только на какія-либо важныя дѣла и начинанія, но даже просто на слова. Не стало слышно оживленныхъ споровъ и разговоровъ о томъ, что творится, никто не высказываетъ плановъ насчетъ будущаго, молчитъ матушка Русь, словно застыдившись недавно надѣланнаго шума и шалости. Апатично махнули мы рукой на неудавшееся недавнее оживленіе и—баста! А что бы, бросивъ крайности и увлеченія, ни поддержать намъ загорѣвшейся жизни и бодро, открыто и законно ни продолжать задуманнаго обновленія и скрѣпленія вконецъ распатанной родной земли? Вѣдь нельзя же дальше такъ жить со своей халатностью и апатіей: скоро, пожалуй, опустимъ все дѣла изъ рукъ, и теперь уже развѣ видимо не одолѣваютъ насъ, коренныхъ русскихъ, торжествующіе иноплеменники. А мы только безсилно жалуемся; и стыдно и обидно за себя, за русское имя.

Когда нашъ поѣздъ проносился по Малороссіи, и я все еще, не утративъ вѣры въ литературныя изображенія ея довольства и красоты, пытался увидать гдѣ-нибудь въ сторонѣ цвѣтущіе хутора съ роскошными садами изъ вишенъ и черешенъ или повстрѣчать живописную, довольную группу милыхъ хохловъ съ ихъ паробками и „дѣвчатами“, меня безна-

дежно разочароваль въ моихъ попыткахъ тотъ же спутникъ управляющій.

— Экъ хватились чего некатъ: было это все, да прошло давнымъ давно и быльемъ поросло! Отъ старыхъ вишень и черешень больше одни пеньки остались, обѣднѣль край вконецъ и раззорился народъ. А въ послѣднее время не званые совѣтники развели хохлатскую бѣду еще шире, наустивъ простаковъ на разгромъ помѣщичьихъ усадебъ. Теперь цѣлыми деревнями высланы горемыки по разнымъ мѣстамъ; есть вѣрно и у васъ на сѣверѣ, горюють подъ елками да вересомъ вмѣсто вишень и черешень... Эхъ, тяжело и говорить про нашу русскую, несуразную дѣйствительность.

Мало отраднаго рассказываль мой собесѣдникъ пессимистъ и о положеніи русскихъ въ обширной, плодородной Повороссіи. Экономическое и культурно-умственное господство нѣмцевъ-колонистовъ надъ забѣднѣвшимъ русскимъ малочисленнымъ элементомъ въ этомъ краѣ возмущало патріотизмъ моего интереснаго спутника. Вообще онъ былъ настроенъ пессимистически и наученный опытомъ и близкимъ долговременнымъ знакомствомъ съ русскимъ народомъ, его малоподвижностію и апатіей, не питаль свѣтлыхъ надеждъ на чудесное возрожденіе родной земли при помощи однихъ политическихъ реформъ.

— Духъ бодрый, предпріимчивый и рѣшительный прежде всего надо вдохнуть въ русскую грудь; пора взяться намъ за умъ и не смотрѣть равнодушно, какъ другіе опекають насъ со всѣхъ сторонъ. Самимъ надобно взяться, не брезгуя, за всякое дѣло, большое и малое и вести его честно, старательно, свято. И это, пожалуй, главное: побольше намъ надобно имѣть въ своихъ дѣлахъ этой честности и Божія страха, а то и въ этомъ отношеніи вконецъ ослабѣль и опустился нашъ бѣдный русскій народъ!

Чуть ли не съ послѣдними словами распростился со мною мой случайный спутникъ-собесѣдникъ. Поѣздъ незамѣтно исполниль свое дѣло и среди темной, безпросвѣтной

ночи стать у конечной станціи моего путешествія. Большой губернской городъ, еле выступающій изъ мрака, непривѣтливо принялъ въ себя новаго жителя, прибывшаго сюда съ далекаго, суроваго сѣвера. Что-то сулитъ ему будущее: отогрѣетъ ли южное солнце его сердце, оживить ли душу могучая южная природа новыми силами, новой надеждой и вѣрой въ свѣтлую судьбу родной земли, родного народа?

Свящ. В—ій.

Православный пастырь и русская интеллигенція въ эпоху 60-хъ годовъ.

(Продолженіе ¹⁾).

Съ началомъ царствованія Александра II надъ Россіей возсіяла заря новой лучшей жизни, которую съ восторгомъ привѣтствовало все русское общество. Сразу послѣдовали рядъ реформъ, направленныхъ къ поднятію общественной самодѣятельности. Всѣ силы и сословія призывались къ со- вмѣстной дружной работѣ къ благу общему...

Съ любовью и энергіей бросилась интеллигенція къ осуществленію своихъ такъ долго лелѣянныхъ идеаловъ. Свобода печати дала ей теперь возможность прямо и громко, а не эзоповскимъ языкомъ, какъ было до сихъ поръ, высказывать свои пожеланія и убѣжденія, вскрывать политическія и общественные недостатки, предлагать средства къ ихъ устраненію. На очереди стоялъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права. Въ 1861 году рабство пало. Но работа интеллигенціи не кончилась этимъ; она только принималась за работу. Отмѣна крѣпостного права—это только первый шагъ на пути къ культурному развитію и просвѣщенію народа. Интеллигенція должна взять на себя роль руководительницы темнаго народа. Открывались такимъ образомъ широкіе горизонты для дѣятельности интеллигенціи; впереди предстояло много труда, что могло потребовать громадной энергіи и силъ. Но интеллигенція не боялась этого. Она теперь уже была не малочисленна. Въ ея ряды вошли но-

¹⁾ См. №№ 10—11-й за 1906 г.

выя свѣжія силы. Состоявшая раньше почти исключительно изъ однихъ дворянъ, она теперь пополнилась „разночинцами“, а съ освобожденіемъ народа въ нее начался приливъ новыхъ дѣятелей и изъ прежняго „подлаго“ сословія, принесшихъ съ собой и свѣжую энергію и новыя познанія, значительно расширившія ея прежній кругозоръ. Открывшіяся свободныя профессіи дали ей возможность прилагать свои силы на общественную пользу не только на литературномъ поприщѣ, но и непосредственнымъ участіемъ въ жизни.— Интеллигенція стала силой, участіе которой въ общей жизни Россіи стало слишкомъ замѣтнымъ.

Въ какія же отношенія стали между собой интеллигенція и православный пастырь? Въ разсматриваемую эпоху вопросъ этотъ долженъ былъ получить особенно острый характеръ, и вотъ почему: православный пастырь считалъ себя и дѣйствительно былъ до сихъ поръ единственнымъ почти руководителемъ простаго народа въ его воспитаніи и просвѣщеніи; теперь является новая сила—интеллигенція, которая претендуетъ на ту же роль въ отношеніи къ народу. Духовенство не могло не замѣтить этой силы. Интеллигенція шла въ народъ въ качествѣ учителя. Къ ея голосу прислушивалось само правительство... Итакъ, пошли ли эти двѣ культурныя силы рука объ руку, при взаимной поддержкѣ, въ дѣлѣ духовнаго развитія и просвѣщенія народа, или разошлись, какъ ничего общаго въ своихъ воззрѣніяхъ и идеалахъ не имѣющія?

Случилось послѣднее. Интеллигенція 60-хъ годовъ уже не была интеллигенціей 40-хъ годовъ, которая въ своихъ воззрѣніяхъ, по крайней мѣрѣ въ одной своей половинѣ (разумѣемъ славянофиловъ), такъ близко подошла къ воззрѣніямъ и православнаго пастыря; да и православный пастырь въ громадномъ большинствѣ своихъ представителей оказался далеко не на высотѣ пастырскаго идеала.

Западническое направленіе въ развитіи нашей интеллигенціи оказалось болѣе прогрессивнымъ. Религіозно-философ-

скій идеализмъ славянофиловъ, при всѣхъ своихъ крупныхъ достоинствахъ, имѣлъ одинъ, но существенный недостатокъ. Онъ смотрѣлъ на дѣйствительную жизнь слишкомъ отвлеченно, сквозь свои полныя идеализированія и мечтательности теоріи, и въ этомъ своемъ увлеченіи готовъ былъ дойти до полнаго признанія тогдашняго политическаго и соціального строя въ Россіи. У западниковъ было болѣе трезваго реализма. Они не закрывали глазъ предъ мрачною дѣйствительностью, съ ея гнетомъ помѣщиковъ и бюрократическимъ произволомъ. Ясно и опредѣленно имъ представлялся и выходъ изъ даннаго положенія Россіи: итти по пути болѣе развитыхъ культурныхъ государствъ. Былъ и образецъ предъ глазами: цивилизованнныя государства Запада. Все это, вмѣстѣ съ сгущавшимися тучами бюрократическаго деспотизма (въ концѣ 40-хъ гг.) и привело къ тому, что славянофилы оказались позади общаго развитія русской интеллигентной мысли, которая, подъ вліяніемъ тѣхъ идей и ученій, какія въ это время широко развились на Западѣ, скоро вступила на путь уже прямого антагонизма съ религіей.

Въ Германіи, откуда мы заимствовали въ это время и свою философію и всю свою науку, въ 50-хъ годахъ сильно распространился матеріализмъ подъ вліяніемъ быстрыхъ успѣховъ, какое обнаружило въ это время естествознаніе. Имена Фарадея, Гельмгольца, Тиндаля, Дарвина, Ляйеля, Вирхова, Гексли, удивившія міръ своими великими открытіями въ области естествовѣдѣнія, создали ему такую славу и такой интересъ, что въ это время оно совершенно затмило собою прочія науки, тѣмъ болѣе, что, благодаря его методу изслѣдованія, открылись новыя широкія гипотезы, совершенно измѣнявшія господствовавшее до того міросозерцаніе. Философія приходила въ полный упадокъ; мысль сосредоточивала все свое вниманіе исключительно на внѣшнемъ мірѣ; подъ вліяніемъ же присущей всѣмъ, а особенно нѣмцамъ, склонности къ метафизикѣ, они все-таки строили себѣ свою соб-

ственную метафизику, но бессознательно, не давая себѣ отчета въ ней и даже принимая ее за данныя опыта, или же за логически необходимый выводъ изъ этихъ данныхъ, и поддались соблазну судить о *всякой* дѣйствительности на основаніи одной лишь изученной ея части, вслѣдствіе чего приняли внѣшній міръ и его механическіе процессы не только за вполне достовѣрную, но даже за единственную дѣйствительность, а свои вспомогательныя орудія, принаровленные къ изученію законовъ внѣшнихъ явленій, т. е. рабочія гипотезы, за точную картину дѣйствительности.—Если въ Германія не могли отнестись съ достаточнымъ критицизмомъ къ новымъ открытіямъ человѣческой мысли, тѣмъ менѣе могло это случиться у насъ, вслѣдствіе упадка мышленія въ кругахъ, заинтересованныхъ естествознаніемъ, подъ вліяніемъ воздвигнутыхъ у насъ гоненій на философію. Поэтому у насъ долженъ былъ распространиться матеріализмъ еще сильнѣе и шире. Дѣйствительно, его исповѣдывали у насъ въ 60-е годы съ необыкновеннымъ увлеченіемъ, чисто догматически, даже съ фанатизмомъ. Произошло явленіе аналогичное съ распространеніемъ вольтеріанства въ смыслѣ нашихъ предковъ. Матеріализмъ смѣняется позитивизмомъ. Переходъ былъ очень легкій, такъ какъ въ своей первоначальной контовской формѣ позитивизмъ съ трудомъ отличается отъ матеріализма, и это увлеченіе было для насъ тѣмъ естественнѣе, что послѣдователи матеріализма никакъ не подозрѣвали, что они исповѣдуютъ одну изъ метафизическихъ системъ. Напротивъ, они искренно и твердо были убѣждены, будто бы ихъ міровоззрѣніе представляетъ собой найдостовѣрнѣйшій выводъ, „последнее слово“ *точной* науки.

Стремленіе къ критицизму и „религіозному“ мышленію вызвало войну съ метафизикой и религіей и отрицаніе авторитетовъ и традицій всякаго рода, которыя новое поколѣніе провозгласило отжившими свой вѣкъ и потому вредными. Это *отрицаніе* составляло одну изъ характерныхъ особенностей тогдашнихъ „новыхъ“ людей, за которыми съ легкой руки

И. С. Тургенева въ противномъ лагерѣ утвердилась кличка „нигилистовъ“. Съ особенной силой это отрицаніе направилось на отрицаніе всего сверхчувственнаго. Причины—прекрасно выясняются въ слѣдующей выдержкѣ:

„Правильно или неправильно, но въ этомъ сверхчувственномъ люди 60-хъ годовъ видѣли главнаго своего врага. Въ области познанія они были или стремились быть чистыми, даже грубыми рационалистами и признавать только то, „что видятъ и осязаютъ“. Они не хотѣли вѣрить, а только знать и точно знать, такъ чтобы можно было провѣрять свои убѣжденія и мысли со скальпелемъ, вѣсами или статистическими таблицами въ рукахъ. Въ нихъ жилъ настоящій „священный ужасъ“ передъ всѣмъ, что должно было приниматься на вѣру. И въ этомъ проявлялась не только гордыня ихъ разума, а и негодованіе на прошлое, злая память о немъ, ибо это прошлое знало одну только формулу: „вѣрь, какъ тебѣ указано“...

... Здѣсь дѣло не столько въ матеріализмѣ, сколько именно во *враждебности къ супранатуральному, сверхчувственному*, въ которомъ прошлое искало и всегда находило непреложную и нерушимую санкцію всего строя своей жизни, вплоть до крѣпостнаго права. Додумались же въ свое время люди до мысли, что крѣпостное право—учрежденіе „божественное“. Съ этой точки зрѣнія нашъ матеріализмъ—это *борьба съ государствомъ, съ официальной народностью, поскольку тѣ искали оправданія и опоры въ ученіи Церкви*¹⁾... Рядомъ съ такимъ отрицаніемъ, подъ вліяніемъ того же натуралистическаго міровоззрѣнія, раздается громкая проповѣдь эгоизма, отвергающаго всякія альтруистическія чувства, какъ нѣчто не рациональное, противорѣчащее естественному чувству самосохраненія. Удовлетвореніе естественныхъ потребностей—вотъ къ чему должно быть направлено

¹⁾ Андреевичъ. Опытъ философіи русской литературы. 1905 г. стр. 278—279.

стремленіе человѣка, вотъ въ чемъ счастье. Религія, нравственный законъ и долгъ казались яркимъ либераламъ чѣмъ-то связующимъ, нарушающимъ свободу человѣка; все это представлялось чѣмъ-то давящимъ человѣка *совнѣ* и не имѣющимъ ничего соотвѣтствующаго его истинной природѣ. Яркимъ представителемъ этого настроенія интеллигенціи является типъ Базарова. Базаровъ рѣшительно отвергаетъ идеалистическій взглядъ на жизнь; осмѣиваетъ то, что въ его глазахъ пустое нѣжничанье; не хочетъ признавать никакого принципа, взятаго на вѣру или унаслѣдованнаго по традиціи. Самое понятіе о вѣрованіи онъ устраняетъ презрительно; никакихъ принциповъ онъ не допускаетъ: существуетъ одно только—научный фактъ, добытый опытомъ, какъ законъ для мысли, и простое ощущеніе, какъ законъ для практической жизни.—Базаровъ, впрочемъ, не отразилъ на себѣ всѣхъ чертъ интеллигенціи 60-хъ годовъ. Рядомъ съ проповѣдью морали, основанной на полномъ разнузданіи эгоистическихъ инстинктовъ, мы видимъ призывъ, проникнутый горячей любовью къ заботамъ объ общемъ благѣ. Съ точки зрѣнія шестидесятниковъ какого-нибудь противорѣчія здѣсь не было. Предполагали, что благо общее совпадаетъ съ благомъ личнымъ и что помимо стремленія къ личному благу человѣку столь же свойственно естественное стремленіе къ благу общему¹⁾. Къ этой цѣли и долженъ направляться общественный прогрессъ.

„Вась затрудняетъ, говорить Писаревъ, можетъ быть, одинъ вопросъ: какъ согласить эти эгоистическія начала съ любовью къ человѣчеству? Объ этомъ нечего заботиться. Человѣкъ отъ природы—существо *очень доброе*, и если не окислять его противорѣчіями и дрессировкой, если не требовать отъ него неестественныхъ нравственныхъ фокусовъ, то

¹⁾ „Естественныя стремленія человѣчества, приведенныя къ самому простому знаменателю, могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: чтобы всѣмъ было хорошо“. (Добролюбовъ).

въ немъ естественно разовьются самыя любовныя чувства къ окружающимъ людямъ, и онъ будетъ помогать имъ въ бѣдѣ ради собственнаго удовольствія, а не изъ сознанія долга, т. е. по доброй волѣ, а не по принужденію“. Эта вѣра въ совершенство человѣческой природы лежала въ основѣ всѣхъ разсужденій шестидесятниковъ¹⁾. Недостатки, пороки, какіе проявлялись въ личности,—это результатъ вліянія среды. „Преступленіе есть протестъ противъ ненормальности соціальнаго устройства,—и только, и больше ничего... говоритъ у Достоевскаго Разумихинъ, характеризуя взгляды тогдашней интеллигенціи. Я тебѣ книжки ихнія покажу: все у нихъ потому, что *среда злая*,—ничего больше! любимая фраза“. Разъ людямъ хорошо, имъ незначѣмъ поступать дурно. Горькая нужда чаще всего наталкиваетъ на злое и преступное. Измѣняя среду къ лучшему, вы тѣмъ самымъ измѣняете къ лучшему и человѣка. Свободная воля, злая воля выдуманы для оправданія насилія и жестокости—вотъ мысли, развиваемыя преимущественно Чернышевскимъ. Причину окружающаго зла видѣли въ недостаткахъ строя жизни, въ непоборимомъ вліяніи стараго уклада русской жизни, полнаго деспотизма, рутинныхъ правилъ отжившей морали и множества предрасудковъ, которые коверкали человѣческую личность и не давали ей развиваться по нормальному, здоровому, естественному пути. Отсюда естественное заключеніе, что стоитъ лишь предоставить человѣка его собственной волѣ, и въ человѣкѣ не замедлитъ обнаружиться во всей своей силѣ все то естественное добро, которое заложено въ его природѣ (зла въ ней не предполагается; все зло въ человѣкѣ наносное, привито извнѣ), при чемъ человѣкъ все-таки остается эгоистомъ, потому что, слѣдуя своимъ естественнымъ стре-

¹⁾ *Примѣчаніе.* Обращаемъ здѣсь вниманіе на различіе во взглядахъ на человѣческую природу между шестидесятниками и православнымъ ученіемъ, вытекающимъ изъ извѣстнаго библейскаго сказанія о грѣхопадении человѣка.

мленіямъ, онъ дѣлаетъ лишь то, что ему хочется, что ему пріятно, и лишь ради этого пріятнаго. И чѣмъ болѣе человекъ будетъ развиваться по этому естественному пути, тѣмъ сильнѣе и шире будетъ въ его дѣйствіяхъ проявляться эта естественная доброта. Одно только зло въ человекѣ и человечествѣ—это невѣжество; лѣкарство противъ этого зла—наука. „Надо распространять знанія. Это ясно и несомнѣнно“¹⁾. А какія знанія? Конечно, знанія естественныхъ наукъ. Отсюда восторженное, даже страстное поклоненіе точному знанію, отъ котораго ожидалось не только расширеніе научнаго кругозора, но и нравственное обновленіе. „Въ наукѣ и только въ ней одной заключается та сила, которая, независимо отъ историческихъ событій, можетъ разбудить общественное мнѣніе и сформировать мыслящихъ руководителей народнаго труда. Если наука въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей примется за рѣшеніе этихъ двухъ задачъ и сосредоточитъ на нихъ всѣ свои силы, то губительный разрывъ между наукой и физическимъ трудомъ прекратится очень скоро, и наука въ теченіе какихъ-нибудь десяти или пятнадцати лѣтъ подчинитъ всѣ отрасли физическаго труда своему прочному, разумному и благородному вліянію“. Итакъ, цѣль дѣятельности человека—всеобщее счастье (чтобы всѣмъ было хорошо“), полагаемое въ возможно полномъ удовлетвореніи своихъ естественныхъ потребностей. Къ этому и долженъ быть направленъ общественный прогрессъ. Средство на этомъ пути—распространеніе знаній и при томъ знаній положительныхъ; это поможетъ человеку распознать вредное отъ полезнаго, достижимое отъ недостижимаго въ его стремленіяхъ къ удовлетворенію своихъ потребностей. Но помимо этого необходимы социальныя преобразованія, которыя га-

¹⁾ Писаревъ. Наши шестидесятники еще болѣе, чѣмъ французскіе рационалисты, были твердо убѣждены, что нравственность—продуктъ разума, просвѣщеннаго наукой, и что она растетъ параллельно съ размноженіемъ точныхъ знаній.

рантировали бы каждому его полную свободу. При обезпеченіи всѣмъ такой свободы, при обогащеніи всѣхъ одинаковыми знаніями—общее счастье обезпечено.

В. Андріевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кеннара.

(Продолженіе ¹⁾).

Для воспитанія психическаго, интеллектуальнаго и нравственнаго необходимо обезпечить физическія условія. Сила, крѣпость животной энергій и инстинкта, происходя изъ прекраснаго здоровья и здоровой природы, представляютъ могущественный элементъ успѣха проповѣдника, когда они держатся на уздѣ и управляются господствующею силою Духа Божія. Взаимная зависимость, съ одной стороны, умственной и духовной части нашей природы, а съ другой—физической таковы, что культура, улучшающая органы и управляющая ихъ отправленіями, увеличивая мускулы и укрѣпляя нервы, въ то же самое время развиваетъ мозгъ, расширяетъ душу и укрѣпляетъ волю. Прямота, гибкость, пріятность, крѣпость тѣла много содѣйствуютъ увеличенію живости и красоты, рѣшительности и твердости нравственной и умственной дѣятельности. Нормальная дѣятельность всѣхъ этихъ жизненныхъ и нервныхъ силъ даетъ оратору избытокъ душевнаго спокойствія, достоинства и сохраненія силы, что весьма полезно для воздѣйствія на аудиторію. Когда духъ и тѣло дѣйствуютъ дружно, то ихъ вліяніе другъ на друга наиболѣе даетъ себя чувствовать. Съ своей стороны и аудиторія составляетъ свое сужденіе о ораторѣ по его внѣшности. Его видъ, его физическое дѣйствованіе служатъ для слуша-

¹⁾ См. № 39 за 1907 г.

телей выраженіемъ его характера. Естественно связываютъ совершенное здоровье съ совершенной нравственностью. Крѣпкое здоровье и твердыя дѣйствія вообще магнетичны. Правда, умственная и нравственная силы исходятъ иногда отъ человѣка, который, подобно Роберту Галлу, находится во власти физическихъ страданій; но вообще видъ и голосъ слабаго тѣломъ человѣка уменьшаютъ его способность производить впечатлѣніе. Есть люди, которые овладѣваютъ вниманіемъ посредствомъ своего могучаго тѣлосложенія, благородной осанки, учительскаго вида и голоса.

Проповѣднику необходимо также обладать отвагой, смѣлостью убѣжденія, вѣры, которая видитъ невидимое; твердымъ сознаніемъ своего призванія и своей миссіи, какъ посланника Божія; независимостью отъ разныхъ „измовъ“ и ходячихъ мнѣній. Онъ долженъ быть способенъ такъ же мужественно страдать, какъ и дѣйствовать. Для каждаго мужественнаго проповѣдника кафедра одновременно должна быть и крестомъ и треномъ. Распятый для личнаго интереса и страха предъ людьми, онъ достигаетъ господства надъ человѣческими душами. Когда старый Гораций узналъ о томъ, что его сынъ уклонился отъ борьбы, которая должна была рѣшить вопросъ о превосходствѣ между Альбой и Римомъ, и когда, видя его негодованіе, спросили, что могъ сдѣлать его сынъ одинъ противъ трехъ, то старикъ отвѣтилъ: „онъ долженъ былъ умереть“. Высокій отвѣтъ вышелъ изъ великой души; онъ ставитъ этого человѣка выше той слабости, которая борется въ насъ противъ всякаго самопожертвованія для истины. Нѣтъ ничего болѣе заслуживающаго презрѣнія, какъ пастырь робкій, любящій компромиссы или нейтрализовать. Но духъ Златоуста, Савонаролы, Джона Кнокса еще живетъ во многихъ людяхъ, постоянно дающихъ доказательства своей твердой независимости, какъ подвижниковъ Божіихъ и человѣческихъ. Подъ смѣлостью я разумѣю не хладнокровіе невѣжества и суетности или равнодушіе стойка, для котораго опорой служитъ презрѣніе къ ближнему; но—

разумную и скромную смѣлость убѣжденія, вѣры и самоотверженія.

Тайна незначительнаго успѣха многихъ людей въ руководствѣ другими—не въ слабости ихъ дѣла или логики, но въ слабости ихъ души. Когда адмиралъ Дюпонъ объяснялъ адм. Фарагю, почему онъ не могъ войти съ своимъ флотомъ въ Шарльстонскій портъ, то Фарагю, выслушавъ его до конца, отвѣтилъ ему: „Дюпонъ, у меня еще есть основаніе“.— „Какое же?“— „Вы не вѣрили, что можете это сдѣлать“.

Говорятъ, что хирургъ долженъ имѣть „сердце льва и руки женскія“; извѣстно, что и врачъ душъ нуждается въ постоянной твердости такъ же, какъ и въ деликатномъ тактѣ и полномъ состраданіи.

Если въ его миссіи есть много основаній для страха, подавляющаго душу самую безстрашную, то есть много и такого, что должно внушать ему смѣлость. Въ этомъ отношеніи, между прочимъ, благоприятное значеніе имѣетъ близость, существующая между нимъ и его вѣрными и ихъ довѣріе къ нему: онъ является для нихъ отцомъ или по крайней мѣрѣ старшимъ братомъ. Кто сознаетъ себя представителемъ престола безграничной власти и любви, кто проповѣдуетъ, чтобы спасти, кто слышитъ въ своей душѣ отзвукъ Божественнаго слова къ Моисею: „Я буду съ тобою“ или слова Христова къ апостоламъ: „Я всегда съ вами“, тотъ долженъ быть смѣль. Если иногда, думая объ этой своей огромной задачѣ—обращать людей къ Богу и о недостаточности своихъ естественныхъ средствъ, проповѣдникъ стонетъ въ своей душѣ: „кто способенъ на это?“—то ему нужно только обратить вниманіе на своихъ духовныхъ союзниковъ, чтобы издать такой торжествующій крикъ: „все могу въ укрѣпляющемъ меня Исусѣ Христѣ“ (Филипп. 4, 13).

Въ числѣ своихъ личныхъ качествъ проповѣдникъ долженъ считать также „даръ руководства или управленія“. Одинъ англійскій государственный человѣкъ сказалъ однажды, что міръ особенно нуждается „въ просвѣщенныхъ лю-

дахъ, способныхъ быть вождями“ (menuz). Бываютъ, однако, просвѣщенные люди, которые мало оказываютъ полезнаго вліянія, потому что они не умѣютъ руководить; и есть люди, способные руководить, но не просвѣщенные, хотя и блистательные: не имѣя сами истиннаго просвѣщенія, они ведутъ людей въ пустыню или бездну. Быть просвѣщеннымъ и въ то же время умѣть руководить—таковы свойства истиннаго и имѣющаго успѣхъ проповѣдника.

Какъ человѣкъ, одаренный ясной и духовной жизнью, онъ истолковываетъ человѣческимъ душамъ вѣчный Божественный порядокъ и знаменія жизни; открываетъ людямъ ихъ собственное сердце и сердце Божіе. Вслѣдствіе свѣта, находящагося въ немъ, онъ является поэтомъ человѣческой природы, пророкомъ человѣческихъ возможностей и проповѣдникомъ человѣческихъ желаній, и это потому, что онъ, подобно своему Божественному Учителю, занимается глубокими потребностями человѣческой природы, которыя онъ вынуждается выслушивать. Его слово выражаетъ смущенный и боязливый ропоть, бродящій въ душахъ; онъ вызываетъ изъ глубины прошлаго неопредѣленное воспоминаніе исчезнувшей чистоты и блаженства; онъ подымаетъ покрывало будущаго и даетъ людямъ видѣть новое и вѣчное состояніе вещей.

„Онъ обращаетъ взоры къ высшимъ мірамъ

И первый шествуетъ къ нимъ“.

Ему необходимо обладать ловкостью альпійскаго гида и престижемъ военачальника, который внушаетъ довѣріе и героизмъ для правды. Этотъ даръ управленія, которымъ обладали Арн. Рюгби, Шальмеръ, Робертсонъ, заключаетъ въ себѣ вѣру въ себя, дающую силу, эластичность и твердость въ словѣ и дѣлѣ. Недовѣріе къ себѣ есть слабость; сила же, сознающая себя, неотразимо дѣйствуетъ на аудиторію, если только эта сила не соединяется съ чувствомъ тщеславія.

„Не бойся ихъ и не страшись предъ лицомъ ихъ“ (Іез. 3, 9)—эти слова одинаково относятся какъ къ древнему пророку, такъ и новѣйшему проповѣднику. Его начальственная

сила должна сопровождаться сочувствіемъ. Сильный и суровый человекъ, какъ Петръ Пустынный, можетъ быть необходимъ для большого крестоваго похода противъ растлѣвающихъ общество пороковъ; но братское управленіе, побуждающее людей ежедневно преодолевать лѣнь, медлительность и эгоизмъ, въ жизни малогероической еще болѣе необходимо. Свѣтъ, исходящій изъ проповѣдника, долженъ быть горячимъ сіяніемъ симпатіи, которая привлекаетъ сердца, освѣщая ихъ, и внушаетъ энергію, открывая ихъ долгъ. Подобно той прекрасной звѣздѣ, которая вела царей съ востока, онъ постоянно ведетъ къ новому рожденію Христа въ колыбели вѣковъ будущаго. Проповѣднику необходимо имѣть твердыя и истинныя убѣжденія; необходимо, чтобы онъ пришелъ къ такимъ выводамъ, на которыхъ бы твердо успокоились его разумъ, его совѣсть и его сердце. Тотъ, кто любитъ вопреки разуму, или у кого сомнѣніе сталкивается съ совѣстью, въ соответствующей мѣрѣ парализованъ. Есть люди, которые никогда не увѣрены. Они смотрятъ, кажется, на всѣ вопросы, какъ на подлежащія обсужденію проблемы, и на всѣ ученія, защищавшія ихъ отцами, какъ на малоосновательныя. Такіе люди могутъ забавлять своими эквилибристическими упражненіями, но руководить не могутъ. Во время нѣкоторыхъ процессовъ Даніиль Вебстеръ говорилъ о возраженіяхъ своего противника: „Гг. судьи, нашъ противникъ не летитъ впередъ и не садится. Онъ прыгаетъ. Почему онъ не идетъ въ сущность спора?“ Есть много и проповѣдниковъ, которые удовлетворяются вольтижированіемъ надъ существенными вопросами догмы, жизни и назначенія; они не летятъ дальше и не садятся; они думаютъ, что найвысшая философія состоитъ въ предоставленіи всего для изученія и никогда не въ цѣляхъ разрѣшенія. Не мало проповѣдниковъ могло бы быть такъ охарактеризовано кѣмъ-либо изъ ихъ прихожанъ: „это былъ прелестный старикъ съ очень уравновѣшеннымъ умомъ; одна половина его ума думала „да“, а другая—„нѣтъ“. Сильная индивидуальность заклю-

часть въ себѣ вкоренившуюся крѣпкую вѣру въ великія истины Евангелія и въ воспримчивость человѣка по отношенію къ нимъ.

Проповѣдникъ на кафедрѣ можетъ сказать: „я нахожусь здѣсь во имя и по волѣ Бога. Земля! слушай слово Вѣчнаго Бога!“ Сверхъ того, онъ имѣетъ за собой 19 вѣковъ науки, добродѣтели и побѣдъ, и все это произошло отъ Евангелія; имѣетъ болѣе десяти милліоновъ мучениковъ, которые умерли, и безъ числа героевъ, которые жили, чтбы свидѣтельствовать истину того, что и онъ провозглашаетъ. Онъ представляетъ собой фактъ самый необыкновенный и силу самую непреодолимую въ исторіи нашей расы. Онъ—языкъ, которымъ Богъ теперь пользуется и которому говорить: „говори и не бойся, ибо Я съ тобою“. Если все это укоренилось въ душѣ проповѣдника и усвоено его мыслью, то у него не будетъ недостатка въ силѣ; онъ часто будетъ повторять слова Боссюэта: „сердце человѣка представляетъ то, что есть наиболѣе неукротимаго, и когда я вижу его побѣжденнымъ истиною, я торжествую и поклоняюсь Богу“.

Другой даръ, которымъ необходимо обладать проповѣднику и который ему нужно культивировать,—*свѣжесть чувства*. Этимъ качествомъ обладали тѣ люди, которые выдѣлялись въ разнообразныхъ областяхъ жизни и которые сумѣли образовать мысль своего времени. Оно открывается въ ихъ искусствѣ, поэзіи, въ литературныхъ трудахъ, политической дѣятельности и особенно въ ихъ ораторской дѣятельности или на кафедрѣ. Достаточно упомянуть имена Шекспира, Микель-Анджело, Мопарта, Гладстона, Бихера, Гютри и Стюржона, чтобы указать тѣхъ людей, которые вызываютъ въ насъ мысль о вѣчной юности сердца и мозга. Постоянная симпатія къ всегда новымъ видамъ естественнаго міра, къ блеску неба и просвѣтлѣнію земли; живой интересъ къ измѣняющейся панорамѣ ежедневной исторіи и нравственнаго движенія міра; дѣятельное участіе въ общественныхъ и

гражданскихъ реформахъ своего времени—все это придаетъ проповѣди вкусъ, сердечность, содержательность, вѣскость.

Безъ сомнѣнія, вѣрный пастырѣ несетъ на себѣ много бремени; его соприкосновеніе съ обратной стороной человѣческой жизни сильно истощаетъ его; трагедія грѣха міра и его тягостная скорбь, важныя проблемы относительно царствія Божія и подавляющія нужды человѣчества способны омрачить свѣжесть его радости жизни и производить необычайно тягостное впечатлѣніе, если не душевную подавленность. Необходимо, чтобы онъ восторжествовалъ надъ этими вліяніями. Въ дѣйствительности нѣтъ существованія настолько радостнаго и нѣтъ призванія сколько вдохновляющаго, какъ жизнь того, кто несетъ благія вѣсти и возвѣщаетъ миръ“. Его призваніе поставляетъ его въ отношенія красоты, нравственной высоты, животворной надежды и пріятности съ людьми всякаго возраста и положенія, которые (люди) ищутъ его взгляда съ довѣріемъ и любовію. Если его душа нормально, сильна и здорова, то блаженство его призванья никогда не старѣетъ: каждая сторона его дѣла, каждый періодъ его служенія представляетъ ему новую прелесть и новую отраду.

Дѣйствительно, пѣкоторые проповѣдники становятся стереотипами; ихъ сердце сѣдѣетъ вмѣстѣ съ возрастомъ и ихъ мозгъ дѣлается не болѣе, какъ мастерской пыльныхъ проповѣдей. Ихъ умъ и слово являются не свѣжимъ и цвѣтущимъ садомъ, полнымъ живого благоуханія, но чѣмъ-то въ родѣ гербарія сухихъ цвѣтовъ, въ которомъ даже Саронская роза какъ-будто имѣетъ запахъ плѣсени и затхлости. Ихъ улыбки торжественны и заучены; ихъ слезы произвольны; они машинально трогаются; ихъ воодушевленіе театрально; ихъ энтузіазмъ подогрѣтъ, въ ихъ раскатахъ грома слышится бутафорскій шумъ желѣзнаго листа; они поднимаются на обрѣзанныхъ крыльяхъ своего краснорѣчія, какъ орелъ въ клѣткѣ, когда его спугнуть съ насѣсти. Пракситель сообщалъ жизнь мраморной статуѣ; они же превращаютъ въ камень живыя истины.

Но сохранять свою мысль и сердце всегда свѣжими и живыми возможно тогда, когда пьютъ изъ источника радости Божіей въ природѣ и въ жизни человѣческой, въ частности въ жизни молодого поколѣнія, съ симпатіей относясь къ его произвольной радости, къ его способности надѣяться и быть радостнымъ, и особенно питаюсь вѣчной росой и цвѣтами Живого Слова.

Эта юношеская свѣжесть отчасти можетъ быть приобрѣтена посредствомъ естественнаго и желательнаго общенія съ дѣйствительнымъ міромъ, чрезъ соприкосновеніе съ живымъ движеніемъ современной мысли и самолюбивыхъ стремленій. Дѣловой человѣкъ не долженъ теряться и пропадать въ созерцателѣ и мечтателѣ. Конечно, и при помощи книгъ можно познакомиться съ многоразличными сторонами человѣческой жизни и проявленіями человѣческихъ страстей. Поэты, какъ Шекспиръ и Гете, философы, какъ Беконъ и Платонъ, могутъ дать намъ доступъ ко многимъ содержательнымъ сторонамъ въ этой области, если мы будемъ изучать ихъ съ разборчивостью; исторія можетъ представить намъ аналогію, идеалы, образцы; наставники могутъ показать намъ методы труда; но всѣ эти пособія не замѣняютъ прилежнаго наблюденія типовъ конкретнаго и живого человѣчества, среди которыхъ мы живемъ. Что обыкновенно совѣтуютъ всѣмъ желающимъ научиться рисовать красками? Имъ говорятъ, что, копируя, они никогда не научатся; они должны рисовать съ натуры и писать красками подъ открытымъ небомъ въ лабораторіи этого мастера-живописца—солнечнаго луча; они должны видѣть и зарисовывать то, что видятъ. Только тогда они будутъ вѣрны и, слѣдовательно, всегда молоды чувствомъ и выраженіемъ. Простой копировщикъ никогда не создаетъ своимъ перомъ или карандашомъ произведенія личнаго, которое могло бы тронуть сердце своей новизной или истиной. Привычка изслѣдовать явленія природы, изучать пружины дѣйствія, психологію жизни и характеровъ даетъ широту, обиліе и вѣчную свѣжесть теченіямъ мысли и чувства. Свѣжесть

чувства у проповѣдника можетъ быть поддерживаема также чрезъ соблюденіе правильнаго образа жизни. Проповѣдникъ щедро будетъ вознагражденъ, если будетъ обращать вниманіе на гигиену, физическія упражненія и вообще на состояніе всего своего существа. Онъ долженъ не только добросовѣстно трудиться, но также регулярно радоваться; не только напрягаться для сильнаго дѣйствія, но и часто отдыхать. Даже терпѣливый верблюдъ не можетъ оставаться всю ночь навьюченнымъ; но сколько пастырей никогда не снимаютъ своего тяжелаго бремени, несутъ тяжесть своей церкви 24 часа въ сутки и 12 мѣсяцевъ въ году, ищутъ проповѣди, усноковиваютъ распри, управляютъ имуществомъ даже во снѣ! Удивительно ли, что ихъ душа ослабѣваетъ, что ихъ плечи сгорблены и походка неувѣрена?

Проповѣдническій трудъ для того, кто его любитъ и чья душа остается въ немъ свободной и дѣятельной, самъ по себѣ отраденъ. Онъ содержитъ въ самомъ себѣ, въ самыхъ своихъ процессахъ и привычкахъ, силу прямо и чудесно укрѣплять тѣло и душу. Это особенно бросается въ глаза тогда, когда обратить вниманіе на тѣсную связь и взаимную зависимость, объединяющихъ въ насъ духовное съ тѣлеснымъ. То возбужденіе, которое придаютъ тѣлу бодрый дѣятельный духъ, радостное сердце, душа ясная въ своей неспорченности, можетъ быть только благодѣтельнымъ для всего существа.

Проповѣдникъ долженъ быть еще личностью *освященною*. Въ наше матеріалистическое и эгоистичное время это воззрѣніе малопопулярно. Въ дѣлѣ проповѣдническомъ (а также и пастырскомъ) единственно только этого условія недостаетъ многимъ пастырямъ, любимымъ обществомъ, но не имѣющимъ вліянія и испытывающимъ затрудненія. Въ средніе вѣка, когда алхимики проводили дни и ночи въ опытахъ надъ производствомъ золота химическимъ путемъ, имъ часто казалось, что нужна только одна вещь для того, чтобы усилія

ихъ увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Часто ихъ комбинаціи, казалось, нуждались въ прибавленіи одного только вещества, что бы перейти или кристаллизоваться въ золото. Но этого единственнаго вещества они никогда не находили, и потому въ ихъ ступкѣ и тигелѣ не оказывалось ничего цѣннаго. Я считаю довольно похожими на эти не имѣющія цѣны композиціи, которымъ недоставало одного только элемента, всѣ тѣ проповѣдническія произведенія, авторы которыхъ не стараются направлять всѣ свои усилія къ успѣху „ради любви Христовой“. Это единственный элементъ, посредствомъ котораго всякая мысль и всякое усиліе продолжается до божественнаго результата и безъ котораго получается только жалкій остатокъ. Слушатели обыкновенно бываютъ способны замѣтить отсутствіе этого элемента первостепенной важности. Христосъ, царствующій въ сердцѣ проповѣдника, во всякомъ его стремленіи, надъ всякой личной мыслью, во всякомъ усиліи, сосредоточенныхъ въ смиренномъ подчиненіи Его намѣреніямъ, Его воспламеняющейся и побуждающей любви,—вотъ что составляетъ силу. Христосъ, проявляющійся въ жизни проповѣдника, краснорѣчивъ и убѣдительно, прежде чѣмъ откроются его уста; чувствуется, что Онъ даетъ имъ горячность и свѣтъ всему тому, что они говорятъ. Причину той чудесной проповѣднической власти, которой обладаютъ нѣкоторые люди весьма скромнаго таланта, можно выразить однимъ только словомъ „освященіе“. Всякій разъ, какъ вы готовитесь проповѣдывать, и всякій разъ, какъ вы восходите на кафедру, принесите свое сердце, свой умъ и свой языкъ на алтарь Божій и молитесь, чтобы огненная рука взяла и держала ихъ въ то время, какъ вы произносите благовѣстіе Того, Кому вы принадлежите и служите. Живая сила души, которая забываетъ себя и жертвуетъ собой ради другихъ душъ, чтобы напитать ихъ истиною и привести отъ темной и жалкой жизни плоти къ жизни истинной, для которой Христосъ создалъ и искупилъ ихъ,—эта сила истинно представляетъ зрѣлище для ангеловъ и для людей. Такое именно

представленіе о проповѣди имѣлъ ап. Павелъ, когда говорилъ: „хотя у насъ тысячи наставниковъ во Христѣ, но не много отцовъ; я родилъ васъ во Христѣ Исусѣ благовъствованіемъ“ (1 Кор. 4, 15).

Это преимущественное значеніе въ проповѣди личнаго фактора отличало вѣкъ апостольскій, въ который были покорены народы. Святой свѣтъ пребывалъ въ апостолахъ, и Христосъ сказалъ: „такъ да свѣтитъ свѣтъ вашъ предъ людьми, чтобы они видѣли ваши добрыя дѣла, и прославляли Отца вашего небеснаго“ (Мѣ. V, 16). Апостолы бросили въ этотъ историческій вѣкъ не только свѣтъ абсолютной истины, но также вліяніе душъ и святой жизни; они ввели въ этотъ этотъ міръ блестящей лжи проникающую силу характера и жизни, исполненныхъ плодотворной крѣпости; они создали новое общественное сознаніе и произвели чудесныя преобразованія въ теченіе этого перваго вѣка преимущественно свидѣтельствомъ своей жизни, прекрасной по своей филантропіи, высокой по самоотреченію, внушающей уваженіе своей смѣлой убѣжденностью и сообщающей челоуѣчеству энтузіазмъ. И въ настоящее время есть много людей, достойныхъ быть преемниками этихъ апостольскихъ проповѣдниковъ.

Личный факторъ, можно бы сказать, обнимаетъ почти всѣ другіе. Въ великомъ дѣлѣ проповѣдника, состоящемъ въ покореніи людей и новомъ преобразованіи ихъ по образцу Христа, внутреннее строеніе, тонъ и образъ его жизни не могутъ не играть важной роли. Дѣйствительно то, что челоуѣкъ сообщаетъ наиболѣе значительнаго современному міру, — это его *тонъ*. Достоинство его исповѣданія мало поможетъ ему, если его личность изнѣжена или скрытна. Величіе истины, которую онъ представляетъ, не можетъ прикрыть узости или дряблости его души. Только та индивидуальность или характеръ будетъ истинной психической силой въ проповѣди; которая, подобно горѣ, воздвигается на глубокихъ, широкихъ, скрытыхъ основаніяхъ, утверждается на скалѣ неизмѣнныхъ истинъ Божіихъ и восходитъ къ небу въ духовно-

сти, совершенно расплываясь въ благодѣтельной любви къ цѣлому міру, или (возьмемъ другой примѣръ) которая, подобно великой рѣкѣ, берущей, какъ Миссисипи, свое начало въ заоблачныхъ вершинахъ, течетъ своимъ русломъ и, принимая въ себя много рѣкъ и ручьевъ, болѣе глубокая и широкая достигаетъ океана вѣчности, все оживляя на пути своего теченія. Такая личность требуетъ развитія. Слѣдуетъ замѣтить, что компиляція всего того, что выучено въ коллегіи или въ богословскомъ факультетѣ, не можетъ образовать этотъ типъ могучаго оратора, который, по Аристотелю, долженъ обладать одновременно смѣлостью, добротой и мудростью, какъ механическій подборъ буквъ алфавита не можетъ произвести поэму.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

При семь №-рѣ разсылается бесплатное приложеніе къ журнал. „Руководство для сельск. пастырей“ за 1907 г. „Церковныя пѣснопѣнія для хорового исполненія“.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 2-го октября 1907 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 41.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года октября 14-го дня.

Содержаніе: I. Отзвуки современности.—II. Православный пастырь и русская интеллигенція въ эпоху 60-хъ годовъ (окончаніе).—III. О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара.—IV. Замѣтка. Русское церковное пѣніе.

Отзвуки современности ¹⁾.

15.

„Наки Голгоа и Крестъ“... Чѣмъ ближе время выборовъ въ третью Думу и ея открытія, тѣмъ чаще, какъ-то сами собой, приходятъ на умъ приведенныя первыя слова, и вспоминается все содержаніе чудной общезвѣстной проповѣди архіепископа Иннокентія. Приученный горькимъ опытомъ къ тревожнымъ и мрачнымъ ожиданіямъ, русскій чело-вѣкъ уже напередъ опасно задается вопросомъ: а что, если и третья Дума, подобно первой и второй, вмѣсто утвер-жденія общественнаго и политическаго мира, явитъ предъ

¹⁾ См. № 39 за 1907 г.

христіанской, православної родиной новую страшную Голгоу и воздвигнетъ новый крестъ для уничтоженія и поруганія Христа? Опасенія основательныя, потому что, въ самомъ дѣлѣ, рѣчами ораторовъ и своей дѣятельностію обѣ Думы представили предъ лицомъ смущеннаго православнаго русскаго народа такое неслыханное позорище—поруганіе самаго добраго, завѣтнаго, искони-священнаго, чѣмъ доселѣ жила русская душа, явили такую дерзость въ уничтоженіи святѣйшаго лика Христова, что мы тогда, какъ бы въявь, увидѣли іудейскую страшную Голгоу и услышали безумно гогочущую толпу враговъ Христовыхъ, окружившую Распятаго. У всѣхъ насъ живы еще воспоминанія обо всѣхъ этихъ неистовствахъ и безуміи, имѣвшихъ мѣсто среди православнаго народа въ православной Русской землѣ! И чѣмъ особенно усиливались мученія и терзанія при этомъ вѣрующихъ душъ и сердець, такъ это поразительнымъ, до частныхъ, сходствомъ голгоускихъ событій съ тѣмъ, что мы сами видѣли и слышали. Какъ тамъ со незаконными вмѣненъ былъ Христосъ, такъ и здѣсь дерзновенные хульные языки открыто приравнивали крестный міровой подвигъ Спасителя къ безумному дѣлу низкихъ царубійць. И еще: какъ тамъ во главѣ ругателей у креста Христова оказались духовные руководители, такъ и у насъ изъ среды духовенства нашлись отверженные „лаятели“ и уничтожители дѣла Христова... Цоистинѣ „наки Голгоуа и Крестъ“, открытое позорище и поруганіе своихъ завѣтныхъ святынь и неслыханное заушеніе и поруганіе своего Спасителя и Господа допустили тогда въ своей средѣ русскій народъ и Русская земля, и только безмѣрное милосердіе Господа можетъ простить намъ этотъ страшный грѣхъ!

О, какъ бы было утѣшительно, если бы больше подобное незаконіе никогда не повторялось среди насъ, если бы не пришлось намъ болѣе быть его невольными попустителями и свидѣтелями!.. Правда, есть теперь для насъ, какъ будто, вѣрное обезпеченіе, что подобнаго грѣха не повто-

рится; за это говорить пробужденіе русскаго самосознанія, усилившающееся все болѣе и болѣе и выразившееся въ патриотической, политико-религіозной партіи — союзѣ истинно русскихъ людей. Партія эта за послѣднее время количественно ширится и развѣтвляется съ значительной быстротой, захватывая и объединяя своими раздѣленіями и развѣтвленіями почти всю Россію. Явленіе это—само по себѣ въ высшей степени отрадное, доказывающее жизнеспособность русскаго народа, способнаго и теперь, какъ бывало раньше, возстать въ минуту опасности для охраны родной земли, выступить на защиту своихъ священныхъ поруганныхъ идеаловъ и правъ. Эту цѣль, главнымъ образомъ, и поставили себѣ истинно-русскіе люди, начертавъ на знамени своей партіи три священныя слова: за вѣру, царя и отечество. И нѣтъ сомнѣнія, что если этой партіи удастся одержать побѣду на предстоящихъ выборахъ и выдвинуть большинство депутатовъ въ третью Думу изъ своей среды, то мрачныя ожиданія новаго позорища, новой Голгофы для вѣрующей и русской души и отъ этой Думы должны разсѣяться сами собою. Но какъ еще далеко до подобнаго торжества на самомъ дѣлѣ, сколько еще нужно проявить русскимъ людямъ благоумія и тактичности въ борьбѣ съ врагами Россіи и своими противниками—лѣвыми партіями, все еще сильными своей хитростію и политической тактикой! Не слѣдуетъ забывать и относиться легкомысленно къ пережитымъ урокамъ: вѣдь и среди избирателей бывшихъ двухъ Думъ было не мало русскихъ людей, которые съ крестнымъ знаменіемъ подходили къ избирательнымъ урнамъ, заботясь дать Думѣ мудрыхъ строителей, защитниковъ вѣры православной, и однако же избранники въ большинствѣ не оправдали ихъ надеждъ... Но пусть подобнаго обольщенія теперь не повторится,—въ этомъ сходятся свѣтлыя надежды и пожеланія всѣхъ насъ, всего православнаго русскаго народа; но думается и тревожно предчувствуется почему-то, что и теперь

родная земля не защищена вполне отъ опасности, хотя и съ другой стороны.

Опасность эта можетъ легко произойти при увлеченіи побѣдой и при естественной односторонности, даже и такой, въ своей основѣ, созидательной партіи, какъ союзъ истинно-русскихъ людей. Если предположить, что за этой партіей останется исключительная побѣда и ея избранники составятъ подавляющее большинство новой Думы, то дѣятельность ея и всѣ рѣшенія могутъ легко быть узко-односторонними и опять-таки не дасть удовлетворенія назрѣвшимъ потребностямъ страны, или удовлетворить съ избыткомъ требованія одного сословія въ ущербъ другимъ и даже цѣлому народу. И опять не утолится тогда исканіе и жажда правды Божіей въ Русской землѣ... А ея новое забвеніе и поправленіе не явится-ли своего рода новой Голгоѳой? Вотъ, думается, чего особенно должны остерегаться истинные патріоты и радѣтели о благѣ народномъ,—это, чтобы въ увлеченіи своимъ торжествомъ „вмѣсто Божіей правды свою правду не поставити!“

Свяц. В—ій.

Православный пастырь и русская интеллигенція въ эпоху 60-хъ годовъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Мы видѣли, каковы были въ общихъ чертахъ воззрѣнія интеллигенціи 60-хъ годовъ. Эти воззрѣнія пользовались тогда большою популярностью. Матеріалистическія и революціонныя идеи открыто проводились въ журналахъ, проникали во всѣ слои грамотнаго общества отъ учениковъ среднихъ, даже низшихъ школъ до высокопоставленныхъ правительственныхъ сановниковъ; пропагандировались даже среди простаго народа. На полемику, которую повели противъ нихъ представители нашей духовной философіи, а также Самаринъ, Страховъ, Юркевичъ и др., матеріалисты или не обращали никакого вниманія, какъ бы на голоса людей, отсталыхъ отъ своего вѣка, или же отвѣчали лишь грубыми насмѣшками.

Что могло при такихъ условіяхъ связывать интеллигенцію съ пастырствомъ? Религія? вѣра?—Но въ ней видѣли яркое проявленіе отжившаго строя жизни, которое теперь теряетъ уже всякое значеніе, когда съ распространеніемъ у насъ наукъ начинается служеніе разуму; вѣра претила, какъ сила, тянущая человѣка куда-то вверхъ и отвлекавшая его отъ міра вещественнаго.—Христіанская нравственность? нравственное возрожденіе личности?—Все это признавалось ненужнымъ; тогда „всю правду и человѣколюбіе хотѣли воплотить въ учрежденіяхъ внѣшнихъ, заботились о внѣдреніи ихъ лишь въ содержаніи законовъ и въ общественномъ строѣ, а важнѣйшее условіе для процвѣтанія какъ этихъ, такъ и всѣхъ прочихъ духовныхъ благъ было забыто,—забыто и даже отвергнуто. Разумѣемъ внутреннюю жизнь, жизнь нравственной личности... О чистотѣ совѣсти своей, о смягченіи

¹⁾ См. № 40-й за 1907 г.

сердца, объ искреннемъ обсужденіи своихъ внутреннихъ побужденій... забыло о семь наше общество, увлекаясь блестящими картинами новаго облагороженнаго строя жизни,— забыло, отдавъ свое сердце и свой умъ изысканію и установленію справедливыхъ порядковъ внѣшнихъ и возгордясь ими, какъ нѣкогда Ахавъ или Навуходоносоръ своими блестящими учрежденіями“,—такъ характеризуетъ настроеніе нашей интеллигенціи 60-хъ годовъ современный намъ высокій духовный ораторъ-публицистъ. — Необходимо еще указать и на то, что рядомъ съ этими философскими и социальными идеями у насъ пользовались большою популярностью и специально антихристіанскія сочиненія; такова, напр., „Жизнь І. Христа“ Д. Штрауса, который превращаетъ евангельскую исторію въ рядъ миѳическихъ вымысловъ, созданныхъ національно-еврейскимъ воображеніемъ на основѣ ветхозавѣтныхъ фактовъ и чаяній. Съ конца 60-хъ годовъ получаетъ еще большую популярность Ренанъ „Жизнь Иисуса“, не утратившая, нужно замѣтить, своей извѣстности и доселѣ. Живо, талантливо, увлекательно, во имя новыхъ мѣримыхъ научныхъ данныхъ, Ренанъ устранялъ въ своей „Жизни Иисуса“ все божественное, сверхъестественное, оставляя за Иисусомъ только высшій идеалъ человѣчности. Зачеркивая небесное, онъ оставлялъ только земное, а это и нужно было нашей интеллигенціи.

Быть можетъ, если бы пастырь Церкви проявилъ тогда болѣе энергичную и солидарную дѣятельность, если бы онъ во-время сѣмѣлъ ориентироваться во всемъ разнообразіи тѣхъ идей, которыя тогда волновали общество,—быть можетъ, это и сдержало бы интеллигенцію въ тѣхъ рѣзкихъ ея отношеніяхъ къ пастырю, какія мы видимъ въ эту эпоху. Но, къ сожалѣнію, пастырь русскій вошелъ въ эпоху 60-годовъ далеко не съ такой подготовкой, какъ интеллигенція. Интеллигенція чувствовала себя хозяйномъ эпохи. Тѣ идеи, на путь проведенія которыхъ въ жизнь вступило правительство, которыя теперь волновали все наше образованное общество,—

все это давно уже было признано интеллигенцией въ жаркихъ спорахъ въ кружкахъ Бѣлинскаго, Грановскаго, Герцена и Огарева. Обстоятельства Николаевской эпохи не задержали свободной умственной дѣятельности интеллигенціи. Схоластическія традиціи не отдаляли ее отъ жизни. А все это и многое другое испытавъ на себѣ пастырѣ 60-хъ годовъ.

И у проповѣдниковъ того времени пробудилось, въ соотвѣтствіе настроенію всего общества, усиленное стремленіе къ общественной дѣятельности и къ пробужденію подобной же жажды дѣятельности и другихъ. Григорій, архіеп. Казанскій, Іоаннъ, въ послѣдствіи еп. Смоленскій, и нѣкоторые другіе горячо откликнулись на новое вѣяніе въ судьбахъ русскаго государства. „Приде часъ Россіи! Она стремится къ возрожденію“, говорилъ Іоаннъ въ своей рѣчи на новый (1859) годъ. Приде часъ! Можетъ ли не сочувствовать этому времени Церковь? О! Церковь должна и готова тысячу разъ повторять удѣръ этого часа во всѣ свои колокола, чтобы огласить всѣ концы и углы Россіи, чтобы пробудить всѣ чувства русской души и во имя христіанской истины и любви призвать всѣхъ сыновъ отечества къ участію и содѣйствію въ общемъ и великомъ дѣлѣ „возрожденія“... „Будемъ звучать какъ металлы, обращаясь къ духовенству, восклицаетъ онъ же въ другомъ мѣстѣ, если не можемъ лучше; прозвучимъ хоть какъ колокола: только бы не оставаться въ равнодушномъ безмолвіи среди вопіющихъ потребъ жизни народнои; только бы насъ слышали; и звонъ колокола церковнаго можетъ не слухъ только поражать, а и въ душѣ отзываться и навести думу“... По большинство пастырей оказалось не въ силахъ звучать даже „какъ колокола“. Новое движеніе застало многихъ изъ нихъ совершенно врасплохъ. Въ самомъ дѣлѣ, съ чѣмъ вошелъ пастырь въ эту эпоху? Мы видѣли, въ какомъ положеніи онъ находился въ предшествующую эпоху. Все, казалось, было направлено къ тому, чтобы по возможности усыпить его самодѣятельность. Не очень много жизни было и въ самой богословской наукѣ.

Богословская наука и все вообще церковное учительство держалось до сихъ поръ очень изолированно отъ движенія свѣтской науки и отъ явленій дѣйствительной, мірской жизни. Знакомство съ западной наукой въ области богословія и философіи допускалось, и то очень неохотно, только въ духовныхъ академіяхъ, а въ семинаріяхъ неизвѣстны были даже самыя имена западныхъ ученыхъ, пользовавшихся особеннымъ авторитетомъ среди русской интеллигенціи, напр., Тюбингенцевъ, Гегеля, Фейербаха, потомъ разныхъ Бюхнеровъ, Молешоттовъ и др. Точно такъ же и прикладная, практическая часть богословской науки упорно витала въ однихъ высшихъ сферахъ совершенно отвлеченной, ни къ кому и къ чему въ частности не относящейся морали, и притомъ морали большею частью сурово-аскетическаго характера, опускавшей изъ виду обыденную жизнь обыкновенныхъ мірскихъ людей. Отъ содержанія проповѣди требовалось лишь строго опредѣленное догматическое ученіе и нравоученіе общаго характера, т. е. только все то, что всегда и во всѣ времена является необходимымъ для жизни человѣческой, какъ ея высшія начала; и не позволялось касаться современныхъ общественныхъ движеній и вообще всего того, что обыкновенно называется злобой дня. То, что такая отзывчивость проповѣди на современные запросы иногда являлась прямо необходимою для общества, хотя бы для того, чтобы объяснить ему, какъ должно примѣнять къ жизни тѣ же высшія начала именно въ данное время, — при данныхъ условіяхъ, т. е. чтобы проповѣдь сдѣлалась жизненною, — все это въ расчетъ не принималось; это запрещалось ему даже самой наукой церковнаго проповѣдничества—гомилетикой, да не возглаголють уста его ни дѣль, ни пустыхъ мнѣній человѣческихъ...

При такомъ положеніи богословской науки и проповѣди неудивительно, что многіе пастыри не въ силахъ оказались звучать даже „какъ колокола“¹⁾.

¹⁾ Знаменитый преев. Никаноръ и тотъ вотъ что пишетъ о себѣ: „Я скажу по совѣсти, что въ ту пору чувствовалъ себя безсильнымъ во-

Новый характер эпохи 60-х годовъ внесъ свои измѣненія и въ положеніе православнаго пастыря. Правительственная опека надъ нимъ значительно ослабѣла, насколько, конечно, это допускала Петровская церковная реформа, и теперь не измѣненная. Духовенство стало обнаруживать стремленіе къ самодѣятельности. Значительно оживились старые и появилось много новыхъ духовныхъ журналовъ. Горячо стали ставиться вопросы о мѣрахъ нравственнаго воздѣйствія на паству. Удѣляется значительная доля вниманія выясненію и критикѣ возрѣвнѣй интеллигенціи. Явились попытки со стороны нѣкоторыхъ іерарховъ къ соборному разрѣшенію нѣкоторыхъ недоумѣнныхъ вопросовъ церковной практики и проч. Но это оживленіе не было всеобщимъ. Кто создали, и оно держалось только отдѣльными лицами, стремившимися по возможности быть въ своей дѣятельности наравнѣ съ вѣкомъ: новый духъ слабо прививался къ тѣмъ, характеръ которыхъ развился подъ вліяніемъ прошлой эпохи.

А время было живое. Жизнь текла быстро. Это была эпоха „бури и натиска“. Нужно было отвѣчать и дѣйствовать и притомъ отвѣчать на самые разнообразныя и жгучіе вопросы, чтобы сохранить авторитетъ пастыря-руководителя. Интеллигенція съ своей стороны дѣлала это. Изъ пастырей только немногіе старались дѣлать это, напр., вышеупомянутые проповѣдники и нѣкот. другіе. Но и здѣсь встрѣтилось

евать съ наплывомъ антирелигіозныхъ, особенно естественно-научныхъ идей... И изучалъ все критически отрицательное и видѣлъ, что въ нашей системѣ и то, и другое, и третье, съ точки зрѣнія такъ называемой науки представляется далеко не столь прочно, какъ представлялось до сей поры съ точки зрѣнія ригористическаго православія“... (Біогр. матеріалы стр. 280, 269). Знаменитый митр. Филаретъ, не смотря на то, что стоялъ въ эту эпоху очень близко къ государственной дѣятельности и принималъ участіе въ преобразовательныхъ дѣлахъ, какъ воспитанный въ болѣе старое время, съ инымъ направленіемъ, иными требованіями, не могъ усвоить вполне этого новаго общественно-практическаго направленія проповѣди, хотя и сочувствовалъ до нѣкоторой степени этому направленію и вполне понималъ его выгоды и значеніе въ данное время.

неожиданное препятствіе: высшія духовныя власти не совѣмъ сочувствовали новому направленію въ богословской наукѣ, стремившемуся сблизить православіе съ современностью. Такъ, „Православный Собесѣдникъ“, затрагивавшій разные жгучіе вопросы современной жизни и стремившійся къ тому, чтобы сдѣлаться органомъ общенія академіи съ общественной жизнью, въ 1859 г., за напечатаніе въ немъ слова ректора академіи Іоанна Соколова (Смоленскаго еп. впоследствии), подвергся опалѣ начальства, былъ подчиненъ московской цензурѣ и едва совѣмъ не былъ закрытъ. Архимандриты Теодоръ Бухаревъ, Іоаннъ Соколовъ, Никаморъ Бровковичъ, проф. Гилларовъ-Платоновъ и др., отличавшіеся вообще живымъ и общественнымъ характеромъ своихъ произведеній, подвергались перѣдко подозрѣніямъ и служебнымъ неприяностямъ. А оберъ-прокуроръ Св. Синода Д. Толстой въ письмахъ къ митр. Филарету (въ 1861 г.) выражалъ неудовольствіе на то, что въ „Православномъ Обзорѣніи“ и въ другихъ духовныхъ журналахъ проявляется „излишняя уступчивость и какъ бы угодливая снисходительность въ отношеніи къ философскимъ возрѣніямъ и требованіямъ міра“, что въ этихъ изданіяхъ „слишкомъ преобладаютъ переводныя статьи, обзорѣваются болѣе инославныя вѣроисповѣданія“, и что цензурные комитеты дѣйствуютъ слишкомъ слабо, пропуская въ печать такія книги, которымъ полезнѣе было бы вовсе не являться на свѣтъ¹⁾. Такихъ лицъ, тревожно относившихся къ новому богословскому направленію, было не мало. Въ 1858 г. явился даже и литературный органъ такого консерватизма,—это знаменитая въ свое время „Домашняя Бесѣда“ Аскоченскаго, чье имя поминается и доселѣ. Благодаря талантности этого писателя, силѣ и бойкости его пера, отзывчивости на всѣ вопросы дня, его журналъ получилъ обширную популярность и за предѣлами духовнаго

¹⁾ П. Знаменскій. Богословская полемика 1860-хъ годовъ объ отношеніи православія къ современной жизни. Прав. Соб. 1902 г. т. I, стр. 557.

міра. Подъ знаменемъ христіанства выступилъ онъ на его защиту противъ разрушительныхъ модныхъ вѣяній матеріалізма и нигилизма, а вмѣстѣ съ тѣмъ и противъ поваго направленія богословской науки, стремившейся сблизить православіе съ жизнью. Популярность этого журнала, его защита православія, вслѣдствіе либерализма интеллигенціи и консерватизма „Бесѣды“, послужила только къ еще большому униженію среди интеллигенціи и Православной Церкви и православныхъ пастырей. Съ авторитетомъ, подчасъ граничащимъ съ безцеремонностью, взялся Аскоченскій обличать всѣ современныя ему язвы времени. Пушкина, Гончарова, Тургенева онъ винилъ за отсутствіе въ ихъ сочиненіяхъ народности, за недостатокъ религіозности. Вѣлинскаго, Чернышевскаго, Добролюбова, Антоновича трактовалъ какъ недоучекъ, которые совсѣмъ не умѣютъ мыслить логически, а подчасъ даже и по-русски нишуть неправильно. Не лучше было его отношеніе къ разнымъ иностраннымъ авторитетамъ современниковъ, представителямъ модныхъ матеріалистическихъ ученій, которыхъ особенно чтילה въ 60-е года русская интеллигенція ¹⁾.—Этотъ рѣзкій, громкій голосъ защитника Православія, всегда говорившій отъ лица Церкви, совершенно забилъ и заглушилъ голоса такихъ журналовъ, какъ „Православное Обозрѣніе“, „Православный Собесѣдникъ“ и др., поставившихъ себѣ цѣлью удовлетвореніе запросамъ образованнаго общества. Аскоченскій полемизировалъ съ ними, доказывалъ ихъ неправославіе. Естественно, интеллигенція судила о православіи по „Бесѣдѣ“. Впечатленіе получалось

¹⁾ Въ одной статьѣ, изображая очную ставку православія съ матеріализмомъ, послѣ изложенія православнаго ученія, онъ пишетъ: „Довольно. Теперь вы, шуты, на сцену! Ты кто такой? Бюхнеръ? Знаемъ,—отецъ нашихъ полоумныхъ нигдистовъ. Ну, говори!“ Бюхнеръ говоритъ. „Хорошо! Ступай за рѣшетку! Ты кто? Фейербахъ? А, воспріемникъ нигдистовъ отъ болота невѣрія. Ну, ты что скажешь? Фейербахъ говоритъ. „Глупо! За рѣшетку! и т. д. (Д. Б. 1867 г. в. 4., стр. 107, цит. по Пр. С. 1902 г., т. I, стр. 559).

сильное. Отъ него интеллигенція не освободилась и до настоящаго времени...

Была и еще причина, которая должна была сильно повліять на отношенія интеллигенціи къ православному паству. Интеллигенція въ своихъ гражданскихъ стремленіяхъ являлась яримъ защитникомъ политическихъ и соціальныхъ реформъ въ Россіи и прежде всего глубокимъ противникомъ крѣпостного права. Она жила этими реформами. Имъ отдала свои лучшія силы. Изъ духовенства немногіе сочувствовали освободительнымъ реформамъ. Нѣкоторые, и очень видные пастыри, оказались въ рядахъ реакціонеровъ. Извѣстно, на примѣръ, что митр. Филаретъ, пользовавшійся большимъ вліяніемъ на высшія сферы, былъ крѣпостникъ по убѣжденіямъ. Большинство же изъ духовенства совершенно индифферентно относилось къ общественнымъ вопросамъ, находя для себя и оправданіе въ ученіи о невмѣшательствѣ духовной власти въ распоряженія власти земной, въ жизнь міра. Интеллигенція не могла, конечно, примириться съ такимъ направленіемъ въ духовенствѣ, особенно въ эту эпоху, когда она даже поэтамъ ставила требованіе:

„Поэтомъ можешь ты не быть,
Но гражданиномъ быть обязанъ“¹⁾.

¹⁾ *Примѣчаніе.* Характерно въ этомъ отношеніи письмо Бѣлинскаго къ Гоголю по поводу выхода въ свѣтъ его „Переписки съ друзьями“. Гоголь въ своихъ воззрѣніяхъ, какія высказалъ въ этомъ произведеніи, не очень рѣзко расходился съ воззрѣніями тогдашняго паству въ огромномъ большинствѣ его представителей. И вотъ что пишетъ ему между прочимъ Бѣлинскій: „Вы не замѣтили, пишетъ онъ, что Россія видитъ свое спасеніе не въ мистицизмѣ, не въ аскетизмѣ, не въ піэтизмѣ, а въ успѣхахъ цивилизаціи, просвѣщенія, гуманности. Ей нужны не проповѣди,—довольно она ихъ слышала,—а пробужденіе въ народѣ чувства *человѣческаго достоинства*, столько вѣковъ попираемаго въ грязи и навозѣ; *права и законы*, сообразные съ здравымъ смысломъ и справедливостью, и и строгое, по возможности, *исполненіе ихъ*... Самые живые, современные національные вопросы въ Россіи теперь: *уничтоженіе крѣпостного права*, *ослабленіе тѣлеснаго наказанія*, введеніе, по возможности, *строгаго исполненія* хотя бы *тѣхъ законовъ*, которые уже есть... Вотъ вопросы, ко-

Изъ всего сказаннаго уже можно видѣть, какъ интеллигенція отнесется къ пастырю. Почти вся свѣтская литература заговорила въ ожесточенномъ тонѣ. Указывали на поразительную апатичность и боязливость духовенства къ общественнымъ интересамъ, на его постоянное раболѣбство и заискиваніе предъ сильными людьми, на отсутствіе связей у него, помимо требъ, съ другими сословіями, на односторонность его образованія, даже на невѣжество многихъ сельскихъ священниковъ, сыпались упреки въ клерикализмъ и проч. Много было здѣсь грустной правды, но много было и преувеличеній, тенденціозности которыхъ нельзя было не замѣтить. Къ тому же интеллигенція, вслѣдствіе сословной замкнутости духовенства и духовныхъ школъ, изолированности его отъ общества, почти была незнакома съ жизнью и дѣятельностью русскаго пастыря, и судила о немъ по такимъ произведеніямъ, какъ „Описаніе сельскаго духовенства“, „Воспоминанія“ Ростиславлева, сочиненія Помяловскаго, Лѣскова и др. Въ густыхъ краскахъ не стѣснялись,—благо цензура не препятствовала. Чего нельзя было говорить здѣсь то договаривалось за границей. Такъ было въ литературѣ; въ житейскихъ отношеніяхъ было еще хуже.—Причинами, слѣдствіемъ которыхъ явились тѣ или другія отрицательныя стороны въ духовенствѣ, интеллигенція не интересовалась. Она не

горыми тревожно завята Россія въ ея апатическомъ полуснѣ... и въ это время великій писатель является съ книгой, въ которой учитъ, во имя Христа и Церкви, варвара-помѣщика важнѣе отъ крестьянъ больше денегъ, ругал ихъ *несумьтыми рылами*... Въмѣсто того... вы написали бы ему, что, такъ какъ его крестьяне—его братья о Христѣ и какъ братъ не можетъ быть рабомъ своего брата, то онъ и долженъ или дать ему свободу, или хотя, по крайней мѣрѣ, пользоваться трудами крестьянъ какъ можно льготнѣе для нихъ, сознавая себя въ ложномъ отношеніи къ ихъ положенію... Проповѣдникъ куцта, апостоль невѣжества, поборникъ обскурантизма и мракобѣсія, панегиристъ татарскихъ нравовъ, что вы дѣлаете? Взгляните себѣ подъ ноги, вѣдь вы стоите надъ бездною! Христа-то зачѣмъ примѣшали тутъ? Онъ первый возвѣстилъ людямъ ученіе свободы, равенства и братства, и мученичествомъ запечатлѣлъ, утвердилъ истину своего ученія“...

обращала вниманія на его тяжелое положеніе въ нравственномъ и въ матеріальномъ отношеніи, зависимость отъ правительства, гнетъ отъ помѣщиковъ, скудость средствъ содержанія, заставлявшая его поступаться своими пастырскими взглядами и чувствами предъ давленіемъ внѣшней силы. Интеллигенція судила строго; судила по себѣ. Но интеллигенція не была связана, какъ былъ связанъ историческими условіями пастырь въ своей дѣятельности. Она была свободна, и, не смотря на всѣ тягости внѣшнія, думала, училась, дѣйствовала внѣ опеки высшей власти. Не хотѣла признавать интеллигенція и несомнѣнныхъ заслугъ духовенства. Она, напримѣръ, совершенно не обращала вниманія на то, что если нашъ народъ и подъ долготѣннымъ гнетомъ рабства не потерялъ человѣческихъ чувствъ, терпѣливо переносилъ это рабство, и когда узы крѣпостного права пали, и народъ вышелъ изъ нихъ не звѣремъ, жаждущимъ мести за причиненныя униженія, муки и наказанія, а мирно принялся за трудъ, — то всѣмъ этимъ мы обязаны долготѣней незамѣтной дѣятельности духовенства. Не хотѣла интеллигенція обращать вниманія и на то, что духовенство русское, несмотря на свое тяжелое въ матеріальномъ отношеніи положеніе, съ усердіемъ заботилось о народномъ обученіи, заводило школы, „само оно отдавало, по словамъ оберъ-прокурора Д. Толстого, на это доброе дѣло послѣднія свои средства, стѣснилось въ тѣсныхъ своихъ избахъ, чтобы дать просторъ воспитанію народа, на него посвящало свободное время отъ пастырскихъ своихъ обязанностей и отъ трудовъ для собственнаго своего прокормленія, а при недостаткѣ времени на свои гроши нанимало себѣ помощниковъ... Вмѣстѣ съ священниками и діаконами занялись дѣломъ обученія жены ихъ, дѣти, вдовы и причетники, оставляя иногда собственное домашнее хозяйство“, — такъ писалъ о дѣятельности духовенства на пользу народнаго образованія оберъ-прокуроръ Толстой въ 1866 г. Но интеллигенція нисколько не была расположена признавать просвѣтительныхъ заслугъ духовенства въ прошломъ, и еще

менѣ—права за нимъ на духовное руководство народа въ его культурномъ развитіи путемъ участія въ дѣлѣ народнаго образованія. Извѣстенъ споръ изъ-за народныхъ школъ. Не смотря на сочувствіе нѣкоторыхъ министровъ народнаго просвѣщенія церковно-приходскимъ школамъ, ревностнымъ стараніямъ оберъ-прокурора, практической дѣятельности на почвѣ народнаго образованія самого духовенства,—не смотря на все это, правительство уступило желаніямъ интеллигенціи: школы положеніемъ о народныхъ училищахъ, утвержденнымъ 25-го мая 1874 года, передавались въ вѣдомство народнаго просвѣщенія, и духовенство почти отстранялось отъ школьнаго дѣла. То основаніе, приводимое въ защиту ц.-приходскихъ школъ, что самъ народъ грамоту почитаетъ за нѣчто святое, что онъ любитъ и пристрастенъ къ религіозному обученію, для нашей либерально настроенной интеллигенціи не имѣло значенія. Нашей интеллигенціи чуждо было сознаніе необходимости поставить развитіе народа въ связь съ его идеалами, его вѣрованіями и стремленіями. Она слишкомъ пренебрежительно относилась къ народу, его вѣрованіямъ и традиціямъ. Въ нихъ она видѣла лишь грубое невѣжество, темное наслѣдіе варварской эпохи. Просвѣщеніе она несла народу въ духѣ своихъ воззрѣній и идеаловъ. Пастырь Церкви здѣсь, конечно, помочь не могъ.

В. Андріевскій.

О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кеннара.

(Продолженіе ¹⁾).

Глава IV.

Управленіе вниманіемъ.

Тотъ, кто владѣеть искусствомъ возбуждать и поддерживать вниманіе, есть „господинъ собраній“.

Психологія занимается особенно *слабостями* вниманія. Только въ послѣднее время изучены его законы и меха-

¹⁾ См. № 40-й за 1907 г.

низмъ. Какъ фактору въ проповѣднической работѣ, ему нельзя придать, съ психической точки зрѣнія, слишкомъ много значенія. О вниманіи можно сказать, что оно служитъ базой всѣхъ другихъ умственныхъ явленій, такъ что его начало, характеръ и проявленія должны служить существенными объектами изученія для проповѣдника. Для правильнаго опредѣленія вниманія нужно было бы прибѣгнуть къ ссылкамъ на множество авторитетовъ, „къ сложной фотографіи“, которая, если бы была возможна, была бы темной; но всѣ читатели достаточно понимаютъ, что означаетъ это слово. Быть внимательнымъ—это значитъ *сосредоточить сознание на фокусъ въ данномъ направленіи*.

Вниманіе обнимаетъ всѣ степени, начиная съ моментальной и слабой рефлексіи, относящейся къ какому-либо мимолетному замѣчанію, до состоянія полной собранности своихъ мыслей, извѣстной подъ именемъ *экстаза*. Оно способно ко всякой степени интенсивности и продолжительности. Разсматриваемое ли объективно, какъ переносимое на внѣшній міръ, или субъективно, какъ направленное на факты сознанія, оно необходимо для того, чтобы превратить впечатлѣніе въ то охватываніе частныхъ, которое называется перцепціей. Безъ вниманія мы имѣемъ только непонятную и безсвязную мечту, а не мысль связную и продуктивную; безъ его руководства мы не можемъ понять ни одного акта по-длинно произвольнаго или разумнаго. Такимъ образомъ психологія вниманія составляетъ весьма важный предметъ изученія для всѣхъ тѣхъ, кто хочетъ вести людей къ дѣйствию чрезъ убѣжденіе словомъ. Ее нужно изучать, какъ *науку*. Будучи столь полезна въ курсѣ гомилетики, она тѣмъ не менѣе изслѣдуется мало и случайно; слѣдовало бы изучать ее болѣе полно и спеціально. Принято тщательно испытывать кандидата на посвященіе въ отношеніи его православія; но если бы его спросили опредѣлить вниманіе и показать, какъ онъ можетъ возбудить и поддержать вниманіе слушателей, то онъ, вѣроятно, спутался бы или, по крайней мѣрѣ,

даже бы отвѣты банальные и ненаучные. И однако оно составляет первоначальный и существенный факторъ въ проповѣди. Проповѣдывать, не пробуждая и не поддерживая вниманія,—это одна только трата энергіи и расточительство мысли.

Вниманіе есть какъ бы цѣпь, посредствомъ которой локомотивъ тянетъ поѣздъ. Если недостаетъ какого-нибудь звена, то машина, какъ бы хорошо она ни была устроена и управляема, уходитъ съ шумомъ одна, оставляя путешественниковъ въ полной неподвижности. Возбужденіе и поддержаніе вниманія необходимо для полезной проповѣди. Существуютъ чувственные и опытные (*empiriques*) средства производить его, а также и другія, гармонирующія съ устройствомъ духа.

Мы опредѣлили вниманіе, какъ „актъ сосредоточенія сознанія или направленія умственной энергіи на опредѣленный предметъ или предметы“. Образъ его дѣйствія и его вліянія можно сравнить съ концентраціей зрительной дѣятельности на опредѣленной части поля зрѣнія и съ болѣе яснымъ, такимъ образомъ полученнымъ, воспріятіемъ этой ограниченной части.

Дѣло проповѣдника состоитъ въ томъ, чтобы заставить прежде всего *видѣть* вещи, затѣмъ *почувствовать* ихъ и, наконецъ, *дѣйствовать* сообразно съ этимъ. Если недостаетъ перваго результата, то, вполне естественно, не будетъ и другихъ; часто, напротивъ, оба другіе слѣдуютъ за первымъ. Здѣсь-то приложима арабская поговорка: „наилучшій ораторъ тотъ, кто превращаетъ уши въ глаза“.

Вниманіе имѣетъ два характеристическихъ свойства: *интенсивность* и *продолжительность*; сочетаніе ихъ доводитъ его до совершенства. Нужно различать вниманіе *непроизвольное* и *произвольное*. Первое естественно и примитивно; второе механично, искусственно и происходитъ отъ обученія. Первое служитъ базой для второго, и оба могутъ быть всѣхъ степеней развитія—отъ болѣе слабого до болѣе интенсивнаго. Часть проповѣдническаго искусства и состоитъ именно въ

способности распознавать степень произвольнаго вниманія своихъ слушателей, въ какой моментъ оно начинается, увеличивается, уменьшается или кончается. Это вещь весьма не легкая, но изученіе и наблюденіе дѣлають ее замѣтно легкою и вѣрною. Проповѣдникъ не будетъ въ состояніи тронуть своихъ слушателей и увлечь ихъ за собой, если у него нѣтъ этого такта (*tact*), т. е. сознательнаго осязанія. Онъ долженъ пускать свои умственные щупальцы (нужно, чтобы они были электризующими), или, еще лучше, онъ долженъ бросать съ кафедры на скамьи свои крючья симпатіи и захватывать ими людей. Если онъ не можетъ этого сдѣлать, то онъ поступитъ хорошо, если совсѣмъ не будетъ начинать. Онъ долженъ обратить вниманіе на тотъ человѣческій матеріалъ, которымъ онъ долженъ будетъ управлять. Онъ находится въ присутствіи множества лицъ и формъ, которыя облакають безконечное разнообразіе душъ—факторовъ сознательныхъ и эгонстичныхъ, и каждое изъ нихъ представляетъ независимый организмъ, одушевленный космосъ, въ которомъ произвольное вниманіе и впечатлѣніе въ большинствѣ чужды его собственнымъ. Если бы онъ могъ изучать положеніе и психическія движенія обыкновеннаго слушателя, то онъ увидѣлъ бы постоянное движеніе мыслей, образовъ, событій, случаевъ, чувствованій, которыя не слѣдуютъ въ рациональномъ порядкѣ, но смѣшиваются и гонятся другъ за другомъ по какому-то закону ассоціаціи, понятному психологами только еще отчасти. Это можно сравнить, въ извѣстной мѣрѣ, съ эффектами калейдоскопа, который образуетъ, измѣняетъ и вновь преобразуетъ различныя комбинаціи, но въ средѣ различныхъ элементовъ. Задача проповѣдника—изгнать съ поля мысли всѣхъ этихъ первоначальныхъ бродягъ посредствомъ планоуѣрнаго распространенія своихъ идей, своихъ образовъ и доказательствъ, правильно проводимыхъ и движущихся.

Невозможно лѣпить индивидуума или множество индивидуумовъ, какъ если бы они были изъ пластической глины. Хотя бы мы даже подвергли ихъ пламени своей ревности.

Люди впечатлительны, неуловимы, летучи; многіе на знаютъ, въ чемъ они наиболѣе имѣютъ нужду быть убѣжденными, или не забоятся объ этомъ. Для многіхъ слушателей то, о чемъ говоритъ проповѣдникъ, представляетъ „исторію, трижды рассказанную“, или очень не соотвѣтствуетъ ихъ минутному настроенію и ихъ предразсудкамъ. Многіе, какъ только предложень текстъ, запираютъ свои ворота и закрываютъ шторы подъ вліяніемъ дѣятельнаго и сознательнаго антагонизма въ отношеніи къ тому, что, по ихъ ожиданіямъ, сейчасъ наступитъ. У нѣкоторыхъ бываетъ хроническая умственная лѣнь или умственное бродяжничество; у другихъ тяжелъ и лѣживъ мозгъ; иные еще не въ состояніи ни воспламениться, ни растрогаться. И проповѣднику необходимо приспособлять свои приемы такъ, чтобы всѣхъ достигнуть.

Способность и предрасположеніе вниманія въ значительной степени зависятъ отъ воспитанія и привычки. У тѣхъ, кто привыкъ къ послѣдовательной мысли, къ наблюденію предметовъ и фактовъ, къ сравненію, установленію контрастовъ и заключеній, вниманіе наиболѣе развито.

Но работа вниманія не всегда пропорціональна *способности*. Люди образованные часто бываютъ такъ заняты, изнурены, такъ удовлетворены или утомлены умственными занятіями, болѣе возбуждающими и болѣе пріятными, что голосу проповѣдника они оказываютъ только слабое вниманіе. Мужчины и женщины большого свѣта бываютъ такъ усталы отъ разсѣянной жизни въ теченіе недѣли, что трудно пробудить въ нихъ живой интересъ къ словамъ воскресенья. Напротивъ тѣ, кому ежедневный навъкъ ихъ скромнаго труда не даетъ чего-либо возбуждающаго или удовлетворяющаго ихъ умственные запросы, являются часто прекрасными слушателями, если предметъ и способъ его раскрытія достаточно имъ нравятся. Чтобы возбудить вниманіе, намъ нужно сосредоточить и удержать мысль слушателя на идеѣ или рядѣ спеціальныхъ идей, за исключеніемъ всѣхъ тѣхъ, которыя обыкновенно случайно заполняютъ его горизонтъ въ огромномъ количествѣ.

Это потребуетъ усилія со стороны оратора и соотвѣтствующаго усилія со стороны слушателя. Его вниманіе становится добровольнымъ подчиненіемъ всей его умственной и душевной дѣятельности той цѣли, которую онъ преслѣдуетъ, и въ соотвѣтствіи съ тѣми задачами, которыя поставляетъ себѣ ораторъ. Оно предполагаетъ *единство сознанія*: все существо сосредоточивается на подлежащемъ объектѣ, оно задерживается какъ бы въ плѣну; уши, глаза, члены и даже дыханіе находятся подъ однимъ и тѣмъ же очарованіемъ.

Ораторъ не можетъ завоевать вниманія лицъ, обращенныхъ къ нему, и даже ушей, которыя слушаютъ его, когда онъ представляетъ только учтивое спокойствіе; ибо если можно читать книгу и не чувствовать самонаибольшаго впечатлѣнія отъ нея, то то же самое бываетъ и по отношенію къ бесѣдѣ. „Люди привыкаютъ, говоритъ епископъ Бюллеръ, пропускать что-нибудь мимо своего ума скорѣе, чѣмъ останавливаться на немъ своей мыслию“. Множество книгъ и журналовъ, служащихъ для развлеченія, являются отчасти причиною и много благопріятствуютъ этой лѣнливой манерѣ читать и понимать. Размышлять, останавливать вниманіе и даже составлять сужденіе становится утомительнымъ“. Если это было вѣрно во времена автора, въ 1729 г., то насколько болѣе оно приложимо къ умственнымъ привычкамъ начавшагося 20-го вѣка, который расточаетъ и увеличиваетъ ежедневное поверхностное чтеніе дешевой печати, стремящейся часто только къ сенсаціи. Тотъ, кто хочетъ руководить вниманіемъ съ высоты каеэдры, не долженъ отрицать трудности этой задачи.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Русское церковное пѣніе.

За нами—русскими признается выдающаяся музыкальная способность. Съ незапамятныхъ временъ нашей исторіи, мы—русскіе уже имѣли пѣсни, принадлежація исключительно нашему народному генію.

Не смотря на тяжелыя политическія условія послѣдующаго времени нашей исторіи, среди которыхъ росла наша Русь, народъ сумѣлъ оградить свое личное творчество отъ всякаго внѣшняго вліянія и удержать за собой въ цѣлости индивидуальную форму и духъ пѣснотворчества. Тщательно охраняя свой музыкальный геній, въ силу прирожденныхъ особенностей, русской народъ не могъ оставить въ чистомъ видѣ и пѣніе греческое, эту святыню по понятіямъ того времени, которую онъ принялъ въ Кіевѣ вмѣстѣ съ христіанскими ученіями.

Не прошло и одного столѣтія—христіанская Русь уже имѣла свою собственную музыкальную литературу, переработанную на свой собственный ладъ такъ, какъ ему подсказывалъ свой теперь религіозный геній. Такимъ образомъ пѣніе, получившее въ послѣдствіи названіе *знаменнаго, столбового*, т. е. нотнаго, не есть уже греческое въ собственномъ смыслѣ, а стало пѣніемъ греко-славянскимъ.

Опредѣлившись такимъ образомъ въ новую фізіономію, это пѣніе пережило почти десять столѣтій и какъ прежде, такъ и въ нкстоящее время пользуется законнымъ правомъ въ нашей церковной практикѣ, не смотря даже на то, что оно за время своего существованія подвергалось давленію посторонняго музыкальнаго творчества. Для него безслѣдно прошли эпохи гармоническаго польскаго пѣнія и концертнаго пѣнія итальянскаго. Съ нимъ вели открытую борьбу выдающіеся музыкальные геніи—Сарти, Галуппи и ихъ послѣдователи: Ведель, Давидовъ, Дехтеревъ и др. Но пѣніе это побѣдоносно пережило всѣ эти натиски, заставивъ послѣду-

юющихъ русскихъ композиторовъ отнести его къ разряду выдающагося музыкальнаго творчества русской сѣдой старины. Бортнянскій, Турчаниновъ и Львовъ сознали свое бессиліе создать болѣе лучшее въ области церковной музыки и обратились къ этому источнику для своего творчества.

Глинка, своею чуткою душой къ русскому музыкальному тверчеству, понялъ этотъ драгоценный источникъ и первый проложилъ свѣжую тропу гармонической созидательной работѣ на основѣ древнихъ мелодій—такъ называемаго строгаго стиля. Этотъ добрый починъ нашель себѣ поддержку въ лицѣ талантливыхъ композиторовъ, и на нашихъ глазахъ совершается новая эпоха чисто русскаго напрааленія церковной музыки, въ основу которой легли тѣ же старинныя древнія мелодіи.

„Прислушайся къ пѣнію народа, и ты узнаешь его жизнь“, говоритъ китайскій мудрецъ—Конфуцій. Музыка есть языкъ чувствъ, музыка есть языкъ той способности души, которая играетъ доминирующую роль во всей нашей духовной жизни. Въ музыкѣ, какъ въ зеркалѣ, опредѣленно отражается жизнь одного человѣка и жизнь цѣлаго народа съ ея тончайшими проявленіями. Тамъ, гдѣ бессильно сказать о чемъ-нибудь слово, всегда доскажетъ объ этомъ музыка. Исходя изъ этого основнаго положенія о значеніи музыки, мы ясно поймемъ, почему такъ живучи наши церковныя мелодіи.

Эти мелодіи создались въ то время, когда наша Русь жила исключительно религіозною церковною жизнію. Русскій народъ на все смотрѣлъ только съ христіанской точки и въ исполненіи религіозныхъ постановленій находилъ все свое счастье; эти пѣсни складывались въ то время, когда правила новой религіи обнимали его домашнюю, политическую и церковную жизнь, и каждый родъ его дѣятельности освѣщался только евангельскими истинами. Все это въ общемъ въ русскомъ народѣ развивало своеобразное міросозерцаніе и подъ давленіемъ этого настроенія въ немъ пробуждалась потребность къ творчеству, ибо „отъ избытка сердца уста говорятъ“, по слову Христову (Мѡ. 12, 34). Книжное дѣло въ то время

было въ самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, оно было достояніемъ только нѣкоторыхъ; слѣдовательно, назрѣвшему чувству представлялась полнѣйшая возможность выразиться только въ пѣснѣ.

Широкой волной ползла она изъ груди вѣрующей души, ралигіозный энтузіазмъ народа не давалъ ему строго разбираться въ греческихъ схоластическихъ законахъ музыки и разграничивать и свои языческія мелодіи отъ новыхъ христіанскихъ. Все это вмѣстѣ смѣшалось, и подъ давленіемъ свободнаго религіознаго чувства народъ творилъ новыя смѣлыя мелодіи, вкладывая въ нихъ весь свой христіанскій музыкальный гоній.

Такимъ образомъ создалось новое творчество чисто народнаго характера, одухотворенное высокими христіанскими идеями.

Ихъ глубокая простота, дѣтская искренность и глубокая сосредоточенность служить намъ самымъ вѣрнымъ отвѣтомъ на то, почему русскія церковныя мелодіи такъ живучи.

Ставъ въ свое время въ основу церковно-пѣвческой практики, эти мелодіи, въ свою очередь, породили другую не менѣе цѣнную художественную литературу, въ созиданіи которой главнымъ образомъ участвовало наше южное и сѣверное русское монашество. Эти общины вѣрующихъ, добровольно обрекли себя на суровую, полную всякихъ лишеній жизнь, и уединившись отъ мірской суеты въ отдаленныя поэтическія мѣста просторнаго богатаго края Россіи, давали полный просторъ развитію религіознаго чувства. Нашъ русскій аскетизмъ того времени доходилъ до высшей точки своего совершенства. Преслѣдуя главнымъ образомъ христіанскій принципъ, принципъ самосовершенствованія, монашество изыскивало удивительно жестокія средства для борьбы духа съ плотію; оно зарывало себя на половину въ землю, обречало на молитвенный подвигъ стоянія на столбѣ, произвольно носило желѣзныя цѣпи, копало для себя подземныя пещеры. Жизнь духа, стоявшая въ то время такъ высоко, не могла не отразиться на ихъ музыкальномъ творествѣ. Принявъ въ свои обители иноки въ свою очередь стали его видоизмѣнять сообразно съ своимъ уставомъ и новымъ строго-аскетическимъ духомъ. Въ силу сложности иноческихъ богослуженій, монашество вынуждено было реформировать эти мелодіи. Реформа главнымъ образомъ коснулась ихъ ритмической стороны; изъ продолжительныхъ и витѣватыхъ мелодій переработали на болѣе простыя и короткія, положивъ въ основу своей реформы господ-

ствовавший въ то время на западѣ и въ нашихъ южныхъ церквахъ такъ называемый симметричный ритмъ. Такимъ образомъ получилось другое музыкально пѣвческое творчество, сохранившее и имѣющее за собой права гражданственности въ церковной практикѣ и въ наше время.

Итакъ, вотъ тѣ два главныхъ чисто русскихъ теченія музыкальной церковной литературы, которыя вошли въ программу нашихъ церковныхъ школъ. Одно изъ нихъ, болѣе древнее по времени, есть творчество чисто народное, созданное на законахъ греческой музыки, но одухотворенное религиознымъ экстазомъ вѣрующихъ сѣдой старины; другое теченіе, болѣе позднее по времени, есть продуктъ нашего южнаго и сѣвернаго монашества. Оба эти теченія рѣзко отличаются другъ отъ друга внѣшнимъ своимъ видомъ ритмическими особенностями, но зато тѣсно связаны внутреннимъ своимъ содержаніемъ—общностью идеи и представляютъ изъ себя музыкальное зданіе, въ основаніе котораго легло пѣніе *столповое*, а въ основаніе верхней части этого зданія легло пѣніе *Кіевское*, сокращенное *знаменное*, пѣніе *Софроніевской пустыни* и другихъ общинъ русской старины.

Прислушайтесь къ церковному клиросному пѣнію и поставьте себя, хотя на нѣсколько минутъ въ положеніе молящагося; тогда вамъ будетъ ясно все разнообразіе чувствъ, такъ рельефно обрисованныхъ въ этихъ мелодіяхъ; то горячая глубокая мольба, то искреннее раскаяніе въ своей грѣхности, то чувство тихой спокойной религиозной радости пройдутъ вереницами чрезъ ваше открытое для всего добраго сердце. Прислушайтесь тщательно къ пѣснопѣніямъ Страстной седмицы и ваше сердце наполнится чувствомъ умиленія отъ этихъ простыхъ, но глубоко художественныхъ пѣсенъ: „Се, женихъ грядетъ“, „Чертогъ твой“ и проч.

Какъ историческое прошлое, такъ и собственное ваше наблюденіе должно сказать одно и то же: оно должно сказать о высокомъ творчествѣ и духовной мощи церковныхъ русскихъ мелодій. А. Анохинъ. (Томск. спарх. вѣд. № 10).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 8-го октября 1907 г.

Цензоръ священникъ Николай Гроссу.
Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 42.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года октября 21-го дня.

Содержаніе: I. Къ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего Іоанна Златоуста, архіепископа константинопольскаго († 14-го сентября 407 г.).—II. О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара. (Продолженіе).—III. Наша церковная жизнь.—IV. Замѣтки. а) Къ благоучію въ церкви.—б) Изъ постановленій приходскаго совѣта с. Урахи, Ланшевскаго уѣзда.

Къ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего Іоанна Златоуста, архіепископа константинопольскаго († 14 сентября 407 г.).

14-го сентября сего года исполнилось ровно 1500 лѣтъ съ той поры, какъ въ небольшомъ городкѣ Понта Команахъ отдалъ Богу духъ свой великій отецъ и вселенскій учитель Церкви св. Іоаннъ Златоустъ, Архіепископъ Константинопольскій, имѣя 60 лѣтъ отъ роду, послѣ 18 лѣтъ служенія въ церкви Аптіохійской въ санѣ діакона и пресвитера (381—398 гг.) и 6½ лѣтъ—въ званіи Архіепископа (398—404 гг.) и, наконецъ, 3 лѣтъ и 3 мѣсяцевъ, проведенныхъ въ ссылкѣ. Славно было служеніе его въ Аптіохіи; весьма содержательно и важно, хотя и не продолжительно было слу-

женіе его въ столицѣ имперіи; даже самая ссылка его въ Кукузь и жизнь его въ этой глухой деревнѣ, на отдаленной окраинѣ имперіи, сопряженныя со многими глубоко трагическими моментами и превратностями судьбы, равно какъ и съ проявленіями отвратительной жестокости людей, представляють въ себѣ нѣчто необыкновенное, высокое, героическое. Нельзя безъ содроганія сердца читать о неутомимой ненависти къ этому святому отцу Церкви личныхъ враговъ его изъ придворной среды, во главѣ съ царицей Евдокіей, и изъ духовенства въ лицѣ недостойныхъ пастырей-льстецовъ и интригановъ, искавшихъ себѣ опоры не въ правдѣ и честности, а въ согласіи съ сильными міра сего. Врагамъ св. отца было недовольно удаленія его изъ столицы въ такую даль и глушь, откуда голосъ его не могъ доходить до его бывшей паствы. Они боялись даже той любви, которую страдалецъ святитель со временемъ приобрѣлъ тамъ, въ ссылкѣ, у мѣстнаго населенія. И вотъ, по ихъ вліянію, слѣдуетъ распоряженіе слабохарактернаго императора Аркадія—перевести св. Златоуста еще дальше, на самую отдаленную и опасную окраину имперіи, въ г. Питіунтъ, на границѣ Понта и Колхиды. Св. отца три мѣсяца влекутъ за собою къ новому мѣсту поселенія грубые воины; идетъ онъ съ ними по каменной дорогѣ, съ обнаженной головой, подъ палящими лучами солнца или подъ проливными дождями; сажаютъ его и на осла, но не для того, чтобы дать отдыхъ св. отцу, а чтобы еще болѣе мучить его быстрой тряской ѣздой безъ всякихъ приспособленій. Сломали непосильные труды и постоянныя страданія силы святителя, подорвали здоровье, подсыбли окончательно его жизнь, однако не сломали его христіанскаго терпѣнія, не вырвали ропота изъ груди его: „слава Богу за все“, повторялъ онъ; эти же слова были и послѣдними въ его жизни; въ Питіунтѣ и умеръ св. Златоустъ. Угасло свѣтило Церкви вдали отъ любимой паствы; сокрыто тѣло его въ землѣ на далекой чужбинѣ. Однако, не удалось врагамъ его угасить въ сердцахъ людей добрую на-

мять о немъ. Прошло всего 31 годъ, и мощи его уже съ торжествомъ переносятся (при имп. Θεодосіи II Младшемъ, въ 438 г.) въ столицу и полагаются въ той самой церкви Св. Апостоловъ, откуда при жизни его изгнали. И какими жалкими кажутся теперь имена всѣхъ членовъ этого союза печестивыхъ, всѣхъ бывшихъ враговъ Златоуста,—Евдоксій, Θεοφιловъ, Северіановъ и др., въ сравненіи съ его славнымъ именемъ!

Паства константинопольская не забыла своего добраго пастыря. Но этого мало. Вся вселенская Церковь признала въ немъ великаго отца и учителя наравнѣ съ двумя другими великими отцами и учителями своими—Василіемъ, архіепископомъ Кесаріи Каппадокійской, и другомъ его св. Григоріемъ Богословомъ. Подвиги св. Іоанна Златоуста считаются образцомъ для другихъ пастырей, а имя его стало типическимъ, усвояемымъ тѣмъ, кто обнаружилъ въ себѣ болѣе, чѣмъ обыкновенное проповѣдническое дарованіе. Сколько въ теченіе прошедшихъ 15 вѣковъ обращались къ его памяти пастыри и всѣ христіане, изучали его чудныя творенія, славили дѣла его и искали въ нихъ примѣровъ для своей дѣятельности! Исторія сохранила въ памяти и имена дѣятелей на востокѣ и западѣ, которые своимъ необыкновеннымъ проповѣдническимъ даромъ или строгою жизнію и твердою пастырскою дѣятельностью приобрѣли себѣ титло Златоуста; таковы, напр., у насъ: Кирилль, еп. Туровскій, св. Филиппъ, м. Московскій, Иннокентій, архіеп. Херсонскій. Вообще, конечно, если мысленно представить себѣ величественный образъ св. Златоуста рядомъ съ тѣми, которые удостоиваются его имени, то найдемъ, что подобія далеки отъ оригинала, что они лишь приближаются къ нему въ извѣстной степени, какъ болѣе или менѣе удачныя опыты подражанія къ своему идеалу. Зависитъ это оттого, что личность св. отца представляетъ въ себѣ такое цѣльное и всестороннее развитіе характера и такое мощное проявленіе силы и вліянія на поприщѣ пастырской дѣятельности, какая вообще рѣдко встрѣчается въ

исторіи, лишъ при особо счастливыхъ, исключительныхъ условіяхъ.

Если прослѣдимъ жизнь св. Іоанна Златоуста, начиная съ дѣтства до самой его смерти, то увидимъ, что вся она слилась, несомнѣнно, по устроенію Промысла Божія, какъ бы въ одной цѣли—осуществленіи идеала пастырскаго апостольскаго служенія въ мірѣ семъ. Къ этому незримою рукою Промысла направляется его воспитаніе. Къ этому готовится онъ самонспытаніемъ. На осуществленіе пастырскаго идеала онъ употребляетъ потомъ все свои силы и дарованія ума и сердца, когда былъ призванъ къ служенію въ санѣ діакона и пресвитера въ Антиохіи и архіепископа въ Константинополѣ. Своего пастырскаго или лучше—апостольскаго призванія онъ не забываетъ и не оставляетъ даже въ изгнаніи. Такимъ образомъ, св. Іоаннъ Златоустъ являетъ въ себѣ цѣльный, строго опредѣленный и во всемъ себѣ вѣрный образъ *добраго пастыря*. Такъ какъ въ этомъ отношеніи жизнь св. Іоанна была, есть и всегда будетъ образцомъ для подражанія нашихъ пастырей, то мы и въ настоящемъ случаѣ заглянемъ въ нее,—для извлеченія уроковъ нашему времени,—впрочемъ, не со стороны ея деталей, но главнымъ образомъ — тѣхъ основаній и условій, благодаря которымъ такъ богато и плодотворно раскрылась пастырская его дѣятельность. Здѣсь мы коснемся лишъ слѣдующихъ предметовъ: 1) гдѣ положено начало стремленію Іоанна Златоуста къ христіанскому совершенству, приведшему его къ самоотверженному пастырству? 2) какъ готовился св. Іоаннъ Златоустъ къ пастырскому служенію? 3) чѣмъ приобрѣлъ онъ любовь къ себѣ пасомыхъ и вліяніе на паству въ Антиохіи? 4) почему апостольская ревность Іоанна Златоуста къ воспитанію паствы въ высшемъ іерархическомъ званіи въ центрѣ христіанскаго міра навлекла на него гоненія? наконецъ 5), вѣрность св. Іоанна своему пастырскому и апостольскому призванію даже въ ссылкѣ, до послѣдняго издыханія.

И. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кеннара.

(Продолженіе ¹⁾).

Какимъ способомъ возможно привлечь добровольное вниманіе? Проф. Рибо сказалъ: „онъ можетъ быть выраженъ въ слѣдующей единственной формулѣ: *дѣлать привлекательнымъ посредствомъ искусства то, что не есть таковое по природѣ, придавать искусственный интересъ вещамъ, которыя не имѣютъ естественнаго интереса*. Я употребляю слово „интересъ“ въ смыслѣ вульгарномъ, какъ эквивалентъ слѣдующему перифразу: *то, что держитъ умъ насторожѣнъ (en éveil)*. Но умъ держится насторожѣ только посредствомъ пріятнаго, или смѣшаннаго дѣйствія на него предметовъ, т. е. посредствомъ состояній аффективныхъ. Все клонится, говоритъ онъ, къ нахожденію дѣйствительныхъ двигателей; если они недостаточны, произвольное вниманіе не устаетъ“ ²⁾).

Чтобы возбудить вниманіе, мы должны вызвать удовольствіе, скорбь или удивленіе. Предметы, трактуемые проповѣдникомъ, сами по себѣ весьма пригодны для этой цѣли и даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ всѣ другіе; но это не составляетъ реальности вещей, а ихъ видимость, возбуждающую интересъ, и глаза человѣческаго разумѣнія, естественно, такъ затемнены грѣхомъ, что и то, что касается спасенія, не является въ своемъ истинномъ видѣ.

Вслѣдствіе ухищреній статистическихъ человѣкъ доходитъ до того, что называетъ зло добромъ и добро зломъ, и чрезъ помраченіе того, что есть чисто земное, помрачается и дѣйствіемъ страсти или страха дѣлается отталкивающимъ величіе и безконечная слава того, что духовно. Природа человѣческая не перестала отвращаться возвышеннаго ученія

¹⁾ См. № 41-й за 1907 г.

²⁾ Рибо „Психологія вниманія“, гл. 2.

Христовъ съ крикомъ петербнїя или презрѣнїя! „Какїя странныя слова! кто можетъ это слушать?“ (Іоанн. 6, 60). Для толпы Христосъ еще остается „отпрыскомъ и росткомъ, взошедшимъ изъ сухой земли, не имѣющимъ ни вида, ни величїя и ничего привлекающаго насъ къ Нему“ (Ис. 53, 2). И такъ какъ человѣкъ, нечувствительный къ удовольствію или скорби, былъ бы неспособенъ ко вниманію, то и мы, если не произведемъ впечатлѣнїя удивленїя, удовольствїя или скорби чисто психологическимъ путемъ, не въ состоянїи будемъ привлечь вниманїе.

Произвольное вниманїе должно быть возбуждено новизной, дѣйствующей на внѣшнїя чувства и чрезъ нихъ на интеллектъ и эмоціи,—и такимъ образомъ располагающей къ дѣятельности волю, которая сознательнымъ или несознательнымъ усиліемъ влечетъ всего человѣка къ тому, что ему такъ представлено. Этотъ импульсъ ума ко вниманію не прерывенъ, какъ давленїе стержня движущейся вагонетки на канатъ; онъ скорѣе прерывающїйся, какъ качанїе маятника. Продолжительное напряженїе быстро истощаетъ способность слушать. Чтобы сохранить свою свѣжесть и эластичность, умъ долженъ имѣть возможность на мгновенїе отдохнуть, и тогда онъ примется за свою дѣятельность съ новой силой. Произвольное вниманїе, если оно долго продолжается, представляетъ дѣйствительно весьма тяжелое усиліе. Ораторъ долженъ объ этомъ помнить. Всегда бываетъ усиліе и чувство усилія. Когда это чувство доведено извѣстными искусному оратору средствами до своей болѣе слабой степени, то произвольное вниманїе очень близко къ непроизвольному и можетъ остаться въ дѣятельности въ продолженїе большаго времени. Мы легко дѣлаемъ только то, что дѣлаемъ безсознательно. Вниманїе иногда прививается къ чувству чисто эгоистическому, какова надежда на награду и боязнь наказанїя; но нужно, чтобы всегда была эмоція, побуждающая къ психическому усилію, актъ воли, который руководитъ умомъ и въ то же время изгоняетъ всякую разсѣянность.

Такъ какъ вниманіе всегда зависить отъ состояній аффективныхъ, то мы должны всегда имѣть это въ умѣ. Въ психической организаціи человѣка состоянія, именуемая *потребность, аппетитъ, склонность, желаніе*, составляютъ истинную основу аффективной жизни. Такъ какъ они дѣлаются болѣе или менѣе умственными навыками, то вниманіе не зависить единственно отъ причинъ *настоящихъ*, но есть также накопленіе причинъ *первоначальныхъ* (Рибо). Привычные мотивы приобрѣтаютъ, поэтому, силу мотивовъ природныхъ. Дѣло проповѣдника вспомоцствуется еще и тѣмъ, что психологи называютъ „вниманіемъ предварающимъ“. (L'attention anticipante). Счастливы проповѣдникъ, жизнь и ревность котораго хорошо извѣстны и привлекаютъ къ себѣ взоры, подобно тому, какъ комнатныя растенія обращаются къ освѣщенному солнцемъ окну. Человѣкъ, создавшій себѣ репутацію блестящаго оратора, принимается аудиторіей съ этимъ предварающимъ вниманіемъ и, вѣроятно, по всѣмъ естественнымъ основаніямъ, удержитъ его. Лишенный этихъ исключительныхъ даровъ, проповѣдникъ будетъ въ состояніи обезпечить себѣ мѣру этой же самой привилегіи, привлекая *довѣріе и благорасположеніе* своихъ прихожанъ постоянными благоразумными и сочувственными отношеніями къ нимъ. Сила характера, нравственная твердость и сердечность, соединенныя вмѣстѣ, личный магнетизмъ и даже репутація серьезности и сжатости рѣчи обезпечать это предварающее вниманіе.

Вообще, можно было бы сказать, *привлекательность* (L'attrait) есть царь вниманія. Она можетъ заключаться въ личности, въ сюжетѣ, въ самой бесѣдѣ или во всѣхъ троихъ. Предметъ, хорошо понятый, имѣетъ послѣднее значеніе. Если онъ вообще не отвѣчаетъ (духовному) голоду и жаждѣ людей, ихъ индивидуальнымъ и семейнымъ чувствованіямъ, то почти невозможно приобрѣсти вниманіе, даже если личность и родъ оратора привлекательны въ высшей степени. *Великое* превосходно руководить вниманіемъ; оно привлекаетъ даже тогда, когда не нравится. Общественные предприниматели прекрас-

но знаютъ это и свои дѣла всегда ведутъ сообразно съ этимъ принципомъ.

Скудный и мелочный проповѣдникъ составляетъ бичъ нашихъ церквей. Отрывокъ стиха, изъ котораго можно извлечь частицу прекраснаго поэтическаго чувства, подобно тому, какъ шелковая нитка выматывается изъ кокона, достаточно для такого проповѣдника и сонливая аудиторія не протестуетъ. Люди, владѣющіе вниманіемъ, трактуютъ о важныхъ жизненныхъ вопросахъ, занимающихъ въ настоящее время общество, и обсуждаютъ эти вопросы не эмпирически, узко или темно, но нагляднымъ и практическимъ способомъ, расширяя и разъясняя при свѣтѣ евангельскаго ученія, а также обсуждаютъ и вопросы вѣчные. Они все рассматриваютъ въ настоящемъ и одновременно въ перспективѣ будущаго суда. Проповѣдникъ долженъ быть вмѣстѣ пророкомъ и героемъ. „Не забывайте никогда, говорилъ Бруксъ іельскимъ депутатамъ, что вы прежде всего герои“. Онъ долженъ возвѣщать, что „царствіе Божіе близко“, что „Оно внутри насъ“; онъ долженъ обращать вниманіе на „силы міра грядущаго“, отражающагося во многоразличныхъ областяхъ настоящей жизни.

Люди мало интересуются отдаленнымъ будущимъ; настоящая жизнь поглощаетъ ихъ; но можно показать имъ его величіе. Ихъ не привлекаетъ образъ ихъ смертнаго ложа; но они горячо желаютъ знать, какъ жить счастливыми и имѣть успѣхъ. Они прельщаются самыми ясными доказательствами; абстракція и метафизика имъ непріятны. Люди глухи, когда ихъ зовутъ принять участіе въ борьбѣ съ религіозными заблужденіями; въ то время, какъ они алкаютъ разрѣшенія проблемы своей ежедневной жизни, они безъ интереса присутствуютъ при занятіяхъ по возстановленію и поддержанію колеблющейся богословскій догмы; но они настороживаютъ свой слухъ при звукѣ трубы, зовущей ихъ къ болѣе высокой жизни, и тогда, когда твердыя руки протягиваются къ нимъ на помощь.

Другое необходимое условіе вниманія—*горячность и напряженность*. Интенсивность чувства вліяетъ на количество вниманія, съ какимъ относятся къ нему. Проповѣди должны бы быть созвѣздіями; а они очень часто похожи на млечный путь. Еще иное условіе—явная искренность оратора и сила сердца, которая трогаетъ самыхъ равнодушныхъ. Д. Юмъ, когда обвиняли его въ непослѣдовательности за то, что онъ часто ходилъ слушать Роуланда Гилля, отвѣтилъ: „я люблю слушать по временамъ человѣка, который вѣритъ въ то, что говорить“. Убѣжденное произношеніе и видимая опытность имѣють даръ очарованія, котораго недостаетъ самымъ пышнымъ теоріямъ. Люди пробуждаются, когда они не только слышать слово историческаго Христа, нѣсколько вѣковъ назадъ жившаго въ Іудеѣ, но когда еще и видятъ какъ бы живого Христа, отражающагося въ чертахъ и словѣ пастыря, и чувствуютъ совершенно свѣжее благоуханіе розы и лиліи изъ небесныхъ садовъ.

Слѣдующее правило такое: *создать ожиданіе и удивленіе*. Шарль Спюржонъ говорилъ: „захватывайте людей такъ, какъ они не ожидаютъ; пусть вашъ ударъ молніи падетъ съ яснаго неба; развивайте то, что о. Тайлоръ (проповѣдникъ моряковъ въ Нью-Йоркѣ) называлъ „талантомъ удивлять“; избѣгайте длинныхъ вступленій, переходите прямо къ главному предмету; пусть ваши первыя фразы содержать что-нибудь поражающее; взмѣняйте свою скорость, — летайте какъ молнія, двигайтесь спокойно, какъ теченіе рѣки, пользуйтесь низкими и громкими звуками, разговаривайте, будьте драматичны и разнообразны,---всего этого природа человѣческая жаждетъ“.

Возможность управлять вниманіемъ зависитъ также отъ *построенія проповѣди*. Такъ какъ объ этомъ я буду разсуждать въ слѣдующей главѣ „Психологія слога“, то здѣсь ограничусь указаніемъ одного или двухъ началъ. Во-1-хъ, *порядокъ и единство*. Кто-то сказалъ, что проповѣди могутъ распадаться на два класса: на позвоночныхъ животныхъ и

на слизняковъ. Въ этихъ послѣднихъ, кажется, совсѣмъ нѣтъ скелета, на которомъ бы они держались, и можно совершенно удобно произносить ихъ, начиная со середины и продолжая къ обоимъ концамъ. Проповѣди безпозвоночнаго вида скоро приводятъ слушателя въ уныніе. Чтобы сосредоточить мысль, проповѣдь должна быть позвоночной, т. е. построеной по опредѣленному плану. Мы не хотимъ видѣть ея костякъ, но желаемъ знать, что онъ въ ней есть. Ф. Бруксъ сказалъ: „дѣйствительное средство сдѣлать ваши проповѣди менѣе костливыми заключается не въ лишеніи ихъ скелета, но въ покрытіи его плотью. Придавайте своему слову правильные и постоянные переходы (части) и безъ колебанія ясно показывайте ихъ своимъ слушателямъ, ибо это поможетъ имъ сразу понять то, что вы скажете, и потомъ припомните себѣ“. Хотя Г. Гербертъ въ своемъ сочиненіи „Contre Parson“ даетъ намъ совѣтъ „не дробить текстъ такимъ образомъ, что отрывокъ не является уже словомъ Писанія, а становится словаремъ“; но я убѣжденъ, что ясное указаніе, съ самаго начала, главныхъ фактовъ, подлежащихъ обсужденію проповѣдника, болѣе способно поддержать живой интересъ, чѣмъ тотъ, нынѣ столь обычный, видъ проповѣди, который можно бы назвать „эволюціоннымъ“.

Можно пробудить живое любопытство, когда, напр., фокусникъ извлекаетъ изъ своего рта безконечно-длинную ленту, и вниманіе поддерживается этой видимостью безконечности; но проповѣдникъ производитъ совершенно противоположное впечатлѣніе, когда слова слѣдуютъ у него непрерывно и безъ передышки. Дѣленія должны быть, однако, немногочисленны и показывать единство и переходъ отъ одной части къ другой. Благодаря этимъ верстовымъ границамъ, слушатель будетъ знать, что вы спѣшите къ одной цѣли; „semper ad eventum festinat“. Вниманіе исчерпывается на деталяхъ и доказательствахъ. Сесиль говорилъ: „очищайте проповѣди отъ лишняго хлама“.

Прежде всего проповѣди должны быть связаны послѣдовательными звеньями, которыя не должны быть многочисленны. Проповѣдь должна быть подобна калифорнійскимъ виноградникамъ, которые культивируются ради своихъ плодовъ, а не для украшенія. У нихъ обрѣзываютъ вѣтви и отростки очень близко къ главному стволу, который поэтому не подымается выше вашей головы, и не даютъ ползти вверху на высокую бесѣдку, и это дѣлается для того, чтобы получить большія румяныя кисти, растущія на уровнѣ руки.

Большинство проповѣдниковъ вводитъ въ проповѣдь слишкомъ много различныхъ мыслей и слишкомъ входитъ въ подробности. Они боятся представить два раза одну и ту же мысль, хотя бы въ различномъ изложеніи, или—казаться слишкомъ бѣдными въ отношеніи идей, слишкомъ простыми и элементарными. Мы должны напомнить, что мы обращаемся не къ ученымъ, но къ обыкновеннымъ людямъ, обладающимъ, вѣтъ своей профессіи, ремесла или хозяйства, только неопредѣленными и несовершенными понятіями о предметахъ, которые намъ близки, и которые мы охватываемъ однимъ взглядомъ. Прелесть нѣкоторыхъ превосходныхъ проповѣдниковъ, каковъ, напр., Шальмеръ, состояла въ томъ, что онъ останавливался на очень немногихъ пунктахъ до тѣхъ поръ, пока каждый могъ ясно ихъ видѣть. И тотъ же выдающійся проповѣдникъ, когда его спросили, въ чемъ тайна дѣйственной проповѣди, отвѣтилъ: „повторять, повторять и повторять“. Одинъ судья говорилъ Финнею: „пастыри не даютъ доказательства здраваго смысла, когда говорятъ публично: они боятся повторять. Да если бы адвокаты поступали такъ же, то они то и дѣло проигрывали бы свои процессы!“ „Когда я принадлежалъ къ адвокатурѣ, прибавилъ онъ, и мало умѣлъ по крайней мѣрѣ повторять, перекладывать различные вопросы дебатовъ и предметы права, освѣщая ихъ примѣрами, я проигрывалъ свои дѣла“.

Проповѣдникъ долженъ еще принимать въ расчетъ *матеріальныя* условія вниманія. Дѣятельность мозга, возбужде-

ніе и продолжительность его матеріальныхъ движеній обуславливаются кровообращеніемъ въ немъ. Проф. Рибо замѣчаетъ, что кровь въ сѣромъ веществѣ мозга представляетъ то же, что кислородъ въ сжигаемомъ маслѣ: крайнюю потребность такъ же, какъ и естественное возбужденіе. „Сознаніе, говоритъ онъ, не будетъ отвѣчать уже ни на какое впечатлѣніе, если кровообращеніе остановилось, или ослабѣло до извѣстнаго предѣла“. Отсюда слѣдуетъ, что такъ какъ физическія условія много значатъ для дѣйствительной способности продолжительно размышлять съ интересомъ и углубленіемъ, то нужно изучать эти условія. Сонливость, неясность идей, несовершенство воспріятія, умственная слабость и утомленіе суть слѣдствія и неизбѣжные спутники несовершеннаго кровообращенія. Угольная кислота плохо вентилируемой залы, слишкомъ низкая или слишкомъ высокая температура—враги вниманія. Демосѣенъ или ап. Павелъ не могли бы заинтересовать аудиторію въ удушливой или замерзшей средѣ. Затѣмъ впадаютъ въ разсѣянность еще и отъ неудобныхъ сидѣній, нелѣпой обстановки, пѣвцовъ, смѣющихся на хорахъ, двигающихся дѣтей, утрированныхъ костюмовъ; все это пренятствуетъ проповѣдническому дѣлу.

Такъ какъ вниманіе бываетъ столь неустойчиво и капризно и такъ легко впадаетъ въ разсѣянность, то проповѣднику нужно овладѣвать имъ тогда, когда оно наименѣе обременено. Иногда слушатели бываютъ утомлены, прежде чѣмъ началась проповѣдь. Если планъ проповѣди составленъ разумно, назидательно и кратко, аудиторія побуждается и оказывается расположенною къ проповѣди; но часто служба бываетъ слишкомъ сложна, и ею вниманіе людей бываетъ занято значительное время. Если предшествовавшее проповѣди богослуженіе (разум.—протестантское) было полно жизни, единства, оригинальности, мысли и теплоты чувства, то оно, напротивъ, будетъ служить прекраснымъ приготовленіемъ сердца и ума къ послѣдующему поученію, и благоразумный проповѣдникъ долженъ позаботиться объ этомъ.

Вниманіе и интенсивность чувства находятся во взаимоотношеніи. Проповѣдникъ располагаетъ всей гаммой чувствованій и, какъ искусный органистъ, долженъ знать всѣ клавиши ихъ, всѣ регистры, всѣ сочетанія. Его аудиторія способна понимать всѣ разности жизни, всѣ степени чувствительности въ отношеніи къ впечатлѣніямъ. Способность проповѣдника привлекать вниманіе значительнаго числа людей будетъ зависѣть отъ его искусства довольствоваться чувствованіями *простыми и всеобщими*, каковы: любопытство, надежда на выгоду или удовольствіе, страхъ потери или страданія, любовь къ свободѣ, покою, обществу, всѣ пріятныя стороны жизни, иначе—чувствованіями эгонистическими. Ставя себя выше, хотя и достигая меньшаго, мы можемъ обратиться къ чувствамъ справедливости, благожелательности, сочувствія, общественной отвѣтственности, патріотизма, жалости, воодушевленія въ отношеніи гуманности, иначе—къ чувствамъ альтруистическимъ. Выше еще, имѣя въ виду только болѣе тѣсный кругъ, мы пользуемся чувствованіями моральными—любви къ доброму, прекрасному и истинному; чувствами чести, благородства, великодушія и проч. Удовольствіе, которое даетъ гармонія вещей, и сильное желаніе идеальнаго состоянія доставятъ намъ, въ отдѣльности и въ своемъ сочетаніи, рядъ эмоцій и движеній, которыя, съ одной стороны, произведутъ вниманіе, а съ другой,—благодаря этому вниманію, сами пріобрѣтутъ полноту и силу.

Можно измѣрять интенсивность вниманія относительной неподвижностью и ажитаціей аудиторіи, ибо прямой эффектъ вниманія—уменьшеніе суммы психическихъ движеній. Вниманіе производитъ неподвижность. Есть положеніе глазъ, ушей и мускуловъ, указывающее на стремленіе къ сосредоточенію сознанія и движеній. Подобно тому, какъ природа оживляетъ наше вниманіе своимъ безконечнымъ разнообразіемъ, такъ вниманіе слушателя поддерживается частыми переходами отъ назиданія къ живописанію, отъ утвержденія къ вопросу, отъ описанія къ діалогу; пужно пользоваться то раз-

сказомъ, то ссылками, то стихами, то свѣтлымъ юморомъ, иногда обдуманной паузой, особенно послѣ оживленнаго мѣста; затѣмъ снова вступаютъ въ различный тонъ: спокойная бесѣда слѣдуетъ за пламеннымъ періодомъ. Всѣ эти измѣненія преслѣдуютъ одну цѣль: дать отдохнуть и, слѣдовательно, освѣжить вниманіе. Нельзя поддержать вниманіе, ударяя по библии или оглушая аудиторію. Говорить въ полголоса или дѣлать паузу—весьма поразительно. Вспомнимъ также въ этомъ случаѣ о психической силѣ *глаза*. Молчаливый, зоркій, пронипательный взглядъ возбуждаетъ вниманіе тамъ, гдѣ слово не имѣетъ успѣха. Георгъ Гербертъ сказалъ: „деревенскій пастырь, когда проповѣдуетъ, овладѣваетъ вниманіемъ съ помощью всѣхъ возможныхъ средствъ, одновременно и серьезностью своей бесѣды, и внимательнымъ, заботливымъ взоромъ, бросаемымъ на своихъ слушателей. Этотъ взглядъ даетъ имъ понять, что онъ наблюдаетъ, кто слушаетъ, и кто не слушаетъ; онъ говоритъ къ каждому въ отдельности — молодому, взрослому, бѣдному или богатому: „это молъ къ тебѣ относится, а это—къ другимъ“, ибо частное трогаетъ больше, чѣмъ общее“.

Въ заключеніе еще замѣчу, что вниманіе во многомъ зависитъ отъ доброй воли и благорасположенія слушателей. Если проповѣдникъ обладаетъ тѣми магнетическими качествами, которыя указалъ Аристотель ¹⁾, т. е. *смѣлостью, добротой и мудростью*, то это уже составляетъ половину успѣха. Если люди знаютъ, что онъ говоритъ не для успокоенія совѣсти и не въ качествѣ школьнаго учителя, но какъ отецъ, братъ и другъ; и особенно если они знаютъ по опыту, что онъ не будетъ путать ихъ въ лабиринтѣ умозрѣнія, но поведетъ ихъ прямой и кратчайшей стезей къ живымъ источникамъ; если онъ говоритъ имъ, какъ человекъ, который знаетъ, къ чему стремится онъ самъ и его поученіе, который имѣетъ сказать нѣчто *существенное и рѣши-*

¹⁾ Ритор. кн. 2, гл. 1.

тельно желаетъ, чтобы его слушали, то его будутъ слушать. Они знаютъ, что онъ будетъ говорить имъ просто и остановится тогда, когда скажетъ имъ,—прежде даже, чѣмъ они пожелаютъ этого. Такой проповѣдникъ найдетъ практическое рѣшеніе вопроса объ управленіи вниманіемъ.

В. П.

Наша церковная жизнь.

Широкая пропаганда сектантства и способы ея (штундо-баптистская семинарія, воскресныя школы для дѣтей). Оказаніе матеріальной помощи бѣднымъ—могучее средство совращенія. Яркій примѣръ этого. Отмѣна предварительной цензуры и результаты ея. Резолюція латышскаго съѣзда народныхъ учителей. Что дѣлать пастырямъ Церкви?

Въ „Таврическомъ церковно-общественномъ Вѣстникѣ“ (№№ 23—25) помѣщена довольно интересная статья: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ миссін“. Авторъ ея говоритъ о тѣхъ фактахъ, которые явились прямымъ слѣдствіемъ Высочайшихъ указовъ 17 апрѣля и 17 октября 1905 г., даровавшихъ Россіи полную вѣротерпимость. Самые указы, конечно, никто не станетъ осуждать: никого не должно преслѣдовать за религіозныя убѣжденія: этого требуетъ духъ Евангелія; Самъ Богъ позволяетъ Солнцу восходить надъ злыми и добрыми, надъ вѣрующими и невѣрующими, и каждый человѣкъ можетъ думать о религіи, какъ хочетъ. Но несомнѣнно, мы вступаемъ въ совершенно новый періодъ религіозной жизни Россіи, рѣзко отличающійся отъ всѣхъ прежнихъ. Что будетъ дальше, пока покрыто мракомъ неизвѣстности, но можно съ увѣренностію сказать, что, благодаря новому вѣроисповѣдному закону, не болѣе какъ чрезъ 20—30 лѣтъ Россія покроется сѣтью самыхъ разнообразныхъ отдѣльныхъ сектантскихъ религіозныхъ общинъ.

Послѣ изданія упомянутыхъ законовъ сектанты разныхъ фракцій тотчасъ же самымъ широкимъ образомъ воспользовались въ цѣляхъ пропаганды своихъ религіозныхъ ученій

объявленной вѣроисповѣдной свободой. Такъ, старо-молокане устроили на Кавказѣ и въ Крыму всероссійскіе съѣзды молочанъ; торжественно отпраздновали измышленный ими столѣтній юбилей секты. Въ многолюдныхъ юбилейныхъ собраніяхъ произносились зажигательныя рѣчи, раздавался дѣятельный призывъ къ пропагандѣ молочанскаго ученія.

У штундо-бантистовъ образованъ цѣлый комитетъ, состоящій изъ нѣсколькихъ разѣздныхъ миссіонеровъ. Каждый изъ этихъ миссіонеровъ обслуживаетъ порученный ему районъ, пользуясь для пропаганды своего религіознаго ученія тѣми способами и средствами, какіе онъ найдетъ для данной мѣстности болѣе подходящими. Такъ, напр., вскорѣ же послѣ манифеста 17 апрѣля, въ нѣмецкихъ колоніяхъ Бердянскаго уѣзда стали появляться пріезжіе пропагандисты баптизма, собирали въ земскую школу (!) православныхъ рабочихъ и проповѣдывали имъ свое лжеученіе.

Иногда сектантскіе миссіонеры находятъ болѣе цѣлесообразнымъ открыть въ данной мѣстности какую-либо лавочку, магазинъ, мастерскую, часто совершенно не нужную. Начавъ съ посѣтителемъ свой разговоръ обыкновенно о матеріальныхъ нуждахъ, хозяинъ незамѣтно потомъ переходитъ и къ нуждамъ духовнымъ. Кончается такое собесѣдованіе, большею частію, приглашеніемъ побывать на молитвенныхъ собраніяхъ „вѣрующихъ“. Но чаще сектантскіе проповѣдники практикуютъ такой способъ пропаганды. Въ намѣченномъ пунктѣ нанимаютъ большое помѣщеніе и оповѣщаютъ православное населеніе печатными афишами, что тогда-то состоится торжественное, съ чуднымъ ивѣніемъ прекрасно-организованнаго хора, собраніе „истинныхъ евангельскихъ христіанъ“. Для большей убѣдительности присутствующей на собраніи публикѣ раздается бесплатно чай, о чемъ тоже объявляется въ афишахъ. Такія собранія въ прошломъ году были устроены во многихъ мѣстахъ Крыма. Ихъ, какъ новинку, посѣщаетъ масса любопытныхъ и не только православныхъ, но и иновѣрцевъ. Къ несчастью, для нѣкоторыхъ изъ неутвержден-

ныхъ въ православіи это любопытство бываетъ роковымъ...— Открытое нападеніе на православную паству не есть случайное явленіе, а строго обдуманнй планъ, выработанный все-россійскими съѣздами сектантовъ въ Петербургѣ, въ Ростовѣ на Дону. То, что происходитъ въ Крыму, продѣлывается, по газетнымъ сообщеніямъ, въ Омскѣ, Одессѣ, Повочеркасскѣ, почти во всей Россіи.

Теперь въ Астраханкѣ, Бердянск. у., Тавр. г. готовится открытіе штундо-баптистской семинаріи. Пока же въ видѣ опыта открыто нѣчто въ родѣ миссіонерскихъ курсовъ. Предположено также открытіе въ разныхъ городахъ нѣсколькихъ „проповѣдническихъ домовъ“. Въ качествѣ ораторовъ будутъ вызваны искусные въ словѣ заграничные баптистскіе миссіонеры („Колоколь“ № 349).

По мѣстамъ сектанты открываютъ воскресныя школы для дѣтей. Въ школы, понятно, принимаются дѣти не только сектантовъ, но и православныхъ. Для совращенія послѣднихъ, главнымъ образомъ, и открываются эти школы. Такая школа имѣется, между прочимъ, въ Симферополѣ.

Зная, далѣе, какимъ могучимъ средствомъ для совращенія служить оказаніе матеріальной помощи бѣднымъ православнымъ, штундо-баптисты для большаго успѣха своей благотворительности, носившей доселѣ случайный характеръ, дали ей совершенно правильную организацію, учредивши двѣ центральныя кассы взаимопомощи — одну въ Ростовѣ, другую въ Астраханкѣ, Бердянскаго у., со множествомъ отдѣленій. Можно указать массу примѣровъ, какъ сектантская благотворительность служила средствомъ для совращенія. Для иллюстраціи авторъ указанной статьи приводитъ одинъ, дѣйствительно, выдающійся случай въ Ялтѣ, съ нѣкоей А. К. Тяжелая жизненная драма поставила ее въ совершенно безвыходное положеніе; и въ то время, когда А. К. матеріально и духовно гибла, никто изъ православныхъ, — ни изъ пастырей, ни изъ мірянъ, не откликнулся, не подаль ей руку помощи; одни „евангельскіе христіане“ (штундисты) нашли ее и спас-

ли отъ голода. Но что значила, по словамъ К., матеріальная поддержка, какую оказали ей штундисты, въ сравненіи съ тѣми благами душевными, какія она получила отъ сектантовъ. „Какимъ справедливымъ укоромъ, говоритъ авторъ, всѣмъ намъ православнымъ, а особенно пастырямъ Церкви, звучить каждое слово этой погибшей для православія семьи... „Никто изъ православныхъ,—ни пастыри, ни овцы, не протянули руку помощи, не отозвались на вопли и крики погибавшихъ“... Говорила А. К. И правда... Мы, занятые своими обычными дѣлами, даже и не подозрѣвали, что тутъ около насъ, гибнуть наши же братья... А сектантовъ вотъ сравнительно маленькая горсточка, нѣсколько десятковъ, что капля въ морѣ, среди православныхъ г. Ялты, и вдругъ они нашли нуждающихся, поддержали, помогли и залучили въ свою общину“...

Несомнѣнно, это произошло потому, что тамъ сильна общинная организація; тамъ каждый членъ представляетъ живую дѣйствующую единицу, живущую интересами своей общины. Случаевъ отпаденія отъ православія, подобныхъ описанному, будетъ вездѣ еще много, и они будутъ повторяться до тѣхъ поръ, пока наши приходы не заживутъ дѣйствительно приходской жизнью, пока наши прихожане не проикнутся интересами Церкви въ полномъ смыслѣ этого слова, пока пастыри Церкви будутъ не формальными только требоисправителями, а дѣйствительно станутъ пасти стадо Божіе, назирающе за нимъ непринужденно, а охотно.

Во второй половинѣ статьи авторъ ся обращаетъ вниманіе еще на одно обстоятельство, явившееся результатомъ новаго вѣроисповѣднаго закона. Высочайшій манифестъ 17 октября 1905 г. и Высочайшій указъ 24 ноября т. г., отмѣнившій предварительную цензуру, еще больше лишили Православную Церковь той виѣшней охраны чистоты ея ученія, какою она ранѣе пользовалась, и усугубили тѣ разрушительныя силы лжеученій, которыя теперь направятъ противъ нея всѣ свои козни. Всякій, даже мало наблюдатель-

ный человекъ, не можетъ не обратить вниманія на все болѣе и болѣе распространяющееся невѣріе нашей интеллигенціи, на антихристіанскій духъ въ наукѣ, искусствахъ, печати и направленіи культуры. Невѣріе, антихристіанское отрицательное направленіе жизни—это уже внутренніе враги Церкви, но эти враги могутъ оказаться гораздо опаснѣе враговъ внѣшнихъ.

Развивающееся въ наше время безбожіе силится получить преобладающее господство надъ всѣмъ, не исключая и сектантства, чтобы сразу разрушить все—и Церковь и государство, религію и даже науку, хотя и прикрывается въ своемъ разрушеніи именемъ науки.

Въ этомъ отношеніи чрезвычайно характеренъ одинъ мало кому извѣстный фактъ. Въ газетѣ „Riga Avise“ былъ напечатанъ слѣдующій текстъ резолюціи сѣзда латышскихъ народныхъ учителей: „Обученіе религіи подлежитъ исключенію изъ школы: нужно принимать все мѣры къ тому, чтобы развивать въ учащихся матеріалистическія воззрѣнія, нужно всячески унижить Церковь въ глазахъ народа“. Извѣстіе это никого не всполошило, едва даже было замѣчено: такъ привыкли мы къ несообразностямъ! (Соврем. Лѣтопись № 29).

Тяжелое и опасное время наступило для Православной Церкви: положеніе Церкви—это положеніе корабля, плавающего среди подводныхъ камней. Такое положеніе настоятельно требуетъ прежде всего отъ пастырей напряженнаго „вниманія къ себѣ и своему стаду“. Всѣмъ православнымъ, а пастырямъ особенно, нужно проникнуться мыслию, что теперь необходима сила иная, сила внутренняя, духовная, сила ученія животворнаго, согрѣтая огнемъ любви евангельской; сила кроткая, которой каждая овца дорога, какъ родное дитя, которая (сила), по притчѣ Спасителя, оставляя девяносто девять овецъ не заблудшихъ, старается отыскать одну пропавшую. Пастыри теперь должны хранить, какъ зѣницу, всѣхъ вѣранныхъ ихъ попеченію чадъ Церкви; должны неослабно учить и наставлять ихъ съ настойчиво-

стію и терпѣніемъ; приближать къ себѣ и къ Церкви, учить всѣхъ, особенно малолѣтнихъ, нѣжный возрастъ которыхъ наиболѣе податливъ и воспріимчивъ къ поученію, вѣрѣ и нравственности. Этимъ и только этимъ, главнымъ образомъ, они привяжутъ къ Церкви крѣпкими неразрывными узами своихъ чадъ, сдѣлаютъ невозможнымъ отпаденіе послѣднихъ отъ православія и Церкви въ какое-либо другое ученіе, въ другую общину...

Е. Р.

ЗАМѢТКИ.

а) Къ благочинію въ церкви.

Въ Юхновскомъ уѣздѣ Смоленской епархіи была избрана особая комиссія для обсужденія вопросовъ, связанныхъ съ ослабленіемъ дисциплины въ храмахъ. Комиссія состояла изъ представителей духовенства и мірянъ (церковныхъ старость). По обсужденіи вопросовъ комиссія пришла къ слѣдующимъ заключеніямъ:

1. Священно-служители не должны входить въ алтарь съ палками, зонтами (указ. Св. Синода 1804 г. 5 сентября; пол. собр. зак. № 2544) и въ грязной обуви: все это нужно оставлять внѣ алтаря.

2. Для совершенія проскомидіи неперемѣнно быть священнику облаченнымъ въ ризу.

3. Въ это время въ ризѣ не выходитъ безъ служебной нужды изъ алтаря, даже на клиросъ; во время богослуженія въ алтарѣ не разговаривать больше шопота, и то по нуждѣ.

4. Изъ алтаря не открывать сѣверныхъ и южныхъ дверей и катапетасмы, чтобы высматривать народъ.

5. Не опираться на престолъ и жертвенникъ.

6. Изъ алтаря не подпѣвать пѣвчимъ, равно стоя на срединѣ храма во время литіи, отпѣванія умершихъ, молебновъ и прочее. Это производитъ непріятное впечатлѣніе на молящихся, тѣмъ болѣе, что подпѣвающей рѣдко попада-

еть въ строй хора, а въ тактъ—никогда. Между тѣмъ, розни и не выговаривая слоги одновременно съ пѣвчими, доброволецъ-пѣвецъ остается въ пріятномъ заблужденіи относительно своего вокальнаго таланта.

7. Не отдавать приказаній кому бы то ни было вслухъ во время богослуженія, тѣмъ болѣе не прерывать его, хотя бы на клиросѣ была допущена какая-либо ошибка, напр. псаломщикъ запѣлъ бы „Господи воззвахъ“ не въ тотъ гласъ, или не тотъ тропарь; но сдѣлать указаніе незамѣтно, чтобы ошибка не вышла бласною въ глазахъ мозащихся.

8. При двух- и трехкомpletныхъ причтахъ въ дни великихъ праздниковъ и торжествъ священникамъ обязательно служить соборнѣ, наблюдая благопристойность, благоприличие и порядокъ, т. е. взаимные поклоны послѣ возгласовъ младшихъ старшему и отвѣтные послѣдняго первымъ, одновременно молитвенное поклоненіе предъ престоломъ, иконами и прочее. Къ немалому соблазну младшіе по лѣтамъ и времени службы священники уклоняются отъ соборнаго сослуженія съ старшимъ изъ-за того, что должны занимать второе или третье мѣсто. Отъ этого и происходитъ полное незнаніе порядка соборнаго служенія, что кому произносить, какъ стоять, и при случаяхъ, когда бываетъ неизбѣжно служеніе соборомъ, такіе новички производятъ непріятное замѣшательство въ службѣ.

9. При кажденіи священника съ діакономъ вокругъ престола, стола при водоосвященіи и вселенскихъ панихидахъ, гроба покойника, дѣйствованіе кадиломъ нужно начинать не прежде, чѣмъ какъ діаконовъ станеть на противоположную сторону; при этомъ одновременно тотъ и другой дѣлаеть поклоненіе. Иначе выходитъ безпорядочное бѣганье священника за діакономъ, если первый начинаетъ дѣйствовать кадиломъ, не дождавшись установки діакона на противоположной сторонѣ, и священникъ кадитъ, будто догоняеть діакона; діаконовъ тоже долженъ согласовать свои движенія со священникомъ.

10. Не слѣдуетъ въ праздничные и воскресные дни безъ нужды дѣлать длительные промежутки послѣ утрени до начала литургіи. Есть священники, которые благодаря своей неповоротливости, самодурствуютъ надъ народомъ,—дѣлають удлиненныя отсрочки начала литургіи, которая изъ-за этого оканчивается горяздо за полдень. При такихъ порядкахъ возникаетъ естественный ропотъ въ прихожанѣхъ, которые охладѣвають къ посѣщенію церквей.

11. Священники и діаконъ въ пути по желѣзнымъ дорогамъ въ городахъ должны быть въ рясахъ и отпудъ не съ заплетенными волосами; вообще въ одеждѣ должны наблюдать благоприличіе.

12. Въ двух- и трехкомлетныхъ причтахъ священники должны исполнять одинъ за другого служебныя обязанности, не заставляя прихожанина ждать непремѣнно своего приходскаго священника, въ случаѣ его отлучки,—это правило должно имѣть примѣненіе и къ псаломщикамъ. Для доходовъ въ церкви въ воскресенье и праздничные дни отъ молебствій, панихидъ и проскомидій должна быть общая кружка для всѣхъ священниковъ.

13. Запись доходовъ въ реестръ должна быть извѣстна каждому члену причта.

14. Діаконъ и псаломщикъ должны быть почтительны къ священникамъ, принимать отъ' нихъ благословеніе, по первому зову священника являться къ исполненію требъ.

15. Во всѣхъ служебныхъ отношеніяхъ исполнять правила инструкціи, изданной епархіальнымъ начальствомъ въ 1889 году.

16. Ни діаконъ, стоя на амвоѣ, ни псаломщикъ съ клироса не должны обращаться назадъ и разглядывать стоющихъ въ храмѣ.

17. На клиросѣ псаломщикъ не должны, навались на столикъ, читать и пѣть.

18. Діаконъ должны чистить сосуды, обметать пыль съ престола, жертвенника, царскихъ вратъ.

19. За ключами передъ службою долженъ приходить къ священнику церковный сторожъ и совмѣстно съ исадомщи-комъ отворять церковь.

20. При служеніи молебновъ съ акаѳистами въ прихо-дѣ въ чтеніи ихъ должны помогать священнику діаконы.

21. Церковное вино должно цюкунаться старостами не ниже 2 руб. за $\frac{1}{4}$ ведра.

22. Церковныя суммы должны быть извѣстны членамъ причта, и при ихъ расходованіи старосты должны совѣщать-ся съ ними.

23. Деньги на взносы и на выписку для церквей книгъ, согласно 22 § инструкции для старостъ, должны вы-даваться старостами безирекословно, по указанію причта.

24. При этомъ старшимъ членомъ причта должны предъ-являться соотвѣтственные указы или постановленія съѣздовъ и другихъ учрежденій, а по отсылкѣ денегъ—оправдательные документы.

25. При старостовскихъ ящикахъ не заводить ненуж-ныхъ разговоровъ, за чѣмъ должны слѣдить старосты, со-гласно 22 § пункта 10 инструкции для старостъ.

26. Священники совмѣстно со старостами должны при-нимать всевозможныя мѣры къ прекращенію въ храмѣ раз-говоровъ и шума, когда идетъ богослуженіе. Если мѣры, какъ, напр., частное проповѣданіе о благопристойности въ храмѣ, замѣчанія тѣмъ, кто особенно выдается своимъ бла-знымъ поведеніемъ въ немъ, не поведетъ къ искорененію этого зла, то значительно ограничать его. Въ этомъ случаѣ не будетъ неумѣстнымъ сожалѣніе, что въ православныхъ храмахъ нѣтъ особаго института блюстителей порядка и ти-шины при богослуженіи, которые имѣются въ костелахъ. („Совр. Лѣт.“ № 35).

В) Изъ постановлений приходскаго совѣта с. Урахи, Ланшевскаго уѣзда.

1) Въ видахъ большаго назиданія молящихся въ храмѣ, приходскимъ совѣтомъ выражено желаніе, чтобы на литургіи, вслѣдъ за чтеніемъ апостола и евангелія, было предлагаемо толкованіе прочитаннаго въ формѣ доступной пониманію мірянъ, какъ это ведется тамъ на старообрядческихъ собраніяхъ „къ писанію“... 2) Рѣшено ввести за литургіей всеобщее пѣніе Символа вѣры, Достойно и молитвы Господней... 3) Наблюденіе за порядкомъ и благочиніемъ въ храмѣ приняли на себя члены приходскаго совѣта. Борьбу съ нарушеніями благочинія постановлено вести путемъ деликатныхъ замѣчаній и внушеній. Точно такую же мѣру воздѣйствія рѣшено принять и по отношенію къ тѣмъ лицамъ, которыя въ домахъ не снимаютъ шанокъ и, входя въ какой-либо домъ, не осѣniają себя крестнымъ знаменіемъ. На этомъ неблагоповеденіи не трудно видѣть вліяніе раскола... 4) Съ объявленіемъ вѣротерпимости и свободы совѣсти тамъ усилилась старообрядческая пропаганда. Противъ нея рѣшено бороться ихъ же оружіемъ: какъ у старообрядцевъ всякая баба является миссіонеромъ, такъ и у насъ миссіонерскими сотрудниками будетъ нѣсколько женщинъ, вообще всякій, кто интересуется вопросами вѣры и благочестія и кто ближе стоитъ къ жертвѣ, намѣченной раскольниками, или же къ раскольнику, склонному перейти къ православію. Приходскимъ совѣтомъ признано необходимымъ въ то же время, усилить собесѣдованія со старообрядцами, въ виду разныхъ брожений въ ихъ средѣ, которыя могутъ быть чреваты разными неожиданными, опасными для православныхъ (Яросл. епарх. вѣдомости).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 15-го октября 1907 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 43.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года октября 28-го дня.

Содержаніе: I. Къ предстоящему собору. — II. Къ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего Іоанна Златоуста, архіепископа Константинопольскаго. (Продолженіе). — III. О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара. (Продолженіе). — IV. Наша церковная жизнь. Опечатка.

Къ предстоящему собору.

(Замѣтка изъ области древней южно-русской богослужебной практики).

Постоянные церковные соборы были, можно сказать, обычнымъ явленіемъ въ жизни южно-русской Православной Церкви, въ особенности за XVI и XVII столѣтія. Неудивительно, поэтому, что южно-русская богослужебная практика выработала рядъ особыхъ молитвенныхъ возгласеній, припоровленныхъ на случай созыва церковнаго собора. Такого рода молитвенныя возгласенія пришлось намъ встрѣтить въ рукописномъ приложеніи къ одному экземпляру южно-русскаго служебника 1629 года, принадлежащему библиотекѣ

Кіево-Печерской Лавры ¹⁾. Названное рукописное приложение носит такое заглавіе: „Събраніе нужныхъ и благопотребныхъ ектеній. На проскомидіяхъ приношеній. Прокименовъ же и Аллилуаріевъ. Апостоловъ же и Евангелій, по евангеліяхъ же Ектеній, и Причастень, в'различныхъ потребахъ, нуждахъ же и бѣдахъ, по временѣ прилучающихся, на Божественной же Литургіи, на Бдѣніяхъ, на Литіяхъ, на молебнахъ и на иныхъ церковныхъ службахъ Утреннихъ же и Вечернихъ бываемыхъ“. Это рукописное прибавленіе къ названному служебнику (какъ видно и изъ приведеннаго обширнаго надписанія), заключаетъ въ себѣ рядъ проскомидійныхъ молитвъ, ектеній, прокимновъ, апостольскихъ и евангельскихъ чтеній на разные случаи общепародныхъ моленій, какъ напр., „въ нашествіе варваровъ“, „во время губительства и напрасныя смерти“, „во время бездождія и безведрія“ и т. п. Всѣ эти молитвенныя возгласенія тѣ же самыя, что помѣщаются теперь въ „книгѣ молебныхъ пѣній“ и въ іерейскомъ молитвословѣ. Но въ ряду этихъ молитвословій, обычныхъ и для современной богослужебной практики, есть нѣсколько послѣдованій, уже не вошедшихъ въ новонаправленные богослужебныя книги, хотя весьма интересныхъ. Таковы—ектенія и молитвы „о призваніи Св. Духа, внигда посылати братію на проповѣдь Божественнаго Евангелія“, „О свободженіи подъ игомъ работы Агарянскія сущихъ“, „О разграбляющихъ имѣнія церковныя“ и въ особенности интересное послѣдованіе „О призваніи Святаго Духа въ началѣ Собора митрополитанскаго или епископскаго и черезъ вся дни, дондеже совершится соборъ“ ²⁾.

Въ виду не только научнаго интереса, но, быть можетъ, и возможнаго практическаго значенія этого необычнаго чинослѣдованія, приводимъ его въ полномъ видѣ.

¹⁾ По новой размѣтѣ служебникъ этотъ помѣченъ знакомъ Ш³/₁₃.

²⁾ Занимаетъ мѣсто въ означенномъ приложеніи на листахъ 1—4.

„На Проскомидіи Божественныя Литуріи, егда митрополита или епископа соборующаго поминаети о іерею, глаголи сіе¹⁾: Господи Ісусе Христе Боже нашъ пріими жертву сію въ оставленіе грѣховъ раба Твоего Преосвященнаго Архіепископа нашего всея Россіи Митрополита, имярекъ, или: Боголюбиваго Епископа нашего, имярекъ, *Аще съ митрополитомъ суть мнози Епископи, глаголи и сіе:* и Боголюбивыхъ Епископовъ, имярекъ, и весь Причетъ церковный на святой соборъ сей во имя Твое събранныхъ, и низпосли имъ благодать Святаго Твоего Духа, къ благому и полезному съвѣтованію въ семъ еже на пользу и утвержденіе Православно-каолическія вѣры. Благочестія же и Церковнаго благочиія и всякаго душеполезнаго устроенія, ко умноженію и разширенію великолѣбныя славы пресвятаго Имени Твоего.

И възмъ часть полагаетъ ю чинно во своемъ ряду на Святомъ Дискось.

Въ началъ же Божественныя Литуріи изрекъ о іерею обычно Благословенно царство

Абіе глаголи ектенію сію:

Миромъ Господу помолимся.

О свышнемъ мирѣ...²⁾

О мирѣ всего мирѣ...

О святѣмъ храмѣ семъ...

О преосвященномъ Архіепископѣ нашемъ всея Россіи Митрополитѣ имярекъ; или: о Боголюбивомъ Епископѣ нашемъ имярекъ, *Аще же съ Митрополитомъ суть мнози Епископи глаголи:* и Боголюбивыхъ Епископовъ, имярекъ, Честномъ презвитерствѣ, о Христѣ діаконствѣ, веѣмъ причтѣ и людехъ на святой съборъ сей въ имя Господне собранныхъ, Господу помолимся.

¹⁾ Курсивомъ обозначаемъ текстъ, писанный киноварью. Слова подъ титломъ для удобства приводимъ полностью.

²⁾ Обычныя прошенія великой ектеніи, приведенныя въ рукописи полностью, мы обозначаемъ только начальными словами.

О Благочестивомъ Царѣ и великомъ Князѣ...

О еже глаголати мирная и благая всегда въ сердцахъ ихъ о Церкви своей и о всѣхъ людехъ своихъ, Господу помолимся.

О еже пособити и покорити...

О избавленіи плѣнныхъ отцевъ и братій нашихъ, и о еже разорити и искоренити вся ереси и отступства и насадити всюду Правовѣріе и Благочестіе. Разрушити же Агарянское Богохульное зловѣріе, со Богоборнымъ ихъ Царствомъ, воздвигнути же тамо и насадити воскорѣ прежнее Царство и благочестіе Христіанское, Господу помолимся.

О градѣ семь...

О благораствореніи воздухъ...

О плавающихъ...

Сія о призываніи Святаго Духа со умилениемъ и всякимъ вниманіемъ глаголю:

О освященіи душъ и тѣлесъ всѣхъ насъ, сошедшихся во имя Господне на Святый Соборъ сей и предстоящихъ во святомъ и всечестномъ храмѣ семь, и желающихъ Благодати Святаго Духа сподобитися, Господу помолимся.

О еже очиститися намъ отъ всѣхъ согрѣшеній нашихъ и сподобитися быти храмомъ и жилищемъ Святаго Духа, Господу помолимся.

О еже сохранити намъ вѣру православному католическую непорочно, любовь нелицемѣрну, и надежду недвижимо благодатию Пресвятаго Духа, Господу помолимся.

О еже пріити на ны благодати и дару Пресвятаго Духа и просвѣтити сердца и разумы наша свѣтомъ истиннаго своего богоразумія ко утверженію Православно-католическія вѣры и благочестія, Господу помолимся.

О еже Духа премудрости, разума же и всякаго совѣта благаго ко утверженію Православно-католическія вѣры, благочестія же и церковнаго благочинія правителемъ церковнымъ благодатию своею подати, Господу помолимся.

О еже согласно во единомысліи кромѣ всякаго междо-собнаго разпогласія и раздѣленія, вся еже къ утвержденію Церкви Своея Святыя, совѣтовати же и составити силою, дѣйствомъ и благодатію Пресвятаго Духа, Господу помолимся.

О еже подати намъ слово во устѣхъ и силу во словесѣхъ, крѣпость же и мужество, во искорененіе всякоя ереси, хулы же лукавства, злочестія же и всякаго безчинія, въ насажденіе правыя вѣры и благочестія и всякаго церковнаго благочинія и благихъ правовъ, благодатію Пресвятаго Духа, Господу помолимся.

О еже усышати насъ грѣшныхъ прилежныя сія моленія и милостивно исполнити я, Господу помолимся.

О еже избавитися намъ...

Заступи и спаси...

Пресвятую Пречистую...

Терей же обычно совершаетъ вся по чину Божественныя Литургія даже до входа со евангеліемъ, по входѣ же поютъ: тропарь сей гл. 8. Благословенъ еси Христе Боже нашъ... Слова, кондакъ: Егда сошедъ языки размѣси... и нынѣ: Заступнице Христіаномъ...

Предъ чтеніемъ же Апостола отпѣвше прокименъ дневный, поютъ прокименъ сей, гласъ 4. Духъ Твой благій поставитъ (тя) на землю праву. Стихъ: Сердце чисто созижди въ насъ Боже и духъ правый обнови во утробахъ нашихъ. II по семъ читается апостолъ дневн, по дневномъ же абіе сей гл. Коринѳомъ, зачало 153. Начало его сіе: Братіе, вы есте Тѣло Христово и уди отчасти. Конецъ же: Любы николиже отпадаетъ. Аллелуія же по гласу стихъ: не отверзи насъ отъ лица Твоего и Духа Святаго Твоего не отъими отъ насъ. Евангеліе отъ Матѳея зач. 75. Начало его сіе: Рече Господь, блюдите, да не презрите единаго отъ малыхъ сихъ. Конецъ же: Но до семедесять кратъ седмицею. На эктениіи же великой по евангелію (sic) глаголи, сію же и на молебнѣ и на литіи глаголи: Еще молимся о Преосвященномъ Архіеписко-

пѣ нашемъ всея Россіи Митрополитѣ, *и мѣрекѣ*; *Аще же при немъ суть епископи глаголю:* и о боголюбивыхъ Епископехъ, *и мѣрекѣ*, *Аще же на епископскомъ соборѣ сіе рчи:* о Боголюбивомъ Епископѣ нашемъ *и мѣрекѣ* II всѣмъ причтѣ церковномъ на святой Сѣборѣ сей во имя Господне събранномъ, о еже Господу Богу нашему низпослати имъ благодати и дару Пресвятаго Духа и просвѣтити ихъ разумъ свѣтомъ своего богоразумія и истины, и уста ихъ и языкъ изъяснити, въ еже съгласно и единомысленно вся яже къ умноженію великолѣпныя славы имени Его святаго, къ утвержденію же Православно-кафолическія вѣры, созиданію же вѣрныхъ людій и устроенію церковнаго благочинія и благихъ нравовъ, въ искорененіе и потребленіе всякоя ереси, безчинія же и злочестія совѣтовати, глаголати же и исправляти и съвершено составити силою и дѣйствомъ и пришествіемъ Святаго Духа. *Пѣвцы же умиленно высочайшимъ гласомъ поютъ Господи помилуй 3-жды. Терей же или діакоуз совершаетъ обычно вся ектенія и всю Божественную службу по чину ея до конца. Причастенъ же отпѣвши дневный поютъ и сей на гласъ 8: Духа Твоего Святаго не отъими отъ насъ молимтися, человекѣколюбче. Аллилуія 3-жды.*

Сообщилъ В. Пр.

**Къ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего
Іоанна Златоуста, архіепископа константинополь-
скаго († 14 сентября 407 г.).**

(Продолженіе ¹⁾).

І. Когда у богатой и знатной христіанской четы—во-
своды Секунда и образованной жены его Анеусы въ Антиохіи
родился (347 г.) сынъ Іоаннъ, то можно ли было думать,
что изъ него выйдетъ въ будущемъ великій пастырь и отецъ

¹⁾ См. № 42-й за 1907 г.

Церкви? Если судить объ этомъ только съ обычной точки зрѣнія—карьеры, то можно бы было и усумниться.

Пастырское служеніе въ ту пору съ житейской стороны не могло считаться завидной карьерой. Церковь Христова, восторжествовавъ при императорѣ Константинѣ Великомъ (съ 311 г.) надъ внѣшними врагами, должна была еще долгое время бороться съ внутренними, посягавшими на чистоту ея вѣры, авторитетъ іерархіи и святость христіанской жизни. Въ теченіе всего IV вѣка шла ожесточенная борьба христіанства съ аріанскою ересью. Пастырямъ Церкви приходилось много страдать отъ злоумышленій еретиковъ. Правительство долгое время (со времени смерти Константина Великаго въ 337 г. до вступленія на престолъ Θεодосія I Великаго въ 379 г.) была на сторонѣ ереси. Христіанское общество потеряло прежнюю крѣпость и цѣльность въ своемъ составѣ съ тѣхъ поръ, какъ въ него вошли сразу многіе недостойные члены, которые были только по имени христіанами, а по жизни и тайнымъ убѣжденіямъ еще не оставили старой закваски языческой. Не было единства не только между мірянами, но иногда и между пастырями; среди нихъ часто господствовало взаимное недовѣріе и подозрѣніе. Жизнь христіанскаго пастыря въ то время, представляла цѣль различныхъ испытаній. Пные ревностные епископы принуждены были много лѣтъ влачить жизнь въ изгнаніи и связанныхъ съ ними бѣдахъ и скорбяхъ (напр. Кириллъ Іерусалимскій, Григорій Нисскій и др.). И можно ли сравнить по благополучію и выгодамъ тогдашнюю службу пастырскую съ свѣтской чиновной карьерой, ожидавшей Іоанна впереди, особенно въ виду его знатнаго происхожденія и открывшихся въ немъ со временемъ блестящихъ способностей? Самому св. Іоанну въ послѣдствіи, конечно, это громадное различіе того и другого пути было очевидно: съ одной стороны—блескъ положенія, внѣшнее величіе, мірская слава, общес поклоненіе, а съ другой—непрестанный трудъ, борьба съ заблужденіемъ, невѣріемъ и злобою, поношеніе,

изгнаніе и другія испытанія. И однако св. Іоаннь съ возрастомъ рѣшительно склонился на второй, тернистый путь апостольскихъ трудовъ, лишеній и скорбей правды ради Евангельской, не прельстился открывавшимися предъ нимъ выгодами свѣтской службы, и пошелъ по избранному имъ пути твердо, безъ сожалѣнія и колебаній. Что же было причиной такого оборота въ жизни св. Іоанна?—Первымъ и прочнымъ основаніемъ направленія, такъ плодотворно раскрывшагося въ послѣдующей жизни и дѣятельности св. Іоанна Златоуста, было его семейное воспитаніе. Родители его были не такими, какіе случались перѣдко въ то переходное время, безъ твердой и глубокой вѣры, а истинные и дѣйствительные христіане, преданные всей душой св. Церкви. Для нихъ, конечно, религія, вѣра не была только вывѣской, ярлыкомъ, который они готовы были бы и спрятать или измѣнить, смотря по обстоятельствамъ, а составляла существенный элементъ жизни. Мать Іоанна Анѳуса, на которую легло всею тяжестью бремя заботъ о сынѣ, вслѣдствіе ранней смерти ея мужа, была именно такой, которая и сама смотрѣла серьезно на религію и жила вѣрою, и сыну своему внушила такой же взглядъ и внѣдрила такое же настроеніе. Любя сама читать Св. Писаніе, въ которомъ она находила утѣшеніе себѣ въ своемъ вдовствѣ, Анѳуса передала эту любовь и сыну. Первые слова, которыя онъ научился подъ ея руководствомъ складывать и читать, были слова Св. Писанія. Къ слову Божію онъ, несомнѣнно, обращался и потомъ по совѣту своей матери. Эти внушенія на всю жизнь напечатлѣлись въ душѣ Іоанна, и если онъ впоследствии самъ постоянно, такъ сказать, дышалъ и питался Словомъ Божіимъ и истолкованіе его сдѣлалъ однимъ изъ главныхъ подвиговъ своей жизни, то этою любовію онъ также несомнѣнно обязанъ своей благочестивой матери. Вліянію Анѳусы св. Іоаннь обязанъ и близкимъ участіемъ и интересомъ къ выдающимся событіямъ церковной жизни еще въ дѣтскій періодъ его жизни. Такъ, изъ его сочиненій видно, что онъ,

еще будучи отрокомъ, принималъ весьма близко къ сердцу страшныя событія въ жизни Церкви, происшедшія при посѣщеніи Антіохіи Юліаномъ Отступникомъ (363 г.). Но еще болѣе вліяніе матери на Іоаннѣ выразилось въ томъ серьезномъ взглядѣ на жизнь, который замѣчается въ немъ уже на первыхъ порахъ его школьнаго ученія. Этимъ объясняется и стойкость его убѣжденій, проявившаяся въ немъ во время ученія и въ школѣ ритора Ливанія и въ школѣ философа Андрагаѳа. Св. Іоаннѣ вполне усвоилъ преподававшіяся тамъ науки, но ничего не уступилъ изъ своихъ христіанскихъ убѣжденій,—твердость, которой не могъ не уважать и самъ ретивый поборникъ язычества Ливаній. Та же наслѣдованная отъ матери серьезность взгляда на жизнь дала ему возможность понять суетность сего міра съ его страстями, неправдами и злобою и несоотвѣтствіе его съ идеаломъ божественнымъ, въ ту пору, когда онъ былъ уже славнымъ адвокатомъ, и когда ему въ будущемъ улыбались успѣхи по службѣ, почести, богатство и слава; и вотъ, вопреки этимъ естественнымъ ожиданіямъ въ будущемъ, св. Іоаннѣ рѣшилъ оставить этотъ міръ, чтобы всецѣло посвятить себя на служеніе Богу и осуществленіе того духовнаго совершенства, которое стало потребностію души его. Правда, онъ еще не могъ, ради своей матери, оставить этотъ міръ, но уже здѣсь виденъ рѣшительный поворотъ юнаго Іоанна къ посвященію себя на служеніе св. Церкви. Теперь онъ, еще живя въ домѣ матери, предается подвигамъ благочестія и изучаетъ систематически Св. Писаніе, ставшее для него главнымъ источникомъ, напоющимъ его душу. Онъ посѣщаетъ подвижническую школу, гдѣ Св. Писаніе преподавалось извѣстнѣйшими въ то время учителями—пресвитерами Флавіаномъ и Діодоромъ. Послѣдніе окончательно убѣждаютъ его посвятить себя подвигамъ церковнаго учительства и благочестія. Іоаннѣ послѣдовалъ своему призванію, принялъ крещеніе и посвященіе отъ св. Мелетія, епископа Антіохійскаго, въ чинъ чтеца... Такимъ образомъ направленіе, дан-

ное Иоанну матерью, благочестивою Апоусою, выдержало даже въ мягкомъ, молодомъ возрастѣ его всякія испытанія и привело его къ апостольскому служенію въ духовномъ санѣ.

Окидывая общимъ взглядомъ воспитаніе св. Златоуста, мы видимъ, каковъ долженъ быть естественный, нормальный путь приготовленія добрыхъ пастырей стада Христова. Религіозное воспитаніе, живая вѣра, любовь къ Св. Писанію, живой интересъ къ явленіямъ церковной жизни, серіозность взгляда на жизнь вообще—вотъ качества, какія должно дать воспитаніе будущему служителю Церкви Христовой. Школа, этотъ больной вопросъ и нашего времени, должна быть поставлена и организована такъ, чтобы молодые ростки домашняго религіознаго воспитанія нашли въ ней самую благопріятную почву для своего произрастанія и со временемъ превратились въ крѣпкое дерево. Тогда многіе вопросы современной русской церковной жизни, какъ-то: вопросъ объ оживленіи приходской жизни, проповѣди, о большей близости пастыря съ прихожанами и др., разрѣшились бы сами собою.

II. Служеніе св. Иоанна Златоустаго въ Антиохіи показало въ немъ пастыря добраго во всей красѣ. Въ теченіе 18 лѣтъ службы въ Антиохійской церкви (381—398 г.) въ званіи діакона и пресвитера св. Иоаннъ принесъ такъ много пользы тамошней паствѣ и связалъ себя съ нею такими тѣсными духовными узами, что не возможно было бы говорить объ антиохійцахъ въ это время безъ Златоуста и наоборотъ. Св. Иоаннъ былъ въ собственномъ смыслѣ воспитателемъ и духовнымъ вождемъ антиохійянъ, радѣтелемъ ихъ насущныхъ духовныхъ и тѣлесныхъ нуждъ, отзывчивымъ и участливымъ собесѣдникомъ ихъ съ церковной кафедрой во всѣхъ обстоятельствахъ ихъ жизни, скорбныхъ и радостныхъ, ревностнымъ и неутомимымъ учителемъ вѣры и христіанской жизни. Своею самоотверженною дѣятельностію, проистекавшею изъ горячей любви къ пасомымъ и желанія привести ихъ къ возможному духовному совершенству, св. Иоаннъ такъ привязалъ къ себѣ паству, что она, казалось, и одного дня

не могла жить безъ него: видѣть его среди себя, слушать его, слѣдовать его ученію было ей такъ же необходимо, какъ ѣсть и пить алчущему и жаждущему. Не даромъ объ этомъ пастырѣ заговорили даже въ столицѣ имперіи, Константинополь. Мы не станемъ здѣсь объ этомъ распространяться, а ограничимся лишь вопросомъ: что же помогло св. Іоанну Златоусту пріобрѣсти такую любовь антиохійской паствы?

Конечно, св. Іоаннъ Златоустъ отличался необыкновеннымъ даромъ слова и по личнымъ достоинствамъ своимъ заслужилъ всеобщее уваженіе. Но достаточно ли было всего этого, чтобы пріобрѣсти такое вліяніе на пасомыхъ? Не видимъ ли иногда, какъ пастыръ, способный въ словѣ и даже лично достойный, долго борется съ косностью и холодностію своихъ пасомыхъ и все таки не можетъ похвалиться вліяніемъ на паству? Здѣсь мы отмѣтимъ два обстоятельства въ жизни Златоуста, весьма благопріятствовавшія успѣху его трудовъ и сильному вліянію на пасомыхъ! Это, во 1-хъ, предварительное самоиспытаніе, изученіе своего сердца, размышленіе о своихъ силахъ и обязанностяхъ, лежащихъ на пастырѣ, и во 2-хъ, близкое знакомство съ общественнымъ строемъ, нравственнымъ и матеріальнымъ положеніемъ и характеромъ антиохіянъ.

Св. Іоаннъ еще задолго до своего пастырства размышлялъ надъ вопросомъ: можетъ ли онъ служить въ священномъ санѣ? Онъ отнесся къ этому вопросу такъ же серіозно, какъ и прежде къ вопросамъ о нравственномъ христіанскомъ совершенствѣ. Въ ту пору, когда онъ жилъ въ пустынѣ, общее мнѣніе о немъ въ мѣстныхъ духовныхъ сферахъ было такое, что онъ и его другъ Василій вполне годны и желательны для занятія епископской кафедрой. Даже ходила молва, будто ему скоро предстоитъ избраніе и посвященіе въ санъ епископа. Однако, св. Іоаннъ постарался уклониться отъ этой чести. Очевидно, мнѣніе другихъ о его силахъ и способностяхъ не соответствовали его строгому суду надъ

собою. Онъ пишетъ, въ оправданіе своего поступка и въ утѣшеніе друга Василія (принявшаго предложеніе о епископствѣ только въ виду такого же согласія и св. Іоанна), знаменитыя шесть словъ „о священствѣ“, которыя стали навсегда необходимымъ руководствомъ для всѣхъ пастырей. Здѣсь онъ подробно раскрылъ важныя обязанности, трудности и строгую отвѣтственность, сопряженныя съ пастырскимъ служеніемъ. Онъ указываетъ разнообразныя и часто самыя противоположныя требованія отъ пастыря. Онъ особенно внимательно останавливается на высотѣ пастырскаго служенія и требуемыхъ ею нравственныхъ качествахъ отъ совершителя таинства. Разумѣется, все это прекрасное произведеніе Златоуста было плодомъ самаго серьезнаго съ его стороны обсужденія, строгаго отношенія къ самому себѣ и побужденіемъ къ дальнѣйшему самоиспытанію и самоусовершенствованію. Св. Іоаннъ не напрасно такъ тщательно изслѣдовалъ вопросъ объ обязанностяхъ пастырскаго званія. Мысль о томъ, что ему еще недостаетъ многого для пастырства, побуждала его еще болѣе ревностно заняться своею душою, чтобы восполнить въ ней то, чего въ ней не было, или чего было мало. Правда, не легко человѣку пріобрѣтать желаемое совершенство. Вотъ св. Іоаннъ, уже 5 лѣтъ прослуживши въ санѣ діакона, рукополагается въ санъ пресвитера. Однако, какое и теперь въ немъ смиренное сознаніе своихъ несовершенствъ!—„Неужели,—говоритъ онъ въ словѣ по рукоположеніи, — истинно то, что случилось со мною? Дѣйствительно ли совершилось то, что совершилось, и я не обманываюсь? Неужели настоящее не ночь и сповидѣніе, но дѣйствительно день, и мы всѣ бодрствуемъ? Кто повѣрилъ бы тому, что днемъ, когда люди не спали и бодрствовали, смиренный и презрѣнный юноша вознесенъ на такую высоту?..“

Такъ скромно думалъ о своихъ силахъ самъ св. Іоаннъ Златоустъ, о которомъ скоро заговорилъ весь Востокъ. Строгое самоиспытаніе лишь усиливало въ немъ стремленіе къ

возможному совершенству, а это стремленіе не могло быть безплоднымъ.— Много было бы пользы для дѣла, если бы и теперь кандидаты священства прежде принятія сана серьезно испытывали себя предъ судомъ своей совѣсти, серьезно и глубоко продумывали свое будущее служеніе и хотя бы съ вниманіемъ изучали и прочувствовали шесть словъ „о священствѣ“ св. Златоуста. Въ другихъ странахъ нѣчто подобное есть. Въ Англій, напр., существуютъ особыя пастырскіе институты, въ которыхъ кандидаты священства до рукоположенія обсуждаютъ свое намѣреніе и испытываютъ свои силы.

И. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кеннара.

(Продолженіе ¹⁾).

Глава V.

Психологія слова.

Въ предыдущей главѣ мы показали, что вниманіе есть какъ бы соединительная цѣпь, увлекающая слушателя въ слѣдъ за ораторомъ,—или передаточный ремень, посредствомъ котораго сила оратора приводитъ въ движеніе всѣ колесные приборы сердца и ума. Но оно слабо, какъ наутина, отличаясь этимъ отъ матеріальныхъ цѣпей и зацѣпокъ. Поэтому важно позаботиться о томъ, чтобы оно не подверглось чрезмерному напряженію.

Въ большинствѣ случаевъ вниманіе не только ограничено, но непостоянно и нетерпѣливо, легко подвергается разсѣянности и утомленію. Поэтому, если мы желаемъ, чтобы

¹⁾ См. № 42-й за 1907 г.

наше благовѣстіе дошло до слушателя, прежде чѣмъ онъ пересталъ отдавать ему свое вниманіе, мы должны изучить психологію языка такъ же хорошо, какъ и психологію мысли.

Гербертъ Спенсеръ въ своемъ глубокомъ и тонкомъ этюдѣ о „философій слога“ сказалъ слѣдующее: „если смотрѣть на языкъ, какъ на приборъ символовъ, предназначенныхъ къ передачѣ мысли, то мы можемъ сказать, что здѣсь, какъ и въ механическомъ аппаратѣ, тѣмъ большій будетъ произведенъ эффектъ, чѣмъ больше будетъ простыхъ и хорошо расположенныхъ элементовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ всякое количество силы, воспринятое машиной, пропорціально уменьшаетъ доставленную работу. Слушатель въ каждый данный моментъ владѣетъ только ограниченнымъ количествомъ свободной умственной силы. Распознаваніе и истолкованіе представляемыхъ ему символовъ требуетъ части этой силы; расположеніе и сочетаніе вызванныхъ представлений требуетъ новой части, и одна остающаяся часть можетъ быть употреблена на воспріятіе сознаниемъ переданной мысли“. Если имѣть въ виду этотъ законъ, то представляется очевиднымъ, что *простота, ясность и правильное движеніе* проповѣди въ словахъ и изложеніи имѣютъ существенную важность. Подобно тому, какъ въ трансмиссіи электрической энергіи важно избѣгать утраты тока между двумя соединенными пунктами, такъ и при передачѣ мысли нѣтъ болѣе важнаго вопроса, какъ вопросъ о томъ, *какъ произвести наибольшее впечатлѣніе съ наименьшей затратой вниманія*: потому что всякое количество умственной энергіи, которое слушатель затрачиваетъ на нахожденіе значенія словъ оратора, есть то именно количество, которое онъ не можетъ употребить на воспріятіе всего значенія его мысли.

Хорошо извѣстное изреченіе Талейрана: „языкъ есть средство скрывать мысль“, получаетъ всю свою силу изъ того факта, что хотя слова и служатъ окнами ума, но эти окна не волишь ясныя, а бесконечно измѣняющіяся—отъ прозрачности до совершенной темноты. На этомъ основаніи пан-

томна или зрительный языкъ иногда выше слова. Такимъ образомъ, знакъ руки, призывающій или отталкивающій, указующій палецъ, расширенные глаза и поднятыя брови или поднятіе плечъ передаютъ мысль съ силой и скоростью, которыя могутъ поспорить съ словами. Да и среди словъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр., междометія со всеми ихъ измѣненіями, или такія слова: „несчастный!“ „Ужась!“ не могли бы быть соотвѣтственно переданы сложной фразой.

Итакъ, признавъ, что языкъ, какъ органъ выраженія, по большей части является несовершеннымъ средствомъ передачи мысли и чувства, мы должны стараться отыскать тѣ психическіе законы, посредствомъ соблюденія которыхъ можно сохранить вниманіе. По Г. Спенсеру, секретъ слога состоитъ въ доведеніи до самой слабой степени тренія и инерціи, которыя заключаетъ въ себѣ приложеніе ума къ механизму реторики. Выборъ и расположеніе словъ и фразъ, правильное употребленіе образовъ и всякихъ фигуръ рѣчи, пользование ссылками и даже пропуски и паузы составляютъ часть этого процесса упрощенія“...

Словарь, болѣе изобилующій выраженіями конкретными, чѣмъ отвлеченными, и частными болѣе, чѣмъ общими, будетъ оживлять вниманіе и охранить отъ излишняго умственнаго утомленія.

Еще можно достигнуть нѣкоторой экономіи вниманія соотвѣтственнымъ расположеніемъ словъ въ предложеніяхъ и предложеній въ періодахъ. Учителя реторики предлагаютъ намъ многочисленныя правила сочиненія, обезпечивающія ясность и легкость слога; но нѣтъ нужды изучать садовническое искусство, чтобы быть въ состояніи хорошо расположить грядки въ цвѣтникѣ, и также нѣтъ необходимости усвоить сердцемъ правила реторики для того, чтобы облечь свои идеи упорядоченнымъ слогомъ: естественный вкусъ и инстинктъ придутъ на помощь сужденію человѣка образованнаго и знакомаго съ лучшими писателями. Но тотъ, кто импровизируетъ свои поученія, долженъ еще постоянно упраж-

нять свое перо; оно именно есть орудіе мысли и даетъ уму правильное движеніе. Если имъ пренебрегаютъ, то слогъ дѣлается расплывчатымъ и нескладнымъ; пользованіе же имъ доставить проповѣднику не одно только обогащеніе его запаса словъ, но дать ему и большую легкость въ расположеніи словъ. „Слова, какъ быстрые воздушные служители, легко бѣгутъ въ его распоряженіе и посредствомъ хорошо разставленныхъ нитей, по его волѣ, падаютъ каждое на свой рядъ“ (Мильтонъ „Истинное краснорѣчіе“).

Въ расположеніи признаковъ предмета можно скорѣе возбудить вниманіе, отдавая первое мѣсто тому атрибуту, который показываетъ интересное качество предмета. Напр. „Любовь Божія необъятна“. Сверхъ того, свойства предмета не должны быть многочисленны, ибо усиливаясь одновременно удержать ихъ, умъ утомляется и эффектъ ихъ теряетъ свою силу. *Постепенность* должна быть строго соблюдаема. Лордъ Реймсъ въ своихъ „Elements of criticism“ говоритъ: „для того, чтобы придать наибольшую силу періоду, нужно по возможности оканчивать его словомъ, производящимъ наибольшій эффектъ“. Но это правило имѣетъ много исключеній. Разумный опытъ расположенія различныхъ словъ и предложеній покажетъ, какое изъ нихъ имѣетъ наибольше значенія. Можно, однако, слѣдовать тому общему правилу, что второстепенныя части мысли должны предшествовать главной мысли и сосредоточиваться на ней; этимъ устраняется возвращеніе вниманія назадъ, отчего оно всегда ослабляется.

Слѣдуетъ еще заботиться о *сжатости*. Если краткость есть душа хорошаго слога, то она также и жизнь рѣчи. Аббатъ Ру говоритъ такъ: „мысли суть плоды, слова—листья; оборвемъ листья такъ, чтобы мысль, выставленная на свѣтъ, выгадала въ формѣ, красотѣ и вкусѣ“. Мы скажемъ болѣе: „освѣтимъ листву тамъ, гдѣ она скрываетъ плодъ; но не забудемъ, что слова—кормильцы мысли“.

Затѣмъ слѣдуютъ различныя формы *метафоры и словеснаго живописанія*. Это—не только украшенія, которыми

нужно пользоваться, но средства освѣжать представленіе, возбуждать вниманіе, воображеніе и чувство и открывать двери души теченію мысли. Эти метафоры несутъ тяжести, которыхъ умъ не беретъ на себя. Онѣ содержатъ вкратцѣ параграфы исключеній. Легче схватить часть, чѣмъ цѣлое.

Когда ораторъ говоритъ „подобно тому“, то вниманіе обѣжить на встрѣчу сравненію. Напр.: „подобно удару грома съ высоты спокойнаго неба, раздалось правоученіе“. Иногда сравненіе появляется на концѣ; напр.: „Ассиріянинъ сходить, какъ волкъ; внезапно захватываетъ стадо“. Сила этихъ образовъ и всѣхъ вообще образовъ пронстекаетъ изъ удивленія и удовольствія, которыхъ они доставляютъ, связывая предметы природы и жизни съ фактами, которые мы хотимъ уяснить. Слѣдуетъ однако остерегаться слишкомъ обременять мысль сложными описаніями и многословными фигурами: излишество во всемъ составляетъ недостатокъ. Часто удобно дать только чуть видѣть образъ и опустить формальное сравненіе; такимъ способомъ можно дать возможность воображенію опередить слова оратора и заполнить пустоту, что всегда доставляетъ слушателю удовольствіе. Мы должны также быть увѣрены, что нашъ образъ дѣйствительно служить освѣщеніемъ и не выше уровня слушателя. Если свѣтъ, доставляемый нашей метафорой, „есть только тьма“, то какъ велика эта „тьма“!

Бываетъ очаровательная и чудесная прелесть въ слогѣ, который можно бы назвать драматично-живописнымъ, который представляетъ факты такъ, какъ предъ нами происходятъ, *и словами рисуетъ ихъ*. „Живопись, говоритъ Кольриджъ, есть нѣчто такое, что находится на полпути между идеей и объектомъ“. Это опредѣленіе приложимо и къ словесному живописанію такъ же, какъ и къ рисованію кистью. Живописнымъ можетъ быть названъ тотъ слогъ, который наилучше выражаетъ идеи въ конкретномъ и ясномъ видѣ. Импровизаторъ, блестящій собесѣдникъ безсознательно пользуются этимъ слогомъ и тамъ, гдѣ его совсѣмъ нѣтъ, нѣтъ.

и краснорѣчія. Эта способность словеснаго живописанія зависить больше отъ природы, чѣмъ искусства, и хотя она представляется самою могущественною изъ силъ, которыми можетъ располагать проповѣдникъ, къ удивленію, ею наиболѣе пренебрегаютъ. Тотъ, кто воспитываетъ ее и пользуется ею, имѣетъ въ своемъ распоряженіи болѣе широкую дѣятельность и великія силы. Томасъ Гютри только тогда приобрѣлъ свое могущество оратора, когда усвоилъ такой слогъ, (хотя онъ и злоупотреблялъ имъ, какъ самъ сознавался, впоследствии).

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наша церковная жизнь.

Организація приходской миссії. Спеціальныя миссіонеры и приходскіе священники. Миссіонерскіе кружки и ихъ организація. Пастырско-миссіонерскій союзъ въ г. Ялтѣ. Изъясненіе богослуженія, какъ важная мѣра къ огражденію православія въ приходѣ. Необходимость изданія сборника проповѣдей и разсылки его по епархіямъ.

Какія мѣры могутъ быть предложены противъ распространенія сектантства? Авторъ статьи: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ миссії“ (Тавр. Ц. О. В. № 25), указываетъ прежде всего на необходимость правильной организаціи приходской миссії. Обыкновенно, большинство приходскихъ пастырей считаетъ дѣло борьбы съ сектантствомъ обязанностію лишь епархіальной и окружной миссії; но это—коренная ошибка. Спеціальныя миссіонеры являются только помощниками сельскому пастырю. Они необходимы, какъ спеціалисты, могущіе давать руководственныя указанія приходскому священнику, помогать ему въ затруднительныхъ случаяхъ, вести такъ называемыя публичныя собесѣдованія съ расколо-сектантами, защищать Церковь отъ всѣхъ извѣтовъ, ибо хитрая казуистика расколо-сектантовъ придумала слишкомъ много запросовъ и обвиненій противъ православія на-

шей Церкви, по существу хотя и мелочныхъ, но практически, въ глазахъ народа, кажущихся весьма важными. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прїѣздъ миссіонера въ приходъ, зараженный расколо-соктантствомъ, и необходимъ и незамѣнимъ. Но какъ изрѣдка появляющійся въ приходъ, онъ приноситъ пользу постольку, поскольку оказываетъ поддержку и укрѣпленіе пастырско-миссіонерской дѣятельности приходского священника. Другое дѣло, если во главѣ приходской миссіи будетъ стоять мѣстный священникъ. Каковы бы ни были условія жизни прихода, мѣстный пастырь всегда сумѣетъ найти и время и способы воздѣйствія на своихъ заблудшихъ овецъ, ослабить пропаганду и даже совсѣмъ ее парализовать.

Правда, вопросъ объ организаціи приходской миссіи чрезвычайно труденъ и сложенъ, но задача значительно облегчается трудами VI отдѣла бывшаго предсоборнаго присутствія. Отдѣлъ этотъ рекомендуетъ какъ одно изъ самыхъ дѣйствительныхъ и вѣрныхъ средствъ—образованіе въ приходахъ такъ называемыхъ миссіонерскихъ кружковъ. Дѣло миссіи среди расколо-сектантовъ становится настолько труднымъ и многосложнымъ, что приходской священникъ, имѣя на рукахъ службу, требы, школу, не можетъ съ большимъ успѣхомъ вести его безъ помощи и содѣйствія другихъ. Необходимо группировать около себя другихъ, болѣе ревностныхъ къ церкви прихожанъ, болѣе отзывчивыхъ на нужды духовныя, а иногда и матеріальныя, могущихъ помочь ему и въ дѣлѣ борьбы съ иномысліемъ. II въ тѣхъ приходахъ, гдѣ въ помощь миссіонеру и священнику являлись 5—10 человекъ, хотя и немного знающихъ, но преданныхъ Церкви, борьба бывала всегда успѣшна и плодотворна. Они своевременно сообщаютъ о жизни сектантовъ, новыхъ среди нихъ вѣяніяхъ, новомъ ученіи, заводятъ бесѣды даже и съ тѣми, которые уклоняются отъ бесѣдъ съ миссіонерами. У нихъ своя, простонародная, полезная для миссіи логика. Но эти 5—10 человекъ дѣйствуютъ отдѣльно, не связанные между

собою, безъ надлежащихъ указаній и руководства. Существенная необходимость теперь связать ихъ.

Опредѣленіемъ Св. Синода отъ 18 ноября 1905 г. предписано озаботиться образованіемъ приходскихъ совѣтовъ съ очень широкими задачами. Авторъ статьи нѣсколько пессимистически относится къ ихъ будущности, но, очевидно, было бы весьма естественно, чтобы въ составъ этихъ совѣтовъ входили и указанные 5—10 человекъ съ опредѣленною цѣлью—быть приходскими миссіонерами подъ руководствомъ мѣстнаго священника. Самъ авторъ настаиваетъ на образованіи специальныхъ миссіонерскихъ кружковъ, подъ названіемъ „Приходскихъ обществъ ревнителей православія“. Дѣло, конечно, не въ названіи. Для городовъ, зараженныхъ сектантствомъ, онъ рекомендуетъ учрежденіе пастырско-миссіонерскихъ союзовъ. Опытъ учрежденія такого пастырско-миссіонерскаго союза уже имѣется въ г. Ялтѣ. На одномъ общемъ собраніи ялтинскаго духовенства, при обсужденіи способовъ борьбы съ сектантствомъ и вообще съ современнымъ религіознымъ индифферентизмомъ населенія, было рѣшено сплотиться духовенству въ одинъ союзъ, и, разбивъ городъ по районамъ, начать поочередно регулярныя чтенія и лекціи. Эти лекціи и чтенія должны служить отвѣтомъ на религіозно-нравственные запросы городской интеллигенціи, средняго и низшаго рабочаго классовъ общества. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ютится сектантство, чтенія должны носить и противосектантскій характеръ. Здѣсь несомнѣнно въ скоромъ времени организуются кружки ревнителей православія, которые потонъ будутъ служить для духовенства лучшимъ подспорьемъ въ борьбѣ съ сектантствомъ. Ялтинское духовенство рѣшило также взять въ свои руки благотворительность въ городѣ, придавъ ей церковно-приходскій характеръ. Если бы, по примѣру Ялты, были организованы пастырско-миссіонерскіе союзы и въ другихъ городахъ, то смѣло можно бы надѣяться, что сектантская пропаганда была бы парализована въ самомъ корнѣ, ибо только при должной постановкѣ мис-

сіонерскаго дѣла въ городахъ возможенъ желательный успѣхъ въ селахъ и деревняхъ, такъ какъ городъ, а не деревня, является центромъ сектантской пропаганды и источникомъ религіозно-нравственнаго разложенія, глубоко теперь проникающаго въ среду православно-русскаго народа.

Конечно, ограничиваться только одной организаціей пастырскихъ союзовъ въ городахъ и миссіонерскихъ кружковъ въ приходахъ, зараженныхъ сектантствомъ, недостаточно. Для успѣха дѣла нужно использовать все, что способно оживить и улучшить религіозно-нравственную жизнь народа. Въ Пензенскихъ епарх. вѣд. (№ 17) свящ. Ключовъ, въ статьѣ: „Пастырскія мѣры къ огражденію православія въ приходѣ“, наиболѣе важною изъ такихъ мѣръ указываетъ на изъясненіе богослуженія. Самый важный недостатокъ русскаго народа, какимъ враги Церкви пользуются для совращенія съ путей православія, состоитъ въ религіозномъ невѣжествѣ этого народа. Простой народъ религіозенъ. Онъ усердно исполняетъ обрядъ вѣры. Нѣтъ въ немъ и лѣности къ молитвѣ. Но если внимательнѣе присмотрѣться къ религіознымъ его понятіямъ, то нельзя не замѣтить поразительной ихъ скудости. Многіе не могутъ дать отчета даже въ такихъ понятіяхъ, какъ, напр., Троица, Сынъ Божій, Иисусъ Христосъ, Духъ Святой и т. д. Въ этой-то скудости знанія христіанскаго вѣроученія и скрывается, главнымъ образомъ, причина шаткости нравственныхъ правилъ въ простомъ народѣ. Этимъ же объясняются легкія отпаденія въ расколъ или какое-либо антихристіанское вѣроученіе, особенно если присоединяются къ этому благопріятныя обстоятельства. Конечно, грамотность есть главная опора религіознаго просвѣщенія, и основа—одно изъ самыхъ могучихъ средствъ, могущихъ разогнать религіозную народную тьму. Но не надобно забывать, что школа просвѣтительно дѣйствуетъ только на молодое поколѣніе, а старое, считающееся цѣлыми милліонами, продолжаетъ коснѣть въ жалкомъ религіозномъ невѣжествѣ. Необходима посему другая мѣра, могущая удержать народъ въ оградѣ Церкви Христовой.

Такою мѣрою и можетъ служить церковное богослуженіе. Въ древности единственнымъ училищами, въ которыхъ неграмотные христіане первыхъ временъ и наши предки пріобрѣтали религиозное вѣдѣніе, были храмы Божіи, а единственнымъ источникомъ этого вѣдѣнія было самое богослуженіе христіанское, по своему существу служащее отраженіемъ или воплощеніемъ въ образахъ и дѣйствіяхъ христіанскаго вѣроученія. Каждая церковная служба это—краткій очеркъ всего домостроительства Божія о спасеніи человѣка. Въ основѣ каждаго обряда и дѣйствія положена та или другая догматическая истина. Къ сожалѣнію, многія печальныя историческія обстоятельства сдѣлали то, что выполненіе богослужебнаго чина въ продолженіе многихъ вѣковъ закрывало предъ народомъ его внутренній смыслъ и даже самый церковный языкъ дѣлало для народа почти совсѣмъ непонятнымъ. Въ народѣ сложилась привычка останавливать свое вниманіе исключительно на одной виѣшности богослуженія, безъ всякаго старанія уразумѣть скрывающійся подъ его покровомъ духовный смыслъ. Оттого и вышло, что простой народъ, усердно посѣщающій храмъ Божій „видя не видитъ и слыша не слышитъ“ и не разумѣетъ, что творится въ храмѣ Божіемъ. А такъ какъ другого, болѣе вѣрнаго, источника, гдѣ бы онъ могъ почерпнуть истины христіанскаго вѣроученія, у него пока еще нѣтъ, то онъ и легко, какъ безсловесная рыба, попадаетъ въ сѣти, искусно ему разставляемыя раскольниками, сектантами и др.

Чтобы сдѣлать эти сѣти для простого народа безопасными, нужно приподнять ту завѣсу, которая скрываетъ отъ глазъ его великое богатство христіанскаго вѣдѣнія, заключающагося въ богослуженіи Православной Церкви. Нужно указать ему, какъ въ той или другой церковной службѣ раскрывается планъ Божественнаго домостроительства о спасеніи человѣка, какъ тѣ или другіе священные обряды и дѣйствія воплощаютъ въ себѣ разныя догматическія истины. Тогда

чинъ богослуженія займетъ все его вниманіе и глубоко будетъ напечатлѣвать въ его душѣ христіанское вѣроученіе.

Ничто такъ не дѣйствуетъ на простой народъ, не привыкшій къ отвлеченному мышленію, какъ образныя представленія истинъ. Эти образы, оживленные пониманіемъ ихъ духовнаго смысла, онъ понесетъ въ свой домъ. На нихъ всегда легко онъ можетъ останавливать свое вниманіе, когда оно не развлекается посторонними предметами; ихъ слова онъ встрѣтитъ въ храмѣ Божіемъ, какъ уже знакомые и родственные его душѣ, и будетъ имѣть въ нихъ побужденіе къ развитію тѣхъ религіозныхъ понятій, которыя положены въ душѣ этими образами. И только въ такомъ случаѣ храмъ Божій и совершаемое въ немъ богослуженіе примутъ для народа характеръ духовно-образовательной школы, постоянно развивающей его религіозныя понятія. Достигнуть этого для пастыря не составитъ особаго труда. Онъ можетъ сдѣлать это и съ церковной кафедрой и при своихъ домашнихъ собесѣдованіяхъ съ прихожанами.

Вопросъ сводится, такимъ образомъ, къ усиленію проповѣди, или въ данномъ случаѣ—катехизическихъ поученій. Вопросъ этотъ въ послѣднее время сталъ очень интересовать многихъ изъ духовенства. Въ №№ 32—33 нашего журнала священникомъ о. О. Богородскимъ помѣщена замѣтка о печатаніи проповѣдическихъ опытовъ духовенства въ епархіальныхъ органахъ. Свящ. Оксіютъ въ Омскихъ енар. вѣд. (№ 18), не входя въ обсужденіе по существу предложенныхъ о. Богородскимъ и не предлагая съ своей стороны новыхъ средствъ для поощренія печатной проповѣдической дѣятельности духовенства, отмѣчаетъ, что весьма симпатичной и заслуживающей особеннаго сочувствія и вниманія является замѣчательная мысль свящ. Богородскаго объ изданіи епархіальнымъ органомъ къ концу года сборника проповѣдей и разсылкѣ его по церквамъ епархіи. Такой сборникъ, являясь звучнымъ отголоскомъ просвѣтительной дѣятельности духовенства извѣстной церкви, прежде всего былъ бы весьма полезенъ для самаго духовенства этой церкви. Сборникъ этотъ говорилъ бы пастырямъ, чему и какъ была наставляема духовная паства той церкви, въ которой они проходятъ свое служеніе; могъ бы дать имъ хотя нѣкоторыя указанія, къ какимъ результатамъ въ разныхъ случаяхъ приводило благовѣствованіе пастырями своимъ насомымъ вѣры и благочестія. Несомнѣнно, въ сборникѣ нашли бы себѣ мѣсто обусловленные и вызванные извѣстными, чисто мѣстными обстоятельствами и причинами примѣры проповѣданія или за-

щиты истинъ православной вѣры. Изъ такихъ обстоятельствъ можно указать, напр., появленіе въ разныхъ мѣстахъ раскола, сектантства, развитіе, усиленіе, приемы дѣятельности тѣхъ же раскольниковъ и сектантовъ.

Матеріаль для сборника дастъ духовенство, а редакція епархіальныхъ вѣдомостей должна озаботиться приглашеніемъ пастырей къ присылкѣ для печатанія своихъ проповѣдей—сначала въ епарх. органѣ, а потомъ и въ видѣ сборника. Количество проповѣдей за годъ свящ. Оксіють опредѣляетъ, по крайней мѣрѣ, въ 300.

Редакція Омскихъ епарх. вѣдомостей отозвалась на эту статью и въ дополненіе къ ней говоритъ, что мысль объ ежегодномъ изданіи епархіальныхъ проповѣдническихъ сборниковъ могла бы быть осуществлена, но только въ томъ случаѣ, если бы редакція епарх. вѣдомостей имѣла у себя достаточное количество проповѣдей отъ духовенства, или, по крайней мѣрѣ, если бы хотя нѣкоторые изъ духовенства обѣщали представить въ назначенное время свои бесѣды и поученія. Разумѣется, издать сборникъ въ 300 проповѣдей редакціи не по средствамъ, но въ меньшемъ количествѣ изданіе сборника вполне возможно. Не питая особенно широкихъ замысловъ, но сочувствуя основной мысли, редакція приглашаетъ омское духовенство присылать свои проповѣдническіе труды. Если мысль объ изданіи сборника встрѣтитъ себѣ сочувствіе среди духовенства и хоть немногіе изъ духовенства заявятъ о своемъ желаніи принять участіе въ составленіи такого сборника, то редакція надѣется съ начала будущаго года приступить къ составленію такого сборника, хотя бы въ довольно скромныхъ размѣрахъ, напр., въ 25—30 проповѣдей.

Весьма желательно, чтобы, по примѣру омской, редакціи и другихъ епарх. вѣдомостей попытались осуществить мысль о составленіи и изданіи проповѣдническихъ сборниковъ.

Е. Р.

Опечатка.

Въ № 42, на стр. 173. въ шестой строкѣ снизу напечатано: „Вслѣдствіе ухищреній *статистическихъ*“, а должно быть: „Вслѣдствіе ухищреній *сатанинскихъ*“.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 20-го октября 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

УКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 44.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года ноября 4-го дня.

Содержаніе: I. Къ пастырямъ и народу. — II. Къ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего Іоанна Златоуста, архіепископа Константинопольскаго († 14 сентября 407 г. (Продолженіе)). — III. О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара (Продолженіе). — IV. За мѣтка. Діаконъ-садоводъ. — V. Опечатка.

Къ пастырямъ и народу.

(Напомяніе).

Мы называемъ свое обращеніе „напомяніемъ“: оно и есть напомяніе. Мы не имѣемъ въ виду сказать что-либо новое, неизвѣстное, а только *напомянуть* старое, общеизвѣстное, напомянуть для того, чтобы обратить мысль и чувство читателей на предметъ напомянія, обновить и укрѣпить его въ сознаніи ихъ. Намъ хотѣлось бы, среди сумятицы современной жизни, при увлеченіи пастырей и пасомыхъ (не всѣхъ, конечно) внѣшней дѣятельностью, кратко и просто напомянуть о главномъ въ жизни пастыря и христіа-

нина, о томъ, что—существенное въ пастырствѣ и жизни христіанской. Папоминаніе, повтореніе уже извѣстнаго—мать успѣха. Что же существенное въ пастырствѣ и жизни христіанской?

Богъ сотворилъ человѣка для жизни безпечальной, блаженной, вѣчной. И на первыхъ порахъ люди наслаждались блаженствомъ. Они не имѣли пужды строить хаты, шить одежду, тяжелымъ трудомъ добывать себѣ хлѣбъ. Ихъ жилищемъ былъ рай, прекрасный садъ, насажденный Богомъ; нищей были для нихъ плоды райскихъ деревьевъ; въ одеждѣ они вовсе не нуждались, жили нагими, потому что были чисты душой, какъ младенцы, и не стыдились. Особенно блаженствовали люди потому, что были чисты душой, и Богъ любилъ ихъ за эту чистоту, являлся имъ, бесѣдовалъ съ ними и согрѣвалъ ихъ души благодатію Своей. Болѣзней, слабости, изнуренія не знали они. Счастіе людей дополнялось тѣмъ, что всѣ животныя и звѣри, и птицы не боялись ихъ, не вредили имъ и почитали ихъ, какъ своихъ царей и владыкъ. Блаженная жизнь!

Не долго, однако, Адамъ и Ева жили въ этой благодати, счастіи и довольствѣ. Они сдѣлали величайшее преступленіе. Господь такъ заботился о нихъ, а они отпали отъ Него, нарушили Его заповѣдь. Правда, діаволь обманулъ ихъ. Но они согласились на обманъ, поддались обману. Горько оплакали люди свое отпаденіе отъ Бога. Но уже грѣхъ былъ совершенъ, жизнь испорчена. О, какъ скорбна, какъ тяжела стала она! Отъ Бога они теперь стали дальше; благодать Его потеряли; рай лишились; явилась необходимость добывать пищу тяжелымъ, до пота, трудомъ, заботиться о жилищѣ и одеждахъ. Теперь ужъ они не могли оставаться нагими, потому что младенческую чистоту потеряли; въ плоти ихъ и душахъ появились нечистыя, грѣховныя влеченія; въ первый разъ имъ стало стыдно, и они должны были закрыть свою срамоту препоясаніемъ изъ листьевъ.

Въ первый разъ послѣ отпаденія отъ Бога люди познакомились съ болѣзною, утомленіемъ, слабостью, а потомъ и со смертью. Такъ появилось зло и несчастія на землѣ; такъ началась горькая, тяжелая, скорбная жизнь людей на бѣломъ свѣтѣ. Теперь и звѣри, и животныя стали бояться ихъ, нападать на нихъ. Но болѣе всего человѣкъ началъ страдать оттого, что потерялъ чистоту души. Правда, онъ не пересталъ любить добро, сохранилъ желаніе дѣлать его; но злыя, нечистыя влеченія сердца, послѣ отпаденія отъ Бога людей, стали сильнѣе добрыхъ, заглушали ихъ, какъ сорныя травы въ полѣ заглушаютъ хлѣбныя растенія. Безъ помощи Божіей нельзя было побѣдить эти злыя желанія. А помощи Божіей человѣкъ лишился. Вотъ и получилось тягостное состояніе,—любишь добро, хочешь дѣлать его и не можешь; зло торжествуетъ. Отчаянное положеніе! Да и въ самомъ дѣлѣ, не могъ ли человѣкъ дойти до отчаянія, видя постоянное торжество зла и грѣха! Да и само зло въ такомъ случаѣ до какихъ размѣровъ могло бы развиться! Оно уже и распространилось на землѣ до самыхъ большихъ размѣровъ среди потомковъ Каина предъ потопомъ и въ городахъ Содомѣ и Гоморрѣ послѣ потона. Но Господь милосердъ къ человѣку и послѣ отпаденія его отъ Него. Когда зло сильно распространилось на землѣ, тогда Господь ставилъ предѣлы злу, удерживалъ его разлитіе по землѣ или прямо уничтожалъ его. Такъ, Онъ потопилъ въ водахъ всемірнаго потона всѣхъ нечестивыхъ потомковъ Каина. Онъ сжегъ сѣрнымъ огненнымъ дождемъ нечестивые города Содомъ и Гоморру. Самое же главное то, что Господь, тотчасъ же послѣ грѣхопаденія людей, обѣщалъ имъ послать Спасителя отъ зла. Отъ жены, по обѣщанію Господа, родится Сѣмя, Потомокъ, Который уничтожитъ владычество діавола, зла и грѣха и возстановитъ царство добра, возвратитъ людямъ чистую, непорочную жизнь, близость къ Богу, а, стало быть, блаженство и радость, какія были въ раю. О! теперь нѣтъ мѣста отчаянію! О, богатство милосердія Божія! О, безмѣрность Божественной

любви! А чтобы люди не забыли этого обѣтованія Божія, Господь избралъ для храненія его (обѣтованія) нынѣ отверженный еврейскій народъ, воздвигалъ изъ среды его особыхъ людей—патріарховъ; имъ Господь повторялъ и разъяснялъ Свое обѣтованіе о Спасителѣ. А чтобы еврейскій народъ не утратилъ различія между добромъ и зломъ и подготовлялъ торжество добра, Господь далъ ему отъ Себя законъ; въ немъ было написано, въ чемъ—угодное Богу добро, и какъ должны жить люди, и въ чемъ—неугодное Богу зло, и чего не долженъ былъ дѣлать народъ. Впослѣдствіи все-таки случалось, что народъ еврейскій забывалъ законъ Божій и обѣтованіе о Спасителѣ. И тогда Господь приходилъ на помощь къ нему (народу). Господь посылалъ пророковъ, которые напоминали народу обѣтованіе о Спасителѣ и законъ Божій и именемъ Господа убѣждали народъ не забывать о Спасителѣ и исполнять законъ Божій и такимъ образомъ подготовлять царство добра на землѣ.

Избравши еврейскій народъ для сохраненія обѣтованія о Спасителѣ и поддержанія добра на землѣ, Господь не оставилъ безъ Своего попеченія и остальныхъ потомковъ Адама, другихъ народовъ. И имъ Онъ возвѣстилъ чрезъ избранный еврейскій народъ о будущемъ Спасителѣ людей отъ зла и грѣха и разными средствами приготовлялъ ихъ къ принятію Его.

Но вотъ настало время пришествія въ міръ Спасителя. Явился Иисусъ Христосъ—Спаситель и возстановилъ торжество добра, далъ возможность и силу людямъ побѣждать зло, дѣлать добро, жить въ святости и чистотѣ, быть близкими къ Богу и радоваться въ общеніи съ Нимъ. Какъ же совершилъ это Господь Иисусъ Христосъ?

Прежде всего, въ Своей собственной жизни Иисусъ Христосъ показалъ торжество добра надъ зломъ. Въ Немъ Самомъ было только добро, святость, чистота, и не было ни тѣни зла, нечистоты и грѣха. Его жизнь—высочайшій примѣръ жизни доброй, чистой, безгрѣшной, святой. Онъ дѣ-

лалъ только добро и не только не сдѣлалъ, но даже не сказалъ и не помыслилъ никакого зла ни противъ людей, ни противъ Бога. Этимъ Онъ показалъ, что *возможна* на землѣ жизнь добрая, святая, чистая, свободная отъ зла и грѣха.

Кромѣ этого, Господь ходилъ по городамъ и селеніямъ и вездѣ училъ, въ чемъ состоитъ эта чистая, святая жизнь, какъ нужно жить, что дѣлать и какъ поступать и чего не дѣлать, чтобы жизнь была чистою, святою. Это же Господь показывалъ и примѣромъ собственной жизни.

Грѣхъ и зло породили болѣзни и смерть. Господь явилъ Свое торжество, господство и надъ ними. Однимъ словомъ, однимъ прикосновеніемъ Господь исцѣлялъ болѣзни и воскрешалъ мертвецовъ. Такъ Господь и людямъ давалъ побѣду надъ зломъ, оказывалъ имъ благодѣянія. Правда, подъ конецъ Своей жизни Господь по-внѣшности побѣжденъ былъ смертью и зломъ. Но эта была именно внѣшняя, видимая побѣда; она скоро превратилась въ полную, славную побѣду и торжество Христа. Господь училъ не только дѣлать добро и жить свято, но и обличалъ дѣлавшихъ зло и во грѣхѣ жившихъ. Такими грѣшниками были главнымъ образомъ еврейскіе первосвященники и учителя. За обличенія и за проповѣдь народу они возненавидѣли Христа и распяли Спасителя на крестѣ. Но чрезъ три дня Спаситель воскресъ и этимъ окончательно поразилъ смерть, уничтожилъ власть діавола и зла надъ людьми.

Примѣромъ жизни Своей, Своимъ ученіемъ, чудесами, воскресеніемъ изъ мертвыхъ Господь показалъ людямъ, влилъ въ нихъ непоколебимую увѣренность въ томъ, что возможна добрая, чистая жизнь на землѣ. Какой восторгъ, какую радость должна проливать въ душу людей одна эта увѣренность! Какъ она возвышаетъ духъ! Какъ поднимаетъ силы въ борьбѣ со зломъ за добро! Какъ одушевляетъ въ этой борьбѣ и служеніи добру!

Но это—еще не все, что сдѣлалъ Господь для спасенія людей отъ зла и для торжества добра. Въ пятидесятый день

послѣ Своего воскресенія Господь послалъ людямъ съ неба, куда вознесся, Духа Святаго. А Духъ Святый раздаетъ людямъ чрезъ св. таинства всемогущую силу Свою—благодать, при помощи которой человекъ можетъ уже и самъ торжествовать свою побѣду надъ зломъ, вести чистую жизнь и радоваться со Христомъ. При помощи благодати Св. Духа свѣтлая увѣренность въ побѣдѣ надъ зломъ и грѣхомъ становится уже самой побѣдой надъ ними.

Такъ совершенно спасеніе людей отъ зла и грѣха Исусомъ Христомъ. Но это не значитъ, что зло уже болѣе не существуетъ и что оно не оказываетъ уже своего разрушительнаго дѣйствія въ сердцахъ и жизни людской. Нѣтъ, побѣда, совершенная Христомъ, должна совершиться въ каждомъ отдѣльномъ человекѣ. Каждый человекъ, взирая на примѣръ Исуса Христа, исполняя ученіе Его, поддерживаемый благодатію Св. Духа, пусть исторгаетъ изъ своего сердца, какъ негодныя, сорныя травы съ поля, всѣ дурныя, нечистыя, грѣховныя пожеланія и насаждаетъ, какъ добрую пшеницу, чувства добрыя, свѣтыя; пусть не допускаетъ пороковъ и украшаетъ жизнь добродѣтелями. Такимъ путемъ мало-помалу человекъ будетъ освобождаться отъ зла въ земной жизни и совершенно станетъ чистъ отъ него въ жизни будущей.

При Исусѣ Христѣ тѣ, кто вѣровалъ въ Него и начиналъ жить по Его ученію, становились на путь освобожденія отъ зла и побѣды надъ нимъ. Но вѣдъ Исусъ Христосъ проповѣдывалъ только въ Св. Землѣ, въ Палестинѣ и всего только три съ половиною года. Чтобы всѣмъ людямъ, всему міру возвѣстить о совершившемся торжествѣ и побѣдѣ добра надъ зломъ, для этого Исусъ Христосъ избралъ двѣнадцать апостоловъ. Имъ-то Онъ и послалъ Св. Духа, чтобы Онъ, Духъ Святый, помогалъ имъ въ ихъ служеніи и чрезъ нихъ раздавалъ благодать Свою людямъ.

Апостолы, вышедши изъ Иерусалима, понесли по всему міру радостную вѣсть о побѣдѣ надъ зломъ и смертью, о воскресеніи Христа, учили, какъ надо жить теперь людямъ,

своими молитвами и возложеніемъ рукъ и другими видимыми дѣйствіями низводили на нихъ (людей) благодать Святаго Духа, чтобы при помощи ея они могли жить по Христову ученію, исцѣляли больныхъ, воскрешали мертвыхъ и оказывали людямъ другія благодѣянія. Всюду, гдѣ бы ни проповѣдывали апостолы, находились вѣрующіе ихъ проповѣди. Когда вѣрующихъ стало много, то апостолы не могли постоянно или даже часто бывать во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ были вѣрующіе. Поэтому они стали оставлять въ разныхъ мѣстахъ вмѣсто себя преемниковъ, лицъ твердой вѣры и чистой, высокой жизни, чтобы эти лица были руководителями христіанъ въ новой жизни по ученію Христа. Это были епископы и пресвитеры, которыхъ ставили апостолы. Уже при апостолахъ епископы и священники были во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили христіане. Послѣ же смерти апостоловъ епископы и священники остались вмѣсто нихъ руководителями христіанъ въ доброй жизни и освобожденіи отъ зла. Какъ Іисусъ Христосъ передалъ Свое служеніе апостоламъ, такъ и апостолы передали его своимъ преемникамъ—епископамъ и священникамъ. Одни епископы передавали свое служеніе другимъ, другіе—третьимъ и такъ далѣе до нашихъ дней. И наши теперешніе епископы и поставленные ими священники получили свое священство по преемству отъ апостоловъ и Самого Іисуса Христа и являются продолжателями служенія Христова и апостольскаго. Что дѣлалъ Іисусъ Христосъ въ Святой Землѣ, что дѣлали апостолы во всемъ мірѣ, то же должны дѣлать наши епископы въ своихъ епархіяхъ, а каждый священникъ въ своемъ приходѣ по мѣрѣ силъ своихъ.

Такъ вотъ что—пастырство; вотъ кто—священникъ. Пастырство есть руководство людей ко спасенію; пастырь—руководитель людей въ борьбѣ со зломъ и грѣхомъ, проводникъ по пути къ вѣчной блаженной жизни. Очищеніе отъ грѣха, освобожденіе отъ дурныхъ, порочныхъ привычекъ, чистота сердца, шествіе къ святости—вотъ существенное въ жизни христіанина.

Будь же, пастырь, дѣйствительнымъ руководителемъ своихъ пасомыхъ въ небесное царство; учи ихъ, какъ они должны жить, какъ относиться къ окружающимъ людямъ, какъ исполнять свои общественныя обязанности, особенно среди тревоженій теперешней русской дѣйствительности, чтобы не удаляться, а приближаться къ Богу и Его небесному царству, и не только учи, а и самъ впереди иди, примѣръ показывай,—самъ борись съ грѣхомъ, самъ украшайся добродѣтелями. Пасомый, иди за своимъ пастыремъ, внимай его ученію, слѣдуй примѣру! И пастырь и пасомый—оба помните, что и общественная дѣятельность ваша, какъ бы хороша, высока она ни была, будетъ мало полезна безъ борьбы съ грѣхомъ, безъ внутренней, душевной чистоты, а съ этими послѣдними пріобрѣтеть одушевленіе, стойкость, особую привлекательность и плодотворность. А. А.

**Къ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего
Іоанна Златоуста, архієпископа константинополь-
скаго († 14 сентября 407 г.).**

(Продолженіе ¹⁾).

3. Когда св. Іоаннъ, этотъ горячій энтузіастъ, поборникъ высокихъ христіанскихъ идеаловъ, вступилъ въ отправленіе своихъ пастырскихъ обязанностей, то что дало ему возможность къ такому сильному вліянію на пасомыхъ? Здѣсь, кромѣ чуднаго дара слова, св. Іоанну Златоусту весьма благопріятствовало близкое знакомство съ характеромъ паствы и самая тѣсная связь съ нею, основанная на сознаніи единства съ нею и самоотверженномъ стремленіи послужить ихъ благу. Св. Іоаннъ еще съ ранняго дѣтства хорошо зналъ антиохіянъ, ихъ обычаи, привычки и нравы. Кромѣ того,

¹⁾ См. № 43-й за 1907 г.

еще до принятія сана пресвитерскаго онъ имѣлъ возможность глубже изучить недостатки антиохіянъ въ общественной и частной жизни, когда былъ адвокатомъ. Здѣсь онъ попалъ въ круговоротъ жизни, сталъ лицомъ къ лицу съ тѣмъ міромъ неправды, козней, вражды и лжи, слезъ и злорадства, изъ которыхъ слагается обыденная жизнь людей. Это дало ему возможность въ послѣдствіи изображать пороки антиохійскаго общества съ такою безопадною, вызывая къ нимъ невольное отвращеніе. Но еще болѣе полезно было ему въ этомъ отношеніи служеніе въ санѣ діакона, связанное въ то время съ заботой о нуждахъ бѣдныхъ. Здѣсь ему приходилось защищать бѣдныхъ отъ притѣсненія богачей, обездоленныхъ отъ безсердечныхъ и алчныхъ чиновниковъ и вообще облегчать положеніе всѣхъ страждущихъ и обремененныхъ. Онъ видѣлъ, въ чемъ причина бѣдствій—въ пустой мірской жизни. Онъ на опытѣ убѣждался, какъ ненавидятъ св. Церковь враги христіанства—евреи и язычники, и какъ они вредятъ ей не только открытымъ униженіемъ, но и тлетворнымъ нравственнымъ вліяніемъ. Онъ не могъ не замѣтить и того зла, которое проистекало отъ внутреннихъ раздоровъ въ христіанствѣ. Все это дало ему возможность на своемъ пастырскомъ посту дѣйствовать вполнѣ сообразно со средой, поощряя то, что было въ ней похвальнаго, и поражая то, что заслуживало искорененія.—Какъ часто наши проповѣдники и пастыри терпятъ неудачи въ своихъ лучшихъ намѣреніяхъ и усиліяхъ въ приходѣ оттого, что мало знаютъ своихъ пасомыхъ и не задумываются надъ тѣмъ, въ чемъ лежитъ корень порочной жизни пасомыхъ, и часто вмѣсто существеннаго борются съ малыми и ничтожными недостатками (напр. вмѣсто семейной распушенности бичуютъ деспотизмъ родителей и т. п.)!

При знаніи жизни и характера своей паствы, св. Іоаннъ Златоустъ былъ въ Антиохіи въ самомъ тѣсномъ духовномъ единеніи съ своими пасомыми. Сознывая себя отвѣтственнымъ за спасеніе своей паствы, онъ всѣ силы свои отдавалъ

дѣлу ея воспитанія. Въ этомъ отношеніи онъ былъ неутомимъ. Онъ старается ослабить вліяніе на жизнь христіанъ іудейства и язычества, борется съ внутренними раздорниками—аріавами, аномеями, гностиками, обличаетъ недостатки христіанской любви, жестокосердіе богачей, тщеславіе и хищничество чиновниковъ, пустоту и развратность женщинъ и пр. Все это дышало любовію отца къ дѣтямъ. Въ своихъ проповѣдяхъ къ народу онъ переживалъ съ паствою и чувства стыда и горести, и чувства радости и торжества. Достаточно прочесть его бесѣды къ антиохійскому народу по случаю возмущенія антиохійцевъ и разбитія ими царскихъ статуй. Они служатъ разительнымъ примѣромъ взаимоотноенія добраго пастыря съ своими пасомыми. Св. Іоаннъ отличался удивительною отзывчивостью на всѣ явленія общественной жизни и на всѣ движенія челоуѣческой души, освѣщая ихъ съ высшей точки зрѣнія домостроительства Божія о спасеніи людей. Во всѣхъ случаяхъ, поражающихъ народъ смущеніемъ, страхомъ, смятеніемъ или уныніемъ, антиохійцы массами стремились въ храмъ слушать св. Златоуста. И слово св. Іоанна раздавалось почти неумолчно. Вслѣдствіе этого между пастыремъ и пасомыми установилась глубокая связь, подобная той, какая существуетъ между отцомъ и дѣтьми. Казалось, ни паства безъ Іоанна, ни св. Іоаннъ безъ паствы существовать не могли. Случалось ли св. Іоанну отлучиться изъ Антиохіи на нѣсколько времени въ пустыню или прекратить проповѣдь за болѣзнію, какъ и онъ и паства начинаютъ скучать и ждутъ не дождутся того дня, когда онъ опять явится къ народу¹⁾. При такой связи съ

¹⁾ „Я отсутствовалъ, говоритъ онъ по возвращеніи изъ одного небольшого путешествія, и мнѣ казалось, что уже въ теченіе цѣлаго года я пробылъ вдали отъ васъ,—настолько я печалился и скучалъ! По скорби, испытанной вами, вы можете судить и о моей. Когда малаго ребенка отрываютъ отъ груди матери, или уносятъ его, онъ вертится и оглядывается, ища ея; такъ, когда и я былъ оторванъ изъ среды васъ, какъ изъ среды материнской, всѣ мои мысли устремляли меня къ этому священному собранію“...

паствой, св. Іоаннь Златоустъ объять былъ единственнымъ желаніемъ служить до послѣдняго издыханія благу пасомыхъ, возвышать ихъ христіанскую жизнь и вести къ вѣчному спасенію. Онъ думалъ было навсегда связать свою жизнь съ жизнію паствы. До чего крѣпкою была эта связь между св. Іоанномъ Златоустомъ и антиохійскимъ народомъ, видно изъ того, что исполнителямъ царской воли о присылкѣ въ Константинополь Златоуста пришлось взять его обманомъ изъ города. Связь Іоанна Златоуста съ антиохійской паствой не прекращалась, однако, и впоследствии, даже во время его ссылки.

Не легко пастырю пріобрѣсти такую любовь пасомыхъ, и благо тому пастырю, который хотя и въ меньшей степени, чѣмъ Златоустъ, сумѣетъ заслужить ее, но только не ласкательствомъ и угодничествомъ толпѣ, а лишь ревностію о благѣ и спасеніи пасомыхъ!

4. Служеніе св. Іоанна Златоуста въ санѣ архіепископа константинопольскаго (398—404 г.) представляетъ намъ, съ одной стороны, лишь болѣе широкое раскрытіе и осуществленіе въ немъ пастырскаго идеала, а съ другой—тѣ шипы и тернія, тѣ опасности и злключенія, которыми была усѣяна одушевленная апостольская дѣятельность этого великаго Святителя въ тогдашнемъ политическомъ центрѣ христіанскаго міра, столицѣ вселенной, Константинополѣ. Повидимому, какое положеніе въ Церкви Христовой могло быть болѣе благоприятнымъ для благотворнаго воздѣйствія св. Іоанна Златоуста на тогдашнее христіанское общество, для приведенія его въ возможно большую мѣру возраста Христова, какъ не то положеніе, которое занялъ теперь онъ, послѣ скромной, хотя и славной службы въ Антиохіи? Теперь св. Іоаннь уже не простой пастырь провинціального города, но архіепископъ царствующаго града, одинъ изъ первенствующихъ архипастырей на востокѣ. Онъ пришелъ сюда, въ столицу, какъ избранникъ императора, предшествуемый и сопутствуемый славою всей прошедшей жизни и дѣятельно-

сти, показавшей въ немъ богатыя духовныя дарованія и снискавшей ему общую любовь и привязанность антиохійскаго народа. Въ тѣ дни, когда онъ еще былъ на пути въ Константинополь, будучи хитростію вызванъ и тайно отъ антиохійской паствы увезенъ областеначальникомъ востока Астеріемъ, какія думы могли роиться въ головѣ этого великаго пастыря, проникнутаго истинно-апостольскою ревностію къ славѣ Божіей и христіанскому совершенству въ людяхъ? какія чувства волновали его? какія желанія и намѣренія наполняли его душу?

Несомнѣнно, что его отеческое сердце чувствовало нѣкоторое какъ бы сиротство и скорбь по оставленной имъ паствѣ, среди которой онъ испыталъ такъ много высшихъ духовныхъ радостей, гдѣ видѣлъ и дѣтскую простоту, и слезы раскаянія, и добрыя дѣла вѣры, гдѣ окруженъ былъ общимъ почитаніемъ и слышалъ проявленія самой живой, горячей къ нему благодарности. Теперь воля царская влекла его на другой высшій іерархическій постъ. Для смиреннаго Іоанна новое служеніе со стороны его внѣшняго величія и блеска не представляло ничего заманчиваго, напротивъ, скорѣе могло быть съ этой стороны для него въ тягость... Чувство честолюбія было совершенно чуждо его скромному сердцу... Св. Іоаннъ ѣхалъ въ столицу, отдавшись вполнѣ волѣ Божіей. Единственнымъ его утѣшеніемъ въ настоящее время могла быть мысль о томъ, что тамъ, въ высшемъ іерархическомъ званіи, онъ можетъ сдѣлать добра, съ помощью Божіею, еще больше, чѣмъ прежде въ пресвитерскомъ званіи, въ провинціальномъ городѣ.

Милостиво былъ встрѣченъ знаменитый пастырь въ столицѣ императоромъ Аркадіемъ и вскорѣ совершилась торжественная хиротонія его во епископа. Новаго архипастыря, впрочемъ, болѣе всего интересовало нравственное состояніе столичной паствы. Окружавшій его блескъ и почетъ не закрыли отъ его глазъ многихъ темныхъ сторонъ въ жизни его паствы. Хотя уже болѣе 80 лѣтъ прошло, какъ вѣра

Христовая объявлена въ имперіи господствующею, но еще и теперь было сильно вліяніе въ жизни христіанъ язычества и всегда враждебнаго христіанству іудейства. Своего рода раціонализмъ—въ видѣ чистаго аріанства и выродившихся изъ него сектъ продолжалъ еще развѣдать тогдашнее молодое христіанское общество. Много аномалій существовало въ частной и общественной жизни христіанъ столицы. Противоположность между положеніемъ неимущихъ и состоятельныхъ классовъ, слабыхъ и сильныхъ міра сего здѣсь обнаруживалась еще въ большей степени, нежели въ Антиохіи. Жители столицы еще болѣе, чѣмъ въ Антиохіи, были преданы наслажденіямъ (театры, праздныя пиршества и пр.), порокамъ и страстямъ (лихоимство, кривосудіе и т. п.) и не уважали своихъ пастырей, а послѣдніе, не исключая епископовъ, вели почти совершенно мірскую жизнь. Для новаго архіепископа, всегда стремившагося къ осуществленію въ жизни того совершенства, къ которому призывалъ Господь Иисусъ Христосъ, говоря: „будите совершенны, якоже Отецъ вашъ небесный совершенъ“,—было ясно, что съ даннымъ положеніемъ общества ему мириться нельзя. Напротивъ, его прямой архипастырскій долгъ—заботиться объ исправленіи и улучшеніи жизни своихъ пасомыхъ. Занятый этою мыслию, св. Іоаннъ, несомнѣнно, видѣлъ и тѣ препятствія и опасности, которыя онъ долженъ встрѣтить въ своей пастырской дѣятельности со стороны вліятельныхъ круговъ столицы. Но это не могло его смутить и побудить, если не къ молчанію, то къ уступкамъ. Для него идеаль христіанскаго совершенства стоялъ выше всякихъ житейскихъ расчетовъ, связанныхъ съ извѣстнаго рода политикой, угодливостью, разными послабленіями и компромиссами.

И вотъ, св. Іоаннъ Златоустъ съ мудрой постепенностью и твердой настойчивостью раскрываетъ все шире свою дѣятельность. Прежде всего онъ дѣйствуетъ посредствомъ своего чуднаго дара слова, проповѣдію. Громадныя толпы народа, собравшіяся слушать его, восторгаются пока болѣе его

краснорѣчіемъ, нежели содержаніемъ его бесѣдъ. Златоустъ никогда не искалъ пустой ораторской славы, не довольствовался онъ и теперь лишь преклоненіемъ предъ его словеснымъ даромъ. Ему нужны были не восторги толпы, а дѣла. Онъ на это не разъ указывалъ народу и впоследствии успѣлъ достигнуть и въ этомъ отношеніи перемѣны въ настроеніи слушателей. Онъ самъ былъ живымъ примѣромъ весьма серьезнаго отношенія къ жгучимъ вопросамъ христіанской вѣры и жизни. Онъ видѣлъ, напр., поразительное неравенство состояній въ населеніи столицы. Какъ же быть? какъ помочь горю, исправить это зло? Не остаться ли лучше спокойнымъ зрителемъ этой аномаліи, довольствуясь своимъ почетнымъ положеніемъ?—Нѣтъ. Онъ знаетъ и поучаетъ, что только христіанская любовь можетъ облегчить положеніе бѣдныхъ и угнетенныхъ, и вотъ, онъ первый же подаетъ примѣръ самоотреченія въ пользу ближняго. Онъ отказывается отъ посѣщенія богатыхъ домовъ, приема у себя знатныхъ лицъ и устройства обильныхъ трапезъ. Самъ живетъ бѣдно, питается скудно. Зато у него собираются богатѣйшія средства для дѣла благотворенія. Въмѣсто лишь четырехъ и то небогатыхъ, бывшихъ до него благотворительныхъ заведеній, онъ открываетъ по всему городу цѣлую сѣть подобныхъ заведеній; словомъ и убѣжденіемъ онъ успѣваетъ сломить жестокосердіе богатыхъ, находитъ много доброхотныхъ жертвователей и даже мечтаетъ о томъ времени, когда всякая бѣдность въ его паствѣ прекратится.

Но еще болѣе, чѣмъ тѣлесныя нужды, привлекаютъ къ себѣ вниманіе Іоанна Златоуста нужды паствы духовныя. Много пороковъ у столичныхъ жителей было обязано своимъ происхожденіемъ и существованіемъ прямому или косвенному вліянію язычества и іудейства. Императорскій дворъ тогда служилъ заразительнымъ примѣромъ ненормальной роскоши и пустого тщеславія. Высшее свѣтское общество стремилось къ пышности и проводило время въ суетныхъ развлеченияхъ. Отсюда происходили безстыдныя хищничества вельможъ и

безумныя увлеченія театральными зрѣлищами и т. п. удовольствіями. Св. Іоаннъ не сталъ обходить молчаніемъ того, что не согласно было съ живой вѣрой и серіозной христіанской настроенностью. Весьма жизненными и рельефными чертами рисоваль онъ эти гибельныя страсти, суетныя склонности и странныя обычаи всенародно, на церковной каѳедрѣ. Пока еще столичное общество, преимущественно великосвѣтское, задѣтое архіепископомъ за самую больную и чувствительную сторону своей жизни, молчало... Проповѣдникъ-архипастыръ въ первые годы стоялъ еще твердо, все шире и интенсивнѣе раскрывая свою пастырскую дѣятельность.

Весьма было бы важно, если бы мѣстное духовенство помогало св. Іоанну съ должною ревностью въ дѣлѣ воспитанія народа. Къ сожалѣнію, и оно въ значительной части своей, не исключая даже епископовъ Константинопольскаго округа, не стояло на подобающей высотѣ, ведя свѣтскую, недостойную жизнь. Къ великому соблазну общества, нѣкоторые клирики сожигательствовали съ дѣвственницами. Могли св. архіепископъ это стерпѣть? Онъ принялъ твердыя мѣры къ устраненію соблазна: дѣвственницамъ указалъ мѣсто въ монастыряхъ, а діакоиссъ поставилъ на правильный путь служенія церковной и общественной благотворительности, при чемъ нѣкоторыя изъ нихъ подъ его вліяніемъ явили въ себѣ высокіе примѣры самоотверженія (Шикарета, Сильвина, Пентадія, Олимпіада).

Апостольская ревность св. Іоанна Златоуста побуждала его къ заботамъ объ обращеніи къ христіанской вѣрѣ и тѣхъ, которые сбились съ пути истиннаго, или которые еще и не видѣли духовнаго свѣта и блуждали во тьмѣ и сѣни смертной (язычниковъ). Онъ заботится о возвращеніи въ православіе аріанъ, принимаетъ мѣры къ искорененію безнравственныхъ языческихъ обрядовъ въ Сиріи (Маіумскихъ), посылаетъ миссіи въ Финикію. Мало того. Взоромъ своимъ онъ проникаетъ и въ кочевья предшественниковъ или, можетъ быть, и предковъ нашихъ славянъ,—Скиѳовъ, а также со-

сѣдей ихъ Готовъ: онъ посылаетъ къ нимъ миссіонеровъ, пастырей и учителей, и имѣлъ потомъ утѣшеніе видѣть успѣхи своихъ заботъ объ ихъ обращеніи ко Христу ¹⁾).

Та же ревность по вѣрѣ побуждала св. Іоанна Златоуста принять мѣры къ исправленію злоупотребленій и въ жизни высшаго клира—епископовъ. Къ нему много приходило жалобъ на безпорядки въ жизни духовенства, не исключая и епископовъ въ Малой Азіи. Пользуясь преимущественнымъ положеніемъ своимъ на востокѣ, какъ архіепископъ константинопольскій, онъ лично отправляется въ Малую Азію (401 г.), собираетъ соборы и, убѣдившись на мѣстѣ въ крайнемъ разстройствѣ церковныхъ дѣлъ, принимаетъ противъ злоупотребленій рѣшительныя мѣры, не остановившись и предъ лишеніемъ сана нѣсколькихъ епископовъ, уличенныхъ въ явной симоніи и недостойномъ поведеніи.

Такова была ревность св. Іоанна Златоуста къ возвышенію правовъ общества, къ поднятію достоинства пастырей и къ успѣхамъ евангелія Христова. Какъ была принята въ столицѣ имперіи и въ сосѣднихъ съ ней округахъ эта многосторонняя и преисполненная апостольскаго рвенія дѣятельность св. Іоанна Златоуста, объ этомъ въ слѣдующій разъ.

II. Петрушевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Самъ онъ съ восторгомъ говорилъ: „Скиѣи, Фракіяне и Сарматы славятъ Христа“. Блаж. же Феодоритъ, бывшій отчасти его современникомъ, пишетъ о немъ: „и другое сродство у тебя есть съ апостолами: ты первый воздвигъ алтари у Скиѣовъ Амаксобовъ (кочующихъ), и тотъ, который не сходилъ съ коня, научился преклонять колѣна, сталъ повергаться на землю; не трогавшійся слезами плѣнниковъ научился оплакивать грѣхи свои“. Biblioth. Photii.

О психической силѣ въ проповѣди Д. С. Кеннара.

(Продолженіе ¹⁾).

Цитаты изъ писателей или знаменитыхъ проповѣдниковъ всегда возбуждаютъ интересъ и придаютъ авторитетность высказанной мысли; цитаты поэтическія и вмѣстѣ съ тѣмъ образныя и кроткія дѣйствуютъ на большинство слушателей. Слѣдуетъ, однако, чтобы они были вообще рѣдки. Нѣкоторое значеніе можно придавать также модернизации, т. е. представленію фактовъ Писанія подъ болѣе близкимъ намъ видомъ. Въ наше время учителемъ въ такомъ родѣ является Мудей. Безъ колебанія слѣдуетъ избѣгать всего того, что избито, стереотипно и пошло. Однако, я не одобрилъ бы того слога, который былъ бы расчитанъ на произведеніе эффекта посредствомъ эксцентричностей. Бываетъ эксцентричность выраженія и трескъ метафоры, которые хуже глупости. Нѣкоторые проповѣдники ради сенсаціи преуменьшаютъ слухъ толпы, понижая свой слогъ до шутовства. Манія употреблять слова „изумительныя и странныя“ заразительна, и многіе проповѣдники, воображая, что „проповѣдь утрачиваетъ свое вліяніе“, думаютъ, что они въ состояніи будутъ доказать противное, ослѣпляя своихъ слушателей блистательными преувеличеніями и ораторскими ракетами.

Простота никогда не должна вырождаться въ глупость; но не слѣдуетъ принимать и трескъ за силу. „Выраженіе мысли, говорилъ гдѣ-то Ж. Кларети, должно быть немного похоже на молнію: быстро, свѣтоносно и электрично; чѣмъ больше въ немъ этой быстроты и электричности, тѣмъ больше, въ отличіе отъ молніи, оно будетъ продолжаться“.

Не много вещей производитъ больше эффекта, чѣмъ краткій и полный анекдотъ; но мало также есть вещей, ко-

¹⁾ См. № 43-й за 1907 г.

торыя были бы болѣе деморализующи, какъ некстати употребленный анекдотъ. Христось пользовался такими разсказами, какъ и другими непрямими средствами для выраженія Своей мысли, но—съ какой точностью и ясностью! Злоупотребленіе этимъ средствомъ въ наше время составляетъ тяжелую слабость; необходимо для правильнаго пользованія имъ имѣть вѣрный вкусъ и истинный ораторскій тактъ.

Сравненія всякаго рода суть какъ бы окна дома; но они должны быть таковы, чтобы пропускать только бѣлый свѣтъ. Они не должны быть искусственны и натянуты, или внѣ оцѣнки слушателей. Явленія внѣшней природы въ ихъ безконечномъ разнообразіи, природа человѣческая въ своихъ особыхъ проявленіяхъ, жизнь общественная, событія дня, факты повседневной жизни въ семействѣ, въ магазинѣ, на фермѣ или на улицѣ легче воспринимаются, чѣмъ факты, заимствованные изъ исторіи, науки или литературы. Эти послѣдніе, однако, отлично подходятъ къ аудиторіи образованной и вообще могутъ оказывать свое вліяніе и на людей необразованныхъ, лишь бы соотвѣтственно ими пользовались. Вступленія и отступленія должны быть упразднены, когда дѣло касается сравненій. Сравненія и примѣры всякаго рода должны быть подобны зарницамъ, т. е., скоро появляться и скоро же исчезать, но освѣщать пейзажъ.

Сравненіе часто можетъ заключаться въ одномъ словѣ (напр.: „ржавчина распушенности“ или „ѣдкая насмѣшка“), или въ сокращенномъ предложеніи, какъ слѣдующее слово д-ра Гютри: „эгоистъ, сердце котораго не больше, чѣмъ его гробъ, подлинно великъ для самаго себя“; или слѣдующее слово Ривароля на Кондарсе: „онъ писалъ опиумомъ на свинцовой бумагѣ“. Даже въ цѣлой главѣ невозможно лучше описать снотворный и вялый слогъ.

Значительное число сравненій въ сокращенномъ видѣ можно находить въ пословицахъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ. Это—перлы практической мудрости; будучи введены въ проповѣдь, они придаютъ ей блескъ.

Вообще, мы можемъ сказать, что проповѣдникъ, подобно поэту, долженъ говорить языкомъ массы, а не на діалектъ какого-либо класса. Онъ долженъ правиться не меньшинству образованному, а всѣмъ; и естественный слогъ, возникающій изъ глубинъ искренности, убѣжденія и любви, порождаемый дѣйствительностью, будетъ слогомъ реалистичнымъ и сильнымъ. „Когда разсматриваютъ естественный слогъ, говоритъ Паскаль, то всему удивляются и всѣмъ восхищаются, такъ какъ ожидаютъ видѣть автора и находятъ человѣка“. Соприкосновеніе съ дѣйствительной жизнью людей, наблюденіе представляющихся намъ случаевъ, всегда открытыя глаза и сердце, близкое знакомство съ писателями, которые пріобрѣли и сохранили вниманіе человѣчества—все это много содѣйствуетъ образованію сильнаго слога. Д-ръ Гютри говоритъ, что цѣль слога—„доказывать, живописать и убѣждать“; остается поэтому сказать о приспособительности языка къ указаннымъ цѣлямъ. Каждая изъ нихъ имѣетъ свою роль, и всѣ заслуживаютъ вниманія.

Слогъ долженъ *точно опредѣлять*; онъ долженъ ясно для всѣхъ представлять положеніе, подлежащее доказыванію, и затѣмъ аргументировать въ сжатомъ порядкѣ безъ пустоты, въ которой сомнѣніе можетъ найти свое мѣсто. При доказываніи предложенія избѣгайте сложныхъ фразъ и аргументовъ. Краткость и сжатость—въ этомъ случаѣ сокровища. Нѣтъ ничего утомительнѣе, какъ слишкомъ обильное доказываніе. Есть люди, думающіе, что они ничего не доказали, если не собрали и не свели всѣ возможные доказательства и для полноты не увѣнчали всѣми аналогичными фактами; умъ всѣмъ этимъ обременяется и подавляется. Слушая, какъ нѣкоторые безконечно доказываютъ очевидное положеніе, поддаешься искушенію сдѣлать имъ упрекъ, который аѳинская чернь бросила оратору, впервые выступившему съ похвальною рѣчью о силѣ и значеніи Геркулеса: „кто же сомнѣвается въ этомъ?“ Слѣшите окончить разсужденіе и

описывайте предметы для воображенія и чувства такимъ образомъ, чтобы привести къ дѣйствию.

Люди въ большинствѣ побуждаются своимъ воображеніемъ и своими симпатіями. Мы и должны вести ихъ привычными путями мысли и затѣмъ давать имъ опережать ихъ. Иногда какое-нибудь слово вызываетъ у слушателя живой образъ дѣйствія и предмета, и если мы свяжемъ свою мысль съ воспоминаніями такого рода, то мы произведемъ впечатлѣніе. Чтобы неожиданно возбудить любопытство чѣмъ-нибудь внезапнымъ, вопросъ, восклицаніе или обращеніе откроютъ двери воображенію. Сильный слогъ долженъ всегда рассчитывать на этого полезнаго союзника въ своихъ усиліяхъ убѣдить. По хорошему правилу, вступленіе должно быть смѣло и сильно, чтобы слушатель напередъ почувствовалъ силу вашего мнѣнія. „Я предпочитаю, говорить Монтель, тѣхъ авторовъ, которые выпускаютъ первый залпъ противъ самаго сильнаго сомнѣнія. Я предполагаю, что затѣмъ должны полѣдовать лучшіе и серіознѣйшіе доводы“.

Что слѣдуетъ намъ сказать о честолюбивомъ стремленіи проповѣдника быть оригинальнымъ въ образѣ мысли и выраженія? Это похвальное честолюбіе; но должно дѣлать различіе. Безъ сомнѣнія, одни только простонародные умы удовлетворяются избитыми истинами и условіями. Но оригинальность и счастье, обыкновенно избѣгаетъ тѣхъ, которые прямо домогаются ея и притомъ ради нея самой. Избѣгая стереотипности, можно достигнуть только эксцентричности; боязнь быть банальнымъ доводитъ многихъ до того, что они дѣлаются странными. Монтескье сказала: „когда гоняются за умомъ, то уловляютъ глупость“. Кто хочетъ быть оригинальнымъ безопасно, здраво и основательно, пусть изучитъ самостоятельно и вполнѣ свободно великіе факты, относящіеся къ душѣ и имѣющіе свой центръ на крестѣ и окружность въ вѣчности; пусть изучаетъ близко и непрерывно человѣческую природу изъ собственнаго наблюденія и наблюденія ея великихъ истолкователей и особенно изъ Библии;

пусть терпѣливо старается изучить безконечное и всегда новое разнообразіе символовъ природы; пусть онъ соединяетъ свое сердце и свою мысль съ дѣйствительной и дѣятельной жизнью *нынѣшняго* человѣчества, и онъ не будетъ банальнымъ.

Никакіе источники Шеридъ не могутъ доставить того, что предлагаетъ природа своимъ вѣрнымъ дѣтямъ. Тотъ, кто естествененъ и всегда прибѣгаетъ къ природѣ, настолько будетъ оригиналенъ, насколько возможно быть имъ, оставаясь истиннымъ. Тотъ, кто искусственъ, является подражателемъ, сознаетъ ли онъ это или нѣтъ. Истинная оригинальность безсознательна; проста и дѣтски наивна по своей произвольности и скромности.

Психическая энергія въ слогѣ представляетъ такое качество, которое дѣлаетъ сильнымъ проповѣдника или проповѣдуемую имъ истину; она также побуждаетъ вниманіе останавливаться на трактуемомъ предметѣ и запечатлѣваетъ этотъ предметъ въ умѣ слушателя. Она зависитъ отъ личной силы темперамента, мысли и характера. Сила характера производитъ силу мысли и силу слога въ сочиненіи. Таково общее правило; но особенныя исключительныя или условныя причины могутъ ограничивать его примѣненіе. Психическій слогъ устанавливаетъ то живое, сочувственное отношеніе человѣка къ своему языку, результатомъ котораго является то, что его слова принадлежатъ его характеру, что онъ приноситъ въ нихъ свойство и оттѣнокъ своего чувства и что онъ даетъ свосму слушателю живое сознаніе прямого соприкосновенія съ умственной и духовной силой, живущей и чувствующей. Если же онъ пользуется извѣстнымъ выборомъ словъ, какъ чѣмъ-то внѣшнимъ и по отношенію къ самому себѣ, или украшается риторикой, какъ одеждой, то онъ далекъ отъ этого идеала. „Слогъ, говоритъ Шопенгауэръ, есть фізіономія ума и составляетъ болѣе вѣрный показатель характера, чѣмъ самое лицо“. Психическій слогъ именно уста-

навливаетъ совершенное отношеніе между человѣкомъ и его мыслью.

Важный источникъ энергіи стиля представляетъ энергія мысли. Здѣсь необходима извѣстная полнота природы, Человѣкъ можетъ быть, по выраженію Паскаля, „мыслящимъ тростникомъ“; но никогда тростниковая свирѣль не издаетъ звука трубы. Можно быть логичнымъ и образованнымъ и въ то же время имѣть слогъ, лишешій психической энергіи. Цицеронъ философъ и Цицеронъ ораторъ представляются двумя различными людьми. „Вы говорите то или это“, спокойно утверждаетъ писатель. „Стремитесь ли вы заставить насъ вѣрять въ то или это?“ спрашиваетъ страстный ораторъ. Писатель утверждаетъ, что „злоупотребленія Катилины сдѣлались наконецъ невыносимы для терпѣнія Сената“; а ораторъ восклицаетъ: „доколѣ, Катилина, будешь ты злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ?“ Это вступленіе къ рѣчи было подобно удару грома со спокойнаго неба!

Объ отношеніи между слогомъ и чувствованіями будетъ рѣчь въ ближайшей главѣ; настоящую же главу я оканчиваю замѣчаніемъ, что, составляя проповѣдь, мы не должны упускать изъ виду главной цѣли ея. Тотъ, кто работаетъ надъ ней, какъ скульпторъ надъ мраморомъ или живописецъ надъ полотномъ, чтобы создать нѣчто художественное, вѣроятно, получить свою награду, т. е. болѣе или менѣе высокое одобреніе своей аудиторіи, предъ которой онъ выставляетъ свое произведеніе; но онъ не достигнетъ чего-либо значительнаго для своего труда. Локомотивъ или печатный станокъ могутъ быть произведеніями искусства, геніальности; но не въ томъ ихъ цѣль; ихъ единственное значеніе состоитъ въ ихъ способности къ дѣйствию. То же самое и по отношенію къ проповѣди. Построенная соразмѣрно, украшенная метафорами, выкованная и закаленная на огнѣ генія, она имѣетъ своею цѣлью убѣждать, обращать и пересоздавать людей. „Вотъ великій проповѣдникъ!“—скажете вы о комъ-либо; а я хочу знать, „великій ли онъ спаситель душъ“.

То, что сказалъ по этому предмету 20 лѣтъ назадъ Гизо, къ несчастью, вполне сохраняетъ значеніе и для настоящаго времени. Въ своихъ лекціяхъ по исторіи въ университетѣ онъ слѣдующимъ образомъ сравниваетъ священное краснорѣчіе 7 и 8-го вѣковъ съ краснорѣчіемъ новыхъ временъ: „Я всегда говорилъ, что отъ VI до VIII в. характеръ письменности пересталъ быть чисто литературнымъ; что она сдѣлалась дѣйствіемъ, силой; что пища или говоря, стали заботиться только о положительныхъ и непосредственныхъ результатахъ; что въ это время не стремились ни къ наукѣ, ни къ умственнымъ удовольствіямъ, и что, по этой причинѣ, эпоха производила только проповѣди и аналогичныя имъ творенія. Этотъ фактъ, открывающійся въ литературѣ вообще, напечатлѣнъ и на самыхъ проповѣдяхъ. Возьмите проповѣди новыхъ временъ; онѣ, очевидно, имѣютъ характеръ болѣе литературный, чѣмъ практическій. Ораторы гораздо болѣе заботятся о красотѣ языка, объ умственномъ удовольствіи слушателей, чѣмъ о воздѣйствіи на глубину ихъ души, о произведеніи дѣйствительныхъ эффектовъ, истинныхъ преобразованій, сильныхъ обращеній. Ничего подобнаго, ничего литературнаго нѣтъ въ проповѣдяхъ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ; никакого преднамѣреннаго замысла говорить хорошо, искусно комбинировать образы, идеи; ораторъ идетъ къ дѣлу, онъ хочетъ дѣйствовать, онъ ходитъ и возвращается въ одномъ и томъ же кругѣ; онъ не боится повтореній, фамиллярности, даже вульгарности; онъ говоритъ кратко и каждый день снова начинается. *Это не краснорѣчіе священное; это—религіозная сила*“¹⁾.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Гизо „Исторія цивилизаціи во Франціи“ т. 2, стр. 26.

ЗАМѢТКА.

Діаконъ-садоводъ.

Діаконъ села Подбѣлевца, Мценскаго уѣзда, о. Николай Тихомировъ, начавъ свое служеніе здѣсь съ 1892 года, развелъ здѣсь плодовой питомникъ и снабжаетъ крестьянъ прививками за умѣренную плату, едва покрывающую расходы по содержанію питомника, а иногда даже бесплатно, и даетъ имъ, крестьянамъ, указанія относительно разведенія садовъ. Результатомъ этого труда почтеннаго о. діакона было то, что, по свидѣтельству уполномоченнаго по сельско-хозяйственной части въ Орловской губ., въ селѣ Подбѣлевцѣ почти при каждомъ домѣ имѣется садъ, и, по примѣру жителей этого села, крестьяне другихъ сосѣднихъ селъ и деревень заводятъ у себя сады, приобрѣтая себѣ прививки у того же о. діакона.

Достойный подражанія примѣръ для тѣхъ, кто пожелалъ бы внести свою долю участія въ культурную работу. (Совр. лѣтоп.).

Опечатка.

Въ № 42, на стр. 170, 4 строкъ снизу напечатано: „*Въ Патіунтъ* и умеръ св. Златоустъ“; должно быть: „*Съ ними* и умеръ св. Златоустъ“.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 29-го октября 1907 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. № 45. Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1907-го года ноября 11-го дня.

Содержаніе: I. Пастырь—источникъ обновленія приходской жизни.—II. Къ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего Іоанна Златоуста, архіепископа Константинопольскаго (14 сентября 407 г.) (Продолженіе).—III. Нѣсколько словъ о церковномъ уставѣ и богослужбной практикѣ.—IV. Замѣтки. а) Изъ Изъ жизни начинающаго пастыря. б) Союзъ для борьбы съ дѣтской смертностью.

Пастырь — источникъ обновленія приходской жизни.

Въ настоящее время однимъ изъ самыхъ живыхъ и насущныхъ вопросовъ русской церковной жизни является вопросъ объ оживленіи прихода. Разныя мѣры и средства указываются для этого оживленія. Кое-гдѣ осуществляются указываемыя мѣры: открываются, напр., рекомендованные приходскіе совѣты (въ Орловской епархіи). Не знаемъ, приносятъ ли съ собою жизнь въ приходъ приходскіе совѣты. Знаемъ только, что обновленіе жизни идетъ не изъ учреждений, а особенно не по почину снизу открываемыхъ. Обновленіе жизни совершается *личностью*; живая жизнь бьетъ

тамъ, гдѣ появляется неизсякаемый источникъ ея—живая личность человѣка, а учрежденія всякаго рода служатъ развѣ только средствами и формами вліянія личности на жизнь человѣческую. Если вообще обновленіе жизни идетъ изъ живой личности человѣка, то, въ частности, обновленіе приходской жизни совершается *живымъ пастыремъ*, священникомъ прихода. И разсужденія аргюгі, и примѣры исторіи и жизни ясно показываютъ намъ, что именно изъ личности—обновленіе жизни вообще и приходской въ частности.

Что такое учрежденіе? Собраніе людей, связанныхъ въ одно цѣлое правилами, опредѣляющими цѣль соединенія людей въ союзъ, дѣятельность ихъ, средства къ достиженію цѣли. Гдѣ же тутъ жизнь? Въ правилахъ? Но они—мертвая буква, нуждающаяся въ оживленіи отъ живого исполнителя своего. Въ самомъ соединеніи людей? Но если нѣтъ жизни въ отдѣльныхъ единицахъ, то не будетъ ея и въ цѣломъ. Именно въ *лицахъ*—жизнь, а не въ учрежденіи, какъ таковомъ. Будь какое бы ни было учрежденіе, но если въ немъ нѣтъ души—живой личности, то это учрежденіе будетъ влечь жалкое существованіе. Такъ и въ приходскомъ совѣтѣ: не будь въ немъ одушевленнаго пастыря—души прихода, и приходъ не оживится, не обновится отъ приходскаго совѣта.

Припомнимъ кратко факты исторіи Церкви Христовой древнихъ и нашихъ временъ, и они покажутъ намъ, что личность обновляетъ жизнь, а не учрежденія.

Вѣра Христова возродила души людей, обновила одряхлѣвшій человѣческій міръ, влила жизнь въ омертвѣвшія формы дѣятельности людской, указавши новые мотивы и цѣли этой дѣятельности. Откуда же взялась эта животворная сила? Гдѣ былъ источникъ ея? Не учрежденіе какое-либо, а единая живая Личность Христа Спасителя, пришедшаго съ неба и принесшаго съ Собою на землю небесную жизнь. Никакихъ учрежденій, никакихъ совѣтовъ, а только непосредственное вліяніе слова, чудесь, внутренней благодатной

жизни; отъ этого именно зачалась на землѣ заря новой, благодатной жизни, разгорѣвшаяся (заря) въ свѣтлый день христіанства.

Послѣ Господа Иисуса Христа хранителями и распространителями по міру новой жизни христіанской явились одушевленные, самоотверженные ученики Его. Живые вѣрой, согрѣтые любовью, крѣпкіе и стойкіе, благодаря самоотверженію до готовности жизнь свою отдать ради Христа, самоотверженные вслѣдствіе полной преданности своему Учителю, они ходили изъ города въ городъ, изъ веси въ весь и всюду вливали такія же чувства въ сердца людей. И разливалась жизнь христіанская по міру широкой рѣкой. Живыя души апостоловъ разносили по міру эту жизнь, не учрежденія, не правила.

Но все же, скажутъ, и Господь учредилъ Церковь и далъ правила—Евангеліе. Да, Господь установилъ Церковь, какъ учрежденіе спасающихся; но въ томъ-то и дѣло, что во главѣ этого учрежденія сталъ Оцъ Самъ; Имъ только и жива Церковь. Господь далъ правила—Евангеліе; но это—не обычныя человѣческія правила, мертвыя буквы; это—сама жизнь, которой, какъ живой водой, питается всякій, съ добрымъ сердцемъ читающій и воспринимающій слово Евангелія.

Послѣ апостоловъ вдохновителями людей на все доброе, носителями и возбудителями жизни ближе всего въ своихъ паствахъ, а потомъ и вообще въ Церкви Христовой, являются великіе преемники апостоловъ—мужи апостольскіе, святители и отцы Церкви, какъ Аѳанасій Великій, Кириллъ Іерусалимскій, Василиій Великій, Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ и другіе. Словомъ своимъ они питали души людей; благотворительныя учрежденія, какія выросли одно за другимъ въ Кесаріи подъ воздѣйствіемъ Василія Великаго, въ Константинополѣ—каѳедрѣ св. Іоанна Златоуста, облегчали матеріальныя нужды пасомыхъ тѣхъ великихъ свя-

тителей. Жизнь исходила отъ нихъ самихъ, а не отъ созданныхъ ими учрежденій.

Съ тѣхъ поръ и доселѣ остается неизблемой истина, что главное условіе для процвѣтанія народно-церковной жизни и дѣятельности—святые, одушевленные дѣятели на нивѣ Божіей. И въ настоящее время отъ нихъ, живыхъ служителей Христовыхъ, пастырей стада Его,—жизнь и духовное обновленіе паствы, прихода ихъ. На кого укажемъ, какъ на примѣръ нашего времени? О, примѣры есть и не мало. Осмотритесь кругомъ, и найдете приходскихъ и епархіальныхъ пастырей разныхъ степеней одушевленія. Укажемъ на самый яркій примѣръ, Кронштадтскаго пастыря. Не онъ ли—душа Кронштадта? Не стремится ли къ нему и вся Русь? Не сталъ ли Кронштадтъ мѣстомъ паломничества православнаго люда? Какъ цвѣтокъ тянется къ солнцу, такъ и русскій православный народъ направляется къ пастырю, въ которомъ почуялъ жизнь Христову. А Кронштадтъ украсился и многія другія мѣста сѣверной Руси обогатились благотворительными и богоугодными заведеніями и храмами Божіими. Не эти благотворительныя заведенія воспитали о. Іоанна, а сами они выросли, благодаря о. Іоанну. Не будь его, безъ сомнѣнія, не было бы и ихъ.

И такъ—въ каждомъ приходѣ, не въ такой, конечно, мѣрѣ, какъ въ Кронштадтѣ, а въ каждомъ приходѣ въ свою мѣру. Появляется въ немъ пастырь религіозный, ревностный, и, глядишь, начинаетъ оживать по-немногу приходъ. Въ церкви, съ амвона слышится теплое слово; въ школу является больше дѣтей; въ прихожанахъ больше усердія къ храму; ихъ чаще видитъ здѣсь пастырь; безразличіе пастыря къ прихожанамъ и прихожанъ къ пастырю уничтожается. Въ епархіальныхъ органахъ встрѣчаются извѣстія, что тамъ-то священникъ, пораженный окружающею его крестьянской нищетою и закабаленіемъ своихъ прихожанъ въ рукахъ кредиторовъ, открываетъ кредитное товарищество и вырываетъ крестьянъ изъ тяжелой кабалы и, при умѣломъ распоряженіи

ихъ же деньгами—паями, взносами, помогаетъ имъ. Дѣатели Почаевской лавры открываютъ одну за другой потребительскія лавки, освобождая, при помощи ихъ, волынцевъ отъ зависимости отъ инородцевъ. Намъ извѣстны и другіе примѣры одушевленныхъ дѣателей приходскихъ, но ограничимся указанными.

Такъ, отъ *личности*—обновленіе. Въ приходѣ главное—священникъ. Въ настоящее время, когда поднять вопросъ объ оживленіи церковной и, въ частности, приходской жизни, особенно нужны Русской Церкви пастыри благочестивые, любящіе храмъ Божій, истовое богослуженіе, не безразличны къ своимъ прихожанамъ, ревностные въ словѣ, усердные въ ученіи. Пастырямъ русскимъ надлежитъ, по духу и запросамъ нашего времени, явить въ себѣ такихъ именно служителей Христовыхъ; пусть дѣйствительно обновляется жизнь, оживаетъ то, что какъ-будто замерло на время, возстаетъ упавшая, особенно по мѣстамъ, вѣра народа, просвѣтляется совѣсть его.

А. А.

**Къ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего
Іоанна Златоуста, архієпископа константинополь-
скаго († 14 сентября 407 г.).**

(Продолженіе ¹⁾).

Велико было обаяніе св. Златоуста на тѣхъ, кто знали его прежде, или кто имѣли возможность судить о немъ только по его дѣламъ, а не по отношенію къ своимъ эгоистическимъ интересамъ. И при всей замкнутости своей жизни св. архієпископъ Іоаннъ пріобрѣлъ однако множество почитателей и приверженцевъ въ кругу духовенства и мірянъ, въ особенности же въ простомъ народѣ, видѣвшемъ въ немъ

¹⁾ См. № 44-й за 1907 г.

своего истиннаго пастыря и отца. Но съ другой стороны дѣятельность св. Іоанна не могла не вызвать въ нѣкоторыхъ кругахъ столичнаго общества и неудовольствія. Ревность по правдѣ и въ болѣе тѣсномъ кругу общества навлекаетъ не-пріятности для человѣка, тѣмъ болѣе слѣдовало ожидать всякихъ скорбей и изгнанія, правды ради, для такого дѣятеля, какъ Златоустъ, призванный къ трудамъ среди людей, сильныхъ своими связями, богатствомъ и общественнымъ положеніемъ. Своими обличеніями пороковъ въ проповѣдяхъ и архипастырскими распоряженіями св. Іоаннъ навлекъ на себя вражду со стороны тѣхъ, кого онъ такъ или иначе коснулся. Эта вражда была тѣмъ опаснѣе, что исходила отъ лицъ, въ обществѣ сильныхъ и вліятельныхъ. Таковы были прежде всего епископы, лишеныя св. Іоанномъ кафедръ. Съ крайнимъ озлобленіемъ, къ которому способны люди, уличенные въ неправдѣ и злоупотребленіяхъ, они ведутъ враждебную агитацию противъ константинопольскаго епископа, обвиняя его въ незаконномъ будто бы вторженіи въ чужія епархіи и другихъ противозаконныхъ дѣйствіяхъ. Къ нимъ присоединились другіе епископы, завидовавшіе его положенію и огромному вліянію на народъ, каковъ былъ, напр., Северіанъ, епископъ гавальскій, злоупотребившій довѣріемъ своего архіепископа, коварно подбиравшійся къ кафедрѣ Константинопольской (во время отсутствія Златоуста, въ 401 г.), старавшійся пріобрѣсть себѣ расположеніе въ столицѣ своимъ пустымъ напыщеннымъ краснорѣчіемъ и угожденіемъ самолюбію и страстямъ сильныхъ міра сего ¹⁾. За ними послѣдовали еще иные епископы,

¹⁾ Св. Іоаннъ Златоустъ на время своего отсутствія въ Малую Азію въ 401 г. оставилъ Северіана управляющимъ Константинопольской епархіей. Северіанъ, пропизося напыщенныя рѣчи въ столицѣ, тщательно старался избѣгать всякихъ намековъ на грѣхи и злоупотребленія сильныхъ міра сего; въ то же время онъ постарался проникнуть ко двору и пріобрѣсти благоволеніе у императрицы Евдокіи. Св. Іоаннъ по возвращеніи, думалъ было удалить его изъ столицы, но потомъ оставилъ, по ходатайству Евдокіи, на свое горе.

оставшіеся недовольными св. Іоанномъ за его, какъ имъ казалось, сухой, холодный и надменный пріемъ, за угощеніе простымъ, и не роскошнымъ обѣдомъ и пр.

Къ недовольнымъ епископамъ стало присоединяться и столичное духовенство. Привыкнувъ раньше (при епископѣ Нектаріи) къ вольной жизни, оно стало особенно негодовать, когда св. Златоустъ, самъ прошедшій всѣ степени церковно-священнаго служенія и имѣвшій самое высокое понятіе о священствѣ и его обязанностяхъ, сталъ искоренять въ немъ различныя нестроенія и злоупотребленія (въ родѣ сожителства съ дѣвственницами). Стало замѣчаться иногда и открытое противодѣйствіе со стороны столичнаго духовенства распоряженіямъ своего архипастыря.

Недовольны были св. архіепископомъ и многіе столичные монахи, привыкшіе здѣсь къ пустой, празднои жизни и считавшіе его человѣкомъ тяжелымъ и гордымъ, жестокимъ и высокоумнымъ. Озлобленіе противъ архіепископа породило противъ него злословіе и клеветничество. Стали распространять о немъ самыя нелѣпыя слухи ¹⁾, которые, какъ извѣстно, всегда могутъ найти охотниковъ вѣрить имъ и распространять ихъ.

Если такъ относились къ своему архіепископу члены клира, то чего можно было ожидать отъ знатныхъ, развращенныхъ классовъ населенія, которые болѣе всего подвергались обличеніямъ его съ церковной каедры? Имъ было непріятно отчужденіе архіепископа отъ ихъ общества и уклоненіе отъ участія въ ихъ пиршествахъ. Они обвинили его даже въ возбужденіи низшихъ классовъ общества противъ высшихъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ. Но болѣе всего были недовольны имъ дамы высшаго столичнаго общества суетное

¹⁾ Напр., будто бы св. Іоаннъ удалется отъ общихъ трапезъ по причинѣ домашняго неводержанія въ пищѣ и питіи, тогда какъ всѣмъ было извѣстно, что онъ отказывался отъ участія въ пиршествахъ по причинѣ слабости желудка, разстроеннаго прежними подвигами въ пустынѣ.

попеченіе которыхъ о своемъ лицѣ и нарядахъ находили въ немъ неутомимаго обличителя, и это были самые опасные враги. Всякое непріятное имъ слово св. Іоанна онѣ съ чисто женскою способностью преувеличивали и раздували, и когда онѣ обличали ихъ, напр., въ безумной роскоши, для удовлетворенія которой ихъ мужья должны были грабить народъ, укоряли ихъ, что онѣ искажали образъ Божій, румянились на подобіе Іезавели и подводили себѣ глаза сурьмой на, подобіе египетскихъ идоловъ, то этого онѣ уже ему никакъ не могли простить ¹⁾. Съ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія онѣ мстили своему обличителю клеветой и всякими наговорами. Такъ какъ сама императрица Евдоксія подавала заразительный примѣръ занятія нарядами и кокетства, то высшій дамскій свѣтъ не замедлил пустить молву, будто архіепископъ въ своихъ обличеніяхъ нарядовъ имѣлъ прежде всѣхъ въ виду императрицу. Конечно, ей въ такомъ смыслѣ и было доложено. Она же, сознавая себя далеко не безвинной и въ то же время чувствуя себя глубоко уязвленной со стороны архіепископа, также перешла къ врагамъ св. Іоанна.

Такимъ-то образомъ мало-по-малу вокругъ великаго святителя накопились тучи злобы, ненависти и клеветы, которыя рано или поздно должны были разразиться надъ его главой. Св. Іоаннъ зналъ объ этой ненависти, но преданный всецѣло своему высокому дѣлу воспитанія врученной ему Богомъ паствы, онѣ не обращалъ вниманія на козни враговъ, упоая на Промыслъ Божій. Но враги его не дремали, и вотъ въ началѣ 404 г. въ Константинопольской Церкви началась такая смута, кака могла быть произведена только скрытою и долго сдерживавшеюся ненавистью враговъ св. Іоанна.

Мы не станемъ излагать самую исторію собора „при Дубѣ“ въ Халкидонѣ, составившагося изъ заклятыхъ враговъ

¹⁾ См. Жизнь и твор. св. Іоанна Златоуста, т. I, Твор. св. о. п. I. Златоуста, стр. 72.

Златоуста, изображать ихъ происки и незаконныя дѣянiя, а также насильственное лишенiе кафедры св. Иоанна и двукратное отравленiе его въ ссылку. Мы только замѣтимъ, что вся трагическая исторiя осужденiя и ссылки св. Златоуста была бы полна недоразумѣнiй для посторонняго наблюдателя, если бы онъ не зналъ скрытыхъ пружинъ этого незаконнаго нападенiя на св. архіепископа. Какъ понять, напр., дерзкій заносчивый отвѣтъ Теофила Александрійскаго св. Иоанну на его братское ходатайство за обиженныхъ такъ называемыхъ „долгихъ братьевъ“, прибытіе затѣмъ Теофила въ столицу не для своего оправданiя предъ св. Иоанномъ, но, напротивъ, для суда надъ нимъ, явные обманы и насилiя при судѣ надъ Златоустомъ? Ничего бы этого не было, если бы враги не видѣли сильной поддержки отъ императрицы Евдокеи и высшей знати.

Мы отворачиваемъ взоры отъ всѣхъ подробностей незаконнаго суда и изгнанiя за правду св. Иоанна Златоуста. Мы здѣсь отмѣтимъ лишь его душевное настроенiе, при начавшемся гоненiи. Въ то время, когда враги его уже съ яростiю принялись судить его, онъ думалъ лишь о томъ, чтобы твердо перенести готовящееся ему испытанiе и внушить паствѣ стремленiе къ преуспѣянiю лишь въ добромъ. „Молите Бога о мнѣ, братіе, говорилъ онъ собравшимся у него преданнымъ ему епископамъ, и если вы любите Христа, не отходите отъ церквей вашихъ; для меня уже приблизилось время бѣды, и, принявъ много скорби, я долженъ отойти изъ жизни сей. Вижу, что сатана, не вынося нашего ученiя, созвалъ уже противъ меня соборище. Но вы не скорбите обо мнѣ, но поминайте меня въ молитвахъ вашихъ“... Всѣ заплакали... Не похожа-ль эта трогательная сцена на ту, которая нѣкогда имѣла мѣсто въ Милетѣ, когда св. ап. Павелъ, идя въ Іерусалимъ на страданiя, прощался съ пресвитерами Ефесскими? Въ то время, когда члены незаконнаго соборища „при Дубѣ“ уже свирѣпствовали даже надъ посланными отъ св. Иоанна, послѣдній стоитъ твердо и

непоколебимо, въ ясномъ сознаніи своей правоты: „пусть пѣнится и ярится, говорить онъ, море, но камня оно не можетъ сокрушить; пусты вздымаются волны, но Иисусова корабля онъ не могутъ потопить. Чего намъ бояться?—Смерти ли? и пр. Я ни нищенства не боюсь, ни богатства не желаю, ни смерти не страшусь; молю только объ одномъ, чтобы вы преуспѣвали въ добромъ“...

При всеобщей народной любви, св. Іоаннъ былъ особенно страшень даже самому двору. Совершенно напрасно! Св. Іоаннъ Златоустъ не былъ демагогомъ. Напротивъ, общественное спокойствіе и повиновеніе власти онъ ставилъ выше личнаго спокойствія. Когда, при первой его ссылке, готово было вспыхнуть въ столицѣ страшное народное возмущеніе, то онъ тайно вышелъ изъ своего дома и отдалъ себя въ руки воиновъ, чтобы не давать повода къ возбужденію народной ярости. То же было и при второмъ его изгнаніи.

Бросая взглядъ назадъ, на прошедшую дѣятельность св. Іоанна Златоуста, невольно скажешь: стоило ли св. Іоанну оставлять тихую, мирную пристань въ Антиохіи и бросаться въ это бурное море страстей столичной жизни? Не лучше ли было ему оставаться въ Антиохіи и продолжать здѣсь спокойно сѣять Слово Божіе въ этой, можетъ быть, болѣе благодарной средѣ, нежели въ столицѣ міра?—Нѣтъ. Промыслъ Божій не напрасно послалъ его сюда. Онъ воздвигъ въ немъ великій свѣтильникъ церковный, который своимъ свѣтомъ ярко сіяетъ для всѣхъ временъ и народовъ, какъ примѣръ истинно-апостольской ревности, трудовъ и страдацій за правду. Честь и слава тѣмъ пастырямъ, которые и въ скромномъ положеніи высоко держатъ знамя вѣры и апостольскаго званія. Но еще больше чести тѣмъ, кто мужественно и твердо несетъ это знамя на высококомъ, трудномъ и опасномъ посту!

5. Съ насильственнымъ удаленіемъ св. Іоанна Златоуста изъ Константинополя наступилъ для него послѣдній, страдальческій періодъ жизни (404—407 г.), въ который,

однако, его высоко-правственный образъ, какъ вѣрнаго ученика Христова, великаго пастыря и вселенскаго учителя выступаетъ особенно ярко. Враги его видимо восторжествовали надъ нимъ. Его съ безчестіемъ изгнали изъ столицы, разлучили съ вѣрной и преданной ему паствою, позаботились и объ усиленіи его страданій въ пути и ссылкѣ: воинамъ, сопровождавшимъ его въ заключеніе, данъ былъ строгій наказъ всячески оскорблять и изнурять его, чтобы онъ умеръ скорѣе. И вотъ, эти войны въ теченіе многихъ недѣль терзаютъ его продолжительными и быстрыми переѣздами на голой спинѣ лошака, не давая ему ни минуты отдыха. Даже и ночью эти варварскіе исполнители дѣвольской воли лишали святого страдальца покоя, останавливаясь въ грязныхъ гостинницахъ, обыкновенно въ еврейскихъ корчмахъ, или даже въ блудныхъ домахъ, совершая при немъ возмутительныя гнусности. Въ церковь нигдѣ не позволяли ему входить, и когда онъ заявлялъ желаніе объ этомъ, то отвѣчали ему издѣвательствами. Постоянно томили его голодомъ, отнимая положенный ему паекъ. Таковъ-то былъ крестный путь великаго угодника Божія, направлявшагося къ мѣсту своего заточенія. Хотя св. Іоаннъ Златоустъ, послѣ всѣхъ терзаній и ужасовъ пути, радъ былъ, наконецъ, и жизни въ глухомъ мѣстечкѣ Кукузѣ, вдали отъ злобныхъ, безсердечныхъ враговъ, принятый здѣсь съ радушіемъ и окруженный заботливымъ вниманіемъ и почитаніемъ добродушныхъ жителей этой отдаленной окраины имперіи, не исключая мѣстныхъ епископа и губернатора, однако и здѣсь въ теченіе трехъ лѣтъ сколько пришлось великому святителю перенести страданій и страховъ отъ болѣзней, отъ суроваго климата, отъ неудобныхъ помѣщеній, отъ бѣгства въ ближайшую крѣпость (Арависскую) въ виду угрожавшихъ нападений отъ исаврійскихъ разбойниковъ... Жизнь св. отца быстро сгорала здѣсь въ огнѣ обышедшихъ его золъ. Однако уже въ этомъ огнѣ явственно обрисовывается ореоль его святости. Враги Златоуста могли торжествовать свою надъ нимъ побѣду, но это

было торжество лишь ви́дннее, призрачное, а не дѣйстви-
 тельное. Что можетъ сдѣлать злобный человѣкъ, ополчившій-
 ся на праведника, съ душой его, утвержденной въ Богѣ?
 Можетъ ли онъ отнять отъ него хоть малую долю того свя-
 того величія, того внутренняго мира и тихой радости, кото-
 рья посылаются въ его сердце *Духомъ Святымъ, вопіющимъ*
 къ Богу: *Авва Отче? Не бойтесь*, сказалъ Господь учени-
 камъ Своимъ, *отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ*
убити! Скорби неизбежны для поборниковъ правды Божіей,
 и онѣ не должны смущать насъ. *Въ мѣръ скорбни будете*,
 сказалъ Господь также ученикамъ Своимъ, *но дерзайте, яко*
Азъ побѣдихъ мѣръ! Страдальцы за правду рано или поздно
 получаютъ свою награду отъ Бога: *блажени измани правды*
ради, яко тѣхъ есть царствіе небесное (Мѹ. 5, 10)! Такъ
 было и съ св. Златоустомъ. ..II. Петрушевскій.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нѣсколько словъ о церковномъ уставѣ и богослужебной практикѣ ¹⁾.

„Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы“... (Мрк. 2. 27—28).

Таково ученіе Иисуса Христа о тѣхъ внѣшнихъ формахъ еврейской религіи, которымъ евреи придавали преувеличенное значеніе. Иисусъ Христосъ указалъ имъ надлежащее мѣсто.

То же можно сказать и о церковномъ уставѣ въ его отношеніи къ пастырямъ Церкви, поскольку уставъ этотъ

¹⁾ Настоящая статья представляетъ рефератъ, прочитанный авторомъ въ „Конринскомъ кружкѣ ревнителей обновленія пастырства и паствы на неизблемыхъ началахъ Евангелія и Заѣтовъ вселенской Церкви“ въ 1906 г. Печатаемъ статью, какъ голосъ самихъ пастырей. При этомъ считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее. Въ основу работъ по ре-

есть выраженіе только внѣшнихъ обрядовъ религіи и не касается ея внутренняго догматическаго содержанія. Не будетъ, кажется, ошибки сказать, что уставъ существуетъ для священника, а не священникъ для устава, хотя на дѣлѣ часто священникъ бываетъ рабомъ устава.

Переживаемое время, какъ говорятъ, есть время „переоцѣнки всѣхъ цѣнностей“. Богослуженіе есть крупная цѣнность въ глазахъ народа, а потому оно, по духу времени, прежде всего и подлежитъ переоцѣнкѣ. Священники, какъ пастыри Церкви, совершители богослуженія, конечно, должны быть вполне компетентными въ рѣшеніи вопроса о богослуженіи и, безъ сомнѣнія, не сочтутъ для себя предосудительнымъ критически отнестись къ глубокой старинѣ церковнаго устава и богослужебной практики, строго уважая ихъ стародавность и въ то же время сознавая, что эта стародавность была и теперь считается причиной тѣхъ неточностей и неправильностей, которыя требуютъ строгаго изслѣдованія и скорѣйшей поправки.

Существовавшая и существующая богослужебная практика является насколько строгой исполнительницей устава, настолько же и нарушительницей его; мало сказать этого: богослужебная практика способна была создать нѣчто новое, такое, что противорѣчило и уставу, и обычаю, и здравому разуму.

І. Богослужебная практика, строго соблюдая букву устава и въ то же время оставляя часто безъ вниманія духъ его, вдалась въ крайность и породила извращеніе церковнаго чтенія и пѣнія. Чѣмъ объяснить плохое пѣніе и очень поспѣшное, непонятное народу чтеніе псаломщиковъ, какъ не стремленіемъ, съ одной стороны, точно выполнить уставъ, а

формъ богослуженія, какъ было высказано въ сужденіяхъ о таковой реформѣ на страницахъ „Р. д. с. п.“, необходимо взять данныя литургической науки: только они обезпечиваютъ правильность и успѣхъ работъ по реформѣ; а „духъ устава“ и „здравый смыслъ“—ненадежные критеріи въ сужденіяхъ о томъ или другомъ богослужебномъ обрядѣ. *Ред.*

съ другой—какъ можно меньше при этомъ потратить времени? Отъ такого отношенія къ дѣлу извращеніе дошло до того, что церковное чтеніе стало, какъ говорится, „притчей во языцѣхъ“. Учитель, когда слышитъ плохое чтеніе въ школь, то справедливо замѣчаетъ ученику, что онъ читаетъ, какъ *дьячекъ* на клиросѣ. Фамусовъ (въ комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума“), при всей своей ограниченности, находя, что чтеніе Молчалина очень плохо, говоритъ ему: „а ты читай не такъ, какъ *пономарь*, а съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкой“. Строгіе исполнители буквы устава прекрасно знаютъ, что молитвенное настроеніе современныхъ людей не продолжительно (о чемъ часто заявляютъ сами прихожане), но выпустить что-либо изъ шестопсалмія, часовъ, великаго повечерія, или не перечислять вторично имена усопшихъ за поминовеніемъ во время литургіи считаютъ грѣхомъ. Очевидно, такіе ревнители устава смотрятъ на уставъ, не какъ на средство сдѣлать богослуженіе правильнымъ, понятнымъ и пріятнымъ для молящихся, а какъ на самое служеніе Богу. Между тѣмъ церковный уставъ есть именно средство, приводящее въ систему богослуженіе, дѣлающее его понятнымъ, вразумительнымъ и цѣлесообразнымъ, т. е. способнымъ поднять религіозный духъ народа, воскресить его упованія и надежды, возвысить его чувства,—въ этомъ цѣль устава, въ этомъ и духъ его. При спѣшномъ чтеніи и пѣніи совершенно утрачивается то и другое. Объ этомъ ясно свидѣлствуетъ то впечатлѣніе, какое производитъ на молящихся совершаемое нынѣ богослуженіе. Кто не былъ свидѣтелемъ тѣхъ прискорбныхъ фактовъ, что во время чтенія въ городахъ молящіеся выходятъ изъ церкви, а въ селахъ угрюмо стоять, дожидаясь, когда начнутъ пѣть? Кто не замѣчалъ того, что народъ пережидаетъ чтеніе часовъ на улицѣ и только со звономъ „къ началу“ идетъ въ церковь, а городскіе жители и начало обѣдни предпочитаютъ быть дома, такъ какъ знаютъ всѣ, что въ первой половинѣ службы бу-

деть двукратное перечисленіе именъ усопшихъ, что очень долго и утомительно.

Кстати, не будетъ ли своевременно-разумнымъ при поминовеніи усопшихъ перечислять имена только одинъ разъ на ектеніи, въ другихъ же случаяхъ, т. е. въ тайной молитвѣ, въ возгласѣ священника, замѣнить это перечисленіе вполне понятнымъ выраженіемъ: „всѣхъ здѣ поминаемыхъ“. Такое измѣненіе вполне соотвѣтствовало бы и духу устава и здравому разуму; что же касается нарушенія буквы устава, то такое нарушеніе допускается и при существующей практикѣ двукратнаго перечисленія именъ, такъ какъ выраженіе „имярекъ“ находится не только въ возгласѣ священника послѣ заушковой ектеніи, но и въ молитвѣ „Боже духовъ...“, и если выраженіе „имярекъ“ обязываетъ перечислять имена въ возгласѣ, то, согласно буквѣ устава, необходимо перечислять имена и при чтеніи молитвы (хотя бы тайно), что однако не исполняется и тѣмъ самымъ буква устава нарушается. Что же касается духа устава и здраваго разума по отношенію къ данному моменту, то они опредѣляютъ поминовеніе усопшихъ слѣдующимъ образомъ: поминовеніе усопшихъ, или точнѣе—ходатайственное обращеніе къ Богу живыхъ о душахъ усопшихъ, содержится въ тѣхъ молитвословіяхъ и пѣснопѣніяхъ, которыя помѣщены въ инопослѣдованіяхъ; что же касается перечисленія именъ, то оно ни больше ни меньше, какъ объявленіе всѣмъ присутствующимъ именъ тѣхъ усопшихъ, за которыхъ хочетъ церковь молиться, а это необходимо сдѣлать въ началѣ поминовенія на ектеніи и достаточно одинъ разъ. Не удобно перечисленіе именъ на возгласѣ: „яко Ты еси воскресеніе...“ и потому, что слово „Ты“ (въ первой половинѣ возгласа), относящееся къ словамъ „Христе Боже нашъ“ (во второй половинѣ), въслѣдствіе долгаго перечисленія именъ, совершенно отдѣляется; такимъ образомъ первая часть отрывается отъ второй, мысль расчленяется, и смыслъ возгласа утрачивается. Уставъ въ буквальномъ своемъ видѣ можетъ быть приложимъ

только въ томъ случаѣ, когда поминается одинъ усопшій; при большемъ же количествѣ буквальное исполненіе устава является только излишней затяжкой богослуженія.

II. Богослужебная практика, требуя въ нѣкоторыхъ случаяхъ до крайности точнаго выполненія устава, въ другихъ случаяхъ является нарушительницей этого же самаго устава. Не будемъ перечислять всѣхъ случаевъ нарушенія: это было бы очень долго; возьмемъ лишь нѣкоторые случаи. Факты, которые мы намѣрены указать, сравнительно незначительны, но въ данномъ случаѣ для насъ интересны. Чѣмъ, напр., руководствуется существующая богослужебная практика, допуская произвольное нарушеніе устава въ томъ, что св. антиминсъ открывається тогда, когда онъ никонмъ образомъ не долженъ быть открытымъ, какъ показываетъ точное указаніе устава (въ служебникѣ) и исторія литургіи? Изъ исторіи божественной литургіи мы знаемъ, что литургія оглашенныхъ въ древнія времена совершалась на срединѣ храма, и только при началѣ литургіи вѣрныхъ священникъ подходилъ къ престолу. Слѣды такой древней практики сохранились и въ нашемъ теперешнемъ служебникѣ. Послѣ возгласа: „Да и ти съ нами славятъ“... ясно и опредѣленно (краснымъ шрифтомъ) написано: „и простираетъ антиминсъ священникъ“, а въ литургіи св. Василія Великаго то же еще съ бѣльшею точностью выражено. Послѣ того же возгласа сказано: „*по возгласу же священникъ развиваетъ антиминсъ по обычаю*“. Это ясно доказываетъ, что до возгласа антиминсъ не долженъ быть открытъ, и если онъ открывається, то тѣмъ нарушается прямое требованіе устава и пренебрегается исторія.

III. Доказательствомъ того положенія, что богослужебная практика способна была создать нѣчто новое, такое, что противорѣчило и уставу, и древнему обычаю, и здравому разуму, можетъ служить произвольно допущенный обрядъ, такъ тщательно выполняемый всѣми во время все того же возгласа: „да и ти съ нами славятъ“,—священникъ беретъ

губку и изображаетъ ею крестъ надъ св. антиминомъ. Въ служебникѣ объ этомъ обрядѣ ничего не сказано, и самъ по себѣ онъ не имѣетъ значенія. Крестнымъ знаменіемъ освящаются предметы или же ниспосылается благодать (напр., въ таинствахъ), но здѣсь ни то, ни другое не приложимо. Неопытнымъ является и обычай открывать антимины на сугубой ектеніи (при поминовеніи мѣстнаго епископа), что, какъ сказано выше, противорѣчитъ ясной буквѣ устава¹⁾. Необъяснима существующая практика, допускающая открытіе св. антимины сначала съ трехъ сторонъ, а затѣмъ окончательно при возглашеніи діакона ектеніи оглашенныхъ: „открыть имъ евангеліе правды“. Въ послѣднемъ дѣйствіи съ антиминомъ получается какая-то несообразность: представляется такъ, что для священника важно только слово „открыть“, чтобы открыть четвертую сторону антимины, а самый смыслъ прошенія какъ будто для него утрачивается. Тогда какъ смыслъ прошенія—не въ томъ, чтобы понудить священника совершить какое-либо дѣйствіе, а въ томъ, чтобы Господь открылъ (оглашеннымъ) евангельскую истину.

Послѣ всего сказаннаго невольно является вопросъ: въ какомъ соотношеніи находятся духъ устава и буква его, что главное и что второстепенное, что чему должно служить: буква ли должна служить духу, или духъ долженъ быть заключенъ въ букву? Хочется согласиться съ первымъ положеніемъ, что буква должна служить духу. Тогда въ чемъ же заключается духъ устава? Этотъ вопросъ разрѣшается путемъ сравненія. Моисей далъ евреямъ законъ, гдѣ одно правило требуетъ, чтобы евреи ничего не дѣлали въ субботу (такова

¹⁾ Въ архіерейскомъ чиновникѣ показано, что въ древности, при служеніи архіерея, за литургіей, во время сугубой ектеніи діаконъ раскрывали илтонъ. Въ настоящее время священнику, чтобы успѣть открыть антимины къ словамъ діакона „елицы вѣрныи..“, т. е. къ началу литургіи вѣрныхъ, необходимо воспользоваться древней практикой Церкви, т. е. открыть илтонъ на сугубой ектеніи, оставивъ св. антимины закрытымъ до указаннаго въ служебникѣ времени.

буква закона). Еврея, строго слѣдующаго только буквѣ, въ своемъ исполненіи дошли до того, что осуждали Христа даже за то, что Онъ исцѣлялъ въ субботу. Все это немислимо было бы съ ихъ стороны, если бы они постигали духъ закона, который заключается не въ томъ, чтобы въ субботу абсолютно ничего не дѣлать, даже и дѣлать милосердія, а въ томъ, чтобы въ субботу евреи имѣли покой, какъ Богъ въ день сей почилъ отъ дѣлъ творенія, и чтобы этотъ покой послѣ шестидневнаго труда былъ не только для рабовъ, но и для рабочаго скота (въ этомъ духъ закона). Лучше всего этотъ духъ закона выяснялъ евреямъ Самъ Иисусъ Христосъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они осуждали Его за чудотворенія въ субботу и тѣмъ обнаруживали предъ Нимъ свою чрезмерную привязанность къ буквѣ закона. Очевидно, что если духъ есть творецъ, а буква его твореніе, то пастыри Церкви въ дѣлѣ богослуженія должны руководствоваться больше духомъ устава, чѣмъ буквой его. Необходимо замѣтить при этомъ, что внѣшній уставъ (типиконъ) не можетъ считаться вполне безупречнымъ: есть въ немъ не мало неточнаго, неопредѣленнаго, къ тому же являющагося продуктомъ монастырскаго творчества: уставъ часто предполагаетъ извѣстную категорію людей, т. е. монаховъ, а условія жизни мірянъ, сравнительно съ временемъ и мѣстомъ составленія устава, въ настоящее время совсѣмъ другія. Что внѣшній уставъ неточенъ, это доказываетъ служебникъ въ чинѣ литургіи, гдѣ указанія, напр., относительно открыванія царскихъ вратъ смутны и неопредѣленны. Такъ, послѣ великаго входа опущено указаніе о томъ, чтобы закрывать царскія врата; если сообразоваться съ указаніями служебника, то царскія врата должно оставить открытыми во время всей евхаристіи и даже при возгласѣ священника: „Святая святымъ“, такъ какъ передъ этимъ возгласомъ сдѣлана такая помѣтка: „егда видѣть діаконовъ священника простирающа руцѣ и прикасающа святому хлѣбу, ко еже сотворити святое возношеніе, возглашаетъ: „Вонмемъ“. Какъ можетъ видѣть діаконовъ свя-

щенника, если царскія врата закрыты? не могъ же составитель устава рассчитывать на архитектуру царскихъ дверей, когда сквозь нихъ можно видѣть, но вѣдь существовали, существуютъ и теперь въ нѣкоторыхъ церквахъ царскія врата совершенно глухія и, когда они закрыты, то діаконъ лишень возможности видѣть даже самого священника. Въ то же время оставить царскія врата открытыми послѣ великаго входа до конца службы нельзя, такъ какъ послѣ описанія причащенія въ алтарь священнослужителей въ служебникѣ же сказано: „и тако отверзають двери св. алтаря“; спрашивается: въ какой же моментъ послѣ „херувимской“ св. двери были закрыты? Болѣе определенное указаніе объ открываніи царскихъ вратъ имѣется въ типиконѣ, но и здѣсь остается возможность сомнѣнія. „Вѣдомо буди, говорится въ типиконѣ, яко св. двери никогда же отверзаются, токмо вначалѣ великія вечерни, егда бываетъ бдѣніе и кадитъ священникъ и во вся входы сирѣчь вечерни и литургіи и св. Евангелія: такожде отверзаются и отъ появленія св. Таинъ даже до исполненія божественныя литургіи“. Это точное, хотя очень краткое, указаніе устава возбуждаетъ сомнѣніе тѣмъ, что слишкомъ ужъ ограничиваетъ открываніе царскихъ вратъ. Представляется такъ, что авторъ означенной помѣтки устава смотритъ на царскія врата, не какъ на имѣющія то или иное символическое значеніе, отверзаніе и закрываніе которыхъ строго согласовано съ тѣмъ или инымъ смысломъ самаго богослуженія, а какъ на простыя двери, открываніе которыхъ обусловливается только прямой необходимостью: „во вся входы.., св. Евангелія.., отъ появленія св. Таинъ“, когда даже физически не возможно (священнослужителямъ), чтобы св. врата были закрыты. Такая неопредѣленность и разнорѣчивость буквы устава побуждаетъ обратиться къ духу устава, т. е. къ тѣмъ разумнымъ основаніямъ, на которыхъ зиждутся церковные обряды, и безъ которыхъ обряды—ничто. Духъ устава прямой, ясный, точный и определенный. Согласно духу устава царскія врата открываются въ тѣхъ случаяхъ,

когда богослуженіе принимаетъ характеръ большей торжественности или особенныхъ молитвенныхъ возношеній. Доказательствомъ перваго положенія является пасхальное богослуженіе, когда царскія врата открыты даже во внѣбогослужебное время: такъ велико торжество и такъ сильно его выраженіе! Точно такъ же и въ другіе великіе праздники, когда богослуженіе торжественно, царскія врата болѣе открыты, чѣмъ въ будни, когда, напр., вся утренняя отъ начала до конца совершается при закрытыхъ вратахъ. Моменты особеннаго молитвеннаго возношенія, какъ-то: молебны, панихиды, поліелей, великое славословіе и др., отмѣчаются всегда открытіемъ царскихъ вратъ. Совершенно обратное явленіе наблюдается, когда богослуженіе или часть его выражаютъ скорбь, сокрушеніе въ грѣхахъ, признаніе недостойности предъ Богомъ,—тогда царскія врата закрыты. Примѣромъ можетъ служить все великопостное богослуженіе; въ другихъ службахъ такими моментами являются: шестопсалміе, канонизмы, часы. Вотъ — духъ устава.

Изъ всего вышеприведеннаго можно смѣло заключить, что буква устава зависитъ отъ духа его, и если внѣшнія предписанія устава не соотвѣтствуютъ духу его, то они являются по существу сомнительными; то же нужно сказать и о богослужебной практикѣ, т. е. если она не отвѣчаетъ требованіямъ духа устава, то такая практика должна считаться неправильной. Теперь, выходя изъ этихъ положеній, мы можемъ съ болѣею компетентностію предложить вниманію читателя слѣдующій вопросъ: будетъ ли противно духу и буквѣ устава совершеніе св. евхаристіи при открытыхъ царскихъ вратахъ?

Сельскій свящ. *А. Соловьевъ.*

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Изъ жизни начинающаго пастыря.

Одна изъ задачъ современнаго пастырства, между прочимъ, состоитъ въ томъ, чтобы встать въ уровень интересовъ народа, жить его жизнью, радоваться его радостями, быть отзывчивымъ на его горе. Къ сожалѣнiю, весьма немногимъ изъ теоретически воспитанныхъ пастырей эта задача по сердцу; большинство предпочитаетъ жить жизнью деревенскаго полу-интеллигента, вдали отъ жизни народа. Но есть и такiе, которые чутко прислушиваются къ интересамъ деревни и ведутъ крестьянина за собою по пути экономическихъ и иныхъ улучшенiй. Намъ рассказывали объ одномъ такомъ священникѣ.

Поступивъ на приходъ, онъ неоднократно получалъ предупрежденiя отъ окрестнаго духовенства, что новые прихожане и невѣжественны, и грубы, и бѣдны, и наконецъ нерадивы къ церкви Божiей вслѣдствiе широкаго распространенiя крайнихъ ученiй. Молодой священникъ слушалъ эти рассказы и слагалъ ихъ въ сердце своемъ, но ни на минуту не обнаруживалъ малодушия и желанiя перемѣнить свою паству. По прiѣздѣ въ свое село, многое онъ нашелъ дѣйствительно такимъ, какъ говорили, но нѣчто было и особенное по сравненiю съ рассказами. Дѣйствительно, прихожане были бѣдны, невѣжественны, темны; но не были вооружены ни противъ церкви, ни противъ священника. Почва для дѣятельности, значитъ, была углажена. Истовымъ совершенiемъ церковной службы, вниманiемъ къ интересамъ каждой крестьянской семьи новый батюшка быстро завоевалъ симпатiи народа и получилъ у крестьянъ нравственное право дѣлать практическiя указанiя и въ хозяйствѣ, и во всей жизни. Но что особенно беспокоило священника—это поголовная бѣдность, происходившая, на этотъ разъ, не отъ лѣни и пьянства, а именно отъ темноты народной. Батюшка подробно

ознакомился съ этимъ явленіемъ, изучилъ его по приходскимъ рассказамъ, узналъ, что цѣлое селеніе по зимамъ совершенно ничего не дѣлаетъ, и рѣшился попытаться помочь бѣдѣ. Онъ нашелъ, что силы крестьянъ могутъ быть применены съ успѣхомъ въ ткацкомъ кустарномъ производствѣ, самъ лично изучилъ на мѣстѣ, въ одномъ изъ отдаленныхъ селеній, это искусство и, исчисливъ расходы и возможную цифру заработка, началъ дѣло въ своемъ домѣ. Ткацкій станокъ на поповой кухнѣ сталъ, такимъ образомъ, нагляднымъ показателемъ новаго ремесла. Всякая крестьянская женщина могла придти и учиться, а затѣмъ заводить станокъ въ своемъ домѣ. Нашелся, говорятъ, и коммерсантъ, который, нуждаясь въ рабочихъ рукахъ, пожелалъ положить свой капиталъ на приобретение матеріаловъ, съ тѣмъ, чтобы впоследствии получать пользу отъ учреждаемаго предпріятія.

Начипаніе священника пока еще не принесло своихъ плодовъ. Часть деревни встрѣтила новую инициативу скептически; но выше всякихъ сомнѣній, что настойчивость молодого дѣятеля, пониманіе имъ дѣла и личное руководящее участіе въ добромъ начинаніи дадутъ хорошій заработокъ деревенскимъ жителямъ, направятъ на полезный трудъ находящіяся въ бездѣйствіи силы. Хотѣлось бы вѣрить, что съ возрастаніемъ благосостоянія прихода, улучшится и украсится приходская церковь, возникнетъ приходское попечительство, школа, богадѣльня для бѣдныхъ и престарѣлыхъ...

И если всякое дѣло слѣдуетъ дѣлать съ *отрой*, а не съ сомнѣніемъ, то тѣмъ болѣе дѣло священника. Вѣрою можно горы переставлять... Но, кромѣ вѣры, необходимо еще пониманіе приходской жизни, умѣнье, среди „мертвой зыби“ деревни, отыскать источникъ живыхъ дремлющихъ силъ и вызвать ихъ на полезный трудъ. Это не всякому удастся. Надо близко стоять къ народу, чтобы отыскать, гдѣ бьется живой нервъ. И надо сознаться, что наша школа мало готовится для такой созидательной работы. Тѣмъ цѣннѣе немногіе, но здоровые, полные жизни дѣятели.

Жаль только, если энергія молодого священника, о которомъ намъ рассказывали, направлена преимущественно на экономическіе интересы. Еще бы цѣннѣе, еще плодотворнѣе была его работа, если бы онъ былъ вмѣстѣ и труженникомъ на почвѣ пастырской, въ осуществленіи идеала Христова, въ насажденіи евангельскихъ пачаль въ душѣ крестьянина. Новые проекты приходской реформы въ смыслѣ самаго широкаго осуществленія приходскихъ организацій дали бы ему чрезвычайно обширный матеріалъ для примѣненія непечатыхъ силъ. Это поистинѣ было бы отысканіемъ новаго пути священства тамъ, гдѣ уже непригодными становятся старыя дороги мертвеннаго формализма и показной исправности. (Самар. енарх. вѣд. № 19).

в) Союзъ для борьбы съ дѣтскою смертною въ Россіи.

Сообщаемъ нашимъ читателямъ краткія свѣдѣнія о дѣятельности Союза для борьбы съ дѣтскою смертною въ Россіи за второй годъ существованія.

Всѣхъ членовъ Союза, считая и его отдѣлы, 1212 чел

Изъ нихъ пожизненныхъ	34,
жертвователей	162,
дѣйствительныхъ	654,
соревнователей.	362.

Средства Союза на 1 января 1907 г.

Капиталъ неприкосновенный	руб. 4.638.88,
„ на устройство яслей	„ 75.55,
„ „ „ столовой	„ 5.04,
„ оборотный.	„ 3.517.07.
<hr/>	
Всего	руб. 8.236.54 *)

*) Изъ нихъ наличными деньгами руб. 4.097 р. 66 к. и %%% бумагами руб. 4.138 р. 88 к.

За текущій годъ выдано дарового молока бѣднымъ дѣтямъ 23.809 $\frac{1}{3}$ бут.

Открыты ясли въ г. Спб. на 40 чел. Выдано на устройствой яслей: г. Эрнхсенъ въ им. Торма Ямбургскаго уѣзда—100 р., г-жѣ Андреевской—60 р. и Тульской Уѣздной земской управѣ 50 р.

Просвѣтительная дѣятельность Союза выразилась въ изданіи брошюры „Мать и дитя“ и въ бесплатной раздачѣ популярныя брошюры и листовъ по борьбѣ съ заразными болѣзнями и по уходу за дѣтьми.

Въ Екатеринбургскомъ (Уральскомъ) и Харьковскомъ отдѣлахъ также были открываемы ясли, устроена даровая раздача коровьяго молока; организованы были чтенія съ туманными картинами по гигиенѣ дѣтскаго возраста; организована была помощь матерямъ, желающимъ кормить собственныхъ дѣтей грудью.

Не смотря на то, что Союзъ возникъ въ самыя тяжелыя времена для нашей родины, во 2-й годъ своего существованія онъ имѣетъ возможность осуществить уже большую часть изъ намѣченныхъ имъ средствъ къ достиженію одной своей цѣли—уменьшенія дѣтской смертности въ Россіи. По это, конечно, капля въ морѣ! Безъ участія самого общества въ этой борьбѣ и безъ признанія ея необходимости—бороться очень трудно.

Союзъ состоитъ подъ Августѣйшимъ предсѣдательствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ольги Александровны.

Адресъ: Спб., Галерная ул., д. № 7.

Редикторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 4-го ноября 1907 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII.

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 46.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духо-
вной Семинаріи.

1907-го года ноября 18-го дня.

Содержаніе: I. О богослужебномъ журналѣ. — II. Въ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего Іоанна Златоустаго, архіепископа константинопольскаго († 14 сент. 407 г.). (Окончаніе). — III. Нѣсколько словъ о церковномъ уставѣ и богослужебной практикѣ (окончаніе). — IV. Забѣтки. а) Изъ проекта особаго совѣщанія при Св. Синодѣ. — б) Мирная борьба съ социализмомъ. — V. Объявленіе о подискѣ на жур. „Р. д. с. и.“ на 1908 г.

О богослужебномъ журналѣ.

Духовенство часто жалуется, что оно, кромѣ прямыхъ дѣлъ по приходу, обременено еще всевозможнымъ письмоводствомъ, веденіемъ различной церковной отчетности. Приходится имѣть дѣло не съ однѣми только метрическими книгами, веденіе которыхъ, конечно, безусловно необходимо, но и кромѣ того выдавать различныя справки, напр., по воинской повинности, по статистикѣ умершихъ и больныхъ, давать отчеты вообще о состояніи церковно-религіозной жизни прихода, отвѣчать даже по вопросамъ земства объ урожаѣ и

пр. Изъ всего этого многое совсѣмъ не вяжется съ прямыми обязанностями священника, а другое бесполезно и только отвлекаетъ священника отъ исполненія его долга. Указываютъ, между прочимъ, на такъ называемые богослужебные журналы, въ которыхъ священникъ обязанъ аккуратно отмѣчать, когда было совершаемо богослуженіе въ приходскомъ храмѣ и кѣмъ изъ состава причта, было ли говорено поученіе и о чемъ, свое или чужое, когда были внѣбогослужебныя собесѣдованія и т. д. Цѣль установленія такихъ богослужебныхъ журналовъ одна: дать возможность благочинному или другому начальствующему лицу во всякое время контролировать священника, всегда ли онъ совершаетъ богослуженіе, когда это требуется церковнымъ уставомъ или гражданскимъ законоположеніемъ, и достаточно ли онъ усерденъ въ проповѣданіи Слова Божія. Другой цѣли трудно указать; можно бы придать богослужебнымъ записямъ значеніе лѣтописи, но лѣтопись должна вестись особо при каждой церкви, и потому означенныя записи не могутъ замѣнять ее. Вотъ эти-то журналы также постоянно возбуждаютъ среди священниковъ недовольство и далеко не пользуются ихъ расположеніемъ. Конечно, совсѣмъ не трудно записать, что тогда-то было служеніе въ храмѣ и сказано такое-то поученіе: вѣдь это займетъ лишь нѣсколько минутъ и потребуетъ незначительное количество строкъ; однако, богослужебный журналъ въ большинствѣ случаевъ ведется крайне небрежно, иногда совсѣмъ не ведется, и въ общемъ очень непріятенъ для духовенства. Чѣмъ объяснить это? Самое естественное объясненіе—бесполезность веденія такого журнала. Всякая работа только тогда дѣлается охотно, если она признается хотя сколько-нибудь цѣлесообразною и имѣющею хотя небольшое значеніе. Безцѣльность и ненужность дѣлаютъ всякій трудъ, какъ бы легокъ онъ ни былъ, очень тяжелымъ и даже прямо непосильнымъ. Такъ и въ данномъ случаѣ: не видя никакой цѣли въ веденіи богослужебнаго журнала, духовенство относится къ нему небрежно, а если и дѣлаетъ

записи, то обыкновенно въ одинъ пріемъ за продолжительное время предъ пріѣздомъ благочиннаго или вообще предъ ревизіей, при чемъ записи, конечно, далеко не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, особенно въ отношеніи произнесенія поученій.

При такомъ положеніи дѣла, естественно, не разъ возникалъ вопросъ объ уничтоженіи богослужебныхъ журналовъ; обсуждался онъ даже на нѣкоторыхъ епархіальныхъ сѣздахъ и почти всегда рѣшался отрицательно. Защитники журнала ссылаются на то, что онъ является будто бы единственнымъ показателемъ исправности священника и вообще причта въ отправленіи богослуженія; безъ него, говорятъ, трудно установить, насколько священникъ ревностенъ въ проповѣданіи Слова Божія, достаточно ли заботиться о религіозномъ виѣбогослужебномъ просвѣщеніи своихъ прихожанъ и вообще съ должнымъ ли стараніемъ относится къ исполненію своихъ прямыхъ обязанностей. Но несомнѣнно, что богослужебный журналъ не можетъ служить такимъ показателемъ. Конечно, если относиться къ дѣлу съ формальной стороны, то можно вполне удовлетвориться свѣдѣніями, даваемыми богослужебнымъ журналомъ: имѣются подробныя записи,—значить, священникъ исправенъ и заслуживаетъ похвалы и поощренія; нѣтъ записей—священникъ небрежно относится къ своему дѣлу и долженъ дать отвѣтъ предъ начальствомъ. Но вѣдь для каждаго ясно, что такое формальное отношеніе нисколько не говоритъ о дѣйствительномъ положеніи вещей. Можно отлично вести записи въ богослужебномъ журналѣ и быть плохимъ священникомъ и, наоборотъ, небрежно относиться къ письмоводству и быть истиннымъ пастыремъ. Въ жизни то такъ и бываетъ. Если священникъ не всегда совершаетъ богослуженіе, не проповѣдуетъ Слова Божія, не радить о духовныхъ нуждахъ своихъ прихожанъ, то никакія записи не помогутъ. Нѣтъ въ немъ любви къ своему дѣлу, нѣтъ пастырской ревности—не будетъ ихъ и при журналѣ. А о томъ, насколько исправенъ священникъ, можно узнать другимъ пу-

темъ, болѣе вѣрнымъ и безошибочнымъ. Плохой священникъ и такъ всегда извѣстенъ. Тутъ и пререканія между нимъ и прихожанами, обычно идущія на разборъ къ начальству, и жалобы самого священника, и отсутствіе прихожанъ въ церкви въ дни богослуженія, и вообще печальное состояніе всей церковно-религіозной жизни. А богослужебный журналъ при всемъ томъ можетъ указывать на идеальное состояніе этой жизни... Могъ бы онъ отчасти служить дѣйствительнымъ показателемъ только въ томъ случаѣ, если бы каждая запись своевременно контролировалась кѣмъ-либо, напр., самими прихожанами, но такой контроль немислимъ уже по одному тому, что повелъ бы прежде всего къ новымъ неудовольствіямъ между пастыремъ и пасомыми и былъ бы прямо обиденъ для духовенства.

Указываютъ еще, что богослужебный журналъ можетъ принести пользу въ нѣкоторыхъ слѣдственныхъ дѣлахъ. Здѣсь уже явное недоразумѣніе. Пусть, напр., священникъ обвиняется въ томъ, что не служилъ въ какой-либо царскій день. Священникъ говоритъ, что служилъ, въ журналѣ есть запись объ этомъ,—значить, священникъ безусловно правъ? Конечно, ни одинъ слѣдователь не ограничится такимъ показаніемъ, и постарается провѣрить правдивость показанія священника какимъ-либо другимъ путемъ.

Повидимому, сомнѣній въ бесполезности веденія богослужебнаго журнала не можетъ быть. Цѣли онъ не достигаетъ, а пріучаетъ только пастырей къ формальному отношенію къ своимъ обязанностямъ. Слѣдовало бы освободить духовенство отъ этой, хотя и небольшой, но излишней канцелярщины и не вводить его въ искушеніе обнаруживать свою пастырскую дѣятельность только съ показной стороны. Обманъ всегда вреденъ, а въ жизни священника вреденъ вдвойнѣ, такъ какъ отражается и на немъ, и на прихожанахъ. Будетъ или не будетъ журнала, всякій священникъ останется такимъ, какимъ онъ есть—не лучше, не хуже; а при отсутствіи журнала не будетъ, по крайней мѣрѣ, лишняго повода къ выставленію напоказъ своей дѣятельности.

Е. Р.

Въ 1500-лѣтнему юбилею смерти св. отца нашего Іоанна Златоуста, архієпископа константинополь- скаго († 14 сентября 407 г.).

(Окончаніе ¹⁾).

Хотя св. Іоаннъ былъ веденъ въ изгнаніе, какъ преступникъ, окруженный стражею, но его праведность была очевидна для всѣхъ, кто зналъ его, и въ комъ жилъ страхъ Божій. Уже по пути въ Кукузь ему во многихъ мѣстахъ выражали трогательное сочувствіе и народъ, и нѣкоторые епископы, и подвижники. Когда, напр., онъ прибылъ въ Таврокиликію, то на встрѣчу ему вышло множество дѣвственницъ, которыя или слышали когда-то его златословесныя бесѣды, или, по крайней мѣрѣ, читали его великія творенія о дѣвствѣ, сдѣлавшіяся вѣчнымъ источникомъ назиданія и одобренія для подвижницъ этого рода. При видѣ святителя, ведомаго въ заточеніе, онѣ огласили воздухъ громкимъ плачемъ и со слезами вопили: „лучше бы солнце угасло, нежели уста Іоанновы умолкли!“ А сколько самоотверженной любви, чувствъ горячѣй благодарности и преданности, а также высокаго почтенія онъ видѣлъ въ своемъ заточеніи не только въ захолустной средѣ, его окружавшей, но и на всемъ востокѣ! Отовсюду съѣзжались къ нему благодарные и преданные ему люди, не смотря на холодъ, дурные пути сообщенія, страхъ вражескихъ шпионовъ и разбойниковъ исаврійцевъ. Въ особенности утѣшало его сочувствіе жителей Антиохіи ²⁾ и Константинополя, съ которыми онъ былъ связанъ своею прошедшею дѣятельностью. Св. Іоаннъ близко

¹⁾ См. № 45 за 1907 г.

²⁾ „Вся Антиохія—въ Кукузь“, писалъ съ гнѣвомъ Антиохійскій раскольничій патріархъ Порфирій, враждебный Златоусту, къ своему соумышленнику патріарху Константинопольскому. Дѣйствительно, множество священниковъ, монаховъ, мірянъ, благочестивыхъ женщинъ съѣзжались въ Кукузь; нныя предлагали лѣкарства, или посылали деньги, которыя онъ тотчасъ раздавалъ нуждающимся.

принимаетъ къ своему отеческому сердцу положеніе оставленныхъ духовныхъ чадъ своихъ и старается помочь имъ своимъ мудрымъ пастырскимъ словомъ. Завязывается оживленная переписка Златоуста съ преданными ему лицами изъ клира и мірянъ,—переписка, которая такъ живо напоминаетъ письменныя сношенія ап. Павла, бывшаго въ узакъ, съ основанными имъ церквами. Онъ слышитъ о мужественномъ подвигѣ епископовъ и прочихъ членовъ клира, присутствовавшихъ на соборѣ по изгнаніи св. Иоанна, защищавшихъ его невинность предъ императоромъ, городскимъ префектомъ и его прислѣзниками и предпочетшихъ скорѣе быть закованными въ цѣпи, нежели отречься отъ него и войти въ общеніе съ похитителемъ его церкви—„волкомъ, морскимъ разбойникомъ и палачемъ“ (епископомъ Арзасомъ),—и вотъ св. Златоустъ пишетъ къ этимъ мужественнымъ борцамъ и исповѣдникамъ превосходное посланіе, озаглавленное: „Епископамъ, пресвитерамъ и діаконамъ, заточеннымъ за вѣру“. Къ св. Иоанну приходятъ многочисленныя письма изъ столицы и въ числѣ ихъ письма отъ діакониссъ—Пентадіи, Ампрукты и Олимпіады, съ отчетомъ объ обвиненіяхъ ихъ въ поджигательствѣ¹⁾ и расколѣ и о тѣхъ страданіяхъ, которыя онѣ должны были вынести при допросѣ судьи на форумѣ и въ темницѣ. Онъ утѣшаетъ и одобряетъ ихъ своими письмами. Въ особенности драгоцѣнны письма его къ Олимпіадѣ, писанныя имъ изъ ссылки (числомъ 17). Они и нынѣ служатъ образцомъ истинной христіанской философіи. Выражая близкое отеческое вниманіе св. Иоанна къ душевному состоянію этой возвышенной и самоотверженной его сподвижницы, письма эти въ то же время служатъ лучшимъ опроверженіемъ клеветы враговъ его, бросавшихъ тѣнь на

¹⁾ Въ день ссылки св. Иоанна Златоуста, при всеобщемъ ропотѣ народа, въ Константинополѣ сгорѣла церковь св. Софіи, бывшая кафедральною. Пожаръ отсюда распространился и по городу. Враги Златоуста старались обвинить въ умысленномъ поджогѣ „іоаннитовъ“, т. е. приверженцевъ св. Иоанна.

самыя чистыя и свѣтыя чувства, связывавшія эти двѣ личности. Всѣ его письма къ Олимпіадѣ направлены къ одной цѣли—уяснить, въ чемъ заключается истинное зло и истинное добро въ нашей жизни, и дать ей среди жизненныхъ испытаній твердую опору въ ея дѣятельности. Зло, по его ученію, существуетъ только въ грѣхѣ, и производимъ его мы сами. Все, что вредитъ чистотѣ души, что ее унижаетъ и препятствуетъ ей стремиться къ высшему предназначенію, есть зло; все остальное безразлично, какъ временное и случайное: таковы радости и огорченія этого міра, вовсе не достигающія души, измѣнчивыя, какъ тѣни и призраки, скоротечныя, какъ полевая былинка, или, вѣрнѣе, какъ цвѣтокъ былинки, уносимый и разсѣиваемый малѣйшимъ дуновеніемъ вѣтра. Дѣйствительны только добро и зло, двигающія душу, потому что они касаются сущности вѣчной и очищаютъ ее, или же оскверняютъ; что же дѣйствуетъ на тѣло,—ни дурно, ни хорошо; это—случайности мимолетныя, какъ и само тѣло. Отсюда слѣдуетъ выводъ гонимымъ: „страдайте безропотно, ибо это угодно Богу; вы сами не знаете: можетъ быть, ваши страданія и имѣютъ связь съ Его видами на нравственный порядокъ въ мірѣ; можетъ быть, гоненіе, теперь потрясающее нами,—то же, что буря для очищенія испорченнаго воздуха, зима и морозы для согрѣванія сѣмени подъ землею, ночь для оживленія нашего тѣла?“¹⁾ Особенно трогательны его усилія къ поддержанію духа Олимпіады, въ виду зарождавшагося въ ней мрачнаго настроенія, извѣстнаго и въ древности подъ именемъ *меланголіи*. Какъ врачъ искусный, онъ ищетъ здѣсь источниковъ болѣзни, и, найдя ихъ въ двухъ обстоятельствахъ—церковныхъ безпорядкахъ и взаимной разлукѣ, онъ предлагаетъ и дѣйствительныя противъ нихъ лѣкарства; противъ перваго—разсужденіе о полезномъ значеніи страданій и скорбей, про-

¹⁾ Св. І. Златоустъ и императрица Евдоксія, Амедея Тьерри, переводъ съ франц., изд. Поливанова, М. 1884 г., стр. 335—336.

тивъ второго—доказательства самой трогательной привязанности и надежду на свиданіе. Такія трогательныя и настойчивыя утѣшенія не могли не успокоить душу діакониссы, по крайней мѣрѣ на время, до новаго удара, послѣ котораго источнику слезъ ея не суждено было уже осушиться.

Св. Іоаннъ обладалъ неистощимою потребностью дѣятельности. Поэтому онъ даже въ своемъ заточеніи не могъ ограничиться одною лишь перенискою съ вѣрными чадами своими. Уже потухая въ глуши Кукузскаго заточенія, онъ пламенѣетъ апостольскою ревностью къ *распространенію вѣры среди другихъ народовъ*. Такъ, онъ задумываетъ и принимаетъ мѣры къ утверженію христіанской вѣры въ Финикіи, къ укрѣпленію православія въ церкви готовъ и даже къ обращенію персовъ въ христіанство.

Еще будучи на каедрѣ Константинопольской, св. Іоаннъ Златоустъ воспылалъ желаніемъ обратить ко Христу Финикію. Во время поѣздки своей въ Малую Азію (въ 399 г.) онъ пораженъ былъ ничтожными успѣхами христіанства въ этой странѣ, бывшей издавна гнѣздомъ самаго развратнаго идолослуженія. Причиной этого было и равнодушіе къ успѣхамъ христіанской вѣры мѣстныхъ гражданскихъ властей, и отчасти инертность бѣлаго духовенства. Златоустъ призвалъ къ дѣлу миссіи иноковъ и имѣлъ радость видѣть здѣсь уже нѣкоторыя успѣхи. Къ сожалѣнію, постигшія его гоненія сразу отразились печально и на положеніи христіанства въ Финикіи: язычество, не сдерживаемое властями, снова подняло голову, жрецы возвратилась въ храмы, церкви разрушены, монахи совсѣмъ изгнаны изъ той страны. Объ этомъ уже на пути въ ссылку, во время остановки въ Никеѣ, узнаетъ Златоустъ отъ одного изъ священниковъ, прибывшихъ изъ Сиріи. Сердце его было до глубины души взволновано. Онъ пользуется краткими мгновеніями своей остановки, чтобы увѣщать встрѣчавшихся священниковъ идти въ Финикію на проповѣдь евангелія, пишетъ къ одному своему антиохійскому другу, священнику Констанцію, чтобы онъ

понскаль монаховъ-миссіонеровъ, обѣщая имъ свою посильную матеріальную помощь, убѣждаетъ, наконецъ, одного никейскаго затворника идти не медля на это святое дѣло. И изъ своего заточенія въ Кукузъ онъ дѣйствительно старается помочь финикійскимъ миссіонерамъ, тѣмъ болѣе, что враги его, по ненависти къ нему, уже принялись совсѣмъ разрушать его апостольское дѣло. Изъ лицъ, къ нему приходившихъ, онъ вербуетъ цѣлую армію миссіонеровъ для Финикіи, обращая вниманіе на ихъ способности, характеръ и силу воли. Онъ посылаетъ имъ значительныя матеріальныя средства; старается поднять мужество пришедшихъ въ уныніе духовныхъ воиновъ, т. е. миссіонеровъ. Отчего такое разстройство ихъ миссіи? Отчего не достало у нихъ твердости и довѣрія къ его слову, и, что важнѣе всего, упованія на Бога?— „Не въ такую минуту“, писалъ онъ имъ: „когда море вздувается и грозитъ надвигающаяся буря, кормчій покидаетъ корабль свой; напротивъ, онъ призываетъ все свое мужество и собственнымъ примѣромъ старается ободрить плывущихъ. Не тогда, когда лихорадка свирѣпствуетъ и достигаетъ своей высшей степени, врачъ оставляетъ больного; напротивъ, тогда онъ прибѣгаетъ къ крайнимъ мѣрамъ своего искусства и къ помощи другихъ“... „Если я среди напастей и испытаній, удаленный въ самую дикую пустыню, забочусь о васъ и обильно снабжаю васъ всѣмъ пужнымъ, то какъ же вы можете такъ бояться и такъ изнемогать душою?.. Будьте же мужественны, повторяю вамъ; снова примитесь за дѣло. Блаженный Павелъ, будучи заключенъ въ темницу, истерзанный бичами, обливаясь кровью, забитый въ колодки, священнодѣйствовалъ же среди всѣхъ этихъ страданій и крестилъ же своего тюремнаго сторожа“¹⁾. Для подкрѣпленія миссіонеровъ и новыхъ христіанъ въ Финикіи онъ самъ ходатайствуетъ предъ арависскимъ епископомъ объ отпускѣ въ Финикію мощей святыхъ. Эти священные

¹⁾ I. Златоустъ и имп. Евдоксія, въ русск. перев., стр. 366—367.

останки были доставлены въ Финикію и произвели свое дѣйствіе. Восторгъ сдѣлалъ христіанъ непобѣдимыми, и завоеваніе страны начало упрочиваться. „Златоустъ“, по словамъ бл. Θεодорита, „ниспровергъ храмы этой языческой страны, такъ что отъ нихъ не осталось и камня на камнѣ“.

Взоры св. Іоанна Златоуста простирались и за предѣлы Римской имперіи, къ народамъ, не знавшимъ христіанства или исповѣдывавшимъ его неправославно. Еще будучи въ Константинополѣ, онъ много заботился объ обращеніи въ православіе готовъ—аріанъ: построилъ для нихъ храмъ съ готскимъ богослуженіемъ и самъ нерѣдко тамъ служилъ; устроилъ для нихъ монастырь при устьѣ Дуная и даже далъ имъ епископа Унилу (на Киммерійскомъ полуостровѣ). Находясь и въ ссылкѣ, онъ заботился о томъ, какъ бы Готская церковь, по смерти Унилы, не перешла въ руки раскольника. Душа его болѣла о церкви, которую онъ родилъ и воспитывалъ.

Близость къ Персіи и нѣкоторые благопріятные признаки дали св. Іоанну Златоусту поводъ думать объ обращеніи Персіи. Онъ вступаетъ даже въ сношеніе объ этомъ съ однимъ священникомъ (Морутасомъ), бывшимъ въ Персіи и пріобрѣтшимъ даже нѣкоторое вліяніе на царя Издегерда. Къ сожалѣнію, грубость и предубѣжденіе этого священника противъ Златоуста не позволили послѣднему вести дѣло дальше.

По обчаруживая столько заботливости къ спасенію другихъ, св. Іоаннъ Златоустъ могъ сказать съ апостоломъ: *азъ уже жрець бываю... Подвигомъ добрымъ подвижася, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ. Прочее убо мнѣ соблюдается вѣнецъ правды...* Онъ имѣлъ возможность послать письмо къ епископу римскому Иннокентію съ увѣдомленіемъ о своемъ положеніи и просьбою поревновать о правдѣ. Ходатайства епископа Иннокентія и западнаго императора Гонорія о созваніи правильнаго собора для разслѣдованія дѣла Златоуста были грубо отвергнуты на востокъ. Испугались

его гонители, слабого тѣломъ, но все еще сильнаго духомъ изгнанника. Думали они, что Златоустъ уже умеръ для нихъ, а онъ, оказывается живъ, и начиналъ сосредоточивать на себѣ глаза всего христіанскаго міра. „Смотрите, переговаривались они между собою: какъ этотъ мертвецъ становится опаснымъ для живыхъ и своихъ побѣдителей“. Имъ уже мерещилось скорое возвращеніе гонимаго архіепископа на каедру. Нужно было принять мѣры поскорѣе похоронить его. И вотъ, они добились у слабохарактернаго императора Аркадія приказа удалить Іоанна изъ Кукуза еще дальше, въ самый отдаленный городъ имперіи, Питіунтъ (между Понтомъ и Колхидой, на берегу Чернаго моря), въ странѣ дикой и пустынной, варварской. Приказъ былъ данъ внезапно (въ іюнѣ 407 г.) съ запрещеніемъ всякой отсрочки. Тотчасъ схватили воины великаго святителя и, не давъ ему даже проститься съ окружающими, повлекли его въ далекій, трудный и неизвѣстный путь. Съ обычной покорностью волѣ Божіей принялъ этотъ послѣдній ударъ гонимый пастырь. Уже и безъ того ослабленный предшествующими невзгодами и болѣзнями, св. Іоаннъ Златоустъ теперь вынужденъ идти три мѣсяца въ сопровожденіи жестокихъ воиновъ, которымъ дано было приказаніе обращаться съ своею жертвою какъ можно жесточе. Св. старца гонять по каменистой дорогѣ, подъ палящими лучами солнца или подъ проливнымъ дождемъ съ обнаженной головой. Не стало наконецъ у него силъ. Прибыли воины мучители съ узникомъ въ Команы, въ Понтѣ, по обыкновенію прошли городъ и остановились на почлегѣ внѣ его, близъ церкви священно-мученика епископа Василиска (пострадавшаго при Максиминѣ). Во снѣ явился ему самъ мученикъ Василискъ и сказалъ: „мужайся, мой братъ Іоаннъ: завтра мы будемъ вмѣстѣ“. Напрасно по утру ослабѣвшій старецъ просилъ воиновъ отложить на нѣсколько часовъ путешествіе. Его жестоко повололки дальше, и только убѣдившись, что онъ уже умираетъ, воины возвратились. Св. Іоаннъ самъ облачился въ бѣлыя священныя одежды,

раздалъ бывшія на немъ окружающимъ, приобщился св. Христовыхъ Таинъ и скончался со словами: „слава Богу за все!“ Здѣсь онъ и похороненъ былъ рядомъ со гробомъ священномуч. Василиска.

Удалось ли однако врагамъ великаго святителя сокрыть правду отъ людей? Пѣтъ. Когда вѣсть о кончинѣ добраго пастыря и златословеснаго учителя дошла до Антиохіи и Константинополя, то она повергла всѣхъ въ неописанное горе. Народъ громко рыдалъ и проклиналъ тѣхъ, кто погубилъ великаго святителя, а всѣ, близко знавшіе его, рассказывали о его дѣлахъ милосердія, святой жизни и дивномъ ученіи. Только враги его не переставали осыпая его клеветой и злословіемъ ¹⁾. Первые два преемника Златоустаго на Константинопольской кафедрѣ, архіепископы Арсакій и Аттікъ, и ихъ современники и единомышленники, архіепископы антиохійскій Порфирій и александрійскій Теофанъ, и даже нѣкоторое время преемники его Кириллъ не соглашались включить св. Іоанна Златоуста въ церковные диптихи, вопреки требованіямъ западныхъ епископовъ ²⁾. Наконецъ, въ 434 г., при императорѣ Θεодосіи II, взошелъ на Константинопольскую кафедру человекъ, который былъ въ юности „чтецомъ и писцомъ Златоуста и даже „служителемъ при его особѣ“. Это былъ архіепископъ Прокль. Онъ свято хранилъ память о своемъ владыкѣ и напоминалъ о немъ народу. Однажды, въ 437 году, въ день его памяти, онъ произнесъ ему похвальное слово. Присутствующіе прервали его кликами: „мы желаемъ, чтобы намъ возвратили епископа Іоанна; мы хотимъ тѣла нашего отца!“ Прокль не замедлилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія императора. Θεодосій II, воспитанный въ юные

¹⁾ Теофанъ Александрійскій написалъ даже великій пасквиль на св. Іоанна Златоуста.

²⁾ Только уже впоследствии Кириллъ Александрійскій, вслѣдъ за Прокломъ, архіепископомъ константинопольскимъ включилъ въ церковные диптихи св. Іоанна Златоуста, чему послѣдовала и Церковь Антиохійская.

годы заботами старшей сестры своей, благочестивой Пульхеріи, съ юности благоговѣлъ предъ великимъ гонимымъ пастыремъ-ораторомъ и въ тайнѣ сострадалъ ему. Тотчасъ повелѣно было перевезти тѣло изгнанника въ Константинополь и похоронить его въ церкви св. Апостоловъ. Итакъ, покинулъ Златоустъ церковь св. Василиска послѣ 30-лѣтняго пребыванія въ ней. Съ торжествомъ перевозили раку съ его мощами изъ города въ городъ до Халкидона. Отсюда на императорской триремѣ мощи святителя были доставлены въ городъ, гдѣ были встрѣчены императоромъ, епископомъ, высшими властями и безчисленнымъ народомъ. Въ ту минуту, когда гробъ Златоуста опустили на камень, императоръ Θεодосій II снялъ съ себя порфиру и покрылъ его ею; потомъ склонивъ голову, просилъ простить его отца и мать за жестокую несправедливость къ нему. Прежде чѣмъ опустить тѣло св. Іоанна Златоуста въ назначенное мѣсто въ церкви св. Апостоловъ, патріархъ Прокль представилъ его народу съ высоты того помоста, на которомъ помѣщались обыкновенно архіепископы. Тогда задрожали своды храма отъ народныхъ восклицаній: „Отецъ нашъ, вzywали къ доброду пастырю: возвратись на престоль свой!“— Вся Церковь признала его святымъ и мученикомъ безъ пролитія крови.

Такъ правда Божія восторжествовала надъ человѣческою клеветою, злословіемъ и ненавистью. *Въ память вѣчную будетъ праведникъ, отъ слуха зла не боится!* Св. Іоаннъ Златоустъ остался навсегда образцомъ истиннаго добраго пастыря, славнаго церковнаго оратора, самоотверженнаго проповѣдника евангельскаго ученія и доблестнаго страдальца за правду.

И. Петрушевскій.

Нѣсколько словъ о церковномъ уставѣ и богослужебной практикѣ.

(Окончаніе ¹⁾).

На вопросъ, можно ли совершать евхаристію при открытыхъ царскихъ вратахъ, мы отвѣчаемъ: хотя существующая до сего времени богослужебная практика и не допускала подобной возможности, однако эта возможность, при тщательномъ изслѣдованіи, является какъ-будто допустимой. Для разрѣшенія этого вопроса необходимо обратиться къ духу устава и буквѣ его и посмотрѣть, противорѣчитъ ли имъ открытіе царскихъ вратъ во все время совершенія евхаристіи. Духъ устава, допускающій открытіе царскихъ вратъ въ тѣхъ случаяхъ, когда богослуженіе достигаетъ бóльшей торжественности и принимаетъ характеръ особеннаго молитвеннаго обращенія, не можетъ препятствовать открыванію царскихъ вратъ во время евхаристіи, такъ-какъ *во всемъ богослуженіи Православной Церкви нѣтъ болѣе торжественнаго и болѣе сильнаго, въ религіозномъ отношеніи, момента, какъ св. евхаристія—зерно всего богослуженія, корень всѣхъ обрядовъ.* Что же касается буквы устава, то здѣсь тоже не можетъ быть препятствія, такъ какъ, съ одной стороны, внѣшнія указанія устава сами по себѣ очень смутны и неопредѣленны (о чемъ было сказано выше), а съ другой стороны, даже и эти указанія какъ будто допускаютъ возможность открытія царскихъ вратъ во время евхаристіи. Не обращаетъ ли на себя особеннаго вниманія тотъ фактъ, что возгласъ діакона: „двери, двери премудростію вонмемъ“, совпадаетъ съ такимъ дѣйствіемъ священника, которое какъ будто обнаруживаетъ въ послѣднемъ намѣреніе открыть въ это время царскія двери, и если священникъ не открываетъ ихъ, то во всякомъ случаѣ онъ дѣлаетъ то, что предшеству-

¹⁾ См. № 45-й за 1907 г.

еть этому: онъ открываетъ завѣсу (не открывши которой, нельзя открыть и царскихъ вратъ).

Въ древней христіанской Церкви возгласъ „двери, двери...“ относился къ иподіаконамъ и вообще придверникамъ, которые стояли у заднихъ церковныхъ дверей; но пусть такъ было въ древности, однако это нисколько не объясняетъ дѣйствія священника въ настоящее время (*открытие завѣсы*), *хотя это дѣйствіе, повидимому, поставлено въ некоторое отношеніе къ возгласу*. Противъ открытія царскихъ вратъ во время евхаристіи ставится такое возраженіе, съ которымъ больше всего приходится считаться. Закрытіе царскихъ вратъ во время таинства необходимо, говорятъ, съ одной стороны, по недостойнству присутствующихъ зрѣть совершающееся таинство, съ другой—потому, что таинство должно быть скрыто по смыслу самаго слова. Но вѣдь при архіерейскомъ служеніи люди такъ же недостойны, какъ и при іерейскомъ, и таинство является такой же тайной тамъ, какъ и здѣсь, однако всякому хорошо извѣстно, что при архіерейскомъ служеніи царскія врата открыты отъ начала богослуженія до запричастнаго стиха. Такую торжественность архіерейскаго богослуженія не умѣстно объяснять въ данномъ случаѣ стремленіемъ почтить въ лицѣ архіерея высшую іерархическую власть. Если закрытіе царскихъ вратъ во время евхаристіи ставится въ зависимость отъ состоянія молящихся и святости таинства, то говорить о іерархическихъ преимуществахъ совершителей богослуженія не приходится: таинство выше всякаго сана ¹⁾).

Вполнѣ допускаемое духомъ устава, видимо, допускаемое и буквой его, открытіе царскихъ вратъ во время евхаристіи имѣло бы и нравственно-практическія выгоды. Какъ-то обид-

¹⁾ Самъ епископъ во время св. евхаристіи, повидимому, слагаетъ съ себя преимущества чести: онъ совершаетъ все такъ же, какъ и священникъ; читаетъ тѣ же тайныя молитвы (о грѣховности и недостойнствѣ), которыя читаетъ и священникъ. Тѣ почести, кои воздавались его сану особенно въ началѣ литургіи, теперь замѣтно отсутствуютъ.

но бываетъ, когда видишь, что праздничная всенощная (въ отношеніи обряда) является болѣе торжественнымъ богослуженіемъ, чѣмъ обѣдня, а вся красота литургіи сосредоточена въ первой половинѣ ея и великомъ входѣ—въ моментахъ въ сущности не такихъ важныхъ, какъ евхаристія. Не даромъ же приходится слышать отъ учениковъ школы курьезные отвѣты на вопросъ, когда бываетъ совершеніе таинства причащенія. Одинъ отвѣчаетъ, что таинство совершается, когда поютъ „херувимскую пѣснь“; другой — во время „Отче нашъ“.., а третьему кажется, что—во время пѣнія „достоинно есть, яко во истину“..; объ этомъ онъ заключаетъ по звону, который называется „къ достоинно“. Въдъ все это, хотя и курьезно, но въ существѣ очень прискорбно: вообразить себѣ, что ни одинъ не указаль, даже не намекнулъ на дѣйствительный моментъ таинства; до какой, значить, степени этотъ моментъ скрытъ и недоступенъ вниманію присутствующихъ. А между тѣмъ, какими чудными, возвышающими чувство обрядами обставленъ совершительный моментъ таинства: возвышеніе даровъ, сопровождаемое возгласомъ: Твоя отъ Твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся“; троекратная молитва: „Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа...“ съ воздѣваніемъ рукъ; благословеніе даровъ, паденіе ницъ предъ престоломъ, кажденіе даровъ во время возгласа: „изрядно о Пресвятѣй...“ и т. п. И всего этого великаго, чуднаго, возвышающаго чувство человѣка, всего этого лишены стоящіе въ храмѣ люди, которые болѣе всего другого нуждаются въ этихъ святыхъ чувствахъ, и за что, по какимъ побужденіямъ лишены? Если бы даже прямая буква устава являлась тому причиной, то необходимо было бы пожертвовать ею для той нравственной пользы, какой мы ждемъ отъ открытія св. вратъ ¹⁾).

¹⁾ Чтобы выдѣлнить совершительный моментъ таинства изъ всей литургіи и сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ людей, чтобы и священнослужители и молящіеся въ данный моментъ сзались въ однихъ чувствахъ

Въ заключеніе можно сказать, что сила богослуженія—
не въ строгомъ выполненіи буквы устава, а въ духѣ его.
„Суббота для человѣка, а не человѣкъ для субботы“ (Марка
2, 27—28). Сельскій свящ. А. Соловьевъ.

ЗАМѢТКИ.

а) Изъ проекта особаго совѣщанія при Святѣйшемъ Синодѣ.

Перемѣщеніе священно-и церковно-служителей изъ одного прихода въ другой допускается лишь въ слѣдующихъ случаяхъ: а) если о перемѣщеніи ходатайствуетъ самъ священно-или церковно-служитель; б) если прихожане просятъ удалить священно-или церковно-служителя отъ ихъ церкви; в) если епархіальный архіерей признаетъ совершенно неудобнымъ оставить данное лицо на занимаемомъ имъ мѣстѣ.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ вопросъ о перемѣщеніи разрѣшается властью епархіальнаго архіерея, который, однако, долженъ предварительно спрашивать по этимъ дѣламъ мнѣнія членовъ духовной консисторіи (пресвитерскаго совѣта; „Соврем. лѣт.“).

къ Богу, для этого прилично было бы открыть царскія врата съ возгласа „двери двери...“, оставивъ открытыми въ продолженіе всей евхаристіи, т. е. до возгласа священника, обращеннаго къ народу: „и да будутъ милости Великаго Бога и Спаса Нашея Иисуса Христа со всѣми вами“, послѣ этого царскія врата закрываются, и тѣмъ дается знать, что св. евхаристія кончилась, и дальше начинается уже другая часть литургіи—приготовленіе къ св. причащенію, что и явствуетъ изъ словъ прошенія: „вся святые помянувшѣ, наки наки (опять, опять) миромъ Господу помолимся“.

в) Мирная борьба съ социализмомъ.

Выяснять массѣ, что такое социализмъ, въ чемъ податковка его логическихъ разсужденій,—безполезно. Для этого слѣдовало бы поднять уровень массы до высоты сознательнаго мышленія, а этого ни въ годъ, ни въ два не сдѣлаешь. А бороться надо. Надо, ибо социалистическая пропаганда, проникая въ самыя темныя углы человѣческихъ существованій, грозитъ все большимъ и большимъ распространеніемъ, неся съ собой обостренную классовую борьбу и неминуемый экономическій крахъ.

Бороться надо, но борьба эта должна идти не путемъ теоретическихъ разсужденій и благопожеланій, а путемъ укрѣпленія въ массахъ чувства собственности, которое исключаетъ всякую возможность успѣха социалистической пропаганды.

Пролетаріатъ если и презираетъ собственниковъ, то, конечно, исключительно за обладаніе ими этой собственностью, къ приобрѣтенію которой самъ онъ стремится всѣми силами души. Каждый изъ этихъ бѣдныхъ, озлобленныхъ ничтою людей, при малѣйшей возможности приблизиться къ недостижимому и потому ненавистному ему идеалу буржуа, дѣлается горячимъ противникомъ социалистическихъ идей, если предъ нимъ развертывается возможность укрѣпить за собой и за своей семьей хоть какое-нибудь имущество. Выводы социалистическихъ школъ одинаково хороши, пока они на бумагѣ, и одинаково неосуществимы на практикѣ. Всѣ попытки создать социалистическія общины, а ихъ было не мало, разбились впрахъ въ столкновеніи съ жизнью, оставляя послѣ себя еще одно новое доказательство безжизненности ихъ построеній.

Наоборотъ, тѣ немногіе опыты поднятія экономическаго и нравственнаго уровня массъ, которые извѣстны, всегда давали болѣе серіозные результаты, чѣмъ этого могли ожидать ихъ инициаторы. Эти опыты доказывали, что бѣдственное

положеніе народа часто зависитъ не столько отъ невозможности бороться съ сложившимися условіями жизни, сколько отъ недостатка энергичныхъ людей, способныхъ взяться за созданіе правильныхъ условій труда.

В. К. Саблеръ задался цѣлью объѣхать тѣ уголки культурныхъ странъ Европы, гдѣ попытки борьбы съ социализмомъ оказались наиболѣе дѣйствительными. Онъ объѣхалъ Францію, Италію, Бельгію, вездѣ знакомясь съ тѣмъ, что сдѣлала анти-соціалистическая пропаганда. Результатомъ его путешествія явилась цѣлая книга, въ которой онъ передаетъ то, что ему пришлось наблюдать. Прекрасно изданная, съ нѣсколькими рисунками изъ быта рабочихъ, она выпущена авторомъ по грошевой цѣнѣ на книжный рынокъ.

Первое мѣсто въ этой книгѣ отведено обстоятельному описанію фабрики Льва Гармея, сумѣвшего избѣжать и забастовки и локаута и создавшего такой уровень обезпеченности своимъ рабочимъ, о которомъ другіе не смѣютъ и мечтать. Ему не понадобилось для этого никакихъ жертвъ, кромѣ искренняго желанія обезпечить своей фабрикѣ постоянный доходъ, застраховать ее отъ неизбѣжныхъ столкновений съ рабочими, путемъ превращенія ихъ изъ пролетаріевъ, если не въ настоящихъ буржуа, то въ нѣчто очень похожее на классъ мелкихъ собственниковъ.

Эта фабрика находится во Франціи, въ департаментѣ Марны, въ Валь-де-Буа, въ 17 километрахъ отъ исторически извѣстнаго города Реймса. Фабрика вырабатываетъ шерстяныя ткани, производствомъ которыхъ занято свыше 900 человекъ рабочихъ мужчинъ и женщинъ.

Владѣльцы фабрики, хорошо понимая, что ихъ интересы не могутъ идти въ разрѣзъ съ интересами ихъ рабочихъ, создали фабричный совѣтъ, во главѣ котораго стоитъ владѣлецъ. Члены совѣта—одиннадцать депутатовъ отъ рабочихъ, по одному отъ каждой специальности.

Этотъ совѣтъ разсматриваетъ всѣ нужды рабочихъ, работаетъ надъ улучшеніемъ фабричнаго производства, вполнѣ

мирясь съ „институтомъ собственности“. Каждый изъ членовъ хорошо знакомъ съ дѣлами фабрики и хорошо знаетъ, чего можно добиться отъ хозяина, не нарушая его интересовъ. Такой же совѣтъ образовавъ и для работницъ фабрики. Оба совѣта заняты не только вопросомъ о заработной платѣ, но также и вопросами гигиены, оказаніи помощи пострадавшимъ, о назначеніи подмастерьевъ и мастеровъ, которые играютъ не маловажную роль въ жизни рабочихъ.

Задолго до изданія въ 98 г. закона о страхованіи рабочихъ владѣльцы фабрики Гармеля установили особый порядокъ обезпеченія семьи пострадавшаго или умершаго рабочаго. Благодаря приплатамъ, которыя дѣлаетъ фабричное общество взаимопомощи по постановленію фабричнаго совѣта, къ преміямъ страховыхъ обществъ, пострадавшій рабочій или его осиротѣлая семья получаетъ почти всю задѣльную плату.

Вопросы подготовки подмастерьевъ и оцѣнки ихъ труда отданы всецѣло въ руки того же фабричнаго совѣта, при чемъ предпочтеніе отдается тому, кто окажется побѣдителемъ въ двухмѣсячномъ конкурсѣ на той же фабрикѣ. Входя во всѣ интересы фабричнаго производства, чувствуя себя заинтересованными въ ея преуспѣяніи, рабочіе забыли о пресловутомъ 8-часовомъ днѣ социалистовъ, установивъ 10-часовой. Работы продолжаются отъ 6½ ч. утра до 6 ч. вечера съ перерывомъ въ 1½ часа для обѣда. Что скажутъ на это наши рабочіе, не признающіе никакихъ доводовъ противъ сокращенія часовъ труда до восьми и не оставающихся для его достиженія передъ полными разореніемъ кормящей ихъ фабрики?

Заработная плата отдѣльныхъ членовъ семьи выдается на руки не имъ самимъ, а главѣ семьи или его замѣстителю. Дѣти рабочихъ, по достиженіи ими 13-лѣтняго возраста, обязательно принимаются на фабрику, благодаря чему достигается тѣсно-семейный строй между всѣми рабочими. Предѣльнаго возраста для труда нѣтъ, люди работаютъ до тѣхъ

поръ. пока могутъ работать. Авторъ сообщаетъ, что онъ видѣлъ между рабочими 21 человѣка въ возрастѣ отъ 60 до 76 лѣтъ.

Много вниманія обращено на то, чтобы рабочіе приобрѣтали необходимые имъ предметы по минимальнымъ цѣнамъ. На хлѣбѣ рабочіе экономятъ 14 проц., соглашеніе съ синдикатомъ Шампаны позволяетъ имъ платить за литръ вина 23 сант. вмѣсто 40. Мыло и другіе предметы потребленія приобретаются съ такой же скидкой. Полная солидарность между рабочими привела къ возможности приобретать все необходимое оптомъ, всегда у однихъ и тѣхъ же поставщиковъ, что даетъ рабочимъ не малую цифру въ ихъ книжкахъ сберегательныхъ кассъ.

Фабрика Гармеля существуетъ съ 1840 г. и къ 1903 году среди рабочихъ находилось 80 челов., проработавшихъ болѣе 25 лѣтъ, 4 отставныхъ рабочихъ, имѣющихъ отъ 80 до 84 лѣтъ; 13 въ возрастѣ 71—80 лѣтъ и 12 отъ 53 до 60 лѣтъ.

Штрафы, увольненія и принятіе рабочихъ на фабрику производятся по постановленію совѣта, но не иначе, какъ послѣ утвержденія самого хозяина. Благодаря тому, что фабричные рабочіе живутъ семьями, что дѣти ихъ работаютъ тутъ же, на глазахъ родителей, среди рабочихъ совершенно не замѣчается того гибельнаго разврата, который составляетъ одну изъ ужаснѣйшихъ язвъ современнаго пролетаріата. 10-часовой рабочій день и „зависимость отъ капитала“ не мешаютъ рабочимъ чувствовать себя свободными людьми и создавать себѣ интересы помимо ихъ фабричныхъ работъ. Сознаніе ихъ зависимости отъ одного и того же частнаго дѣла сплочиваетъ ихъ, создавая мирное общество людей, вмѣстѣ трудящихся и вмѣстѣ отдыхающихъ.

Въ 1863 г. въ Валь-де-Буа возникла пожарная дружина; въ 84 г. образовалось общество стрѣлковъ; фабричное музыкальное общество „Гармонія“ насчитываетъ 60 членовъ.

На фабрикѣ существуетъ еще гимнастическое общество, читальня, библіотека и даже драматическое общество. Цензура пьесъ, исполняемыхъ рабочими, принадлежитъ священнику. Наконецъ на фабрикѣ существуетъ особый „военный кружокъ“, занятый изысканіемъ средствъ для уплаты жалованья рабочимъ, призываемымъ къ отбыванію воинской повинности.

Изъ кругозора рабочихъ не исключена и политика: владѣлецъ фабрики, прозванный рабочими „добрымъ отцомъ“, придаетъ особенное значеніе кружку социальныхъ наукъ. Основательное знакомство съ задачами новѣйшаго социализма оказывается наилучшимъ оружіемъ въ борьбѣ съ нимъ. Въ 1906 году этотъ кружокъ занялся вопросомъ о томъ, какія социальныя преобразованія наиболее желательны съ точки зрѣнія пролетеріата. Отвѣтъ получился простой: рабочіе пожелали распространенія порядковъ, существующихъ на ихъ фабрикѣ,—и только. Ни 8-часовой рабочей день, ни экспроприацин орудій труда, ни диктатуры пролетаріата социал-демократы не встрѣтили бы въ этой программѣ преобразованій...

Стремясь укрѣпить среди рабочихъ семейное начало, владѣлецъ фабрики устроилъ для нихъ небольшія, въ 3—5 комнатъ, квартирки, отдаваемые въ наемъ за плату 70—200 фр. въ годъ. Такихъ помѣщеній устроено 182.

На дверяхъ каждой квартиры прибиты кресты съ надписью: „Иисусу Христу, Царю, поклоненіе и посвященіе“. Группа домовъ съ квартирами расположены поселками, изъ которыхъ каждый носитъ названіе какого-либо святого. Вокругъ домовъ расположены небольшіе участки земли, которые обрабатываются самими рабочими.

Нѣкоторые изъ нихъ, несмотря на фабричныя работы, арендуютъ, сверхъ того, небольшіе клочки земли у владѣльца фабрики или сосѣднихъ крестьянъ.

Дѣти рабочихъ воспитываются и учатся въ фабричныхъ школахъ. До поступленія въ начальную школу они съ 4-лѣт-

наго возраста поступають въ дѣтскій садъ. Основная идея воспитанія—развить среди дѣтей чувство солидарности.

Между ними образованы союзы, общества, кружки, развивающіе ихъ и побуждающіе къ самодѣятельности. Надъ ними установленъ строгій надзоръ старшихъ, что вовсе не стѣсняетъ ихъ свободы.

Владѣлецъ фабрики, преобразовавшій бытъ своихъ рабочихъ, не потерпѣлъ отъ этого убытковъ. Отчисляя извѣстную сумму въ ихъ пользу, онъ несетъ несравненно меньшіе расходы, чѣмъ понесъ бы ихъ при забастовкахъ, перемежающихся съ локаутами. Ни то, ни другое не можетъ привести ни къ чему, кромѣ краха, создавая тысячи безработныхъ и разоренныхъ людей.

Единственный путь — путь мирнаго соглашенія капиталиста съ рабочими можетъ привести къ положительнымъ результатамъ. Вотъ что должны твердо запомнить тѣ рабочіе, которые стремятся къ улучшенію своего положенія и положенія своихъ семей. Бельгійскіе рабочіе это поняли. Прімеръ фабрики Гармея оказался заразителенъ. Уже въ 1895 году въ Шампаны, по мысли Льва Гармея, образовался земледѣльческій синдикатъ, представляющій населенію огромныя выгоды. Въ мѣстности, населеніе которой знакомо съ этими учрежденіями, работа социалистическихъ агитаторовъ парализована. Ихъ обѣщанія никого не привлекаютъ („Россія“).

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской духовной Семинаріи
 ЖУРНАЛА
„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
 въ 1908 подписномъ году.

Вступая въ 49-й годъ изданія, журналъ нашъ останется неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ—посильно содѣйствовать православно-русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи. Всегда трудное, служеніе это при современныхъ условіяхъ религіозной и церковной жизни требуетъ необычайнаго напряженія духовныхъ силъ человѣка, Невѣріе и отрицаніе никогда не прекращали своихъ нападокъ на Церковь Христову; но въ настоящее время они начинаютъ разливаться широкою волною даже среди простого народа. Иновѣріе и сектантство, получивъ права свободнаго испо-

вѣданія, съ удвоенной энергіей стараются отторгать отъ Церкви ея чадъ. Кромѣ того, въ русскомъ народѣ, подъ влияніемъ различныхъ причинъ, широко распространяется нравственная грубость, распущенность и извращеніе элементарныхъ нравственныхъ и человѣческихъ понятій. Освѣщать все эти язвы современной религіозно-нравственной жизни, указывать сообразныя съ духомъ вѣры Христовой средства къ исцѣленію ихъ нашъ журналъ и оставляетъ своей задачей.

Далѣе, вопросы о приходѣ и тѣхъ организаціяхъ, централизуемыхъ около пастыря, которыя возникаютъ въ послѣднее время для поднятія и оживленія приходской жизни (приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительныя общества) найдутъ самый живой откликъ въ нашемъ журналѣ.

Ожидаемый созывъ Всероссийскаго Собора, которому предстоитъ важнѣйшая и труднѣйшая задача—оцѣнить и возвѣстить проектированныя въ засѣданіяхъ преосборнаго присутствія реформы въ различныхъ областяхъ церковной жизни, дастъ богатый матеріалъ для обсужденія этихъ реформъ и установки твердой и опредѣленной точки зрѣнія на нихъ.

Журналъ нашъ, наконецъ, будетъ давать также статьи и по вопросамъ историческаго, теоретическаго и литургическаго характера, имѣющимъ отношеніе къ церковной и пастырской дѣятельности.

Во взаимообщеніи и единеніи—прочный залогъ для успѣшной дѣятельности и для успѣшной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всеѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюдениями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаціями пастырскаго опыта, журналъ въ 1908 подписномъ году будетъ давать, время отъ времени на своихъ страницахъ, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго бібліографическаго Листка“. Кромѣ того, въ 1908 г. Редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ безплатнаго приложенія, нотный сборникъ церковныхъ пѣснопѣній въ общедоступномъ переложеніи.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во все мѣста Россійской имперіи **ШЕСТЬ** рублей.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до конца подписнаго года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редикторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій

Печатать дозволяется. Кіевъ. 14-го ноября 1907 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. **№ 47.** Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1907-го года ноября 25-го дня.

Содержаніе: I. Филипповъ постъ.—II. Основной характеръ проповѣди св. Іоанна Златоуста.—III. Чтеніе для народа.—IV. Замѣтка. О допущеніи членовъ церковно-приходскихъ совѣтовъ къ участию въ ежемѣсячной провѣркѣ церковныхъ сумъ.

ФИЛИППОВЪ ПОСТЪ.

Ничто не можетъ сообщить такой торжественности празднику, какъ многодневное приготовленіе къ нему, въ чемъ бы оно ни состояло. Здѣсь дѣйствуетъ чисто психологическій законъ. Каждый день приготовленія накапливаетъ въ душѣ извѣстное настроеніе, прибавляя что-нибудь къ тому, что вынесено изъ предыдущаго дня. Этотъ невидимый душевный запасъ, такимъ образомъ, все растетъ и углубляется, если не заслоня совершенно и подавляя, то борясь и растворяя собою безчисленныя другія впечатлѣнія, получаемыя душою въ это время.

Поэтому идею столь многодневнаго приговленія къ празднику Рождества Христова, какъ Филипповъ постъ, когда бы такая идея ни возникла въ Церкви, нельзя не признать не-

обыкновенно удачной. Назначая предъ Рождествомъ Христовымъ постъ такой же продолжительности, какъ предъ Пасхой, церковный уставъ почти уравниваетъ эти праздники въ отношеніи торжественности, т. е. въ отношеніи глубины производимаго ими на вѣрующихъ впечатлѣнія. Посему Псалтирь Слѣдованная не впадетъ въ преувеличеніе, когда даетъ такое обозначеніе празднику Рождества Христова: „Пасха. Праздникъ тридневный“ (см. мѣсяцесловную часть Псалтири подъ 25 декабря).

Какую важность въ дѣлѣ религіозно-нравственнаго воспитанія вѣрующихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ въ дѣлѣ созиданія царства Христова на землѣ, имѣетъ сообщеніе празднику Рождества Христова такой торжественности, достигаемой сорокадневнымъ постомъ предъ нимъ, объ этомъ едва ли нужно говорить. Религія есть по преимуществу, если не исключительно, дѣло сердца и воли, а не разсудка и не размысленія. Холодное признаніе тайны воплощенія Сына Божія, сухая вѣра въ этотъ догматъ не дѣлаетъ изъ человѣка христіанина. Нужно эту тайну перечувствовать душою, сродниться съ нею сердцемъ, а это требуетъ цѣлаго ряда глубокихъ и продолжительныхъ впечатлѣній съ этой стороны на душу.

Такого рода впечатлѣнія успѣшнѣе всего производятся на душу церковнымъ богослуженіемъ. Слово назиданія въ этомъ отношеніи не можетъ имѣть такого успѣха. Въ церковномъ богослуженіи соединяются два самыхъ могучихъ фактора воздѣйствія на душу—молитва и музыка. Та и другая проникають до такихъ глубинъ души, которыя недоступны словамъ и понятіямъ. Можно представить себѣ, до какой глубины доходить это воздѣйствіе на душу, поистинѣ благодатное, когда молитва усиливается постомъ, который св. подвижники такъ остроумно и вѣрно называли „крыльями молитвы“.

Это правда, что христіанство по преимуществу этическая религія. Но этика христіанства не такая разсудочная,

дѣловая и поверхностная, какъ этика буддизма, стоицизма, еврейства и другихъ великихъ его предшественниковъ. Она исходить не отъ императивовъ формально-законодательнаго разума, а изъ глубины возрожденной души. Христіанство не доктрина лишь, чтобы обходиться безъ культа. И какой невиданной доселѣ красоты и чистоты культъ создало христіанство, особенно наше, греко-восточное! Сколько потеряло бы оно въ силѣ дѣйствія своего на души, если бы отнять у него этотъ культъ, это чудное богослуженіе, эти просто гениально задуманные обычаи, обряды, весь ви́шній строй церковной жизни.

Эти общія положенія подтверждаются внимательнымъ анализомъ каждой формы и явленія церковной жизни. Подтвердятся они и всестороннимъ разсмотрѣніемъ такого, повидимому, второстепеннаго учрежденія церковнаго, какъ Филиповъ постъ.

I.

Любимое названіе Филипова, или Рождественскаго поста въ церковномъ уставѣ это „малая четырехдесятиница“. Это названіе очень характерно. Оно, во-первыхъ, сближаетъ, какъ по цѣли и идеѣ, такъ и по значенію, Рождественскій постъ съ Великимъ, съ „великою четырехдесятиницею“. Во-вторыхъ, такое наименованіе даетъ понять, что въ этомъ постѣ большое значеніе имѣетъ самый срокъ его—сорокадневный.

Симеонъ Солунскій указываетъ такое основаніе для сорокадневной продолжительности Рождественскаго поста: „постъ Рождественской четырехдесятиницы изображаетъ постъ Моисея, который, постившись 40 дней и 40 ночей, получилъ на каменныхъ скрижаляхъ начертаніе словесъ Божіихъ. А мы, постясь 40 дней, созерцаемъ и приедемъ живое Слово отъ Дѣвы, начертанное не на камняхъ, но воплотившееся и родившееся, и приобщаемся Его божественной плоти“ („Отвѣты на нѣкоторые вопросы“).

Кромѣ такого частнаго и чисто символическаго основанія для сорокадневной продолжительности Рождественскаго поста есть основаніе для этого болѣе общее и, можетъ быть, болѣе глубокое. Дѣло въ томъ, что сорокадневная продолжительность почему-то всегда являлась и является необходимою и обычною для поста усерднаго и особенно богоугоднаго и благодатнаго. Не только Моисей, но и Ілїя готовится къ боговидѣнію сорокадневнымъ постомъ. И Моисей, когда ему надобно было, вслѣдствіе нарушенія со стороны Израїля новозаключеннаго завѣта Божія и разбитія самихъ скрижалей этого завѣта, вступить для новаго заключенія завѣта опять въ непосредственную близость и отношеніе съ Богомъ, долженъ былъ къ этому готовиться постомъ снова точно такой же продолжительности. Самому Спасителю, безгрѣшному и всесильному Богочеловѣку, для начала общественнаго служенія потребовался постъ именно сорокадневный.

Должны быть какія-нибудь основанія для того, что именно такое число дней всегда выбиралось (и къмъ выбиралось!) для поста. Чтобы донестись до этихъ основаній, нужно принять во вниманіе, что такой срокъ оказывался въ дѣлѣ міроуправленія Божія необходимымъ не для этихъ лишь трехъ (указанныхъ) поистинѣ міровой важности постовъ, но и для явленій другаго, хотя и сроднаго порядка. Дождь всемірнаго потопа льетъ 40 сутокъ. Страствованіе Израїля по пустынѣ продолжается 40 лѣтъ. „Домъ Іудинъ“, т. е. іудейское царство, единственнымъ представителемъ избраннаго народа, по опредѣленію Божію, объявленному чрезъ символическое лежанье пр. Іезекіили на правомъ боку, долженъ былъ срокъ лѣтъ „нести на себѣ беззаконіе свое“ (Іез. гл. 4). Раньше же всего этого божественно-воспитательное „переселеніе сѣмени“ Авраама (по откровенію ему Божію въ ночномъ видѣніи) „въ земли не своей“ (Египтѣ) должно было продолжаться 400 (40×10) лѣтъ. Наконецъ, опять же самому Спасителю по воскресеніи Его для окончательнаго вступленія изъ этого міра обожествленною плотію въ славу, кото-

рую Онъ имѣлъ у Отца „прежде міръ не бысть“, потребо-
валось 40 дней.

Конечно, намъ не дано разумѣть вполне „времена и
сроки, которыя Отець (Небесный) положилъ въ Своей вла-
сти“ (Дѣян. 1, 7). Но само Откровеніе, говоря о такихъ
срокахъ, иногда даетъ ключъ къ нѣкоторому объясненію
ихъ. Какъ давно уже замѣтили толкователи Библии, число
„4“ въ ней является какъ бы нѣкоторымъ числомъ міра и
сотвореннаго, ограниченнаго бытія, тогда какъ число „3“
является числомъ самого Божества.

Имѣя въ виду четыре страны свѣта (представителями ко-
торыхъ въ Ветхомъ Завѣтѣ обычно являются „четыре вѣтра
небесные“—ср. Іез. 37, 9, Дан. 7, 2—3 и др.), и что Богъ
отъ четырехъ стихій міръ составилъ“, „четырьмя времени
кругъ лѣта вѣнчалъ“, можно сказать, что Богъ, творя міръ,
какъ бы положилъ въ основаніе его число „4“. Особенно
знаменательнымъ въ этомъ отношеніи является первое ви-
дѣніе пр. Іезекіиля, о которомъ, при всей его загадочности
и таинственности, съ несомнѣнностью все же можно ска-
зать, что оно имѣетъ нѣкоторый космологическій характеръ
(въ немъ выступаютъ вѣтеръ, облака, огонь, молніи, твердь
и т. п.). Это видѣніе все построено на числѣ „4“ (4 херу-
вима, 4 лица и 4 крыла у cadaго изъ нихъ; тѣ и другіе
могутъ идти въ каждую изъ четырехъ сторонъ не оборачи-
ваясь и т. д.).

Всѣ приведенныя аналогіи достаточно показываютъ по
крайней мѣрѣ глубокой символизмъ числа „4“ и „40“. А
символь тѣмъ и отличается отъ обыкновенной рѣчи, что онъ
не переводимъ на такую рѣчь, ясную и понятную, безъ
остатка. Такъ и въ данномъ случаѣ лучше бы ограничиться
указанными сопоставленіями, являющимися твердыми и не-
сомнѣнными данными Откровенія, и не пытаться заглянуть
въ предметъ глубже. Но все же можно прибавить, что если
число 4 какъ бы положено Богомъ въ основаніе сотворен-
наго Имъ міра (притомъ міра не только вещественнаго, но,

какъ показываетъ видѣніе пророка Іезекіиля, и духовнаго, ангельскаго), то оно есть число міроваго совершенства, міровой гармоніи. Если же такъ, то и при возстановленіи этого совершенства по его нарушеніи должно быть полагаемо въ основаніе число „4“, притомъ въ усиленной степени (удесятеренное и сторичное).

При этомъ замѣтимъ, что символизмъ чиселъ только поверхностному, не философскому уму можетъ казаться чѣмъ-то пустымъ и фантастическимъ. Какую роль въ мірѣ играетъ число, достаточно показываетъ математика и музыка. Пифагоръ не даромъ и не безъ глубокихъ основаній придавалъ такое значеніе числу въ своей системѣ, что самый міръ явился у него чуть не просто числомъ. Если же Пифагоръ для насъ, христіанъ, не авторитетъ, то вотъ и Іисусъ Христосъ какое большое значеніе придаетъ числамъ, именно символическимъ числамъ: Онъ избираетъ апостоловъ 12 или 70, конечно, ради символизма этихъ чиселъ. И вся Библия, такъ сказать, пестритъ символическими числами, начиная съ первой ея страницы (седмица творенія) до послѣдней (главная символика Апокалипсиса—символика чиселъ). Затѣмъ, не знаменательно ли, что и таинствъ, и вселенскихъ соборовъ въ церкви само собою, такъ сказать, естественно, оказалось 7, число глубоко символическое.

Рожественскому посту сорокадневная продолжительность усвоена церковнымъ уставомъ въ собственномъ смыслѣ и исключительнымъ образомъ, такъ что онъ одинъ изъ всѣхъ постовъ имѣетъ полное право на наименованіе „четырехдесятиницы“. Великій постъ только въ основномъ и первоначальномъ ядрѣ своемъ имѣетъ сорокадневную продолжительность. Онъ только по идеѣ „четырехдесятиница“, а фактически продолжается 49 дней. Если же къ нему присоединить столь тѣсно связанныя съ нимъ предуготовительныя недѣли, начиная отъ недѣли Мытаря и Фарисея, то онъ будетъ имѣть 70 дневную продолжительность (число тоже символическое).

Такимъ образомъ, настоящей четыредесятницей церковнаго года является только Филипповъ постъ.

Это обстоятельство знаменательно. Дѣло въ томъ, что Православная Церковь своими четырьмя многодневными постами освящаетъ какъ разъ каждое изъ четырехъ временъ года. „Самое храненіе воздержанія, говоритъ св. Левъ Великій (слово XIV), запечатлѣно четырьмя временами, дабы въ теченіе года мы познали, что непрестанно нуждаемся въ очищеніи и что при разсѣяніи жизни всегда должно стараться намъ постомъ и милостынею истреблять грѣхъ, который брѣнностью плоти и нечистотою пожеланій пріумножается“. Изъ четырехъ постовъ Рождественскій постъ—зимній. Онъ освящаетъ зиму, какъ Великій—весну, Петровъ—лѣто и Успенскій—начало (приближеніе) осени. Падая на конецъ гражданскаго года, того года, который послѣ долгихъ колебаній признанъ со стороны образованнѣйшей части человѣчества наиболѣе удобнымъ и естественнымъ, совпадая съ зимою, этимъ замираніемъ и кажущимся концомъ жизни природы, Рождественскій постъ является конечнымъ, заключительнымъ (такимъ онъ былъ и въ древнѣйшемъ церковномъ году, начинавшемся съ марта), слѣдовательно, четвертымъ въ ряду постовъ, восполненіемъ числа ихъ до числа міроваго совершенства и гармоніи. И потому ему болѣе другихъ постовъ приличествуетъ и отвѣчаетъ сорокадневная продолжительность.

Восходитъ солнце и заходитъ и спѣшитъ къ мѣсту своему, гдѣ оно заходитъ; идетъ вѣтеръ къ югу, и переходитъ къ сѣверу, кружится, кружится на ходу своемъ, и возвращается вѣтеръ на круги свои“, говоритъ Екклесіастъ (1, 5—6). Природа на зиму умираетъ, чтобы опять ожить и снова начать годичный кругооборотъ. Притомъ это замираніе происходитъ такъ, что оно является началомъ и новой жизни: съ зимняго солнцестоянія, этого зенита, кульминаціонной точки зимы, начинается увеличеніе дня, а, слѣдовательно, начинается вѣять весной и лѣтомъ. Съ начала зимы,

какъ бы начинается весеннее воскресеніе природы. Оно, это воскресеніе, еще въ зародышѣ, оно еще не такъ упоительно-очаровательно, какъ при полномъ завершеніи своемъ—весною, но оно уже ясно даетъ чувствовать себя и тѣмъ больше цѣнится нами, чѣмъ незамѣтнѣе, нѣжнѣе и первичнѣе эти задатки.

Рождественскій постъ охватываетъ эту лучшую часть зимы, пору ея самага роскошнаго развитія, когда ея собственная строгая красота еще возвышается и выигрываетъ отъ начинающагося живописнаго дыханія весны. То не случайность, что важнѣйшія священныя времена Церкви падаютъ на лучшія времена года (Пасха, Рождество, Благовѣщеніе, Троицынъ день). То не есть и какой-либо незаконный натурализмъ въ христіанствѣ, пережитокъ язычества. При самомъ твореніи свѣтилъ Богъ предназначилъ ихъ не только „для отдѣленія дня отъ ночи“, для „дней и годовъ“, но и „для знаменій (сверхъестественныхъ) и время“ (священныхъ).

Какъ бы высоко ни былъ развитъ человѣкъ въ духовномъ отношеніи, какъ бы онъ ни возвышался надъ потребностями тѣла, послѣднее всегда будетъ опредѣлять собою самочувствіе человѣка. Совсѣмъ иначе чувствуемъ мы себя весною, папр., и осенью. Рождественскій постъ, падая на лучшее послѣ весны время года, на наиболѣе здоровую и бодрящую часть его, и въ этомъ отношеніи занимаетъ второе мѣсто въ ряду постовъ.

Такимъ образомъ земная Церковь въ полномъ и святомъ самоотверженіи приноситъ Богу въ жертву посредствомъ Великаго и Рождественскаго постовъ самые лучшіе мѣсяцы года. Она, какъ бы въ подтвержденіе словъ Спасителя, что Онъ пришелъ не нарушить, а исполнить законъ Моисеевъ, этимъ въ полной мѣрѣ осуществляетъ требованіе этого закона - посвящать Богу все лучшее изъ принадлежащаго человѣку, „начатки“ всего.

М. Скабаллановичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Основной характеръ проповѣди св. Іоанна Златоуста.

Св. Іоаннъ Златоустъ и по своему внутреннему религіозно-нравственному настроенію, и по направленію своей проповѣднической дѣятельности, принадлежалъ къ поколѣнію мучениковъ, т. е. къ поколѣнію тѣхъ людей, которые просіяли въ христіанствѣ мужествомъ необычайнымъ, вѣрою непоколебимою, ревностью окрыленною и горячею, которые всю свою жизнь пламенѣли любовью къ Богу и желаніемъ спасенія всѣмъ людямъ. Добровольно и сознательно выдѣлялись себя эти люди изъ среды язычниковъ, проходили тяжелый и длинный путь самовоспитанія въ требованіяхъ вѣры Христовой и путемъ всякихъ бѣдствій и страданій за Христа постепенно проясняли свои религіозныя убѣжденія. Въ евангельскомъ ученіи для нихъ все было одинаково дорого; каждая черта, каждый штрихъ имѣли свой смыслъ, свое значеніе. Они легко замѣчали всякую фальшь въ жизни и тотчасъ спѣшили возстановить нарушенную гармонію, привести каждый свой шагъ въ соотвѣтствіе съ дѣухомъ христіанства. Окруженные враждебною массою язычниковъ, принужденные непрерывно вести борьбу за свои идеалы, они не знали отдыха на избранномъ пути, ихъ вниманіе къ своему внутреннему міру никогда не ослабѣвало, ихъ одушевленіе великою идеею служенія Церкви Христовой никогда не остывало.

Истинѣ — это было великое поколѣніе. Величіе его заключалось въ его необыкновенной религіозной восторженности, въ той горячности и энергіи, которыя сказывались во всѣхъ его словахъ и дѣлахъ. Оно было охвачено идеаломъ Христовой жизни всецѣло, безраздѣльно. Поэтому оно увѣренно шло къ побѣдѣ надъ міромъ. Тѣсно смыкались его ряды, когда язычество усиливалось разстроить ихъ. И оно дѣйствительно доставило христіанской Церкви полное торжество. „И властители воевали противъ Церкви, и народы непрестанно возставали, когда еще мала была искра благоче-

стія; однако они не погасили и не погубили ея, но сами погибли,—а искра та, увеличиваясь, поднялась на высоту и объяла всю вселенную, тогда какъ всѣ вѣрныя были убиваемы, сожигаемы, низвергаемы съ утесовъ, потопляемы въ морѣ, отдаваемы дикимъ звѣрямъ“¹⁾. Экзальтированный царь-отступникъ Юліанъ, сдѣлавшій во второй половинѣ IV вѣка послѣднюю безумную попытку возстановить язычество въ прежнемъ его блескѣ и величїи, хорошо сознавалъ, что въ христіанствѣ „не только мужи, но и нѣжныя дѣти и незнавшія брака дѣвы, и вообще всякій возрастъ и каждый полъ стремятся на смерть за благочестіе“; поэтому „терзался и досадовалъ и не хотѣлъ открыто провозгласить войну“, говоря, что „всѣ, какъ пчелы на сотъ, полетятъ на мученичество“²⁾.

Но тогда же, во второй половинѣ IV вѣка, уже ясно обозначилось выступленіе въ христіанствѣ новаго поколѣнія вѣрующихъ, народившагося послѣ торжества Церкви при Константинѣ Великому и его преемникахъ. Миръ и вообще внѣшніе успѣхи Церкви, достигнутые при первыхъ христіанскихъ императорахъ, внесли сильное расслабленіе во внутреннюю жизнь вѣрующихъ. Въ религіи дѣло обстоитъ такъ же, какъ и въ другихъ областяхъ жизнедѣятельности человека: покой, прїобрѣтенная увѣренность въ прочности своего положенія, отсутствіе заботъ о будущемъ—и въ религіи есть начало отцвѣтанія, замиранія. „Безопасность для благочестія есть величайшее изъ всѣхъ гоненій; это хуже самаго гоненія. Безопасность, какъ бы потокъ наводняющій, расслабляетъ душу; и что зной и холодъ, то же—гоненіе и безопасность... Безопасность наводитъ сонъ на душу, производитъ великую невнимательность и безпечность, возбуждаетъ всякаго рода страсти“³⁾.

¹⁾ I. Златоустъ. Похв. бесѣда о свв. муч. Іувентинѣ и Максиминѣ.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Бес. XXIV на Дѣян.

Равнымъ образомъ, внѣшняя сила, могущество, престижъ и въ религіи заключаютъ въ себѣ много привлекательнаго, и люди охотнѣе становятся на сторону той вѣры, которая даетъ имъ болѣе внѣшнихъ преимуществъ, хотя бы она не вполне соответствовала ихъ убѣжденіямъ. По всему этому, когда Церковь пріобрѣла и эту безопасность и этотъ престижъ, она быстро стала увеличивать свои ряды на счетъ язычества. Но, къ сожалѣнію, ея громаднѣйшія завоеванія были чисто территоріальными и не только не соответствовали росту внутренняго благочестія, но даже послужили къ явному вреду для послѣдняго.

Язычники, вступавшіе въ Церковь болѣе по соображеніямъ житейскаго характера, продолжали оставаться язычниками по жизни, а иногда и по вѣрованіямъ. Они нисколько не думали отказываться отъ прежнихъ своихъ привычекъ, симпатій и антипатій. Христіанство для нихъ было лишь модною одеждою, ко времени пріобрѣтенною ¹⁾. Вотъ эти-то христіане по имени только и составляли то новое поколѣніе, которое наполнило собою къ концу IV вѣка христіанскія общины и въ городахъ, и въ селахъ, и въ Азіи и въ Европѣ, и на востокъ и на западъ, и которое Златоустъ называетъ *сѣномъ*, годнымъ только для огня, обозначая этимъ словомъ отсутствіе у своихъ современниковъ благочестія, богатства добродѣтели ²⁾. Участіе, какое они принимали въ религіозныхъ спорахъ того времени, не только не приносило никакой пользы вѣрѣ и жизни христіанской, но, напротивъ, служило во вредъ всей Церкви. Вотъ, какъ горько жалуется на это св. Василій В. ³⁾.

¹⁾ Ср. со словами Златоуста: „христіанство, возлюбленные, не шутка, и не маловажное дѣло. Не престапно мы говоримъ это, и нисколько не имѣемъ успѣха“. Бес. на слова: *аше алчетъ врагъ твой, ухлыби его*.

²⁾ Бес. XXIV на Дѣян.: „какая польза отъ того, что много сѣна, когда можно было бы имѣть (въ Церкви) драгоценные камни?.. Только больше пищи для огня“.

³⁾ Творенія, ч. 6. М. 1847. Письмо къ италійскимъ и гальскимъ епископамъ, стр. 216.

„Догматы благочестія извращены, уставы Церкви нарушены; любостяжаніе людей, не боящихся Господа, кидается за начальственными должностями, и предѣдательство въявь уже предлагается въ награду за нечестіе; исчезла сановитость священническая; мало людей пасущихъ стадо Христово разумно... Не видно точнаго исполненія церковныхъ правилъ; много стало свободы грѣшить... Погибъ праведный судъ; всякій ходитъ по волѣ сердца своего; порокъ не знаетъ себѣ мѣры; народъ не слушаетъ увѣщаній... Невѣрные смѣются, маловѣрные колеблются; вѣра сомнительна, невѣдѣніе проливается въ души. Молчатъ уста благочестивыхъ, развязанъ всякій хульный языкъ... Какіе источники слезъ будутъ достаточны для столькихъ несчастій!“

И всего печальнѣе въ положеніи Церкви было то, что новое поколѣніе мало сознавало необходимость иныхъ привычекъ, иной жизни. Оно со спокойною совѣстью оставалось въ Церкви, нисколько не думая объ исполненіи своихъ обязанностей въ отношеніи къ ней.

Пока шла борьба съ разными ересями, корень этого зла скрывался, его не замѣчали; но когда къ концу IV вѣка наступилъ миръ въ Церкви, онъ обнаружился во всей своей ужасающей наготѣ. Стало ясно, что блестящій вѣкъ мучениковъ окончился, и церковная жизнь вступила въ новый періодъ своего развитія. На распутіи этихъ двухъ эпохъ въ исторіи Церкви и возвышается предъ нами св. Іоаннъ Златоустъ. Его величественный образъ заслоняетъ собою все, что было тогда въ Церкви высокаго и святаго, онъ наполняетъ собою все поле нашего зрѣнія.

Никто не переживалъ глубокаго паденія религіозно-нравственной жизни тогдашняго времени съ такою мучительною болью, какъ знаменитый пресвитеръ Антіохіи и впоследствии епископъ столицы имперіи—Константинополя, равно какъ и никто не признавалъ необходимости борьбы съ открывшимся зломъ столь ясно и отчетливо. Святая, благородная душа Златоуста, рожденная для христіанскаго благоче-

стія, одночасно горѣла и чувствомъ любви къ Богу, и чувствомъ состраданія къ членамъ Христової Церкви, котрыхъ онъ хотѣлъ сдѣлать достойными високаго имени христіанъ, возродивъ ихъ къ новой жизни. И онъ выступивъ въ міръ съ апостольскою миссією—отклонити людей отъ ихъ заблужденій, отвлечь ихъ вниманіе отъ всякихъ земныхъ пристрастій и самую землю сдѣлать небомъ по жизни вѣрующихъ, по дерзновенію, по чудесамъ, и по всему“, какъ было нѣкогда ¹⁾). Его современники „предавались крѣпкому сну, а между тѣмъ діаволь подкапывалъ стѣны, умерщвлялъ спящихъ и похищалъ внутреннія сокровища, дѣлая все безъ опасенія, какъ въ глубокой тьмѣ“ ²⁾),—и св. Іоаннъ явился пророкомъ грозящей христіанскому міру катастрофы и немолимымъ обличителемъ всѣхъ, кто, подобно червямъ, подтачивалъ корень Церкви ³⁾).

Грѣхъ доставлялъ св. Іоанну Златоусту ужаснѣйшія страданія, и онъ никогда не переставалъ говорить, что для него въ жизни „одно только печально—грѣхъ, все же остальное—прахъ и дымъ“ ⁴⁾). Пѣтому онъ одинъ рѣшилъ поднять войну противъ грѣха во всѣхъ его проявленіяхъ. Для тяжелой и не обѣщавшей быстраго успѣха борьбы онъ вооружился сильнѣйшимъ въ мірѣ оружіемъ—краснорѣчіемъ. Христіанскій міръ видѣлъ на церковной кафедрѣ много проповѣдниковъ съ высокимъ ораторскимъ талантомъ, не уступавшимъ въ своей силѣ и блескѣ талантамъ классическимъ; но никогда еще краснорѣчіе не призывалось къ выполненію такой необычайной задачи, какую поставилъ себѣ Златоустъ, а потому никогда оно и не поднималось до такой поразительной высоты и энергій.

Какъ широко задумалъ Златоустъ задачу преобразованія нравовъ своего времени и съ какою настойчивостію онъ

¹⁾ Бес. XIII на Дѣян.

²⁾ Бес. XXIV на Римл.

³⁾ Бес. XXVII на 1 Кор.

⁴⁾ Письмо XIV къ Олимпіадѣ.

осуществлялъ ее, объ этомъ свидѣтельствуя его многочисленнѣйшія церковныя бесѣды.

Св. Іоаннъ Златоустъ выступилъ на церковную кафедру не для того, чтобы своимъ словомъ только утѣшать слушателей. „Развѣ мы безъ нужды и безъ цѣли хотимъ бесѣдовать съ вами для того только, чтобы получить отъ васъ похвалу, чтобы вы съ рукоплесканіемъ расходились отсюда? Не для этого,—да не будетъ, а для вашей пользы. Для меня самая великая и достаточная похвала та, если кто отъ порока обратится къ добродѣтели“¹⁾. Эти слова, которыя онъ любилъ часто повторять въ своихъ бесѣдахъ, не были простымъ оборотомъ рѣчи, а искреннимъ признаніемъ любящаго сердца. Онъ дѣйствительно хотѣлъ быть ближайшимъ руководителемъ своихъ пасомыхъ въ добродѣтельной жизни, ихъ учителемъ, отцомъ, братомъ, другомъ. „Вы мнѣ сограждане, говорилъ онъ: вы мнѣ отцы, вы мнѣ братья, вы мнѣ дѣти, члены, вы мнѣ тѣло, вы мнѣ свѣтъ, дажи гораздо утѣдительнѣе этого свѣта“²⁾. Полный любви и доброжелательства ко всѣмъ, онъ и самъ пользовался ото всѣхъ преданностью, и никогда между проповѣдникомъ и слушателями не существовало болѣе интимныхъ и искреннихъ отношеній. Въ глазахъ Златоуста слушатели не были безразличной массой, къ которой можно было бы обращаться съ разсужденіями общаго, отвлеченнаго характера. Онъ всегда видѣлъ предъ собою живыхъ людей, съ ясно выраженными запросами духа, которые и старался удовлетворять; его всегда окружали люди, ожидавшіе отъ него опредѣленнаго наставленія и утѣшенія, которыя и получали въ обильной мѣрѣ.

Для нравственнаго перевоспитанія новаго поколѣнія христіанъ въ духѣ вѣры Златоустъ избираетъ методъ, достойный его великаго проповѣдническаго гения. Онъ рѣшилъ, что людямъ должно предлагать наставленія въ подвигахъ благоче-

¹⁾ Бес. LIV на Быт.

— ²⁾ Бес. предъ отпав. въ ссылку.

стія, если можно каждый день, чтобы ихъ умъ всегда былъ занятъ предметами божественными,—и потому сталъ проповѣдывать такъ часто, какъ только представлялось возможнымъ. Онъ нашель, что этой цѣли наилучшимъ образомъ служить *испытаніе* Писаній,—и потому никогда не выпускаль изъ рукъ Библии. Онъ поняль, что человѣку трудно сразу же порвать со всѣми своими худыми привычками,—и объявилъ войну отдѣльнымъ порокамъ и недостаткамъ людей, и велъ эту борьбу до тѣхъ поръ, пока не достигалъ какихъ-либо ощутительныхъ результатовъ. „Если кто захочетъ съ корнемъ исторгнуть страсть..., для этого исправленія не достаточно однодневнаго или двухдневнаго увѣщанія, а нужно часто и въ продолженіе многихъ дней бесѣдовать объ этомъ предметѣ,—если только хотимъ проповѣдывать не изъ честолюбія и для удовольствія, а для блага и пользы... Это, мнѣ кажется, лучшій способъ наставленія—не переставать внушать, что бы то ни было, до тѣхъ поръ, пока не увидимъ, что внушеніе перешло въ дѣло. Кто говоритъ сегодня о милостынѣ, завтра о молитвѣ, послѣзавтра о кротости, далѣе о смиренномудріи, тотъ не утвердитъ своихъ слушателей ни въ одной изъ этихъ добродѣтелей, потому что онъ постоянно перебѣгаетъ отъ одного предмета къ другому и отъ этого опять къ иному“ ¹⁾. Этотъ способъ наставленія Златоустъ постепенно примѣняетъ въ отношеніи къ клятвамъ, гнѣву, памятозлобію, страсти къ зрѣлищамъ, сластолюбію, праздности и т. д. И только для корыстолюбія и сребролюбія дѣлаетъ то исключеніе, что не устаеть говорить о немъ едва ли не въ каждой бесѣдѣ: социальная жизнь его времени настолько страдала отъ этого всеобщаго порока, что о немъ дѣйствительно нужно было говорить день и ночь, хотя это и не всегда одобрялось слушателями. „Можетъ быть, кто-нибудь изъ васъ скажетъ: ты каждый разъ бесѣдуешь о любостыжаніи. О, если бы можно было говорить объ этомъ и каждую

¹⁾ Вес. I о Давидѣ и Саулѣ.

ночь! О, если бы и тотъ, кто сопутствуетъ вамъ на площади и сидитъ съ вами за трапезою, если бы и жены, и друзья, и дѣти, и рабы, и земледѣльцы, и сосѣди, и даже полъ и стѣны могли изливать эту рѣчь, чтобы чрезъ то, хотя немного, мы поддержались! Этотъ недугъ объялъ всю вселенную, обладаетъ душами всѣхъ,—и, поистинѣ, велика сила мамоны¹⁾!

Чтобы выполнить такую великую задачу, какъ перевоспитаніе цѣлаго поколѣнія вѣрующихъ, необходимо живое, личное участіе самихъ вѣрующихъ въ этомъ дѣлѣ: только сознаніе себя виновникомъ грѣха и сильное желаніе исправиться можетъ привести человѣка къ новой жизни. Іоаннъ Златоустъ и направляетъ всю силу своего краснорѣчія на возбужденіе въ своихъ слушателяхъ этого сознанія и этого желанія²⁾, на воодушевленіе ихъ мыслью, что только ихъ личными усиліями можетъ быть обезпеченъ успѣхъ борьбы противъ власти застарѣлой привычки, противъ силы отеческихъ языческихъ обычаевъ и законовъ. И въ этомъ отношеніи христіанскій міръ не знаетъ проповѣдника, равнаго ему по силѣ воздѣйствія на слушателей и по обилію средствъ, употребляемыхъ для назиданія и убѣжденія. Этотъ именно моментъ проповѣднаго слова и рисуется св. Іоанна Златоуста предъ нами, какъ грознаго пророка и вдохновеннаго мученика.

Златоустъ вѣрилъ въ естественную любовь человѣка къ добродѣтели, часто изображалъ красоту христіанскаго благочестія самыми привлекательными чертами, пользуясь для этого примѣрами библейскихъ праведниковъ. Но его современники охотно слушая самоотверженныя рѣчи о добродѣтельной жизни, часто проливая даже слезы умиленія, въ то же время оказывались безсильными поборотъ въ себѣ нравственную инертность однимъ лишь созерцаніемъ высокихъ

¹⁾ Бес. LXXVI на Іоани.

²⁾ Бес. XXXV на Быт.

образцовъ святости; поэтому онъ приходилъ къ нимъ на помощь съ богатѣйшимъ запасомъ другихъ побужденій къ добру. Когда сила воодушевленія святою ревностью о спасеніи людей расширяла его проповѣдное слово, превращая послѣднее въ многоводную рѣку или—лучше—въ бурный потокъ,—онъ привлекалъ къ дѣлу увѣщанія все, что только могли представить для этой цѣли его ясный и глубокой умъ, его тонкая наблюдательность и богатое воображеніе. Онъ считалъ для себя дозволенными „всѣ способы, которыми бы могъ сдѣлать полезное для души“ ¹⁾. Земля съ ея непостоянными радостями и многочисленными страданіями; небо съ его вѣчною жизнью и неизреченнымъ блаженствомъ; адъ съ его скрежетомъ зубовнымъ и нескончаемыми мученіями—все въ устахъ Златоуста говоритъ о необходимости для человѣка непрерывной борьбы съ порокомъ, все призывается имъ во свидѣтельство того, что эта борьба должна быть начата и она возможна,—стоитъ только захотѣть. Златоустъ отлично знаетъ всѣ мелочи повседневной жизни своихъ слушателей и отсюда заимствуетъ сильнѣйшія средства къ ихъ исправленію, часто заставляя ихъ учиться любу мудрѣю даже у безсловесныхъ животныхъ. „Я не стыжусь развѣдывать о вашей домашней жизни, говорилъ онъ, потому что эта любознательность происходитъ не отъ пытливости, но отъ заботливости. Не безчестіе для врача освѣдомляться о болящемъ; и намъ не порокъ всегда разузнавать о вашемъ спасеніи; ибо узнавъ такимъ образомъ, что вами исполнено и что осталось не сдѣланнымъ, мы съ должнымъ разумѣніемъ приложимъ и остальные лѣкарства“ ²⁾.

Но ничѣмъ Златоустъ не пользуется такъ часто и настойчиво для убѣжденія своихъ слушателей въ необходимости для нихъ добродѣтельной жизни, какъ изображеніемъ непрочности всего земного и непостоянства человѣческихъ

¹⁾ Бес. XXX на Дѣян.

²⁾ Бес. IX о статуяхъ.

дѣль. Бесѣду на Евтропія онъ начинаетъ такими характерными словами: „Всегда, но особенно теперь благовременно сказать: *суета суетствій, всяческая суета* (Еккл. 1, 2). Гдѣ теперь пышная обстановка консульства? Гдѣ блестящіе свѣтильники? Гдѣ рукоплесканія и ликованія, пиршества и праздники?.. Все прошло... Все это было, какъ ночь и сновидѣніе, и съ наступленіемъ дня исчезло; это были весенніе цвѣты, и съ удаленіемъ весны все увяло; была тѣнь—и прошла; былъ дымъ—и разсѣялся; были пузыри и лопнули; была паутина—и расторглась. Посему мы и воспѣваемъ это духовное изреченіе, *постоянно* повторяя: *суета суетствій и всяческая суета*. Это изреченіе *навсегда* должно быть написано и на стѣнахъ, и на одеждахъ, и на площади, и на домѣ, и на дорогахъ, и на дверяхъ, и въ предверіяхъ, а въ особенности на совѣсти cadaго, и должно быть повторяемо *постоянно*“...

И герои устаютъ въ непрерывной борьбѣ, утомляются; и ихъ мечи притупляются отъ времени и понемногу опускаются; но Златоустъ не зналъ утомленія во все свое двадцатилѣтнее служеніе Церкви посредствомъ проповѣдническаго слова. Наоборотъ, чѣмъ шире развивалась его дѣятельность, тѣмъ энергичнѣе онъ выступалъ противъ своего врага, тѣмъ выше поднималъ онъ святое знамя христіанскаго благочестія, тѣмъ настойчивѣе призывалъ онъ къ покаянію и исправленію. Въ Антиохіи, гдѣ онъ 12 лѣтъ проповѣдывалъ, его служеніе протекло сравнительно мирно, спокойно; но въ Константинополѣ онъ уже весь горитъ, не зная ни одной минуты отдыха. Здѣсь онъ нашель тотъ корень зла, съ устраненіемъ котораго все бы легко могло измѣниться: на него онъ и набросился со всѣмъ мужествомъ мученика и довелъ борьбу до такой интенсивности, что міръ никогда не перестанетъ удивляться его необыкновенному героизму и благоговѣть предъ его лучезарною святостью...

Св. Іоаннъ Златоустъ до конца своихъ дней оставался вѣрнымъ своему служенію; до послѣдней минуты своей жиз-

ни онъ сокрушался о грѣхѣхъ и порокахъ. Такое постоянство и настойчивость тѣмъ болѣе удивительны, что въ его проповѣдяхъ, относящихся къ различнымъ періодамъ его дѣятельности, часто слышатся и скорбныя ноты, звучащія уныло, то-скливо, свидѣтельствующія о весьма слабыхъ результатахъ его гигантской работы. Вотъ нѣкоторыя жалобы Златоуста на безпечность и равнодушіе, которымъ отвѣчали слушатели его призывамъ къ добродѣтели.

„Нынѣ любовь оскудѣваетъ; осталось только имя ея, а на дѣлѣ ея нѣтъ, но раздѣлились мы между собою ¹⁾... Осталось одно пустое имя братства, и не могу придумать, какъ достойно оплакать такое печальное зрѣлище ²⁾... Болѣзнь коснулась и Церкви, все извратила, разсторгла союзъ тѣла и, вооружаемые завистью, мы встаемъ другъ противъ друга. Отсюда произошло великое развращеніе... Если корень шатается, потому что внутри подточень червемъ, то дерево упадетъ, хотя бы никто его не трогалъ. Долго ли будемъ и мы, подобно червямъ, подтачивать корень Церкви?.. Я вижу, что многочисленныя чада Церкви повержены нынѣ долу, подобно мертвому тѣлу... Мы погасили ревность, и тѣло Христово сдѣлалось мертвымъ. Страшно выговорить это, но гораздо страшнѣе видѣть это на самомъ дѣлѣ. По имени мы братья, а по дѣламъ враги; всѣ называемся членами одного тѣла, а чужды другъ другу, какъ звѣри ³⁾... Дѣла Церкви находятся въ весьма худомъ состояніи, хотя вы думаете, что она въ мирѣ. То тяжело, что находясь среди множества золь, мы даже не знаемъ, что находимся во злѣ ⁴⁾... Церковь разрушена и подвержена долу, какъ всѣ одинаково рабствуютъ грѣху ⁵⁾... Мы заслуживаемъ сожалѣнія потому, что проповѣдуемъ въ мертвыя души и тершимъ

¹⁾ Бес. XL на Дѣян.

²⁾ Бес VIII на Римл.

³⁾ Бес. XXVII на 2 Кор.

⁴⁾ Бес. XXIX на Дѣян.

⁵⁾ Бес. X на Еф.

ущербъ, каждый день сѣя и не имѣя возможности собрать какой-либо плодъ ¹⁾)... Вѣдь вы должны согласиться, что, если бы была какая-нибудь польза въ продолженіе такого времени, то намъ уже слѣдовало бы прекратить свои бесѣды, и вамъ не нужны были бы наши слова ²⁾).

При такихъ обстоятельствахъ, когда трудъ не увѣнчивается успѣхомъ, или только самый незначительный плодъ приноситъ, обыкновенному работнику не возможно не поддаваться унынію. Но Іоаннъ Златоустъ чувствовалъ въ себѣ пророческое призваніе и часто говорилъ, подобно пр. Іереміи, что не можетъ не проповѣдывать, хотя и мало исправляются слушатели отъ его проповѣди ³⁾. И онъ дѣйствительно продолжалъ проповѣдывать и послѣ того, какъ былъ лишенъ возможности появляться на церковной кафедрѣ. Тѣ многочисленныя письма, которыя онъ писалъ изъ мѣста своей ссылки, являются по своему характеру проповѣдями—и именно о томъ, что всегда занимало его.

Такова была проповѣдь св. Іоанна Златоуста съ внутренней стороны своей. Ее любятъ сравнивать съ проповѣдью другихъ выдающихся церковныхъ ораторовъ древняго и новаго міра, и съ удовольствіемъ отмѣчаютъ неизмѣримое превосходство ораторскаго таланта знаменитаго антиохійскаго святителя. Но истинное величіе Златоуста заключается не въ тѣхъ необыкновенныхъ качествахъ его легкаго, изящнаго, бесконечно разнообразнаго, блестящаго всеми красками восточной поэзіи, слога, которыми онъ плѣняетъ насъ изъ глубины пятнадцати вѣковъ; равно—и не въ тѣхъ поразительныхъ образахъ его неистощимой фантазіи, которые и до сихъ поръ вскрываютъ предъ нами художественныя картины нравовъ того времени, дѣйствующія на насъ съ неотразимою силою. Его величіе существенно связано съ тѣмъ внутрен-

¹⁾ Бес. VI на Быт. Ср. Бес. XII на Быт.

²⁾ Бес. XXIX на Дѣян.

³⁾ Бес. IXXXII на Іоани.

нимъ характеромъ его слова, который можетъ быть названъ *покаяннымъ*. Онъ „всегда говоритъ божественнымъ и небеснымъ языкомъ, и съ великимъ искусствомъ преподаетъ евангельское слово; преимущественно же онъ обнаруживаетъ такое искусство тогда, когда обращается съ рѣчью о покаяніи къ согрѣшающимъ. По природѣ этотъ великій учитель—человѣкъ, а по волѣ—Божій служитель, почему онъ и говоритъ какъ бы небеснымъ языкомъ, и какъ будто возглашая изъ самыхъ небесъ, и грѣшниковъ устрашаетъ угрозами, и кающимся обѣщаетъ прощеніе“ (слова Златоуста о св. ап. Павлѣ). Проникнутый энтузіастическою вѣрою первыхъ вѣковъ христіанства, этотъ несравнимый проповѣдникъ-мученикъ дѣлаетъ гигантскія усилія сокрушить язычество, незамѣтно прокравшееся въ нѣдра самой Церкви Христовой, остановить разбушевавшееся море грѣха и вдохнуть въ своихъ современниковъ новую жизнь, — и въ этомъ тайна безсмертія огненной Златоустовской проповѣди. Она всегда будетъ трогать людей до слезъ и всегда будетъ служить идеаломъ пастырскаго церковнаго слова именно по этой своей сторонѣ, потому что какія бы задачи ни ставило церковной каедрѣ то или другое время, для нея навсегда останется божественнымъ закономъ—проповѣдывать о покаяніи и спасеніи и проповѣдывать такъ, чтобы вѣрующіе, подобно евангельской самарянкѣ, говорили другъ другу о пастырѣ: пойдѣмъ, посмотримъ человѣка, который сказалъ намъ все, что мы сдѣлали... и что должны сдѣлать.

Свящ. П. Гр.

Чтеніе для народа.

(Къ особенному вниманію пастырей).

Въ наше бурное, мятущееся время книжный рынокъ съ лихорадочною поспѣшностію наполняется всевозможными произведеніями печати, иногда съ самыми крайними отрицательными мнѣніями и сужденіями, направленными, конечно,

„къ политическому просвѣщенію народа“. А всѣ тѣ произведенія, въ которыхъ трактуются освѣщающіе всю жизнь нашу вѣчные идеалы христіанской любви, милосердія, кротости, терпѣнія и которыя столь нужны намъ среди настоящихъ неурядицъ, мятежей и волненій, проходятъ какъ-то незамѣченными, на нихъ едва ли останавливаются внимательно... Но намъ тѣмъ пріятнѣе отмѣтить сборники духовной литературы, составленные извѣстнымъ дѣятелемъ въ этой области, бывшимъ преподавателемъ Владим. духовнаго училища П. О. Новгородскимъ. Во всѣхъ этихъ сборникахъ въ живыхъ, яркихъ и поучительныхъ примѣрахъ раскрыты истинно христіанскіе идеалы и добродѣтели. Сборники имѣютъ разные названія: „Духовная Пива“, „Райскіе цвѣты съ русской земли“, „Народный собесѣдникъ“, „Другъ народа“, „Свыше наказанные нарушители десяти заповѣдей Закона Божія“, „Чудеса нашего времени“, „Свѣтъ во тьмѣ раскола“, „Многоплодное сѣмя“ и др.

Всѣ эти сборники выдержали уже по нѣскольку изданій, и о нихъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи имѣются подробные письменные отзывы отъ тѣхъ священниковъ, которые пользовались ими, предлагая изъ нихъ чтенія народу. Вотъ что, напр., пишетъ одинъ изъ священниковъ Курской губ., Старооскольскаго уѣзда: „Книги г. Новгородскаго для чтенія народу—верхъ совершенства. Здѣсь народъ видитъ и слышитъ разговоры и сцены, поучается изъ приведенныхъ примѣровъ. Самъ народъ говоритъ: батюшка, прочитай намъ еще разъ то-то, т. е. ту же статью, которую предлагаешь на чтеніяхъ! Такъ хорошо написано, что даже слеза прошибаетъ“...—Другой священникъ на страницахъ Екатеринбургскихъ епарх. вѣдомостей заявляетъ: „Сознавая важное значеніе внѣбогослужебныхъ собесѣдованій и школьныхъ воскресныхъ чтеній, я принимала всѣ мѣры къ тому, чтобы организовать собесѣдованія и чтенія эти въ лучшемъ видѣ... Руководствъ пріобрѣтала не на одинъ десятокъ рублей, но немогъ получить того, чего искалъ, и что могло бы завлекать слушателей и заставлять ихъ въ большомъ коли-

чествѣ собираться на чтенія и собесѣдованія, пока я ни приобрѣлъ въ церковь изданій г. Новгородскаго. Получивъ ихъ съ почты, я самъ, читая ихъ, не могъ оторваться отъ завлекательныхъ статей, помѣщенныхъ въ изданіяхъ г. Новгородскаго. На собесѣдованіяхъ же мои слушатели, когда я окончилъ чтеніе, просили меня еще имъ почитать что-либо изъ этихъ занимательныхъ и крайне полезныхъ книгъ“.

О противораскольническихъ сборникахъ П. О. Новгородскаго замѣчаютъ: „Въ приходахъ, гдѣ есть раскольники, каждому грамотному христіанину полезно прочитать эти книги. Прочитавши статьи въ этихъ книгахъ, невольно становишься поборникомъ православія и обличителемъ раскола. И если мы побольше поборниковъ истины приобретемъ изъ самаго народа, то сдѣлаемъ много полезнаго для православія. Крестьянинъ своему брату больше вѣрять, чѣмъ намъ“.

Въ отзывахъ объ изданныхъ г. Новгородскимъ сборникахъ проповѣдей читаемъ: „всѣ проповѣди носятъ на себѣ характеръ самой дружеской, самой близкой, самой искренней бесѣды отца съ дѣтьми... Раскрываемыя въ нихъ истинны представлены наглядно осязательными, вполне доступны сознанію и пониманію даже самыхъ неподготовленныхъ слушателей“... Слѣдуетъ прибавить, что всѣ сборники журналами Учебнаго Комитета при Св. Синодѣ и особаго Отдѣла Учебнаго Комитета при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія рекомендуются къ приобрѣтенію въ бібліотеки духовно-учебныхъ заведеній, церковно-приходскихъ школъ и для чтеній народу. Внѣшняя сторона всѣхъ изданій совершенно безукоризненна. Съ требованіями о выискѣ книгъ слѣдуетъ обращаться въ г. Владимірѣ, къ бывшему учителю духовнаго училища П. О. Новгородскому (Троицкая улица, собственный домъ).

И. У.

ЗАМѢТКА.

О допущеніи членовъ церковно-приходскихъ совѣтовъ къ участию въ ежемѣсячной провѣркѣ церковныхъ суммъ.

Вслѣдствіе переписки по ходатайству церковно-приходскаго совѣта Успенской церкви г. Стараго Оскола (Курск. енарх.) о допущеніи поочередно членовъ совѣта къ участию въ ежемѣсячной провѣркѣ церковныхъ суммъ на правахъ представителей отъ прихожанъ, съ устраненіемъ отъ этого дѣла сихъ послѣднихъ, курская духовная консисторія въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего 1907 года опредѣлила: „Согласно означенному ходатайству, разрѣшить, въ видѣ опыта, членамъ Успенской церкви г. Стараго Оскола поочередно, каждый разъ въ количествѣ двухъ человекъ, присутствовать при ежемѣсячной провѣркѣ церковныхъ суммъ, не устранивъ отъ этого дѣла и не лишая правъ на это двухъ, особо избранныхъ по § 42 инструкціи для церковныхъ старостъ, представителей отъ прихожанъ“. Объ этомъ посланъ консисторіей мѣстному благочинному указъ, для объявленія кому слѣдуетъ, и напечатано въ „Енарх. Вѣд.“, къ свѣдѣнію и руководству духовенства Курской енархіи (Совр. Лѣт.).

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 19-го ноября 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ рублей. № 48. Подписка принимается въ редакціи журнала, при Кіевской духовной Семинаріи.

1907-го года декабря 2-го дня.

Содержаніе: I. Памяти о протоіерее Р. Т. Путятина.—II. Филипповъ постъ (окончаніе).—III. Изъ области южно-русской древней богослужбной практики.—IV. О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кенара (продолженіе).—V. Замѣтка. Къ свѣдѣнію гг. регентовъ церковныхъ хоровъ.—VI. Объявленіе объ изд. „Р. д. с. п.“ въ 1908 г.

Памяти протоіерея Р. Т. Путятина.

(Къ столѣтію со дня его рожденія).

4-го ноября текущаго года исполнилось сто лѣтъ со дня рожденія знаменитаго „народнаго“ русскаго проповѣдника, протоіерея Р. Т. Путятина.

Прот. Р. Т. Путятинъ родился 4-го ноября 1807 г. въ с. Путятинѣ Сапожковскаго уѣзда, Рязанской губ., гдѣ отецъ его былъ священникомъ. Учился онъ сначала въ Сапожковскомъ дух. училищѣ, затѣмъ—въ Рязанской дух. семинаріи, а закончилъ образованіе въ Московской дух. академіи со степенію магистра богословія. По окончаніи образованія, Р. Т. Путятинъ назначенъ былъ преподавателемъ словесности

въ Ярославскую дух. семинарію, а черезъ годъ, въ 1835 г., былъ рукоположенъ въ священника къ Ярославской Тихоновской церкви, съ оставленіемъ въ должности преподавателя семинаріи. Отъ Тихоновской церкви онъ былъ впослѣдствіи перемѣщенъ въ кафедральный соборъ, а затѣмъ—къ церкви Сошествія Св. Духа. Въ 1845 г. онъ былъ назначенъ настоятелемъ рыбинскаго собора и получилъ санъ протоіерея. Въ Рыбинскѣ Путятинъ и скончался 4-го ноября 1869 г., на 62-мъ году своей жизни.

Имя прот. Путятина, какъ церковнаго проповѣдника, останется незабвеннымъ въ исторіи русской церковной проповѣди. Его „краткія поученія“ и пользовались, и доселѣ пользуются, можно сказать, безиримѣною популярностью, особенно среди нашихъ сельскихъ пастырей. О распространенности ихъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ количество изданій, какое они выдержали: въ настоящее время они вышли уже *двадцатымъ* изданіемъ,—цифра, до какой не достигали у насъ въ Россіи ничьи поученія.

Свои поученія о. Путятинъ предназначалъ для простаго народа,—для тѣхъ „простолюдиновъ“, которые чужды какому бы то ни было научнаго развитія, которые вѣруютъ *въ простотѣ сердца* и въ поученіяхъ пастыря ищутъ самыхъ простыхъ отеческихъ наставленій и вразумленій. Пастырская проповѣдь съ указаннымъ назначеніемъ должна содержать въ себѣ не столько раскрытіе основаній вѣры, сколько краткое, простое, практическое изъясненіе христіанскихъ истинъ, изложенное языкомъ общепонятнымъ. Этому основному требованію отъ народной проповѣди поученія о. прот. Путятина удовлетворяютъ какъ нельзя болѣе.

Краткость изложенія и содержанія составляетъ первую и самую главную отличительную черту „поученій“ о. Путятина. Въ нихъ нѣтъ ни обилія мыслей, ни глубокаго, всесторонняго раскрытія избраннаго предмета, такъ что они въ этомъ отношеніи уступаютъ многимъ поученіямъ другихъ болѣе или менѣе извѣстныхъ русскихъ проповѣдниковъ. По

эта-то *краткость* поученій о. Путьятина и дѣлаетъ ихъ, какъ нельзя болѣе примѣнимыми къ уровню развитія нашихъ простолюдиновъ. Умъ простого народа справедливо уподобляютъ сосуду, имѣющему малое отверстіе, куда ни мало не войдетъ воды, если лить помногу и весьма скоро; но тотъ же сосудъ незамѣтно наполняется, когда вливать въ него воду не скоро и понемногу. Когда проповѣдь длинна, то конецъ ея заставляетъ забывать средину, а середина—начало. Хорошо сознавалъ это о. прот. Путьятинъ, и потому никогда не злоупотреблялъ вниманіемъ своихъ простыхъ слушателей, и всегда предлагалъ съ церковной кафедрой *краткія* поученія, гдѣ нѣтъ утомляющаго разнообразія и обилія мыслей, гдѣ вниманіе слушателя можетъ сосредоточиться на одной, много на двухъ-трехъ опредѣленныхъ мысляхъ.

Другая отличительная черта „поученій“ о. Путьятина—это замѣчаемая въ нихъ особенная *наглядность въ приѣмахъ изъясненія раскрываемой истины*. Чтобы быть вполне доступнымъ для простого народа, проповѣдникъ старается пояснить свои мысли историческими примѣрами и образами, заимствованными изъ Библии, житій свв. угодниковъ Божіихъ, а также изъ жизни народа. Нерѣдко самое поученіе прямо начинается изложеніемъ историческаго событія или житія святаго, а затѣмъ ясно и наглядно высказывается тотъ нравственный урокъ, какой естественно вытекаетъ изъ изложеннаго священнаго повѣствованія.

Третье отличительное свойство „поученій“ о. прот. Путьятина—*практическое направленіе ихъ*. Преобладающее содержаніе этихъ поученій—правоученіе христіанское, всегда ближайшимъ образомъ примѣняемое къ дѣйствительной жизни слушателей. Встрѣчаются у о. Путьятина и поученія съ догматическимъ содержаніемъ, но и въ этихъ поученіяхъ изъясненіе догматическихъ истинъ всегда сопровождается нравственно-практическимъ примѣненіемъ этихъ истинъ къ жизни поучаемыхъ. Кратко сказать, поученія о. Путьятина содержатъ въ себѣ такіе нравственно-практическіе уроки, въ

какихъ именно и нуждаются наши „простолюдины“, и которые для нихъ вполне удобоисполнимы.

Къ числу отличительныхъ качествъ проповѣдей о. прот. Путятина нужно, наконецъ, отнести и *общепонятность языка* ихъ. Проповѣдникъ нерѣдко выражаетъ свои мысли языкомъ самого народа, употребляетъ народныя выраженія, приводитъ народныя пословицы... Но вмѣстѣ съ тѣмъ о. Путятинъ свободенъ отъ недостатковъ народной рѣчи: онъ никогда не говоритъ такъ называемымъ „вульгарнымъ языкомъ“, но все его поученія тѣмъ особенно и цѣнны, что при своей необыкновенной простотѣ, они вполне выдерживаютъ достоинство священно-церковной проповѣднической рѣчи,—въ простыхъ задушевныхъ словахъ въ нихъ всегда высказывается высокая нравственная истина.

Всеми отмѣченными качествами „поученій“ о. прот. Путятина и объясняется ихъ широкая популярность и ихъ необычайный успѣхъ не только среди пастырей, но даже среди простого грамотнаго народа.

Въ заключеніе нельзя не пожелать, чтобы на нивѣ нашей родной Русской Церкви больше произрастало такихъ полезныхъ пастырей-проповѣдниковъ, какимъ былъ приснопамятный рыбинскій протоіерей—Р. Т. Путятинъ.

С. В.

Филипповъ постъ.

(Окончаніе ¹⁾).

Занимая второе мѣсто въ ряду постовъ, будучи первымъ послѣ Великаго поста по продолжительности и значенію (какъ приуготовительный къ важнѣйшему послѣ Пасхи празднику), Рождественскій постъ не отвѣчаетъ этому мѣсту своему по строгости предписываемаго въ теченіе его воздер-

¹⁾ См. № 47-й за 1907 г.

жанія. Въ этомъ отношеніи онъ уступаетъ Успенскому посту. Въ Успенскій постъ предписывается уставомъ болѣе строгое воздержаніе, чѣмъ въ Рождественскій, который въ этомъ отношеніи вполнѣ уравнивается съ Петровымъ постомъ (исключая своихъ послѣднихъ дней).

При опредѣленіи степени воздержанія въ тотъ или другой постъ церковный уставъ вдается въ подробности, которыя могутъ показаться мелочными и неприменимыми къ жизни (особенно мірянъ), но которыя тѣмъ не менѣе хорошо выражаютъ свою идею. Эта идея заключается въ томъ, чтобы изъ всѣхъ дней недѣли а) особенно освятить строгостью воздержанія понедѣльникъ, какъ день покаянія и первый день недѣли, и среду съ пятницей, какъ дни страданій Христовыхъ; и б) особенно почтить ослабленіемъ воздержанія субботу, какъ предпразднество воскресенія и богоустановленный день покоя, и воскресенье.

Въ этихъ цѣляхъ для первыхъ дней (понедѣльника, среды и пятницы) уставомъ предписывается въ Рождественскій постъ вторая изъ существующихъ въ уставѣ степеней воздержанія, такъ называемое „сухояденіе“, т. е. воздержаніе отъ вареной пищи (за исключеніемъ вереной воды) и принятіе пищи только разъ въ день. (Первая степень воздержанія—полное неяденіе; она предписывается уставомъ только для 4 дней года: понедѣльника, вторника и четверга первой седмицы Великаго поста и Великой пятницы). Для субботы же и воскресенья Рождественскаго поста назначается самая легкая и низкая степень воздержанія, равная съ точки зрѣнія церковнаго устава почти полной отмѣнѣ поста: именно разрѣшается употребленіе рыбы. Во весь Великій постъ такое облегченіе поста (разрѣшеніе рыбы) допускается только для двухъ великихъ праздниковъ, падающихъ на этотъ постъ: Благовѣщенія и Вербнаго воскресенія. А въ Успенскій постъ это разрѣшеніе дается только для праздника Преображенія.

Для остальныхъ дней недѣли: вторника и четверга въ теченіе Рождественскаго поста уставомъ назначается средняя степень воздержанія: такъ называемое „разрѣшеніе вина и елея“, т. е. разрѣшается не только употребленіе вареной нищи (какъ въ тѣ же дни Успенскаго поста: „ядимъ вареніе безъ елея“, сказано въ уставѣ о вторникахъ и четвергахъ Успенскаго поста), но и съ приправой изъ постнаго масла или вина.

Вотъ основныя правила пощенія въ „малую четыредесятницу“. Изъ этихъ правилъ дѣлаются уставомъ, и нерѣдко, исключенія, которыя имѣють ту же цѣль, что и самыя правила: ослабленіемъ воздержанія почтить нѣкоторые дни, какъ праздничные, или усиленіемъ его освятить нѣкоторые дни, какъ особо печальные.

Въ первомъ отношеніи уставомъ Рождественскаго пощенія прежде всего отмѣчается и выдѣляется изъ всѣхъ дней Рождественскаго поста праздникъ Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы. Въ этотъ праздникъ, въ какой бы день недѣли онъ ни случился, полагается самая слабая степень пощенія, почти отмѣна его: разрѣшается рыба. Такое же разрѣшеніе дается или вѣрнѣе только возможно еще для одного лишь праздника въ теченіе Рождественскаго поста, именно для храмоваго праздника, если храмовой праздникъ падаетъ на этотъ постъ.

Кромѣ праздника Введенія и храмоваго подобной льготой въ отношеніи поста чтутся и другія падающія на Рождественскій постъ великія памяти, дни такъ называемыхъ „великихъ“ святыхъ, именно: евангелиста Матѳея 16 ноября, знаменія Пресвятой Богородицы 27 ноября, св. ап. Андрея 30 ноября, прен. Саввы освященнаго 5 декабря, святителя Николая 6 декабря, зачатія св. Анны 9 декабря, св. пророка Давіила и 3 трехъ отроковъ 17 декабря. Но праздникъ Введенія возносится уставомъ надъ этими праздниками тѣмъ, что для него дается разрѣшеніе рыбы (т. е. почти отмѣняется постъ) безусловно, въ какой бы день недѣли онъ ни

пришелся, а для тѣхъ праздниковъ такое разрѣшеніе дается только тогда, когда они не приходятся въ понедѣльникъ, среду или пятницу; въ этомъ же послѣднемъ случаѣ для нихъ дается разрѣшеніе только на вино и елей, т. е. пощение ослабляется только на одну степень.

Здѣсь происходитъ то, что такъ поэтически изображаетъ канонъ на первую субботу Великаго поста, когда тоже ослабляется воздержаніе въ честь св. великомученика Θεодора Тирона и отчасти ради соединяемаго съ каждой субботой чествованія Пресвятой Богородицы: „закоу рекль еси не лежати праведникомъ Твоимъ, праведный Владыко ¹⁾); тѣмъ же Мати Твоя и многочудный сей рабъ Твой ²⁾ свѣтлостію памяти сихъ ³⁾ днесь *законы разоряють пощенія*“ ⁴⁾); „поститися, Спасе, не могутъ друзи и сынове чертога Твоего ⁵⁾); Тебѣ бо, Жениха, съ Матерію и съ другомъ Твоимъ учреждають ⁶⁾ предстояща и служатъ“ ⁷⁾).

Ослабляя по временамъ строгость общей нормы пощенія для великихъ праздниковъ, церковный уставъ, какъ сказано, усиливаетъ эту строгость для нѣкоторыхъ дней Рождественскаго поста. Это онъ дѣлаетъ для послѣднихъ дней поста, заключительныхъ, которые служатъ предпразднествомъ Рождества Христова, т. е. для дней съ 20 по 24 декабря. Въ эти дни уставомъ безусловно воспрещается вкушеніе рыбы даже въ субботу и воскресенье, падающіе на этотъ промежутокъ поста ⁸⁾).

¹⁾ Искусный намекъ на изреченіе ап. Павла: „праведнику законъ не лежитъ“.

²⁾ Св. великомуч. Θεодоръ.

³⁾ Своей.

⁴⁾ Пѣснь 7, тропарь 1.

⁵⁾ Намекъ на Мѡ. 9, 15.

⁶⁾ Угощаютъ.

⁷⁾ Пѣснь 6, тропарь 1.

⁸⁾ Одинъ студентъ академіи, ѣхавшій на святки къ роднымъ, перенесъ въ вагонѣ не малый коффузъ предъ деревенскимъ мужичкомъ (вѣроятво, раскольникомъ), благодаря незнанію этого пункта въ церковномъ

Такое запрещеніе налагается на эти дни не только потому, что они заключительные дни поста, но и потому, что они, какъ увидимъ ниже, какъ положеніемъ своимъ, такъ и священными воспоминаніями, приуроченными къ нимъ, вполне отвѣчаютъ въ Рождественскомъ посту Страстной седмицѣ Великаго поста.

Изъ заключительныхъ дней Рождественскаго поста естественно наиболѣе строгимъ воздержаніемъ освящается послѣдній день поста, 24 декабря, извѣстный подъ именемъ сочельника. Это названіе именно и указываетъ на ту степень пощенія, которая назначается уставомъ для этого дня. Сочельникъ, видоизмѣненное сочевникъ, происходитъ отъ слова „сочиво“, означавшаго, вѣроятно, кашу изъ сушеныхъ зеренъ (крупъ), какъ можно заключить изъ слѣдующаго предписанія въ указѣ 1590 г. о трапезахъ монастырей Сергіева и Тихвинскаго въ сочельникъ: „на обѣдѣ каша тертая съ сокомъ“. Если такъ, то сочиво — то же, что коливо (еврейское слово „кали“, по произношенію западныхъ ученыхъ, и „коли“, по произношенію самихъ евреевъ, употреблено въ кн. Руфь 2, 14 о какомъ-то блюдѣ обѣда, а въ 1 Цар. 17, 17 о зернахъ особаго приготовленія, вѣроятно, крупѣ), т. е. сладкая каша изъ рисовой, пшеничной или другой крупы.

Есть глубокія основанія для назначенія такой своеобразной нищи въ канунъ Рождества Христова. Если сочиво — то же, что коливо (что, какъ мы вѣдѣли, почти несомнѣнно), то предложеніе его на трапезѣ въ послѣдній день предпразднества Рождества Христова сближаетъ этотъ день съ други-

улавъ. Будучи человѣкомъ религіознымъ и церковнымъ, этотъ студентъ не хотѣлъ и для дороги нарушить соблюдавшагося имъ отъ начала Рождественскаго поста, поэтому запасся на дорогу рыбой. Когда онъ сталъ ѣсть ее въ вагонѣ, сермяжный попутчикъ обратился къ нему съ упрекомъ за нарушеніе поста. Студентъ съ удивленіемъ отвѣтилъ, что онъ, вѣдѣ, ѣсть рыбу, а не мясо. „А ты развѣ не знаешь, что съ 20 декабря и рыбы ѣсть нельзя“, услышалъ онъ. Все это, конечно, было до „освободительнаго“ движенія.

ми днями, когда полагается вкушать коливо. А благословеніе колива для вкушенія уставомъ положено въ дни памяти мучениковъ и другихъ святыхъ¹⁾ и въ дни поминовенія усопшихъ. На Рождественскій сочельникъ, слѣдовательно, сочиво, или коливо, снѣдается въ честь Святѣйшаго изъ святыхъ людей и Того, въ Которомъ тотчасъ по рожденіи Его, по убѣжденію Православной Церкви, волхвы прозрѣвали Триневнаго Мертвеца. Спаситель пришелъ на землю, родился на ней главнымъ образомъ для искупительной смерти за наши грѣхи. Поэтому въ сочельникъ, какъ увидимъ ниже, полагаются на церковныхъ службахъ ирмосы Великой субботы: „Волною морскою“.

Въ связи со всѣмъ этимъ стоитъ то обстоятельство, что въ сочельникъ Рождественскій иногда читается евангеліе изъ притчи о зернѣ горчичномъ, безъ сомнѣнія, потому, что Спаситель сравнивалъ съ зерномъ Себя въ отношеніи пришествія на землю („аще зерно пшенично, падъ на землю“...) и смерти на ней (...не умретъ, то едино пребываетъ и т. д. Іоани. 12, 24). Евангеліе о зернѣ горчичномъ не всегда читается въ сочельникъ, а только тогда, когда вечерня на сочельникъ служитъ отдѣльно отъ литургіи (что бываетъ, если сочельникъ приходится въ субботу или воскресенье), и когда, слѣдовательно, есть возможность прочитать два евангелія: одно на литургіи (о самомъ событіи Рождества Христова), а другое на вечернѣ. Значить, не всегда читается это евангеліе въ сочельникъ просто по недостатку мѣста для него. Назначеніе такого евангельскаго чтенія для сочельника хорошо объясняетъ уставное предписаніе о сочивѣ.

¹⁾ Изъ мучениковъ у насъ чтится благословеніемъ колива обычно только св. Феодоръ Тиронъ по особымъ обстоятельствамъ изъ его жизни. Но у другихъ славянъ благословеніе колива обычно въ дни великихъ святыхъ. Напр., сербская колонія въ Петербургѣ ежегодно 12-го января въ день св. Саввы, митрополита сербскаго, служитъ ему молебенъ съ благословеніемъ колива.

Вкушать эту небогатую пищу положено въ сочельникъ только послѣ литургіи, которая соединяется съ вечерней, слѣд. и послѣ вечерни, вечерни уже Рождественской, когда, значить, уже начался церковный день Рождества. Такимъ образомъ часть сочельника, принадлежащая къ церковному 24 декабря, проходитъ въ полномъ неяденіи.

Но если сочельникъ приходится въ субботу или воскресенье, то въ день его „постъ не бываетъ“ (по выраженію устава), т. е. вкушеніе пищи дозволяется ранѣе вечера, именно: „по отпущеніи литургіи снѣдаемъ по уломку хлѣба и отъ вина вкушаемъ мало“, а послѣ вечерни „ядимъ совершенно“, т. е. бываетъ настоящая трапеза.

Съ такою пунктуальностью и истинно-отеческою заботливостью опредѣляетъ уставъ степень воздержанія въ каждый день Филишова поста.

М. Скабаллановичъ.

Изъ области южно-русской древней богослужебной практики.

Послѣдованіе *„о разраблѣющихъ имѣнія церковныя и озлобляющихъ братію и служителей церковныхъ“*.

Южно-русская древняя богослужебная практика отличалась большею свободою во всякаго рода богослужебныхъ новшествахъ и большею отзывчивостью ко всѣмъ нуждамъ времени, чѣмъ практика сѣверо-восточной Руси. Особенно это слѣдуетъ сказать относительно XVI и XVII вѣковъ. Доказательствомъ этого положенія служить то разнообразіе чиновъ и послѣдованій на разные случаи какъ церковно-общественной, такъ и частно-бытовой жизни, какое мы встрѣчаемъ въ старыхъ южно-русскихъ богослужебныхъ книгахъ. Достаточно заглянуть во вторую и третью части Евхологія митрополита Петра Могилы, чтобы сразу замѣтить здѣсь значительное количество чиновъ послѣдованій не практиковавшихся въ

Московской Руси¹⁾. Помимо указанного печатного требника, многие южно-русские чины существовали в рукописях и вышли из практического употребления, не увидев церковной печати. Таковы, напр., чины возведенія в учено-административныя должности: ректора, префекта и др. То бѣдственное состояніе юго-западной Православной Церкви, в которомъ находилась она в періодъ тяжелой борьбы съ врагами православія—католиками и уніатами в XVI и въ особенности в XVII вѣкахъ, также нашло для себя отзвукъ в южно-русскомъ богослужебномъ творествѣ, какъ это видно изъ помѣщенного ниже послѣдованія „о разграбляющихъ церковныя имѣнія“.

Пользуясь крайне безправнымъ положеніемъ православныхъ южно-руссовъ, находившихся подъ владычествомъ Польши²⁾, польскіе шляхтичи безнаказанно производили надъ ними самыя ужасныя насилія и особенно глумились надъ православнымъ духовенствомъ. Въ особенности привлекали корыстолюбивыхъ польскихъ пановъ монастырскія и церковныя земли, завладѣть которыми в то время для польскаго пана почти ничего не стоило. Стоило только тому или иному магнату съ ватагой вооруженныхъ слугъ нанастъ на тотъ или иной беззащитный монастырь, избить и запугать его

¹⁾ Большинство изъ такихъ чинослѣдованій Требника Петра Могилы, которыя не были в употребленіи в Московской Руси, взяты изъ современныхъ этому святителю греческихъ печатныхъ венеціанскихъ богослужебныхъ книгъ; происхожденіе вѣкоторыхъ изъ этихъ чинослѣдованій съ точностью не установлено. Значительная часть молитвъ и чиновъ изъ второй и третьей частей Могилянскаго Требника в послѣднее время введены в дѣйствующую церковную практику чрезъ помѣщеніе этихъ чинослѣдованій во второй и третьей (дополнительной) частяхъ нашего т. в. Малаго Требника. ♣

²⁾ Въ постановленіяхъ польскихъ королей Михаила Вишневецкаго и Яна Собѣскаго православные южно-руссы трактовались какъ лишенные покровительства законовъ за свое отступничество отъ истинной вѣры, т. е., католичества. См. проф.-прот. Ѳ. И. Титова „Русская православная церковь в польско-литовскомъ государствѣ в XVII—XVIII вв.“, т. I, 1-я половина, стр. 13—16.

населниковъ и объявить монастырскія угодья своею собственностью, и монастырская братія дѣйствительно теряла всякую возможность владѣть своими землями, и послѣднія отходили къ нападавшему и заявившему свои претензіи польскому пану. Исторія юго-западной Церкви указываетъ чрезвычайно много такихъ случаевъ насильственного захвата монастырскихъ и церковныхъ имуществъ польскими дворянами¹⁾. И эти захваты, какъ мы сказали, сопровождались самыми звѣрскими избіеніями православнаго духовенства. Католическое духовенство не отставало въ гнусныхъ подвигахъ отъ польскаго шляхетства по части насильственного захвата владѣній православныхъ церквей и монастырей²⁾, а уніатскіе епископы иногда являлись организаторами цѣлыхъ разбойническихъ набѣговъ на православное населеніе, въ результатѣ конхъ было опять таки отобраніе отъ православныхъ храмовъ и монастырей со всѣми принадлежащими имъ землями³⁾. Всѣ эти данныя исторіи представляютъ положеніе православныхъ и, въ частности, православнаго духовенства подъ владычествомъ Польши крайне безпомощнымъ. Жаловаться на всѣ безчинства польской шляхты польскому правительству было для православныхъ совершенно бесполезно, а посылать слезныя просьбы о заступничествѣ единовѣрному московскому царю было даже опасно, такъ какъ эти жалобы могли навлечь на несчастныхъ страдальцевъ еще большія бѣды. Для многострадальнаго православнаго народа и, въ частности, православныхъ иноковъ оставалась одна надежда и одно утѣшеніе—это молитва къ Единому Заступнику и Помощнику въ скорбяхъ. И вотъ неизвѣстный церковный авторъ пошелъ на встрѣчу вошіющимъ нуждамъ своего времени и составилъ нижеприведенное послѣдованіе, ко-

¹⁾ Факты, подтверждающіе это, см. цитов. соч. прот. Ѳ. И. Титова, стр. 127—226.

²⁾ См. въ цитов. соч. прот. Ѳ. И. Титова, стр. 216.

³⁾ Такой случай былъ, напр., въ Пинскѣ въ 1722 г. См. цит. соч. о. Титова, стр. 208.

торое есть не что иное, какъ рядъ ектейныхъ прошеній съ указаніемъ проскомидійной молитвы, прокимна, апостольскаго и евангельскаго чтеній и нѣкоторыхъ другихъ измѣняющихся частей литургій. Принимая во вниманіе вышеприведенныя историческія данныя, можно съ несомнѣнностью предполагать, что рассматриваемое чинослѣдованіе, повторяемъ, есть произведеніе южно-русскаго церковнаго творчества и появилось въ самый разгаръ тѣхъ безчинствъ и насилій, какія производила своевольная польская шляхта среди беззащитнаго православнаго населенія, т. е. около половины XVII в. Къ сожалѣнію, намъ пока извѣстенъ одинъ списокъ ¹⁾ этого любопытнаго послѣдованія, а потому трудно опредѣлить, насколько было широко его практическое употребленіе. Вотъ этотъ чинъ.

На проскомидіи: Господи Іисусе Христе Боже нашъ, приими жертву сію въ оставленіе грѣховъ насъ недостойныхъ рабовъ Твоихъ, и виждь озлобленіе Церкви Твоея святыя, и святыя обители сея (или святаго храма сего), и служителей Твоихъ, и стужаніе, еже на насъ отъ лукавыхъ и враждебныхъ чловѣкъ, и предстани милостивно въ помощь нашу, и не предаждь насъ и имѣнія достоянія Твоего въ руки ихъ; но скоро запрети имъ, и имиже вѣси судьбами, яко силенъ въ ерѣности, изми насъ, и достояніе Твое изъ руки сънотать нашихъ, славы ради имени Твоего.

Въ началѣ Божественныя литургія по изреченію Благословенно царство: Миромъ Господу помолимся: и прочая даже до О плавающихъ: и абіе приложи сія ектенія.

¹⁾ Это послѣдованіе находится въ рукописномъ приложеніи къ одному Служебнику 1629 г., находящемуся въ библиотекѣ Кіево-Печерской Лавры (подъ значкомъ III²/₁₃). Изъ этого приложенія въ № 43 „Рук. для сельскихъ паст.“ за настоящей годъ напечатанъ чинъ молебнаго пѣнія о церковномъ Соборѣ.

О еже призрѣти милостивно на озлобленіе достоянія своего и на рабы своя, и простивъ намъ вся прегрѣшенія, вольная же и невольная, отвратити весь гнѣвъ свой: праведно на ны движимый, и избавити насъ отъ озлобленія враговъ налѣгающихъ намъ, Господу помолимся.

О еже не предати достояніе свое въ поцраніе и разграбленіе и насъ рабовъ своихъ въ поруганіе и смѣхъ врагомъ, ненавидящимъ насъ, Господу помолимся.

О еже предстати намъ и достоянію Своему въ помощь и съпротивъ стати гонящимъ и озлобляющимъ насъ, и скоро въ студъ и срамоту дерзновеніе ихъ обратити, и съвѣты ихъ, яже съпротивъ достоянію Своему, разорити, Господу помолимся.

О еже скорое избавленіе отъ обидящихъ насъ сътворити и потребити разграбляющихъ имѣнія достоянія Своего, и ослабу и свободу даровати рабомъ Своимъ, Господу помолимся.

О еже судити обидяція и възбранити борущія достояніе Его, и вѣстати въ помощь нашу, и постыдити и посрамити разграбляющихъ достояніе Его, и ищущихъ душа наша, Господу помолимся.

О еже възвратити всяять, и постыдити мыслящихъ намъ злая, и избавити насъ нищихъ и убогихъ отъ расхищающихъ насъ, Господу помолимся.

О еже послати намъ ангела крѣпости Своея защищающа и покрывающа святое мѣсто сіе и имѣнія достоянія Своего отъ расхищенія свобождающа, оскорбляюща же и погоняюща всеу съкрывающихъ намъ пагубу сѣти своея, Господу помолимся.

О еже устроити душу нашу отъ злодѣйства враждующихъ намъ безъ правды и ненавидящихъ насъ всеу, и избавити насъ и достояніе Свое отъ злохитростнаго оумышленія лукавыхъ чловѣкъ, Господу помолимся.

О еже вняти на прою нашу и судити намъ по правдѣ Своей, да не порадуются о насъ ненавидяціи насъ и да не

рекутъ, пожремъ ихъ и удержимъ себѣ достояніе ихъ, съ умиленіемъ, Господу помолимся.

О еже усышати гласъ молитвы рабовъ Своихъ и быти намъ помощникъ, защитникъ и покровитель и отъ всѣхъ враговъ скорый избавитель, и обратити плачь нашъ въ радость намъ и препоясати насъ веселіемъ въ славу святаго имени Твоего, Господу помолимся.

По входѣ тропарь, гл. 4: Скоро предвари, Христе Боже, да не поработимся, врази бо Твои и наши претягъ намъ и разграбляютъ достояніе Твое: но порази силою Креста Твоего борущихся съ нами и налегающихъ на достояніе храма Твоего, да уразумѣютъ, колико можетъ сила державы Твоея и православныхъ рабовъ Твоихъ вѣра, молитвами Богородица, едине челоуѣколюбче. *Кондакъ, гл. 4:* Скорый въ помощи и теплый въ заступленіи, Господи, оускори и избави рабы Своя отъ озлобленія и попиранія лукавыхъ и враждебныхъ челоуѣкъ и не предаждь часть достоянія Твоего въ руки зіяющихъ поглотити е: но скоро съкруши силою Твоею насытыя ихъ челюсти и рци намъ, Азъ есмь съ вами и никтоже на вы. *Слава и ѿпѣвъ, гл. 6:* Заступнице Христіаномъ.

Прокименъ гл. 4: Суди, Господи, обидящія мя и възбрани борущія мя. ст. Прими оружіе и щитъ и вѣстани въ помощь мою.

Апостоль въ Дѣяніяхъ зач. 40 отъ полу: Въ дни оны: рече Господь въ видѣніи ноцномъ Павлу: *Конецъ:* И изгна ихъ отъ судилица.

Аллилуія, стихъ: Да возвратятся въспнать и постыдятся мыслящія ми злая; *стихъ:* Да будутъ, яко прахъ предъ лицемъ вѣтру, и ангель Господень оскорбляя ихъ.

Евангеліе отъ Луки зачало 88, ему же начало: Судія бѣ въ нѣкоемъ градѣ. *Конецъ:* Яко сътворитъ отмщеніе ихъ въскорѣ.

По евангеліи ектенія:

Скоро да предварятъ насъ щедроты Твоя, Господи, яко обнищавомъ зѣло, и врази наши крѣпко стужаютъ рабомъ Твоимъ и озлобляютъ жилище имени Твоего и часть достоянія Твоего на земли себѣ присвояютъ: но обычнымъ си милосердіемъ въздвигни силу Твою и скоро прииди и державно избави насъ, съ слезами Тебѣ сильному въ крѣпости оусердно молимся, оуслыши и милостивно помилуй.

Дивный въ свѣтѣхъ наче сыновъ челоувѣческихъ Господи, съвѣты враговъ нашихъ, на достояніе Твое вооружившихся, разори, и искорени, и до конца потреби, и скоро избавляя насъ отъ козней и озлобленія ихъ, въздаждь имъ по дѣломъ ихъ и по лукавству начинанія ихъ, да вси увѣдятъ, яко Ты еси помощь и заступленіе рабомъ Своимъ, въ болѣзни сердца умиленно молимся, благоутробно оуслыши и милостивно помилуй.

Озлоблени есмы, Господи Боже, Спасителю нашъ, и смирихомся до зѣла, сердце наше смятесе и остави насъ сила наша: но Ты, яко силенъ и шумень отъ вина вѣстани, изсуни оружіе и заври съпротивъ гонящихъ насъ и не даждь въ пограніе и корость врагомъ нашимъ достояніе святаго жилища славы имени Твоего и изми насъ изъ руки ихъ, въ покаяніи сердцемъ сокрушеннымъ молимся всемогій Творче, челоувѣколюбно оуслыши и милостивно помилуй.

Причастенъ: Спаси, Господи, люди Своя и благослови достояніе Твое, и упаси я, и изми я до вѣка. *Аллилуія* 3-жды.

Какъ видимъ, приведенное чинопослѣдованіе служить прекрасной иллюстраціей того бѣдственнаго положенія, въ которомъ находилась юго-западная Православная Церковь въ тяжелые годы своего существованія подъ польскимъ владычествомъ.

Сообщилъ В. Пр.

О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара.

(Продолженіе ¹⁾).

Глава VI.

Психологія чувства и воли.

Конечная цѣль проповѣдника—приводить людей къ доброй дѣятельности, къ Богу. Субъективная психологія есть философія дѣйствія. Знаніе этой психологіи научить насъ касаться тѣхъ двигательныхъ причинъ дѣйствія, которыя суть чувства (эмоція)—желаніе—воля.

„Единственный видъ слова, о которомъ стоитъ говорить, это тотъ, который постоянно бросаетъ свѣтъ на предметъ“, сказалъ Т. Карлейль; но „Тотъ, Кто знаетъ, что есть въ человѣкѣ“, сказалъ: „Свѣтъ пришелъ въ міръ, но люди предпочли свѣту тьму“. Одинъ только свѣтъ не составляетъ жизни и не можетъ создать любви. Разумѣніе, какъ бы оно ни было освѣщено, не имѣетъ въ ней силы.

Между знаніемъ и дѣломъ существуетъ ужасная, часто трагическая пропасть, и проповѣднику предстоитъ тягостная задача—перебросить мостъ черезъ эту бездну. Божественный Учитель хорошо сознавалъ значеніе этой зіяющей расщелины между знаніемъ и дѣятельностью, когда сказалъ въ заключеніе Своей чудной нагорной бесѣды: „всякій, кто слушаетъ сіи слова Мои и не исполняетъ ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ. И пошелъ дождь, и разлились рѣки, и подули вѣтры, и налегли на домъ тотъ, и онъ упалъ, и было паденіе его велико“ (Мѡ. 7, 26—27).

Знаніе, чувство и хотѣніе составляютъ движущій и направляющій тріумвиратъ. Сужденіе, высказанное только однимъ изъ нихъ, остается безъ дѣйствія, по крайней мѣрѣ

¹⁾ См. № 42 за 1907 г.

безъ моральнаго и прочнаго воздѣйствія. Одно чувство не дѣйствуетъ и не производитъ ничего. Оно не есть цѣль само въ себѣ, но средство. Естественная исторія чувствованія (эмоціи) слагается изъ его зарожденія, возрастанія, высшаго напряженія, его упадка и исчезновенія; и эта исторія вообще очень коротка. Воля сама по себѣ также не имѣетъ способности проявляться и направляться; она находится подъ возбужденіемъ и руководствомъ чувствованій.

Задача проповѣдника состоитъ во внимательномъ изученіи соотношенія чувствованій и воли, ибо слѣдуетъ, чтобы онъ въ извѣстномъ смыслѣ былъ распорядителемъ ихъ. То, что Платонъ называетъ „Божественнымъ искусствомъ руководства душами людей“, подлинно ему свойственно, и если онъ не хочетъ обезславить свою власть, то онъ долженъ сознавать ту честь и отвѣтственность, которая даруетъ ему его полуцарское достоинство. Нѣтъ дѣла столь высокаго, какъ дѣло управленія душами, и отвѣтственность за него безконечно велика.

Говорятъ, что двигая пальцемъ, мы приводимъ въ движеніе количество силы, могущее пройти чрезъ всю вселенную. Извѣстно также, что совершая нѣкоторые акты, произнося слово, мы можемъ привести въ движеніе нравственную силу, способную дѣйствовать на человѣка до его смерти и на самый міръ изъ поколѣнія въ поколѣніе, какъ это произвелъ призывъ того смиреннаго пастыря, который заставилъ дрожать сердце Роберта Мофата.

Нѣсколько общихъ соображеній по психологіи чувствованій и воли легко будутъ восприняты всякимъ серьезнымъ проповѣдникомъ.

I. Чувство (эмоція)—сила огромная; его можно назвать электричествомъ моральной жизни; это элементъ великолѣпный, чудесный и столько же опасный. Подъ управленіемъ искуснаго руководителя людей чувство можетъ доставить двигательную силу обращенія отдѣльной личности или народа. Савонарола съ высоты кафедры заставилъ Флорентійскую

республику перейти отъ нравственной распущенности къ теократіи и въ порывѣ энтузіазма провозгласить Христа „Царемъ Флоренціи“. Подъ его вліяніемъ на улицахъ священныя пѣснопѣнія замѣнили собою легкомысленныя пѣсенки, и безстыдный карнаваль уступилъ мѣсто христіански-скромнымъ празднествамъ. Съ другой стороны Шометь и Гебертисты ¹⁾, работая въ подобныхъ же условіяхъ, сдѣлали изъ Парижа сборище невѣроятныхъ преступниковъ и изъ непотребной женщины—божество, охраняющее городъ, подъ именемъ „Богини Разума“.

II. Возбужденіе чувствованій можетъ повести къ вѣрѣ или къ фанатизму, смотря по тому, руководится ли оно, или не руководится нравственнымъ сознаніемъ. Проповѣдники анестезическіе подавляли чувство до такой степени, что въ результатѣ получалась нравственная атрофія и духовный параличъ. Бываютъ хорошія небольшія проповѣди, которыя затрогиваютъ чувствованія, подобно тому, какъ зефиръ вызываетъ звукъ золотой арфы и выходитъ въ видѣ вздоха; и бываютъ громовыя проповѣди, которыя, подобно молніи, разрываютъ черныя тучи души и заставляютъ ее отзываться изъ своихъ глубинъ. Между этими двумя крайностями располагаются всѣ ступени эмоціональнаго элемента въ проповѣди.

Тѣ проповѣдники, которые обращаются преимущественно къ разсудочной способности, не должны лишать себя этого дара трогать; по крайней мѣрѣ они должны пользоваться имъ въ практическихъ приложеніяхъ или въ заключеніи рѣчи; тѣ же, которые обращаются особенно къ чувствамъ, должны брать точкою отправленія и руководствомъ разсудокъ. Проповѣдь отвлеченная и проповѣдь сентиментальная одинаково бѣдны психической энергіей.

¹⁾ Геберъ и Шометь—французскіе революціонеры и главари партіи гебертистовъ, требовавшихъ отмѣны христіанства и введенія культа разума. Оба были казнены въ 1794 г. *Прим. перевод.*

III. Во всѣхъ областяхъ люди побуждаются къ дѣйствію возбужденіемъ чувства. Самое слово „эмоція“ (чувствованіе) указываетъ на такое его значеніе.

Любовь, ненависть, удовольствіе, страхъ, сочувствіе, презрѣніе, радость, скорбь и проч. являются существенными и могущественными факторами жизненной драмы. Различіе, полагаемое нѣкоторыми богословами между *натуральнымъ* чувствомъ и чувствомъ *религиознымъ*, по нашему мнѣнію, такъ же малоосновательно, какъ и различіе, которое недавно сдѣлалъ одинъ извѣстный профессоръ между музыкой *священной* и музыкой *свѣтской*. Любовь есть любовь, относится ли она къ грѣху, или къ святости. Она возбуждается одинаковымъ образомъ всѣмъ тѣмъ, что любимо (или представляется таковымъ) и дѣйствуетъ однимъ и тѣмъ же способомъ, привлекая субъекта къ объекту.

Когда Духъ Божій посредствомъ слова дѣйствуетъ на душу съ тою цѣлью, чтобы открыть ей грѣхъ, святиню, любовь Божью въ ихъ истинномъ свѣтѣ, то при этомъ соответствующія чувствованія возбуждаются и проявляются сообразно съ своей природой. Итакъ, чувства не измѣнили своей природы; но „глаза разумнія, открылись, чтобы видѣть вещи въ новомъ свѣтѣ“.

Чувство само по себѣ ни религіозно, ни безрелигіозно, оно есть психическій элементъ, который абсолютно подчиняется объектамъ, представляющимся ему, внѣшнимъ или внутреннимъ, такимъ, каковы они въ дѣйствительности или какими кажутся.

IV. Наши высшія чувствованія не являются только чувствовательными способностями, параллельными и равными нашимъ познавательнымъ и волевымъ способностямъ; но имѣютъ высшую цѣну, какъ наши могущественнѣйшія средства достигать всего истиннаго, добраго и прекраснаго.

Мѣсто чувствованій въ религіи ясно показано. Ихъ наличность служить признакомъ нравственной цѣнности и носить въ себѣ вѣроятность спасенія. Ихъ отсутствіе показы-

ваетъ, что нравственная природа смертельно атрофировалась. На языкѣ Писанія „дойти до безчувствія“ (Ефес. 4, 19) значить быть въ состояніи безнадежномъ. Слѣдовательно, законно и въ высшей степени важно стараться перевести чувствованія изъ слабаго и скрытаго состоянія въ состояніе дѣятельное. Вообще, образованіе и развитіе чувствованій составляетъ истинную цѣль всѣхъ высшихъ искусствъ.

V. Чувство вызывается какъ физическими, такъ и умственными стимулами. Мы производимъ извѣстное воздѣйствіе на нервную систему чрезъ посредство внѣшнихъ чувствъ. Всѣ внѣшнія чувства суть, поэтому, орудія внутреннихъ чувствованій (эмоцій), перенося по нервамъ до души зависяція отъ нихъ впечатлѣнія. То же самое можно сказать объ образахъ и идеяхъ, прямо представленныхъ уму дѣйствіями самаго ума, какъ и о памяти и воображеніи.

Вообще для того, чтобы идеи были животворны, онѣ должны быть представлены въ наглядной формѣ. Поученія Христа и всѣхъ тѣхъ, кто трогалъ сердца людей и измѣнялъ ихъ жизнь, состояли изъ описаній и притчей, были воплощены въ факты и воспоминанія дѣйствительной жизни.

VI. Проповѣдникъ долженъ считаться съ противодѣйствующимъ теченіемъ постоянныхъ и извращенныхъ чувствованій въ такой мѣрѣ, въ какой это теченіе вредитъ мысли. Самонадѣянность и вкоренившійся предрасудокъ относятся къ числу самыхъ жестокихъ ея враговъ. Должно помнить также, что изъ противоположныхъ чувствованій слабѣйшія уничтожаются; напр., страхъ исключаетъ надежду; тогда какъ чувствованія тождественныя или подобныя взаимно укрѣпляются. Глубокое чувство господствуетъ надъ всякой другой силой; когда поднимется волна чувства, то она разметаетъ всѣ слѣды аргументовъ и фактовъ, которые выставитъ ей препятствіе. Наши чувства иногда извращаютъ нашъ здравый смыслъ и поражаютъ насъ умственнымъ косоглазіемъ. Чувства страха и ненависти, напр., могутъ производить самыя изумительныя вѣрованія. Долговременное самодо-

вольство такъ сильно укрѣпляетъ безпечность человѣка, считающаго себя праведнымъ, что не смотря на обычныя неудачи въ своихъ попыткахъ удовлетворить своей совѣсти и своему суду, онъ упорствуетъ въ своемъ послѣднемъ усиліи съ такой настойчивостью, какъ если бы всѣ предшествующія усилія имѣли успѣхъ.

В. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКА.

Къ свѣдѣнію гг. регентовъ церковныхъ хоровъ.

28-го марта 1907 года открыто „Общество Взаимопомощи Регентовъ Церковныхъ Хоровъ“ (всей Россіи). Общество, согласно въ установленномъ порядкѣ утвержденному уставу своему, имѣеть цѣлю доставленіе средствъ къ улучшенію матеріальнаго состоянія своихъ членовъ. Дѣйствительными членами Общества могутъ быть лица обоого пола православнаго исповѣданія, занимающіеся регентскимъ трудомъ, независимо отъ того, имѣютъ ли они, или нѣтъ званіе регента. Ежегодный членскій взносъ установленъ—для дѣйствительныхъ членовъ—3 р. (и 20 коп. на почтовые и другіе расходы)—для членовъ соревнователей не менѣе 1 руб.

Членами правленія состоятъ: Прокуроръ Московск. Св. Синода Конторы Ф. П. Степановъ, Директоръ Синод. училища В. С. Орловъ, Регентъ Синод. хора А. Д. Кастаньскій, Регентъ-хоросодержатель Л. С. Васильевъ, Редакторъ журнала „Музыкальный Труденикъ“ П. В. Липаевъ, Регентъ П. М. Копосовъ, Регентъ П. Г. Чесноковъ и Завѣдывающій пѣвческими хорами въ Москвѣ священникъ Д. В. Аллемановъ. Предсѣдатель Правленія Ф. П. Степановъ, казначей и секретарь священникъ Д. В. Аллемановъ. Взносы, пожертвованія и всякія обращенія въ Общество адресуются: Москва, Каретно-Садовая, домъ духовной семинаріи, священнику Дм. Вас. Аллеманову. На отвѣты прилагать марки.

Въ настоящее время при Обществѣ для дѣйствительныхъ членовъ организовано Бюро по принсканію регентскихъ мѣсть. Правила пользования этимъ учрежденіемъ высылаются по первому требованію за 2 коп. марку.

Въ ближайшемъ будущемъ при Обществѣ откроются похоронныя и пенсіонныя кассы (проекты устава вырабатываются).

Правленіе изыскиваетъ средства для открытія отъ имени Общества регентскихъ классовъ. Имѣется въ виду также и нотно-издательская дѣятельность въ видѣ журнала или газеты и печатаніе духовно-музыкальныхъ сочиненій. Правленіе предполагаетъ въ скоромъ времени (27—30 декабря) созывъ *всероссійскаго съѣзда регентовъ церковныхъ хоровъ въ г. Москву*. Въ настоящее время Правленіе занято выработкой программы съѣзда и многихъ другихъ вопросовъ, связанныхъ съ нимъ (о помѣщеніи, о квартирахъ для маломужскихъ гостей-членовъ, столѣ и проч.). Желающіе навести подробныя справки относительно съѣзда благоволятъ адресоваться къ Секретарю Правленія Общества.

Предполагаемая программа занятій Съѣзда регентовъ.

1. О направленіи церковнаго пѣнія.
2. Объ учрежденіи регентскаго училища съ правами и объ организациіи лѣтнихъ регентскихъ курсовъ.
3. О правахъ регента, какъ члена причта.
4. Объ Общ. вз. рег. хоровъ, какъ органѣ кооперативнаго объединенія.

Правленіе проситъ присылать заявленія о желаніи быть на съѣздѣ до 1 декабря. Равно и желающіе выступить со своими докладами по вопросамъ программы съѣзда присылаютъ эти доклады въ Правленіе до 15 декабря.

Объявленіе о продолженіи изданія при Кіевской духовной Семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“
въ 1908 подписномъ году.

Вступая въ 49-й годъ изданія, журналъ нашъ останется неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ—осильно содѣйствовать православно-русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи. Всегда трудное, служеніе это при современныхъ условіяхъ религіозной и церковной жизни требуетъ необычайнаго напряженія духовныхъ силъ человѣка. Невѣріе и отрицаніе никогда не прекращали своихъ нападковъ на Церковь Христову; но въ настоящее время они начинаютъ разливаться широкою волною даже среди простого народа. Иновѣріе и сектантство, получивъ права свободнаго исповѣданія, съ удвоенной энергіей стараются отторгать отъ Церкви ея

чадь. Кромѣ того, въ русскомъ народѣ, подѣ влияніемъ различныхъ причинъ, широко распространяется нравственная грубость, распушенность и извращеніе элементарныхъ нравственныхъ и человѣческихъ понятій. Освѣщать всѣ эти язвы современной религіозно-нравственной жизни, указывать сообразныя съ духомъ вѣры Христовой средства къ исцѣленію ихъ нашъ журналъ и поставляетъ своей задачей.

Далѣе, вопросы о приходѣ и тѣхъ организаціяхъ, централизуемыхъ около пастыря, которыя возникаютъ въ послѣднее время для поднятія и оживленія приходской жизни (приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительныя общества) найдутъ самый живой откликъ въ нашемъ журналѣ.

Ожидаемый созывъ Всероссийскаго Собора, которому предстоитъ важнѣйшая и труднѣйшая задача—оцѣнить и возвѣстить проектированныя въ засѣданіяхъ предсоборнаго присутствія реформы въ различныхъ областяхъ церковной жизни, дастъ богатый матеріалъ для обсужденія этихъ реформъ и установки твердой и опредѣленной точки зрѣнія на нихъ.

Журналъ нашъ, наконецъ, будетъ давать также статьи и по вопросамъ историческаго, теоретическаго и литургическаго характера, имѣющимъ отношеніе къ церковной и пастырской дѣятельности.

Во взаимообщеніи и единеніи—прочный залогъ для успѣшной дѣятельности и для успѣшной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всѣмъ пастырямъ, желающимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта, журналъ въ 1908 подлинномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго бібліографическаго Листка“. Кромѣ того, въ 1908 г. Редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, нотный сборникъ церковныхъ пѣснопѣній въ общедоступномъ переложеніи.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ выпискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ пересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи **ШЕСТЬ** рублей.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ-то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до конца подписнаго года.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала: „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 26-го ноября 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цена годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 49.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года декабря 9-го дня.

Содержаніе: I. Нѣсколько словъ о желательной постановкѣ церковно-славянскаго языка въ духовныхъ училищахъ.—II. О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара (продолженіе).—Алкоголь и его вредное вліяніе на организмъ человѣка.—IV. Замѣтки. а) Введеніе все-народнаго иѣвія.—б) Дѣвочки—помощницы священника.

Нѣсколько словъ о желательной постановкѣ церковно-славянскаго языка въ духовныхъ училищахъ.

Одною изъ задачъ духовной школы является подготовленіе учащихся къ совершенію церковнаго богослуженія въ разныхъ церковно-служительскихъ должностяхъ. Такъ какъ наше богослуженіе совершается на славянскомъ языкѣ, то естественно, что обстоятельному ознакомленію съ этимъ языкомъ духовная школа должна удѣлять особое вниманіе. Будущій церковно-служитель въ школѣ долженъ вполне овладѣть богослужебнымъ языкомъ, чтобы впослѣдствіи имѣть полную возможность сознательно для себя и вразумительно для другихъ читать Слово Божіе и пѣть церковныя молитвы и свя-

ценныя пѣснопѣнія. Между тѣмъ въ духовныхъ училищахъ изученіе церковно-славянскаго языка до сихъ поръ еще не поставлено на надлежащую высоту. Въ то время, какъ на изученіе языковъ латинскаго и гречскаго до прошлаго года тратилось 32 недѣльныхъ урока, на русскій и ц.-славянскій яз. назначалось только 19 уроковъ, изъ коихъ 12 уроковъ посвящались изученію русскаго яз., а 7 уроковъ предназначались для языка ц.-славянскаго. Эти семь уроковъ распределялись такимъ образомъ, что четыре урока приходилось на первый классъ и по одному уроку на 2-й, 3-й и 4-й кл., при чемъ въ первомъ классѣ полагалось изученіе почти всей этимологіи. Последнее обстоятельство всегда служило страшнымъ тормазомъ въ дѣлѣ изученія славянскаго языка, такъ какъ дѣти 1 кл., еще хорошенько незнакомыя съ русской этимологіей, были совершенно не въ состояніи усвоить правила церковно-славянской грамматики, мелкія особенности и отличія которой только сбивали и путали дѣтей и вызывали въ нихъ нелюбовь и отвращеніе къ изучаемому предмету. Между тѣмъ времени на изученіе этихъ особенностей тратилось много, а практическія занятія чтеніемъ и переводомъ въ нужной для будущихъ церковнослужителей полнотѣ вести было некогда. Во 2-мъ, 3-мъ и 4-мъ кл. при одномъ урокѣ въ каждомъ классѣ тоже многого сдѣлать было нельзя, тѣмъ болѣе, что и на эти классы программу былъ назначенъ довольно обширный грамматическій матеріалъ. Поэтому учителя, одновременно стараясь и добросовѣстно изучить ц.-славянскую грамматику и научить дѣтей сознательно читать и правильно переводить славянскій текстъ, въ существѣ дѣла не достигали ни того, ни другого, ни третьяго, почему питомцы духовной школы славянской грамматики не знали, по-славянски читали дурно и переводили съ трудомъ. Новая программа по славянскому языку, введенная въ 1906 году, отводитъ на изученіе этого предмета еще меньше времени, всего четыре урока, по одному уроку въ каждомъ классѣ, такъ что теперь питомцы духовной школы еще меньше имѣ-

ють возможности освоиться съ богослужебнымъ языкомъ. Вообще духовная школа разсматриваетъ славянскій языкъ не какъ самостоятельный учебный предметъ, а какъ придатокъ къ языку русскому, и держится преувеличеннаго представле- нія относительно легкости его изученія. Между тѣмъ, какъ ни близокъ славянскій языкъ къ русскому, тѣмъ не менѣе это особый языкъ, имѣющій свою очень сложную грамматику и свой лексическій составъ, и обстоятельное изученіе его требуетъ значительно большаго количества времени, чѣмъ это кажется. Поэтому было бы полезно въ духовныхъ училищахъ увеличить количество уроковъ по славянскому языку по крайней мѣрѣ до 10-ти и начать изученіе славянской грамматики не съ 1-го класса, гдѣ дѣти только что начинаютъ знакомиться съ русской грамматикой, а со 2-го кл., когда русская этимологія дѣтямъ уже будетъ достаточно знакома. Параллельное прохожденіе славянской грамматики съ русской только сбиваетъ дѣтей, и потому разумнѣе начинать изученіе славянской этимологіи лишь по ознакомленіи съ этимологіею русской, какъ это дѣлается, напр., въ епархіальныхъ женскихъ училищахъ. Уроки же славянскаго языка въ первомъ классѣ (числомъ не менѣе трехъ) хорошо было бы посвятить исключительно цѣлямъ паученія дѣтей свободно и внятно читать священныя и богослужебныя книги. Въ этомъ же классѣ можно было бы изучить и ц.-славянскій словарь, что при достаточномъ количествѣ недѣльныхъ уроковъ не было бы затруднительнымъ. Во второмъ классѣ можно приступить къ изученію славянской этимологіи и къ упражненіямъ въ сознательномъ переводѣ славянскаго текста. Знакомые съ этимологіею русской, много поупражнявшіеся въ чтеніи славянскаго текста и знакомые съ значеніемъ большинства славянскихъ словъ, ученики 2-го класса не затруднятся изученіемъ особенностей славянской этимологіи и вполне свободно могутъ переводить историческія чтенія изъ священныхъ книгъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Недѣльныхъ уроковъ славянскаго языка во второмъ классѣ желательно

тоже не менѣе трехъ, дабы наставнику имѣть возможность пообстоятельнѣе заняться съ каждымъ отдѣльнымъ ученикомъ. Въ третьемъ и четвертомъ классѣ, при двухъ недѣльныхъ урокахъ въ каждомъ, знакомство съ особенностями славянской грамматики этимологическими и синтаксическими продолжается и заканчивается, и воспитанники упражняются въ переводѣ богослужебныхъ книгъ и богослужебныхъ чтеній изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Упражненія во вразумительномъ и внятномъ чтеніи славянскаго текста должны продолжаться и въ старшихъ классахъ, въ особенности съ тѣми дѣтьми, которыя въ двухъ младшихъ классахъ не въ достаточной степени постигли это искусство. При двухъ недѣльныхъ урокахъ свободное время для этихъ упражненій можетъ найтись, между тѣмъ какъ теперь при одномъ урокѣ въ каждомъ классѣ наставники положительно не имѣютъ никакой возможности развивать въ дѣтяхъ искусство хорошаго славянскаго чтенія.

Урочные часы для преподаванія славянскаго языка при предполагаемой постановкѣ дѣла найдутся легко, такъ какъ во второмъ и первомъ классѣ на славянскій языкъ можно употребить свободные урочные часы, которыхъ въ каждомъ классѣ имѣется по три; въ третьемъ классѣ на этотъ предметъ можно отдѣлить одинъ урокъ отъ латинскаго языка, а въ четвертомъ одинъ урокъ отъ греческаго; для латинскаго и греческаго яз. большого ущерба отъ этого не будетъ, такъ какъ оба языка изучаются и въ семинаріи, и программы ихъ для дух. училищъ въ скоромъ времени несомнѣнно будутъ значительно сокращены.

Смѣемъ думать, что при проектируемой постановкѣ изученія ц.-славянскаго языка будущіе клирики познакомятся съ нашимъ богослужебнымъ языкомъ значительно основательнѣе, чѣмъ это дѣлается теперь, и будутъ имѣть возможность внести болѣе разумности и сознательности въ исполняемыя ими церковныя чтенія и пѣнопѣнія.

В. Казанскій.

О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара.

(Продолженіе ¹⁾).

VII. Слушатели въ своей совокупности и каждый въ отдельности представляютъ два чувства—эгоизмъ и альтруизмъ. Степень развитія того и другого значительно измѣняется. У нѣкоторыхъ преобладаетъ альтруизмъ: они занимаютъ исключительно другими и едва только заботятся о самихъ себѣ, чтобы поддержать свое существованіе. У другихъ эгоизмъ настолько властенъ, что все, проходящее черезъ горнило ихъ мысли, принимаетъ въ немъ эгоистическій характеръ и цѣнность, опредѣляемую интересомъ. Между этими крайностями располагаются всѣ отѣнки ихъ. Проповѣдникъ долженъ дѣйствовать на оба эти чувствованія, стимулируя ихъ желательными возбужденіями и соотвѣтственно ведя эти двѣ силы къ дѣйствию. По отношенію къ эгоистамъ слѣдуетъ прибѣгать къ идеямъ, образамъ, напоминаніямъ, могущимъ возбуждать надежду на удовольствіе, прибыль, обладаніе, а также къ такимъ, которые могутъ возбудить боязнь личнаго страданія, лишенія, наказанія, опасностей; альтруисту же мы должны представить скорби, опасности, несчастія и нужды другихъ, чѣмъ будетъ приобрѣтено сочувствіе и добровольная жертва личности. Чувства нѣкоторыхъ возбуждаются особенно обращеніями къ ихъ любви къ самому себѣ, къ своей жизни и къ своему удовольствію; такихъ можно принудить къ дѣйствию только страхомъ утраты, боязнию настоящаго или будущаго страданія, или надеждой на прибыль, удовольствіе или награду. Иной, напротивъ, болѣе сильно трогается представленіемъ того, что другіе будутъ страдать, или выиграютъ въ зависимости отъ того, какъ онъ восприметъ евангельское благовѣстіе.

¹⁾ См. № 48-й за 1907 г.

Напрасно и бесполезно проповѣдывать чувство, какъ дѣло обязанности или разсудка. Не по обязанности люди гнушаются грѣха и не идея любви къ Богу служить высшимъ основаніемъ того, что люди любятъ Бога. Людямъ просто наскучили и вызываютъ враждебное отношеніе къ себѣ эти пространныя и безсильныя увѣщанія.

Связь, соединяющая чувство съ дѣйствіемъ, заслуживаетъ изученія. Она вытекаетъ изъ того начала, по которому удовольствіе должно быть чувствомъ приращенія жизни и наоборотъ. Желаніе и воля прямо связаны съ дѣйствіемъ. Желаніе естественно производитъ произволеніе (volition). Такимъ образомъ дѣйствіе происходитъ отъ двухъ причинъ вмѣстѣ. Желаніе часто задерживается сознательной или вообразимой неспособностью дѣйствовать. Скажемъ также о „мученіи желанія“. Вообще, желаніе возбуждается и углубляется домогательствомъ чего-нибудь или попеченіемъ о чемъ-нибудь; напр., корыстолюбіе проявляется въ погонѣ за богатствомъ, а не въ пользованіи имъ. Строго говоря, побужденіе (un mobile) не обозначаетъ внутренней цѣнности представляющагося предмета, но—его значеніе съ той точки зрѣнія, съ какой смотритъ на него умъ; не дѣйствительность, а видимость (apparence) образуетъ сужденіе. Напр., предположите, что для созерцанія свѣтскаго человѣка предложенъ Христосъ въ своемъ истинномъ характерѣ, какой открываетъ намъ Писаніе, т. е. какъ воплощеніе всего наиболѣе дорогого и вѣрнаго, и что воля этого человѣка отвергаетъ Христа. Такъ какъ умъ неспособенъ отвергать добро или избирать зло, какъ таковыя, то ясно, что видимость добра зависитъ отъ состоянія ума и не отличается для него отъ реальности. Отсюда именно происходитъ всякое ошибочное сужденіе: воля предпочитаетъ тотъ предметъ, который оказывается предпочтительнымъ въ явленіи, а не въ дѣйствительности. Такимъ образомъ субъективная видимость опредѣляетъ выборъ.

VIII. Проповѣдникъ не долженъ шутить съ чувствами. Онъ можетъ впасть въ соблазнъ воспользоваться ими, чтобы

показать свою силу или просто для удовольствія слушателя: есть люди, которые любятъ быть подъ впечатлѣніемъ проповѣдника, подобно тому, какъ они любятъ читать драму или трогательный романъ. Но у проповѣдника есть серьезная цѣль. Если онъ вызываетъ чувство, то для того, чтобы привлечь сердце, образовать сужденіе и чтобы сдѣлать человека нравственнымъ. Вызывать чувство, не имѣя въ виду объекта его, значить оскорблять и злоумышлять противъ нравственной природы. Когда вниманіе вполне пробуждено и твердо поддерживается, то слушатель является какъ бы хорошо настроенной арфой; каждой струнѣ принадлежитъ различное чувство, и проповѣдникъ можетъ заставить говорить, какую ему угодно. Эта способность налагаетъ на него большую и серьезную отвѣтственность. Въ эту минуту онъ неослабно преслѣдуетъ свою священную цѣль, которая состоитъ въ произведеніи здраваго дѣйствія, жизни, согласной съ Богомъ и состоящей въ гармоническомъ трудѣ. Установлено, что слушатели, слушавшіе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ назидательную проповѣдь, испытывали, когда на нихъ воздѣйствовали въ моментъ религіознаго возбужденія, такія чувства, которыя никогда не уничтожались, но часто вели ихъ къ сознательному обращенію; напротивъ, тѣ, которые переживали періодическіе кризисы чувства, бывали высушены, какъ бы пламенемъ, и часто дѣлались скептиками.

IX. Слѣдуетъ однако помнить, что самыя сильныя чувства иногда независимы отъ разсудочныхъ способностей. Одинъ внимательный наблюдатель побудительныхъ причинъ сказалъ: „разумъ остается разумомъ, пока онъ будетъ вамъ правиться; но остерегайтесь думать, что онъ для всего достаточенъ. Вотъ мать оплакиваетъ свое дитя; утѣшить ли ее ей разумъ? Развѣ холодный разсудокъ управляетъ вдохновеннымъ поэтомъ или воинемъ-героемъ? Разсудокъ руководить только слабой и менѣе интересной частью человека; остальное подчиняется чувству, истинному или ложному, страсти, доброй или дурной“ (Аббатъ Ру).

Х. Чувство представляет силу, которою проповѣдникъ и его слушатели матеріально связаны; поэтому оно должно встрѣчать у нихъ симпатію, исполненную довѣрія. Проповѣдникъ, желающій господствовать надъ аудиторіей, не долженъ слишкомъ беспокоиться о своемъ профессиональномъ достоинствѣ; онъ долженъ быть готовъ забыть себя, представить природѣ утверждать себя, безъ страха критики и безъ заботы объ условныхъ приличіяхъ. Если у проповѣдника недостаетъ такой свободы, то онъ долженъ развивать эту сторону своей природы; если ея слишкомъ много, то ему нужно уменьшить ее и дисциплинировать подъ страхомъ утраты своей силы. Если религіозные слушатели слишкомъ долго находятся подъ дѣйствіемъ слова, лишенаго чувства, то сами могутъ потерять свою чувствительность или, напротивъ, при излишествѣ эмоцій, дѣлаются въ концѣ концовъ скучными или истеричными. Если возбуждаютъ чувство привычнымъ способомъ безъ разсудочнаго основанія и безъ направленія со стороны истины, и если оно не истекаетъ изъ библейскихъ идей, то оно будетъ бесплодно. Отъ этого происходитъ то, что проповѣдь нѣжно сентиментальная или непрерывно возбуждающая дѣлается расслабляющею и даже производитъ ожесточеніе. Здоровое возбужденіе чувствъ, вызванное живымъ изложеніемъ истины, должно приносить плоды сильнаго дѣйствія.

ХІ. Чувство само въ себѣ не имѣетъ цѣли. Хотя, какъ способность, оно привноситъ свой характеристическій элементъ въ человѣческую жизнь и придаетъ свой болѣе глубокой интересъ въ преслѣдованіи существенной цѣли жизни, состоящей въ осуществленіи дѣятельности и въ нравственномъ совершенствованіи, а не въ удовольствіи, но оно должно служить той царственной способности души, которой подчинены всѣ другія, т.е. волѣ. Воля именно развиваетъ нравственную природу и подготавливаетъ событія вѣчности.

ХІІ. Проповѣдь имѣетъ въ виду волю. Философскій или дидактическій трактатъ можетъ достигнуть своей цѣли, про-

никая въ разумъ; художественная рѣчь обращается ко вкусу или чувству; но проповѣдное слово осуществляетъ свое назначеніе только тогда, когда *побуждаетъ волю къ дѣйствию*. Воля состоитъ въ способности свободнаго выбора. Ея функція состоитъ въ выборѣ между различными объектами склонности или желанія и, въ извѣстныхъ случаяхъ, въ дѣйствованіи по побужденіямъ чисто интеллектуальнымъ и нравственнымъ, въ противовѣсъ физическимъ импульсамъ и желаніямъ.

Чувство переходитъ въ побужденіе и желаніе—въ волю. Для произведенія воли безусловно необходима адекватная психическая причина. Воля не обладаетъ силой опредѣляться только сама по себѣ. Она управляется также чувствами, побужденіями, желаніями, страстями, громаднымъ разнообразіемъ субъективныхъ и объективныхъ вліяній. Для полноты представленія побужденій, влекущихъ къ извѣстному образу поведенія, мы должны указать и на тѣ, которыя заставляютъ слушателя сопротивляться противнымъ вліяніямъ. Воля, конечно, руководится въ выборѣ представленіемъ различныхъ побужденій; но вліяніе побужденій, долженствующихъ управлять волей, зависитъ отъ состоянія сердца. Отсюда необходимость „новаго сердца“ и „праваго ума“, которые можетъ дать одинъ только Богъ. Однако Богъ можетъ дѣйствовать одновременно съ людьми, т. е. давать сердце, способное подчиняться добрымъ побужденіямъ, въ тотъ самый моментъ, когда ихъ будутъ представлять.

Проповѣдникъ долженъ постоянно имѣть въ умѣ тотъ фактъ, что если воля въ своемъ выборѣ руководится опредѣленными идеями, то слѣдуетъ при этомъ всегда считаться съ испорченностью природы. Сердце настолько исполнено заблужденій, предразсудковъ и иллюзій, что часто отвергается, вслѣдствіе „измѣны сердца“, то, что само по себѣ прекрасно. Мы говоримъ о людяхъ, у которыхъ нравственныя понятія слутаны и затемнены ложью общепринятыхъ правилъ и общественныхъ привычекъ.

Мы должны вспомнить о слабости и непостоянствѣ силы воли у большинства людей. У большинства воля слаба въ отношеніи добра и сильна на зло. Слабая воля нуждается въ воздѣйствіи на нее болѣе сильнаго чувства; поэтому слѣдуетъ представить уму болѣе ужасное страданіе и болѣе привлекательное удовольствіе. Такъ же точно бываетъ и тогда, когда сознаніе притуплено, или привычка создала равнодушіе. Врачъ душъ особенно долженъ врачевать привычки вѣтренности, безпечности и лѣности. Въ случаяхъ подобнаго рода для побужденія воли къ дѣйствию необходима большая энергія, необходимо слово, которое удивляетъ, тревожитъ, трогаетъ, воспламеняетъ. Многіе проповѣдники прежняго времени, при томъ изъ числа самыхъ сильныхъ, подобно древнимъ пророкамъ, стремились возбуждать страхъ. Я не говорю о некультурныхъ и изстуженныхъ фанатикахъ, но о людяхъ, которые были самыми образованными въ свое время, какъ Златоустъ и Савонарола, Массильонъ и Джонатанъ Эрдвадъ, Витфильдъ и Джемсъ Персонъ. Достоинство изученія почти полное отсутствіе въ новой проповѣди обращенія къ страху и представленія того „страха Божія“, о которомъ говоритъ ап. Павелъ, факторомъ всегда дѣйствительнаго убѣжденія. Разумно ли и основано на Писаніи и евангелии это упраздненіе нѣкогда могущественнаго элемента, или просто гиперъ-эстетично? Я не говорю о формѣ, которую онъ можетъ принять, но объ его сущности и духѣ.

Цѣль проповѣдника—возбуждать чувства и представлять побужденія наиболѣе сильныя для слушателей въ данный моментъ. Поэтому слѣдуетъ, чтобы эти чувства и побужденія были свойственны слушателямъ, были взяты *изъ ихъ воспоминаній, изъ ихъ опыта и изъ ихъ привычнаго наблюденія*, потому что побужденія, пришедшія изъ области чуждой ихъ личной жизни, не имѣли бы никакого вліянія. Привычки психическаго сознанія въ томъ видѣ, въ какомъ ихъ образовали обстоятельства жизни, всегда входятъ въ опредѣленіе воли.

Воображеніе и энтузіазмъ, которые можно назвать братомъ и сестрой близнецами, также являются необходимымъ факторомъ возбужденія воли.

Способность наглядно представлять мысль, описывать духовные и невидимые предметы, какъ бы реальныя и сходныя съ видимыми и настоящими событіями,—эта способность, а также теплота, излучивающаяся изъ воспламененной души оратора, непреодолимы. Мальбраншъ сказалъ: „страстный всегда трогаетъ“, и прибавляетъ при этомъ: „хотя его слово можетъ быть не ясно, но оно не перестанетъ производить сильное впечатлѣніе, потому что его видъ и манера заставляютъ чувствовать это слово, возбуждая воображеніе и трогая сердце.“ „Тайна краснорѣчія, говоритъ Георгъ Эліотъ, состоитъ не въ томъ, чтобы говорить *новое*, но въ томъ, чтобы говорить съ извѣстной силой, трогавшей слушателя“. Энтузіазмъ этимологически означаетъ внутреннее присутствіе божества, и потому энтузіастомъ называется человекъ вдохновенный, которому должны отвѣчать сердце и умъ, чувствуя на себѣ дѣйствіе нравственной силы, которой они не могутъ сопротивляться. Нѣкоторые обладаютъ кипучимъ темпераментомъ, другіе отличаются счастливымъ сіяніемъ іюня; но какъ бы то ни было, чтобы увлечь за собой народную аудиторію, ничто такъ не полезно проповѣднику, какъ психическая сила заразительнаго огня и возбужденія быющаго ключемъ энтузіазма. Но дѣйствіе энтузіазма легко исчезаетъ; поэтому нужно ковать желѣзо на наковальнѣ фактовъ молодомъ истинѣ до тѣхъ поръ, пока оно не накалится до бѣла.

ХІІІ. Нѣкоторые новые психологи говорятъ, что „*характеръ* служитъ единственной непосредственной причиной произвольнаго дѣйствія; мотивы же являются только посредствующими его причинами“. Если подъ этимъ они понимаютъ нормальное волевое дѣйствіе, то они правы: дѣйствія человека суть результатъ его характера; но это доказывало бы только необходимость отвлекать человека отъ его естественной склонности, возвышать его надъ нормальнымъ его

дѣйствиємъ посредствомъ возбужденія и усиленія побужденій и чувствъ, способныхъ достигнуть этой цѣли. Какъ типичный примѣръ такого дѣйствія и какъ освѣщеніе этого можно взять слова ап. Павла: „любовь Христова объемлетъ насъ“ (2 Кор. 5, 14). Обратите вниманіе на полное и сложное движеніе, обозначаемое греческимъ словомъ: „овладѣвая нами вознося насъ выше и по ту сторону того, что мы есть по природѣ“.

XIV. Проповѣдникъ никогда не долженъ забывать, что господствующая и постоянная страсть человѣческой природы—это ненасытимое желаніе *наслаждаться жизнью во всей ея полнотѣ*. Этотъ фактъ онъ долженъ разсматривать, какъ ключъ положенія, какъ стратегическій пунктъ своихъ дѣйствій. Паскаль говоритъ, что *хотѣніе и сила являются источниками всѣхъ нашихъ дѣйствій; хотѣніе создаетъ произвольныя дѣйствія, а сила—непроизвольныя*. Я полагаю, что слово „хотѣніе“ (concupiscence) онъ употребляетъ здѣсь въ смыслѣ широкомъ и родовомъ, который обнимаетъ все, стремящееся дѣйствовать, слѣдуя интенсивнымъ чувствамъ какого бы то ни было порядка. Вся животная природа поднимается глубокимъ теченіемъ интенсивныхъ желаній. Всюду представляются объекты, требующіе этихъ желаній. Съ одной стороны—влеченія, очарованія, обольщенія, прельщенія, надежды, домогательства, страстные ожиданія, честолюбіе, намѣренія; съ другой—у насъ есть страхъ, опасеніе, ужасъ, зависть, соперничество, ревность, гнѣвъ, ярость, скорбь, раскаяніе, стыдъ, угрызенія совѣсти, чувство недостигнутой цѣли, сознаніе дурно проводимой жизни. Даже пресыщеніе, скука, отвращеніе дѣлаются невыносимыми и чрезмѣрными для нравственныхъ, психическихъ и физическихъ функций.

Всякое существо борется за достиженіе счастья, которое въ общенародномъ смыслѣ понимается, какъ пользованіе удовольствіями, могущими удовлетворить наши общественные, эстетическіе, нравственные и умственные вкусы и желанія. Если показать людямъ, гдѣ находится счастье, то эта сила

души, тотъ импульсъ, совпадающій съ желаніемъ, туда и будетъ влечь ихъ, и проповѣднику можно будетъ освободить себя отъ значительнаго количества излишнихъ увѣщаній.

XV. Обыкновенно о *сердцѣ* говорятъ, какъ о сѣдалищѣ чувствованій, желаній и доли. Это, безъ сомнѣнія, потому, что психическое сердце есть центръ силетеній симпатическихъ нервовъ, насосъ энергіи жизненнаго потока и мѣсто-пробываніе жизненныхъ силъ. Поэтому законно говорить о привлеченіи сердца къ Богу, т. е. о созданіи желаній по Богу, о приведеніи воли людей къ избранію Бога, потому что они вѣрятъ, что въ Немъ обрѣтается блаженство.

XVI. Наконецъ, однимъ изъ условій *хотѣнія* служить твердая *увѣренность* въ томъ, что Богъ можетъ *дѣйствовать*. Связанному бѣдностію и трудомъ пріятно читать о томъ, какія наслажденія доставляютъ далекія путешествія, и онъ можетъ пожелать пользоваться ими; но онъ не можетъ *хотѣть* путешествовать, потому что сознаетъ недоступность этого для себя. Ученіе „о нравственномъ безсиліи невозрожденнаго человѣка“ въ томъ видѣ, въ какомъ его содержали древніе кальвинисты, естественно должно оказывать на человека расслабляющее вліяніе. Человѣческое сознаніе всегда было въ оппозиціи съ нимъ, и потому тотъ, кто желаетъ упражнять свою волю въ послѣдованіи Христу, напередъ долженъ внутренно отвергнуть его. Общепризнанный фактъ, что у насъ есть сознаніе нашей свободной воли; поэтому фатализмъ долженъ быть устраненъ. Только сознающій себя свободнымъ можетъ быть принуждаемъ. Свобода и принужденіе—понятія взаимно связанныя.

Итакъ, хотя вліяніе проповѣдника на волю зависитъ въ концѣ концовъ отъ дѣйствія Духа Божія, Который, какъ сказано намъ, „покоряетъ свѣту Своей силы“; но никогда не слѣдуетъ забывать, что эта Божественная сила дѣйствуетъ параллельно съ нашимъ человѣческимъ усиленіемъ и соответственно конституціи самой души, совершенно независимой отъ ея психической силы. Послѣднее значеніе имѣетъ то,

чтобы были представлены предметы и побужденія, наиболѣе пригодные для установленія выбора и при томъ представлены были возможно болѣе яснымъ, простымъ и поразительнымъ способомъ.

Выборъ есть главнѣйшій и центральный факторъ, зависящій отъ воли; это есть кульминаціонный и рѣшительный актъ внутренней жизни. Черезъ него именно душа утверждаетъ свое верховенство въ провозженіи жизни. Мы должны убѣждать людей указаніемъ на достоинство, торжественность и нравственный вѣсъ этого преимущественно личнаго акта свободного выбора. Такъ какъ увѣренность въ дѣйствіи воли имѣетъ такую важность, то проповѣдникъ безостановочно *долженъ идти до этого пункта включительно*. Заключение рѣчи или заключительное обращеніе составляетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наиболѣе важную часть задачи проповѣдника. Пусть онъ не медлитъ въ стремленіи къ этой цѣли и не тратитъ много времени на предшествующія части, которыя онъ долженъ будетъ закончить слишкомъ скоро и слабо. Нѣкоторые проповѣдники имѣютъ привычку извиняться за то, что рѣчь была слишкомъ длинна, и думаютъ расположить къ себѣ свою аудиторію, сокращая заключеніе. Съ психологической точки зрѣнія такъ же, какъ и съ риторической, это большая ошибка. Можно констатировать, что въ интеллигентной аудиторіи въ отношеніи большинства предметовъ, о которыхъ проповѣднику приходится разсуждать, вѣрующіе основательно знаютъ доводы и различныя побужденія, и имъ нравится, если проповѣдникъ смотритъ на нихъ, какъ на освѣдомленныхъ уже относительно этихъ пунктовъ. Поэтому главной его задачей будетъ вызывать въ нихъ воспоминанія, освѣщать нѣкоторыя упущенныя истины новыми и объективными возбужденіями воображенія и чувствованій, оживлять желаніе, поощрять импульсъ и средоточный пунктъ воли дѣлать пунктомъ атаки для своего слова. „Если это знаете, блаженны вы, когда исполняете“ (Іоанн. 13, 18). Кто разумѣетъ дѣлать добро и не дѣлаетъ, тому грѣхъ (Іак. 4, 17).

„Вѣдь Я положилъ предъ вами жизнь и смерть; изберите жизнь!“ Мы должны овладѣть цитаделью воли, или благоприятный случай будетъ утраченъ.

Когда химическій растворъ насыщенъ какой-либо солью, то достаточно одного толчка, чтобы тотчасъ же превратить его въ кристаллы; и благоразумный проповѣдникъ, наблюдая свою аудиторію, также схватываетъ моментъ, когда смѣлое, повелительное, довѣрчивое обращеніе составляетъ для непосредственнаго рѣшенія все необходимое для того, чтобы убѣжденіе кристаллизовалось въ поведеніе, импульсъ—въ безсмертное дѣяніе.

В. И.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Алкоголь и его вредное вліяніе на организмъ человѣка.

Однимъ изъ разрушительныхъ агентовъ, подтачивающихъ здоровье и благосостояніе народныхъ массъ, является спиртъ, алкоголь. Въ виду того, что сельскимъ пастырямъ нерѣдко предстоитъ трудная борьба съ этимъ народнымъ врагомъ, мы считаемъ нелишнимъ познакомить духовенство съ тѣмъ зломъ, какое причиняется здоровью и благосостоянію человѣка спиртными напитками.

Настоящую статью мы раздѣляемъ на двѣ независимыя другъ отъ друга части; въ предлагаемой теперь вниманію читателей части будетъ рассмотрѣно кратко происхожденіе спирта и вообще вредное вліяніе его на здоровье человѣка; вторая же половина будетъ посвящена вопросу о злоупотребленіи спиртными напитками, вредъ такого злоупотребленія и средствахъ борьбы съ нимъ.

Вино получается изъ винограда, плода виноградной лозы, *Vitis vinifera* Линнея; другой видъ виноградной лозы представляетъ *Vitis labrusca*; а прочія виды винограда имѣютъ значеніе разновидностей. Виноградный сокъ или мустъ, по-

лучаемый выжиманіемъ изъ ягодъ винограда, содержитъ въ себѣ, въ сравненіи съ сокомъ другихъ плодовъ, болѣе сахара, и кромѣ того въ немъ находится винный камень; въ кожицѣ ягодъ содержится небольшое количество дубильной кислоты и красящаго вещества; зернышки винограда содержатъ много масла. Выжатый виноградный сокъ способенъ измѣняться, бродить, въ слѣдствіе чего и получается вино, содержащее въ себѣ около 17% виннаго спирта, эфира, кислоты: уксусную, янтарную, дубильную, виннокаменную, сахаръ, глицеринъ, соли калия, натрія, извести и магнезін. Вина, по преобладанію въ томъ или другомъ изъ нихъ какой-либо составной части, подраздѣляются на вяжущія, кислыя, сладкія, крѣпкія, и слабыя; по цвѣту различаются красныя и бѣлыя. Къ спиртнымъ напиткамъ относятся также: пиво, медъ, кумысъ и проч.

Изъ всѣхъ напитковъ главнымъ и самымъ распространеннымъ является винный спиртъ, который, будучи разведенъ въ извѣстной пропорціи водою, извѣстенъ подъ именемъ *водки*. Названіе „алкоголь“ происходитъ отъ арабскаго слова „*аль-кааль*“, гдѣ „*аль*“ есть членъ, стоящій передъ словомъ „*кааль*“. Последнее означаетъ мелко истолченный порошокъ, которымъ восточныя женщины присыпаютъ волосы головы и бровей. Какимъ образомъ слово „*алькааль*“ перешло на спиртъ, на это трудно отвѣтить; что же касается слова „*спиртъ*“ то оно съ латинскаго означаетъ „*Spiritus—духъ*“ и, вѣроятно, приложено къ спирту потому, что онъ на первыхъ порахъ по употребленіи возбуждаетъ духовную сторону человѣка; другія названія, начиная съ 13 вѣка были: „*aqua ad longam vitam*“ (вода, удлинняющая жизнь), „*aqua vitae*“ (вода жизни) и проч.

Употребленіе спиртныхъ напитковъ ведетъ свое начало съ глубокой древности. Императорскій эдиктъ, изданный въ Китаѣ за 1116 лѣтъ до Р. Х., указываетъ послѣдствія, истекающія отъ пьянства; религіозныя книги древнихъ индусовъ, напр., *Риг-Веда*, изобилуютъ указаніями на вредныя

послѣдствія опьяняющаго напитка—*сома*; въ британскомъ музеѣ сохраняется папирусъ, относящійся къ самымъ древнимъ временамъ египетской цивилизаціи, гдѣ также указывается на зло, происходящее отъ пьянства; изъ сочиненій Гомера видно также, что въ древней Греціи Ликургъ и Солонъ издавали противъ пьянства строгіе законы, а въ древней Спартѣ нарочно напивали плотовъ, чтобы показать юношамъ отвратительную картину пьянства; Плиній Старшій говоритъ, что во времена Ромула нѣкто Меценій убилъ свою жену за пьянство, и не былъ подвергнутъ наказанію; Лукулловскія пиршества и оргіи принадлежатъ уже ко временамъ упадка Римской имперіи; древніе германцы, по словамъ Тацита, также не отличались воздержностію, и пиво, какъ и теперь, было ихъ національнымъ напиткомъ. Первые вѣке христіанства, строгій аскетическій образъ жизни въ восточной Церкви, рыцарскіе и монашескіе ордена въ западной Церкви, правда, внесли въ міръ отрезвленіе, но въ 15 и 16 вѣкахъ появившаяся водка вытѣснила почти всѣ другіе напитки, и хотя сначала употреблялась только какъ лѣкарство и, стало быть, въ ограниченномъ количествѣ, но теперь употребленіе ея распространилось по всему земному шару. Предки наши также не отличались воздержаніемъ, что видно изъ словъ св. Владиміра: „Руси есть веселіе пити“. Въ концѣ 14 вѣка св. Кириллъ, основатель знаменитаго Кирилло-Бѣлоозерскаго монастыря, писалъ къ брату великаго князя Андрею Дмитріевичу Можайскому: *„Да не будетъ кормы въ твоей вотчинѣ, велия бо пагуба христіанскимъ душамъ ея ради приключается и одежды ихъ противаются“*. Сильвестръ въ „Домостроѣ“ поучаетъ своего сына: *„Берегись пьянственнаго недуга, отъ него же находитъ всякое зло“*. Борису Годунову приписываютъ учрежденіе въ Россіи казенныхъ кабаковъ, которые назывались *царевыми кабаками*. Нравственное состояніе тогдашняго общества лучше всего рисуется слѣдующими словами историка Соловьева: *„Впали мы въ обзяденіе и въ*

нянство великое, въ блудъ и въ лихву, и въ неправду, и во всякіе злые дѣла“.

Необходимы ли для человѣка спиртные напитки, и какой пользы или вреда можно ожидать отъ ихъ употребленія?

Въ составъ человѣческаго организма входитъ необходимое количество воды, и для пополненія потерь ея какъ человѣкъ, такъ и животное, ежедневно вводитъ въ организмъ такое количество этого вещества, безъ котораго невозможна самая жизнь животнаго или человѣка. Спрашивается: можно ли разсматривать спиртные напитки, какъ необходимые для жизни подобно водѣ? По мнѣнію *Petry*, первобытный человѣкъ довольствуется только водою для питья, и для пополненія жидкостей въ организмѣ не прибѣгаетъ ни къ какому другому питью, кромѣ воды. Кромѣ того, по общему закону природы, подтверждаемому лучшими гигиенистами, все то, что не входитъ въ составъ человѣческаго организма, что чуждо ему и чего нельзя добыть путемъ химическаго разложенія соковъ и тканей организма, все это не необходимо для насъ, а, слѣдовательно, и враждебно организму. Спиртъ еще ни разу не отысканъ, какъ составная часть живого организма, и потѣму жизнь наша можетъ не только продолжаться безъ употребленія спиртныхъ напитковъ, но даже они являются враждебными, вредными для насъ.

Еще яснѣе мы увидимъ и поймемъ это, если разсмотримъ тѣ измѣненія, какія происходятъ въ нашемъ организмѣ отъ употребленія спирта.

Сами пьющіе говорятъ, что „водка согрѣваетъ, ободряетъ ихъ, помогаетъ пищеваренію, *расходится по косточкамъ*“ и проч. Такъ ли это, мы сейчасъ увидимъ. Если прибавить къ водѣ, въ которой плаваетъ рыба, нѣсколько капель виннаго спирта, то рыба начинаетъ быстрѣе двигаться и чаще дышать, затѣмъ движенія замедляются, рыба теряетъ равновѣсіе, поварачивается спиною внизъ, или же ложится на бокъ; окраска жаберъ темнѣетъ, и вся кровь получаетъ темный цвѣтъ. Лягушка подъ вліяніемъ паровъ виннаго спирта

быстро движется, стараясь избѣжать этого вліянія; дыханіе ея становитсѣ рѣже, иногда совсѣмъ останавливается, и лягушка лежитъ неподвижно въ разслабленномъ состояніи. Птица подѣ вліяніемъ паровъ спирта сильно беспокоится, движенія ея слабѣютъ, она склоняется то на одну, то на другую ногу, теряетъ равновѣсіе, крылья опускаются, глаза закрываются, и животное засыпаетъ. У кролика, собаки, кошки и др. наблюдаются подобныя же явленія: сначала усиленное движеніе, учащеніе и замедленіе дыханія, потеря равновѣсія, послѣ котораго животное ложится и засыпаетъ. Если такое вліяніе производитъ спиртъ на организмъ другихъ живыхъ существъ, то таково же его вліяніе и на организмъ человѣка: человѣкъ не представляетъ въ данномъ случаѣ исключенія.

Дѣйствіе алкаголя на человѣка проявляется въ двухъ видахъ: 1) въ видѣ остраго отравленія, извѣстнаго подѣ именемъ опьяненія, и 2) въ видѣ хроническаго отравленія спиртомъ, зависящее отъ порока пьянства и носящее различныя названія: запой, бѣлая горячка и др. Мы опишемъ здѣсь только острое отравленіе спиртомъ.

Этому отравленію подвергаются и люди трезвые и воздержные. Припадки остраго отравленія алкаголемъ общеизвѣстны, но не вполне сходны у различныхъ субъектовъ. Немедленно послѣ употребленія умѣреннаго количества спирта и съ извѣстными промежутками появляется пріятное ощущеніе теплоты, разливающейся по всему тѣлу; лицо краснѣетъ; глаза дѣлаются блестящими и получаютъ живое выраженіе; кровообращеніе ускоряется, пульсъ усиливается; чувствуется повышеніе физическихъ и духовныхъ силъ; способность къ работѣ „какъ будто“ повышается, появляется умственное возбужденіе, мысли быстро смѣняются одна другою; является настоящая потребность подѣлиться ими съ окружающими, потребность высказаться; человѣкъ скрытный и молчаливый становится откровеннымъ и болтливымъ; рѣчь дѣлается быстрой, мимика живой, развязной; субъекты робкіе становятся самоувѣренными, хвастливыми; появляется желаніе шутить,

нѣтъ и проч.; разговоръ дѣлается оживленнымъ и шумнымъ; большинство становится при этомъ нѣжными, сантиментальными; благородныя чувства выступаютъ впередъ; скупой дѣлается щедрымъ, появляется нелицемерная искренность, любовь ко всему человѣчеству, рыцарское благородство и протесты противъ людской несправедливости, готовность на самопожертвованіе; невзгоды жизни представляются ничтожными, и легко переносимыми; заботы, печаль и страхъ—все быстро проходить.

Однако, этотъ пріятный періодъ возбужденія продолжается недолго, и при дальнѣйшихъ приѣмахъ спирта наступаетъ второй періодъ—*упнетенія*, или *пареза*, т. е. малаго паралича. Онъ характеризуется слѣдующими явленіями: рѣчь становится невнятною, языкъ *замлеается*, движенія неуверенны, походка шатающаяся, въ глазахъ двоится, предметы подергиваются туманомъ и кажутся въ опрокинутомъ положеніи, появляются шумъ и звонъ въ ушахъ, чувствительность притупляется настолько, что пьяные не рѣдко обжигаются и не замѣчаютъ боли; обонаніе и вкусъ извращаются; воля дѣлается безсильною, благородныя чувства отступаютъ на задній планъ; власть надъ страстями теряется, появляются припадки гнѣва, придирчивость къ окружающимъ, стучаніе кулаками, стремленіе къ разрушенію, битье посуды и мебели, драки; самый достойный человѣкъ получаетъ отпечатокъ неблагородства и совершаетъ такіе проступки, а иногда и преступленія, которыхъ въ трезвомъ состояніи никогда бы не совершилъ; появляется самый наглый цинизмъ во всѣхъ поступкахъ, и человѣкъ настолько унижается нравственно, что, по выраженію Давида, „*прелагается скотомъ несмысленнымъ и подобляется имъ*“ (Псал. 48; стих. 13 и 12).

Хотя, къ счастью, и этотъ періодъ продолжается недолго, но онъ чрезвычайно тяжелъ для окружающихъ, которые стараются успокоить охмелѣвшаго, а иногда требуютъ и суровыхъ мѣръ. Картина опьяненія разнообразится отъ большей

или меньшей степени выносливости, отъ пола, возраста, темперамента и отъ сорта спиртныхъ напитковъ.

Вслѣдъ за вторымъ періодомъ наступаетъ третій, такъ называемый *комагизный*. Состояніе угнетенія болѣе и болѣе усиливается, держаться на ногахъ оьянѣвшій субъектъ уже не можетъ, сваливается съ ногъ, и засыпаетъ тяжелымъ сномъ; дыханіе хриплое, пульсъ частый, зрачки суживаются, тѣло покрывается потомъ; сонъ продолжается болѣе или меньше долго, смотря по степени оьяненія; проснувшись, такой субъектъ помнить очень мало изъ того, что съ нимъ произошло, иногда съ удивленіемъ видитъ себя въ незнакомомъ мѣстѣ, чувствуетъ общую слабость, разбитость, тошноту; иногда бываетъ рвота, потеря аппетита, дурной вкусъ во рту, трясеніе рукъ и ногъ. Такое тяжелое состояніе (похмелье) мало-по-малу проходитъ, и человѣкъ постепенно приходитъ въ нормальное состояніе.

Впрочемъ, не всегда острое отравленіе алкоголемъ оканчивается такъ благополучно; при очень большихъ приѣмахъ спирта человѣкъ иногда падаетъ, какъ бы пораженный молніею, а затѣмъ засыпаетъ глубокимъ тяжелымъ сномъ, чтобы никогда больше не пробудиться. Французскій гигиенистъ *Тардье* приводитъ примѣръ, какъ одинъ человѣкъ держалъ пари, что выпьетъ сразу литръ водки, что и исполнилъ; спустя нѣсколько минутъ, онъ опустился на полъ и умеръ, не приходя въ сознаніе, при чемъ агонія длилась 16 часовъ. Тотъ, кто согласился держать пари, былъ присужденъ къ уплатѣ 200 франковъ за смертоубійство по неосторожности.

Такова картина остраго отравленія алкоголемъ, которому многіе изъ насъ, хотя бы и иногда, подвергаются въ жизни. Если картина, начерченная нами, вѣрна дѣйствительности, то кто осмѣлится сказать, что спиртные напитки *полезны*, а *тѣмъ болѣе необходимы для нашего здоровья*? Средство, унижающее человѣка до степени безсловеснаго животнаго, не можетъ не быть гибельнымъ для него.

Врачъ *Василій Николаевъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЗАМѢТКИ.

а) Введеніе всенароднаго пѣнія.

Духовенство *Пермской* епархіи озабочено вопросомъ о томъ, какія мѣры могутъ содѣйствовать успѣшному введенію всенароднаго пѣнія.—1) Чтобы освоить прихожанъ съ мыслью о всенародномъ пѣніи, привить охоту и привычку къ такому пѣнію, а вмѣстѣ съ тѣмъ и устранить необходимыя и исполнѣ естественныя на первыхъ порахъ смущеніе и неувѣренность въ своихъ голосахъ и познаніяхъ, нужно заранѣе и постепенно привлекать прихожанъ къ участию въ пѣніи при различныхъ требоисправленіяхъ въ ихъ домахъ, крестныхъ ходахъ, проводахъ покойниковъ, на внѣбогослужебныхъ чтеніяхъ и собесѣдованіяхъ.

2) Въ виду трудности этого дѣла вводить и изучать церковныя пѣснопѣнія постепенно, понемногу; сначала, напр., можно ограничиться пѣніемъ, такъ называемымъ *отвѣщательнымъ* (когда народъ отвѣчаетъ на возгласенія діакона или священника) на мирной и сугубой эктеніяхъ; по достаточномъ усвоеніи и неоднократномъ (на службахъ) повтореніи указаннаго пѣснопѣнія перейти къ слѣдующему и т. д. Необходимо оговориться, что въ началѣ общее пѣніе будетъ настолько неблагозвучнымъ, что можетъ поселить въ неопытныхъ руководителяхъ сомнѣніе даже въ возможности введенія его въ нашихъ храмахъ. Но пусть они не смущаются, это явленіе на первыхъ порахъ естественное и неизбѣжное, съ теченіемъ времени при охотѣ и добромъ усердіи уничтожится.

3) Для большого успѣха при введеніи общаго пѣнія руководителямъ необходимо воспользоваться услугами школьникова, особенно церковно-приходскихъ школъ; они знаютъ простѣйшія пѣснопѣнія и охотно и смѣло споютъ ихъ въ храмѣ. Поставленные предъ солею вмѣстѣ съ клиромъ, они могутъ, особенно въ началѣ дѣла, быть и хорошими помощ-

никами руководителямъ и примѣромъ для старшихъ, присутствующихъ въ храмѣ.

4) Съ тою же цѣлью обезпеченія успѣха при введеніи общаго пѣнія опытные руководители послѣдняго рекомендуютъ тамъ, гдѣ есть хоръ, разставлять пѣвчихъ въ разныхъ мѣстахъ храма среди молящихся, чтобы они своимъ примѣромъ смѣлости и знанія руководили несмѣлыми и малознающими.

5) При увеличеніи количества пѣснопѣній, исполняемыхъ всенародно, для большаго усвоенія ихъ и согласованности, стройности пѣнія, необходимы спѣвки, которыя можно дѣлать въ храмѣ послѣ утрени или въ другое, по усмотрѣнію священника, подходящее время (Ряз. епарх. вѣд. № 16).

в) Дѣвочки—помощницы священнику.

Велики обязанности священника въ сельскомъ приходѣ. Въдѣ на немъ всецѣло лежитъ религіозное просвѣщеніе прихожанъ, онъ долженъ научить ихъ истинамъ вѣры, правильной молитвѣ, церковному пѣнію. А какъ трудно это сдѣлать, особенно въ большихъ, разбросанныхъ приходахъ!

Практическое разрѣшеніе этой задачи, по сообщенію журн. „Кормчій“, даетъ священникъ села Стрѣлицкаго, Волынской губ. Понимая, какъ трудно для одного священника религіозное просвѣщеніе прихожанъ, этотъ священникъ взялъ себѣ въ помощь сотрудниковъ, которыхъ онъ нашель въ лицѣ ученицъ мѣстной женской школы. На урокахъ Закона Божія въ школѣ онъ внушалъ дѣвочкамъ, чтобы онѣ въ свободное отъ занятій время учили своихъ сестеръ, братьевъ и подругъ читать и пѣть общеупотребительныя молитвы. Лѣтомъ, во время совершенія крестныхъ ходовъ съ иконами по деревнямъ, о. Феодосій имѣеть обыкновеніе провѣрять дѣятельность своихъ юныхъ сотрудницъ. По совершеніи молебствія онъ обыкновенно раздѣляетъ весь собравшійся народъ

на группы. Первая группа—ученицы женской школы, вторая—учащиеся въ министерскомъ училищѣ, третья—мальчики и дѣвочки, уже окончившіе курсъ училища и школы, четвертая—неграмотные мальчики и дѣвочки и пятая—взрослые. Раздѣливъ такимъ образомъ весь народъ на группы, онъ сначала спрашиваетъ по Закону Божію и читаетъ по св. Евангелію и Псалтири мальчиковъ и дѣвочекъ первыхъ трехъ группъ. Это дѣлается съ тою цѣлью, чтобы дѣти не забывали того, что они приобрѣли въ школахъ, и показать, чтобы св. Евангеліе и Псалтирь всегда были настольными книгами прихожанъ. а также предотвратить случаи возвращенія къ безграмотности. Спросивъ первыя три группы, онъ переходитъ къ четвертой. Благодаря стараніямъ ученицъ женской школы, рѣдкій мальчикъ или дѣвочка не знаетъ одной или нѣсколькихъ молитвъ, при чемъ послѣднія читаются по большей части правильно и безъ искаженія словъ. Въ заключеніе же священникъ ведетъ отеческую бесѣду со всѣмъ народомъ. Во время совершенія крестныхъ ходовъ по деревнямъ происходитъ непрерывное общее пѣніе молитвъ и тропарей всѣмъ народомъ.

Цельзя не порадоваться за такую, въ сущности, легко и просто разрѣшаемую задачу наученія молитвамъ, церковному пѣнію. Дай Богъ, чтобы примѣру этого добраго и усерднаго пастыря послѣдовали и другіе (Совр. Лѣт. № 36).

При семь № разсылается объявленіе отъ ред. „Русскій Паломникъ“ о подпискѣ на 1908 годъ.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 2-го декабря 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу*.
Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

ПРОВОДСТВО

ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣстѣ
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 50.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года декабря 16-го дня.

Содержаніе: I. Значеніе римскихъ катакомбъ въ полемикѣ съ сектантами.—
II. О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара (продолженіе).—
III. Алкоголь и его вредное вліяніе на организмъ челоуѣка (окон-
чаніе)—IV. Наша церковная жизнь.—V. Заимѣтка. Проповѣдничес-
кій кружокъ въ память св. Іоанна Златоуста.

Значеніе римскихъ катакомбъ въ полемикѣ съ сектантами.

Для православныхъ людей, преданныхъ и послушныхъ Церкви, римскія катакомбы всегда будутъ дорогой страни-
цей изъ прошлой исторіи нашей вѣры, полной глубокаго смы-
сла и захватывающаго интереса. Для чуждаго сомнѣній сер-
дца здѣсь цѣлая школа высокихъ примѣровъ стоянія за вѣру,
любви къ Богу до готовности за имя Его перенести какія
угодно страданія, пожертвовавъ самую жизнь. Значеніе ка-
такомбъ, какъ древнѣйшаго вещественнаго памятника христіан-
ской жизни, можно сказать, не исчерпаемо. Исторія Цер-
кви, литургики, исторія христіанскаго искусства и даже гра-

жданская исторія могутъ черпать для себя въ катакомбныхъ памятникахъ весьма обильный и въ высокой степени цѣнный матеріалъ. Въ вещественныхъ религіозныхъ памятникахъ, каковыми являются и катакомбы, всегда находятъ себѣ болѣе или менѣе ясное выраженіе и религіозныя вѣрованія ихъ творцовъ; отсюда вытекаетъ несомнѣнно высокое значеніе римскихъ катакомбъ и для исторіи христіанскаго вѣроученія. для исторіи догмата.

„Когда образное или эпитафическое представленіе какой-либо истины христіанской повторяется въ катакомбахъ постоянно, особенно часто и настойчиво, то не значитъ ли это, что она внушаема была пастырями Церкви съ особенной настойчивостію и заботливостію, что она считалась особенно важною и особенно хорошо усвоена христіанами уже съ древняго времени; словомъ, не значитъ ли это, что мы слышимъ здѣсь голосъ истиннаго преданія, для всѣхъ обязательнаго? Вотъ пунктъ, съ котораго катакомбы представляются особенно важными и интересными для богословской науки всѣхъ исповѣданій“¹⁾. Въ этомъ отношеніи значеніе катакомбъ широко использовано католической богословской наукой: перу католическихъ богослововъ не мало принадлежитъ научныхъ сочиненій, въ которыхъ они стараются не только освѣтить, но и обосновать свое догматическое ученіе на свидѣтельствѣ катакомбъ. Къ такимъ сочиненіямъ принадлежатъ, напр., слѣдующія сочиненія: „Римскія катакомбы и ихъ значеніе для католическаго ученія о Церкви“—М. Вольтера; „Римскія катакомбы и таинства католической церкви“; „Догматъ въ римскихъ катакомбахъ“ и др.

Подобныя изслѣдованія не лишены своего значенія и для православнаго богословія, поскольку они, свидѣтельствами катакомбъ, подтверждаютъ догматическія истины, общія католической и православной догматикѣ. Свидѣтельства катакомбъ весьма цѣнное значеніе могутъ имѣть и въ полемикѣ право-

¹⁾ Древне-христ. усщальницы. Н. Брасносельцева 1883 г., 26 стр.

славныхъ съ сектантами, особенно со штундистами, по слѣдующей причинѣ. Сектанты обвиняютъ Православную Церковь въ томъ, что она будто бы искажила чистое ученіе Христово позднѣйшими измышленіями, потому что многія-де истины православнаго вѣроученія не имѣютъ для себя никакого основанія не только въ Словѣ Божіемъ, но и въ прошлой исторіи самой Церкви. Въ своей жизни, въ организаціи своихъ общинъ, сектанты обычно стараются подражать жизни христіанъ первенствующей Церкви. Показать сектантамъ кровное единство и родство современной Православной Церкви съ Церковью первыхъ христіанъ, мучениковъ, установить тождество нашего упованія съ исповѣданіемъ мучениковъ, особенно въ тѣхъ пунктахъ, на которые съ ожесточеніемъ и упорствомъ направляется полемика сектантовъ.— вотъ та задача, къ какой долженъ стремиться пастырь-миссіонеръ, касаясь въ своихъ бесѣдахъ съ сектантами древнѣйшаго христіанскаго памятника, именуемаго катакомбами.

На основаніи сохранившихся въ катакомбахъ надписей, рисунковъ и предметовъ возможно построить довольно полную систему православнаго вѣроученія; здѣсь же нашли себѣ ясное и определенное выраженіе и многія изъ тѣхъ истинъ православнаго вѣроученія, которыхъ не признаютъ вовсе сектанты.

Для усвоенія людямъ Своихъ искушительныхъ заслугъ, для освященія ихъ и спасенія Христосъ положилъ на землѣ основаніе Церкви, словесному стаду Своихъ овецъ. Мысль о Церкви, какъ богоучрежденномъ союзѣ, выражена въ катакомбахъ въ различныхъ символическихъ образахъ, въ видѣ горы, на верху которой стоитъ Агнецъ, Спаситель міра,— особенно часто въ видѣ стада. Въ послѣднемъ случаѣ добрый Пастырь рисуется посреди мирно пасущагося стада; въ сторонѣ отъ этой группы рисуется козель, символизирующій собою грѣшника. Мысль о спасительномъ значеніи Церкви для христіанина древніе вѣрующіе выражали въ образѣ ко-

рабля; какъ на морѣ человѣкъ, снесенный съ судна, неминуемо гибнетъ, такъ гибнетъ духовно человѣкъ, удалившійся отъ единства Церкви. На одномъ катакомбномъ рисункѣ конца II-го вѣка вѣрующій изображенъ въ лодкѣ плывущимъ по бурному морю; мачта лодки имѣетъ на себѣ изображение креста; надъ кораблемъ нарисована ведущая его рука; въ сторонѣ отъ корабля нарисованъ грѣшникъ, утопающій въ волнахъ. Иногда въ катакомбной живописи гребцами изображаются 12 апостоловъ, кормчимъ—самъ Господь, такъ какъ надъ главою Его написано имя Исусъ. Иногда корабль въ катакомбахъ изображается на спинѣ рыбы, а такъ какъ рыба (ἰχθύς) въ символической живописи означала Христа, то въ такомъ рисункѣ выражена мысль о томъ, что Христосъ поддерживаетъ свою Церковь.

Основанной на землѣ Церкви Господь даровалъ спасительныя освящающія средства, т. е. таинства, а особыхъ избранныхъ лицъ, апостоловъ и ихъ преемниковъ, поставилъ какъ строителей таинъ Божіихъ. Въ катакомбныхъ надписяхъ мы встрѣчаемъ указанія на всѣ три степени священства: діакона, пресвитера и епископа. Вотъ нѣсколько такихъ надписей: въ одной надписи говорится, что погребенный здѣсь пресвитеръ Діонисій былъ въ то же самое время и медикъ; въ другой: „Алексѣй и Капріола сдѣлали себѣ гробницу съ разрѣшенія священниковъ Архелая и Дульциніуса“. Сохранилось въ катакомбахъ даже особое мѣсто, на которомъ возсѣдалъ при богослуженіи епископъ.

Что первые христіане смотрѣли на крещеніе именно какъ на таинство, а не какъ на простой обрядъ или знакъ, какъ думаютъ объ этомъ сектанты, объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ катакомбныя надписи: въ нихъ строго отличаются вѣрные (fidelis), или крещеные, отъ новообращенныхъ, или неофитовъ; объ умершихъ надгробныя надписи, весьма не рѣдкія, гласятъ: „умершій въ такой-то день получилъ *благодать* Господа нашего“, т. е. былъ крещенъ. Сектанты, признавая крещеніе только за внѣшній знакъ, совершенно

не признають его для дѣтей, полагая, что крещеніе въ по-
дражаніе Христу можетъ быть совершаемо только надъ взрос-
лыми; первые христіане крестили дѣтей, о чемъ свидѣ-
тельствуютъ такіа надписи: „Здѣсь покоится въ мирѣ Фи-
липпъ, ребенокъ вѣрующій:—„Здѣсь покоятся два брата не-
винныхъ Константинъ неофитъ (некрещеный), который жилъ
8 лѣтъ, и вѣрный (крещеный) Іустъ, который прожилъ 7
лѣтъ“.

Весьма многочисленны и довольно ясны свидѣтельства
римскихъ катакомбъ о таинствѣ причащенія, не смотря на
то, что первые христіане особенно старательно скрывали эту
величайшую святыню отъ языческаго глаза въ различныхъ
символахъ; такими символами служатъ ветхозавѣтныя и ново-
завѣтныя предметы и событія: манна, кормившая евреевъ въ
пустынѣ; претвореніе воды въ вино; насыщеніе Христомъ
пяти тысячъ человекъ, но особенно любимымъ образомъ
этого таинства служить „рыба“, „божественная рыба“, ко-
торую надо вкушать съ чистымъ сердцемъ. На гробницѣ
Аверкіа, епископа іерапольскаго, жившаго во 2-мъ вѣкѣ,
сохранилась замѣчательная надпись, не оставляющая ника-
кого сомнѣнія въ томъ, что древніе христіане вѣровали въ
пресуществленіе Св. Даровъ такъ же, какъ вѣруетъ и те-
перь Православная Церковь. „Вѣра,—гласитъ надпись,—
руководила мною и предлагала въ пищу „Рыбу“, отъ источ-
ника жизни, ту большую чистую рыбу, которую держала въ
своихъ нѣдрахъ непорочная дѣва и которую она дала дру-
зьямъ для яденія во все времяа“. Ясно, что подъ рыбой ра-
зумѣется Господь нашъ Іисусъ Христосъ, давшій Самого
Себя, Свое Тѣло и Кровь, въ пищу друзьямъ Своимъ, т. е.
вѣрующимъ, и притомъ не однажды, но въ постоянную пи-
щу, на все времена, доколѣ будетъ существовать Его Цер-
ковь. Сохранились въ катакомбахъ и нѣкоторыя указанія на
таинство брака. У древнихъ христіанъ при бракѣ были въ
употребленіи особыя чаши, которыя изготовлялись изъ стек-
ла. Донышко такого сосуда нерѣдко было двойное; между

двумя слоями стекла накладывался рисунокъ, вырѣзанный изъ тонкаго слоя золота или другого металла. Въ настоящее время такихъ сосудовъ въ цѣломъ видѣ сохранилось весьма мало; но за то сохранилось не мало отбитыхъ двойныхъ донышекъ съ рисунками; на нихъ нерѣдко изображены супруги; между головами ихъ помѣщена монограмма или инициалы имени Господа Иисуса Христа; иногда вмѣсто монограммы изображены вѣнцы; иногда супруги изображены соединяющими руки надъ алтаремъ, а надпись: „vivatis in Deo“—„живите въ Богѣ“—указываетъ на союзъ, заключенный во имя Божіе.

2) Понятіе о Церкви обнимаетъ собою не только живыхъ ея членовъ, но и умершихъ, ибо глава ея—Христосъ возглавляетъ всяческая, яже на небесѣхъ и яже на земли (Еф. 1, 10). Между Церковію земною и небесною, по православному ученію, есть тѣсное взаимообщеніе, выражающееся въ слѣдующемъ: Церковь живыхъ, или земная, почитаетъ отшедшихъ отъ нея совершенныхъ членовъ своихъ, подвизавшихся добрымъ подвигомъ, обращается къ нимъ съ молитвою, прося у нихъ заступничества и ходатайства предъ Богомъ.

Земная Церковь, далѣе, молится за тѣхъ сочленовъ своихъ, кто хотя и скончался въ вѣрѣ и общеніи съ нею, но не удостоенъ званія и жребія святыхъ, за несовершенныхъ членовъ своихъ. Церковь небесная, или святыхъ, представляетъ за насъ предъ Богомъ, ходатайствуетъ о нашихъ грѣхахъ. Рационалистическія секты порываютъ всякую связь Церкви земной и небесной. Должно толкуя Священное Писаніе, сектанты утверждаютъ, что для молитвы ко святымъ, а равно и для молитвы за умершихъ, нѣтъ никакихъ основаній въ Словѣ Божіемъ и смотрятъ на такую молитву, какъ на полнѣйшее измышленіе Православной Церкви. Совсѣмъ не то, что сектанты, говорятъ намъ римскія катакомбы съ ихъ надписями; прославленіе святыхъ и молитва за умершихъ суть древнѣйшія истины, присущія Церкви съ первыхъ временъ ея существованія,—истины, которыя признаютъ не отдѣльныя только представи-

тели, но вся древняя христіанская Церковь. Катакомбы— это одно непрекращающееся славословіе святымъ мученикамъ, кровію запечатлѣвшимъ свою вѣру во Христа. Мученическія могилы въ катакомбахъ украшаются тщательнѣе и усерднѣе, чѣмъ могилы рядовыхъ христіанъ; эти могилы часто служатъ центромъ, вокругъ котораго располагаются могилы другихъ умершихъ, такъ какъ быть погребеннымъ возлѣ мучениковъ было завѣтнымъ желаніемъ многихъ христіанъ. Объ этомъ христіане и сами хлопочуть и просятъ близкихъ своихъ, желая, чтобы сіяніе славы мучениковъ и заступничество ихъ предъ Богомъ коснулось и погребенныхъ возлѣ нихъ. Нерѣдко съ опасностію для собственной жизни, христіане собираютъ останки мучениковъ, ихъ тѣла, одежды, чтобы съ благоговѣніемъ похоронить ихъ въ катакомбахъ. На могилахъ мучениковъ христіане совершали евхаристію, при чемъ надгробная плита особо чтимыхъ мучениковъ переносилась иногда съ мѣста на мѣсто, о чемъ свидѣлствуютъ вѣланныя въ нихъ кольца. Могилы мучениковъ украшались цвѣтами, предъ ними зажигалось масло, смѣшанное съ душистыми веществами; это масло христіане брали къ себѣ на домъ, вѣря въ его благодатную силу. Въ день кончины мучениковъ въ катакомбахъ каждый годъ совершалась литургія, и этотъ день назывался „днемъ рожденія“ въ жизнь вѣчную. Въ рисункахъ и надписяхъ, сохранившихся въ катакомбахъ, есть несомнѣнныя указанія на то, что христіане почитали мучениковъ именно какъ святыхъ, вѣровали ихъ блаженству въ обителяхъ Отца Небеснаго. Такъ, Христось изображается въ нѣкоторыхъ рисункахъ возлагающимъ вѣнцы на мучениковъ, на свв. ап. Петра и Павла; есть рисунокъ, гдѣ двѣнадцать апостоловъ изображены сидящими на 12 тронахъ. Св. Агнія и св. Лаврентій нерѣдко изображаются вмѣстѣ со Христомъ, какъ особые друзья и избранники Божіи. Въ многочисленныхъ надгробныхъ надписяхъ живые просятъ у умершихъ святыхъ заступничества и ходатайства предъ Богомъ. Вотъ нѣкоторыя изъ простыхъ, но трогательныхъ ка-

такомбныхъ надписей. „Ты живешь въ славѣ Божіей и въ мирѣ Господа нашего Іисуса Христа“.—Мы знаемъ, что ты во Христѣ.—„Въ твоихъ молитвахъ моли за насъ, потому что мы знаемъ, что ты во Христѣ“—„Ты вѣчно будешь о Господѣ, молись о братьяхъ твоихъ“—„Моли за насъ, дабы мы были спасены“—„Аттикъ, душа твоя въ блаженствѣ, молись за родныхъ твоихъ“—„Прошу тебя, потому что знаю, что ты въ блаженствѣ“. Съ другой стороны, первые христіане признавали и молитву за умершихъ, менѣе совершенныхъ членовъ, отошедшихъ ко Господу. Въ однѣхъ надписяхъ погребавшіе выражаютъ свою собственную молитву за умершихъ; въ другихъ просятъ проходящихъ мимо могилы помолиться за умершихъ;—въ третьихъ просьба о молитвѣ высказана отъ лица умершихъ.—„Господи, прошу тебя, да увидитъ онъ свѣтъ рая“—„Господи, да никогда душа Венеры не будетъ омрачена“—„Тотъ, кто изъ братьевъ прочтетъ это, да проситъ отъ Бога, чтобы чистая и невинная душа его была принята Господомъ“.

Свидѣтельствуя о взаимоотноеніи живыхъ и мертвыхъ, приведенныя надписи ясно и опредѣленно говорятъ и противъ фарисейскаго самомнѣнія и гордости, увѣренности сектантовъ въ томъ, что они уже спасены; что они святые...

Догматъ, на который съ особеннымъ ожесточеніемъ и ненавистью нападаютъ сектанты, обвиняя православныхъ въ идолопоклонствѣ,—разумѣемъ почитаніе креста и иконъ—также нашелъ свое выраженіе въ катакомбахъ. Первые времена христіанства, время почти непрекращающихся гоненій,—мало представляли удобствъ для развитія христіанскаго искусства, такъ какъ послѣднее требуетъ для себя покоя и удобствъ, развитой техники, матеріальныхъ средствъ. Въ употребленіи священныхъ изображеній первые христіане должны были соблюдать крайнюю осторожность, такъ какъ новопросвѣщенные изъ язычниковъ языческое поклоненіе могли переносить и на христіанскія священныя изображенія, а іудеи могли прямо обвинять христіанъ въ идолопоклонствѣ.

Не смотря на всё такія неблагопріятныя условія, христіане нашли удобнымъ и возможнымъ, начиная уже съ 1-го вѣка, могилы и мѣста своихъ молитвенныхъ собраній украшать священными изображеніями то символическими ¹⁾, то открытыми. Здѣсь мы не мало находимъ священныхъ изображеній Господа Иисуса Христа, Богоматери, святыхъ Божіихъ, креста Христова. Типъ Христа, распространенный въ иконописи Православной Церкви, именуемый восточнымъ, начало свое имѣетъ въ катакомбной живописи. Рисунокъ такого типа, 2-го вѣка, открытъ впервые ученымъ Бозио въ сводѣ катакомбы Каллиста; подобное же изображеніе на медальонѣ изъ слоновой кости найдено было въ катакомбѣ Домитиллы и описано ученымъ Болдети. Многочисленныя катакомбныя священныя изображенія, открываемыя въ катакомбахъ, въ мѣстахъ молитвы, не говорятъ ли за то, что христіане придавали имъ особенно высокое значеніе, и что у нихъ былъ выработанъ свой христіанскій взглядъ на священныя изображенія?

Не только догматическія истины, но и обрядовая сторона православнаго богослуженія находятъ не мало свидѣ-

¹⁾ Что въ живописи первыхъ христіанъ преобладаетъ символизмъ, это объясняется отчасти крайней осторожностію христіанъ, дабы не подвергать своихъ святишь поруганію и оскорбленію со стороны язычниковъ. Въ прошломъ столѣтіи въ Римѣ, среди развалинъ дворца Цезарей, открыто было нѣсколько комнатъ, стѣны которыхъ покрыты надписями и фигурами, начерченными острымъ орудіемъ на штукатуркѣ. По мнѣнію ученыхъ въ этихъ комнатахъ находилась или же папеская школа, или дворцовая стража. На одномъ рисункѣ, сдѣланномъ неопытною рукою, изображенъ крестъ и ва немъ распятый человѣкъ съ ослиной головою; по правую сторону изображенъ человѣкъ съ поднятой лѣвой рукою. Надпись внизу на греческомъ языкѣ означаетъ:

„Алексамень молится своему Богу“. Несомнѣнно, что здѣсь язычникъ смѣялся надъ вѣрой своего товарища-христіанина. Рисунокъ этотъ, относящійся къ первой четверти 2-го столѣтія (123—126 г.), что видно изъ штемпелей кирпича, показываетъ, что уже въ это время язычники знали, что христіане почитали крестъ и Распятаго на немъ, и что христіане имѣли основанія скрывать свои вѣрованія въ образахъ символическихъ.

тельствъ въ свою пользу въ катакомбахъ. Подобно тому, какъ мы носимъ теперь на груди крестъ, древніе христіане носили подъ одеждою изображеніе рыбки, вслѣдствіе символическаго ея значенія; объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные экземпляры рыбокъ, вырѣзанныхъ изъ металловъ, съ *ушкомъ*, найденныя въ катакомбахъ; иногда на такихъ рыбкахъ есть надписи, напримѣръ: $\omega\tilde{\omega}\xi\epsilon$ —спаси. Не смотря на всю простоту жизни первыхъ христіанъ, для священныхъ предметовъ они избираютъ лучшіе цѣнные матеріалы: драгоценные металлы, мраморъ и др. Здѣсь въ катакомбахъ—и первыя основанія христіанскаго храма: богослуженіе въ нихъ совершается не вездѣ, но въ особо избранныхъ криптахъ и капеллахъ, которыя и обставляются соотвѣтственно ихъ религіозному и богослужебному значенію; катакомбы сохранили даже такія частности, какъ кресло, на которомъ возсѣдалъ епископъ при богослуженіи; свѣтильники, употреблявшіеся при богослуженіи не только для освѣщенія помѣщенія, но имѣвшіе и религіозное значеніе, о чемъ свидѣтельствуютъ сдѣланныя на нихъ священныя изображенія.

Бесѣда пастыря съ пасомыми о катакомбахъ, особенно иллюстрированная соотвѣствующими рисунками, можетъ быть весьма интересной и полезной. Въ частности, отколовшимся отъ единства Церкви, заблудшимъ сектантамъ, такія бесѣды покажутъ кровное единство и родство современной Православной Церкви съ Церковію первыхъ христіанъ, жизнь которыхъ они тщетно стремятся воспроизвести внѣ общенія съ Православною Церковію.

Священникъ *В. Пестряковъ*.

О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара.

(Продолженіе ¹⁾).

Глава VII.

Проповѣдникъ на кафедрѣ.

Когда знаменитый французскій пастырь Сорэнъ проповѣдывалъ въ Гайѣ, то всѣ мѣста въ его церкви занимались первыми гражданами города за 15 дней впередъ, а простые люди примащивались на лѣстницахъ, чтобы видѣть его черезъ окна; но извѣстный гуманистъ Леклеръ довольно долго отказывался идти слушать его, заявляя, что ораторское искусство ниже достоинства христіанской кафедры, и что онъ подозрѣваетъ, что въ данномъ случаѣ эффектъ былъ производимъ скорѣе пустымъ краснорѣчіемъ, чѣмъ силою аргументаціи. Тѣмъ не менѣе однажды онъ согласился пойти послушать Сорэна при условіи, чтобы онъ могъ сидѣть позади кафедры и при этомъ такимъ образомъ, чтобы не видѣть движеній проповѣдника. До окончанія слова онъ былъ уже предъ проповѣдникомъ и слушалъ его съ выраженіемъ восхищенія, не замѣчая слезъ, катившихся по его взволнованному лицу. Этотъ случай, въ числѣ многихъ другихъ, служитъ только историческимъ примѣромъ того, какъ обаятельно и покоряюще дѣйствуетъ проповѣдь, представленная въ краснорѣчивомъ дѣйствіи.

Проповѣдь подобно сказачной палаткѣ, данной волшебницей принцу Ахмету: сложенная, она служила онахаломъ въ рукахъ дамы, расцущенная же, она могла бы вмѣстить въ себѣ армію могущественныхъ султановъ. Проповѣдь, только составленная, сама по себѣ, подобна сложенной палаткѣ; соотвѣтствующее же произношеніе придаетъ жизнь и широту

¹⁾ См. № 49-й за 1907 г.

всѣмъ мыслямъ, порывъ и плодотворность всему умственному и литературному труду.

Какъ много случаевъ жизненной важности для проповѣдника и для слушателей мы могли бы создать въ теченіе того получаса, когда трудъ многихъ дней (мы могли бы сказать: трудъ многихъ лѣтъ) долженъ быть сконцентрированъ, подобно свѣтовымъ лучамъ, на этомъ фокусѣ—на аудиторіи!

Мѣсто проповѣдыванія—„долина рѣшенія“; время—моментъ крайняго усилія, отъ котораго можетъ зависѣть исторія и судьба многихъ душъ! Здѣсь дѣло идетъ не о бѣгломъ обзорѣнн ряду идей, обработанныхъ и произведенныхъ въ рабочемъ кабинетѣ; дѣло касается истиннаго сраженія, даваемого проповѣдникомъ, чтобы побѣдить слушателей и пріобрѣсть ихъ для защищаемой имъ истины и для духовной жизни. Приносимое имъ благовѣстіе полно превосходства спасающей истины и заключаетъ въ себѣ величайшее усиліе Божества въ пользу человѣка; все небо принимаетъ участіе въ его пораженіи или побѣдѣ. Проповѣдникъ, восшедшій на кафедру, занимаетъ высшій стратегическій пунктъ въ нравственномъ мірѣ. Этотъ фактъ долженъ доводить нашу энергію до ея крайняго напряженія. Неудивительно поэтому, что Лютеръ, обладавшій львинымъ сердцемъ, дрожалъ, когда восходилъ на кафедру. Демосѣенъ сказалъ, что „дѣйствіе“ представляетъ 1-е, 2-е и 3-е качество оратора; этотъ его взглядъ казался крайнимъ, и Беконъ былъ удивленъ имъ. „Странно, говорить онъ, что эта поверхностная сторона ораторства или скорѣе—актерское дарованіе поставлено выше благородныхъ даровъ изобрѣтенія, краспорѣчія и др... Даже болѣе: оно только одно упомянуто, какъ будто оно достаточно для всего!“ Но Беконъ, очевидно, бралъ слово „дѣйствіе“ въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, чѣмъ греческій ораторъ. По мысли Демосѣена, это слово обнимало сущность мысли такъ же, какъ и образъ выраженія. То же недоумѣніе приводитъ другихъ къ предположенію, что здѣсь правильнѣе было бы употребить слово „энергія“. По Демосѣена подтверждаютъ Цицеронъ и Квин-

тиліанъ, которые также отдавали дѣйствованію первое мѣсто въ искусствѣ краснорѣчія, и всѣ три они правы, если мы будемъ понимать это слово въ смыслѣ *общаго движенія* всѣхъ психическихъ и физическихъ силъ къ намѣченной ораторомъ цѣли. Разумное, гармоническое и выдержанное дѣйствованіе не есть только дѣло первой необходимости для проповѣди, если она должна произвести что-либо болѣе значительное, чѣмъ мертворожденное одобреніе; оно равнымъ образомъ сообразно съ законами природы и вовсе не искусственно. Поэтому оно поддается изученію, какъ предметъ науки, разработкѣ, какъ высшее искусство, усовершенствованное во всѣхъ своихъ частяхъ и примѣняемое съ такою же вѣрностью, какъ электричество, тяготѣніе или теплота. Законы, управляющіе имъ, не менѣе точны, какъ и законы, управляющіе другими естественными силами.

Оставляя профессорамъ краснорѣчія и дикціи много побочныхъ вопросовъ относительно даннаго предмета, я ограничусь только основными началами.

Всякое истинное дѣйствіе (*action*) въ проповѣди прежде всего должно происходить изъ души; другими словами—оно имѣетъ психическую основу и источникъ. Если душа здорова, сильна и полна предметомъ рѣчи, то мысль произойдетъ изъ нея самой, будетъ ясна и передана внѣшними чертами и психическими органами. Согласно тонкому психологическому закону, вся нервная и мускульная система отвѣчаетъ на симпатическіе импульсы чувствъ и воли; чувство и вниманіе таинственно и непроизвольно стремятся по ходамъ глазъ, ушей, щекъ, рукъ и ногъ, чтобы найти въ нихъ *выраженіе*. Сердце проповѣдника, исполненное убѣжденія и глубокаго сильнаго чувства, выступаетъ изъ своихъ береговъ и изливается въ выраженіяхъ лица и глазъ, въ содроганіи устъ, въ измѣненіяхъ голоса и въ движеніяхъ рукъ, такъ что все психическое строеніе дѣлается сложнымъ и нѣжнымъ органомъ выраженія сердца, мысли и воли.

Отличіе дѣйствія на каѳедрѣ отъ сценическаго заключается въ томъ, что первое большею частью произвольно и естественно, а второе является преимущественно результатомъ изученія, искусства и подражанія. Предубѣжденіе, сказывающееся въ недовольствѣ такъ называемой театральной проповѣдью, происходитъ изъ того, что при проповѣдываніи пытаются иногда копировать актерскіе приемы вмѣсто того, чтобы пріобрѣтать полноту жизни и собственную естественную манеру говорить. Искусствомъ никогда не слѣдуетъ пренебрегать: оно чрезвычайно полезно для исправленія недостатковъ и совершенствованія пріятности и силы; но если вѣрно, что искусство можетъ только вести и исправлять естественныя силы, парализованныя или извращенныя дѣйствіемъ дурныхъ примѣровъ, то оно всегда должно оставаться на заднемъ планѣ. Должно же придавать дѣйствію его высшій смыслъ, его красоту и его заразительную теплоту именно сердце, исполненное симпатіи и любящей ревности.

Проповѣдникъ не только долженъ *обмакивать свое перо въ свое сердце*, когда пишетъ свое слово; но онъ долженъ заставлять его биться и въ словѣ сказываемомъ. Если приложить къ своему уху раковину, то можно подуматъ, что слышишь отзвуки того шумящаго моря, волна котораго выбросила ее. Но наука намъ говорить, что слышимое нами есть только шумъ кровяной волны нашего собственного сердца, стремящейся по артеріямъ и передающей свои таинственные шумы изъ нашей руки въ спираль раковины. Та же самая раковина въ рукѣ мертвеца будетъ нѣма. Подобно этой раковинѣ, Слово Божіе, идущее изъ вѣчности, находится въ рукѣ проповѣдника. Нужно, чтобы живое сердце передавало черезъ него свой страстный трепеть, приливъ глубокаго чувства и волны своего рвенія, иначе его циркуляціи не издадутъ звука, который можетъ быть воспринятъ ухомъ.

Когда проповѣдникъ не удовлетворяется тѣмъ, что переписалъ начисто свою бесѣду, ни даже тѣмъ, что выучилъ

ее на память, какъ монологъ; но когда прежде всего онъ носитъ ее въ своей душѣ, когда его душа полна ею и желаетъ какъ бы освободиться отъ нея выраженіемъ ея во внѣ, тогда онъ можетъ быть увѣренъ, что произнесетъ ее съ дѣйствіемъ, которое будетъ обладать всѣми существенными качествами для успѣха: естественностью и истинностью. Безъ этого условія всѣ правила краснорѣчія, все искусство жестикуляціи и произношенія будутъ бесполезны. Даже въ драматическомъ искусствѣ основнымъ принципомъ служить то, что актеръ долженъ объединять свою личность съ изображаемымъ персонажемъ и переживать то положеніе, которое онъ играетъ, съ достаточнымъ напряженіемъ для того, чтобы уловить таинственное, но существенное вдохновеніе истины. Торжество его искусства состоитъ въ такой игрѣ, при которой бы зритель забылъ о томъ, что все это только зрѣлище, и чувства были бы возбуждены такъ же, какъ и дѣйствительной трагедіей. И торжество проповѣдника бываетъ полнымъ тогда, когда сознаваемые имъ реальности, безконечно важныя и достохвальныя, убѣжденно выражаются всѣми психическими органами такъ же, какъ и всѣми его умственными и нравственными способностями. Онъ можетъ вполне овладѣть своимъ предметомъ и однако же проповѣдывать подобно говорящей статуѣ, каковъ, напр., деканъ Станлей и многіе другіе проповѣдники. Но если сюжетъ овладѣваетъ человѣкомъ, то этотъ послѣдній не можетъ ощущать недостатка въ болѣе могущественномъ оружіи, потому что, будучи наэлектризованъ, онъ будетъ одаренъ краснорѣчивымъ и упорядоченнымъ движеніемъ, такъ что онъ самъ въ цѣломъ будетъ проповѣдью, которую видятъ и слышатъ, и которая живетъ.

Обиліе (*debordement*) нервной жизни, освѣщаемой мыслью, обнаруживаетъ свое присутствіе и качество прежде всего въ впечатлительныхъ нервахъ и мышцахъ лица, потому что онѣ находятся въ зависимости отъ сосудо-двигательной (вазо-моторной) системы, дѣйствіе которой автоматично

и почти бессознательно. Воля почти неспособна скрыть чувствованія, подымающіяся въ душѣ; они тотчасъ выдадутъ себя на лицѣ. „Ничто не говоритъ такъ; какъ лицо“, сказалъ Фенелогъ. Вообще что такое „фізіономія“, какъ не обнаруженіе въ чертахъ лица души и внутренняго навыка мысли и чувства? Слова могутъ открыть мысль только постепенно; напротивъ, фізіономія выражаетъ оратора прежде, чѣмъ онъ сказалъ слово. Ясность и интенсивность этого способа выраженія зависятъ обыкновенно отъ живости внутренняго чувства или мысли. Однако это не есть способъ безусловно произвольный; отчасти его можно подчинить дѣйствию воли и культивировать также посредствомъ изученія и практики.

Между безсловесными факторами ораторскаго дѣйствованія чудеснымъ орудіемъ психическаго выраженія является *глазь*, и проповѣдники недостаточно высоко цѣнятъ его. Онъ можетъ сверкать, какъ молнія, свѣтиться любовью, призывать сочувствіемъ, окидывать презрительнымъ взглядомъ, горѣть негодованіемъ, усмирять посредствомъ твердаго и пронизательнаго взора, который какъ будто читаетъ въ сердцѣ. Мирабо своимъ львинымъ взглядомъ укрощалъ ярость Національнаго Собранія; а глазь Наполеона или Вебстера былъ порталомъ, изъ котораго стремилась побѣда.

Проповѣдникъ, не умѣющій охватывать взоромъ своихъ слушателей въ ихъ совокупности индивидуально и коллективно; не пріобрѣвшій того „зрительнаго объятія“, которое останавливаетъ вниманіе и въ то же время позволяетъ охватить все поле сраженія,—такой проповѣдникъ теряетъ элементъ *неоцѣнимой силы*. Ничто не можетъ замѣнить это тонкое электрическое вліяніе. Когда спокойный, серьезный, полный сердечности и авторитета проповѣдникъ молча въ продолженіе одного мгновенія испытываетъ свою аудиторію, онъ можетъ, прежде чѣмъ произнести одно слово, навести на своихъ слушателей спокойный, открывающій лучъ, пробуждающій всѣхъ, направляющій на него и останавливающій

на немъ глаза всѣхъ и дающій всѣмъ чувствовать свѣтлое трепетаніе своего долгаго взгляда, останавливающагося на каждомъ изъ нихъ и обнимающаго всѣхъ. Ставши такимъ образомъ въ отношеніе съ каждымъ, онъ изливаетъ изъ того же самаго источника впечатлѣній сверкающіе лучи, которые объясняютъ, требуютъ, покоряютъ, убѣждаютъ, увѣщаютъ, и въ этихъ откровенныхъ, любезныхъ и увѣренныхъ глазахъ можно до безконечности читать энтузіазмъ, пѣжность, утѣшеніе, довѣріе и надежду. Какъ полезно обозрѣвать всѣхъ проницательнымъ взоромъ, изъ котораго свѣтитса душа, когда излагаешь вопросъ или утверждаешь истину! Сколько теряютъ тогда, когда взоръ прикованъ къ рукописи и бессильный прогуливается по потолку и по ту сторону оконъ!

Другой изъ этихъ безмолвныхъ агентовъ—*уста*. Если глазъ быть можетъ наиболѣе выразителенъ на лицѣ, то ротъ наиболѣе симпатиченъ. Въ немъ, какъ въ гнѣздѣ, скрывается вся семья чувствованій—пѣжность любви, дрожь страданія, складка презрѣнія, твердость рѣшенія, улыбка удовольствія. „Уста, говоритъ Леветеръ, служатъ истолкователемъ и органомъ ума и сердца. Въ покоѣ такъ же, какъ и въ безконечномъ разнообразіи своихъ движеній, они объединяютъ міръ характеровъ. Они краснорѣчивы даже въ своемъ молчаніи; они говорятъ и хотятъ еще говорить даже тогда, когда не могутъ уже открыться“. Хорошо сформированный ротъ, изрядной величины, подвижный, скоро и хорошо отвѣчающій на внутреннія движенія мысли, представляетъ какъ бы арку, сила которой остается неприкосновенной. Гердеръ поражается превосходной красотой и нравственной важностью рта. „Изъ усть, говоритъ онъ, исходитъ голосъ; онъ изъясняетъ сердце и душу, выражаетъ чувство, дружбу и здоровое воодушевленіе. Верхняя губа передаетъ наклонности, желанія, безпокойства любви; гордость и гнѣвъ сокращаютъ ее, хитрость утончаетъ, доброта сердца отсвѣчивается въ ней, и страсти воплощаются въ ней съ невыразимымъ очарованіемъ“.

По Дельзару, ротъ имѣеть болѣе 2000 оттѣнковъ выраженія. Хорошо понимаемая, подвижность рта, подобно разнообразію взора, различается сообразно съ темпераментомъ, опредѣленностью нервнаго дѣйствія и тонкостью чувствительности; но привычка и образованіе много могутъ измѣнять ее; его привычное выраженіе показываетъ, каково постоянное дѣйствіе внутренней жизни. Губы, подобно горамъ, о которыхъ говоритъ Вордсвортъ, кажется, находятся въ соотношеніи съ прошедшими годами; ихъ кривыя линіи и морщины какъ будто служатъ начертаніями тысячи прошлыхъ импульсовъ.

В. П.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Алкоголь и его вредное вліяніе на организмъ человѣка.

(Окончаніе ¹⁾).

Теперь опишемъ вліяніе спирта на отдѣльныя области
человѣческаго организма.

1) *На кровообращеніе.* Кровь, приходя въ соприкосно-
веніе со спиртомъ, сильно измѣняется, свертывается, темнѣ-
етъ, т. е. теряетъ свой кислородъ. Французскій фізіологъ
Бушарда накормилъ пѣтуха хлѣбомъ, насыщеннымъ водкою,
отчего ярко-красный, алый гребень быстро потемнѣлъ, по-
чернѣлъ и, наконецъ, сталъ синимъ, а это доказываетъ, что
въ крови вмѣсто кислорода накопляется много ненужныхъ
газовъ, которые не могутъ быть удалены выдыханіемъ, по-
тому что болѣзненно измѣненная кровь не можетъ правильно
участвовать въ процессѣ дыханія; свертываніе крови, подъ
вліяніемъ спирта, указываетъ на то, что водка сгущаетъ
кровь, отнимаетъ воду, а, слѣдовательно, замедляетъ крово-

¹⁾ См. № 49 за 1907 г.

обращеніе и нарушаетъ правильное распредѣленіе крови въ разныхъ органахъ тѣла; всякому извѣстно, что у пьяницъ лицо становится темносинимъ (въ особенности носъ), но очень немногіе знаютъ, что органы, отдаленные отъ сердца, становятся блѣдными, какъ, напр., ноги.

Отъ злоупотребленія спиртными напитками кровеносные сосуды теряютъ упругость и становятся менѣе способными къ сокращенію, а легкіе кровеносные сосуды, напр., артеріи головного мозга, нерѣдко разрываются, чѣмъ и объясняется скоропостижная смерть во время опьяненія, нерѣдко случающаяся отъ разрыва сосудовъ и кровоизліянія въ головной мозгъ, т. е. отъ удара.

2) *Дыханіе.* Съ измѣненіемъ въ кровообращеніи рука объ руку идетъ измѣненіе въ дыханіи, которое какъ у человека, такъ и у животныхъ, подъ вліяніемъ спирта, сначала учащается, а потомъ замедляется, бываетъ крайне поверхностное, а при дальнѣйшемъ же дѣйствіи спирта можетъ и совсѣмъ прекратиться; человекъ вдыхаетъ гораздо меньшее количество кислорода, столь необходимаго для жизни, и, наоборотъ, выдыхаетъ въ меньшемъ количествѣ угольную кислоту, столь вредную для здоровья и жизни; при сильномъ опьяненіи иногда случается отекъ легкихъ и даже смерть; вслѣдствіе раздраженія дыхательныхъ органовъ накопившимся въ нихъ (въ видѣ газа) спиртомъ, у пьющихъ замѣчается постоянно хрипкость голоса, катарръ дыхательныхъ путей и усиленное накопленіе въ нихъ слизи, мѣшающей правильному введенію воздуха въ легкія; отчего поддерживается неправильность кровообращенія, появляется одышка и синева всего лица, но преимущественно носа.

3) *На теплоту тѣла.* Многіе думаютъ, что спиртъ согрѣваетъ тѣло. Это ошибочное мнѣніе происходитъ отъ короткаго ускоренія кровообращенія, почему и кажется, что водка горячитъ: напротивъ, теплота въ тѣлѣ уменьшается, и вотъ почему опьянѣвшіе скорѣе забнутъ и замерзаютъ. У здороваго человека нормальная температура подъ мышкою—

37 градусо́въ Реомюра; но стои́тъ только выпить стака́нь водки, и че́рез чась снова измѣрить температу́ру, чтобы убѣдиться, что она понизилась на 1 и даже на 1½ градуса; при очень же сильномъ оуяніи температура падае́тъ почти на 4 градуса Реомюра. Извѣстны́й изслѣдователь влія́нія спирта докторъ *Маньянз* видѣлъ у одной женщины, проведенной въ пьяномъ видѣ всю ночь подь дождемъ во рву, температу́ру въ 26 градусо́въ, а докторъ *Ренке* наблюдалъ температу́ру въ 24 градуса. При такихъ условіяхъ дѣятельность сердца ослабляется болѣе и болѣе, дыханіе разстроивается, и наконецъ наступае́тъ смерть, что мы нерѣдко и наблюдаемъ у насъ въ Россіи, во время морозо́въ, на Рождественскихъ святкахъ, на масленицѣ и проч. Этому же несчастію нерѣдко подвергаются и почные сторожа и караульщики во время морозо́въ, по ночамъ согрѣвающіеся водкою.

4) *На пицевареніе*. Прежде чѣмъ поступить въ кровь, винный спиртъ, введенный въ желудокъ, долженъ дѣйствовать на пицевареніе. По наблюденіямъ надъ человѣкомъ и животными оказалось, что даже самыя незначительныя приемы спирта увеличиваютъ отдѣленіе желудочнаго сока; подобные опыты были произведены надъ собаками, имѣвшими фистулу желудка; оказывае́тся, что при введеніи *одной только капли* 30 градуснаго спирта въ желудокъ собаки, желудочный сокъ несмедленно начинае́тъ вытекать изъ фистулозной канюли, а это доказываетъ только, какъ высока степень раздраженія, производимая спиртомъ на желудокъ; одна рюмка не спирта, а только хорошей водки, у нѣкоторыхъ людей вызываетъ сильное жженіе и боль въ желудкѣ; легкое же раздраженіе и боль въ области желудка испытываютъ всѣ, *и вотъ это легкая боль и жженіе и принимаются нами за возбужденіе аппетита*.

Если съѣсть немного, а выпить много, какъ это нерѣдко дѣлаютъ привычныя пьяницы, то пицевареніе задерживае́тся, а иногда и совсѣмъ остаиваивае́тся; это доказалъ французскій фізіологъ *Кладъ-Бернаръ* надъ собаками; онъ

сначала хорошо накормилъ ихъ, а затѣмъ одной влилъ въ желудокъ порядочное количество водки, а другой не далъ ни одной капли; чрезъ 6 часовъ, когда обыкновенно заканчивается пищевареніе, онъ вскрылъ обѣихъ собакъ, и оказалось, что та, которой не дали водки, благополучно переварила всю пищу, а у той, которая была напоена водкою, пищевареніе совсѣмъ не начиналось; но еще опаснѣе вліяніе водки, принятой на тощакъ, напр., утромъ, при вставаніи съ постели,—опаснѣе потому, что въ это время желудокъ пустой, не защищенъ пищевою смѣсью, а, слѣдовательно, спиртъ, безъ всякаго препятствія быстро всасывается въ кровь.

При частомъ повтореніи утреннихъ приѣмовъ спирта пищевареніе окончательно разстроивается, появляется потеря аппетита, отрыжка, катарръ желудка, рвота кислую жидкостью, язвы желудка, ракъ печени, наконецъ общій упадокъ питанія и медленная смерть.

5) *На физическую силу.* Существуетъ мнѣніе, что спиртные напитки увеличиваютъ мускульную силу и облегчаютъ работу, но ошибочность подобнаго мнѣнія подтверждается опытомъ одного иностраннаго доктора надъ солдатомъ; сначала онъ заставилъ солдата выполнить опредѣленную урочную работу въ теченіе трехъ дней, не давая ему водки; потомъ, послѣ трехдневнаго отдыха, заставилъ солдата опять въ теченіе трехъ дней совершать ту же работу, но давалъ при этомъ три добрыхъ чарки водки въ день; солдатъ былъ убѣжденъ, что съ водкою ему будетъ работаться легче, нежели безъ нея, но когда опытъ окончился, то онъ вынесъ совершенно противоположное убѣжденіе; работа всякій разъ продолжалась всего только два часа послѣ принятія водки; послѣ первой чарки она пошла хорошо и легко, и солдатъ увѣрялъ, что она придала ему крѣпость и силу: но уже въ первый день послѣ второй чарки онъ сталъ чувствовать жаръ и жажду,—однако работу не бросалъ; на третій день у него появилось сердцебіеніе, и самъ онъ удивлялся, что ему приходилось время отъ времени прерывать работу, чего прежде

не бывало; кончилось тѣмъ, что вслѣдствіе одышки, сердцебіенія и общей слабости, солдатъ за три дня едва могъ окончить возложенную на него работу.

6) *На кости.* Алкоголь дѣйствуетъ разрушительно на кости. Въ Петербургской военно-медицинской академіи, покойнымъ профессоромъ Забѣлинымъ были произведены слѣдующіе опыты. Брали по нѣсколько щенковъ, ломали имъ кости на ногахъ, потомъ накладывали повязки и лѣчили по всѣмъ правиламъ науки, но однимъ давали водку, а другимъ нѣтъ; у пившихъ водку полное сращеніе костей и возстановленіе движенія наступали въ теченіе шести недѣль, а у не пившихъ—въ теченіе трехъ недѣль. Хотя этотъ опытъ не требуетъ никакихъ комментаріевъ, но я не могу не припомнить здѣсь слѣдующаго случая, имѣвшаго мѣсто въ шестидесятыхъ годахъ, въ хирургической клиникѣ въ Петербургѣ. Въ названную клинику поступилъ одинъ больной ветеринарный врачъ, которому необходимо было произвести операцію; когда больного захлороформировали, у него вдругъ прекратилось дыханіе; употребляли всевозможныя оживляющія средства, и въ томъ числѣ искусственное дыханіе, но безуспѣшно; при механизмѣ искусственнаго дыханія у покойника образовалось 24 перелома костей (реберъ) грудной клѣтки; при вскрытіи кости найдены такими хрупкими, что не могли выдержать извѣстной степени насилія, необходимаго при искусственномъ дыханіи, и при судебномъ разслѣдованіи оказалось, что врачъ этотъ былъ горькій пьяница, въ силу чего операторъ и ассистенты были оправданы.

Пагубнымъ вліяніемъ спирта на крѣпость костей объясняется и тотъ, часто встрѣчающійся фактъ, что, напр., при прыжкахъ, случайныхъ паденіяхъ на гимнастикѣ и проч., трезвый человѣкъ большею частію отдѣлывается ушибами, тогда какъ пьяница получаетъ переломы костей.

7) *На мозгъ.* Хотя дѣйствіе спирта на мозгъ и нервную систему скоро преходящее, какъ выше сказано, но далеко не безслѣдное, и всякое новое повтореніе можетъ дать рѣз-

кія измѣненія, свойственныя хроническому отравленію. Ткань головного мозга, какъ болѣе благородная, скорѣе другихъ подвергается гибельному вліянію алкоголя; при этомъ страдаетъ не только головной, но даже спинной мозгъ, оболочки его и даже кости черепа; наступаютъ жестокія головныя боли, шумъ въ ушахъ, искры въ глазахъ, окрашенные круги предъ глазами, ослабляется чувствительность, память притупляется, въ особенности по отношенію къ недавнимъ событіямъ; сообразительность, находчивость хотя временно и вспыхиваютъ, но не надолго, и общая мозговая дѣятельность постепенно падаетъ; случается нерѣдко апоплексія мозга въ слѣдствіе разрыва кровеносныхъ сосудовъ, наблюдается бредъ, разговоръ съ самимъ собою, дрожаніе рукъ, неправильная рѣчь, нерѣдко падачая болѣзнь, слабоуміе и другія душевныя болѣзни.

Замѣчательно также пораженіе воли. Человѣка, напр., еще нельзя назвать пьяницей, но онъ уже не нормаленъ; самъ по себѣ онъ рѣдко пьетъ, но какъ только увидѣлъ веселую компанію, его уже и не удержишь; послѣ кутежа онъ даетъ зарокъ, клянется и божится, что это въ послѣдній разъ, но первая встрѣчная рюмка уничтожаетъ клятву; такіе люди властны надъ собою только, пока нѣтъ искушенія, но при первомъ же искушеніи ихъ воля преклоняется предъ страстью.

Словомъ, нѣтъ ни одного органа, ни одной ткани въ нашемъ организмѣ, которые не подвергались бы гибельному вліянію алкоголя; сердце подвергается жировому перерожденію, артеріи теряютъ упругость и окостенѣваютъ, печень увеличивается въ объемъ до не вѣроятной степени; при вскрытіи трупа одного пьяницы я видѣлъ такую печень, которая закрывала желудокъ и переходила въ лѣвую половину брюшной полости, закрывая селезенку; очень часто наблюдается общеизвѣстная болѣзнь—ракъ или циррозъ печени, и, какъ слѣдствіе его, водянка и смерть; появляется нерѣдко воспа-

леніе почекъ, переходящее въ такъ называемую Брайтову болѣзнь, почти всегда оканчивающуюся смертію.

Но важнѣе всего то, что пьющій человекъ становится крайне воспріимчивъ ко всякаго рода заболѣваніямъ; способность сопротивленія организма вреднымъ вліяніямъ у него слишкомъ понижена; заболѣвая какою-нибудь серіозною болѣзнію, онъ имѣетъ гораздо меньше шансовъ на выздоровленіе; въ сравненіи съ трезвымъ человекомъ скорѣе заболѣваетъ и чаще умираетъ (это наблюдалось, напр., въ холеру 1892 года).

Если спиртные напитки производятъ такія сильныя измѣненія въ организмѣ взрослыхъ, то они несравненно сильнѣе дѣйствуютъ на дѣтей, и потому всѣ авторитетные гігіенисты,—Шольцъ, Догель, Керръ, Маньянъ, Ковалевскій, Португаловъ, со всею рѣшительностью возстаютъ противъ употребленія дѣтьми спирта въ какомъ бы то ни было видѣ; а въ жизни наблюдается такое употребленіе. Такъ, вино даютъ даже не слабымъ дѣтямъ *просто по привычкѣ для укрѣпленія*, и тѣмъ вызываютъ не нужную потребность, которая въ зрѣломъ возрастѣ нерѣдко переходитъ въ пьянство; у насъ въ Россіи въ простомъ народѣ и между рабочими въ Швейцаріи водкою нерѣдко надѣются пополнить скудость дѣтской пищи; даютъ водку даже груднымъ дѣтямъ, чтобы они лучше спали и не мѣшали взрослымъ по хозяйству. Въ богатыхъ классахъ нерѣдко дѣти получаютъ хорошее вино отъ отцовъ, какъ награду за хорошее поведеніе; очень часто отецъ хвастается предъ гостями, что его трехлѣтній первенецъ уже молодецъ, потому что пьетъ водку и проч.

Нужно чистосердечно сознаться, что дѣти часто привыкаютъ къ вину и водкѣ потому, что врачи назначаютъ спиртные напитки маленькимъ дѣтямъ, слабымъ и болѣзненнымъ, для поддержанія ихъ энергій; поэтому поводу бывшій профессоръ Харьковскаго университета Ковалевскій говоритъ: *„предайте меня апавемъ, но я рѣшительно не рекомендую*

назначать дѣтямъ алкоголь, въ какомъ бы то ни было видѣ“.

Отъ употребленія спирта замедляется развитіе тѣла и въ особенности головного мозга; дѣти отстаютъ въ ростѣ, вѣсъ ихъ уменьшается. Это было provato опытами надъ животными. Одинъ учепый докторъ бралъ двухъ щенковъ, изъ которыхъ одного кормилъ молокомъ, а другому прибавлялъ къ молоку ежедневно по одной ложкѣ спирта; щенокъ, получавшій спиртъ, значительно отсталъ въ ростѣ, шерсть его взъерошилась, вокругъ вѣкъ выпали волосы, и затѣмъ наступили судороги и смерть.

Изъ сказаннаго видно, что спиртные напитки сильно вредятъ здоровью человѣка, но еще болѣшій вредъ причиняютъ они въ слѣдствіе поддѣлокъ и различныхъ фальсификацій. Кто не знаетъ, что кабатчики, напр., прибавляютъ къ водкѣ сивушное масло, которое сильнѣе дѣйствуетъ на мозгъ, чѣмъ спиртъ; для вкуса прибавляютъ горькихъ миндалей, питро-бензолъ, чрезвычайно ядовитое вещество; для окраски употребляютъ анилиновыя краски, синій камень; для возбужденія жажды, съ цѣлю большаго сбыта, прибавляютъ къ водкѣ стручковый перецъ; съ цѣлю одуренія примѣшиваютъ дурманъ; въ Англіи прибавляютъ купоросное масло для крѣпости; въ Германіи и Россіи къ пиву, вмѣсто хмеля, прибавляютъ пасленъ, дурманъ, опій, сабуръ и проч.; въ вино прибавляютъ фуксинъ, содержащій мышьякъ, гипсъ, квасцы, свинецъ и проч., такъ что дорого продаваемая вина содержатъ мало винограднаго сока, а состоятъ изъ спирта, сахара, красящаго вещества и разныхъ вредныхъ примѣсей.

Этимъ мы и закончимъ описаніе общаго вліянія на организмъ того количества спиртныхъ напитковъ, въ какомъ употребляетъ его большинство людей; въ слѣдующей статьѣ рассмотримъ пьянство.

Врачъ *Василій Николаевъ*.

Наша церковная жизнь.

Итоги дѣятельности Копринскаго православно церковнаго кружка (Яросл. епархія). Церковно-приходскіе совѣты Орловской епархіи. Заслуживающія вниманія предложенія Орловскаго преосвященнаго духовенству своей епархіи. Церковно-приходскіе совѣты г. Брянска и его уѣзда. Средства объединенія приходскаго пастыря со своими прихожанами. Борьба съ профессиональнымъ внищенствомъ и пьянствомъ.

Въ № 8 „Руков. для сельскихъ пастырей“ за текущій годъ нами сообщалось объ учрежденіи въ Ярославской епархіи „Копринскаго православно-церковнаго кружка ревнителей обновленія пастырства и паствы на незыблемыхъ началахъ Евангелія и завѣтовъ Вселенской Церкви“, организованнаго священниками сельъ, расположенныхъ вблизи села Коприна. Кружокъ ставитъ своею задачею: 1) оживленіе и поднятіе церковно-приходской жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ и 2) обновленіе нѣкоторыхъ сторонъ церковно-приходской жизни согласно запросамъ времени. Въ настоящее время отпечатанъ отчетъ дѣятельности этого кружка за первый годъ его существованія съ 12 іюня 1906 г. (Яросл. епарх. вѣд. № 42). Отчетъ кратокъ и не даетъ обстоятельныхъ свѣдѣній о томъ, каковы были результаты совмѣстной работы священниковъ, вступившихъ въ кружокъ. Повидимому, результаты эти не оправдали въ полной мѣрѣ тѣхъ ожиданій, которыя высказывались при учрежденіи союза: въ отчетѣ выражается надежда, что въ наступившемъ новомъ году кружокъ при содѣйствіи всѣхъ членовъ станетъ на твердую почву и проявитъ свою дѣятельность болѣе продуктивно. А жаль. Кружкомъ заинтересовались во многихъ епархіяхъ, запросы о немъ присылались изъ Екатеринославской, Симбирской, Орловской и др. губерній, причемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ присылались даже денежные взносы на нужды кружка. Все же кое-что было сдѣлано. На пастырскихъ собраніяхъ, кромѣ организаціонной работы (кстати сказать, лишь отнимавшей время, напр., о предоставленіи дѣйствительнымъ членамъ

рѣшающаго голоса, а соревнователямъ только совѣщательнаго, о принятіи въ члены кружка женщины на равныхъ правахъ съ мужчинами и пр.), читались разнаго рода доклады и рефераты, способствовавшіе оживленію собраній и сближенію членовъ между собою. Такъ, были прочитаны доклады: „о духовной охранѣ прихода“, „о приходской миссіи“, „о приходскихъ совѣтахъ“, „о свящ. Гр. Петровѣ, какъ духовномъ писателѣ“. Весьма было бы желательно познакомиться хотя бы съ главными мыслями этихъ докладовъ, но въ отчетѣ объ этомъ не упоминается ни слова. Дѣятельность кружка по отношенію къ мірянамъ выразилась въ устройствѣ нѣкоторыми (почему же не всѣми?) членами кружка въ своихъ приходахъ вечернихъ чтеній и бесѣдъ съ народомъ по деревнямъ. Чтенія и бесѣды велись по вопросамъ религіозно-нравственной и церковной жизни и по вопросамъ объ улучшеніи бытовой и экономической жизни крестьянъ. Благодаря этимъ чтеніямъ, одному члену кружка удалось очень успѣшно устроить въ Конринскомъ приходѣ вольно-пожарное общество и сельско-хозяйственный складъ. Интересно было бы знать, въ чемъ состоитъ организація этого пожарнаго общества, когда въ селахъ и какъ всѣ жители принимаютъ самое дѣятельное участіе въ тушеніи пожаровъ...

Теперь вообще время оглянуться назадъ и посмотреть, что же сдѣлано съ тѣхъ поръ, какъ начали усиленно говорить о возрожденіи церковно-приходской жизни и проводить въ ея строй нѣкоторыя реформы. Вотъ другой отчетъ—о состояніи и дѣятельности церковно-приходскихъ совѣтовъ Орловской епархіи. Не смотря на особенно тяжелыя условія въ минувшемъ году, дѣятельность эта сопровождалась довольно видными результатами. Всѣхъ приходовъ въ Орловской епархіи 889, въ 700 изъ нихъ теперь открыты церковно-приходскіе совѣты. Въ теченіе отчетнаго времени совѣтами собрано на свои нужды болѣе 80 т. рублей. Самый крупный расходъ былъ произведенъ на ремонтъ 60 храмовъ, и до 10 т. истрачено на бѣдныхъ и на учащихся въ приходскихъ школахъ.

Кромѣ того, учреждено 20 новыхъ школъ, 33 библіотеки-читальни, 27 обществъ трезвости, при 23 храмахъ образованы пѣвческіе хоры. Можно сказать, что ни одна сторона церковно-общественной жизни не была забыта. Многими совѣтами ведутся собесѣдованія на различныя темы и бесплатно раздаются прихожанамъ листки, религіозно-правственныя брошюры, евангелія и пр. Приведены въ порядокъ во многихъ мѣстахъ кладбища, устроены домашнія аптеки, въ двухъ—трехъ приходахъ учреждены страннопріимные дома, богадѣльни и пріюты; открыты два товарищества мелкаго кредита, а въ одномъ приходѣ основано даже общество „Майскій союзъ“, имѣющій цѣлью защиту птицъ и вообще животныхъ, Все это говоритъ за то, что церковно-приходскіе совѣты, если дать имъ надлежащую постановку, учрежденіе далеко не бесполезное и могущее многое сдѣлать дѣя поднятія церковно-приходской жизни.

Орловскіе совѣты во многомъ обязаны преосвященному орловскому Серафиму, который съ самаго начала весьма сочувственно отнесся къ синодальному опредѣленію объ учрежденіи совѣтовъ и самъ лично при объѣздѣ епархіи побуждалъ священниковъ и паству къ устройству этихъ совѣтовъ. Зорко слѣдя за приходскою жизнію, онъ постоянно напоминаетъ священнослужителямъ объ ихъ обязанностяхъ и указываетъ тѣ или другія мѣры для исправленія недостатковъ, замѣченныхъ въ приходахъ. Между прочимъ, въ концѣ октября имъ были сдѣланы слѣдующія предложенія Орловскому духовенству: 1) въ цѣляхъ поддержанія наибольшей чистоты въ храмахъ образовать изъ благоговѣйныхъ женщинъ и дѣвушекъ особые кружки для наблюденія за чистотою въ храмахъ, за исправностью и опрятностію подсвѣчниковъ, лампадъ и пр. церковной утвари. Имъ можно выдавать для отличія крестики или образки, которые бы они носили на шейной ленточкѣ при ходженіяхъ къ богослуженіямъ. Къ уборкѣ алтарей и къ служенію въ нихъ привлечь старшихъ воспитанниковъ школы, которыхъ можно облачать въ особые

стихарики. 2) Въ тѣхъ приходахъ, гдѣ имѣются однѣ только земскія школы, обыкновенно не бываетъ нѣвческихъ хоровъ, да и причты не считаютъ обязанности преподавать церковное пѣніе. А такъ какъ нѣвческіе хоры весьма желательны нынѣ на богослуженіи даже и въ сельскихъ церквахъ, то необходимо такъ или иначе устранить это неудобство и ходатайствовать по этому вопросу предъ инспекторами народныхъ училищъ, уѣздными предводителями дворянства и въ затруднительныхъ случаяхъ обращаться къ енархіальному преосвященному. 3) Относительно устройства чтеній и бесѣдованій. Такъ какъ составъ прихода каждой церкви можно раздѣлить на а) взрослыхъ грамотныхъ, б) взрослыхъ неграмотныхъ и в) дѣтей, то программа чтеній и бесѣдъ должна составляться такъ, чтобы всѣ эти категоріи прихожанъ получили необходимыя назиданія и развлеченія. Для грамотныхъ требуются болѣе серіозныя чтенія, по возможности съ туманными картинами, на темы духовныя, историческія и по медицинѣ и гигиенѣ. Эти чтенія должны взять на себя священники, діаконы, получившіе образованіе, учителя или развитые прихожане, которымъ пастыри найдутъ возможнымъ ихъ препоручить. Неграмотнымъ слѣдуетъ читать св. Евангеліе на русскоиъ языкѣ, священную исторію, житія святыхъ, начальную русскую исторію и пр. При недостаткѣ времени, священники могутъ поручить это діаконамъ, псаломщикамъ и также прихожанамъ. Наконецъ, слѣдуетъ устраивать чтенія и для дѣтей школьнаго возраста, чтобы вліять на ихъ умственное развитіе и отвлекать въ праздничные дни отъ разгула со взрослыми. Было бы весьма полезно читать имъ съ объясненіями св. Евангеліе и книги, которыя имѣются въ школьной библіотекѣ. Такимъ образомъ, настоятель каждаго прихода обязанъ предварительно подобрать себѣ помощниковъ для устройства чтеній, а затѣмъ сдѣлать росписаніе чтеній и бесѣдъ на извѣстный срокъ впередъ. Одниъ праздникъ пусть читаютъ для взрослыхъ грамотныхъ, другой—для неграмотныхъ, въ третій—для дѣтей; но для послѣднихъ же-

лательно было бы устраивать чаще чтенія и въ одни часы, какъ и для взрослыхъ, но въ другомъ помѣщеніи. Росписаніе чтеній слѣдуетъ выставлять при входѣ въ храмы. При подобномъ раздѣленіи труда, эти чтенія не могутъ быть обременительными для священниковъ (Орл. е. в. № 43). Последнее предложеніе преосвященнаго Серафима наиболѣе заслуживаетъ вниманія и является нововведеніемъ. Обыкновенно при чтеніяхъ если и дѣлалось раздѣленіе между слушателями, то только на взрослыхъ и дѣтей, тогда какъ очевидно, что и взрослые могутъ быть раздѣлены на категоріи соотвѣтственно ихъ образованію или даже вообще умственному развитію. Всѣмъ, ведущимъ религіозныя собесѣдованія, необходимо помнить объ этомъ различіи и примѣнять къ своимъ слушателямъ, соединяя ихъ по группамъ.

Въ томъ же № Орловскихъ епарх. вѣдом. помѣщены журналы общаго съѣзда церковно-приходскихъ совѣтовъ города Брянска и его уѣзда 23 сентября сего года. На этомъ съѣздѣ заслушаны слѣдующіе доклады. 1) О средствахъ объединенія приходскаго пастыря съ своими прихожанами. Такими средствами указаны: достойное и благоговѣйное совершеніе богослуженія и личный молитвенный духъ самого пастыря; школьная и педагогическая дѣятельность священника; пастырскія посѣщенія прихожанъ; 2) объ открытіи въ г. Брянскѣ общества хоругвеносцевъ. Учрежденіе этого общества было вызвано тѣмъ, что при ношеніи хоругвей бывали случаи небрежнаго съ ними обращенія и даже кощунственнаго къ нимъ отношенія. 3) Объ устройствѣ въ г. Брянскѣ общей богадѣльни для духовенства и мірянъ. Такъ какъ спеціальныхъ средствъ для этого не имѣется, то поручено церковно-приходскимъ совѣтамъ обратиться съ просьбою о пожертвованіи къ разнымъ учрежденіямъ и лицамъ. 4) О профессиональномъ нищенствѣ и средствахъ борьбы съ нимъ. Авторъ этого доклада, священникъ Семовъ, предложилъ бойкотировать профессиональныхъ нищихъ, совершенно отказывать имъ въ милостынѣ и высылать изъ города въ мѣста

жительства. Деньги же, имъ подаваемыя, собирать отъ добротныхъ жертвователей въ особое бюро, которое и должно заняться болѣе раціональнымъ распредѣленіемъ милостыни. При преніяхъ указывали, что таковой бойкотъ не согласуется съ религіозными понятіями; не всякій, услышавъ слова: „подайте Христа ради“, и имѣя возможность подать, не подастъ, или будетъ разбираться, профессиональный или другой какой ницій просить милостыню. Проектъ тѣмъ не менѣе былъ принятъ и сданъ въ особую комиссію для детальной разработки. Проектъ какъ будто бы и цѣлесообразенъ, но слышать его отъ священниковъ нѣсколько странно въ той части, гдѣ говорится о бойкотѣ нищихъ. 5) О пьянствѣ, тайной продажѣ вина и средствахъ искорененія этого зла. По этому пункту поставлено: возбудить отъ имени всѣхъ приходскихъ совѣтовъ, чрезъ исполнительный комитетъ, предъ предсѣдателемъ Совѣта министровъ ходатайство о принятіи радикальныхъ мѣръ къ уничтоженію безпатентной продажи водки, такъ какъ если въ такомъ положеніи будетъ осуществляться продажа водки и дальше, то все увеличивающееся пьянство въ рабочей и крестьянскдй средѣ приведетъ Россію къ положительному разложенію, упадку нравственности и трудоспособности, и потребуетъ не одинъ десятокъ лѣтъ для приведенія ея въ нормальное состояніе. Съ такими же ходатайствами рѣшено войти чрезъ мѣстнаго преосвященнаго и въ Святѣйшій Синодъ.

Е. Р.

ЗАМѢТКА.

**Проповѣдническій кружокъ въ память св. Іоанна
Златоустаго.**

Въ Витебскѣ при Св.-Владимірскомъ Епархіальномъ Братствѣ по иниціативѣ предсѣдателя Совѣта Братства и миссіонерскаго комитета, кафедральнаго протоіерея А. Матюшен-

скаго, въ память 1500-лѣтія со дня смерти св. Іоанна Злагоустаго, архіепископа Константинопольскаго, открывається проповѣдническій кружокъ, ставящій своею цѣлью оживленіе проповѣдничества. Открытіе кружка встрѣчено съ большимъ сочувствіемъ мѣстнымъ городскимъ духовенствомъ, выразившимъ на послѣднемъ благотворительномъ съѣздѣ желаніе участвовать въ этомъ кружкѣ. Думается, что и сельское духовенство сочувственно встрѣтитъ это доброе начинаніе. На собраніяхъ кружка предполагается разработка темъ для проповѣдей, изученіе пріемовъ живой рѣчи, ознакомленіе съ лучшими образцами проповѣдей и извѣстными руководствами по проповѣдничеству (архіепископа Амвросія, проф. Пѣвницкаго Кеннара и др.). Впослѣдствіи кружокъ предполагаетъ вызвать въ Витебскѣ извѣстныхъ проповѣдниковъ (прот. Восторгова, Д. П. Боголюбова и др.), а также посылать свои лучшія силы въ уѣздныя города и мѣстечки. (Полоцк. епарх. вѣд. № 33).

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 8-го декабря 1907 года.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ
рублей.

№ 51.

Подписка принимается въ редак-
ціи журнала, при Кіевской духов-
ной Семинаріи.

1907-го года декабря 23-го дня.

Содержаніе: I. Послѣ юбилея. — II. Филипповъ постъ (продолженіе). — III.
Праздникъ Рождества Христова. Объявленіе.

Послѣ юбилея.

Недавно всей православной Россіей по градамъ и ве-
сямъ отпразднованъ рѣдкостный и знаменательный юбилей:
торжественно и славно воспомянута 1500-лѣтняя годовщина
мученической кончины вселенскаго учителя и святителя Іоан-
на Златоуста. Много оснований имѣла наша Русская Церковь
въ пользу этого славнаго, духовнаго торжества, потому что
великій святитель съ первыхъ временъ просвѣщенія земли
Русской сдѣлался для нашихъ предковъ какъ бы роднымъ,
самымъ излюбленнымъ учителемъ, наставникомъ въ новой
благодатной жизни. Его вдохновенныя творенія, полныя пла-
менной любви и ревности въ обличеніи человѣческой не-
правды, были первыми, понятными для ума и сердца юныхъ
христіанъ, книгами, въ которыхъ наши грамотные предки
долго и въ изобиліи почерпали духовное брашно. Св. Іоаннъ

по справедливости долженъ быть признанъ первымъ и самымъ вліятельнымъ воспитателемъ нашего православно-русскаго религіознаго и нравственнаго міросозерцанія. А своимъ мученически-строгимъ жизненнымъ подвигомъ вызывалъ онъ на сильное подражаніе и нашихъ пастырей и святителей въ ихъ служеніи Церкви Христовой и народу православному. Поэтому только что отпразднованный юбилей долженъ представляться естественною данью любви къ святителю со стороны Русской Церкви и всего русскаго православнаго народа. И нѣтъ никакого сомнѣнія, что нарочитое юбилейное прославленіе святого, воспоминаніе, по этому случаю, его жизни, его ученія и славныхъ дѣлъ не пройдутъ для насъ безслѣдно и бесплодно: оживятъ они унывающую душу современнаго православнаго русскаго человѣка и заставятъ насъ, особенно пастырей Церкви, вдумчиво отнестись къ причинамъ упадка и разстройства у насъ религіозной жизни.

Особенное возвышенно-идеальное положеніе св. Іоанна Златоуста въ современной ему Церкви, его истинно христіанскія, исполненныя духа Христовой любви, отношенія къ своей паствѣ и, наконецъ, обратныя отношенія къ святителю пасомыхъ, при сравненіи съ нашей печальной дѣйствительностью, должны указать намъ, въ чемъ заключаются истинныя причины современнаго религіознаго распада въ жизни нашей Церкви. Нѣтъ сомнѣнія, что въ самый день юбилея этотъ вопросъ обсуждался и освѣщался всесторонне во множествѣ рѣчей, словъ, поученій и различныхъ чтеній, посвященныхъ памяти святителя; но полная особенной жизненности и духовной красоты картина взаимныхъ отношеній между св. Іоанномъ Златоустомъ и его вѣрною паствою невольно побуждаетъ и насъ сказать нѣсколько вдумчивыхъ словъ о томъ же предметѣ.

Житіе святого рисуется передъ нами сначала чудный образъ юнаго христіанскаго пастыря-священника, исполненнаго высокихъ духовныхъ дарованій—талантовъ, безупречно чистаго, святого по жизни, на виду у всѣхъ жителей гро-

маднаго города, ради служенія Христу и имъ, добровольно отрекшагося отъ мірскихъ почестей, собственнаго богатства и высокаго положенія въ жизни. Чтобы быть свободнымъ, онъ напередъ раздаетъ свое имущество бѣднымъ; чтобы приучить себя къ воздержанію отъ земныхъ наслажденій, онъ подвизается въ монастыряхъ и уединяется въ пещеру; чтобы научиться смиренію и безропотному служенію ближнимъ, онъ проходитъ сначала скромныя должности чтеца и діакона въ Церкви, и только потомъ уже считаетъ возможнымъ для себя согласиться на единодушное избраніе всего города и принять санъ пресвитера—священника! Такъ началъ свое самоотверженное служеніе Церкви Божіей св. Іоаннъ въ родной ему Антиохіи, уступая желанію своихъ православныхъ согражданъ и волѣ епископа.

И вотъ мы видимъ далѣе, какъ между пресвитеромъ—избранникомъ и его христіанскою паствою устанавливается и крѣпнеть все болѣе и болѣе тѣсная духовно-нравственная связь, чудное единеніе душъ и сердецъ, тотъ совершенный „союзъ любви“, который возможенъ только при взаимномъ самопожертвованіи и довѣрїи. Своимъ пламеннымъ, исходящимъ прямо отъ сердца словомъ, то настойчивымъ, то полнымъ нѣжной любви, то грознымъ и обличительнымъ, своей неусыпной молитвой о всѣхъ и за вся, своею чистою жизнію, отданною всецѣло на службу Церкви, св. Іоаннъ привлекаетъ къ себѣ всѣхъ и дивно превращаетъ часто своювольную, стропотную и порочную антиохійскую паству въ послушныхъ, покорныхъ овецъ, готовыхъ во всемъ повиноваться одному слову своего пастыря. Св. Іоаннъ становится для антиохійскихъ христіанъ необходимымъ и никѣмъ незамѣнимымъ, дорогимъ руководителемъ ихъ духовной жизни: онъ для всѣхъ и нѣжный отецъ, и сильный заступникъ, и строгій обличитель-наставникъ, и вѣрный другъ-утѣшитель. Силу его утѣшительныхъ, вдохновенныхъ и бодрыхъ рѣчей познаютъ особенно антиохіане въ ту печальную пору, когда за ихъ бунтъ противъ императора весь городъ ждалъ неми-

нуемой казни. Св. Іоаннъ одинъ, какъ ангелъ утѣшитель, оставался неразлучно съ провинившимися и пришедшими въ полное отчаяніе гражданами, тѣсно собирая ихъ вокругъ себя, ободряя пастырскимъ словомъ и пользуясь ихъ виною, какъ поводомъ къ духовному исправленію. „Перестанемъ отчаяваться, возлюбленные, перестанемъ плакать о грозящей намъ смерти, говорилъ онъ.—Плачьте лучше о грѣхахъ своихъ, чтобы омыть ихъ!“ И какъ же потомъ несказанно радовался за своихъ пасомыхъ и вмѣстѣ съ ними св. пастырь, когда виновные антиохіяне были прощены великодушнымъ императоромъ!..

Двѣнадцать цѣлыхъ лѣтъ длился непрерывно этотъ духовный союзъ взаимообщенія св. Іоанна съ антиохійскою паствою, возрастая въ силѣ и глубинѣ чувства Христовой любви; души и сердца антиохіянъ слились въ этомъ святомъ союзѣ съ великою душою своего пастыря такъ тѣсно и неразрывно, что одна мысль разлучиться съ нимъ, лишиться его казалась имъ невозможной. При этомъ представлялась имъ вся ужасающая пустота въ ихъ духовной жизни, которую, казалось имъ, никто другой не могъ бы восполнить. И вотъ, когда устроеніемъ Промысла антиохійскій пастырь призванъ былъ въ столицу на архіепископскую кафедру, онъ не могъ иначе покинуть Антиохію, какъ тайно, тщательно скрывъ отъ своей паствы предстоящую разлуку. Вѣдалъ онъ самъ, вѣдали и слуги императора, что добровольно, безъ сопротивленія не отдадутъ антиохіяне своего добраго, любимаго пастыря. Поразительно и поучительно по своему значенію для нашихъ временъ это обстоятельство, краснорѣчиво свидѣтельствующее о глубокомъ, неразрывномъ союзѣ св. Іоанна съ антиохійскою паствою.

Еще краснорѣчивѣе и ярче выступаетъ передъ нами то же духовное дарованіе св. Іоанна неотразимо плѣнять и привлекать къ себѣ души и сердца пасомыхъ своей нравственной силой, когда его новой цареградскою паствѣ пришлось дважды переживать горькія минуты невольной разлуки съ

возлюбленнымъ святителемъ. И здѣсь видимъ мы поразительную по единодушію и силѣ любовь къ св. Іоанну со стороны столичныхъ жителей, еще болѣе антиохіянъ стропотныхъ, своевольныхъ и развращенныхъ роскошью, но все же побѣжденныхъ нравственнымъ вліяніемъ святителя, послушныхъ его слову и готовыхъ отдать на защиту его свою жизнь. Когда въ первый разъ предстояло св. Іоанну изгнаніе по суду нечестиваго собора „подъ Дубомъ“ и по приказу слабовольнаго императора, вся цареградская паства святителя встала на защиту его, отбила любимаго пастыря изъ рукъ стражи и охраняла его безопасность дома и въ церкви отъ покушеній враговъ. Только трогательное увѣщаніе самого святителя, обращенное къ друзьямъ—не удерживать его и не противиться власти дало возможность послѣдней удалить его изъ столицы. Но недовольство всего народа высылкою Іоанна было настолько сильно и грозно, что та же власть принуждена была возвратить чрезъ нѣсколько дней въ столицу любимаго народомъ пастыря. И какая трогательная встрѣча была устроена тогда святителю преданной ему паствою! Весь проливъ Константинопольскій покрылся разукрашенными лодками, съ которыхъ православное населеніе столицы восторженными возгласами и дружнымъ пѣніемъ встрѣтило возвращающагося Іоанна; не разлучаясь съ нимъ, православные граждане сопровождали его съ факелами до самой церкви. И здѣсь, въ общей молитвѣ и пламенной бесѣдѣ, святитель снова соединился душою со своими пасомыми, которые отъ радости и умиленія не могли въ эти минуты удерживаться отъ слезъ и восторженныхъ восклицаній.

Такъ удалось царьградской Церкви отстоять на этотъ разъ и возвратить любимаго святителя; такую же силу любви къ нему и еще болѣе глубокое огорченіе выразилъ православный цареградскій народъ, когда вскорѣ, во второй разъ, сильные враги Іоанна безповоротно осудили его на ссылку и исполнили свое злое рѣшеніе. Народъ и теперь ни за что не хотѣлъ выдать его добровольно, довелъ сопро-

тивленіе власти до бунта; и опять потребовалось убѣжденіе со стороны самого святителя, чтобы народъ оставилъ напрасное сопротивленіе власти. Но осиротѣлая паства, лишившаяся святителя какъ разъ наканунѣ Пасхи, такъ была глубоко огорчена и смущена этой утратой, что не могла даже радостно, по обычаю, встрѣтить великаго праздника. Безъ любимаго пастыря, содержамаго и скрытаго отъ нихъ крѣпкою стражею, христіане не хотѣли итти въ храмы, и, удалившись за городъ, въ слезахъ и горѣ встрѣтили первый день Пасхи. И потомъ не скоро улеглось волненіе и смущеніе въ Церкви Царьграда; любящая и вѣрная паства продолжала скорбѣть въ разлукѣ по великомъ отцѣ и святителѣ, поддерживая съ нимъ духовное общеніе до самой его мученической кончины...

Не много найдется въ исторіи Церкви такихъ чудныхъ и поразительныхъ примѣровъ тѣснаго, исполненнаго любви и глубокаго нравственнаго вліянія на паству, общенія и единенія пастыря съ пасомыми, какіе показалъ въ своей жизни св. Іоаннъ. Особенно драгоцѣнны подобныя примѣры для нашего жалкаго времени, когда всюду раздаются жалобы на оскуднѣніе вѣры и любви въ современномъ христіанскомъ обществѣ, когда, въ частности, у насъ въ Русской Церкви все болѣе и болѣе слабѣетъ пастырское вліяніе, подрывается пастырскій авторитетъ и порываются тѣ незримыя нравственныя связи между пастыремъ и паствою, которыя однѣ только и превращаютъ взаимоотношенія 'той и другой стороны въ одухотворенный любовію союзъ совершенства. Печальные факты изъ нашей современной церковно-общественной жизни свидѣтельствуютъ объ этомъ на каждомъ шагу. Присмотритесь къ фактамъ изъ жизни пастырства, аналогичнымъ съ приведенными изъ житія великаго святителя, и предъ вами обнаружится со всею яркостію печальный контрастъ: вмѣсто проявленія самоотверженной любви, взаимнаго довѣрія и глубокаго искренняго горя при разлукѣ, встрѣтите вы поразительную холодность, полное равнодушіе, скрашенные внѣш-

нимъ лицемѣрнымъ и обиднымъ приличіемъ. Кому изъ насъ не извѣстны, не знакомы случаи и сцены, происходящія у насъ при перемѣнѣ пастырями-священниками своихъ приходо- вѣ и даже при оставленіи епископами своихъ енархій?.. Часто священникъ, прослуживъ, повидимому, честно и свято, чуть не всю жизнь на одномъ приходѣ, при добровольной ли перемѣнѣ, или при переводѣ начальствомъ на другое мѣсто оставляетъ этотъ приходъ одиноко и сиротливо, если не на- думаетъ самъ изъ приличія созвать прихожанъ. И не слы- шить онъ при разлукѣ съ приходомъ ни искренняго благо- дарнаго слова отъ прихожанъ, ни горестнаго сожалѣнія съ ихъ стороны; молча, конфузливо провожаютъ они своего па- стыря, да и самъ онъ не находитъ въ своемъ сердцѣ и умѣ ни трогательныхъ чувствъ, ни любовныхъ искреннихъ рѣ- чей... Подобнымъ же образомъ, чаще и обыкновеннѣе всего, происходятъ у насъ разставанія и енархіальныхъ пастырей не только съ мірскою паствою, а даже съ духовенствомъ, если не принимать во вниманіе условной показной торже- ственности, какая соблюдается изъ приличія въ такихъ слу- чаяхъ ¹⁾.

Только что отмѣченные факты, невольно, съ яркостію встающіе предъ нами, какъ печальный контрастъ съ тѣмъ, что мы видѣли въ жизни Іоанна Златоуста, не смотря на кажущуюся ихъ обыденность, должны бы навести насъ на глубокія размышленія. Объяснять слабость и формализмъ взаимной связи между современными пастырями и паствою, о чемъ свидѣлствуютъ выше приведенные факты, однимъ нерадивымъ, безпечнымъ и холоднымъ отношеніемъ пастыря къ паствѣ или, съ другой стороны, общимъ упадкомъ нрав- ственно-религіозной жизни у современныхъ христіанъ было бы, думаемъ, несправедливо и поверхностно. Причины хо- лодности во взаимоотношеніяхъ между пастыремъ и паствою

¹⁾ Есть примѣры и теплыхъ, душевныхъ проводовъ и отношеній тѣхъ и другихъ пастырей.

и слабой привязанности послѣдней къ первому, такъ ярко выражающейся при взаимной разлукѣ, кроются глубже. Не слѣдуетъ ли искать этихъ причинъ, какъ намъ кажется, въ общей подавленности и упадкѣ энергіи душевной жизни современнаго человѣка по сравненію съ современниками св. Златоуста? И въ самомъ дѣлѣ, непосильное бремя соціальной и матеріальной тяготы, давящее современнаго человѣка, развѣ не способно вконцѣ подавить высшіе запросы души и сердца, ослабить глубину и цѣлостность и силу ихъ обнаруженія? Если же это такъ, то и общаго подъема нашей религиозно-правственной жизни можно ждать лишь съ уврачеваніемъ соціальныхъ и матеріальныхъ язвъ, убивающихъ нашу душевную жизнь!.. 1)

Свящ. *Анастасій Веселичій.*

Филипповъ постъ.

(Продолженіе ²⁾).

II.

Тѣлесное воздержаніе, ограниченіе себя извѣстнымъ (болѣе скуднымъ и менѣе питательнымъ) родомъ пищи, по взгляду Православной Церкви—только одна сторона поста, и сторона менѣе существенная. Болѣе важной стороной поста является то духовное, идейное содержаніе, которое вкладывается во внѣшнюю оболочку воздержанія. Такое содержаніе каждому посту дается священными воспоминаніями, со-

¹⁾ У св. Златоуста любовныя отношенія съ паствой вытекали изъ его духа любвеобильнаго, самоотверженнаго, добродѣтельнаго, святаго. *Личность* пастыря—основная причина въ установленіи отношеній его съ паствой и вообще добраго пастырства. Все остальное—второстепенное, менѣе важное. Воспитаніе въ себѣ духа св. Іоанна—вотъ высокая задача пастыря и вмѣстѣ вѣрнѣйшее средство для духовнаго оживленія паствы и искреннихъ, любовныхъ отношеній съ ней. *Ред.*

²⁾ См. № 48-й за 1907 г.

единяемыми съ днями его, и церковными службами въ періодъ его.

Извѣстно, что не только съ каждой недѣлей Великаго поста, но и съ цѣлымъ рядомъ отдѣльныхъ дней его соединяются соотвѣтствующія воспоминанія, возвышающія настроеніе постящихся, „успокающія горечь воздержанія“, по выраженію церковныхъ пѣснопѣній (таковы: память св. Оеодора Тирона въ первую субботу поста, православія—въ первое воскресенье поста, память св. Григорія Паламы съ его ученіемъ о доступности для человѣка созерцанія несозданнаго свѣта—во второе воскресенье и т. д.). Филишовъ постъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ Великому; по естественно, что, уступая въ значеніи и важности Великому, онъ не имѣетъ и такого обилія специально приуроченныхъ къ нему священныхъ воспоминаній. Тогда какъ рѣшительно каждая недѣля Великаго поста имѣетъ такое воспоминаніе, въ Филишовомъ посту только два послѣднія его воскресенья освящаются особыми памятями (недѣли свв. праотцевъ и отцевъ).

Но это не значитъ, что только два дня въ теченіе Рождественскаго поста отмѣчаются священными воспоминаніями. Каждый день церковнаго года имѣетъ какую-нибудь память (посвященъ какому-либо святому или событію), и эти памяти на весь періодъ Рождественскаго поста подобраны нарочито. На этотъ священный періодъ, на эту важную часть церковнаго года выбраны лучшія и наиболѣе идущія сюда памяти, празднованія.

Надо замѣтить, что церковный мѣсяцесловъ хотя слагался постепенно, долго, вѣками, но слагался далеко не во всѣхъ частяхъ своихъ самъ собою, случайно, т. е. не всѣ памяти его положены на тѣ дни, на которыя онѣ падали естественно (память святаго не всегда празднуется въ день кончины его, если онъ даже и извѣстенъ), и не выбирался для нихъ день или число мѣсяца произвольно. Православный мѣсяцесловъ составленъ по извѣстному плану, замыслу, хотя планъ этотъ не могъ быть строго выдержанъ во всѣхъ ча-

стяхъ его. Такъ, напр., нельзя не замѣтить, что часть церковнаго года отъ половины февраля до половины апрѣля, на которую падаетъ обыкновенно Великій постъ, почти не имѣетъ никакихъ не только великихъ, но среднихъ праздниковъ, и сюда отнесены всѣ наименѣе важныя священныя памяти (иногда прямо перенесены съ другихъ дней года) ¹⁾. Это сдѣлано въ виду того, что каждый день Великаго поста имѣетъ свою особую и очень богатую церковную службу, для которой служба стятому, если не отмѣняется совсѣмъ (большею частію переносится на повечеріе), то заслоняется ею въ значительной степени.

Рождественскій постъ не имѣетъ своихъ особыхъ службъ, исключая двухъ послѣднихъ воскресеній его да дней предпразднества предъ Рождествомъ Христовымъ; посему въ теченіе его службы дневнымъ святымъ могутъ занимать главное положеніе, какое занимаютъ они въ обыкновенное время церковнаго года.

А пощеніе, это „крыло молитвы“, сообщаетъ имъ здѣсь ту умирительность и теплоту, какой они въ другое время года не могутъ имѣть. Естественно поэтому, что къ Рождественскому посту церковный мѣсяцесловъ приурочиваетъ болѣе важныя изъ своихъ памятей. Въ этомъ отношеніи этотъ постъ, слѣдовательно, составляетъ противоположность Великому.

И прежде всего едва ли случайность, а если случайность, то очень счастливая, что самое преддверіе этого поста не совсѣмъ обыкновенный, простой день церковнаго года, а имѣетъ довольно важную память; это—память св. ап. Филиппа. Всѣ апостолы изъ лика 12 чтутся по нынѣшнему церковному уставу такъ называемымъ поліелеемъ, и дни ихъ составляютъ „средніе“ праздники. Понятно само собою, что такой праздникъ неумѣстенъ былъ въ первый день поста и

¹⁾ Это обстоятельство отмѣчено архіеп. Сергіемъ въ его капитальномъ трудѣ „Полный мѣсяцесловъ Востока“.

какъ нельзя болѣе умѣстенъ былъ на заговинѣ, которыя, по взгляду Церкви, являются „свѣтлымъ предпразднествомъ воздержанія“ ¹⁾ и для большинства постовъ падаютъ на праздничные дни (недѣля Сырная предъ Великимъ постомъ, недѣля всѣхъ святыхъ предъ Петровымъ). Любопытно, что въ двухъ древнѣйшихъ литургическихъ памятникахъ—отрывкѣ Готскаго мѣсяцеслова IV—V вѣковъ и въ типиконѣ греческаго императора Константина VII, написанномъ въ X вѣкѣ—память ап. Филиппа положена 15 ноября ²⁾. Возможно, слѣдовательно, что она въ послѣдствіи перенесена на 14 ноября изъ-за того, чтобы не падала на начало поста, а „просвѣтила“ собою заговинѣ его.

Начало, первый день Филиппова поста тоже освященъ памятью, но памятью болѣе подходящею для его скорбно-покаяннаго характера, именно памятью мучениковъ. На каждой великопостной службѣ церковный уставъ назначаетъ рядомъ съ покаянными пѣснощѣніями, „стихирами“, обязательно одну стихирѣ въ честь всего лика мучениковъ, такъ называемый „мученичень“, справедливо полагая, что ничто такъ не можетъ воодушевить къ подвигу поста, какъ воспоминаніе о неимовѣрныхъ страданіяхъ за Христа мучениковъ—объ этихъ „строганіяхъ тѣлесе“, отсѣченіяхъ рукъ и ногъ, исторганіяхъ языковъ, изbodenіяхъ очесъ, жженіяхъ на сковородахъ и иныхъ тмочисленныхъ мукахъ. Для перваго дня Рождественскаго поста выбрана память мучениковъ именно изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ пытокъ, возбудившихъ страданіе въ мучившихъ воннахъ (бывали мученики, избѣжавшіе ужасныхъ истязаній и сразу обезглавленные; бывали и тихо скончавшіеся до казни), притомъ и между такими мучениками, такъ сказать, исключительныхъ—Гурія, Самона

¹⁾ Трїодъ постная, въ понедѣльникъ сырный на утрени трищѣнецъ, пѣснь 1, тропарь 1.

²⁾ Сергій архіеп. Полный мѣсяцесловъ Востока, Владимірѣ 1901, т. I, 43, 143; т. II, 355.

и Авива. Имъ однимъ изъ всѣхъ мучениковъ усвоено наименование „исповѣдниковъ“ или за особенную твердость Христова исповѣданія, или, какъ думаютъ, за то, что послѣ смерти своей они наказали одного воина за несоблюденіе данной у нихъ гроба клятвы въ супружеской вѣрности. Опять и здѣсь замѣчательно, что память этихъ мучениковъ, день кончины которыхъ неизвѣстенъ, и изъ которыхъ одинъ пострадалъ чрезъ 16 лѣтъ послѣ первыхъ двухъ, отнесена къ 15 ноября послѣ долгихъ колебаній со стороны церковнаго устава (въ разныхъ древнихъ мѣсяцесловахъ она положена то 2 декабря, то 2 сентября, то 16 ноября) ¹⁾; слѣдовательно, она намѣренно приурочена къ первому дню поста, какъ наиболѣе подходящая сюда.

Предваряясь и начинась такими подходящими священными воспоминаніями, Рождественскій постъ и на всемъ протяженіи своемъ, какъ замѣчено, имѣеть, можно сказать, лучшія памяти церковнаго года. Рѣдительно изъ каждаго лика святыхъ для этого священнѣйшаго періода выбраны наиболѣе видные представители или наиболѣе имѣющіе отношеніе къ приближающемуся празднику Рождества Христова.

Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно, что на Рождественскій постъ падаетъ наиболѣе памятей пророковъ. Изъ ветхозавѣтныхъ пророковъ въ особенно тѣсномъ отношеніи изъ событій Рождества Христова, по взгляду Церкви, стоитъ пр. Данииль, такъ точно предсказавшій время этого событія и наиболѣе близкій къ нему по времени, и три его друга „отрока“, „въ печи огненной“ прообразившіе это событіе, почему въ недѣли, приуготовительныя къ Рождеству, между праотцами и отцами Спасителя воспоминаются преимущественно они четыре ²⁾. И вотъ годовая, мѣсяцесловная

¹⁾ Ibid. II, 355.

²⁾ Какъ въ недѣлю св. праотець, такъ и въ недѣлю отецъ, имъ положены особые каноны помима частаго упоминанія о нихъ въ общемъ канонѣ. А тропарь недѣли отецъ прославляетъ только ихъ.

память ихъ положена 17 декабря, за недѣлю до Рождества (въ старыхъ мѣсяцесловахъ—11, 15, 16, 18 декабря, 16, 28 ноября, 21 іюля, 4 мая, 19 марта). Затѣмъ нельзя не замѣтить, что изъ прочихъ пророковъ на Филииновъ постъ отнесены памяти цѣлаго ряда менѣе замѣчательныхъ изъ нихъ, оставившихъ наименьшія книги—Авдія, Наума, Аввакума, Софонія. Это потому, что эти пророки остались безъ памятей въ то время, когда всѣ другіе, болѣе замѣчательные, получили памяти. Тогда памяти ихъ отнесены на свободные или менѣе занятые памятями дни Рождественскаго поста. Это особенно ясно видно изъ того, что тремъ изъ этихъ пророковъ: Науму, Аввакуму и Софоніи, памяти положены къ ряду на первые три дня декабря и въ такомъ порядкѣ, въ какомъ находятся ихъ книги въ Библии. Что памяти этихъ четырехъ пророковъ позднѣе помѣщены на настоящихъ ихъ мѣстахъ (Авдій—19 ноября), доказываетъ отсутствіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ въ древнѣйшихъ мѣсяцесловахъ и вторымъ или третьимъ мѣстомъ, какое занимаютъ они въ позднѣйшихъ мѣсяцесловахъ.

Изъ лика апостоловъ Филииновъ постъ, кромѣ открывающей его памяти св. Филиппа, имѣетъ еще двѣ другія: св. Матѳея 16 ноября и св. Андрея 30 ноября. Такимъ образомъ и изъ апостоловъ наиболѣе видный послѣ первоверховныхъ и ап. Іоанна—первозванный апостоль просвѣщаетъ памятью своею этотъ постъ.

Изъ мученическихъ памятей на Рождественскій постъ падаютъ тоже наиболѣе важныя. Между мучениками чтутся поіелейными праздниками только Евстаѳій, 40 севастиійскихъ, Георгій и Евстратій (первый и послѣдній съ друзьями) и изъ нихъ память Евстратія падаетъ на Рождественскій постъ. Но особенно замѣчательнъ этотъ постъ памятями не мучениковъ, а мученицъ. Двѣ самыя чтимыя изъ нихъ: великомученицы Екатерина и Варвара имѣютъ въ немъ свои

1) Сергій архіеп., цит. соч. II, 386.

памяти. Невольно бросается въ глаза, что въ самомъ концѣ Рождественскаго поста рядъ дней занять памятьми мученицъ: 21 декабря мученицы Гуліанін, 22 дек. мученицы Анастасіи, 24—муч. Евгеніи. Это, очевидно, потому, что, какъ выражается одна церковная пѣснь въ честь Пресв. Богородицы, „благословенную въ женахъ Ты яко видѣ, сословіе женское пострада, и Твоему Сыну, Дѣво Мати, приведеся“¹⁾. На службахъ тѣхъ дней Рождественскаго поста, въ которые не приходится великій святой или два святыхъ, стихиры октоиха (на Господи воззвахъ) замѣняются особыми стихирами въ честь Пресв. Богородицы, которая имѣла особо близкое отношеніе къ событію Рождества Христова²⁾. Въ соотвѣтствіе съ этимъ Рождественскій постъ и имѣетъ столько памятей мученицъ.

Самымъ чтимымъ между святителями является, несомнѣнно, св. Николай. Память его тоже приходится въ Филишовъ постъ. Изъ преподобныхъ, подвижниковъ самую торжественную службу въ нынѣшнемъ (Іерусалимскомъ) уставѣ имѣетъ основатель этого устава преп. Савва Освященный. Память его тоже приходится на Рождественскій постъ (5-го декабря).

Такъ этотъ постъ собралъ для себя самыя важныя и умилительныя памяти церковнаго года, улаждающія воздержаніе его.

Какъ ни много столь важныхъ памятей имѣлъ Рождественскій постъ, онѣ лишь отдаленно могутъ способствовать его главной цѣли—подготовленію вѣрующихъ къ празднику Рождества Христова. Гораздо болѣе этой цѣли отвѣчаютъ вводимыя въ службы этого поста особенныя пѣснопѣнія, подготовляющія вѣрующихъ къ достойному срѣтенію праздника.

¹⁾ Октоихъ, гл. 5, въ субботу на утрени 1-го канона пѣснь 3, богородичень.

²⁾ Такія стихиры, должно быть, въ подражаніе Рождественскому посту, имѣетъ и Петровъ постъ.

Такия пѣснопѣнія вводятся въ службы поста съ искусною постепенностію, все расширяясь въ объемѣ, заполняя все большую часть церковныхъ службъ, пока они, въ концѣ поста, не обращаютъ цѣлыя службы въ сплошной гимнъ празднику.

Въ этомъ отношеніи характерно прежде всего, что такія пѣснопѣнія вставляются въ церковныя службы поста не съ самаго начала его, какъ то можно было бы ожидать, а спустя ровно недѣлю послѣ начала его, недѣлю, которая должна воздержаніемъ очистить вѣрующихъ и сдѣлать ихъ болѣе воспріимчивыми для этого высокаго подготовленія. Именно, предпраздничныя пѣснопѣнія въ честь Рождества Христова впервые полагаются на праздникъ Введенія. Не безъ намѣренія начало ихъ приурочено именно къ этому празднику: помимо того, что столь великій праздникъ самое удобное для этого время, Введеніе особенно пригодно для этого, какъ „благоволенія Божія предображеніе“.

Въ качествѣ такихъ подготовительныхъ къ столь далекому еще празднику пѣснопѣній выбраны ирмосы самого праздника Рождества Христова („Христось раждается“). Изъ всѣхъ пѣснопѣній праздника ирмосы, которые вообще подражаютъ ветхозавѣтнымъ священнымъ пѣснямъ, представляютъ изъ себя пѣснопѣнія самаго общаго содержанія и наиболѣе отдаленнаго отношенія къ празднику; они иногда ничего не говорятъ о празднуемомъ событіи (таковъ между ирмосами Рождества Христова—7-й: „Отроцы благочестію совоспѣта ни“). Посему изъ Рождественскихъ пѣснопѣній никакія другія такъ не шли бы сюда, для пѣнія такъ задолго до самого праздника Рождества. Эти ирмосы, исключая, впрочемъ, важнѣйшихъ изъ нихъ—перваго и послѣдняго, поются въ обыкновенные будни въ качествѣ ирмосовъ Октоиха (на по-вечеріи въ четвертокъ 1 гласа) и иногда Миней.

Начиная съ Введенія, ирмосы Рождества Христова въ качествѣ катавасіи (заключительныхъ ирмосовъ) поются во всѣ воскресные дни и праздники, не только великіе, но и

поліелейные и даже такъ называемые славословные (безъ поліелей, но съ великимъ славословіемъ, какой праздникъ въ теченіе Филиппова поста только одинъ—9 декабря). Если праздники случаются два дня къ ряду, то въ одинъ изъ нихъ, болѣе важный, поются, въ качествѣ катавасіи, ирмосы „Христосъ раждается“, а въ другой ирмосы второго рождественскаго канона, изъ коихъ первый начинается словами „Спасе люди чудодѣйствующій Владыка“ (они поются, напр., 5 декабря, въ день св. Саввы). Эти послѣдніе ирмосы уже совершенно общаго содержанія, и ни одинъ изъ нихъ прямо не говоритъ о событіи Рождества Христова, даже послѣдній („Любити убо намъ“). Зато они отличаются большею глубиною чувства, принадлежа перу знаменитаго Іоанна Дамаскина (первые „Христосъ раждается“—Космы Маюмскаго). Кромѣ Рождества Христова подготовительную катавасію предъ собою имѣютъ и другіе праздники, но не въ теченіе столь продолжительнаго времени: Крещеніе—съ 1 января, Срѣтеніе—съ 15 января, Вознесеніе—въ послѣднее предъ нимъ воскресенье, день св. Троицы—съ Вознесенія. Впрочемъ, Воздвиженіе имѣетъ подготовительную катавасію въ теченіе еще большаго, чѣмъ у Рождества, промежутка—съ 1 августа. Замѣтимъ также, что такъ называемый Евергетидскій уставъ¹⁾ (уставъ одного Константинопольскаго монастыря) XII в. не знаетъ еще подготовительной къ Рождеству катавасіи: не указываетъ ее ни 21 ноября (катавасія: Отверзу уста), ни въ ближайшіе предъ Рождествомъ дни (даже въ недѣлю св. отецъ).

Ирмосы, по общности своего содержанія и отдаленности его отъ восхваляемаго событія, какъ замѣчено, могутъ служить лишь легкимъ приготовленіемъ къ празднику. Между тѣмъ съ приближеніемъ праздника это приготовленіе естественно усилить. И вотъ съ такой цѣлью церковный уставъ,

¹⁾ Изданъ проф. А. А. Дмитриевскимъ въ его „Описаніи литургическихъ рукописей“, т. I, Кіевъ 1895.

съ дальнѣйшимъ теченіемъ Филиппова поста вводить въ церковныя службы кромѣ праздничныхъ прмосовъ спеціальныя предпраздничныя пѣсногѣнія — стихиры. Такое усиленіе подготовительныхъ къ Рождеству Христову пѣсногѣній начинается тоже съ знаменательнаго дня Филиппова поста — съ памяти первозваннаго апостола Андрея. Ясно, почему для этого выбранъ такой день: это ближайшій праздникъ къ 1 декабря, когда естественно усилить приготовленіе къ Рождеству Христову. Служба ап. Андрея имѣетъ три такихъ предпраздничныхъ стихиры, причемъ онѣ замѣняютъ собою богородичны; слѣдовательно, занимаютъ самыя видныя мѣста въ службѣ (даже вмѣсто догматика поется одна изъ этихъ стихирь). Стихиры дышатъ самымъ теплымъ чувствомъ и высокой поэзіей, выдѣляясь изъ ряда вообще отличающихся этими качествами нашихъ церковныхъ пѣсногѣній. „Виолееме, благоукрасися! отверзи врата, Едеме! И волеви идите видѣти спасеніе, въ яслехъ повиваемое“¹⁾, восклицаетъ одна изъ нихъ. „Восприми Виолееме Божию митрополию: Свѣтъ бо не заходимый въ тебѣ. родитися приходитъ. Ангели, удивитесь на на небеси? Человѣцы прославите на земли“²⁾, прибавляетъ другая. Но особенно смѣла по замыслу третья: „Іосифе, рцы намъ: како, отъ святыхъ (изъ святилица) юже пріялъ еси, Дѣву непраздну приводиши въ Виолеемъ? Азь, глаголетъ, пророки испытавъ, и отвѣтъ пріемъ отъ Ангела, увѣрихся, яко Бога родить Марія несказанно“³⁾.

Такія же стихиры и въ такомъ же точно количествѣ появляются затѣмъ въ службѣ св. Николаю Чудотворцу 6-го декабря. Замѣчательно при этомъ, что такими стихирами уставъ минуетъ день св. Саввы Освященнаго, — праздникъ не меньшій 6 декабря, но по виновнику его — строгому подвижнику и постнику — не могущій имѣть слишкомъ радост-

¹⁾ Изъ стихиры на Господи возвахъ.

²⁾ Изъ стихиры на хвалитехъ.

³⁾ Изъ стихиры на стиховаѣ.

наго характера (ср. 29 августа): Предпраздничныя стихиры 6 декабря заглядываютъ въ приближающееся великое событіе еще глубже стихирь 30 ноября, рисуя уже почти полную картину его какъ будто еще съ большей поэзіей: „Безневѣстная Дѣво, откуда пришла еси? кто родивый Тя? кто и мати Твоя? Како Зияждителя носиши на руку? Како не растлилася еси утробою“¹⁾ „Вертене, благоукрасяся, Агница бо грядеть, чревоносящи Христа... Явился Господь изъ Дѣвы Матере, Ему же и приникши рабски Мати поклонися и привѣщаше къ держимому на объятіихъ Ея: како всеѣялся еси Мнѣ? или како прозяблъ еси во Мнѣ, Избавителю Мой и Боже“²⁾ Кромѣ этихъ стихирь, служба 6 декабря усиливаетъ приготовленіе къ Рождеству Христову, имѣя не только катавасіей, но и ирмосами своего послѣдняго канона ирмосы „Христось раждается“ (хотя ирмосы втораго и третьяго каноновъ не поются, но по образцу ихъ должны пѣться тропари канона). Такіе же ирмосы имѣетъ второй канонъ 9-го декабря, день зачатія св. Анны.

И рождественская катавасія, и предпраздничныя стихиры занимаютъ очень мало мѣста въ тѣхъ службахъ Филиппова поста, въ которыя онѣ вставляются, чтобы служить достаточнымъ приготовленіемъ къ празднику Рождества. Болѣе значительнымъ приготовленіемъ къ нему являются службы двухъ послѣднихъ недѣль предъ праздникомъ, которыя посвящены воспоминанію предковъ Спасителя по плоти и вообще всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, ожидавшихъ Его пришествія, и которыя по сему называются одна недѣлей св. праотецъ, а другая св. отецъ. Изъ этихъ названій можно было бы заключить, что въ первую недѣлю воспоминаются древнѣйшіе изъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, а во вторую позднѣйшіе. Но содержаніе службы показываетъ, что въ обѣ недѣли прославляются безъ различія всѣ ветхозавѣтные пра-

¹⁾ Изъ стихиры на стиховѣ.

²⁾ Изъ стихиры на Господи воззвахъ.

ведники. Следовательно, наименование „праотцевъ“ указываетъ только на то, что эта недѣля предшествуетъ недѣлѣ отцевъ ¹⁾ („недѣля ранѣе прославляемыхъ отцевъ“). Кромѣ праздника Рождества такія приготовительныя недѣли имѣютъ еще два праздника церковнаго года: Крещеніе и Воздвиженіе, но имѣютъ по одной такой недѣлѣ.

Уставъ Великой Константинопольской церкви IX—X вѣковъ имѣетъ еще только одну недѣлю св. отецъ и ограничиваетъ кругъ послѣднихъ Авраамомъ, Исаакомъ, Іаковомъ, и прор. Данииломъ съ тремя отроками. Упомянутый же Еввергетидскій уставъ уже знаетъ какъ недѣлю св. праотецъ, такъ и недѣлю св. отецъ предъ Рождествомъ Христовымъ. Отсюда можно заключить, что недѣля праотецъ установлена между IX и XII вѣками. Недѣля же св. отецъ не позднѣе VIII вѣка, такъ какъ имѣетъ стихиры прѣсноицевъ этого вѣка (Германа и др.).

Если каждое простое воскресеніе столько отрадныхъ минутъ и умиленія даетъ вѣрующему чрезъ то оживленіе памяти о воскресшемъ Господѣ, которое въ такой сильной степени производится длиннымъ рядомъ прѣсноицвнй въ честь Юго, то „недѣли“ (воскресенья), съ которыми соединяются особыя воспоминанія, какъ недѣли праотецъ и отецъ, по замыслу церковнаго устава, должны оказывать вдвое сильнѣйшее впечатлѣніе. Для достиженія этого изъ воскресной службы исключается служба дневнаго святого, которая въ нѣкоторомъ отношеніи низводитъ воскресную службу въ рядъ

¹⁾ Не имѣетъ основаній въ службѣ недѣль и предположеніе прот. Г. Дебольскаго, что подъ праотцами разумѣются всѣ ветхозавѣтные праведники, а подъ отцами только предки Спасителя по плоти („Дни богослуженія правосл. каюл. вост. Церкви“ Спб. 1866, т. II, 297): въ службѣ недѣли св. отецъ восхваляются Авель, Мелхиседекъ, Моисей, Ааронъ, Іисусъ, Самуиль и различные пророки, а тропарь этой недѣли посвященъ только Даниилу и тремъ отрокамъ. Наоборотъ, въ тропарѣ праотцамъ есть выраженіе: „яко отъ сѣмене ихъ есть благословенъ—безъ сѣмене Рождшая Тя“. Но и въ недѣлю праотецъ восхваляются не одни предки Христовы.

обыкновенныхъ будничныхъ (по общему правилу устава при великомъ святомъ служба малому оставляется, не потому что одинъ святой выше другого, а потому что служба менѣе чтимому святому не отличается такой глубиной чувства и такими литературными достоинствами). На мѣсто будничныхъ пѣснопѣній Минен ставятся восторженные пѣсни въ честь св. праотцевъ и отцевъ, проникнутыя отраднымъ ожиданіемъ приближающагося праздника.

Изъ праотцевъ и отцевъ Спасителя наиболѣе вниманія въ службѣ этихъ недѣль удѣляется пророку Даниилу и тремъ отрокамъ по вышеуказаннымъ основаніямъ (какъ прообразившимъ въ пещи Рождество Христово, не опалившее „утробу дѣвичу“). Въ недѣлю праотець имъ положенъ отдѣльный канонъ на ряду съ канономъ праотцамъ. А въ недѣлю отецъ, хотя имъ нѣтъ особаго канона, зато тропарь—это важнѣйшее пѣснопѣніе церковныхъ службъ—посвященъ имъ однимъ. Кромѣ того въ обѣ недѣли ихъ однихъ восхваляютъ столь важныя церковныя пѣснопѣнія, какъ кондакъ, икосъ (для которыхъ совершенно отмѣняются воскресные кондакъ и икосъ) инакон¹⁾.

Все усиливаясь и осложняясь съ дальнѣйшимъ теченіемъ Филиппова поста, церковное приготовленіе вѣрующихъ

¹⁾ Относительно инакон надо замѣтить, что это очень рѣдкое церковное пѣснопѣніе, которымъ отмѣчаются (кромѣ, впрочемъ, воскресенья) лишь нѣтъ самыхъ великихъ дванадцатыхъ праздниковъ: Пасха, Рождество Хр., Крещеніе, Св. Троицы и Успеніе. Присутствіе инакон въ службѣ этихъ двухъ недѣль составляетъ поэтому ихъ почетное отличіе, тѣмъ болѣе что инакон воскресный не замѣняется отеческимъ, а остается на своемъ мѣстѣ, а послѣдній поется вмѣсто сѣдальна по 3 пѣсни канона. Инакон обѣихъ недѣль отличаются кромѣ того большою, рѣдкою и между самыми лучшими церковными пѣснями, поэтической красотой: они искусно сближаютъ явленіе ангела въ пещи вавилонской съ явленіемъ его у гроба Христова. Неудивительно, что Евергетидскій уставъ назначалъ этимъ инакон очень торжественное исполненіе: сначала поетъ инакон псалтъ, затѣмъ народъ; потомъ псалтъ стихъ: „Воскликните Господеви“... или „Боже ушима нашими“ и народъ конецъ инакон (А. А. Дмитріевскій цит. изд. 339).

къ празднику Рождества Христова получаетъ свое заверше-
ніе, достигаетъ особенной силы въ послѣдніе дни поста, въ
дни такъ называемаго предпразднства.

Каждый дванадесятый праздникъ въ Православной Цер-
кви имѣеть предпразднство или попразднство, и они соста-
вляютъ, такъ сказать, почетное отличіе дванадесятаго праз-
дника отъ всякаго другаго (изъ не дванадесятыхъ праздниковъ
предпразднство имѣеть 1 августа, а попразднство 24 и 29
іюня). Замятия всѣхъ иѣсноиѣнія октоиха съ ихъ всегда грустно-
покаяннымъ характеромъ радостными иѣснями въ честь при-
ближающагося праздника. предпразднство наполняетъ душу
вѣрующаго тѣмъ предощущеніемъ предстоящаго ликованія,
которое по свѣжести и тонкости своей даетъ душѣ иѣчто
такое, что не можетъ дать и самый праздникъ.

Назначая для дванадесятыхъ праздниковъ многодневныя
празднства (для Владычныхъ праздниковъ 7 или 8 дней, а
для Богородичныхъ—4 дня), церковный уставъ предпраздн-
ство для всѣхъ безразлично праздниковъ ограничиваетъ од-
нимъ лишь днемъ. Исключеніе изъ этого правила онъ дѣла-
еть только для двухъ, величайшихъ послѣ Пасхи, праздни-
ковъ Рождества и Крещенія, давая первому изъ нихъ 5, а
второму 4 дня предпразднства. Число 5 выбрано для пер-
ваго предпразднства за его (число) круглоту и изъ-за того,
что при такомъ количествѣ дней предпразднства оно начи-
нается въ 20, тоже круглое число декабря (день, освящен-
ный и такой важной памятью, какъ память священномуче-
ника Игнатія). Въ уставѣ Великой Константинопольской
церкви (IX в.) Рождество Христово имѣеть еще только одинъ
день предпразднства; но въ Евгеретидскомъ (XII в.) уже
имѣеть всѣ пять.

Отличаясь такою продолжительностью, предпразднство
Рождества Христова замѣтно выдѣляется изъ другихъ пред-
празднствъ еще одной стороной. Считая Рождество Христово
(какъ замѣчено выше) другою „Пасхою“, церковный уставъ
предпразднство его отождествляетъ съ предпасхальной. Страст-

ной седмицей, приближая службы этого предпразднства къ страстнымъ. Именно: на каждый день предпразднства на повечеріяхъ положены каноны, составленные по образцу каноновъ Страстной седмицы и исполняемые ихъ пѣнъями. 20 декабря на повечеріи положены два закона—трипѣсна, подражающихъ канонамъ Великихъ понедѣльника и вторника и обычно называемыхъ начальными словами: „Непроходимое волиящеся“ и „Велѣнію мучителюу“. 21 декабря трипѣснецъ, подражающій трипѣснцу Великой среды: „На камени мя вѣры“. 22 декабря—Великаго четвѣрка: „Сѣченое сѣчется“. 23 декабря—Великой пятницы—„Къ Тебѣ утренюю“. 24 декабря—Великой субботы—„Волною морскою“. Естественно, что канонамъ этимъ назначается и самое торжественное исполненіе. Тогда какъ на обычныхъ повечеріяхъ ирмосовъ канона можно и не пѣть (въ Греціи не поются; у насъ на молебнѣ законъ поется безъ ирмосовъ), ирмосы этихъ каноновъ въ виду ихъ исключительной важности и высшихъ достоинствъ полагается пѣть по-дважды, какъ поются ирмосы только въ великіе праздники (даже въ воскресенье по разу), и третій разъ въ качествѣ катавасіи, какъ дѣлается не во всѣхъ и дванадесятые праздники. Припѣвъ къ тропарямъ канона тотъ же, что и въ Страстную седмицу, простое и величественное: „Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ“.

Извѣстно, какою умиленностью отличаются пѣснопѣнія Страстной седмицы. И мысль положить въ основу предпразднственныхъ пѣсней Рождества Христова эти пѣснопѣнія нельзя не признать замѣчательною. Притомъ подражаніе страстнымъ канонамъ въ этихъ канонахъ предпразднства удивительно удачно: изъ каноновъ Страстной седмицы удержано каждое ихъ рываженіе, каждый образъ,—только эти выраженія и эти образы приложены къ другому событію. Такимъ образомъ о всѣхъ событіяхъ Рождества Христова пѣснописецъ говоритъ языкомъ страстныхъ пѣснопѣній. Этимъ онъ вдвойнѣ трогаетъ души слушателей. Этимъ онъ также проводитъ ве-

ликую богословскую идею—именно, что воплощеніе Слова Божія, будучи Его „истощаніемъ“, явилось для Него своего рода крестомъ, первымъ крестомъ, можетъ быть, не менѣе тяжелымъ, чѣмъ крестъ послѣдній, настоящій. Эта важная сторона событія Рождества Христова почти не выдвигается въ пѣсняхъ самого праздника; тамъ она нѣсколько омрачила бѣ свѣтлую праздничную радость. Ея мѣсто,—мѣсто для богоговѣйнаго размышленія надъ этой стороною празднуемаго событія,—въ полускорбные, постные дни предпразднства.

Чтобы убѣдиться, съ какимъ прямо изумительнымъ искусствомъ приспособлены къ событіямъ Рождества Христова страстные пѣснопѣнія въ этихъ канонахъ, приведемъ изъ нихъ два ирмоса, составленныхъ по образцу общезвѣстныхъ страстныхъ ирмосовъ: „Къ Тебѣ утренюю“ и „Волною морскою“. Первый получилъ такой видъ: „Къ Тебѣ утренюю, благоутробія ради Себе истощившему непреложно и зракъ раба отъ Дѣвы носившему, Слове Божій; миръ подаждь ми надшему, Человѣколюбче“. Ирмосъ „Волною морскою“ передѣланъ такъ: „Волною морскою сокрывшаго древле гонителя мучителя, въ яслехъ сокрываемаго, убити ищеть Иродъ, но мы съ волхвы поимъ: Господеву воспоимъ, славно бо прославися“. Благодаря цѣлому большому циклу нашихъ пѣснопѣній предъ Рождествомъ Христовымъ подъ видомъ его пятидневнаго предпразднства оказывается настоящая Страстная недѣля, и празднику этимъ сообщается положительно пасхальный колоритъ¹⁾.

Эти каноны, какъ ни высокопоэтичны и умилительны они, все же не оригинальное произведеніе, почему, можетъ быть, они и положены на такой второстепенной церковной службѣ, какъ повечеріе. Кромѣ нихъ предпразднство Рождества Христова имѣетъ цѣлый рядъ стихирь, и каноновъ, гото-

¹⁾ Эти высокоподражательные каноны знаетъ уже Евергетидскій уставъ, назначая ихъ тоже на повечеріяхъ и указывая пѣть ихъ „съ ирмосами“.

вящихъ вѣрующуехъ къ срътенію праздника чрезъ освѣщеніе событія съ самыхъ различныхъ сторонъ. Число этихъ подготовительныхъ пѣсней, считая ихъ всѣ: стихиры на Господи возвахъ (4 ежедневно, въ 5 дней—20), на стиховнѣ (столько же), тропари (только два: для первыхъ 4 дней одинъ общій и для послѣдняго дня—особенный), сѣдальны (3 ежедневно—15), ирмосы и тропари каноновъ утрени (5 для каждой изъ 8 пѣсней— $40 \times 5 = 200$), кондаки и икосы (2 кондака чередующіеся и 3 икоса), свѣтильны (5), стихиры на хвалитехъ (6 ежедневно—30), стихиры на стиховнѣ утреннія ($4 \times 5 = 20$), стихиры на царскихъ часахъ (три на каждомъ, 12) достигаетъ внушительной цифры 429, а съ ирмосами и тропарями подражательныхъ каноновъ (болѣе 100) до 500 съ лишнимъ. Уже такое количество предпразднственныхъ пѣсней можетъ дать понятіе о той степени подготовленія къ празднику, какая достигается въ данномъ случаѣ Православной Церковью.

Но дѣло, конечно, не въ количествѣ. Достоинство церковныхъ пѣсней всегда оказывается въ соотвѣтствіи съ значеніемъ восхваляемаго ими событія. Если пѣсни Пасхи и Страстной седмицы отличаются между всѣми церковными пѣснями наибольшою глубиною чувства и поэзіей, то пѣсни Рождества въ этомъ отношеніи занимаютъ второе мѣсто. Это и понятно; послѣ страданій и воскресенія Христова ни одно событіе Его жизни не могло такъ воодушевить пѣснописца, какъ событіе Его рожденія, Его воплощеніе.

Всѣ предпразднственные пѣсни Рождества Христова настолько высоки въ литературномъ отношеніи, что нелегко оцѣнить ихъ сравнительное достоинство. Особенно выдаются между ними развѣ стихиры на хвалитехъ, принадлежащія перу знаменитаго Романа Сладкопѣвца и расположенныя по Ѳлфавиту (начальные буквы ихъ всѣхъ даютъ полный греческій алфавитъ). Хороши иногда очень и стихиры на Господи возвахъ. Таковы, напр., стихиры 24 числа, благоговѣнно заглядывающія въ душу Богоматери въ моментъ рожденія отъ нея Господа: „Носиши Адамовъ зракъ, во образѣ

Божіи Сый всесовершенный и хочещи руками держатися, рукою вся содержай силою Твоею... Како Тя пеленами по-вию яко младенца?... како соснами питаю Тя, всяческая питающаго? Како Тя Сына Моего нареку, раба Твоя нынѣ сущи¹⁾. Или въ уста Богоматери влагається такая рѣчь къ волхвамъ: „Кого ищите вы? Яко вижду бо, отъ инодалыня страны приидосте, персскій образъ и мудрованіе имуще. Страненъ исходъ и шествіе сотвористе; и къ Странствовавшему свыше и странно въ Мя Всельшемуся, яко вѣсть Самъ, со тщаніемъ приидосте“²⁾. Замѣчательнъ также психологическій анализъ душевнаго состоянія Іосифа: „Сія глаголетъ Іосифъ къ Дѣвѣ: Маріе, что дѣло сіе, еже въ Тебѣ зрю? Недоумѣю и удивляюся и умою ужасаюся; отай убо буди вскорѣ. Маріе, что дѣло сіе, еже въ Тебѣ вижу? За честь—срамоту, за веселіе—скорбь; вмѣсто еже хвалитися—укоризну ми принесла еси. Ктому не терплю уже поношеній чловѣческихъ; ибо отъ іерей изъ церкви Господни яко непорочну Тя пріяхъ, и что видимое“³⁾

Характерны также напѣвы, которыми исполняются предпразднственныя пѣсни. Эти напѣвы по большей части дышатъ тихою грустью. Изъ 8 гласовъ чаще всего выбирается для предпразднственныхъ пѣсней Рождества Христова—2-ой и 6-ой гласы, наиболѣе печальные гласы, которыми исполняется и большая часть пѣсней Страстной седмицы. Такъ, стихиры на хвалитехъ всѣхъ дней предпразднства поются 6 гласомъ; стихиры на стиховнѣ большею частію поются въ дни рождественскаго предпразднства 2 гласомъ; каноны—эта самая значительная часть церковныхъ пѣсней—поются въ первые два дня попразднства еще радостными напѣвами—1 и 4 гласомъ; въ три же слѣдующіе дня уже 6 и 2 гласами.

Не останавливаемся на общеизвѣстныхъ уставныхъ особенностяхъ послѣдняго великаго дня Рождественскаго поста—сочельника, напоминающаго службами своими Великую пят-

¹⁾ 1-я стихира.

²⁾ 3-я стихира.

³⁾ Царскіе часы, 3-й, тропарь 3.

лицу (царскіе часы) и Великую субботу (канонъ „Волною морскою“ на повечеріи, литургія Василя Великаго съ вечернею въ позднее время; пареміи съ пѣніемъ стиховъ). Трогательныя службы сочельника еще выигрываютъ въ своемъ впечатлѣніи на душу, когда сочельникъ приходится въ воскресенье. Хотя тогда царскіе часы переносятся на предыдущую пятницу, и литургія совершается обыкновенная (Златоустова), но замѣчательно соединеніе воскресной службы съ предпразднственной. Изъ воскресныхъ пѣсногѣній сохраняется только пѣсколько самыхъ важныхъ и лучшихъ—именно 3 стихиры на Господи возвахъ и тропарь. Т. о. воскресная служба почти совершенно отмѣняется для предпразднственной, чего не дѣлается даже для дванадесятихъ богородичныхъ праздниковъ. Всенощное бдѣніе представляетъ тогда соединеніе трехъ родовъ пѣсногѣній, изъ коихъ каждый восторженнѣе другого: воскресныхъ, предпразднственныхъ и св. отцамъ (такъ какъ недѣля эта, какъ послѣдняя предъ Рождествомъ Христовымъ, есть недѣля св. отецъ). Между предпразднственными пѣснями въ это воскресенье особенно замѣчательны стихиры на стиховнѣ, начинающіяся словами: „Доме Евфраоовъ“. Замѣчательны онѣ своимъ напѣвомъ, представляющимъ рѣдкую красоту по своей легкости, какъ бы граціи. По образцу этихъ стихиръ, ихъ напѣвомъ поются въ большинствѣ случаевъ стихиры предпразднствъ и по-празднствъ всѣхъ дванадесятихъ праздниковъ, такъ что службы послѣднихъ пестрятъ словами: „подобенъ (т. е. поется подобно) Доме Евфраоовъ“. Между тѣмъ высокой подлинникъ этихъ безчисленныхъ копій уставъ даетъ возможность услышать лишь разъ лѣтъ въ 5—6, такъ какъ стихиры „Доме Евфраоовъ“ поются 24 декабря тогда только, когда оно приходится въ воскресенье.

Не менѣе этихъ стихиръ замѣчателенъ канонъ сочельника, приходящагося въ воскресенье. Канонъ воскресный октоиха тогда замѣняется особымъ канономъ съ ирмосами „Волною морскою“ и двумя воскресными тропарями необы-

чайно высокой поэзіи. Благодаря такимъ ирмосамъ, которые притомъ положено пѣть по-дважды (какъ никогда въ воскресенье), воскресная служба принимаетъ колоритъ великосубботней. Воскресная радость ради скорбно-постнаго характера сочельника умѣряется тихою и сладкою скорбью Великой субботы. Этою небольшою частностью своихъ предписаній нашъ церковный уставъ проявилъ поистинѣ необыкновенную тонкость въ пониманіи и культивированіи глубокихъ душевныхъ движеній.

М. Скабиллановичъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Праздникъ Рождества Христова.

Весь православный христіанскій міръ готовится встрѣтить и торжественно праздновать день Рождества Господа нашего Иисуса Христа,—тотъ день, который своимъ изъ года въ годъ наступленіемъ напоминаетъ о безграничной любви Отца Небеснаго къ грѣховному, страждущему человѣчеству. Это—день, когда въ первый разъ во мракѣ жизни человѣческой возсіяло Солнце правды—Христось Богъ нашъ. Это—день, съ котораго начинается обновленіе погибавшаго во грѣхахъ рода человѣческаго. Это—день, въ который Богъ нисшелъ къ людямъ, и люди озарились свѣтомъ истины, добра, правды, любви. Вся исторія рода человѣческаго не представляетъ намъ на своихъ страницахъ ничего болѣе великаго, чѣмъ это событіе. Этому великаго событія и этой неизреченной радости нѣкогда ожидали цѣлые милліоны людей на протяженіи пяти тысячъ лѣтъ, а самое исполненіе его воспѣли сонмы небожителей, свидѣтельствуя, что отсюда, съ этого величайшаго момента, между небомъ и землею начинается постоянное взаимоотношеніе и общеніе. Поэтому день Рождества Христова, въ ряду другихъ евангельскихъ событій, считается вторымъ праздникомъ Православной Церкви; это—„трехдневная Пасха“, и какъ таковой, онъ издревле былъ

величайшимъ и радостнѣйшимъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Рождество Христово было великою радостію для ангеловъ, немѣвщихъ нужды въ искупленіи и спасеніи, то тѣмъ болѣе этою радостію должны быть проникнуты сердца людей. Еще святые апостоги, самовидцы и служители Господа, заповѣдали всѣмъ вѣрующимъ особенно праздновать свѣтозарный день Рождества Христова. „Храните, братіе, сказано въ Апостольскихъ постановленіяхъ, дни праздничные и, во-первыхъ, день Рождества Христова, въ онъже печаемая благодать дана человѣкамъ рожденіемъ Божія Слова отъ Дѣвы Маріи на спасеніе міру“¹⁾.

(О великомъ значеніи этого праздника св. Златоустъ въ своемъ словѣ говоритъ: „къ чему праотцы столь сильно стремились, что пророки предвѣщали, а праведные желали видѣть, что сегодня совершилось: Богъ явился на землѣ во плоти и вселился между людьми. Возрадуемся и возвеселимся, возлюбленные! Иоаннъ възграть во чревѣ матери своей, когда Марія пришла къ Елизаветѣ—его матери; не болѣе ли мы должны восклицать отъ внутренней радости, видя сегодня не только Марію, но и нашего Господа Спасителя? Въ какое изумленіе пришли бы мы, если бы солнце сошло съ неба и стало вращаться на землѣ? Всѣ обитатели земли были бы поражены такимъ чудомъ. Не болѣе ли мы должны исполниться глубочайшимъ удивленіемъ при совершившемся нынѣ гораздо важнѣйшемъ чудѣ, когда Солнце правды распространяетъ свои лучи къ нашей плоти и озаряетъ наши души“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ св. Златоустъ такъ изображаетъ значеніе этого праздника въ ряду другихъ: „вотъ настаетъ, говоритъ онъ, день Рождества Христова,—праздникъ честнѣйшій и важнѣйшій изъ всѣхъ праздниковъ. Кто назоветъ его матерью всѣхъ праздниковъ, тотъ не погрѣшитъ. Что же это за праздникъ? Это Рождество Христово по плоти; въ этомъ праздникѣ

¹⁾ Кн. V, гл. 15 и кн. VII, гл. 33.

²⁾ Бес. 36-я на Рождество Христово.

имѣють основаніе и начало свое и Богоявленіе, и Священная Пасха, и Вознесеніе Господне, и Пятидесятница. Если бы Христось не родился по плоти, то и не крестился бы, не дострадалъ бы, и не послалъ бы Святаго Духа. Итакъ, отъ праздника Рождества Христова начались наши праздники, какъ отъ источника различные потоки“¹⁾. „Великъ, восклицаетъ Ефремъ Сиринъ, великъ, Господи, день рожденія Твоего“²⁾.

Подражая пастырямъ Виолесма, по зову ангела, принявшимъ къ колыбели Воплощеннаго, многіе пастыри и вѣтѣхъ церковные соединили вокругъ нея свои высокіе гимны, единомысленные по предмету, но разнообразныя по богатству созерцанія. Въ преддверіи великаго праздника обратимъ мыслью и мы къ воспоминаемому событію, остановимъ вниманіе на обстоятельствахъ, сопровождавшихъ, чудо воплощенія Сына Божія, чтобы тѣмъ самымъ лучше приблизить его къ нашему пониманію, уяснить смыслъ и значеніе его.

Когда пришла „кончина лѣта“, и пробилъ часъ обновленія и искупленія человѣка, Препоблагословенная Дѣва Марія, отъ Которой надлежало родиться нашему Спасителю, мирно обитала въ небольшомъ галилейскомъ городѣ Назаретѣ, вмѣстѣ съ обручникомъ своимъ престарѣлымъ древодѣломъ Іосифомъ. Съ тѣрѣ поръ, какъ ангелъ открылъ ему тайну воплощенія Сына Божія, благочестивый старецъ Іосифъ утѣшалъ себя мыслью, что Богъ удостоилъ его быть хранителемъ Святой Дѣвы и имѣвшаго родиться отъ Нея Божественнаго Младенца. Въ Назаретѣ застало цѣломудренную чету повелѣніе Августа о народной переписи во всей Греко-римской имперіи, въ составъ которой входила и Палестина.

Чудны дѣла Божественнаго Промысла для исполненія таинственнаго обѣтованія! Гордый своимъ земнымъ величіемъ и могуществомъ кесарь Августъ явился орудіемъ воли Бо-

¹⁾ Бес. VI о Филогоніи.

²⁾ Пѣснь на Рождество Христово.

жіей и послужилъ средствомъ къ осуществленію предопредѣленій Божіихъ. Его повелѣніе сдѣлать перепись во всей Іудейской землѣ повело къ точному выполненію древнихъ пророчествъ о рожденіи Спасителя въ Виолеемѣ. „Дабы Марію, по повелѣнію ангела, привести изъ Назарета въ Виолеемъ и достовѣрно показать происхожденіе Сына Бя отъ Давида, къ сему избрана, говоритъ Московскій митрополитъ Филаретъ, всепародная перепись; но какъ такая перепись въ народѣ Божіемъ не была въ употребленіи, даже запрещена была закономъ. то надобно было народъ Божій передать во власть другого народа. Богъ поколебаль почти всѣ царства міра и покорилъ ихъ Риму; надъ Римомъ воздвигъ Августа; Августу далъ всемірный миръ, чтобы отъ него вышло повелѣніе написать всю вселенную предъ тѣмъ временемъ, когда надлежало родиться Сыну Дѣвы; сія перепись, сколько нечаянно, столь же необходимо повлекла Іосифа въ отечественный ему городъ Виолеемъ; Марія должна была слѣдовать за Іосифомъ; земной родъ Еммануила открылся въ то самое время, какъ приспѣло Ему рожденіе“ ¹⁾. Небольшой городокъ Виолеемъ, въ древности назывался Евфрафа, лежитъ къ югу отъ Іерусалима и отстоитъ отъ Назарета на три дня пути. Сюда-то и отправились старецъ Іосифъ и Дѣва Марія. Неудивительно, что путешествіе по гористой мѣстности сильно утомляло святыхъ путниковъ ²⁾. Въ Виолеемѣ для Іосифа и Пресвятой Дѣвы не нашлось свободнаго мѣста въ гостин-

¹⁾ См. слово Филарета, митрополита московскаго, на день Рождества Христова.

²⁾ Преданіе говоритъ, что недалеко отъ Виолеема Пресвятая Дѣва, утомленная дорогой, сошла съ осла, на котораго садилась только въ крайней усталости, и, увидавъ въ сторонѣ отъ дороги большой камень, легла на немъ и заснула, а потомъ снова пошла къ Виолеему (Давида путешеств. по св. мѣстамъ въ XII вѣкѣ, стр. 62). Камень этотъ, какъ свидѣтельствуеть путешествовавшій по Св. Землѣ нашъ соотечественникъ Поровъ, доселѣ сохраняется въ первобытномъ видѣ, хотя и лежитъ при распутии (Путешеств. по Св. Землѣ, с. I, стр. 386).

ницѣ¹⁾, и они вынуждены были искать какого-либо пріюта за городомъ. Св. отцы Церкви не могли достаточно выразить ни словами, ни слезами всего негостепримства жителей Вифлеема: іудей, всегда внимательно испытывавшіе пророчества, постоянно устремляли свои взоры на Вифлеемъ, но теперь, въ знаменательное время, этотъ городъ явился для нихъ камнемъ преткнанія и соблазна, а не якоремъ спасенія и надежды. Чего не хотѣли, или не могли доставить Спасителю люди, то предоставила неодушевленная природа: невдалекѣ отъ воротъ вифлеемскихъ, къ востоку отъ города, близъ источника царя Давида²⁾, находилась въ каменной горѣ пещера, гдѣ во время бури и непогоды пастухи со своими стадами находили себѣ убѣжище; къ ней примыкали поля, а внутри ея, въ скалистой стѣнѣ было высѣчено углубленіе, служившее вмѣсто яслей для животныхъ. Этой убогой пещерой воспользовались святые путники, помѣстившись въ ней, и были одни среди полной тишины и безмолвія, далеко отъ шума, суеты и тревоженій людскихъ,—одни въ невидимомъ присутствіи Творца своего; завѣса таинственности прикрывала колыбель Сына Божія, защищая ее отъ любопытства праздно толпы. Здѣсь, въ этомъ необдѣланномъ известковомъ вертепѣ³⁾, предназначенномъ для загона скота,

¹⁾ Лук. 2, 7.

²⁾ 2 Цар. 23, 15—17.

³⁾ Теперь вертепъ Рождества Христова составляетъ правую часть обширной вифлеемской пещеры, надъ которой былъ построенъ величественный храмъ св. царцею Еленою. Стѣны вертепа торцованы мраморными кубиками, полъ устлаѣнъ бѣлыми плитками, привезенными съ береговъ Мраморнаго моря, весь потолокъ завѣшенъ старинной шелковой матеріей. Внутренняя форма вертепа имѣетъ видъ параллелограмма. Изъ храма въ вертепъ ведутъ двѣ широкія мраморныя лѣстницы, по одной изъ нихъ поклонники обыкновенно входятъ, а по другой выходятъ. Вертепъ Рождества Христова недоступенъ для солнечнаго свѣта и освѣщается днемъ и ночью 32 лампадами, принадлежащими разнымъ христіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Мѣсто, гдѣ родился І. Христосъ, обозначено серебряной звѣдой и находится подъ престоломъ главнаго алтара храма.

при обстановкѣ, лишенной не только земного величія, но даже просто удобства, Пречистая Дѣва, родивъ Предвѣчнаго Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа, повела Его собственными руками и положила въ ясляхъ. Созерцая всю эту обстановку рожденія Спасителя, св. Церковь съ умилениемъ восиѣваетъ: „Таинство странное вижу и преславное: небо—вертепъ, престоль херувимскій—Дѣву, ясли—вмѣстиплице, въ нихъ же возлеже невмѣстимый Христосъ Богъ“¹⁾.

Спаситель не желалъ славы человѣческой; Онъ избралъ мѣстомъ своего рожденія пещеру въ скалѣ и отсюда возсіалъ міру. Онъ принялъ на Себя все, чего люди избѣгаютъ, чего они страшатся, что презираютъ, что наводитъ на нихъ ужасъ, чтобы люди видѣли, до какой степени кажется Ему ничтожною слава вѣка сего²⁾. „Въ малый вертепъ, скажемъ словами Церкви, входитъ Царь Великій, да возвеличить и обогатитъ человѣка безмѣрнымъ богатствомъ“³⁾...

Съ радостнымъ, но смиреннымъ сердцемъ встрѣтила Пресвятая Дѣва Марія рожденіе Своего Сына. Она знала, что рожденный Младенецъ есть Сынъ Божій, есть Самъ Богъ. Поэтому со всею любовію и благоговѣніемъ приняла Рожденнаго на Свои пречистыя руки, обвила Его пеленами и положила Безлѣтнаго въ ясли, такъ какъ другого мѣста не было, первая поклонилась Ему до земли, какъ Богу и Создателю Своему⁴⁾. Въ тренетномъ и благоговѣйномъ безмолвіи преклонился праведный Іосифъ предъ Пречистою Матерію и Сыномъ Ея. Въ радостномъ изумленіи созерцалъ онъ пресестественное и непреложно познавалъ, что ея Сынъ есть воистину отъ Духа Святаго, есть первенецъ новой жизни,

Въ самомъ вертепѣ, подъ звѣздой, устроенъ небольшой престоль, на которомъ совершаютъ литургію. Главныя украшенія этой части вертепъ—дары Россіи. (См. Труды К. Д. А. 1882 г., т. 3, стр. 186—205).

¹⁾ Ирмосъ 9-й пѣсни канона.

²⁾ Э. Прессансэ „Жизнь І. Христа“ ч. I, стр. 14.

³⁾ Служба праздника.

⁴⁾ См. службы предпраздн.

первенецъ Новаго Заѣта благодати. Но не одна Приснодѣва съ Іосифомъ славила воплотившагося Господа Спасителя: „окужаху, яко престоль херувимскій, ангели ясли, вертепъ бо небо зряху, лежащу въ немъ Владыцѣ и слава въ вышнихъ Богу вои́яху“¹⁾. Предстояху ужасающагося чины небесніи вертени, и рождество пречистое воспѣваше немолчно: слава въ вышнихъ Богу родившемуся“²⁾.

Что же въ это знаменательное время дѣлала земля, на спасеніе которой родился Сынъ Божій? Все было погруждено въ глубокой сонъ: іудеи почивали на законѣ, ожидая пришествія Мессіи въ блескѣ земного величія: язычники утопали въ порокахъ у ногъ идоловъ своихъ. И вотъ событіе Рождества Христова, величайшее изъ всѣхъ событій во всемирной исторіи, прошло незамѣченнымъ массою людскою, какъ самый обыкновенный фактъ. Только ангелы небесные воспѣли его и возвѣстили о немъ нѣсколькимъ пастухамъ, сторожившимъ свои стада на одномъ изъ холмовъ, окружающихъ Вифлеемъ, да звѣзда возвѣстила о томъ же волхвамъ. Счастливы пастухи! Эти простецы первые изъ людей удостоились получить великую радостную вѣсть; они одни удостоились слышать дивное пѣніе небеснаго хора: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“. Величественная пѣснь! она обнимаетъ собою и небо и землю; она связываетъ съ событіемъ, совершившимся въ Вифлеемской пещерѣ, все, что есть на небѣ свѣтлѣйшаго, на землѣ вождѣлнѣйшаго, для людей благодатнѣйшаго³⁾! Пришедши въ себя отъ необыкновеннаго видѣнія, пастухи, по указанію ангела, нашли Божественнаго Младенца. Предъ тѣмъ они узнали Его славу; теперь увидѣли Его въ уничиженіи. Не смутились они уничиженіемъ Богомладенца. Послѣ лучезар-

¹⁾ Пѣсн. 9 ч. 23-го декабря.

²⁾ Послѣд. праздника.

³⁾ См. у прот. Горскаго.

наго видѣнія ангеловъ и ангельскаго благовѣстїя, Божественный Младенецъ, окруженный простотою и убожествомъ, показался имъ еще святѣе, еще Божественнѣе. Въ глубокомъ благоговѣнїи поверглись предъ Нимъ настухи. Въ своемъ поклоненїи они принесли Ему все, что имѣли: чистоту любви, крѣпкую вѣру, сердечную хвалу. Эти бѣдїяки, богатые вѣрою и любовїю, составили первую свиту Царя душъ, подобно тому, какъ ясли послужили для Него первымъ тропомъ. Никакая честь не была для Него болѣе приличною, какъ та, которая показываетъ, въ какой области Онъ благоволяетъ царствовать ¹⁾... Мирнымъ посохомъ „Добраго Пастыря“ Онъ желаетъ управлять народами, и поведетъ ихъ на добрую пасть, къ чистымъ и обильнымъ источникамъ. Истина, миръ и радость о Дусѣ Святѣ—вотъ блага, общаемыя этимъ царствованїемъ. Но въ этомъ смиренномъ сокрытїи славы всего яснѣе открывается всемогущество милосердой любви Спасителя. Страшные громы и молнїи Сїная не измѣнили міра, не исправили сердца человѣческаго; но ясли, целены, обогранный кровїю крестъ не только измѣнили людей, но совершенно преобразили ихъ...—Пресвятая Дѣва все, что рассказали настухи, слагала въ сердцѣ Своемъ и радовалась, что событїя подтверждаютъ Божественное обѣтованїе и утверждаютъ вѣру въ Спасителя міра.

Съ рожденїемъ Спасителя явилась на небѣ необыкновенная звѣзда, своимъ явленїемъ возвѣстившая міру, что возсіяла „звѣзда отъ Іакова“, и возсталъ „человѣкъ отъ Ізраїля“ явить „вся сыны Сїоовы“ ²⁾, и приведшая съ востока на поклоненїе поворожденному Царю Іудейскому волхвовъ, поднесшихъ дары: золото, ливанъ и смрну. Это были тогдашнїе астрономы, бывшіе подъ влїяніемъ того вѣрованїя, что изъ Іудей выйдетъ общїй Спаситель. Такое вѣрованїе почти за 1500 до Рожд. Хр. было освящено проро-

¹⁾ Пресансѣ „Жизнь І. Христа“ стр. 17.

²⁾ Числ. 24, 17.

чествомъ Валаама, древняго мудреца земли Мадіамской. Это преданіе, какъ замѣчаетъ бл. Іеронимъ, передавалось изъ вѣка въ вѣкъ, и на него смотрѣли, какъ на драгоценное наследіе¹⁾. „Волхвы хорошо проникли, говоритъ св. Церковь, въ тайну древняго прорицателя Валаама; дщерь Вавилона влечетъ къ себѣ изъ Сіона плѣнныхъ отроковъ Давидовыхъ и посылаетъ съ дарами юныхъ волхвовъ умолять дщерь Давидову, пріившую въ себя Бога. Вавилонъ похитилъ добычи и плѣнилъ богатства царствующаго Сіона: но Христосъ, при путеводствѣ звѣзды, влечетъ въ Сіонъ и сокровища его и царей звѣздоблюстителей²⁾).

Какая исторія можетъ быть выше, утѣшительнѣе, отраднѣе и радостнѣе для всѣхъ насъ? Наша грѣшная земля приняла въ свое лоно Пренебеснаго, вмѣстила Невмѣстимаго, небо склонилось къ землѣ, и на нее пришелъ Агнецъ Божій, чтобы взять на Себя грѣхи всего міра и очистить его отъ скверни, тяготѣвшихъ на немъ, освободить отъ рабства грѣху и смерти, и сдѣлать землю мѣстомъ царствія Божія. Поэтому Рождество Христово есть для насъ начало новаго, лучшаго времени³⁾; это великая и вѣчная годовщина благодатнаго царства Божія на землѣ. Оттого-то св. Церковь, начавъ праздновать день Рождества Христова съ самаго начала своего существованія, чтобы пріумножить духовную радость и возвысить торжество вѣрныхъ чадъ своихъ, установила для насъ въ видѣ предпразднства сорокадневный постъ, предшествующій Рождеству Христову. Въ богослужбныхъ пѣснопѣніяхъ Православной Церкви слышится повтореніе всей исторіи этого событія: и ясли, и вертепъ, и благовѣстіе ангельское пастырямъ, но особенно часто повторяется дивная

¹⁾ Скворцова „Жизнь І. Христа по Евангеліямъ и народнымъ преданіямъ“ стр. 34.

²⁾ 4 и 8 пѣсни канона Космы Маріумскаго на Р. Х. въ русскомъ переводѣ.

³⁾ Мы и лѣтосчисленіе свое ведемъ отъ Рождества Христова, какъ начала новой жизни для міра христіанскаго (св. Амвросій).

пѣснь: „Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ челоуѣцѣхъ благоволеніе“, потому что въ ней заключается выраженіе всей сущности, всего величія праздника. Слава на небеси Богу—Отцу, пославшему Своего Сына на землю для спасенія міра; слава Богу Сыну—Господу Іисусу Христу, благоволившему для спасенія насъ грѣшныхъ принять на Себя естество наше. Съ воплощеніемъ Его между небомъ и землей установленъ миръ на вѣчныя времена, и утраченное въ паденіи Адама благоволеніе Отца Небеснаго снова возвращается челоуѣческому роду. „Всяческая днесь радости исполняются! Ликують ангелы вси на небеси и радуются челоуѣки днесь: играетъ же вся тварь ради родшагося въ Виоелемѣ Господа, яко всякая лествя идольская преста, и царствуетъ Христось во вѣки“¹⁾).

Христось рождается—прославляйте Его неизреченное снисхожденіе къ намъ грѣшнымъ! Христось съ небесъ,—срѣтайте Его вѣрою, добрыми дѣлами, добрымъ поведеніемъ, благоугожденіемъ Ему; Христось на землѣ,—возноситесь своими мыслями и чувствами отъ земли на небо, къ Отцу Небесному и благодарите Его за ниспосланное спасеніе. Намъ, какъ послушнымъ чадамъ, достойно благодарить Небеснаго Отца провожденіемъ предстоящихъ великихъ и свѣтлыхъ дней не въ шумѣ или нечистыхъ удовольствіяхъ, а въ радости чистой и святой, въ молитвѣ къ родившемуся Спасителю, въ простотѣ и незлобіи сердца, въ мирѣ и любви со всѣми ближними.

Празднованіе, соотвѣтствующее значенію великаго праздника и отличавшее благочестивыхъ христіанъ прежняго времени, состояло въ томъ, что всѣ житейскія занятія оставались, присутственныя мѣста освобождались отъ занятій, рабамъ давалась свобода отъ трудовъ, народъ причащался Св. Таинъ, во все праздничное время ходилъ къ службамъ церковнымъ, слушалъ пастырскія поученія и совершалъ дѣла

¹⁾ Стих. на литіи.

благотворительности. „Нынѣ, говорилъ св. Ефремъ Сиринъ въ праздникъ Рождества Христова,—возсіялъ день милости, да не преслѣдуетъ же никто своего ближняго мщеніемъ за нанесенную имъ обиду; насталь день радости, да не будетъ никто виною печали и скорби для другого. Этотъ день безоблачный и ясный, да обуздается же гнѣвъ—возмутитель мира и спокойствія. Этотъ день, въ который Богъ слышалъ къ грѣшникамъ, да устыдится же праведникъ превозноситься предъ грѣшникомъ; это день, въ который Господь твари сошелъ къ рабамъ, да не стыдится же господинъ съ подобною любовію спознати къ слугамъ своимъ; это день, въ который Богатый обнищаль насъ ради, да не устыдятся богатые раздѣлять свою трапезу съ бѣдными“¹⁾ „Станемъ праздновать, говоритъ въ этотъ же праздникъ св. Григорій Богословъ, не пышно, но божественно, не по мірскому, но премірно, не нашъ праздникъ, но праздникъ Того, Кто сталъ нашимъ, лучше же сказать, праздникъ нашего Владыки. Какъ же исполнить это? Не будемъ вѣнчать преддверія домовъ, составлять лики, украшать улицы, пресыщать зрѣніе, оглашать слухъ свирѣлями, нѣжить обоняніе, осквернять вкусъ, тѣшнить осязаніе—это краткіе пути къ пороку, это врата грѣха... Предоставимъ все сіе язычникамъ. Но если чѣмъ должно насладиться намъ, то насладиться Словомъ, Божіимъ закономъ и сказаніями о причинахъ настоящаго торжества, чтобы наслажденіе у насъ было собственное свое, а не чуждое Создавшему насъ“²⁾.

Вотъ чѣмъ, по словамъ святыхъ отцовъ, должно возвышаться и отличаться истинно христіанское празднованіе рождественскихъ святыхъ дней. Много вѣковъ протекло съ той величественной минуты, когда человѣчество въ лицѣ вилоемскихъ пастуховъ въ первый разъ услышало ангельское радостное благовѣстіе о рожденіи Спасителя. Но не имъ только

¹⁾ См. 1-е слово на еепъ Рождества Христова.

²⁾ Твор. ч. 3, стр. 235—237.

однимъ предназначена эта радость. Ею жить, жить и будетъ жить весь міръ христіанскій. Если же нѣкоторые, увлекаясь духомъ времени и шумомъ мірскихъ празднествъ, забываютъ о Церкви, если ихъ слуха не касается голосъ церковныхъ проповѣдниковъ, то они многого лишаются. Ничто не можетъ дать такой чистой радости, какую возвѣщаетъ Церковь. Пожелаемъ же, чтобы въ наступающіе святые дни каждый, особенно изъ труждающихся и обремененныхъ, отдохнулъ умомъ и сердцемъ и почерпнулъ бодрость должнымъ образомъ славить Спасителя. Будемъ надѣяться, что ангельская пѣснь не останется для насъ холоднымъ звукомъ, но все искренно присоединимся къ ангельскому хору, славя Бога, имѣя миръ между собою и благоволеніе въ сердцахъ.

И. Ушаковъ.

ОБЪЯВЛЕНИЕ

о продолженіи изданія при Кіевской духовной семинаріи
ЖУРНАЛА

„РУКОВОДСТВО для СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ“.

Вступая въ 49 годъ изданія, журналъ нашъ останется неизмѣнно вѣрнымъ своей задачѣ—посильно содѣйствовать православно-русскому духовенству въ его святомъ и многотрудномъ служеніи. Всегда трудное, служеніе это при современныхъ условіяхъ религіозной и церковной жизни требуетъ необычайнаго напряженія духовныхъ силъ челоуѣка, знакомства съ умственными и общественными теченіями въ ихъ правильномъ освѣщеніи. Невѣріе и отрицаніе никогда не прекращали своихъ нападокъ на Церковь Христову; но въ настоящее время они начинаютъ разливаться широкою волною деже среди простаго народа, доселѣ неизмѣнно бого-

боязненного и преданного Церкви. Иновѣріе и сектантство, получивъ права свободнаго исповѣданія, съ удвоенной энергіей стараются отторгать отъ Церкви ея чадъ. Кромѣ того, въ русскомъ народѣ подъ вліяніемъ различныхъ причинъ (которыя имѣть нужды здѣсь указывать), какъ должно быть извѣстно пастырямъ по собственному опыту, широко распространяется нравственная грубость, распущенность и извращеніе элементарныхъ нравственныхъ и человѣческихъ понятій. Освѣщать все эти язвы современной религіозно-нравственной жизни, указывать сообразныя съ духомъ вѣры Христовой средства къ исцѣленію ихъ нашъ журналъ и составляетъ своей задачей.

Далѣе, вопросы о приходѣ и тѣхъ организаціяхъ, централизующихся около пастыря, которыя возникаютъ въ последнее время для поднятія и оживленія приходской жизни (приходскіе совѣты, братства, общества трезвости, благотворительныя общества), не могутъ не найти самаго живого отклика въ нашемъ журналѣ, какъ это было отчасти и въ минувшемъ году.

Ожидаемый созывъ Всероссійскаго Собора, которому предстоитъ важнѣйшая и труднѣйшая задача—оцѣнить и возвѣстить проектированныя въ засѣданіяхъ предсоборнаго присутствія реформы въ различныхъ областяхъ церковной жизни, дастъ богатый матеріалъ для обсужденія этихъ реформъ и установки твердой и опредѣленной точки зрѣнія на нихъ.

Посильно служа практическимъ интересамъ церковной жизни и пастырской дѣятельности, журналъ нашъ, наконецъ, будетъ давать также статьи и по вопросамъ историческаго, теоретическаго и литургическаго характера, имѣющимъ отношеніе къ церковной и пастырской дѣятельности.

Во взаимообщеніи и единеніи—прочный залогъ для успешной дѣятельности и для успешной борьбы, а потому „Руководство для сельскихъ пастырей“ съ полною готовностью предлагаетъ свои страницы всеѣмъ пастырямъ, жела-

ющимъ подѣлиться своими мыслями, наблюденіями и опытомъ съ сопастырями. Въ тѣхъ же цѣляхъ возможно широкаго ознакомленія читателей съ указаніями пастырскаго опыта журналъ въ 1908 подписномъ году будетъ давать время отъ времени на своихъ страницахъ, въ формѣ достаточно полныхъ обзорѣній, свѣдѣнія о церковной и пастырской дѣятельности въ восточно-православныхъ и западныхъ инославныхъ церквахъ, а также обзоръ церковно-общественной жизни и выдающихся событій приходской жизни Россіи.

Годовое изданіе журнала будетъ состоять изъ 52 еженедѣльно выходящихъ номеровъ, что составитъ три тома, изъ 12 книжекъ „Проповѣдей“ и 12 выпусковъ „Богословскаго бібліографическаго Листка“. Крімъ того, въ 1908 г. Редакція дастъ подписчикамъ, въ качествѣ бесплатнаго приложенія, нотный сборникъ „Церковныя пѣсноиѣнія“.

„Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Святѣйшимъ Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ къ вышискѣ въ церковныя и семинарскія бібліотеки (Синод. опредѣленіе отъ 4 февраля—14 марта 1885 г. за № 280).

Подписная цѣна съ нересылкой во всѣ мѣста Россійской имперіи шесть рублей.

Плата за журналъ по официальнымъ требованіямъ, какъ то: отъ Консисторій, Правленій семинарій и училищъ и благочинныхъ можетъ быть отсрочена до сентября 1908 г.

Съ требованіями обращаться по слѣдующему адресу: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Редакторъ Рectorъ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 18-го декабря 1907 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ. Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.

ГОДЪ

XLVIII

РУКОВОДСТВО ДЛЯ

СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО.

Цѣна годовому изданію на мѣсть **№ 52.** Подписка принимается въ редак-
ПЯТЬ руб., съ пересылкою ШЕСТЬ цѣи журнала, при Клевской духов-
рублей. ной Семинаріи.

1907-го года декабря 30-го дня.

Содержаніе: I. Не начало ли важнѣйшей работы въ Государственной Ду-
мѣ?—II. Филипповъ постъ (окончаніе).—III. О психической силѣ въ
проповѣди. Д. С. Кеннара (окончаніе).—IV. Изъ западной религи-
озной жизни.

Не начало ли важнѣйшей работы въ Государ- ственной Думѣ?

Радостный трепеть проникаетъ въ сердце каждаго бо-
лѣющаго судьбами нашего многострадальнаго отечества, когда
доносятся до него изъ Государственной Думы слова предста-
вителей народныхъ, во всеуслышаніе повѣдающихъ глубокое
горе народное, отъ котораго изстрадался нашъ бѣдный на-
родъ. Мы разумѣемъ идущія изъ Государственнаго Совѣта и
Государственной Думы вѣсти о необходимости радикальной
борьбы съ ужаснымъ недугомъ экономическимъ и нравствен-
нымъ—пьянствомъ. Государственный Совѣтъ готовить проектъ
упраздненія попечительствъ о народной трезвости въ виду
того, что они не достигали своей цѣли, а между тѣмъ тре-
бовали довольно значительнаго количества денегъ (четыре

милліона). Честь и слава священнику Генецкому, пастырю, вѣроятно бывшему не разъ непосредственнымъ свидѣтелемъ всѣхъ ужасовъ алкоголизма. Онъ поднимаетъ вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію пьянства, особенно въ виду готовящагося рѣшенія Государственнаго Совѣта объ упраздненіи обществъ трезвости ¹⁾. Не говоря уже о томъ, что члены Государственной Думы настаивали на томъ, чтобы въ губерніяхъ, которымъ будетъ оказана продовольственная помощь, была сокращена, или даже совсѣмъ прекращена торговля водкой, они поставили прямо и рѣшительно вопросъ о мѣрахъ къ прекращенію пьянства, объ изытіи изъ государственной росписи акцизныхъ доходовъ и объ изысканіи источниковъ взамѣнъ дохода отъ казенной продажи питей и акциза. Каждый сельскій священникъ могъ бы начертать яркую картину деревенскихъ нравовъ тамъ, гдѣ нѣтъ винныхъ лавокъ въ сравненіи съ тѣмъ, гдѣ онѣ имѣются. Нельзя не привѣтствовать съ восторгомъ заявленія одного члена Думы, что изученіе думской комиссіей бюджета съ точки зрѣнія борьбы съ пьянствомъ и съ точки зрѣнія измѣненія налоговой системы обратить вниманіе и страны и правительства. Это можетъ побудить къ дѣятельности правительство. Возбужденный вопросъ имѣетъ значеніе и общеполитическое. Дума, вопреки нерѣшительному мнѣнію нѣкоторыхъ членовъ Думы (епископа Митрофана, предлагавшаго постепенную борьбу съ пьянствомъ), постановляетъ образовать комиссію о мѣрахъ борьбы съ пьянствомъ и поручить той же комиссіи изысканіе новыхъ источниковъ дохода взамѣнъ дохода отъ казенной продажи питей. Пока состоятся эти рѣшенія, пока комиссія придетъ къ окончательнымъ результатамъ, необходимо работать церковнымъ обществамъ трезвости, необходимо заботиться о развитіи народ-

¹⁾ Этотъ же священникъ, считая, что попечительства о народной трезвости все-таки борются съ пьянствомъ, находятъ большой ошибкой исключеніе изъ росписи четырехъ милліоновъ на эти попечительства.

наго, религіознаго и нравственнаго чувства, что можетъ сдѣлать Православная Церковь (мнѣніе епископа Никона). Прекрасна мысль и о томъ, чтобы начать преподаваніе свѣдѣній о вредѣ алкоголизма, въ видѣ особаго школьнаго предмета, для чего уже примѣры имѣются въ заграничныхъ начальныхъ школахъ.

Побольше энергій, представители народныя! Обсудите, взвѣсьте все, что скажетъ вамъ умудренный опытомъ разумъ и болѣющее скорбями посланшаго васъ народа ваше сердце, согрѣваемое любовью къ благу народному. Хороши слова, говоряція о свѣтѣ, правдѣ, добрѣ, но гораздо важнѣе и необходимѣе ихъ дѣло. Если акцизная система была упразднена и замѣнена казенной винной монополіей; если въ свое время вѣрили, что съ введеніемъ винной монополіи народному горю (пьянству) будетъ положенъ конецъ, то теперь необходимо исправить открывшіеся теперь недостатки этой системы, уврачевать ихъ немедленно, безотлагательно. Большое спасибо скажетъ вамъ народъ, избравшій васъ! И. К.

Филипповъ постъ.

(Окончаніе ¹⁾).

III.

Рождественскій постъ, какъ религіозно-обрядовый институтъ, станетъ еще выше и обаятельнѣе въ нашемъ мнѣніи, если мы, послѣ сдѣланнаго доселѣ ознакомленія а) съ его

¹⁾ См. № 51-й за 1907 г.

внѣшней формой, уставомъ пощенія и б) съ его духовнымъ, идейнымъ содержаніемъ, церковными памятями и службами, приуроченными къ нему, заглянемъ в) въ его историческія судьбы, при томъ не только въ Православной Церкви, но, такъ сказать, на христіанскомъ *toto orbi terrarum*, по крайней мѣрѣ въ той изъ инославныхъ христіанскихъ церквей, которая заслуживаетъ еще сколько-нибудь названія церкви (церкви апостольской)—въ римско-католической.

Рождественскому посту, конечно, не можетъ принадлежать такая глубокая древность, какъ Великому посту. Это потому, что праздникъ Рождества Христова, съ которымъ этотъ постъ стоитъ въ такой тѣсной связи, нѣсколько моложе Пасхи. Но на этомъ основаніи никакъ нельзя Великому посту приписывать апостольское происхожденіе, а остальнымъ, въ томъ числѣ и Рождественскому, послѣапостольское. Хотя въ такъ называемыхъ „Правилахъ св. апостоловъ“ содержится указаніе изъ всѣхъ постовъ только на Великій ¹⁾, но доказано уже, что эти правила, хотя точно выражаютъ собою духъ апостольскаго ученія и исходящей отъ апостоловъ церковной организаціи, не принадлежатъ самимъ апостоламъ и по буквѣ своей.

Нѣтъ твердыхъ указаній и на то, чтобы самими апостолами установленъ былъ и праздникъ Пасхи ²⁾, раньше котораго не могъ, конечно, появиться Великій постъ. Но какъ Пасха, такъ и Рождество Христово стали праздноваться въ Церкви, несомнѣнно, не позднѣе, чѣмъ съ I (слѣдовательно апостольскаго) вѣка, судя по тому, что церковно-историческіе памятники II и слѣдующихъ вѣковъ уже знаютъ эти праздники, называя ихъ иногда и древними. Хотя о Рождествѣ Христовомъ не упоминается въ Правилахъ св.

¹⁾ 69 правило

²⁾ Такимъ указаніемъ считается опять же одно изъ „Правилъ св. апостоловъ“—7-е и мѣсто 1 кор. 5,8: „Пасха наша да вы пожреть бысть Христось; тѣмъ же празднуемъ не въ квасѣ ветсѣ“...

апостоловъ, но упоминается въ такъ называемыхъ „Постановленіяхъ Апостольскихъ“ ¹⁾, памятникъ не такомъ древнемъ, какъ „Правила“, но по мѣстамъ, какъ доказала наука, заключающемъ въ себѣ слѣды церковной практики и II вѣка (не древнѣе котораго, повидимому, и „Правила апостоловъ“). А посты Великій и Рождественскій стоятъ въ такой тѣсной связи съ этими праздниками, что должны были являться одновременно съ ними или очень скоро послѣ нихъ.

Итакъ можно сказать, не опасаясь впасть въ ошибку и преувеличеніе, что праздники Пасхи и Рождества Христова съ предшествующими имъ постами, если и не прямо апостольскаго происхожденія, то появились въ Церкви первый не позднѣе I вѣка, а второй II в. Кромѣ „Правиль“ и „Постановленій Апостольскихъ“ о Пасхѣ и сорокадневномъ постѣ предъ нею говорить уже Игнатій Богоносецъ ²⁾, а о праздникѣ Рождества Христова хотя изъ писателей церковныхъ впервые упоминаетъ Климентъ Александрійскій ³⁾, но св. Златоустъ называетъ его очень давнимъ, древнимъ ⁴⁾, а его современники Амвросій Медиоланскій ⁵⁾, Филастрій ⁶⁾ и блаж. Августинъ ⁷⁾ упоминаютъ и о Рождественскомъ постѣ.

Въ церковно-исторической литературѣ есть цѣлый рядъ основаній и для заключенія, что Рождественскій постъ (вопреки неправильному мнѣнію новѣйшихъ литургистовъ, смѣло вносимому ими и въ учебники) съ самаго появленія своего, въ качествѣ подготовительнаго поста къ празднику Рождества Христова, въ продолжительности своей сразу опредѣленъ былъ 40 днями.

Анастасій Синаитъ, писатель VII в., жалуется, что въ его время не всѣ хранили Рождественскій постъ сообразно

¹⁾ Книга V, гл. 12; кн. VIII гл. 33.

²⁾ Посл. къ Филипп.

³⁾ Строматы 1, 21.

⁴⁾ Слово на Р. X.

⁵⁾ Слово XIV о Рождествѣ Христовомъ.

⁶⁾ Тамъ же

⁷⁾ Письмо 236.

съ древними уставами: „одни въ теченіе 18 дней ¹⁾ воздерживаются отъ мяса, сыра и яицъ; иные же воздерживаются только отъ мяса, а остальное ѣдятъ, ²⁾ исключая одного дня; другіе же равнымъ образомъ воздерживаются только 12 дней, иные—6, другіе—4; но апостолы установили для всѣхъ вѣрныхъ 40 дней поста и молитвы, и это было соблюдаемо св. отцами и 7 вселенскими соборами: постъ опредѣленъ не въ 5, 8 или 10 дней, а въ 40“ ³⁾ Тотъ же произволь со стороны отдѣльныхъ христіанъ въ опредѣленіи продолжительности Рождественскаго поста вызывалъ противъ себя мѣры и въ XII в. Въ 1666 году на соборѣ, бывшемъ при патріархѣ Лукѣ и императорѣ Мануилѣ, подтверждена сорокадневная продолжительность Рождественскаго поста. Вольсамонъ въ толкованіи на это соборное правило говорить: „поелику сомнѣвались нѣкоторые въ томъ, что нигдѣ не означено количество дней поста и Богородничнаго и Рождественскаго, то самъ святѣйшій патріархъ сказалъ, что хотя дни сихъ постовъ не опредѣлены правиламъ, понуждаемся, однако, послѣдовать неписанному церковному преданію и долженствуемъ поститься отъ 1 дня августа и отъ 15 ноября“ ⁴⁾. Заключать изъ констатированія Анастасіемъ Синаитомъ и этимъ соборомъ разнообразія въ соблюденіи Рождественскаго поста къ меньшей продолжительности его въ древнее время, очевидно, можно съ такимъ правомъ, съ какимъ будущій церковный историкъ могъ бы заключать изъ широкаго нынѣ обычая ограничивать Великій постъ одной Великой Пятницей къ тому, что этотъ постъ не старѣе XIX вѣка.

Посты наши, не нужно забывать, установлены въ не-

¹⁾ Т. е. съ 6 декабря, какъ дѣлають и теперь кое-гдѣ въ Велико-россиіи желающіе соблюсти этотъ постъ, но сократить его.

²⁾ Какъ дѣлають теперь римскокатолики.

³⁾ Cotelierum. Monumentorum Ecclesiae Graecae t. 3. Martene. De antiquis ecclesiae ritibus. Antuerpiae 1737, t. III, 76.

⁴⁾ Павлаты, П, замѣчанія на отвѣты патр. Николая. Дебольскій цит. соч. П, 44.

рїодъ особеннаго развитїя постничества и подвижничества; когда на глазахъ были тысячи примѣровъ, что люди всю жизнь отдавали настоящему, тяжелому посту, могло ли казаться тяжелымъ сорокадневное воздержаніе отъ мяса и молока, и можно ли было считать достаточнымъ приготовленіемъ къ величайшему празднику четырехдневное или семидневное воздержаніе? Конечно, если бъ постъ устанавливали въ наше изнѣженное время, то такой продолжительности ему не дали бы. Но Церковь потому и свята, что всѣ ея учрежденія запечатлѣны духомъ священной древности.

Поразительнѣе всего о томъ, что Рождественскій постъ съ самаго основанія своего былъ сорокадневнымъ, свидѣтельствуется древняя и нынѣшняя практика западной церкви или вѣрнѣе—всѣхъ западныхъ церквей. Исторія ихъ очень рано, съ IV в., пошла по совершенно другому руслу, чѣмъ исторія восточной Церкви, а между тѣмъ мы видимъ, что съ древнѣйшаго до настоящаго времени Рождественскій постъ въ ней продолжался не только не менѣе 40 дней, но даже нѣсколько болѣе.

Хотя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ во времена св. Григорія Двоеслова приготовленіе къ празднику Рождества Христова начиналось съ четвертой недѣли до него, но въ Libro Comitis, приписываемой бл. Иерониму, въ которой данъ кругъ евангельскихъ чтеній на цѣлый годъ, въ Сакраментаріи Геласія, въ сочиненіяхъ упомянутаго св. Григорія и въ цѣломъ рядѣ другихъ древнихъ памятниковъ считается пять такихъ приготовительныхъ недѣль съ особыми для каждой изъ нихъ службами, апостолами и евангеліями, а въ церкви Медиоланской такихъ недѣль и субботъ „предъ Рождествомъ Христовымъ“ полагалось шесть. Количество такихъ недѣль опредѣляетъ собою и продолжительность Рождественскаго поста.

Но помимо этого о продолжительности его въ разныхъ западныхъ уставахъ есть и прямыя свидѣтельства. Такъ въ Галліи постановленіемъ собора Матисконскаго (Matisconensis) въ 582 году предписывается „поститься отъ памяти св. Мар-

тина (нынѣ въ римско-католической церкви—11 ноября) до дня рожденія Господня по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ и совершать въ эти дни богослуженіе по чину Четыредесятницы“.

Другіе соборы и епископы галльскіе и ранѣе, и позднѣе этого времени напоминаютъ паствѣ о соблюденіи Рождественскаго поста, называя его четыредесятницей, запрещая употребленіе въ теченіе его мяса и не допуская во время его вѣнчаній. Папа Александръ III (XII в.) въ письмѣ къ Людовику, королю французскому, разрѣшаетъ ему въ случаѣ немощи тѣлесной вкушать по пятницамъ этого поста рыбу и вино. Одинъ писатель тогдашней Франціи возмущается тѣмъ, что солдатамъ позволяютъ нарушать этотъ постъ. Въ теченіе его аббатамъ запрещались какія бы то ни было отлучки изъ монастырей, кромѣ самыхъ необходимыхъ.

Съ такою же строгостью соблюдался Рождественскій постъ и въ другихъ западныхъ церквахъ. О соблюденіи его въ древней англійской церкви есть два упоминанія въ „Исторіи англійскаго народа“ пресвитера Бадве. Здѣсь объ одномъ благочестивомъ пресвитерѣ рассказывается, что онъ въ теченіе этой четыредесятницы принималъ пищу только разъ въ день, вкушая въ опредѣленной мѣрѣ только хлѣбъ и жиденькое молоко; объ одномъ епископѣ въ этой же исторіи просто замѣчается, что онъ этотъ постъ проводилъ въ великомъ воздержаніи. О существованіи поста въ Италіи свидѣтельствуетъ грамота Лангобардскаго короля Эстусьса въ 753 монахамъ Нонантульскимъ, которою онъ требуетъ у нихъ 40 луцій „въ четыредесятницу св. Мартина“. Папа Николай I пишетъ болгарамъ: „слѣдующіе посты св. римская церковь приняла отъ древности и содержитъ: по 40 дней предъ Пасхой, послѣ Пятидесятницы, предъ Успеніемъ Маріи Богородицы, а также предъ праздникомъ Рождества Господня“. Слабѣе постъ соблюдался въ древней Германіи: здѣсь онъ ограничивался, по крайней мѣрѣ по мѣстамъ, 14

днями предъ Рождествомъ; появились сомнѣнія въ необходимости его; у духовныхъ писателей слышатся жалобы на нарушение его.

Кромѣ воздержанія въ пищѣ, которое, какъ можно видѣть изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, въ западной церкви было не столь строгое, какъ въ восточной, для этого, какъ и для другихъ постовъ (именно дозволялось вкушаніе молока, и запрещалось только мясо) и не вездѣ простиралось на всѣ дни поста, Рождественскому посту тоже съ древности въ западныхъ церквахъ усвоены были нѣкоторые обряды, штавшіе и возгрѣвавшіе въ теченіе его скорбно-покаянное чувство. Такъ, въ продолженіе его не пѣлся за богослуженіемъ такъ называемый тамъ „ангельскій гимнь“—„Слава въ вышнихъ Богу“, равно, какъ особая пѣснь предъ евангелиемъ, называвшаяся *prosaе* или *sequentiae*, гимнь „Тебе Бога хвалимъ“ и другія торжественныя пѣсни. Взамѣнъ этого къ обычнымъ псалмамъ прибавлялось много покаянныхъ: „Помилуй мя Боже; Внегда скорбѣти ми, Господи что ся умножиша“, „Боже, въ помощь мою вонми“ и т. п. Діаконы не надѣвали за богослуженіемъ усвоеннаго имъ облаченія далматики, а иподіаконы—„тунки“, канторъ не употреблялъ своей палочки (*basalum*). Священные облаченія, (въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, церквахъ) употреблялись черныя. Иконы и др. священные предметы прикрывались завѣсками¹⁾.

Любопытно сравнить богослуженіе нынѣшней римско-католической церкви въ Рождественской постъ съ нашимъ.

Характерно самое названіе этого поста въ римско-католическихъ богослужебныхъ книгахъ—*Adventus*, приближеніе, т. е. праздника Рождества Христова,—какъ и у насъ, подготовленіе къ празднику римско-католическая церковь начинаетъ не съ перваго дня поста, а только съ четвертой недѣли предъ Рождествомъ (слѣд., позже, чѣмъ у насъ).

Такимъ образомъ до Рождества Христова бываетъ 4 недѣли адвентовыхъ. Въ каждую изъ нихъ на богослуженіи

¹⁾ Martene, цит. соч. 72 л. д.

прибавляются къ обычнымъ пѣснямъ и чтеніямъ особыя, подготовительныя къ празднику. Наиболѣе такихъ добавленій на воскресной службѣ.

Пѣсни, „гимны“ добавляются только на воскресной службѣ. Одни изъ нихъ—самостоятельныя творенія, другіе—составлены изъ стиховъ св. Писанія. Этихъ гимновъ такъ немного, что легко привести всѣ ихъ полностью.

Служба перваго адвента начинается на вечернѣ отрывкомъ (*capitulum*) изъ Римл. 13, 11: „братіе, часъ уже намъ отъ сна востати; нынѣ бо ближайшее намъ спасеніе, нежели егда вѣровахомъ“. За отрывкомъ гимнъ: „Творецъ благодѣтельный свѣтилъ, вѣчный Свѣтъ вѣрующихъ, Иисусъ Искушитель всѣхъ, вонми молитвеннымъ обѣтамъ. Ты, чтобы отъ демонскаго обольщенія не погибла вселенная, движимый любовью, стать уврачеваніемъ слабаго міра. Ты, чтобы искупить общій грѣхъ міра, восшелъ на крестъ непорочной жертвой изъ святилища Дѣвы. Какъ только прозвучитъ Его славное могущество и имя, небесное и земное въ трепетѣ преклоняетъ колѣно. Молимъ тебя, Великаго Судью послѣдняго дня, оружіемъ великой благодати защититъ насъ отъ враговъ. Сила, честь, хвала, слава Богу Отцу съ Сыномъ и вмѣстѣ со святымъ Утѣшителемъ во вѣки вѣковъ. Аминь“. Стихъ: „Веселитесь небеса свыше и облака да кропятъ правду. Откроется земля и прозябнетъ Спаситель“. Въ другомъ мѣстѣ вечерни антифонъ: „Вотъ имя Господне грядетъ издали и славы Его наполнится вселенная“. Молитва: „Воздвигни, молимся, Господи, силу Твою и прійди, да сподобимся мы Твоимъ покровительствомъ избавитися и спастися отъ угрожающихъ намъ со стороны грѣховъ нашихъ опасностей. Ты живешь и царствуешь съ Богомъ Отцемъ въ единствѣ Св. Духа, Богъ, во всѣ вѣка вѣковъ. Аминь“.

На утрени стихъ такъ называемой *invitatorium* („пригласительный“): „Царю Господу, имѣющему придти, прійдите поклонимся“. Гимнъ: „Слово Вышнее грядущее, изъ пѣдръ Отца Вѣчнаго родившееся, приходитъ въ міръ во исполненіе

время. Просвѣти наше сердце и согрѣй Твоею любовью, чтобы сердце, оставивъ преходящее, наполнилось небеснымъ блаженствамъ; чтобы, когда приговоръ Судьи осудитъ виновныхъ на огонь, и дружественный голосъ по заслугамъ призоветъ благочестивыхъ на небо, мы не были брошены въ пищу огню въ вихри его, но, причастные лицу Божью, наслаждались небеснымъ блаженствомъ (далѣе—славословіе, похожее на прежнія). Затѣмъ на утреніи полагаются 3 чтенія изъ I гл. пророка Исаи и 3 чтенія изъ бесѣды св. Льва папы „О постѣ десятаго мѣсяца и милостынѣ“, евангеліе изъ Луки 21 гл. о знаменіяхъ второго пришествія Господня и два чтенія изъ бесѣды св. Григорія папы на это евангеліе. Послѣ каждаго изъ этихъ восьми чтеній полагается рядъ библейскихъ стиховъ преимущественно изъ псалмовъ и пророковъ, предугазывающихъ на Рождество Христово. Вотъ, напр., стихи послѣ перваго чтенія: „Смотря вдаль, вотъ вижу силу Божию грядущую и облако, покрывающее всю землю. Идите на встрѣчу Ему и скажите: возвѣсти намъ, если это Ты Самъ. Всѣ въ совокупности земнородные и сыны человѣческіе, вмѣстѣ богатый и бѣдный, идите на встрѣчу Ему и скажите. Пасый Израиля воищи, наставляяй яко овча Иосифа. Возвѣсти намъ, если это Ты Самъ. Возьмите врата вѣчная и увидеть Царь славы. Ты воцаришься въ народѣ Израильскомъ. Слава Отцу и Сыну и Духу Святому“.

Послѣ двухъ чтеній такими стихами служить евангельскій рассказъ о благовѣщеніи. Подобные же стихи положены на службѣ каждаго часа (послѣ capitulum изъ посланій апостольскихъ). Въ концѣ утрени есть новый гимнъ слѣдующаго содержанія: „Вотъ ясный голосъ будить, звуча въ темнотѣ; пусть далеко бѣжитъ сонъ: съ высоты Иисусъ блистаетъ. Умъ тяжелый уже поднимается, не лежъ болѣе на землѣ. Звѣзда уже свѣтитъ новая, чтобы уничтожить всякую вину. Вотъ Агнецъ къ намъ посылается отпустить даромъ долгъ; всѣ вмѣстѣ со слезами будемъ умолять о прощеніи. Дабы, когда вторично Онъ заблестаетъ и весь міръ приведетъ въ

страхъ, не наказаль насъ за вину, но милостиво покрыль насъ тогда (далѣе славословіе, одно изъ вышеприведенныхъ).

Съ измѣненіемъ чтеній и библейскихъ стиховъ служба эта повторяется въ три слѣдующія недѣли адвента. На каждый седмичный день адвента положено три чтенія изъ пророка Исаи со стихами послѣ нихъ, взятыми изъ воскресной службы.

Въ канунъ (*vigilia*) праздника служба тоже не имѣетъ особыхъ гимновъ, а повторяетъ два вышеприведенные: „Слово вышнее“ и „Вотъ ясный голосъ“. Но эта служба отличается болѣе искуснымъ подборомъ библейскихъ стиховъ и чтеній. На утренѣ стихъ—инвитагорій: „Сегодня узнаете, такъ какъ придетъ Господь, и завтра увидите славу Его“. Чтеніе 1-е изъ ев. Матѳея о Рождествѣ Христовомъ (какое у насъ на утренѣ въ праздникъ) съ объясненіемъ этого евангелія изъ толкованій бл. Иеронима; 2 и 3 чтеніе—продолженіе этого объясненія. Послѣ перваго чтенія стихи: 1, „Освятитесь сегодня и будьте готовы, потому что завтра увидите славу Божию на васъ“; 2, повтореніе инвитагорія. Послѣ втораго чтенія стихи: 1, „Будьте постоянны и увидите помощь Божию на себѣ; Иудея и Иерусалимъ не бойтесь: завтра выйдете, и Господь будетъ съ вами“. 2. „Освятитесь сыны, Израилевы, и будьте готовы. Завтра выйдете“. Послѣ третьяго чтенія стихи: 1, „Освятитесь, Сыны Израилевы, говоритъ Господь; ибо въ завтрашній день сойдетъ Господь и отниметъ у васъ всякую слабость“. 2. „Въ завтрашній день уничтожится неправда земли, и воцарится надъ нами Спаситель міра“. Нѣкоторые изъ вышеприведенныхъ стиховъ повторяются и на другихъ службахъ навечерія: на службѣ „*ad Laudes*“ (соотвѣтствующей нашимъ хвалитнымъ псалмамъ утрени и 1-му часу), на 3, 6 и 9 часѣ. Къ этимъ стихамъ здѣсь прибавляются слѣдующіе новые: „Господь придетъ, встрѣчайте Его, говоря: велико начальство Его, и царству Его не будетъ конца; Богъ крѣпкій, властитель, начальникъ міра, аллилуія“.

„Завтра будетъ спасеніе вамъ, говоритъ Господь Богъ силъ“. На первой изъ названыхъ службъ кромѣ того положены слѣдующіе антифонъ и молитва. Антифонъ: „Взойдетъ, какъ солнце, Спаситель міра и сойдетъ во утробу Дѣвы, какъ дождь на сѣмя, аллилуіа“. Молитва: „Боже, Который радуешь насъ ежегоднымъ ожиданіемъ нашего искупленія, помоги намъ, чтобы Того Единороднаго Твоего, Котораго мы радостно принимаемъ въ качествѣ Искупителя, мы увидѣли безопасно и грядущимъ въ качествѣ Судіи, Господа Нашего Иисуса Христа Сына Твоего, Который живетъ и царствуетъ съ Тобою воединствѣ Духа“. На каждой изъ этихъ службъ положено маленькое чтеніе (*capitalium*) изъ начальныхъ стиховъ I гл. посланія къ Римлянамъ. 1).

Итакъ, 3 гимнами и 2 молитвами исчерпывается весь оригинальный богослужебный матеріалъ римско-католическаго Рождественскаго поста. Онъ восполняется еще только рядомъ подобранныхъ къ событію библейскихъ стиховъ и чтеній. Какая бѣдность въ сравненіи съ православными подготовительными къ Рождеству Христову службами съ ихъ обѣе, чѣмъ 500 пѣснями! Предоставляемъ читателю оцѣнить по качеству тѣ и другія, сравнивъ, напр., три единственныхъ предпраздничныхъ гимна римско-католической церкви съ тѣми нѣсколькими перлами предпразднственныхъ пѣсней, которыя приведены выше, или всю, заполняющую сутки, службу нашего сочельника съ только что описанной службой вигиліи.

М. Скабаллановичъ.

¹⁾ Все службы церковнаго года изложены у р.-католиковъ въ двухъ книгахъ „*Missale romanum*“, соотвѣтствующемъ нашему „служебнику“ и „*Breviarium romanum*“, замѣняющемъ наши остальные богослужебныя книги (съ ихъ около 20 томами *in folio*). Службы адвента изложены нами по Бревіарію (мы пользовались Регенсбургскимъ изданіемъ 1897 г.). Въ Миссалѣ помѣщены тѣ стихи, молитвы и чтенія изъ находящихся въ Бревіаріѣ, которыя произносятся священникомъ.

О психической силѣ въ проповѣди. Д. С. Кеннара.

(Окончаніе ¹⁾).

Третій безмолвный факторъ психическаго дѣйствія—*жестъ*. Посредствомъ разнообразныхъ и выразительныхъ движеній рукъ и другихъ членовъ мысль можетъ быть сильно выражена и безъ помощи голоса. И дѣйствительно, немного есть такихъ психическихъ и нравственныхъ чувствованій, которыхъ нельзя было бы выразить посредствомъ пантомимы. Изученіемъ мимическаго дѣйствованія проповѣдники, однако, почти совершенно пренебрегаютъ, какъ если бы пантомима не имѣла достоинства, или приличествовала бы только комедіи; между тѣмъ она, по самой природѣ, является первымъ и самымъ краснорѣчивымъ истолкователемъ мысли и чувства. Руки поднимаются для молитвы или просьбы, различнымъ образомъ протягиваются, чтобы увѣщавать, требовать, протестовать, отталкивать, благословлять, давать, принимать; складываются, чтобы просить, выворачиваются въ тоскѣ, соединяются въ дружбѣ.

Можно достигнуть значительнаго успѣха въ изученіи дѣйствія, дѣлая опыты, насколько можно выразить свою рѣчь при помощи одной только пантомимы. Съ сожалѣніемъ приходится констатировать, что многіе проповѣдники, вслѣдствіе дурнаго воспитанія, робости или привязанности къ рукописи, обладаютъ только принужденнымъ и неловкимъ дѣйствіемъ. Сколько людей со вкусомъ, но отвращенію къ „театральной“, „сенсационной“ или „неумѣренной“ проповѣди, бросаются въ противоположную крайность—въ глупую и однообразную сдержанность!

Нѣкоторые боятся смотрѣть слушателямъ прямо въ глаза; другіе, застывши за своимъ юпитромъ въ клерикальныхъ приличіяхъ, не осмѣливаются приблизиться къ своимъ

¹⁾ См. № 50 за 1907 г.

слушателямъ, какъ люди, изъ страха обнаружить недостатокъ достоинства. И въ то время, какъ нѣкоторые, желая быть „краснорѣчивыми“, вертятъ своими руками съ ужаснымъ видомъ, какъ поддѣльный стражъ хлѣбнаго поля (чучело); другіе, соединяя неподвижность съ благочестіемъ, держатъ себя, какъ Лазарь при выходѣ изъ гроба, неподвижно въ своихъ повязкахъ, и мы могли бы закричать: „развяжите его, и пусть проповѣдуетъ!“ Какъ мало такихъ, которые умѣютъ проходить съ увѣренностью дѣло проповѣдничества!

Но при всемъ томъ, краснорѣчіе тѣла, эффекты положенія его, жестикуляція, выраженіе лица и всѣхъ мускульныхъ движеній служатъ только скромными союзниками и служителями одной господствующей силы—*голоса*.

Голосъ является царемъ, а кафедра его престоломъ; на кафедрѣ именно онъ исполняетъ свои наивысшія функціи. Нельзя безъ удивленія подумать о томъ, что имъ именно (а не перомъ) Богъ преимущественно пользуется для того, чтобы привести людей къ повиновенію Себѣ. Хотя можно бы говорить о нѣмой силѣ печатнаго слова, но только слову воплощенному въ звукъ, выходящему со всей свѣжестью изъ человѣческой души, принадлежитъ и всегда будетъ принадлежать управленіе вниманіемъ народовъ, руководство сердцемъ и волей и опредѣленіе будущаго; ибо Богъ далъ человѣческому голосу такую магическую, чудную прелесть, что онъ достигаетъ самой глубины существа, вызываетъ одобреніе, электризуетъ волю и побуждаетъ ее къ дѣйствию съ такой силой, какой не обладаетъ писанное слово. „Истинный проповѣдникъ (говоритъ д-ръ Юсіфъ Паркеръ изъ Лондона) совершенно не имѣетъ опаснаго соперника, потому что человѣческій голосъ не можетъ быть замѣнекъ ничѣмъ равнымъ. Сердце не пренебрегаетъ никакимъ способомъ выраженія; но наиболѣе свойственнымъ ему является употребленіе человѣческаго голоса. Онъ обнимаетъ и можетъ замѣнить всѣ другіе, онъ и вдохновляетъ всѣхъ ихъ. Для нѣкоторыхъ, безъ сомнѣнія, всѣ голоса одинаковы; но для нихъ таковы

же и всѣ отбѣнки, всѣ свойства свѣта, всѣ пейзажи; духовность этихъ людей стоитъ на нулѣ, и въ ихъ крови мало жизни. Развѣ могущество голоса можетъ быть болѣе духовное, чѣмъ физическое? Если онъ можетъ производить интенсивное духовное впечатлѣніе, то бесспорно въ пѣнія и рѣчи, и весь міръ признаетъ, что звукъ голоса можетъ передать чувство, котораго символы никогда съ точностью не могутъ выразить“.

Изъ исторіи видно, что Богъ усваиваетъ голосу высшую честь и отвѣтственность, и въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе широту и разнообразіе его могущества! Нѣтъ такого музыкальнаго механизма—отъ пастушеской свирѣли до огромныхъ органовъ,—который бы обладалъ въ такой степени даромъ очаровывать, успокаивать, приводить въ содроганіе, рыдать, внушать священный страхъ, возбуждать гнѣвъ, порождать любовь. Онъ бываетъ то боевой трубой, то пѣвучей арфой; онъ можетъ гремѣть, какъ на Синаѣ, или падать, подобно росѣ на Ермонѣ. Нѣтъ въ душѣ чувства или страсти, которыхъ онъ не могъ бы возбудить или выразить. Нѣтъ столь грубаго слуха, въ который онъ не могъ бы проникнуть, и ни одна истина во всемъ Откровеніи не можетъ быть вполне истолкована безъ его помощи.

Почему же въ такомъ случаѣ проповѣдникъ не пользуется своимъ голосомъ, не злоупотребляя имъ? Почему онъ не видитъ, что, подобно Воплотившемуся Слову, онъ долженъ быть „полонъ благодати и истины“? Однако, по недостатку образованія и изученія, случается, что небесная музыка Евангелія истолковывается проповѣдникомъ почти такъ же, какъ истолковывается, напр., симфонія Бетховена деревенской шарманкой. Если инертныя струны скрипки подъ смычкомъ искуснаго Паганини могутъ возбуждать и очаровывать чувство, то чего не могъ бы извлечь прилежно упражнявшійся въ краснорѣчій проповѣдникъ изъ этихъ вибрирующихъ и живыхъ струнъ своей гортани, которыя рука

Божія создала такимъ образомъ, что его дѣновеніе производитъ голосъ!

При такихъ условіяхъ проповѣдническаго дѣйствованія, проповѣдникъ долженъ придать своимъ силамъ всю возможную ихъ дѣйственность, правильно упражняя ихъ и управляя ими.

1. Животная жизнь, элементъ первичный, должна быть культивируема и поставлена въ возможно лучшее состояніе. Проповѣдникъ, обладающій подобно Шальмеру, Гютри или Ф. Бруксу, сильной и представительной наружностью, имѣеть въ этомъ огромную естественную выгоду; но при виѣшности менѣе производящей впечатлѣніе, онъ можетъ вознаграждать недостатокъ статности и величественности здоровьемъ и энергіей. Во всѣхъ сферахъ дѣятельности люди правящіе иногда обнаруживаютъ огромную психическую силу изъ весьма незначительной по размѣру „смертной оболочки“; они такъ, какъ никто, трогаютъ аудиторію и выигрываютъ сраженія, не смотря на то, что не могли бы служить моделью для статуи Геркулеса или Зѣвса громовержца. Съ другой стороны, возможно посредствомъ навыка достигать физической силы, приобрѣтать крѣпкіе мускулы и спокойные нервы, освобождаться отъ слабости, обладать полнымъ здоровьемъ, представительнымъ тѣломъ, рѣшительными движеніями, неустрашимой и импонирующей увѣренностью въ дѣйствіяхъ. Извѣстно, что сильная, быстрая и полезная дѣятельность мысли, творческаго воображенія, чувства и воли много зависитъ отъ жизненности и физической крѣпости.

Возбудимость чувствъ, воображенія и другихъ силъ бываетъ въ сущности въ состояніи болѣзни и нервной раздражительности; но она бываетъ только судорожной и тягостной. Она не можетъ возбудить и привлечь слушателя, если только онъ нормально здоровъ. Должно сохранять полное и продолжительное физическое здоровье и всегда обладать силой; а безъ этого воля бываетъ измѣнчива, энергіи всякаго

рода слабы и неустойчивы, и дѣятельность ихъ своенравна; необходимо продолжительное и эластичное давленіе, чтобы подвинуть слушателя на дѣйствіе.

Итакъ, въ образованіи проповѣдника воспитаніе и по-печеніе о физическомъ орудіи психической силы навѣрно были бы столь же полезны, какъ и изученіе еврейскаго языка или герминевтики, и его обѣты посвященія должны бы побуждать его къ внѣшнему общенію съ природой столь-ко же, сколько и къ внутреннему общенію съ таинствами Божіими. Плохое пищевареніе, изломанное тѣлосложеніе и плаксивый голосъ должны бы отсутствовать у проповѣдника такъ же, какъ и слабость аргументаціи. Безусловно необходимо, чтобы онъ предсталъ предъ своей аудиторіей въ столь же совершенномъ физическомъ состояніи, какъ состояніе динамомашинны. Ему слѣдуетъ быть какъ бы гальванической батареей въ плоти и кости, снабженной не только духовной ревностью, но и земной жизненностью. Продолжительныя бдѣнія—психическая ересь ¹⁾; всходить на кафедру съ мозгомъ, слишкомъ обремененнымъ кровью, съ возбужденными нервами, съ угасшей жизненностью, съ видомъ „болѣзненнымъ и блѣднымъ“, быть, наконецъ, неспособнымъ придать своему слову мужественный импульсъ—все это не желатель-но для его призванія.

2. Нужно культивировать также свободу и цѣлость (in-tégrité) души. Бываютъ „проповѣдующіе въ узахъ“. Одни связаны сомнѣніемъ и не знаютъ даже, въ какомъ положеніи они находятся предъ Богомъ; другіе—рабы критики своихъ слушателей; иные еще смущаются вслѣдствіе болѣзненнаго недовѣрія къ самимъ себѣ, слишкомъ поспѣшнаго и недостаточнаго приготовленія и страха потерпѣть неудачу или вслѣдствіе недостатка сочувствія къ своему предмету; или еще смертельное чувство недостатка *реальности* ослабляетъ ихъ сердце: они не осмѣливаются сказать сами себѣ,

¹⁾ Какія бдѣнія разумѣетъ авторъ? Всенощныя *богослужебныя* бдѣнія христіане съ древнихъ временъ особенно любятъ. *Ред.*

что они—посланники Божіи. Всѣ эти недостатки ослабляютъ и безусловно необходимо восторжествовать надъ ними.

Душа проповѣдника должна совершенно освободиться отъ условностей. Подражаніе расслабляетъ; проповѣдникъ не долженъ подражать даже самому себѣ и еще гораздо менѣе своему семинарскому профессору или модному оратору, иначе онъ потеряетъ свою силу и свою легкость. Онъ долженъ упразднить схоластическія формы мысли и рѣчи, которыя онъ могъ пріобрѣсть въ школѣ, и долженъ быть независимъ въ умѣнн мыслить и говорить просто и почеловѣчески, какъ и весь міръ. Онъ долженъ развиваться изъ всеобщей мысли и чувствъ. Онъ долженъ уничтожить разстояніе между кафедрой и скамьями и „смиряться, чтобы побѣдить“. Онъ долженъ пріобрѣтати привычку овладѣвать положеніемъ, чувствовать себя на кафедрѣ, какъ дома, и точно знать, къ чему стремится онъ самъ и его слово. Его мужественная осанка, свободная и сердечная, сама по себѣ будетъ магнетической.

3. Существенное условіе живаго дѣйствования составляетъ горячее и убѣжденное преслѣдованіе серіозной цѣли. Кто не обнаруживаетъ горячности и серіозности, тотъ увидитъ неуспѣхъ своего дѣйствія; его свобода будетъ представляться беззаботностью, и энергія будетъ казаться поверхностной. Если баталію онъ превращаетъ въ простой парадъ; если онъ заботится о блескѣ драгоценныхъ камней на ефесѣ своей шапки и объ искусствѣ фехтованья больше, чѣмъ о томъ, чтобы разсѣкать щиты и освобождать людей отъ ихъ грѣховъ, то его дѣйствіямъ не будетъ доставать достоинства, и его слушатели недолго будутъ заблуждаться. Онъ получитъ то, чего ищетъ: какая-нибудь прихожанка скажетъ ему съ жеманствомъ, что его рѣчь была „очень красива“; онъ услышитъ шопотъ—„изящно“ или—„прекрасно“ и обратитъ лице свое къ звѣздамъ. Но — увѣ! — онъ будетъ только „играть въ проповѣдника“.

Серіозность, убѣжденность, рвеніе тѣла, ума и души должны комбинироваться въ психической силѣ. Бываетъ чи-

сто умственное воодушевленіе, горячность разсудочная, которыя могли заставить античнаго философа бѣгать по улицамъ съ крикомъ: „еврика!“ Нѣкоторые проповѣдники также страдаютъ пристрастіемъ къ дѣтищамъ своихъ мозговъ и поэтому воображаютъ себя „убѣжденными“. Я видѣлъ, какъ они угрожаютъ своими кулаками воображаемымъ противникамъ, дѣлаются совершенно красными и ради силы воплей рѣскаютъ апоплексіей, чтобы доказать положеніе, при чемъ легкомысленные слушатели спрашиваютъ себя въ душѣ: „ну, что же, допустимъ... А послѣ?“ Но бываетъ страстная серіозность души, подобная серіозности моряковъ въ спасательной лодкѣ,—серіозности отца, увѣщающаго своего заблудшаго сына, или серіозности Моисея при входѣ стана или Или на горѣ Кармилъ,—ревность живая и могучая. Витфильдъ въ своей проповѣди былъ приведенъ къ побѣдѣ потокомъ этого убѣжденія, этой торжествующей ревности; его душа жаждала установленія истины во всѣхъ сердцахъ; его горячее воображеніе воспламеняло воображеніе слушателей; его искусное дѣйствованіе, его умный голосъ были какъ бы огромнымъ органомъ, который трогалъ своимъ *человѣческимъ голосомъ*, умолялъ звуками скрипки, возбуждалъ звуками рожковъ и все разбивалъ своей полной игрой (*grand jeu*), такъ что женщины судорожно плакали, и люди вскрикивали отъ страха или удовольствія.

4. Послѣдній психическій дѣятель—ясная и мужественная воля. „Воля, говоритъ Ванъ-Гельманъ, есть самая первая сила и самое дорогое благо всѣхъ духовныхъ существъ; она проявляется въ нихъ тѣмъ болѣе активно, чѣмъ болѣе они освобождаются отъ матеріи“. Вообще можно сказать, что опредѣленная воля есть начало всякаго магическаго дѣйствія.

Воля изнѣженная и безсильная создаетъ на каедрѣ и проповѣдь малодѣйственную. Динамическая энергія побѣдоносной и воодушевляемой вѣрою воли есть необходимое средство для воздѣйствія на неопредѣленную и шаткую мысль слушателя. Она принадлежитъ самому существу психической

силы. Свободная и настойчивая воля—свободная потому, что дисциплинирована мудростью и руководится вѣрою,—энергичная потому, что движется разумной и благотворной цѣлью,—преимущественно предъ всѣмъ является таинственной и плодотворной силой истиннаго проповѣнника. Благодаря именно различію въ силѣ воли, въ англійскомъ парламентѣ лордъ Чатамъ (Питтъ), при всѣхъ своихъ недостаткахъ, имѣлъ успѣхъ, а Брукъ потерпѣлъ неудачу, не смотря на всѣ свои достоинства. Отъ воли именно зависитъ то, что и необразованный благовѣстникъ можетъ привести ко Христу людей, которые безъ достаточнаго дѣйствія въ теченіе долгаго времени слушали высокія рѣчи своего пастыря.

Пробужденіе энтузіазма создаетъ проповѣдь подобную арміи, идущей походомъ, а не стоящей лагеремъ; возбужденіе воли измѣняетъ этотъ походъ въ триумфъ. Безъ силы воли проповѣдь можетъ быть эстетическимъ угощеніемъ; чрезъ силу воли она дѣлается нравственной побѣдой.

В. И.

Изъ заграничной религіозной жизни.

Новыя теченія въ католичествѣ. Борьба съ модернизмомъ. Выступленія Пія X-го. Нужны ли теперь пасторы, и какова ихъ роль въ будущемъ?

Было время, когда католичество составляло могучую силу, подчинявшую себѣ всю жизнь, и нигде не встрѣчавшую и тѣни протеста. Повидимому, теперь сила католичества значительно уже ослаблена и съ каждымъ годомъ ослабляется все болѣе. Въ стройной и прочной организаціи католицизма въ разныхъ пунктахъ пробиваются бреши, и надъ будущимъ католицизмомъ сгущаются тучи. Хорошо извѣстно то пораженіе, которое воинствующій католицизмъ потерпѣлъ въ Франціи, гдѣ несмотря на всѣ протесты папы, епископовъ и благочестивыхъ католиковъ, совершилось отдѣленіе церкви отъ государства. То же явленіе ожидается, повидимому, и въ

другихъ странахъ. Но наиболѣе важно въ данномъ случаѣ то, что и внутри себя католицизмъ не представляетъ уже такого сплоченнаго единства, возглавляемаго папой, какое онъ представлялъ ранѣе

Мы разумѣемъ въ данномъ случаѣ тѣ внутреннія движенія въ католичествѣ, которыя начинались уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но которыя обострились къ настоящему времени и явились въ текущемъ году предметомъ особенныхъ заботъ папы Пія X-го.

Новыя теченія въ католичествѣ проявились прежде всего въ научной области и въ частности въ сферѣ отношеній къ Св. Писанію. Въ теченіе многихъ вѣковъ католическая церковь въ своихъ воззрѣніяхъ на Библию стояла на почвѣ строгой вѣрности традиціи, и католическіе ученые всегда стояли въ оппозиціи ко всѣмъ проявленіямъ свободомыслія въ области библейскаго экзегесиса. Въ началѣ XIX в. съ этого пути сошли нѣкоторые католическіе ученые, каковы Янгъ (+1816) и Ариглеръ (+1846). Ватиканскій соборъ выступилъ противъ подобныхъ указаній и назначилъ отлученіе отъ церкви тѣмъ богословамъ, которые въ своихъ воззрѣніяхъ на Библию отступаютъ отъ постановленій Тридентскаго собора. Однако этимъ не былъ положенъ конецъ либеральному движенію, и въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій оно дѣлало все большіе и большіе успѣхи. Не согласны съ традиціонными католическими воззрѣніями труды вносились въ индексы запрещенныхъ книгъ. Но это не препятствовало тому, что отвергаемая папой воззрѣнія широко распространялись и среди мірянъ, и среди клира, во Франціи, Англии и Италіи. Тогда въ 1893 г. папа Левъ XIII выступилъ съ знаменитой энцикликой *Providentissimus Deus*, въ свое время обратившей на себя общее вниманіе. Въ этой энцикликѣ Левъ не только высказалъ свои воззрѣнія на Библию, но и далъ рядъ руководящихъ указаній для изслѣдователей св. книгъ. Позже Левъ XIII писалъ нѣсколько посланій, въ которыхъ настойчиво предостерегалъ отъ увлеченія по-

вѣйшими раціоналистическими теченіями въ области бібліологій. Въ 1902-мъ году Левъ XIII учредилъ даже особую „библейскую комиссію“, которая должна направлять изслѣдованіе Св. Писанія католическими авторами. Всѣ эти мѣры, однако, не привели къ желаемымъ результатамъ, и въ настоящее время можно насчитывать уже десятки крупныхъ именъ среди католическихъ ученыхъ, рѣзко порвавшихъ съ традиціоннымъ экзегезисомъ и близко стоящихъ къ протестанскимъ богословамъ. Въ числѣ этихъ католическихъ ученыхъ наиболѣе авторитетны Луази, Утанъ, Гуммеляуеръ, Гольцгей, Лагранжъ и пѣкр. другіе, сочиненія которыхъ внесены въ индексы.

Съ особеннымъ вниманіемъ относится къ новѣйшимъ теченіямъ въ области изученія Библии и преемникъ Льва XIII, папа Пій X. Въ теченіе пяти лѣтъ своего управленія церковью онъ издалъ уже семь буллъ относительно изученія Библии и предложилъ цѣлый рядъ мѣръ къ тому, чтобы положить препятствія либеральнымъ теченіямъ.

Но либеральныя теченія въ католичествѣ замѣтны не въ одной только бібліологій: они сильно выступаютъ повсюду,—и въ отношеніи къ обрядамъ, и въ отношеніи къ церковному устройству. Въ отношеніи къ обрядамъ можно отмѣтить сильное стремленіе къ сокращенію ихъ, упраздненію всего того что питаетъ только суевѣрія и препятствуетъ истинному благочестію. Въ отношеніи къ церковному устройству не менѣе сильно выступаетъ стремленіе ограничить чрезмѣрныя права іерархій и обезпечить большее участіе мірянъ въ управленіи церковью. Проводникомъ подобныхъ стремленій служатъ въ настоящее время и романы, въ родѣ извѣстнаго и у насъ романа Фогаццаро „Святой“, и ученые сочиненія, и журнальныя статьи. На средства либеральныхъ католиковъ во Франціи и въ Италіи издаются въ настоящее время спеціальныя журналы, которые посвящены успѣхамъ прогрессивнаго католичества и служатъ органами преобразовательныхъ идей. Вліяніе всей этой литературы на умы, особенно на духовенство, чрезвычайно велико. Во Франціи около трети

всего духовенства увлечено прогрессивными идеями, или идеями „модернизма“, и вообще все мыслящее духовенство во Франціи переживаетъ теперь, по выраженію аббата Утапа, „кризисъ вѣры“. Видимыми послѣдствіями этого служатъ участившіеся случаи отреченія отъ духовнаго сана, переходовъ въ протестанство и даже самоубійство подъ вліяніемъ тяжести утраты вѣры.

Неудивительно, поэтому что и папа Пій X, оставивъ пока вопросы соціальныя и политическія, все вниманіе сосредоточилъ на указанныхъ движеніяхъ въ области богословской мысли.

Строгій консерваторъ, врагъ всякихъ новшествъ, не особенно жалующій вообще науку, Пій X озабоченъ борьбою съ новыми идеями, проникшими въ католическую церковь. Въ рѣчи своей, произнесенной 18-го апр. въ отвѣтъ на благодарственную рѣчь отъ лица новыхъ кардиналовъ, папа выразилъ ту мысль, что новыя идеи представляютъ собою бѣльшее зло и бѣльшую опасность, чѣмъ гоненія на христіанство со стороны римскихъ цезарей. „Вы знаете“, говорилъ папа: „что церковь не боялась, когда эдикты цезарей требовали отъ первыхъ христіанъ или отказаться отъ служенія Христу, или умереть, ибо кровь мучениковъ была сѣменемъ новыхъ вѣрующихъ. Но мучительная борьба происходитъ отъ заблужденія умовъ, извращающаго христіанское ученіе и вносящаго смуту въ міръ. Возмутители это тѣ люди, которые подъ хитро скрытыми формами распространяютъ чудовищныя заблужденія о развитіи догматовъ, о возвращеніи къ чистому евангелію (т. е. къ евангелію, какъ они говорятъ, очищенному отъ поясненій богословія, отъ рѣшеній церковныхъ). объ освобожденіи отъ церкви“... По мнѣнію Пія X-го, цѣль прогрессивныхъ католиковъ—уничтожить христіанство, и потому обязанность всѣхъ вѣрующихъ бороться съ новыми теченіями. „Мы много рассчитываемъ“, говорилъ папа въ указанной рѣчи кардиналамъ, „на ваше содѣйствіе, чтобы вы, какъ только вмѣстѣ съ подчиненными вамъ епископами

познакомитесь съ этими сѣятелями клеветъ, объединились съ нами для борьбы съ ними, увѣдомили бы насъ объ опасности, грозящей душамъ, указали бы на ихъ сочиненія святымъ римскимъ конгрегаціямъ и, воспользовавшись дарованными вамъ канонами правами, осудили бы ихъ, выполняя свою святѣйшую обязанность помогать „нашѣ въ управленіи церковью, искоренять заблужденіе, защищать истину до пролитія крови“. 3 іюля 1907 г. Пій X издалъ новый „Силлабусъ“, и главною цѣлью его опять является борьба съ либеральными ученіями. Силлабусъ состоитъ изъ 65 опредѣленій. Изъ нихъ 8 касаются установленія отношеній католиковъ къ духовной власти по научнымъ вопросамъ; 11 говорятъ о воззрѣніяхъ католическихъ ученыхъ на богодуховенность Св. Писанія; остальные, за исключеніемъ нѣсколькихъ, представляютъ опроверженіе воззрѣній аббата Лаузи, главнѣйшаго выразителя современнаго модернизма.

Векорѣ послѣ изданія Силлибуса была опубликована новая энциклика папы по поводу новыхъ ученій (*De modernistarum doctrinis*). Энциклика обращается къ высшему католическому духовенству. Модернизмъ въ ней признается величайшею опасностью для церкви, тѣмъ болѣе страшной, что она гнѣздится въ самомъ организмѣ церкви и идетъ отъ враговъ, скрывающихся въ рядахъ духовенства. Источникъ Модернизма папа усматриваетъ въ безграничномъ любопытствѣ, въ гордости, въ неуваженіи къ католической наукѣ и дисциплинѣ, а неизбѣжнымъ послѣдствіемъ его въ будущемъ считаетъ широкое распространеніе атеизма. вмѣстѣ съ общими взглядами на модернизмъ Пій X устанавливаетъ въ энцикликѣ и рядъ мѣръ для борьбы съ новымъ теченіемъ въ католичествѣ. Къ такимъ мѣрамъ принадлежатъ: 1, устраненіе модернистовъ отъ преподаванія въ семинаріяхъ и католическихъ университетахъ; 2, учрежденіе въ каждой епархіи цензурной коллегіи для разсмотрѣнія католическихъ изданій; 3) учрежденіе наблюдательныхъ совѣтовъ для борьбы съ современными заблужденіями и 4) строгое наблюденіе за

преподаваніемъ богословскихъ наукъ въ семинаріяхъ и университетахъ. Въ истекшемъ ноябрѣ Пій X издалъ по поводу модернизма, новое посланіе въ которомъ подтверждаются прежнія постановленія о модернистахъ, и духовныя власти еще разъ приглашаются зорко слѣдить за направлениемъ священниковъ и клириковъ. По призыву папы усердно борются съ модернизмомъ въ своихъ епархіяхъ и нѣкоторые епископы, издавая посланія, отлучая отъ церкви привержденцевъ новаго направленія и т. п. Замѣтныхъ результатовъ энергичной борьбы высшей католической іерархіи, однако, пока не видно. Въ отвѣтъ на папскія энциклики модернисты издали свою программу и помѣстили въ журналахъ и газетахъ рядъ протестовъ противъ строгаго и огульнаго осужденія ихъ направленія. Модернисты заявляютъ, что ихъ цѣлью служить не разрушеніе религіи, а оживленіе вѣры въ Бога и устраненіе враждебныхъ отношеній религіи къ наукѣ, примиреніе требованій времени съ церковнымъ строемъ. Самый способъ осужденія своихъ возрѣній со стороны папы модернисты находятъ не отеческимъ и слишкомъ обиднымъ. Нѣкоторыя газеты также не одобрительно относятся къ энергичнымъ папскимъ посланіямъ противъ модернистовъ. Такъ Petit Parisien находитъ, что Пій X избралъ для борьбы слишкомъ неудобный моментъ, и сомнѣваются, чтобы пробужденіе средневѣковыхъ схоластическихъ идей принесло пользу католической церкви въ настоящее время. Другія газеты самый фактъ, что папа слишкомъ энергично выступаетъ противъ модернизма, что онъ издаетъ посланіе за посланіемъ, разсматриваютъ, какъ призналъ сомнѣній папы въ успѣхахъ борьбы и въ дѣйствительности изданныхъ постановленій. По мнѣнію многихъ, едва ли вообще можно рассчитывать на широкое сочувствіе духовенства предпринятымъ папою мѣрамъ противъ модернизма. Время покажетъ, чѣмъ разрѣшатся новыя теченія въ католической церкви. Безъ сомнѣнія, модернизмъ содержитъ въ себѣ отчасти уступку духу времени; съ другой стороны, въ теоріяхъ модернистовъ есть много справед-

ливаго и законнаго. Все, что въ модернизмѣ истинно и справедливо, то, конечно, не можетъ быть заглушено никакими грозными буллами, и рано или поздно все равно восторжествуетъ. Поэтому, тотъ путь всецѣлаго отрицанія новыхъ теченій, на который сталъ Пій X-й, едва ли путь правильный, могущій привести къ желаемой цѣли. Но во всякомъ случаѣ, нельзя не отдать должную дань уваженія тому, что глава католической церкви съ такой энергіей выступаетъ въ роли руководителя католическихъ народовъ и съ такой прямотой и рѣшительностью выражаетъ свои воззрѣнія по вопросамъ, вызывающимъ горячіе споры и мучительныя недоумѣнія.

Недавно вышла въ Берлинѣ интересная книга подъ заглавіемъ: „Нуженъ ли намъ еще пасторъ?“ (*Kappstein, Bedürfen wir des Pfarrers noch 1906*). Происхождение этой книги таково. Каппштейнъ, редакторъ серіи книгъ „Современное христіанство“, приготавливая къ изданію сочиненіе о положеніи и значеніи въ теперешней жизни общества пастора, обратился по принятому нынѣ обычаю, къ ученымъ, литераторамъ, артистамъ и разнаго рода общественнымъ дѣятелямъ съ письмами, въ которыхъ просилъ ихъ высказаться по намѣченному вопросу. Сущность вопроса сводилась къ слѣдующему. Въ прежнее время священникъ являлся для города и для цѣлаго округа носителемъ образованія, и на проповѣднической кафедрѣ у алтаря, въ лицѣ пастора сосредоточивалась какъ бы вся культура. Такія времена теперь прошли безвозвратно. На ряду съ церковью, бывшей нѣкогда единственнымъ разсадникомъ просвѣщенія, стала низшая и высшая школа; кромѣ устнаго проповѣдническаго слова, служившаго когда-то единственнымъ источникомъ знанія для жителей деревни и даже города, теперь существуетъ доступная всѣмъ обширная газетная и книжная литература. Спрашивается: оставляетъ ли современная культура, дающая помимо церкви богатые средства для выра-

ботки міровоззрѣнія, мѣсто для какого-либо особеннаго призванія священника, и въ чемъ должно состоять это призваніе? (Разумѣется, такая постановка вопроса возможна только для протестантовъ при ихъ взглядахъ на таинство священства).

Письма Каппштейна во многихъ случаяхъ, какъ видно изъ его книги, остались безъ отвѣта. Основательнѣе другихъ ихъ замолчали актеры, художники и скульпторы. Не безъ права Каппштейнъ видитъ въ этомъ доказательство того, что для названныхъ группъ общества священникъ потерялъ уже всякое значеніе, и вопросъ о будущемъ института пасторовъ для нихъ является пустымъ вопросомъ. Въ иныхъ случаяхъ письма Каппштейна вызвали даже только грубыя насмѣшки по его адресу. Но тѣмъ не менѣе предприимчивому редактору удалось получить и множество интересныхъ отвѣтовъ. Собравъ эти отвѣты, восполненные выдержками изъ нѣкоторыхъ новыхъ сочиненій, затрогивающихъ вопросъ о будущей роли священника, Каппштейнъ и издалъ книгу, заглавіе которой выписано выше. Въ своей совокупности приведенныя въ книгѣ мнѣнія даютъ ясное представленіе о томъ, чего желаетъ современное культурное общество Запада отъ пастора. Такъ какъ роль пастора въ жизни во многомъ совпадаетъ съ значеніемъ православнаго священника, то указанныя желанія представляютъ, думаемъ, интересъ и для насъ.

Большинство напечатанныхъ Каппштейновъ отвѣтовъ сходятся въ признаніи важнаго значенія пастора въ современной жизни, хотя авторы отвѣтовъ вмѣстѣ съ тѣмъ выражаютъ желаніе нѣкотораго измѣненія миссіи пастора и способовъ ея осуществленія. Такъ писательница Шарлотта Нисе пишетъ Каппштейну: „на Вашъ вопросъ, имѣетъ ли пасторъ въ современномъ культурномъ мірѣ еще самостоятельное значеніе, я отвѣчаю утвердительно. Если священникъ есть дѣйствительно священникъ, то онъ и теперь еще является культуртрегеромъ, какъ въ древнія времена. Не только въ провинціи, гдѣ о несуществованіи пастора нельзя и подумать, но и въ большомъ городѣ не можетъ быть излишней его

культурная работа. Современный міръ удивился бы, если бы не стало больше священников“. Съ такою же увѣренностью говоритъ о значеніи пастора писатель Зобелитцъ. „О значеніи пастора въ современномъ культурномъ мірѣ можно написать цѣлую книгу. Въ провинціи пасторъ прежде всего можетъ быть культуртрегеромъ. Изъ трехъ факторовъ просвѣщенія деревни—земледѣлецъ, учитель и священникъ—последній самый важный. Такъ какъ для крестьянина религія прежде всего есть нравственность, то пасторъ есть главнымъ образомъ стражъ нравственности. Далѣе, значеніе пастора важно потому, что онъ представляетъ болѣе знакомый крестьянину консервативный элементъ, тогда какъ учитель—въ общемъ элементъ либеральный. Наконецъ, наиболѣе важно значеніе священника потому, что въ социальномъ отношеніи онъ несравненно ближе стоитъ къ крестьянину, чѣмъ помѣщикъ. Слѣдовательно, священникъ самымъ непосредственнымъ образомъ можетъ вліять на крестьянина. Его значенія для деревни нельзя унизать. Но, разумѣется, онъ долженъ соотвѣтствовать своему значенію. Онъ долженъ попытаться проникнуть въ душу крестьянина, въ особенноть его характера, къ его часто грубое сердце, въ его настроеніе, его нравы и обычаи. Извѣстнымъ образомъ онъ долженъ быть крестьяниномъ среди крестьянъ; самъ хозяйничать вмѣсто того, чтобы сдавать свое поле; долженъ быть жителямъ деревни другомъ, совѣтникомъ, врачомъ и духовникомъ; долженъ обладать юморомъ, къ которому всегда воспріимчивъ крестьянинъ, и не быть фанатикомъ. Какъ проповѣдникъ слова, онъ долженъ быть человекомъ, другомъ дѣтей, утѣшителемъ въ несчастіи, болѣе кроткимъ и прощающимъ, чѣмъ строгимъ судіею, предающимъ забвенію то, что онъ судилъ. Онъ долженъ быть также просвѣтителемъ—не въ современномъ богословскомъ смыслѣ, а просвѣтителемъ сердца. Но прежде всего онъ долженъ знать крестьянъ. Слава Богу, такихъ деревенскихъ священниковъ еще много, и ихъ приходы процвѣтають. Но есть и другіе, болѣе темные фана-

тичные и равнодушные люди, для которых их приходъ только переходный пунктъ, не говоря уже о такихъ священникахъ, которыхъ Господь только во гнѣвѣ могъ поставить на ихъ мѣсто: тамъ, конечно, идетъ быстрое разложеніе, и деревня уже приготовлена для социаль-демократіи“. Иѣкоторые изъ корреспондентовъ Каппштейна, не признаютъ значенія пастора для интеллигенціи и для большихъ городовъ. „Если я“, пишетъ Каппштейну Штюмке, „имѣю право судить по Берлину, то я долженъ признать, что для меня вліяніе духовнаго элемента въ настоящее время представляется совершенно незначительнымъ, почти равнымъ нулю. Огромное протяженіе города, частая перемѣна квартиръ, пепомѣрно большое число соединяющихся для приготовленія къ конфирмаціи дѣтей, часто слишкомъ основательное сомнѣніе со стороны священника въ томъ, желательно ли его непростенное посѣщеніе,—все это имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что существующая еще въ деревнѣ и въ маленькомъ городѣ связь между пасторомъ и общиной, въ большомъ городѣ уже не существуетъ совсѣмъ, или все больше и больше теряется. Я не думаю, чтобы такое отношеніе, имѣющее почву для себя въ естественныхъ условіяхъ жизни, могло быть измѣнено какими-либо мѣрами. Въ лучшемъ случаѣ можно достигнуть только замедленія процесса разложенія такимъ путемъ, чтобы духовенство воздерживалось отъ всякаго безтактнаго вмѣшательства, отъ всякой фанатической нетерпимости и, исполняя свои пастырскія обязанности, пріобрѣтало уваженіе къ себѣ пламенной и содержательной рѣчью, психологической пронипательностью въ сужденіи о лицахъ и положеніяхъ, гуманностью. Въ концѣ концовъ священнической вопросъ есть вопросъ личности. Выдающаяся духовно личность можетъ пріобрѣсти сферу вліянія и внѣ области ея ближайшей компетенціи“. Но значеніе пастора для деревни признается и тѣми корреспондентами Каппштейна, которые для себя самихъ считаютъ уже пасторовъ не нужными. При этомъ во многихъ отвѣтахъ, полученныхъ Каппштейномъ, подчеркивается мысль

о необходимости для священника участія въ современной соціальной работѣ. По мнѣнію, напр., Кретцера, потому и тяжело положеніе пастора въ настоящее время, что церковь на полстолѣтіе позже, чѣмъ нужно было, стала думать о соціальной реформѣ. И вообще, для сохраненія своего авторитетнаго положенія въ обществѣ, по мнѣнію корреспондентовъ Каппштейна, пасторъ не долженъ идти противъ теченія современной жизни, иначе его позиція будетъ потеряна имъ, и объ исчезновеніи его никто не пожалѣетъ. Однако это приспособленіе къ теченіямъ современной жизни иногда понимается очень оригинально. Вотъ что, напр., отвѣчаетъ на поставленный Каппштейномъ вопросъ проф. Ф. Феттеръ: „Такимъ, каковъ онъ теперь,—наполовину человѣкомъ потусторонняго міра, наполовину человѣкомъ здѣшняго міра,—пасторъ не можетъ болѣе оставаться безъ лжи, безъ вреда для себя и для другихъ, Какъ человѣкъ потусторонняго, онъ можетъ еще нѣкоторое время печально прожить между подобными ему, между принадлежащими къ религіозной общинѣ и такъ назыв. свободнымъ церквамъ. Но если онъ желаетъ дѣйствовать въ современномъ мірѣ, для котораго нѣтъ потусторонняго, между здѣшними людьми и какъ здѣшній человѣкъ, то онъ долженъ оставить все то, что связано съ потустороннимъ, и удержать только изъ своего призванія существенное и постоянное. Онъ долженъ совершенно отказаться и признать невозможнымъ обосновать свое благочестіе и свою нравственную дѣятельность на зависимости отъ божественной сущности. Онъ долженъ отвергнуть, какъ ложное и вредное, обязательство людей предъ такими дѣтскими и неисполнимыми заповѣдями, какъ заповѣдь о всеобщей любви къ людямъ, такъ какъ она является величайшимъ препятствіемъ къ осуществленію еще болѣе высокой заповѣди о всеобщемъ равномъ правѣ людей. Наконецъ онъ долженъ отбросить всякое желаніе личнаго блаженства здѣсь или въ потустороннемъ мірѣ, высокаго довольства, которое имѣетъ своей предпосылкой проклятіе другихъ людей. Такимъ образомъ, будущій

пасторъ долженъ быть агностикомъ (отрицателемъ всякаго знанія о надмірныхъ вещахъ), социалистомъ (борцомъ за всеобщее человѣческое право) и демократомъ (ревнителемъ блага народнаго). Но, разумѣется, будущій пасторъ долженъ быть атеистомъ, социалистомъ и демократомъ *идеальнымъ*. Ему, какъ и доселѣ, будетъ принадлежать прекрасное призваніе указывать всѣмъ другимъ призваніямъ ихъ высшія цѣли, всему человѣчеству его идеалы,—но не идеалы потусторонняго, личнаго и ограниченнаго, а идеалы человѣчества, сознающаго свои права, радостнаго, солидарнаго въ счастіи и нечестіи. Это свое призваніе будущій священникъ станетъ осуществлять не столько чрезъ наученіе, что есть дѣло школы, сколько чрезъ учрежденія для возвышенія и назиданія взрослыхъ“. Къ изложенному мнѣнію бернскаго профессора можно только добавить: можетъ быть, и будутъ когда-нибудь соответствующіе его идеалу „священники“, только, очевидно, ни въ какомъ родствѣ съ современнымъ институтомъ священничества они состоятъ не будутъ, и не о значеніи ихъ спрашивалъ своихъ корреспондентовъ предприимчивый редакторъ.

Вл. Рыбинскій.

Редакторъ Ректоръ Кіевской Духовной Семинаріи Архим. Амвросій.

Печатать дозволяется. Кіевъ. 22-го декабря 1907 г.

Цензоръ священникъ *Николай Гроссу.*

Кіевъ Тип. Акціонернаго Общества Н. Т. Корчакъ-Новицкаго.